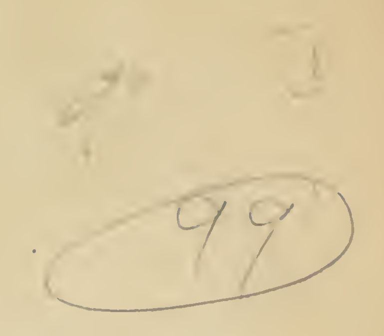

3 1761 05506475 2

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

Т. III.

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

и

ЕГО ВРЕМЯ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРОВЪ
АЛЕКСАНДРА I, НИКОЛАЯ I и АЛЕКСАНДРА II.

А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго.

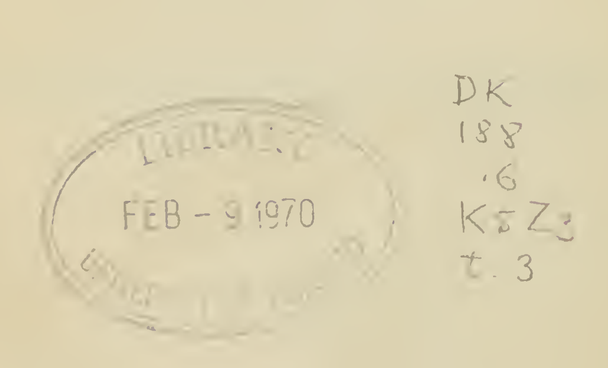
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Часть I. Дипломатическая служба графа П. Д. Киселева въ Парижѣ. —
Часть II. Послѣдніе годы жизни графа П. Д. Киселева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1882

(645)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ГРАФА П. Д. КИСЕЛЕВА ВЪ ПАРИЖѢ.

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

ГЛАВА XLV.

1856 — 1857 гг.

Политическое положеніе Россіи послѣ Крымской войны и возобновленіе дипломатическихъ сношеній ея съ Франціею.—Конференціи у Государя для обсужденія предложеній Австріи о мирѣ.—Назначеніе графа Киселева посломъ въ Парижъ.—Какое впечатлѣніе произвело это назначеніе.—Отъѣздъ графа Киселева въ Парижъ и прибытіе туда.—Устраненіе посла отъ участія въ конференціи по разграниченію Дунайскихъ княжествъ отъ Россіи.—Поѣздка гр. Киселева въ Ниццу.—Возвращеніе въ Парижъ и пріемъ Великаго Князя Константина Николаевича.—Признаки дипломатическихъ недоразумѣній.—Вопросъ о Молдаво-Валахскихъ княжествахъ и ихъ внутренней организаціи.—Вопросъ о княжествѣ Невшатель и графствѣ Валенжень.—Вопросъ о дѣлахъ Неаполитанскаго королевства.—Дѣла Греческаго королевства.—Личныя отношенія гр. Киселева къ Императору Наполеону.—Поѣздка въ Киссингенъ.—Записка гр. Киселева о внутреннемъ состояніи Франціи и значеніи Наполеона для нея и Европы.—Представленіе гр. Киселева Государю.— Разговоръ съ Государемъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ.—О крестьянскомъ вопросѣ.—Разговоръ съ Императрицей.—Переговоры о свиданіи Императора Александра II съ Наполеономъ III.—Отъѣздъ гр. Киселева изъ Киссингена въ Остенде.—Личныя наблюденія гр. Киселева на пути.—Занятія гр. Киселева по прибытіи въ Остенде.—Поѣздка гр. Киселева въ Штутгартъ и свиданіе Императоровъ.—Значеніе штутгартскаго свиданія Императоровъ.—Поѣздка гр. Киселева въ Дармштадтъ.—Возвращеніе въ Парижъ.—Занятія дѣлами по устройству Молдаво-Валахскихъ княжествъ.—Сочувственное отношеніе гр. Киселева къ внутреннимъ дѣламъ Россіи.

Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею, прерванныя Крымскою войною, возстановились послѣ заключенія Парижскаго мира. Императоръ Александръ II возвѣстилъ Напо-

Политическое положеніе Россіи послѣ Крымской войны и возобновленіе дипломатическихъ сношеній ея съ Франціею.

леону о восшествіи Своемъ на престолъ чрезъ посланнаго въ Парижъ, въ январѣ 1856 г., генер.-адъют. графа А. Ѳ. Орлова. Вслѣдъ затѣмъ, 25-го февраля, открылись засѣданія Парижскаго конгресса, для представительства на которомъ, кромѣ гр. Орлова, былъ акредитованъ чрезвычайный посланникъ нашъ при Германскомъ Союзѣ баронъ Бруновъ. Послѣднее назначеніе было, очевидно, временное, впредь до присылки посла, такъ какъ, по исключительнымъ обстоятельствамъ той эпохи, дипломатическій постъ въ Парижѣ пріобрѣталъ особенную важность: едва окончившаяся Крымская война, потрясла весь политическій строй Европы и породила между кабинетами всѣхъ державъ глубокія недоразумѣнія и вообще недовѣріе. Требовалось создать такое политическое равновѣсіе государствъ, въ союзѣ которыхъ Россія, на ряду съ Франціею первенствующею въ то время континентальною державою, получила бы подобающее ей мѣсто; нужно было примирить и покрыть забвеніемъ воспоминанія о недавней борьбѣ, которая, впрочемъ, не восходила до народной вражды между двумя воевавшими странами,—Россіею и Франціею.

Исполнить такую трудную и деликатную миссію было не легко и, казалось, никто, кромѣ графа Киселева, который по своему политическому прошлому и личнымъ качествамъ, не могъ лучше и съ бо́льшею вѣроятностью на успѣхъ выполнить предстоящее дѣло. Испытанный въ дѣлахъ военныхъ и административныхъ, принимавшій близкое участіе въ дѣлѣ восточной политики въ 1828—1834 годахъ, пріобрѣвшій довѣріе трехъ Государей которымъ служилъ, доказавшій много разъ, въ теченіе долголѣтней своей службы, благородство характера, честный образъ мыслей и просвѣщенный умъ, усвоившій прогрессивные интересы эпохи, графъ Киселевъ могъ, конечно, быть лучшимъ представителемъ здравой политики, правдивой и умѣренной въ своихъ требованіяхъ, политики преобразованій возвѣщенныхъ новымъ царствованіемъ, какъ во внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлахъ.

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя въ то время, переживала Россія, графъ Киселевъ былъ неоднократно

призываемъ на совѣщанія по дѣламъ внѣшней политики и можно думать, что мысль о назначеніи его посломъ въ Парижъ окончательно утвердилась вслѣдъ за однимъ изъ подобныхъ совѣщаній, происходившимъ въ концѣ 1855 года.

Конференція у Государя для обсужденія предложеній Австріи о мирѣ.

Засѣданіе это записано въ дневникѣ графа Павла Дмитріевича въ слѣдующихъ словахъ:

„20-го декабря (1855 г.), въ 8 часовъ вечера, была собрана конференція для обсужденія предложеній Австріи о предварительныхъ статьяхъ мира. Конференцію, подъ предсѣдательствомъ Государя, составляли: В. К. Константинъ Николаевичъ, кн. Воронцовъ, гр. Орловъ, гр. Киселевъ, гр. Блудовъ, кн. Долгоруковъ и гр. Нессельродъ.

„Всѣ, за исключеніемъ гр. Блудова, высказались за миръ, не предрѣшая ничего относительно предложенныхъ Австріею условій. Кн. Воронцовъ прибавилъ: „если союзники не согласятся на послѣднее, то надо будетъ согласиться на нихъ, прежде открытія кампаніи 1856 г., которая усилитъ наши затрудненія и требованія непріятеля“.

„Графъ Блудовъ сказалъ, что когда на человѣка нападаютъ въ лѣсу разбойники съ приставленнымъ ножомъ къ горлу, то ему необходимо сдаться; что ежели положеніе Россіи таково, то необходимо заключить миръ; но что онъ сомнѣвается, чтобы Россія была дѣйствительно въ подобныхъ обстоятельствахъ, а потому необходимо продолжать войну. Ему возражали, что сомнѣніе, на которомъ онъ строитъ свое умозаключеніе, составляетъ сущность предмета, предложеннаго рѣшенію конференціи; что военный министръ доказалъ съ очевидностію затрудненіе и опасеніе на счетъ исхода войны; что министръ финансовъ подтвердилъ тоже самое въ финансовомъ комитетѣ, и что необходимо взвѣсить, представляется-ли надежда на успѣхъ и, затѣмъ, со всею искренностію высказаться, не прибѣгая къ сравненіямъ, которыя, подъ личиною воинственности, ничего не объясняютъ и оставляютъ вопросы, предложенные Государемъ, не разрѣшенными“.

„Государь, послѣ того обратился съ вопросомъ ко мнѣ: „безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ кѣмъ-либо

изъ членовъ конференціи, я высказалъ, что положеніе наше чрезвычайно трудное; что въ исторіи не было доселѣ примѣра союза двухъ великихъ морскихъ державъ, которыя уничтожили дѣйствіе нашего флота; что четыре союзныя державы съ 108 милл. населеніемъ и 3 миллiардами дохода, стоятъ противъ России, у которой 65 милл. населенія, разсѣяннаго на 3-й части земнаго шара, и только около 1 миллiарда дохода; что въ такомъ положеніи, безъ помощи извнѣ, безъ всякаго вѣроятія на союзъ съ кѣмъ-либо, нуждаясь въ средствахъ для продолженія войны, и въ виду того, что и нейтральныя государства склоняются на сторону нашихъ враговъ, было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумно рисковать новою кампаніею, которая усилитъ требованія нашихъ непріятелей и сдѣлаетъ миръ болѣе труднымъ; что еслибъ мы имѣли и успѣхъ, то успѣхъ отрицательный, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, нейтральныя державы сдѣлаются воюющими и составятъ вокругъ насъ желѣзный поясъ; что главная масса нашего народа глубоко проникнута своимъ долгомъ; но есть также и оттѣнки, которые могутъ поколебаться; что не должно себя ставить въ безвыходное положеніе и подчиняться условіямъ, которыхъ мы можемъ избѣжать теперь; что недостатокъ оружія и запасовъ усиливается; затрудненія въ этомъ отношеніи ростутъ ежедневно, какъ это можетъ засвидѣтельствовать военный министръ; что, наконецъ, всѣ эти причины взятыя вмѣстѣ, заставляютъ меня думать, что не отвергая предложеній, прочитанныхъ Е. И. В., надо дѣйствовать съ осторожностью, исправить съ нашей точки зрѣнія условія, которыя не могутъ быть приняты, исходя изъ начала, уже допущеннаго — ненарушенія территоріи и болѣе справедливаго установленіи нейтрализаціи Чернаго моря и послѣдствій изъ того вытекающихъ, какъ для прибрежныхъ, такъ и для другихъ державъ. Я прибавилъ, что если союзники искренно желаютъ мира, они примутъ наши исправленія; если нѣтъ—то да будетъ воля Божія.

„Графъ Орловъ говорилъ въ томъ же смыслѣ. Кн. Воронцовъ пошелъ далѣе, сказавши, что если наши предложенія будутъ отвергнуты союзниками, то надо будетъ принять

и подписать ихъ условія и не рисковать новою кампаніею. В. К. Константинъ Николаевичъ заявилъ, что если кампанія 1856 г. и могла бы быть начата, то́ что останется дѣлать въ 1857 г., когда затрудненія только увеличатся? Кн. Долгоруковъ объяснивъ затрудненія, высказался за миръ, если его можно заключить прилично. Гр. Блудовъ не высказывался ни за миръ, ни за войну.

„Графъ Нессельродъ прочиталъ проектъ депеши къ кн. Горчакову [1]); Государь сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія: затѣмъ, конференція кончилась въ 10 ч. вечера“.

Въ ночь на 1-е января 1856 г. получена телеграфическая депеша изъ Вѣны о несогласіи Австріи на нашъ контръ-проектъ. „Alea jacta“ записано въ томъ же дневникѣ.

Во вторникъ, 3-го января, была созвана вновь, въ 8 часовъ вечера, въ кабинетѣ Государя конференція, которую составляли: В. К. Константинъ Николаевичъ, графы: Нессельродъ, Орловъ, Киселевъ, Блудовъ, бар. Мейендорфъ и князь Долгоруковъ. Рѣшено было не отвергать переговоровъ о мирѣ. Въ этомъ смыслѣ высказался гр. Павелъ Дмитріевичъ и другіе члены.

Далѣе, собственно по поводу нашихъ внѣшнихъ дѣлъ, въ памятной книжкѣ 1856 г. встрѣчаются лишь слѣдующія, краткія отмѣтки:

„30-го января. Прощаніе съ Орловымъ.

„27-го февраля, въ 1 часъ пополудни, конференція у Государя о депешѣ Орлова.

„29-го февраля. Комитетъ у Нессельрода по дѣламъ католическимъ.

„8-го марта. Тоже.

„14-го марта. Тоже.

„18-го марта. Миръ подписанъ“.

Назначеніе графа Киселева посломъ въ Парижъ.

1-го іюля, въ Петергофѣ, послѣ обѣдни, гр. Киселевъ былъ приглашенъ въ кабинетъ Государя и встрѣченъ слѣдующими словами: „Вамъ говорили гр. Орловъ и кн. Горча-

[1]) Тогдашнему посланнику въ Вѣнѣ.

ковъ [1]),—я здѣсь прошу не о согласіи, а о пожертвованіи съ вашей стороны"... Рѣчь шла о парижскомъ посольствѣ.

„Я отвѣчалъ", записано въ дневникѣ, „что мнѣ наступаетъ 70-й годъ, что для вступленія на новое поприще службы я хворъ и неудобенъ для свѣтской жизни; что семейное мое положеніе къ женѣ несогласно съ званіемъ посла; что характеръ мой уклончивъ (sic) для сношеній дипломатическихъ; что, высказавъ о затрудненіяхъ и отношеніяхъ моихъ, мнѣ остается повторить, что состоя на службѣ Е. И. В., я не считаю возможнымъ отказываться въ исполненіи воли моего Государя и что, засимъ, могущіе быть неуспѣхи по дипломатической моей карьерѣ, уже ко мнѣ относиться не могутъ и не должны... За всѣмъ тѣмъ я вышелъ изъ кабинета Е. И. В. посломъ въ Парижъ. Минута горестная и тяжелая для сердца и разсудка!"

Графъ Киселевъ имѣлъ много поводовъ опасаться и не желать новаго назначенія. Политическое состояніе Европы предвѣщало много дипломатическихъ трудностей; здоровье его было потрясено; еще въ январѣ онъ жаловался на слабость и безсонницу, а преклонность лѣтъ не позволяла надѣяться на возстановленіе силъ. Независимо отъ этого, ему было тяжело разстаться съ созданнымъ имъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, къ развитію всѣхъ частей котораго едва только были преодолѣны, свойственныя каждому нововведенію, препятствія. Наконецъ, не знавшій въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій никакихъ посредниковъ между Государемъ и имъ самимъ, пользовавшійся драгоцѣннымъ для подданнаго правомъ обращаться письменно и словесно непосредственно къ самому Монарху, Киселевъ не могъ идти охотно на поприще, ставившее его въ зависимость, особенно въ общемъ направленіи дѣлъ, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сѣтованія его, по этому поводу, высказаны въ слѣдующихъ письмахъ къ брату Николаю Дмитріевичу, въ Римъ:

---

[1]) Назначенный 2-го апрѣля 1856 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ.

„Петергофъ, 1-го іюля 1856 г.

„Я только что вышелъ отъ Государя и первая мысль написать тебѣ, любезный братъ. Хотя я и былъ предупрежденъ о намѣреніи Государя въ отношеніи меня, но я не думалъ, что воля Его была рѣшительная и неизмѣнная; въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, Онъ мнѣ сказалъ что ожидаетъ отъ меня жертвы, доказательства преданности и что проситъ меня принять званіе посла въ Парижѣ. Все, что я ни представлялъ объ опасеніяхъ моихъ исполнить Его ожиданія, не могло измѣнить Его просьбы, которой я уступилъ и сдѣлался съ нынѣшняго утра посломъ, по милости Божіей и по волѣ моего Государя, который, послѣ всего этого, долженъ взять на себя послѣдствія испытанія на меня возложеннаго, и которое можетъ испортить мою 50-ти-лѣтнюю службу. Что дѣлать? Я никогда ничего не просилъ для себя, не искалъ ни мѣстъ, ни должностей и никогда не позволялъ себѣ отказываться отъ тѣхъ, которыя на меня возлагали. Но мое бѣдное министерство, которое я оставляю на произволъ всѣхъ вѣтровъ, безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которые, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны! Грустно, но наконецъ....

„Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе спрашиваю себя: что я буду дѣлать въ этой сумятицѣ? Я обращаюсь къ моей звѣздѣ, которая, быть можетъ, будетъ мнѣ покровительствовать. Въ ожиданіи — тяжело иногда исполнить свой долгъ честнаго человѣка и забывать свое я“...

„Ораніенбаумъ, 16-го іюля 1856 г.

„Безъ грусти не могу думать объ этомъ крутомъ поворотѣ въ моей жизни. Достанетъ-ли меня? буду-ли я на столько счастливъ чтобы выполнить мое назначеніе? или я долженъ пасть и кончить мою 50-ти-лѣтнюю карьеру — par un fiasco? Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я буду знать это, и ты, мой лучшій другъ, а теперь надо ввѣриться своей звѣздѣ и не падать духомъ; такъ я говорю себѣ и надѣюсь.

„Одно изъ самыхъ щекотливыхъ затрудненій для меня—

это пребываніе въ Парижѣ Софьи, съ ея надменнымъ и иногда отважнымъ характеромъ; я опасаюсь столкновеній, которыя, при моемъ оффиціальномъ положеніи, могутъ быть болѣе чѣмъ непріятны. Послѣ 25 лѣтъ разлученія, всякое сближеніе между нами невозможно и я рѣшительно его не хочу. Лена Потоцкая писала ея сестрѣ Ольгѣ, чтобъ она сказала Софьѣ, что всякій шумъ съ ея стороны не по времени; что если она не хочетъ сообразоваться съ моими мнѣніями, я буду обязанъ предоставить правительству принять мѣры, которыя мнѣ были предложены (отказъ въ паспортѣ для пребыванія ея во Франціи). Я желаю, чтобы наши встрѣчи были сколь возможно рѣдкими и то лишь развѣ въ чужихъ домахъ и никогда въ нашихъ. Я желалъ бы, чтобы все это устроилось семейно, частнымъ образомъ".

Николай Дмитріевичъ въ письмѣ изъ Рима отъ 19-го іюля, ободряетъ брата, говоря, что новая его должность, во всякомъ случаѣ пріятнѣе прежней и что онъ поздравляетъ министерство иностранныхъ дѣлъ съ пріобрѣтеніемъ такого сослуживца.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ, 8-го августа, отвѣчаетъ ему:

„Несмотря на твои ободренія, я сомнѣваюсь въ послѣдствіяхъ. Дѣла не такъ ясны, какъ здѣсь хотятъ ихъ видѣть и мое положеніе будетъ труднымъ, я это предвижу. Затрудненія ожидаютъ меня въ Парижѣ, но въ нихъ не будетъ недостатка и въ Петербургѣ; въ настоящую минуту я на заднемъ планѣ. Горчаковъ и Морни совѣщаются о дѣлахъ непосредственно. Я не мѣшаюсь теперь, но позже—мы увидимъ".

Наконецъ, въ письмѣ отъ 4-го сентября, изъ Москвы, онъ благодаритъ брата за доставленную ему характеристику тѣхъ лицъ, съ которыми ему придется имѣть сношенія, говоритъ о затрудненіяхъ, которыя ожидаютъ его въ Парижѣ, среди общества раздѣленнаго на двѣ враждебныя партіи. „Juste milieu Людовика Филиппа", говоритъ онъ, „здѣсь негодится... Надо жить съ одними или съ другими, или оставаться у себя". Упоминаетъ о затрудненіяхъ со стороны жены а далѣе продолжаетъ: „я сдалъ министерство 30-го августа В. А. Шереметеву и его товарищу Хрущову. Не скрою отъ

тебя, что я сдѣлалъ это съ невыразимою, сердечною грустью. Послѣ 20 лѣтнихъ занятій этою обширною частью управленія, я съ нею сросся и привыкъ думать, что это былъ послѣдній актъ моей политической жизни. Не то случилось, и я долженъ изучать подробности новой службы, которую я знаю мало, или вовсе не знаю. Помоги мнѣ твоими совѣтами. Всего болѣе, въ настоящую минуту, меня занимаетъ положеніе мое въ отношеніи къ обществу: я-ли долженъ сдѣлать первый шагъ, или ожидать чтобъ мнѣ его сдѣлали? Отъ первыхъ шаговъ зависитъ послѣдующее положеніе; мое (положеніе) въ туманѣ, который я не могу разсѣять. Затѣмъ, меня страшитъ эта дѣятельная жизнь, которая не по моимъ лѣтамъ".

Какое впечатлѣніе произвело это назначеніе.

Вѣсть о назначеніи графа Киселева посломъ въ Парижъ, въ такое трудное для Россіи время, была принята русскимъ обществомъ, и въ особенности русскимъ дипломатическимъ корпусомъ, съ большою увѣренностью въ успѣхѣ.

Находившійся тогда въ Петербургѣ нашъ посолъ при Оттоманской Портѣ Бутеневъ писалъ гр. Киселеву 3-го іюля: „Надѣюсь, графъ, что вы не сочтете меня ни нескромнымъ, ни фразёромъ за то, что я спѣшу принести вамъ мое радостное поздравленіе съ вашимъ новымъ назначеніемъ. Всякій добрый русскій долженъ себя поздравить, узнавши о вашей жертвѣ и преданности; тѣмъ болѣе позволено старому дипломатическому труженику гордиться этимъ назначеніемъ, которое озаряетъ новымъ блескомъ всю нашу дипломатію въ самое трудное время. Два мѣсяца тому назадъ, разговаривая съ вашимъ братомъ о посольствѣ въ Парижѣ, я высказалъ ему мое мнѣніе о выборѣ, который теперь состоялся и котораго я желалъ отъ всей души для достоинства Государя и для блага отечества".

Тюльерійскій дворъ принялъ извѣстіе о назначеніи гр. Киселева посломъ благосклонно, но съ оговоркою. На обычный вопросъ будетъ ли его назначеніе пріятно французскому двору, полученъ, по телеграфу, отвѣтъ утвердительный, но вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: если гр. Киселевъ будетъ слѣдовать при-

мѣру не брата его [1]), а графа Орлова, которымъ императоръ былъ совершенно доволенъ. Записывая это въ свой дневникъ, графъ П. Д. прибавилъ: „я отвѣчалъ, что для моего поведенія не нужны ни чьи примѣры; что я буду дѣйствовать по инструкціямъ, которыя будутъ мнѣ даны Императорскимъ кабинетомъ, какъ то дѣлали, конечно, мой братъ и гр. Орловъ".

Передъ отъѣздомъ въ Парижъ, гр. Киселевъ былъ особенно озабоченъ, чтобъ ему были даны положительныя инструкціи. Въ письмѣ отъ 16-го іюля онъ писалъ брату: „кн. Горчаковъ хотѣлъ отправить меня безъ инструкціи, говоря, что человѣкъ моего закала не имѣетъ въ ней нужды; но я настаивалъ и объявилъ *выше*, что я не выѣду изъ Россіи не узнавши задушевной мысли Императорскаго кабинета; я тѣмъ болѣе имѣю право требовать этого, что парижскій трактатъ открылъ новую политику, въ которой не я сказалъ первое слово. Инструкція была написана, подъ диктовку министра, и я долженъ сказать съ талантомъ и ясностью, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ частей, которыя остаются въ тѣни; ихъ было-бы трудно выяснить напередъ, въ виду обстоятельствъ, въ которыя мы, противъ воли, поставлены и которыя вѣроятно останутся еще нѣсколько лѣтъ".

Отъѣздъ графа Киселева въ Парижъ и прибытіе туда.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ оставилъ Петербургъ 30-го сентября, въ 8 часовъ вечера, послѣ обѣда у племянника своего Н. А. Милютина; передъ отъѣздомъ, 18-го сентября, онъ писалъ своему брату: „Вчера я провелъ день въ Царскомъ Селѣ. Ихъ Величества осыпали меня любезностями. Въ этомъ отношеніи я оставляю отечество въ наилучшихъ условіяхъ,— остальное что Богъ дастъ. Испытаю мои силы и если увижу, что онѣ недостаточны для труда на меня возложеннаго, я первый буду просить объ увольненіи. Старый и добрый Нес-

---

[1]) Это очевидно былъ намекъ на слѣдующее обстоятельство: Н. Д. Киселевъ предъ Крымской войной былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Тюльерійскомъ дворѣ; по требованію изъ Петербурга онъ прислалъ характеристику этого двора, для многихъ лицъ окружающихъ Наполеона не слишкомъ лестную. Характеристика эта должна была оставаться въ секретѣ, но какимъ то путемъ она попалась во французское посольство, которое не замедлило переслать ее своему министерству.

сельродъ возвратился, онъ плачетъ о моемъ отъѣздѣ и о своемъ одиночествѣ въ отношеніи числа и вѣрности своихъ друзей".

Пріѣхавъ въ Берлинъ 7 (14) октября, гр. Киселевъ посѣтилъ Мантейфеля, Гумбольта, Дона и Врангеля; 9-го (21) обѣдалъ у короля, а 10-го (22) выѣхалъ; въ Брюсселѣ представлялся королю, и 14 (26) пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его встрѣтили баронъ Бруновъ и лица посольства.

Дворъ былъ въ это время въ Компіэнѣ и лишь только Наполеонъ узналъ о прибытіи въ Парижъ гр. Киселева, какъ поспѣшилъ пригласить его, 2 ноября, въ Компіэнь въ качествѣ простаго гостя (comme simple invité). Здѣсь Павелъ Дмитріевичъ былъ впервые свидѣтелемъ затѣйливой охоты императора, на которой всѣ приглашенные были въ костюмахъ временъ Людовика XV.

Оффиціальный пріемъ, со врученіемъ вѣрительной грамоты, послѣдовалъ въ торжественной аудіенціи 31 октября (12 ноября) въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Мѣстныя газеты передали обмѣнъ привѣтствій при этомъ свиданіи слѣдующимъ образомъ: графъ Киселевъ сказалъ между прочимъ, что считалъ бы себя счастливымъ содѣйствовать упроченію союза Франціи съ Россіей, который вполнѣ способенъ обезпечить всеобщій миръ. Наполеонъ отвѣчалъ: съ тѣхъ поръ, какъ заключенъ миръ, я, не нарушая союзовъ съ другими державами, употребляю всѣ усилія, чтобы помощью добрыхъ отношеній, смягчить все, что могло бы казаться тяжкимъ при точномъ выполненіи нѣкоторыхъ условій. Я узналъ съ удовольствіемъ, что мой чрезвычайный посолъ при петербургскомъ дворѣ, движимый этими побужденіями, пріобрѣлъ благосклонное расположеніе Императора Александра. Графъ Киселевъ можетъ расчитывать на такой же радушный пріемъ, потому что, независимо личныхъ своихъ заслугъ, призванъ представлять Государя, который такъ великодушно забываетъ печальныя воспоминанія обыкновенно остающіяся послѣ войны, помышляя лишь о выгодахъ мира, скрѣпленнаго дружескими отношеніями".

15-го ноября графъ Киселевъ представлялся императрицѣ Евгеніи, въ С. Клу, а 4-го декабря присутствовалъ на большомъ обѣдѣ, даннымъ въ честь русскаго посла, въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Между тѣмъ, на первыхъ же порахъ пребыванія въ Парижѣ, графу Павлу Дмитріевичу готовилась неріятность— тяжелая для его щекотливаго самолюбія.

Устраненіе посла отъ участія въ конференціи, по разграниченію Дунайскихъ княжествъ отъ Россіи.

На основаніи § 20 Парижскаго мирнаго трактата марта 1856 года, подписаннаго со стороны Россіи 18-го (30) графомъ Орловымъ и барономъ Бруновымъ, взамѣнъ возвращаемыхъ Россіи городовъ и портовъ и, вообще всѣхъ земель, занятыхъ союзными войсками, уступлена во владѣніе Оттоманской Порты часть Бессарабіи, по лѣвому берегу Дуная. Въ самомъ трактатѣ была указана новая граничная линія, только въ общемъ видѣ; подробное начертаніе границы въ натурѣ, было предоставлено делегатамъ союзныхъ державъ. Но при проектированіи ея на мѣстахъ, делегаты встрѣтили затрудненія, вслѣдствіе невѣрности картъ, по которымъ указана была граница конгрессомъ. Оказалось: что въ мѣстности, чрезъ которую должна была проходить новая пограничная черта, было два города Болграда и слѣдовательно явилось недоумѣніе: южнѣе котораго изъ нихъ должно провести новую границу. Послѣ многихъ переговоровъ, не приведшихъ представителей заинтересованныхъ державъ ни къ какому соглашенію, рѣшено было вопросъ этотъ, вмѣстѣ съ другими возникшими по поводу разграниченія смежныхъ владѣній Турціи и Россіи, разсмотрѣть вновь въ конференціи изъ тѣхъ уполномоченныхъ, которые участвовали въ подписаніи мирнаго договора. Конференція эта собралась въ декабрѣ и заключилась протоколомъ 25-го декабря (6-го января). Этотъ протоколъ, имѣющій силу международной конвенціи, подписанъ со стороны Россіи однимъ барономъ Бруновымъ, а графъ Киселевъ, находившійся уже въ то время въ Парижѣ въ качествѣ посла, не былъ призванъ къ участію въ немъ. При такихъ условіяхъ, положеніе посла казалось ему невозможнымъ.

„Я нахожусь въ минуту кризиса (пишетъ онъ брату 8-го

(20) декабря. Назначеніе барона Брунова въ конференцію, ставитъ меня передъ публикою въ положеніе анормальное. Я просилъ объ этомъ въ Москвѣ, при условіи, чтобы я не уѣзжалъ до окончанія дѣла о Болградѣ; но меня заставили отправиться, говоря, что все будетъ кончено къ моему пріѣзду; но ничего не было сдѣлано, и я очутился здѣсь представителемъ Государя вмѣстѣ съ другимъ представителемъ, чтобы окончить самыя важныя дѣла. Я не могу и не хочу быть ни при какихъ обстоятельствахъ куклою: я отстранился и написалъ князю Горчакову, что можно отозвать посла, но не отстранять его временно; что я устраняю въ подобномъ случаѣ мое личное достоинство, но не могу себя компрометировать какъ посла и потому прошу испросить разрѣшеніе Государя. Я не получилъ еще отвѣта, но по телеграфу изъ Петербурга, отъ Горчакова и Морни даютъ знать, чтобы меня допустили въ конференцію, въ качествѣ перваго уполномоченнаго, а Брунова въ качествѣ втораго. Но эта поправка поздняя, призрачная: Англія не согласится и я буду принужденъ играть здѣсь печальную роль... Я не знаю, что изъ этого выйдетъ, но я рѣшился не позволять подставлять мнѣ ногу, и считаю себя почти счастливымъ, что представляется достаточная причина къ совершенному моему удаленію отъ дѣлъ. Я старъ, боленъ и разочарованъ на счетъ мірскихъ погремушекъ; и, наконецъ, наступило время дать мѣсто другимъ и подышать на свободѣ. Я ожидаю не горячась и сдѣлаю то, что я долженъ сдѣлать“.

Участіе графа Киселева въ конференціи по дѣлу о Болградѣ, какъ видно не состоялось. Воспротивилась-ли этому одна Англія, намъ неизвѣстно. Также неизвѣстно какія получилъ Павелъ Дмитріевичъ успокоенія изъ Петербурга; но онъ остался посломъ.

Обстоятельство это дало поводъ къ газетнымъ толкамъ, комментаріямъ,—что̀ могло еще болѣе усилить раздраженіе графа Киселева.

Поѣздка гр. Киселева въ Ниццу.

Въ это время вдовствующая Императрица Александра Өеодоровна и Великая Княгиня Елена Павловна находились

въ Ниццѣ, составлявшей тогда вмѣстѣ съ Савойей, территорію Сардинскаго королевства. Поэтому, забота о выборѣ и соотвѣтственномъ убранствѣ временной резиденціи высокихъ особъ и предоставленіе имъ всяческаго спокойствія и удобствъ, лежали на обязанности нашего посланника въ Туринѣ, на каковой конецъ графъ Стакельбергъ еще въ сентябрѣ, ѣздилъ въ Ниццу. Впрочемъ, самъ король Викторъ Эммануилъ, хотѣлъ принять именитыхъ гостей достойнымъ образомъ и велѣлъ украсить предназначенную для Императрицы виллу Авигдоръ (Promenade des anglais) богатой мебелью и роскошнымъ убранствомъ.

Оторванный отъ любимаго занятія по устройству быта значительной части земледѣльческаго населенія, занятія, которому онъ посвятилъ много лѣтъ жизни,—отъ родной земли, гдѣ у него такъ много было связей и друзей, уязвленный въ своемъ самолюбіи, графъ Киселевъ, очень естественно, желалъ оставить, хотя на время, Парижъ и поѣхать въ Ниццу для свиданія съ высокими соотечественницами и съ своимъ братомъ. Императрица Александра Ѳеодоровна и, въ особенности, великая княгиня Елена Павловна всегда оказывали Павлу Дмитріевичу свое особенное благоволеніе, а брата Николая онъ сердечно любилъ и, считая его искусившимся бойцомъ на дипломатическомъ поприщѣ, а себя новичкомъ, желалъ воспользоваться, какъ мы уже видѣли, его совѣтами.

Поэтому онъ, 4-го февраля 1857 г., выѣхалъ изъ Парижа и 7-го пріѣхалъ въ Ниццу, гдѣ засталъ брата; la vue de mon frère a fait battre mon vieux coeur, записалъ онъ въ дневникѣ подъ этимъ числомъ.

На другой день гр. Киселевъ представлялся Императрицѣ и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая остановилась въ Villa Bermond.

Императрица осыпала его любезностями, заѣзжала за нимъ и братомъ его для прогулокъ, приглашала его на обѣды и вечера и, зная, что П. Д. неохотно принялъ посольство и по пріѣздѣ въ Парижъ выражалъ нетерпѣніе, спросила его однажды: „Какіе у васъ служебные виды? говорятъ, что вамъ непрія-

тенъ Парижъ?" — „Въ мои лѣта", отвѣчалъ онъ, „Парижъ мало привлекателенъ, но принявъ по чувствамъ преданности должность посла, я не оставлю ее пока силы позволятъ исполнять и пока Государь не найдетъ другое лицо, болѣе достойное и способное".

Вечера Павелъ Дмитріевичъ заканчивалъ у Великой Княгини Елены Павловны, бесѣдами которой онъ всегда дорожилъ; между прочимъ, она говорила ему, что украденныя у Герлаха секретныя письма Мюнстера къ королю были причиной въ минувшую войну экспедиціи въ Бомарзундъ, обстрѣливанія Свеаборга и усиленнаго непріятельскаго натиска въ Севастополѣ; что греческій король Оттонъ повѣрилъ Великому Князю Константину Николаевичу свои сокровенныя намѣренія при могущихъ послѣдовать случайностяхъ.

Возвращеніе въ Парижъ и пріемъ В. К. Константина Николаевича.

Освѣжившись сердечными изліяніями, послѣ долгой разлуки съ братомъ; обласканный и ободренный Императрицею и Великою Княгинею, гр. Киселевъ, 14-го февраля, оставилъ Ниццу, и, чрезъ Марсель, пріѣхалъ 17-го въ Парижъ, гдѣ уже по отъѣздѣ барона Брунова (20-го января) его ожидали многіе дипломатическіе переговоры.

Вскорѣ, однако, Павлу Дмитріевичу привелось снова встрѣтить высокаго соотечественника. Еще 29-го января Наполеонъ объявилъ ему о посѣщеніи Франціи и пріѣздѣ 15-го апрѣля въ Парижъ Великаго Князя Константина Николаевича, о чемъ баронъ Бруновъ писалъ Валевскому. Прибытіе Великаго Князя нѣсколько замедлилось: Великій Князь Константинъ Николаевичъ прибылъ 17-го февраля 1857 года, въ послѣдній день нашей масляницы, въ Ниццу, гдѣ провелъ весь великій постъ и первый день Пасхи съ Августѣйшею своею родительницею и Великими Княгинями: Ольгою Николаевною, тогда уже въ супружествѣ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, и Еленою Павловною. Въ ночь съ великаго воскресенья на понедѣльникъ, Великій Князь отправился на пароходѣ Олафъ, въ Тулонъ, вслѣдствіе приглашенія императора Наполеона посѣтить Францію. Приглашеніе это было передано француз-

скимъ посломъ въ Петербургѣ, Морни, еще въ концѣ 1856 г., а потомъ повторено въ Ганноверѣ въ началѣ 1857 г. барономъ Бруновымъ, въ проѣздъ послѣдняго изъ Парижа въ Берлинъ. Бруновъ передалъ Великому Князю, между прочимъ, что императрица Евгенія желала бы, чтобы Его Высочество посѣтилъ Парижъ весной, когда окрестности его особенно привлекательны. Въ Тулонѣ Великій Князь былъ принятъ преимущественно какъ морякъ, — какъ генералъ-адмиралъ. Многочисленный флотъ былъ собранъ для представленія Его Высочеству и Великій Князь провелъ недѣлю въ Тулонѣ, осматривая французскія суда и разныя морскія заведенія. Изъ Тулона Его Высочество отправился берегомъ въ Марсель, гдѣ начался оффиціальный пріемъ, какъ брата Русскаго Императора. Здѣсь явились назначенные состоять при Великомъ Князѣ камергеръ маркизъ Belmont de Briançon, шталмейстеръ баронъ Bourgoing и адъютантъ императора, извѣстный сочиненіями по артиллеріи, полковникъ Favé,—впослѣдствіи начальникъ политехнической школы. Выѣхавъ изъ Марселя черезъ день, Великій Князь былъ принятъ въ Ліонѣ престарѣлымъ маршаломъ Кастелланомъ, и ночевалъ въ Дижонѣ.

Киселевъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Маконъ 29-го, а 30-го они пріѣхали въ Парижъ, гдѣ Великій Князь остановился въ павильонѣ Марсанъ Тюльерійскаго дворца и въ тотъ же день былъ приглашенъ Императоромъ на обѣдъ, вмѣстѣ съ Киселевымъ.

„Послѣ обѣда l'Empereur engage le Grand Duc à fumer chez lui un cigare“, записалъ, между прочимъ, Павелъ Дмитріевичъ,—обстоятельство, повидимому, при пышномъ императорскомъ дворѣ, даже для царственныхъ особъ необычайное.

По случаю пріѣзда Великаго Князя давались при Тюльерійскомъ дворѣ многія празднества.

Въ дневникѣ Киселева, подъ 15 числомъ мая, записано, между прочимъ, о послѣдней прогулкѣ Великаго Князя въ лѣсу Фонтенебло:

„На одной лужайкѣ вышли изъ экипажа для роздыха, ѣли, танцовали, бѣгали—и все это съ такою веселостью, ко-

торая свойственна однимъ французамъ; маршалы Пелисье и Маньянъ плясали канканъ, всѣ веселились отъ души; императоръ верхомъ съ сигареткой во рту, напѣвалъ шансонетки вмѣстѣ съ другими. Въ 9 часовъ возвратились въ замокъ, а въ 10 ч. императоръ простился съ Великимъ Княземъ".

Графъ Киселевъ далъ въ честь Великаго Князя два обѣда; на первомъ были приглашены маршалы Франціи, оберъ-камергеръ Бассано и оберъ-церемоніймейстеръ Камбасерессъ. Второй обѣдъ, 16-го мая, былъ прощальный, съ французскими министрами, президентами сената, законодательнаго собранія и государственнаго совѣта, главнокомандующимъ императорскою гвардіею, главнымъ начальникомъ національной гвардіи, префектомъ сенскаго департамента и префектомъ полиціи. Въ концѣ этого обѣда Киселевъ, вставши съ мѣста, сказалъ по-французски: „Мы русскіе, не имѣемъ обычая произносить политическія рѣчи на обѣдахъ; наши предки произносили съ кубками въ рукахъ, только пожеланія, — пожеланія искреннія,—и я, по обычаю моего отечества, скажу: за здоровье императора французовъ и его августѣйшаго семейства, за благополучное его царствованіе, за продолженіе благодѣяній мира, которыя да продлятся и утвердятся все болѣе и болѣе, за осуществленіе августѣйшаго слова (l'empire c'est la paix), которое нынѣ уже стало истиною".

Великій Князь выѣхалъ изъ Парижа въ 10 часовъ вечера, 16-го мая; передъ самымъ отъѣздомъ Наполеонъ навѣстилъ его:

„Императоръ", пишетъ Киселевъ, „подъ предлогомъ, что пріѣхалъ повидаться *съ старикомъ, съ своимъ старымъ другомъ,* зашелъ къ Его Высочеству; такого знака утонченной вѣжливости я и ожидалъ".

Посѣщеніе Тюльерійскаго двора русскимъ Великимъ Княземъ объяснялось въ Парижѣ желаніемъ Императора Александра сблизиться съ Наполеономъ. Пріемъ, сдѣланный Великому Князю во французскихъ портахъ и большихъ городахъ, по повелѣнію Наполеона, и въ Парижѣ и Фонтенебло самимъ императоромъ, былъ самый привѣтливый и радушный. Императоръ вступалъ съ Великимъ Княземъ въ самые откровенные раз-

говоры и, между прочимъ, о пользѣ предварительнаго соглашенія по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики, очевидно, задумывая уже въ то время новыя комбинаціи союзовъ и территоріальныхъ перекроекъ. Великій Князь, по просьбѣ гр. Киселева, просилъ Императора Наполеона, въ интимномъ разговорѣ, дозволить котировать на парижской биржѣ акціи нашего главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, которыя, не бывъ допущены на биржу, не могли достигнуть надлежащей цѣны. Наполеонъ собиралъ по этому предмету два раза совѣтъ министровъ и одинъ разъ приглашалъ въ засѣданіе Ротшильда, въ другой разъ—Перейру и согласился на желаніе Великаго Князя, но, въ свою очередь, просилъ, чтобъ русское правительство купило на нѣсколько милліоновъ французской ренты, дабы поднять цѣну оной; но это домогательство, по затруднительному положенію нашихъ финансовъ, было отклонено въ Петербургѣ. Наполеонъ имѣлъ нѣсколько дипломатическихъ разговоровъ съ Великимъ Княземъ и Его Высочество передавалъ ихъ гр. Киселеву. Смыслъ этихъ разговоровъ состоялъ въ томъ, что событія Крымской войны принадлежатъ уже исторіи и потому разсуждать о нихъ можно и должно съ полнымъ хладнокровіемъ и безстрастно, тѣмъ болѣе, что обѣ стороны и ошибки дѣлали и стяжали лавры; что въ Европѣ возможны разныя усложненія и появленія важныхъ вопросовъ; даже желательно, чтобы Россія, Англія и Франція впредь, заблаговременно обсудили и рѣшили между собой, какъ въ такомъ случаѣ дѣйствовать. Примѣромъ подобныхъ вопросовъ Наполеонъ приводилъ возможность возстаній въ Италіи, съ цѣлію объединенія этого края, и возстанія христіанъ въ Турціи. Въ обоихъ случаяхъ ему казалось, что федеративное устройство группъ небольшихъ государствъ было бы лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса. Къ Австріи онъ выразилъ большое презрѣніе; относительно Пруссіи онъ говорилъ, что не слѣдуетъ мѣшать ей, еслибъ она захотѣла округлить свои владѣнія. Онъ повторилъ Великому Князю вопросъ сдѣланный имъ графу Орлову въ первую же аудіенцію, когда Орловъ пріѣзжалъ въ Парижъ на конгрессъ: не желаетъ-ли Россія присоединить къ себѣ

Галицію? Великій Князь, конечно, былъ сдержанъ и не выразилъ никакого мнѣнія.

Русскіе, бывшіе въ свитѣ Великаго Князя въ Парижѣ, могли замѣтить, что гр. Киселевъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ во французскомъ оффиціальномъ обществѣ. Онъ былъ пріятенъ Наполеону и императрицѣ Евгеніи и властелины Франціи видимо отличали его. Прибавимъ къ этому, что В. К. Константинъ Николаевичъ во все время своего пребыванія въ Парижѣ вполнѣ и во всемъ сообразовался съ указаніями графа Киселева, который каждое утро пріѣзжалъ къ Его Высочеству для сообщенія своихъ соображеній о предстоящемъ днѣ и пр.

Признаки дипломатическихъ недоразумѣній.

Наполеонъ, казалось, былъ всесиленъ. Когда уполномоченные на конгрессѣ поднесли ему, въ Тюльери, только-что подписанный ими 30-го марта 1856 г. мирный трактатъ, онъ представлялъ себя рѣшителемъ судебъ Европы. Однако, между англійскимъ и французскимъ кабинетами уже таился разладъ: Англія, предъ окончаніемъ Крымской кампаніи, домогалась продолженія войны и склоняла Францію уязвить, мнимую ея соперницу на Востокѣ, Россію, нападеніемъ со стороны Польши; Наполеонъ ставилъ условіемъ отодвинуть границу Франціи до Рейна; такъ какъ лондонскій кабинетъ отвѣчалъ уклончиво, то Наполеонъ поспѣшилъ заключить миръ. Такой крутой оборотъ политики съ одной стороны, а съ другой—безплодное разоблаченіе видовъ императора имѣли слѣдствіемъ обоюдное охлажденіе; но при всемъ томъ, тюльерійскій дворъ видимо держался за союзъ съ Англіей и желалъ скрѣпить его посредствомъ новой комбинаціи.

Еще 1-го февраля гр. Киселевъ вручилъ Наполеону собственноручное письмо своего Государя; Наполеонъ, послѣ продолжительнаго разговора о дѣлахъ Неаполитанскихъ, Швейцаріи и польской эмиграціи, намекнулъ на пользу тройственнаго союза (une alliance à trois). Такъ какъ Англія, по вопросамъ о Дунайскихъ княжествахъ и политики на Востокѣ вообще, сблизилась съ Австріею, желая умалить первенствующее значеніе Франціи, то Наполеонъ, имѣвшій много при-

чинъ быть недовольнымъ Австріей, старался вселить непріязнь между вѣнскимъ и сентъ-джемскимъ кабинетами и привлечь послѣдній къ тройственному союзу съ Россіей, обнаружившей такую похвальную уступчивость на парижскомъ конгрессѣ.

Слѣдующіе два разговора Павла Дмитріевича съ императрицей Евгеніей въ Фонтенебло, записанные имъ 12-го и 13-го мая, во время празднествъ въ честь Великаго Князя Константина Николаевича, бросаютъ свѣтъ на тогдашнія отношенія нашего кабинета къ тюльерійскому.

„12-го мая, за завтракомъ, императрица Евгенія, имѣя по правую сторону Великаго Князя, а по лѣвую меня, коснулась вопроса о союзѣ Франціи, Англіи и Россіи и о причинахъ разрыва съ послѣднею. По поводу словъ, сказанныхъ императрицею Великому Князю, я ей сказалъ: мнѣ пріятно видѣть, что предубѣжденія ваши начинаютъ сглаживаться и что вы становитесь менѣе враждебны къ Русскимъ.—„Въ отношеніи политическихъ союзовъ“, отвѣчала она, „это не совсѣмъ такъ“, причемъ съ свойственнымъ ей оживленіемъ, она мнѣ развернула рядъ идей о союзахъ съ Англіею, съ Россіею и объ ихъ относительномъ значеніи. Никакіе союзы помимо Англіи не были полезны для Франціи, напротивъ, союзы, заключенные совмѣстно съ Англіею, были всегда выгодны“.— Вѣроятно вы подразумѣваете союзъ съ Австріею?—„О, я его охотно вамъ уступаю“.—„О союзѣ съ Австріею я даже не помышляю“, отвѣчала императрица, „я говорю о союзѣ съ Россіей“. Затѣмъ, она распространилась о характерѣ французовъ, о революціонномъ духѣ, который ихъ волновалъ въ теченіе болѣе полувѣка, объ образовавшихся партіяхъ и ихъ козняхъ, до самаго того времени, когда императоръ возстановилъ совершенный порядокъ во внѣшнихъ дѣлахъ. „И такъ“, продолжала она, „я думаю, что для сохраненія этого порядка, для спокойствія Франціи, для statu quo, какъ вы выражаетесь въ дипломатіи, союзъ съ Англіею необходимъ; другое дѣло, когда хотятъ дѣйствовать наступательно, когда думаютъ исправить карту Европы, тогда, и только тогда, союзъ съ Россіею нуженъ. До тѣхъ же поръ мы должны оставаться

добрыми друзьями и не идти далѣе, всего же лучше жить въ согласіи со всѣми и въ особенности съ Англіею".

„Вся эта тирада, прибавляетъ графъ Павелъ Дмитріевичъ, заимствована цѣликомъ у Персиньи и проникнута идеями самого Наполеона. Этотъ разговоръ былъ часто прерываемъ моими возраженіями, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что мы до сихъ поръ ничего другаго и не дѣлали; что мы довольствовались обмѣномъ дружескихъ объясненій; что мы не вызывали никакого союза, несмотря на то, что Англія и Австрія поступали иначе, вопреки парижскому трактату; что мы умѣемъ выжидать, не налегая на своихъ друзей, въ надеждѣ, что время и обстоятельства приведутъ къ развязкѣ обоюдно выгодной для обѣихъ имперій.

„Императоръ спрашивалъ, шутя, императрицу, какою политикою мы занимаемся; потомъ онъ повторилъ этотъ вопросъ и, наконецъ, кивнувъ головой, далъ ей замѣтить, что завтракъ кончепъ и что всѣ ждутъ. Она встала".

„На другой день, 13-го мая, послѣ продолжительнаго разговора императрицы съ Великимъ Княземъ, она обратившись ко мнѣ и, съ ея милою улыбкою, сказала: но мы не кончили нашъ вчерашній политическій разговоръ — императоръ намъ помѣшалъ. Я хотѣла вамъ сказать о письмѣ, которое императоръ получилъ отъ Императора Николая и громко читалъ у меня. Онъ сунулъ письмо въ карманъ и сказалъ: *оно холодно.* Онъ вышелъ, а я осталась подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, которое оно во мнѣ оставило. Когда императоръ вернулся, я ему сказала: письмо Императора Николая *больше чѣмъ холодно, оно сурово* (sévère). При этомъ императрица наклонилась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо: „я употребила другое выраженіе, это письмо *грубо* (grossière) сказала я".—„Въ чемъ?" спросилъ меня императоръ.—„Перечтите еще разъ и увидите сами". Онъ прочиталъ письмо и былъ пораженъ справедливостью моего замѣчанія. *„Это правда"*, сказалъ онъ, *„и я этимъ займусь"*,—война была рѣшена".

„Такъ это вы, государыня, были причиной погибели 200 т. людей и траты отъ 7 до 8 милліардовъ франковъ народнаго

богатства?" сказалъ я ей.—„Да", отвѣчала она, „косвенно (indirectement), и я не раскаяваюсь; такія потрясенія (perturbation) бываютъ иногда необходимы въ жизни народовъ; они оберегаютъ отъ гораздо большихъ несчастій и приводятъ дѣла къ ихъ нормальному положенію. Франція должна была занять мѣсто, на которое имѣла право; она достигла этого при помощи союза съ Англіею, и въ союзѣ съ нею же сохранитъ свое достоинство, какъ внутри, такъ и извнѣ".—„Исключая, конечно", сказалъ я, „ежедневныхъ столкновеній, которыя возникаютъ и которыя надо стараться предупреждать, потому что при воспламенительномъ характерѣ французовъ, эти небольшія тучки могутъ произвесть бурю". Она хотѣла отвѣчать, но императоръ, который крутилъ концы своихъ усовъ, сдѣлалъ ей знакъ и всталъ.

„Быть можетъ я ошибаюсь, прибавляетъ Киселевъ, но эти два разговора, нѣсколько горячіе и очень интимные, кажется, не понравились его величеству; увидимъ".

Вопросъ о Молдаво-Валахскихъ княжествахъ и ихъ внутренней организаціи.

Между вопросами внѣшней политики, занимавшими европейскіе кабинеты въ 1857 г., самыми тревожными были: забота объ органическомъ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ, замѣшательства въ Невшателѣ, революціонное движеніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ и дѣла касающіяся Греціи.

Относительно княжествъ самый главный и самый спорный вопросъ сводился къ тому: дать-ли каждому княжеству отдѣльное, вполнѣ самостоятельное управленіе, или связать оба княжества учрежденіями, вѣдающими общими имъ обоимъ интересами, конечно въ обоихъ случаяхъ подъ верховнымъ главенствомъ Оттоманской Порты. Вопреки настойчивости Турціи, происковъ Австріи и потворства имъ обоимъ представителя Англіи, лорда Редклифа, поддерживаемая всѣми ими первая комбинація не могла восторжествовать и, согласно мнѣнію большинства (Франціи, Россіи, Пруссіи, Сардиніи), рѣшено было создать общее управленіе подъ наименованіемъ „соединенныхъ княжествъ Молдавіи и Валахіи". Международная конвенція, утвердившая этотъ новый порядокъ, состоялась только 19 августа 1858 года.

Утверждали будто Россія опасалась соединенія пограничныхъ съ нею княжествъ, такъ какъ при разъединеніи ихъ, въ случаѣ разрыва съ Турціею, территорія ихъ могла быть гораздо легче занята русскими войсками; думали, что если Россія, въ концѣ концовъ, и согласилась на ихъ соединеніе, то только для сохраненія приличія, потому что ей было неудобно явно попирать интересы княжествъ, въ виду того, что русская дипломатія постоянно прикрывала вѣчное попечительство и вмѣшательство въ ихъ дѣла, горячимъ участіемъ къ судьбѣ притѣсняемыхъ Портою сосѣдей—единовѣрцевъ.

Эта инсинуація положительно опровергается самыми достовѣрными документами. Такъ, въ первомъ засѣданіи конференціи, собравшейся въ Парижѣ для обсужденія организаціи княжествъ, уполномоченный Австріи, баронъ Гюбнеръ говорилъ, что соединеніе княжествъ повлечетъ за собою ослабленіе вліянія Порты; что въ княжествахъ будутъ постоянно возникать смуты и волненія, подтачивающія верховную власть Турціи и наносящія безпокойства Австріи, какъ сосѣдней державѣ. Напротивъ, гр. Киселевъ, какъ записано въ самомъ протоколѣ 28 мая 1858 года, говорилъ слѣдующее: „диваны княжествъ, созванные для свободнаго выраженія желаній страны, почти единогласно высказались въ пользу соединенія; этотъ голосъ народа считаю законнымъ и раціональнымъ и полагаю, что осуществленіе этого желанія упрочитъ будущее благосостояніе населенія; я и прежде думалъ также, какъ то свидѣтельствуетъ составленный мною регламентъ для этихъ княжествъ“.

Вообще, участіе гр. Киселева въ конференціяхъ о Молдавіи и Валахіи было очень дѣятельное и настойчивое; мнѣнія его, какъ государственнаго человѣка, близко знакомаго съ краемъ и народными нуждами, были постоянно выслушиваемы съ уваженіемъ.

Другое дѣло, не менѣе серьезное и угрожавшее вооруженнымъ столкновеніемъ Швейцаріи съ Пруссіей, было улажено въ 1857 году. Вопросъ о княжествѣ Невшатель и графствѣ Валенжень.

По трактату 1815 года, Невшатель былъ признанъ кантономъ Швейцарской республики и вмѣстѣ съ тѣмъ княже-

ствомъ, зависѣвшимъ отъ прусской короны. Такое странное сочетаніе, само собою, породило въ средѣ населенія партіи; изъ нихъ республиканская, въ 1848 году, поборола роялистовъ такъ что фактически, гегемонія Пруссіи упразднилась. Такой порядокъ вещей былъ признанъ центральною властью Швейцарскаго союза, которая самопроизвольно вступила въ права Прусскаго короля надъ княжествомъ. Когда броженіе, охватившее всю Европу въ 1848 году, улеглось, то европейскіе кабинеты, признавая, что порядокъ вещей, установленный трактатами можетъ быть измѣненъ не иначе какъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ, возстановили, по требованію Пруссіи на лондонской конференціи 1852 г., права Прусскаго короля, но при этомъ заручились обѣщаніемъ изъ Берлина, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV, удовлетворенный признаніемъ его правъ, воздержится пока отъ предъявленія ихъ. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи оставались дѣла до сентября 1856 г., когда вспыхнуло въ Невшателѣ роялистское движеніе, вскорѣ впрочемъ подавленное войсками союза. Виновники этого движенія были схвачены и преданы суду. Король Прусскій потребовалъ немедленнаго освобожденія заарестованныхъ, такъ отважно рѣшившихся защищать его права. Федеративный совѣтъ не соглашался. Пруссія отозвала своего посланника, г. Сидова, и начались съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ вооруженной борьбѣ. Дѣло это, однако, уладилось дипломатическимъ вмѣшательствомъ Франціи, Англіи, Австріи и Россіи. Въ мартѣ 1857 года открылась въ Парижѣ конференція подъ предсѣдательствомъ гр. Валевскаго, послѣдствіемъ которой было подписаніе, 26-го мая 1857 года, трактата, по коему прусскій король отказался отъ верховныхъ правъ на княжество Невшатель и графство Валенжень.

Вопросъ о дѣлахъ Неаполитанскаго королевства.

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ революціонныя движенія не прекращались съ двадцатыхъ годовъ; тюрьмы были переполнены политическими преступниками. Жестокое обращеніе съ заключенными и необыкновенно крутыя репрессивныя мѣры противъ всякаго патріотическаго проявленія, возмутили Гладстона, проводившаго дни отдохновенія въ южной Италіи.

„*Письмо къ лорду Абердину*“ этого краснорѣчиваго государственнаго человѣка, было распубликовано въ 1851 году и произвело въ то время глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, гр. Валевскій, на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г., въ засѣданіи 8 апрѣля, выразилъ мысль, что желательно представить неаполитанскому правительству на сколько ошибочна система, принятая имъ въ отношеніи подавленія безпорядковъ, возникающихъ постоянно въ разныхъ частяхъ этого государства; что въ отношеніи лицъ увлекающихся патріотизмомъ, но не порочныхъ, мѣры милосердія могутъ быть гораздо дѣйствительнѣе гоненій, сопровождаемыхъ жестокостями, которыя лишь возмущаютъ народъ и тѣмъ самимъ увеличиваютъ контингентъ демагоговъ. Предложеніе это было принято и 21 мая были посланы изъ Парижа и Лондона ноты въ такомъ смыслѣ. Король Фердинандъ оскорбился непрошенымъ вмѣшательствомъ въ его внутреннія дѣла и приказалъ отвѣчать, что никакое государство не имѣетъ на то права. Послѣдствіемъ этого было то, что Франція и Англія въ октябрѣ 1856 года отозвали своихъ посланниковъ и отправили въ воды Средиземнаго моря эскадры, которыя изъ Тулона и Мальты, отъ времени до времени, должны были заходить въ неаполитанскіе и сицилійскіе порты для наблюденія. Волненія, однако, возбуждаемыя постояннымъ продолженіемъ жестокостей мѣстныхъ властей и опиравшіяся отчасти какъ бы на покровительственное вмѣшательство Франціи и Англіи, не прекращались и продолжались даже послѣ смерти Фердинанда II (22 мая 1859 г.), такъ что съ высадкою въ Неаполь Гарибальди, новый король Францискъ II долженъ былъ оставить свои владѣнія (въ сентябрѣ 1860 года).

Дѣла Греческаго королевства.

Наконецъ въ Греціи, которая съ 1854 г. была занята союзными войсками Англіи и Франціи, вслѣдствіе непріязненнаго отношенія Грековъ къ Турціи во время Крымской войны и сочувствія къ Россіи,—разбои все продолжались и финансовыя затрудненія дошли до того, что Франція, Англія и Россія, поручившіяся по займу 60 милліоновъ, должны были принять на себя уплату процентовъ; впрочемъ, къ началу 1857 года

положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось, такъ что союзныя войска оставили Пирей 27 февраля 1857 года.

По всѣмъ этимъ дѣламъ гр. Киселевъ имѣлъ частыя совѣщанія съ гр. Валевскимъ, съ представителями Англіи, Пруссіи и Австріи и съ самимъ императоромъ.

Личныя отношенія гр. Киселева къ императору Наполеону.

Въ это время (май 1857 г.) Наполеонъ уже настолько сблизился съ Киселевымъ и, повидимому, уважалъ и цѣнилъ его, что при каждомъ свиданіи говорилъ съ нимъ не только о дѣлахъ внѣшней политики, но повѣрялъ ему свои заботы и опасенія по дѣламъ внутренняго управленія, какъ это видно изъ слѣдующихъ выписокъ изъ дневника:

„31 мая. Поѣздка въ С. Клу. Аудіенція у императора для представленія сообщенія о рожденіи В. К. Сергія Александровича. Продолжительный разговоръ о путешествіи В. К. Константина Николаевича, о путешествіи Императора Александра и маршрутѣ его, о новомъ законѣ рекрутскаго набора, его неудобствахъ, о необходимости имѣть сильные резервы въ виду всякой случайности, о Дунайскихъ княжествахъ, о Турціи и ея будущности“.

„12 іюня, въ С. Клу. Для врученія императору собственноручнаго письма Императора Александра. Разговоръ о княжествахъ, о Бельгіи, о выборахъ въ Парижѣ, о предполагаемомъ путешествіи, между прочимъ, о поѣздкѣ въ Осборнъ послѣ леченія въ Пломбьерѣ, о выборахъ, о журналѣ „Débats“, который начинаетъ агитировать на прежній свой ладъ, о Каваньякѣ, арміи и т. д.“.

Поѣздка въ Киссингенъ.

Наполеонъ не даромъ справлялся о путешествіи Императора Александра, съ которымъ, какъ кажется, уже тогда желалъ имѣть свиданіе, но не рѣшался сдѣлать первый шагъ. Государя Александра Николаевича ждали въ Киссингенъ, куда Киселевъ отправился 21 іюня. Проѣздомъ чрезъ Франкфуртъ онъ провелъ вечеръ 22 іюня у русскаго посланника Фонтона, акредитованнаго при существовавшемъ тогда во Франкфуртѣ германскомъ союзномъ сеймѣ.

„Откровенный разговоръ о политикѣ“, записано въ дневникѣ“; „онъ (Фонтонъ) передалъ мнѣ содержаніе разговора

Бисмарка съ Наполеономъ въ Парижѣ; говорилъ о политическихъ видахъ и намѣреніяхъ кн. Горчакова, о которыхъ писалъ мнѣ въ іюньскомъ письмѣ".

Павелъ Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Киссингенъ 23 іюня, гдѣ уже засталъ короля и королеву Виртембергскихъ, гр. Нессельрода, Зебаха (саксонскаго посланника въ Парижѣ, зятя гр. Нессельрода), Северина (нашего посланника при Баварскомъ дворѣ), Гримма, Рихтера (нашего посланника въ Брюсселѣ), Кламье, Арнима, Мейендорфа, Гольца, Будберга (посла нашего при Вѣнскомъ дворѣ) и брата Николая.

6-го іюля, въ понедѣльникъ, пріѣхали Ихъ Величества, въ сопровожденіи кн. Горчакова, кн. В. Долгорукова и гр. Адлерберга.

Гр. Киселевъ приготовилъ, къ пріѣзду Государя, записку о положеніи Франціи и ея императора, которую и представилъ при встрѣчѣ. Записка эта, на французскомъ языкѣ, очень любопытна; мы приводимъ ее здѣсь въ дословномъ переводѣ:

„Киссингенъ, іюня 1857 г.

Записка гр. Киселева о внутреннемъ состояніи Франціи и значеніи Наполеона для нея и Европы.

„Восемь мѣсяцевъ изученія (études) и наблюденій убѣдили меня окончательно, что Наполеонъ всего болѣе дорожитъ союзомъ съ Англіею. Попытки, обнаружившіяся при послѣднихъ выборахъ для возсозданія систематической оппозиціи, хотя-бы при условіи соединенія республиканцевъ съ роялистами, озаботили правительство.. Императоръ, въ послѣднемъ разговорѣ со мною, два раза указывалъ на это положеніе дѣлъ „при которомъ", прибавилъ онъ, „Каваньякъ можетъ возвратиться въ національное собраніе, вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ. Хотя, конечно, это не можетъ поколебать большинства, но для перваго начала оно имѣетъ значеніе и, во всякомъ случаѣ, служитъ доказательствомъ, что вожаки хотятъ возвратиться къ своей прежней тактикѣ и произвесть смуту; но они ошибаются, потому что народная масса останется тѣмъ, чѣмъ была и будетъ, — вѣрной и прочной опорой правительства".

„Эта оцѣнка положенія дѣлъ вѣрна, особенно при содѣйствіи арміи, которая искренно предана императорскому пра-

вительству; духовенство (за исключеніемъ партіи ультрамонтановъ, стремленія которой недавно подавлены неодобреніемъ, выраженнымъ государственнымъ совѣтомъ) также предано императору.

„Но, все таки, люди компетентные замѣчаютъ, что хотя масса народа желаетъ прежде всего спокойствія и устраняется отъ всякаго политическаго движенія и агитаціи,—пролетаріи и лица которыя ими руководятъ, не перестаютъ поддерживать въ тихомолку таящійся подъ пепломъ огонь, до той минуты, когда наступитъ время воспылать ему съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ.

„Аристократія и въ особенности ярые легитимисты, продолжаютъ разыгрывать свою прежнюю роль, они дуются (ils boudent) и потеряли всякое значеніе въ странѣ. Орлеанисты болѣе дѣятельны и подвижны. Всѣ государственные и дѣловые люди, не примкнувшіе къ императорскому правительству, имѣютъ нѣкоторое вліяніе на умы высшаго дворянства и буржуазіи; они охотно высказываютъ свои анти-имперіалистскія мнѣнія и воздыханія о парламентскомъ режимѣ и умѣренной свободѣ печати; они находятъ въ рядахъ высшаго общества сочувственный отголосокъ и тѣмъ пріобрѣтаютъ болѣе сторонниковъ и значенія, чѣмъ легитимисты. Потому-то Наполеонъ устремляетъ на нихъ все вниманіе, недовѣрчиво и зорко за ними слѣдитъ. Онъ даже идетъ далѣе—питаетъ къ нимъ инстинктивое, безотчетное отвращеніе, которое всячески стараются поддерживать въ немъ его приближенные, чтобы держать ихъ въ сторонѣ отъ дѣлъ, которыя имъ ближе извѣстны нежели тѣмъ, которые ведутъ ихъ со времени государственнаго переворота.

„Мнѣ кажется что ему было-бы выгоднѣе привлечь къ себѣ значительныхъ людей прошлаго царствованія и употреблять съ разумѣніемъ, хотя бы для того только, чтобъ разъединить эту плеяду людей, свыкнувшихся съ дѣлами и которыхъ тяготитъ вынужденная бездѣятельность. Съ характеромъ французовъ, успѣхъ былъ бы несомнѣнный; но, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, воля монарха подчи-

няется корыстнымъ стремленіямъ его приближенныхъ; это роковое послѣдствіе его происхожденія.

„Нельзя, однако, не видѣть, что въ настоящее время онъ располагаетъ всѣмъ, по своему усмотрѣнію. Императоръ вѣруетъ въ свою счастливую здѣзду болѣе чѣмъ тѣ, которые связали съ нею свою судьбу.

„Пролетаріатъ, который пополняется рабочими и составляетъ большинство населеній промышленныхъ городовъ, волнуютъ секретныя общества изъ которыхъ одно *Маріанна* (Marianne), насчитываетъ десятки тысячъ единомышленниковъ, несмотря на то, что за нимъ учрежденъ надзоръ бдительной и смышленной полиціи; тѣмъ не менѣе это общество продолжаетъ существовать и распространилось бы еще болѣе, еслибъ располагало матеріальными средствами. Предполагаемые руководители этого общества находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ выходцами острова Джерсея, которые пока сдерживаются внутреннимъ состояніемъ Франціи и строгимъ надзоромъ англійскаго правительства, въ угоду дружественной державѣ.

„Если къ этимъ, болѣе или менѣе явнымъ неурядицамъ, присоединить замѣшательства, источникомъ которыхъ служатъ финансовыя затрудненія банка и бюджета, то нельзя отрицать справедливость сказаннаго въ началѣ этого краткаго обзора, именно, что Людовикъ Наполеонъ всего болѣе дорожитъ союзомъ съ Англіею; безъ него онъ подвергнулъ бы себя, въ дѣлахъ внутреннихъ, всѣмъ случайностямъ своего положенія, которое можетъ упрочиться только съ теченіемъ времени.

„Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что положеніе его во Франціи и въ Европѣ могущественное; что умѣренность, которую онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, доставляетъ ему рѣшительный перевѣсъ въ направленіи дѣлъ и что если онъ останется на этомъ же пути, то высокое мнѣніе о немъ можетъ возрасти.

„Всего вреднѣе для него увлеченіе опасными предпріятіями, къ которымъ онъ склоненъ; этого не отрицаютъ самые горячіе его приверженцы.

„Если представленіе о положеніи дѣлъ, основанное на моихъ наблюденіяхъ, и оцѣнка сильныхъ и слабыхъ сторонъ вѣрны, то я позволю себѣ сдѣлать заключеніе, что удержаніе Людовика Наполеона въ главѣ Франціи не только желательно, но для Европы настоятельно необходимо. Утвердивъ власть и замѣнивъ ею свободу, готовую превратиться въ анархію, онъ принесъ значительную пользу обществу, и если порядокъ можетъ быть удержанъ, то, конечно, имъ однимъ. Притомъ не слѣдуетъ забывать, кому можетъ достаться его наслѣдіе. Конечно, роялисты ни того, ни другаго оттѣнка не воспользуются имъ, потому, что всѣ они оспариваютъ права другъ у друга. Овладѣетъ красная республика, которая, при всѣхъ извѣстныхъ ужасахъ, будетъ распространять дѣятельную пропаганду въ Европѣ. Люди, заслуживающіе вѣры, увѣряютъ, что пропаганда уже теперь переступила границу Франціи.

„Страхъ красной республики, которая одна можетъ воцариться послѣ Наполеона, составляетъ его силу и покоряетъ ему умы людей, которые, по своему прошлому, лично ему враждебны.

„Европа, смѣю сказать, хорошо сдѣлала-бы, послѣдовавъ ихъ примѣру“.

Представленіе гр. Киселева Государю.

7-го іюля, въ $10^1/_2$ часовъ утра, гр. Киселевъ представился Государю. Свиданіе это записано въ дневникѣ такъ:

„Его Величество обнялъ меня и благодарилъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, сказавъ, что вполнѣ одобрилъ мой образъ дѣйствій въ Парижѣ; что мысли, выраженныя въ моей запискѣ о настоящемъ положеніи дѣлъ, которую прочиталъ утромъ, Онъ совершенно раздѣляетъ. На мои замѣчанія, что намъ надобно всячески стараться о союзѣ съ Франціею, на которую одну мы можемъ опереться, потому что Пруссія, связанная обязательствами съ Германіею, можетъ намъ оказывать нѣкоторую помощь до тѣхъ только поръ, пока мы будемъ находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціею,— Государь неоднократно выражалъ, что полагается вполнѣ на мой взглядъ, потому что я не увлекаюсь, какъ многіе другіе, пристрастіемъ и обнимаю дѣла со всѣхъ сторонъ и проч.

Государь говорилъ о свиданіи (съ Наполеономъ), на которое изъявилъ согласіе, когда оно будетъ предложено".

„Послѣ разговора, въ теченіе часа времени, о внѣшней политикѣ, Государь сказалъ мнѣ, что хочетъ переговорить со мной о дѣлахъ внутреннихъ; выразивъ, что остался очень доволенъ Хрущовымъ, Онъ сказалъ, что его (Хрущова) находили слишкомъ молодымъ и недостаточно заслуженнымъ (d'un rang trop inférieur), чтобы сохранить за нимъ управленіе такимъ обширнымъ министерствомъ; тогда, припомнивъ разговоръ со мною, Онъ подумалъ о Муравьевѣ, которому, впрочемъ, не дозволяетъ большой ломки (qu'il surveillait d'ailleurs quant aux projets de réformes à introduire).

Разговоръ съ Государемъ о министерствѣ государственныхъ имуществъ.

„Крестьянскій вопросъ," сказалъ Государь, „Меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; *Я болье чьмъ когда-либо рьшился* и никого не имѣю, кто помогъ бы Мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ"...

О крестьянскомъ вопросѣ.

„Вообще мнѣ показалось, что Государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но Его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія. Да поможетъ Ему Провидѣніе и да озаритъ Оно Его! мирная реформа будетъ великимъ и прекраснымъ дѣломъ. Я желаю ее отъ всей души, но послѣдствій ея не увижу".

За обѣдомъ, 11-го іюля, у Государя, Его Величество вновь говорилъ гр. Киселеву о крестьянскомъ вопросѣ и о запискахъ секретнаго комитета, кн. Гагарина, б. Корфа и Ростовцева, которыя всѣ четыре вечеромъ того же дня, были присланы Павлу Дмитріевичу.

Спустя десять дней, послѣ внимательнаго изученія и обсужденія этихъ записокъ, Павелъ Дмитріевичъ представилъ Государю выписку изъ 4-хъ мнѣній членовъ Государственнаго Совѣта, съ своимъ краткимъ замѣчаніемъ [1]). Послѣдняго, къ сожалѣнію, въ бумагахъ покойнаго не отыскано. Гр. Киселевъ, между прочимъ, какъ видно изъ дневника, (21-го іюля н. с.) въ разговорѣ съ Государемъ о внутреннихъ дѣлахъ выражалъ

[1]) См. т. II, гл.

свое мнѣніе о необходимости предсѣдательствовать Его Величеству, въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ.

Гр. Киселевъ былъ неоднократно приглашаемъ въ кабинетъ Государя и къ столу Ихъ Величествъ. Послѣ отъѣзда Государя, 23 іюля, въ Берлинъ, Императрица продолжала оказывать Киселеву благосклонное расположеніе и тоже приглашала къ столу.

Разговоръ съ Императрицей.

Вслѣдъ за однимъ изъ такихъ обѣдовъ, именно 29 іюля, Павелъ Дмитріевичъ записалъ въ дневникѣ:

„Я воспользовался разговоромъ съ Императрицей, чтобы сказать ей, между прочимъ, что она призвана придти на помощь Государю въ трудное царствованіе, которое Его ожидаетъ; что разъ вступивши на путь прогресса, нельзя возвращаться назадъ и ронять (discréditer) власть колебаніями, которыя у насъ вреднѣе чѣмъ гдѣ-либо; что надо опредѣлить чего хотятъ и до какихъ предѣловъ; что пережитое притѣсненіе всякаго прогресса, должно служить намъ урокомъ; что надо умѣть сдерживать (enrayer), но не останавливать движеніе; что желѣзныя дороги, безъ которыхъ нельзя даже защищаться, составляютъ потребность времени, но что проведеніе ихъ въ Россіи повлечетъ за собою новыя условія жизни, имѣющія свои неудобства, которыя надо стараться преодолѣть; что свободная выдача паспортовъ (за-граничныхъ), измѣненіе тарифа, уменьшеніе процентовъ, наконецъ, работы по освобожденію крестьянъ, составляютъ первые указательные столбы (jalons) новой фазы, въ которую вступаетъ Россія; что работа предстоитъ столь же великая, какъ и трудная; что надо взяться за нее мужественно и приготовиться встрѣтить много препятствій неожиданныхъ (mécomptes), для преодолѣнія которыхъ требуется все постоянство и энергія преобразователя; что не надо терять бодрости духа, а слѣдуетъ, ступая осторожно, стать на высоту той роли, которая предназначена Провидѣніемъ Ея Августѣйшему супругу, въ особенности, прибавилъ я, надо избѣгать колебанія то въ одну, то въ другую сторону; это подрываетъ довѣріе къ правительству; тысячу разъ лучше не

начинать, чѣмъ пятиться назадъ; это равно вредно въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

„Этотъ разговоръ, въ полголоса, продолжался во время обѣда; не знаю, былъ-ли я понятъ въ основаніяхъ и намѣреніяхъ, которыя побудили меня такъ высказаться, но я это сдѣлалъ въ интересахъ своего отечества, а слѣдовательно и въ интересахъ императорской фамиліи; быть можетъ что нибудь запомнится — и то будетъ выигрышъ. Въ Петербургѣ подобный разговоръ невозможенъ. . . . .

. . . .

Въ тоже время, надо избѣгать слишкомъ большой поспѣшности, подготовляя средства для воспринятія вводимыхъ преобразованій, безъ потрясенія и неудачъ. А для этого необходимо дать народу первоначальное религіозное воспитаніе, чтобы вывести его, по крайней мѣрѣ, изъ грубаго невѣжества, сопротивляющагося всякому прогрессу въ жизни народа: для перевоспитанія массъ, нужно начать съ преобразованія духовенства; что касается высшихъ сословій, то надо озаботиться дать имъ раціональное образованіе, соотвѣтственное потребностямъ каждаго изъ нихъ, не переходя за предѣлы полезнаго. Программа, конечно, не легкая, но я думаю необходимая и возможная“.

Переговоры о свиданіи Императоровъ Александра II съ Наполеономъ III.

Во время пребыванія Государя и свиты его въ Киссингенѣ, Павелъ Дмитріевичъ имѣлъ много совѣщаній по разнымъ предметамъ съ кн. Горчаковымъ, кн. Долгоруковымъ и гр Адлербергомъ,—въ особенности же о предположенномъ свиданіи Императоровъ Александра и Наполеона. Свиданіе это, котораго, по видимому, одинаково желали обѣ стороны, и отъ прямаго приглашенія на которое обѣ-же стороны упорно воздерживались, готовило событіе возбуждавшее всеобщее вниманіе; при извѣстной непроницаемости цѣлей Наполеона можно было ожидать совершенно неожиданнаго поворота политики.

Говорятъ, что великій герцогъ Гессенъ-Дарміштадтскій Людвигъ III, гостившій нѣкоторое время въ Пломбіерѣ у Наполеона, и принцъ Гессенскій Александръ, въ то время генералъ австрійской службы, оба братья Императрицы Маріи Алек-

сандровны, много содѣйствовали этому свиданію. Въ дневникѣ Киселева подъ 18 и 19 числами іюля упоминается: во-первыхъ, о письмѣ принца Александра Гессенскаго Наполеону, касательно свиданія Императоровъ въ Дармштадтѣ или Баденѣ, а во-вторыхъ, о личномъ свиданіи того же принца съ Наполеономъ, причемъ послѣдній повѣрилъ принцу свое желаніе свидѣться съ Императоромъ Александромъ въ сентябрѣ.

Впрочемъ, окончательное рѣшеніе объ этомъ свиданіи послѣдовало, какъ кажется, въ Біарицѣ гдѣ въ концѣ іюля имѣлъ пребываніе Наполеонъ и куда ѣздилъ престарѣлый Виртембергскій король Вильгельмъ I, для приглашенія императора французовъ отпраздновать въ Штутгартѣ семдесятъ шестую годовщину его рожденія, 27-го сентября, къ каковому дню ожидался туда-же Императоръ Александръ.

Отъѣздъ гр. Киселева изъ Киссингена въ Остенде.

Графъ Киселевъ оставилъ Киссингенъ 1-го августа, отправляясь въ Остенде гдѣ въ то время находилась Великая Княгиня Марія Николаевна, нынѣшній германскій императоръ — тогда еще принцъ прусскій, прусскій посолъ при Тюльерійскомъ дворѣ гр. Гацфельдъ, гр. Гольцъ, бывшій тогда прусскимъ посланникомъ въ Аѳинахъ, и многіе другіе высокопоставленныя лица. Павелъ Дмитріевичъ ѣхалъ чрезъ Вильдбадъ, гдѣ находилась Великая Княгиня Елена Павловна. Ея Высочество поручила, состоявшему тогда при ней профессору К. Д. Кавелину, передать графу записки объ освобожденіи крестьянъ, какъ самаго Кавелина, такъ и барона Гакстгаузена.

Выѣхавши изъ Вильдбада 6-го, онъ черезъ Баденъ, Франкфуртъ, Висбаденъ, Бибрихъ и Кёльнъ пріѣхалъ 11-го августа въ Остенде.

Подъ 10-мъ августомъ въ его дневникѣ записано:

Личныя наблюденія гр. Киселева на пути.

„Между Бибрихомъ и Кёльномъ. Меня увѣряютъ что жители Франконіи, Швабіи и всей страны по обоимъ берегамъ Рейна заслуживаютъ мало довѣрія. Въ данный моментъ они послѣдуютъ внушеніямъ Франціи; разныя правительства государствъ, которымъ эти области принадлежатъ, знаютъ это и однако ничего не дѣлаютъ, чтобъ предупредить неминуемое возстаніе;

вожаки революціонеровъ (les meneurs rouges) тоже знаютъ это; всѣ они выжидаютъ и наблюдаютъ другъ за другомъ, но съ тою разницею, что послѣдніе дѣйствуютъ дружнѣе, энергичнѣе и дѣятельнѣе, тогда какъ первые пребываютъ въ спокойствіи, которое можетъ быть пагубно для нихъ".

Занятія гр. Киселева по прибытіи въ Остенде.

Предстоявшее свиданіе двухъ Императоровъ, которое между тѣмъ было уже назначено на 25-го сентября въ Штутгартѣ, занимало въ то время всѣ умы; всѣ разговоры сводились къ этому европейскому событію; дипломаты и не дипломаты готовили программы о чемъ надлежитъ говорить и въ какомъ смыслѣ. Рихтеръ, нашъ посланникъ въ Бельгіи, который высоко уважалъ графа Киселева и многимъ былъ ему обязанъ, передалъ ему записку составленную имъ по этому поводу; въ запискѣ этой, какъ видно изъ дневника Киселева, предполагалось возстановить сѣверный союзъ и совершенно не довѣряться Наполеону и его политикѣ. Киселевъ, по прочтеніи этой записки, нашелъ ее черезъ чуръ недовѣрчивою къ Наполеону. За симъ, 3-го сентября Павелъ Дмитріевичъ вмѣстѣ съ Рихтеромъ составилъ программу переговоровъ, которая, къ сожалѣнію, въ бумагахъ покойнаго графа не найдена.

Среди этихъ занятій графъ Киселевъ не переставалъ видѣться и дѣлить свободное время съ разными посѣтителями Остенде. Изъ записокъ его видно, что принцъ прусскій, впослѣдствіи король и императоръ, выражалъ графу Киселеву желаніе присутствовать при Штутгартскомъ свиданіи и сожалѣніе о существующемъ между Австріею и Пруссіею антагонизмѣ, умаляющемъ значеніе Германіи, а графъ Гацфельдъ разсказывалъ ему, что Пруссія, послѣ такъ называемаго Coup d'Etat, готова была безусловно и тотчасъ же признать Наполеона III, но Императоръ Николай поколебалъ это рѣшеніе; между тѣмъ, Англія, вопреки первому своему намѣренію, признала Наполеона. Гацфельдъ сообщилъ также, что во время Парижскихъ конференцій, члены конгресса относились крайне недовѣрчиво къ Брунову и его характеру.

Наконецъ, въ Остенде же, Великая Княгиня Марія Николаевна выражала Павлу Дмитріевичу свое желаніе ѣхать

инкогнито въ Парижъ и Манчестеръ. „Я, пишетъ Киселевъ, отклоняю исполненіе этого желанія, въ особенности поѣздку въ Парижъ“.

Поѣздка гр. Киселева въ Штутгартъ и свиданіе Императоровъ.

12-го сентября графъ Киселевъ оставилъ Остенде и черезъ Парижъ (гдѣ оставался всего 10 дней) и Страсбургъ, пріѣхалъ въ Штутгартъ 23-го сентября, гдѣ остановился въ отелѣ Маркартъ, въ которомъ засталъ прибывшаго, за нѣсколько дней, князя Горчакова.

Императоръ Александръ, въ сопровожденіи принца Александра Гессенскаго, пріѣхалъ на другой день, остановившись на небольшой станціи Фейербахъ, недоѣзжая одной мили до Штутгарта. Наслѣдный принцъ съ супругою Великою Княгинею Ольгою Николаевною, встрѣтившіе его въ Лудвигсбургѣ, пріѣхали вмѣстѣ съ Нимъ. Здѣсь, въ Фейербахѣ, король встрѣтилъ Государя, прибытіе котораго было назначено въ 3 ч. 25 м. Въ ожиданіи, по тѣснотѣ станціи, король оставался въ каретѣ, и безпокоясь о причинѣ запозданія поѣзда, послалъ въ 4 ч. 20 м. телеграмму въ Дармштадтъ. Наконецъ, въ 4 ч. 40 м. царскій поѣздъ пришелъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ тотчасъ же отправились въ свою виллу Бергъ, близъ Канштадта, принимать Государя, а вслѣдъ за ними, поѣхали въ другой каретѣ Государь, король и принцъ Гессенскій. Вилла Бергъ была назначена резиденціею Императора Александра, хотя въ королевскомъ замкѣ, въ Штутгартѣ, были приготовлены покои, какъ для Государя, такъ и для Наполеона.

Наполеонъ пріѣхалъ въ Штутгартъ 25-го сентября въ 5 часовъ; поѣздъ тоже опоздалъ. Его встрѣчали въ вокзалѣ король, наслѣдный принцъ и высшіе чины двора.

Императоръ Александръ въ это время находился въ Штутгартскомъ дворцѣ, въ павильонѣ, отведенномъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Путь, по которому ѣхалъ Наполеонъ съ королемъ, въ каретѣ, былъ уставленъ шпалерами пѣхоты и кавалеріи, за которыми тѣснились толпы народа, привѣтствовавшаго вѣнценосцевъ. По прибытіи ихъ во дворецъ, Императоръ Алек-

сандръ оставилъ павильонъ и направился въ большую залу дворца, въ ту самую минуту когда Наполеонъ выходилъ отъ короля въ отведенную ему половину. Оба Императора встрѣтились и дружески пожали руки. Они уединились въ смежную комнату, гдѣ разговаривали въ теченіе получаса; а въ это время графъ Валевскій и князь Горчаковъ разговаривали въ залѣ у окна.

Въ этотъ день всѣ царственныя особы обѣдали семейно, а министры и свиты имѣли гофмаршальскій столъ. Вечеромъ былъ раутъ у Великой Княгини Ольги Николаевны, въ виллѣ Бергъ, гдѣ дипломатическій корпусъ и прочіе чины представлялись обоимъ Императорамъ. На этомъ раутѣ князь Горчаковъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ Наполеономъ.

По случаю приключившейся въ это время смерти принца Евгенія Виртембергскаго, двоюроднаго брата короля и генерала русской службы, предположенныя празднества должны были нѣсколько измѣниться.

Въ субботу 26-го былъ обѣдъ въ королевскомъ замкѣ „Вильгельма“ (Wilhelma), лѣтней резиденціи короля, на который были приглашены высшіе чины двора, дипломатическій корпусъ и свиты гостей Государей; послѣ обѣда Наполеонъ ѣздилъ въ виллу Бергъ представиться Императрицѣ Маріи Александровнѣ, только что прибывшей изъ Дармштадта вмѣстѣ съ греческою королевою.

27-го праздновался день рожденія короля, а 28-го послѣ посѣщенія въ 10 ч. утра обоими Императорами народнаго земледѣльческаго праздника, Государи Александръ и Наполеонъ отправились въ 12 ч. въ виллу Бергъ на завтракъ, къ которому были приглашены одни только министры иностранныхъ дѣлъ и графъ Киселевъ. Въ 3 ч. Наполеонъ вазвратился въ Штутгартъ, а въ 4 пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги, чтобы проститься съ Императоромъ и Императрицей, которые уѣзжали въ Дармштадтъ.

Значеніе Штутгартскаго свиданія Императоровъ.

О Штутгартскомъ свиданіи двухъ Императоровъ сдѣлалось до сихъ поръ извѣстнымъ вообще очень мало, или, лучше сказать, почти ничего. Таксиль Делоръ, пользовавшійся всею

дипломатическою перепиской Тюльерійскаго кабинета, говоритъ въ своей „Исторіи второй имперіи", изданной въ 1869—1875 гг., что въ Парижѣ, въ концѣ сентября 1857 г., толпы любопытныхъ тѣснились вкругъ только что построенныхъ тогда кіосковъ для продажи газетъ, пытаясь узнать чѣмъ кончилось свиданіе двухъ Императоровъ, которыхъ сопровождали ихъ министры иностранныхъ дѣлъ. Однако, продолжаетъ онъ, ничего не огласилось ни о поводѣ, ни о результатѣ этого свиданія.

Общее впечатлѣніе объ этомъ свиданіи выразилось въ слѣдующихъ словахъ Independance belge не лишенныхъ оптимизма: „Если Штутгартское свиданіе не имѣло рѣшающаго вліянія на политику Европы и ни въ какой мѣрѣ не измѣнило существующее положеніе, то можно думать однакоже, что оно дало достаточно гарантій на сохраненіе мира, чтобы способствовать началу всеобщаго обезоруженія".

Огласилось только одно слово Императора Александра, сказавшаго будто бы, вслѣдъ за разговоромъ съ Наполеономъ, своимъ приближеннымъ: „Мнѣ осмѣлились говорить о Польшѣ". Эти слова приводятъ всѣ историки, описывающіе то время и Делоръ прибавляетъ: холодность, съ которою Императоръ Александръ выслушалъ представленіе Наполеона о Польшѣ и польскихъ дѣлахъ, открыла глаза послѣднему; но неудача въ вопросѣ польскомъ, продолжаетъ онъ, не помѣшала сохранить добрыя отношенія двухъ Государей.

Въ запискахъ Павла Дмитріевича встрѣчается тотъ-же недостатокъ свѣдѣній о Штутгартскомъ свиданіи. Вотъ что у него записано въ дневникѣ:

„Штутгартъ, 24 сентября.

„Четвергъ. Гр. Бенкендорфъ у меня; разговоръ полуполитическій въ виллѣ Великой Княгини Ольги Николаевны. Она приглашаетъ меня на обѣдъ съ Государемъ, на шесть приборовъ. Я ѣду къ виртембергскому королю, который принимаетъ меня какъ стараго знакомаго. Развожу нѣсколько карточекъ и возвращаюсь въ виллу, куда пріѣзжаетъ Государь въ 4 часа. Передъ обѣдомъ Государь посылаетъ за мной,

чтобъ говорить о свиданіи. Онъ читалъ мою записку, гдѣ много нашелъ здравыхъ идей, которыя раздѣляетъ; „но“, продолжаетъ Государь, „мы уже сочинили программу,—прочитайте ее“.

„25 сентября. У князя Горчакова. Поспѣшное чтеніе программы; два главныхъ положенія: предварительное соглашеніе по всѣмъ важнымъ вопросамъ,—трактатамъ (подобно проэкту о Болградѣ) о закрытіи Дарданельскаго пролива и о княжествахъ. Онъ говоритъ мнѣ, между прочими пустяками (billevesées), что ищетъ человѣка, который помогъ бы ему уничтожить параграфы парижскаго трактата, касающіеся черноморскаго флота и границы Бессарабіи; что онъ его ищетъ и найдетъ. Пріѣздъ и торжественный пріемъ императора Наполеона около 5 часовъ“.

Поѣздка гр. Киселева въ Дармштадтъ.

„28 сентября. Завтракъ на 30 приборовъ въ виллѣ Бергъ у Великой Княгини Ольги Николаевны. Государь предлагаетъ мнѣ сопровождать Его въ Дармштадтъ. Было 3 часа, въ 4 часа я былъ въ вокзалѣ желѣзной дороги; мы отъѣзжаемъ въ $4^1/_2$ часа въ особомъ вагонѣ съ Долгоруковымъ, Адлербергомъ, Горчаковымъ; послѣдній говоритъ мнѣ что сдѣлано или, лучше сказать, говорено въ Штутгартѣ, потому что ничто не было подписано. Вечеромъ, въ Дармштадтѣ, не находятъ для меня пристанища; Долгоруковъ меня принимаетъ; я почую у него и ему я обязанъ спокойствіемъ ночи, въ которомъ сильно нуждался“.

„Дармштадтъ, 22 сентября. Торопливый разговоръ съ кн. Горчаковымъ. Молебствіе во дворцѣ о благополучномъ путешествіи; въ $3^1/_2$ часа у Государя въ замкѣ. Его Величество резюмируетъ послѣдній разговоръ свой съ Наполеономъ въ виллѣ; Онъ доволенъ имъ и полагаетъ, что Наполеонъ тоже удовлетворился. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе неожиданнаго оборота (par un revirement du sort) заготовленные акты (les minutes de l'instrument) остались какъ были, проектами—не подписанными.

„Вечеромъ въ театрѣ въ мундирахъ; давали переводъ Adrienne Lecouvreur; въ антрактахъ дворъ собирается въ фойе

къ чаю, гдѣ, между принцами, принцъ Ваза. Строгій этикетъ; располагаются по чинамъ и въ особенности по титуламъ (titres d'appel).

„Когда я возвратился домой, Гамбургеръ приноситъ мнѣ копіи съ бумагъ оставшихся не подписанными. Долгоруковъ приходитъ поболтать и, между прочимъ, говоритъ, что онъ отказался отъ должности посла изъ предусмотрительности, не надѣясь сойтись съ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

„30 сентября. Князь Горчаковъ у меня прежде 7 часовъ утра.

„Въ 8 часовъ, на станціи желѣзной дороги провожаю Ихъ Величества, которые, при прощаніи, обращаются ко мнѣ съ милостивыми словами".

Государь и Императрица отправились изъ Дармштадта въ Веймаръ, гдѣ ожидало ихъ свиданіе съ императоромъ австрійскимъ.

Возвращеніе въ Парижъ.

Графъ Киселевъ выѣхалъ изъ Дармштадта 30 сентября, пробылъ въ Баденѣ до 3 октября и того же числа пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ 6 октября имѣлъ продолжительный разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Валевскимъ о Штутгартскомъ свиданіи Императоровъ.

Занятія дѣлами по устройству молдаво-валахскихъ княжествъ.

Выше уже было сказано, что гр. Киселевъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ объ административной организаціи придунайскихъ княжествъ, и что международная конвенція по этому предмету состоялась только въ августѣ 1858 года. Возвратившись въ Парижъ, Павелъ Дмитріевичъ занялся этимъ дѣломъ. Изъ записокъ его видно, что 9 ноября онъ написалъ программу о томъ, чего слѣдуетъ держаться при разсмотрѣніи и разрѣшеніи этого вопроса, что 11 ноября онъ поѣхалъ въ Компіэнь къ императору, откуда вернулся только 19-го. Столь продолжительное пребываніе можно объяснить лишь трудностями, которыя возникали въ соглашеніяхъ по вопросу о княжествахъ; затрудненія порождались требованіями Австріи, Турціи и Англіи. Англія, какъ извѣстно, стояла на сторонѣ Австріи и Турціи, и всего нужнѣе было привлечь ее на свою сторону.

Тревожный для графа Киселева на новомъ его поприщѣ 1857 годъ заканчивался, оставляя почти всѣ политическіе вопросы открытыми и породивъ новыя дипломатическія столкновенія вмѣшательствомъ Германіи въ распрю Даніи съ подвластными ей герцогствами Шлезвигскимъ и Голштинскимъ, которыя въ тоже время входили въ составъ Германскаго союза.

Сочувственное отношеніе гр. Киселева къ внутреннимъ дѣламъ Россіи.

Въ теченіе 1857 года Павелъ Дмитріевичъ видѣлся въ Парижѣ и, во время своихъ путешествій, въ другихъ мѣстахъ со многими изъ своихъ соотечественниковъ, которые сообщили ему о дѣлахъ родины. Онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ работъ обновленія, задуманнаго въ началѣ новаго царствованія.

Въ дневникѣ есть много слѣдовъ самаго горячаго участія его ко всему, что дѣлалось въ Россіи въ его отсутствіе.

Такъ, получивъ въ апрѣлѣ вѣсть о смерти Тенгоборскаго онъ записалъ: „чувствительная потеря и въ особенности въ отношеніи финансовыхъ дѣлъ. Это единственный теоретикъ, съ которымъ мы могли совѣщаться“.

Послѣ встрѣчи, въ Остенде, съ Войцеховичемъ, въ августѣ, онъ записалъ: „Войцеховичъ мнѣ многое передалъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи; чувствуется, говоритъ онъ, ослабленіе власти; умы въ броженіи“.

Находившійся въ Парижѣ, въ ноябрѣ, посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, Аничковъ, передалъ Павелъ Дмитріевичъ, что назначеніе великобританскихъ консуловъ по прибрежьямъ Каспійскаго моря есть дѣло Персіи, а не Англіи, и что онъ объ этомъ уже писалъ въ министерство два года тому назадъ.

Князь Д. Оболенскій, 11 ноября, читалъ ему записку Ю. Ѳ. Самарина о поземельной собственности крестьянъ.

Вопросы о крестьянахъ, ихъ освобожденіи и экономическомъ устройствѣ особенно занимали его; такъ, кромѣ работъ по запискамъ, переданнымъ ему Государемъ, Киселевъ, по просьбѣ великой княгини Елены Павловны, въ сентябрѣ, составилъ предположеніе объ экономической реформѣ управленія Карловкою, имѣніемъ Ея Высочества, въ виду освобожденія крестьянъ и ихъ устройства.

По прочтеніи проектовъ разныхъ лицъ присланныхъ ему изъ любопытства, объ освобожденіи крестьянъ въ губерніяхъ с.-петербургской и сѣверо-западнаго края, онъ записалъ: „это инвентарь и фиктивное освобожденіе безъ земли съ выкупомъ усадебъ, а помѣщикамъ предоставляется ворочать всѣмъ; они, конечно, хорошо этимъ воспользуются“.

Любопытны также записанныя два замѣчанія маршаловъ Вальяна и Пелисье о Крымской войнѣ:

„Вальянъ говоритъ о войнѣ и ея трудностяхъ; онъ всегда былъ противъ этой войны и не будь письма Императора Николая—ея бы не было. Онъ привелъ мнѣ басню о Леопардѣ, Обезьянѣ, Суркѣ и Медвѣдѣ.

„Пелисье увѣряетъ, что въ послѣдніе дни войны, Канроберъ потерялъ голову и мысль о снятіи осады уже витала“.

Наконецъ, подъ 26 днемъ августа записано: „Рихтеръ (нашъ посланникъ въ Брюсселѣ) говоритъ мнѣ, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подкапываются подъ меня“.

ГЛАВА XLVI.

1858 годъ.

Пріемъ у Наполеона III въ новый годъ.—Лордъ Коулей и его отношенія къ гр. Киселеву.—Отношенія Англіи къ Россіи.—Покушеніе Орсини на жизнь императора Наполеона.—Неоднократныя посягательства на жизнь Наполеона III.—Тайные происки виндзорскаго кабинета противъ Россіи и Франціи.—Недовѣрчивость императрицы Евгеніи и разговоръ ея съ гр. Киселевымъ по этому поводу.—Дипломатическая переписка французскаго кабинета съ англійскимъ, по поводу подстрекательства политическихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Англіи.—Паденіе министерства лорда Пальмерстона. — Улаженіе несогласій, возникшихъ между Англіею и Франціею, по поводу переписки объ эмигрантахъ.—Мнѣніе гр. Киселева о депешѣ Валевскаго.—Назначеніе маршала Пелисье посломъ въ Лондонъ.—Рѣчь Наполеона при открытіи законодательной сессіи.—Празднества, балы, обѣды въ Парижѣ.—Блестящіе пріемы гр. Киселева.—Политика Австріи тревожитъ Наполеона.—Раздѣленіе Франціи на военные округи и назначеніе регентства.—Конференція по дѣламъ дунайскихъ княжествъ.—Мнѣніе гр. Киселева и внесенная имъ въ конференцію записка.—Гр. Киселевъ расходится въ мнѣніи съ гр. Коулеемъ, касательно наслѣдственнаго господарства.—Заявленіе гр. Киселева объ имѣніяхъ упраздненныхъ монастырей и о консульской юрисдикціи въ княжествахъ.—Конвенція о навигаціи по Дунаю, принятая Австріею и Турціею, отвергнута.—Волненія въ Босніи, Албаніи и Герцоговинѣ.—Огражденіе территоріи Черногоріи.—Русскій фрегатъ „Палканъ“, въ водахъ Адріатическаго моря.—Гр. Киселевъ въ Фонтенебло и его разговоры съ императоромъ и императрицею.—Подписаніе конвенціи о княжествахъ и отъѣздъ гр. Киселева въ Остенде.—Мнѣніе гр. Киселева о бельгійской арміи.—Свиданіе съ Великою Княгинею Еленою Павловною.—Политическій разговоръ съ гр. Редерномъ о германскомъ единствѣ. — Мнѣніе гр. Киселева объ объединеніи германской народности. — Болѣзненное состояніе гр. Киселева и опасные симптомы.—Князь Стурдза и виды его на господарство. — Гр. Киселевъ въ Компіэнѣ.—Предполагавшійся союзъ четырехъ державъ, въ виду войны Франціи съ Австріею. — Либеральное министерство въ Пруссіи и затруднительное положеніе нашего посла въ Берлинѣ. — Отъѣздъ двора изъ Компіэна и прошеніе гостей и императрицы объ отсрочкѣ его.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ во Франціи и пріѣздъ его въ Парижъ.—Разоблаченіе Наполеономъ своихъ политическихъ плановъ Великому Князю.—Вмѣшательство Австріи въ дѣла Сербіи.

Пріемъ Наполеона III въ новый годъ.

Въ день новаго года (1858) дипломатическій корпусъ принесъ Императору обычное поздравленіе и пожеланіе. Наполеонъ, поблагодаривъ, выразилъ надежду, что въ наступившемъ

году укрѣпятся еще болѣе дружескія отношенія государей и международное согласіе. Затѣмъ, онъ подошелъ къ лорду Коулею и къ гр. Киселеву, пожалъ имъ руки и прошелъ мимо пословъ австрійскаго и турецкаго не сказавъ имъ ни слова. Эта явная холодность къ послѣднимъ была замѣчена, но не встревожила общественнаго мнѣнія, потому что добрыя отношенія съ Англіею и Россіею достаточно ручались за сохраненіе мира.

Лордъ Коулей и его отношенія къ гр. Киселеву.

Взысканные любезностью Наполеона представители Россіи и Англіи, были между собою въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Изъ дневника Киселева видно, что Коулей очень часто навѣщалъ его и между ними случались не рѣдко разговоры *интимные*, какъ называетъ ихъ самъ Павелъ Дмитріевичъ, продолжавшіеся по нѣсколько часовъ. Такъ, вскорѣ послѣ новаго года, 5-го января, они совѣщались о положеніи, которое каждый изъ нихъ долженъ занять въ вопросахъ о дунайскихъ княжествахъ и условіяхъ навигаціи по Дунаю; о трехъ портахъ на Черномъ морѣ; затѣмъ, о гр. Хрептовичѣ, нашемъ посланникѣ въ Лондонѣ, лордѣ Вудгаузѣ, великобританскомъ посланникѣ въ Петербургѣ, о Бруновѣ, о французской политикѣ, о щекотливости Людовика Наполеона и о причинахъ вызвавшихъ восточную войну, вопреки будто бы желанію Англіи.

Лордъ Коулей, племянникъ знаменитаго герцога Веллингтона (онъ сынъ лорда Уелеслея, роднаго брата герцога), занималъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ разныя дипломатическія должности. Посломъ при новомъ Тюльерійскомъ дворѣ онъ былъ назначенъ 6-го декабря 1852 г., вслѣдъ за провозглашеніемъ имперіи, какъ дипломатъ болѣе надежный, чѣмъ предмѣстникъ его лордъ Нормэнби, для установленія добрыхъ отношеній между двумя кабинетами. Лордъ Коулей вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ. Гр. Киселевъ дорожилъ бесѣдами опытнаго и умнаго дипломата, который, въ свою очередь, не могъ не цѣнить высокихъ личныхъ качествъ Павла Дмитріевича.

Отношенія Англіи къ Россіи.

Несмотря, однако, на дипломатическій тактъ, которымъ безспорно обладалъ лордъ Коулей въ высшей степени, ему

не удалось увѣрить графа Киселева, что Англія была вовлечена въ крымскую войну помимо своего желанія. Павелъ Дмитріевичъ, конечно, помнилъ враждебныя слова лорда Кларендона, сказанныя въ ночь на 24-го февраля 1854 г. въ палатѣ общинъ. „Война противъ царя не приведетъ ни къ чему, если оставятъ въ цѣлости когти его; онъ будетъ дѣлать ими захваты и впредь. Надо заставить его возмѣстить съ избыткомъ и 100 милліоновъ, и потоки крови, которыми пожертвуетъ Европа въ борьбѣ съ нимъ; заплатить же все это онъ долженъ не деньгами, а возвратомъ всѣхъ захваченныхъ территорій, захватовъ, угрожающихъ спокойствію сосѣднихъ державъ. Европа до тѣхъ поръ не будетъ покойна, пока притязанія петербургскаго кабинета къ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Даніи, Турціи не будутъ устранены; безъ этого, во всѣхъ этихъ государствахъ никакая либеральная политика невозможна. Поэтому необходимо, разъ навсегда, собрать всѣ силы Европы и безъ всякихъ дурныхъ помысловъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ видовъ, отбросить русское государство въ предѣлы, которые ему предназначены природою и исторіею“.

Наполеонъ, хотя расточалъ любезности лорду Коулею, но постоянно недовѣрчиво взиралъ на Англію и 9-го января на балѣ въ Тюльери, въ разговорѣ съ гр. Киселевымъ о свиданіи въ Веймарѣ двухъ Императоровъ, Александра и Франца-Іосифа, говорилъ о возможности тройственнаго англо-германскаго союза.

Покушеніе Орсини на жизнь императора Наполеона.

Вскорѣ за симъ случилось событіе, угрожавшее Франціи новымъ переворотомъ и усложнившее еще болѣе недоразумѣнія между Франціею и Англіею.

14-го января, когда Наполеонъ съ императрицею и дежурнымъ генералъ-адъютантомъ подъѣзжали въ каретѣ, къ зданію театра de l'Opéra, подъ лошадей и экипажъ были брошены итальянцемъ Орсини, три начиненныя пулями бомбы, разрывъ которыхъ, направленный противъ жизни императора, не причинилъ, однако, царственной четѣ никакого вреда.

Императоръ и императрица оставались въ театрѣ не долго и возвратились въ Тюльери, гдѣ ихъ ожидали, съ поздравле-

ніями о чудесномъ спасеніи, высшіе чины и нѣкоторыя лица дипломатическаго корпуса, въ числѣ которыхъ былъ и великобританскій посолъ лордъ Коулей.

Гр. Киселевъ, остававшійся вечеръ 14-го у себя дома, узналъ о случившемся тотчасъ-же и телеграфировалъ въ Петербургъ. Онъ принесъ поздравленіе Наполеону и Евгеніи на другой день, утромъ, гдѣ засталъ уже всѣхъ министровъ, собравшихся на придворное молебствіе. „Я былъ одинъ въ мундирѣ", записано у него въ дневникѣ, „императоръ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и съ величайшимъ спокойствіемъ разсказалъ происшедшее наканунѣ; императрица разсказывала тоже, причемъ обратила мое вниманіе на сильно воспаленный глазъ, отъ попавшаго въ него осколка оконнаго стекла кареты, а императоръ указалъ на царапину на носу, прибавляя, что болѣе всего пострадала его шляпа".

16-го числа, въ часъ дня, собрался въ Тюльери весь дипломатическій корпусъ, отъ лица котораго, папскій нунцій выразилъ чувства негодованія, которыми преисполнились сердца всѣхъ представителей иностранныхъ державъ, при извѣстіи о покушеніи и, отъ лица же ихъ, принесъ поздравленіе о счастливомъ сохраненіи драгоцѣнныхъ дней императора и императрицы.

Неоднократныя посягательства на жизнь Наполеона III.

Жизнь императора Наполеона подвергалась уже не первый разъ опасности. Невзирая на всю бдительность полиціи и на предостереженія, получавшіяся отъ многочисленныхъ тайныхъ агентовъ, которые содержались во всѣхъ мѣстахъ заграницею, гдѣ проживали изгнанники, было нѣсколько покушеній на его жизнь.

17-го января, въ Парижѣ, было назначено благодарственное молебствіе въ соборѣ Богоматери и лордъ Коулей забѣжалъ къ Киселеву посовѣтоваться: ѣхать ли имъ туда, полагая съ своей стороны лучше воздержаться отъ участія, потому что приглашеній не было и неизвѣстно, оставлены-ли мѣста для дипломатическаго корпуса.

„Такъ какъ онъ старше меня (mon ancien, т.-е. старѣе по времени назначенія) и какъ было уже два часа, то я со-

гласился съ нимъ", записалъ Павелъ Дмитріевичъ въ своемъ дневникѣ.

Тайные происки виндзорскаго кабинета противъ Россіи и Франціи.

Изъ этого дневника подъ 16 числомъ, видно, во-первыхъ, что „одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ лорда Пальмерстона (въ то время стоявшаго во главѣ министерства) заслуженный капитанъ морской службы Манзель, былъ посланъ осенью (1857 г.) во всѣ порты Франціи, для наблюденія какія тамъ производятся постройки и вооруженія. Въ настоящее время онъ посланъ въ Константинополь для надзора за французскимъ и русскимъ посольствами; передавая это сообщеніе, просятъ держать его въ самой строгой тайнѣ"; и во-вторыхъ, что „лордъ Пальмерстонъ поручилъ одному ирландскому священнику передать папѣ, чтобы онъ не поддавался угрозамъ французскаго кабинета (de ne pas se laisser intimider): этотъ священникъ былъ указанъ (signalé) русскому министерству для предувѣдомленія герцога Граммона" (французскаго посла въ Римѣ).

Недовѣрчивость императрицы Евгеніи и разговоръ ея съ гр. Киселевымъ по этому поводу.

Наполеонъ, какъ видно, имѣлъ основаніе сомнѣваться въ искренности англійскаго посла и не довѣряться лондонскому кабинету.

Императрица Евгенія высказывала тоже недовѣрчивость къ наружнымъ знакамъ сочувствія, которыми ихъ осыпали со всѣхъ сторонъ, по поводу происшествія 14-го января.

30-го января, послѣ обѣда въ Тюльери, Павелъ Дмитріевичъ записалъ слѣдующее:

„Разговоръ съ императоромъ и императрицею; разговоръ съ императрицею коснулся покушенія Орсини и его послѣдствій. „Чувства, которыя выражаютъ, не всегда искренни", сказала она.—„Въ наше время, отвѣчалъ я, „заявленія надо оцѣнивать по личнымъ интересамъ, которые внушаютъ ихъ; чувства тутъ, обыкновенно, ни при чемъ; примѣромъ тому служатъ роялисты обоихъ цвѣтовъ. Они держатся за императора, какъ за лучшій залогъ для ихъ безопасности личной и имущественной. Конечно, чувство это корыстное, но надо и имъ довольствоваться. Цезарь говорилъ: кто не противъ меня, тотъ за меня. Онъ былъ правъ тогда, а въ нашъ вѣкъ,

былъ-бы правъ въ сто кратъ болѣе". — „Такъ, но *они противъ насъ*". — „На словахъ", отвѣчалъ я, „это свойственная Франціи эпидемическая болѣзнь, которую надо умѣть переносить". — „Мы получаемъ", возразила она, „сердечныя заявленія со всѣхъ сторонъ, но на сколько можно на нихъ положиться? я понимаю, что мужчины, увлеченные политическими убѣжденіями, рѣшительно и открыто ихъ высказываютъ и что слова ихъ бываютъ искренни; но женщины сохраняютъ впечатлѣнія той среды, въ которой родились, воспитанія и обстановки, въ которой живутъ, поэтому мудрено *вполнѣ* довѣриться увѣреніямъ дружбы изъявляемой ими". Намекъ былъ слишкомъ ясенъ, и я отвѣчалъ: оцѣнка, которую ваше величество сейчасъ сдѣлали, можетъ оправдаться и я не стану ее оспаривать; но не слѣдуетъ придавать крайняго смысла словамъ; *полное* довѣріе можетъ быть только дѣломъ времени, а до тѣхъ поръ, эти увѣренія, эти выраженія дружбы, должны быть принимаемы, по моему мнѣнію, за выраженіе и заявленіе добраго расположенія, а для начала это имѣетъ уже свое значеніе; въ подобныхъ обстоятельствахъ, правило Цезаря весьма примѣнимо; какъ думаете объ этомъ вы, ваше величество?" — „И да и нѣтъ", отвѣчала она. Тутъ послѣдовалъ цѣлый рядъ объясненій (définitions), которыя привели насъ къ разговору о нѣмецкихъ принцессахъ и ихъ предвзятыхъ идеяхъ, и т. д.

„Вечеромъ, ко мнѣ подошелъ императоръ и сказалъ: Знаете-ли, что саксонскій король предложилъ намъ сдѣлать коллективное, дружеское сношеніе съ англійскимъ правительствомъ на счетъ изгнанниковъ? Австрія отклонила это предложеніе, а мы отвѣчали, что уже вошли въ прямое сношеніе; союзники наши, — наши друзья, — обѣщаютъ, но что изъ этого выйдетъ? При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ жестъ которымъ хотѣлъ сказать: не знаю".

Сомнѣнія Наполеона, въ благопріятномъ исходѣ дипломатическихъ переговоровъ съ виндзорскимъ кабинетомъ, оправдывались отчасти слѣдующимъ эпизодомъ, разыгрывавшимся въ то самое время, по ту сторону Ламанша.

Дипломатическая переписка французскаго кабинета съ англійскимъ по поводу подстрекательствъ политическихъ эмигрантовъ проживающихъ въ Англіи.

Въ нотѣ отъ 20 января, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Валевскій, поручилъ французскому послу въ Лондонѣ, графу Персиньи, представить правительству королевы Викторіи, что новое покушеніе на жизнь императора, совершенное Орсини съ сообщниками, было, какъ и предъидущія, задумано и подготовлено въ Англіи; что сторонники демагогіи, поселившіеся въ этой странѣ, не довольствуясь, подъ прикрытіемъ свободы печати порождать смуты возбужденіемъ народныхъ страстей, возводятъ, наконецъ, убійство на степень ученія! Императорское правительство высоко цѣнитъ и уважаетъ щедрое гостепріимство, которое находятъ въ Англіи иностранцы преслѣдуемые за политическія убѣжденія; Франція, съ своей стороны, движимая человѣколюбіемъ, никогда не замыкала границъ своей территоріи подобнымъ лицамъ, не запятнавшимъ себя безчестіемъ. Но возможно-ли, чтобъ правомъ убѣжища пользовались убійцы? Должно-ли законодательство Англіи служить кровомъ ихъ цѣлямъ и дѣйствіямъ? И можетъ-ли оно и за симъ охранять людей, явными преступленіями ставящихъ себя внѣ общихъ законовъ, отверженцевъ человѣчества? Правительство императора, передавая эти вопросы на благоразсмотрѣніе правительства королевы Викторіи, исполняетъ не только долгъ свой, но удовлетворяетъ громко заявленному народному чувству, полагающему себя вправѣ надѣяться на участіе Англіи въ вопросѣ, обнимающемъ какъ общечеловѣческіе интересы, такъ въ частности и интересы сосѣдней, дружеской союзной державы.

Нота эта, написанная въ самомъ любезномъ и дружескомъ тонѣ, оканчивалась словами: „совершенно полагаясь на высокую мудрость англійскаго кабинета, мы воздерживаемся отъ всякаго указанія на то, какія мѣры могли бы быть приняты, въ полной увѣренности, что не напрасно взываемъ къ его совѣсти и высокой честности“.

Такое сообщеніе было принято весьма благосклонно англійскимъ министерствомъ, во главѣ котораго стоялъ лордъ Пальмерстонъ. Не находя въ этомъ сообщеніи ничего оскорбительнаго для Англіи и ея учрежденій, готовый исполнить спра-

ведливое требованіе Франціи и сознавая, что англійскіе законы, карающіе возмущеніе и убійство, не вполнѣ примѣнимы къ преступленіямъ сего рода, совершаемымъ внѣ англійской территоріи живущими въ Великобританіи иностранцами,—онъ изготовилъ и внесъ въ парламентъ проектъ билля, долженствовавшій пополнить ощущаемый въ законодательствѣ пробѣлъ.

Но въ то время, когда проектъ новаго закона разсматривался и даже, при первомъ его чтеніи, былъ одобренъ значительнымъ большинствомъ, противники,—не столько самаго билля, сколько министерства его представившаго,—воспользовались, для нападокъ своихъ на послѣднее, неловкостью французскаго оффиціальнаго органа, Монитера. Дѣло въ томъ, что въ газетѣ этой были напечатаны адресы начальниковъ разныхъ частей французской арміи, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ адресовъ говорилось, въ выраженіяхъ довольно сильныхъ, о странахъ въ коихъ находятъ убѣжище убійцы.

Публикацію такихъ адресовъ въ Монитерѣ представляли угрозою, а затѣмъ, и въ самой нотѣ Валевскаго стали находить намеки на то, будто Англія завѣдомо укрываетъ и покровительствуетъ убійцамъ.

Паденіе министерства лорда Пальмерстона.

Почерпая новую силу въ такомъ настроеніи умовъ, радикальный членъ палаты Мильнеръ Джибсонъ, при вторичномъ чтеніи проекта билля, вызваннаго нотою Валевскаго, перенесъ вопросъ на другую почву и предложилъ вотировать, не заслуживаетъ-ли министерство порицанія за то, что не послало на грозную ноту должнаго отвѣта? Напрасно Пальмерстонъ возражалъ, что не считалъ себя въ правѣ отвѣчать, не заручившись мнѣніемъ Палаты,—предложеніе Джибсона было принято и министерство, столько лѣтъ правившее страною, пало.

Улаженіе несогласій, возникшихъ между Англіею и Франціею по поводу переписки объ эмигрантахъ.

Во вновь образовавшееся, 26-го февраля, министерство лорда Дерби, министромъ иностранныхъ дѣлъ вступилъ лордъ Мальмсбери, который, въ депешѣ отъ 4-го марта, поручилъ, лорду Коулею передать графу Валевскому, что новые совѣтники королевы искренно желаютъ сохранить, во всей неприкосновенности, отношенія тѣсной дружбы, которая со времени возстановленія имперіи, отличала союзъ Франціи съ Англіею,

къ большой выгодѣ обѣихъ сторонъ. Не раздѣляя, съ своей стороны, недоразумѣнія возникшаго въ Англіи, по поводу сообщенія французскаго кабинета, отъ 20 января, онъ приглашаетъ министра иностранныхъ дѣлъ оказать ему помощь для выясненія точнаго смысла этого сообщенія, причемъ просилъ обратить вниманіе графа Валевскаго на то, что выраженіе употребленное въ томъ сообщеніи „убійство, возведенное на степень ученія, громко проповѣдывается“ и поставленный вопросъ „должно-ли право убѣжища, служить прикрытіемъ и способствовать осуществленію преступныхъ намѣреній и дѣйствій?“,—могли, конечно по формѣ своей, найти объясненіе будто въ Англіи, упоминаемыя преступныя дѣйствія не признаются вредными, что ихъ можно совершать безнаказанно, и что Англійское законодательство покровительствуетъ и ограждаетъ отъ наказанія завѣдомо виновныхъ. Между тѣмъ, всѣ подобныя преступленія, доказанныя передъ судомъ присяжныхъ, влекутъ за собою болѣе или менѣе тяжкія наказанія; а преслѣдованія противъ соучастника въ послѣднемъ покушеніи (Бернара) и противъ издателей сочиненій „возводящихъ убійство на степень ученія“, уже возбуждены.

Депеша лорда Мальмсбери оканчивалась такъ: „Мы надѣемся, что эти указанія убѣдятъ графа Валевскаго, что выраженія его были весьма дурно поняты, или что самыя эти выраженія были послѣдствіемъ несовсѣмъ точнаго уясненія себѣ законовъ Англіи, и что, въ томъ и другомъ случаѣ, его превосходительство, съ тою правдивостью, которая всегда была отличительною чертою его характера, поспѣшитъ дать объясненіе, устраняющее всякое недоразумѣніе“.

Графъ Валевскій не замедлилъ отвѣтомъ, и въ депешѣ отъ 11-го марта, на имя графа́ Персиньи, французскаго посланника при Лондонскомъ дворѣ, писалъ:

„Правительство императора принимаетъ съ удовольствіемъ дружественныя увѣренія новаго кабинета, и съ искреннею радостью усматриваетъ, что нынѣшнее министерство, также какъ и предъидущее, не усомнилось ни въ намѣреніяхъ на-

шихъ, ни въ значеніи фактовъ, которые мы нашли нужнымъ указать правительству королевы.

„Правительство императора льститъ себя надеждою, что въ теченіе 6 лѣтъ постоянныхъ сношеній, едва-ли можно было когда нибудь подметить желаніе, какимъ бы то ни было образомъ, уязвить достоинство англійскаго народа; его величество, напротивъ, при каждомъ случаѣ, какъ во время мира, такъ и во время войны, старался скрѣпить узы связывающіе оба народа. Императоръ, вы это знаете, глубоко сознавалъ, что примиреніе двухъ великихъ націй, послѣ многовѣковаго антагонизма, можетъ быть искренно и прочно при одномъ условіи: чтобы честь однаго народа никогда не приносилась въ жертву чести другаго.

„Эти чувства, постоянно подтверждавшіяся правительственными актами, достаточно опровергаютъ превратное понятіе порожденное сообщеніемъ 20 января. Притомъ, что-же произошло? Я просилъ васъ передать правительству королевы о существованіи въ Лондонѣ секты иностранцевъ, которая въ своихъ публикаціяхъ о митингахъ возводитъ убійство въ доктрину, и которая, въ теченіе шести лѣтъ, послала во Францію не менѣе восьми убійцъ противъ особы императора, что подтверждаютъ приговоры присяжныхъ.

„Всѣ эти покушенія не могли поколебать спокойствія императора; уповая на Провидѣніе, его величество взираетъ на козни, направленныя противъ его личности, съ величайшимъ презрѣніемъ; но Франція глубоко тронута и возмущена; а какъ въ то время, когда я посылалъ вамъ первую депешу, не было принято въ Лондонѣ никакихъ репрессивныхъ мѣръ, то общественное мнѣніе во Франціи,—не справляясь ни съ существующими въ Англіи порядками судопроизводства, ни съ причинами побудившими министерство къ воздержанію отъ принятія какихъ либо мѣръ, о чемъ упоминаетъ въ своей депешѣ графъ Мальмсбери,—немогло примириться съ тѣмъ, что такое дерзкое преступленіе остается безъ преслѣдованія.

„Впрочемъ, сущность нашего домогательства была выяснена, со всею опредѣлительностію, самимъ императоромъ, ко-

торый писалъ вамъ въ концѣ января: я хорошо понимаю, какъ мало дѣйствительны могутъ быть принятыя мѣры; но во всякомъ случаѣ онѣ успокоятъ негодованіе, которое здѣсь велико; объясните хорошенько министрамъ королевы наше положеніе; дѣло не въ томъ, чтобы спасать мою жизнь, а въ томъ чтобы спасти союзъ двухъ народовъ.

„Императоръ не просилъ содѣйствія державъ, чтобъ обезпечить собственную свою безопасность; его руководило болѣе возвышенное чувство, болѣе вѣскій интересъ: сохранить существующія добрыя отношенія съ сосѣдними государствами.

„Моя депеша отъ 20-го января, не имѣла иной цѣли, какъ заявить неудовлетворительное положеніе дѣлъ; но я старался воздержаться отъ указанія, чѣмъ именно можно бы пособить, и я не въ состояніи понять какимъ образомъ нѣкоторыя выраженія этой депеши, могли быть превратно истолкованы. Впрочемъ, я даже не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что мнѣ никогда не приходило на мысль, чтобъ англійское законодательство завѣдомо покровительствовало и, чтобъ употребить подлинное выраженіе лорда Мальмсбери, ограждало виновнаго отъ наказанія.

„Передавая эти увѣренія министру иностранныхъ дѣлъ, прибавьте, что какъ намѣренія императора остались не понятыми, то правительство его величества воздержится впредь отъ дальнѣйшей переписки по этому дѣлу, которая продолжаясь, могла бы уронить достоинство и нарушить добрыя отношенія обоихъ государствъ, и что онъ полагается вполнѣ на высокую честность англійскаго народа".

Изъ нижеслѣдующей замѣтки гр. Киселева, записанной 12-го марта, видно, что Валевскій далъ ему прочитать свой отвѣтъ лорду Мальмсбери.

„На дипломатическомъ пріемѣ гр. Валевскаго ему вздумалось дать мнѣ, для прочтенія, свой отвѣтъ Мальмсбери, который требовалъ отъ него объясненія по нѣкоторымъ выраженіямъ ноты 20-го января. Этотъ отвѣтъ показался мнѣ краткимъ извлеченіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ брошюры Лагероньера, съ прибавленіемъ дружескихъ увѣреній въ желаніи

Мнѣніе гр. Киселева о депешѣ Валевскаго.

сохранить самый тѣсный союзъ съ Англіею. Я не могу судить въ какой степени сохранено въ депешѣ Валевскаго достоинство Франціи, потому что не читалъ депеши Мальмсбери, но въ депешѣ Валевскаго первенствуетъ мысль, во что бы ни стало покончить дѣло и возстановить сердечное и неразрывное согласіе. Этого достигнуть легко, потому что того же, въ равной степени, желаютъ по ту сторону пролива и, лишь бы сохранены были приличія, добрыя отношенія между двумя кабинетами удержатся, такъ какъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, оба сознаютъ это необходимымъ. Валевскій увѣрялъ меня, что англичане опасаются разрыва съ Франціею. Съ другой стороны, я думаю, что французы желали бы этого разрыва, если бы могли разсчитывать на наступательный и оборонительный союзъ съ Россіею. Что до меня касается, то я полагаю, что заключить оборонительный союзъ было бы можно,— наступательный другое дѣло“.

Отвѣтъ Валевскаго успокоилъ вполнѣ раздраженіе политическихъ людей Англіи.

Рѣчь Наполеона при открытіи законодательной сессіи.

При открытіи 18-го января законодательной сессіи 1858 года, императоръ въ многословной своей рѣчи коснулся положенія внѣшнихъ дѣлъ. „Никогда“, сказалъ онъ, „отношенія Франціи къ европейскимъ державамъ не были такъ хороши; наши прежніе союзники, вѣрные чувству, порожденному общимъ дѣломъ, являютъ намъ и нынѣ такое же довѣріе, а новые—своими добрыми отношеніями, своимъ честнымъ содѣйствіемъ во всѣхъ великихъ вопросахъ дня, заставляютъ насъ почти сожалѣть, что мы воевали противъ нихъ. Я имѣлъ случай убѣдиться въ Осборнѣ и въ Штутгартѣ, что желаніе мое сохранить прежніе союзы и завязать новые, было встрѣчено равно сочувственно главами обѣихъ великихъ державъ.

„Если политика Франціи оцѣняется въ Европѣ по ея достоинству, то это потому, что мы благоразумно вмѣшиваемся лишь въ дѣла, касающіяся или непосредственно нашихъ національныхъ интересовъ, или интересовъ нашихъ, какъ великой европейской державы; поэтому-то я воздержался вмя-

зываться въ вопросъ о герцогствахъ, который въ настоящее время волнуетъ Германію, вопросъ этотъ чисто нѣмецкій и останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока не угрожаетъ неприкосновенности Даніи. Напротивъ, если я вмѣшался въ дѣла Невшателя, то потому, что король Прусскій просилъ моего посредничества, и я былъ счастливъ, въ этомъ случаѣ, что содѣйствіемъ своимъ могъ уладить дѣло, угрожавшее спокойствію Европы.

„Дивятся несогласію нашему со многими изъ союзниковъ нашихъ въ вопросѣ о княжествахъ: причина та, что Франція, вѣрная своей безпристрастной политикѣ, всегда, когда обращались къ ней, покровительствовала, насколько не противились тому трактаты, стремленіямъ народнымъ. Впрочемъ, въ конференцію, которая должна открыться въ Парижѣ, мы внесемъ духъ примиренія, что̀ поможетъ побороть трудности, неразлучныя съ разномысліемъ".

Недѣлю спустя послѣ происшествія 14-го января, какъ бы въ подтвержденіе словъ въ нотѣ Валевскаго, что спокойствіе Наполеона не могло поколебаться, былъ назначенъ большой балъ въ Тюльери, на которомъ было много Русскихъ. Празднества, балы, обѣды въ Парижѣ.

Вообще празднества, балы и обѣды смѣнялись одни другими. Особеннымъ великолѣпіемъ отличался балъ данный 25-го января въ англійскомъ посольствѣ, по случаю дня свадьбы въ этотъ самый день, въ Лондонѣ, принца Прусскаго со старшею дочерью королевы, принцессою Викторіею.

Графъ Киселевъ тоже принималъ у себя: онъ вообще любилъ скромную жизнь и дорожилъ спокойствіемъ, какъ необходимымъ условіемъ для размышленія и занятій; но когда требовалось явить себя представителемъ могущественной державы, покорялся тому и ничего не щадилъ. Какъ гостепріимный и любезный хозяинъ онъ едва-ли имѣлъ соперника и, въ высшихъ сферахъ, всегда слылъ любимцемъ дамъ. Блестящіе пріемы гр. Киселева.

Въ январскихъ номерахъ Journal de S.-Pétersbourg 1858 года находимъ слѣдующія извѣстія, заимствованныя изъ бельгійскихъ газетъ:

„Много говорятъ о великолѣпномъ обѣдѣ (18-го января).

которымъ угостилъ гр. Киселевъ дипломатическій корпусъ. Не только столъ былъ убранъ съ неслыханною роскошью, но къ каждому прибору былъ приставленъ особый слуга, а каждая изъ приглашенныхъ дамъ, получила изъ рукъ хозяина роскошный букетъ цвѣтовъ, поднесенный въ богатомъ porte-bouquet. Вслѣдъ за этимъ былъ у гр. Киселева другой, такой же великолѣпный обѣдъ, 28-го января, на которомъ, между другими гостями, находились: министръ двора Фульдъ съ женою, первый камергеръ императрицы герцогъ Ташеръ-де-ла-Пажери, съ женою же, оберъ-церемоніймейстеръ Камбасересъ, маршалъ Боске, оберъ-шталмейстеръ генералъ Флёри съ женою, князь Варшавскій, прибывшій 25-го числа съ собственноручнымъ письмомъ Государя къ Наполеону, по поводу происшествія 14-го января, посланникъ бельгійскій Рожье съ женою, лордъ Гертфордъ, постоянно проживавшій въ Парижѣ, имѣвшій колоссальное состояніе и слывшій первымъ богачемъ Англіи, лордъ Пемброкъ, также какъ и предъидущій пэръ Англіи, префектъ сенскаго департамента Гаусманъ съ женою", и проч.

Политика Австріи тревожитъ Наполеона.

Былъ также обѣдъ у Ротшильда, на который были приглашены Валевскій и четыре посла (повидимому, Киселевъ, Коулей, прусскій Гацфельдъ и французскій въ Вѣнѣ бар. Буркеней). „Разговоръ", записалъ Павелъ Дмитріевичъ, „былъ продолжительный и очень любопытный объ Австріи, ея замѣчательныхъ дѣятеляхъ, ея конкордатѣ и политикѣ ея въ вопросахъ о Дунаѣ, которую Буркеней порицалъ, и о придунайскихъ княжествахъ, съ которою соглашался".

Несогласіе въ вопросѣ о княжествахъ, на которое такъ недавно указалъ въ своей рѣчи Наполеонъ, приписывалось главнымъ образомъ Австріи; трудно объяснить, какъ могъ Буркеней, акредитованный при этой державѣ, въ присутствіи своего министра, говорить, что раздѣляетъ взглядъ Австріи. Впрочемъ, разговоръ могъ быть совершенно частный, въ которомъ гости Ротшильда высказывали, не стѣсняясь ничѣмъ, свои личныя убѣжденія.

Несомнѣнно однако то, что политика Австріи крайне заботила Наполеона. Появившаяся въ это время, въ Берлинѣ,

по поводу новаго родственнаго союза королевскихъ домовъ Великобританіи и Пруссіи, брошюра подъ заглавіемъ Quid faciamus nos?—которая проповѣдывала тѣсный союзъ между Пруссіею, Англіею и Австріею, для противовѣса Франціи и Россіи; политическая комбинація какого-то нѣмецкаго публициста, ни на чемъ не основанная, создала въ воображеніи Наполеона призракъ отпаденія Англіи отъ союза съ Франціею, союза, которымъ онъ наиболѣе дорожилъ. Онъ, повидимому, уже тогда искалъ предлога къ разрыву съ Австріею.

Раздѣленіе Франціи на военные округа и назначеніе регентства.

Но прежде, чѣмъ вступить въ открытую борьбу съ этою державою, требовалось обезпечить внутреннее спокойствіе. Съ этою цѣлію, декретомъ 27-го января, вся Франція была раздѣлена на пять военныхъ округовъ, начальство надъ которыми было поручено маршаламъ Франціи; декретомъ 1-го февраля, на случай регентства, за малолѣтствомъ императорскаго принца, учрежденъ тайный совѣтъ, который долженъ состоять при регентствѣ. Наконецъ, на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ Бильо, назначенъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и всеобщей безопасности генералъ Эспинасъ.

Конференція по дѣламъ Дунайскихъ княжествъ.

Конференція по дѣламъ княжествъ и навигаціи по Дунаю, о которой упомянулъ въ своей рѣчи Наполеонъ, не могла собраться до сихъ поръ, за неполученіемъ донесенія отъ европейской коммиссіи, разработывавшей предстоявшіе вопросы на мѣстахъ.

„У насъ скоро будетъ конференція, — Австрія сдѣлаетъ намъ новыя затрудненія“, сказалъ императоръ гр. Киселеву, вечеромъ 30-го января.—„Этого слѣдуетъ ожидать“, отвѣчалъ я (выписываемъ изъ дневника); „Гюбнеръ былъ у меня и сказалъ, что несмотря на упорство (roideur) австрійскаго кабинета, иногда очень неудобное для его уполномоченнаго, онъ думаетъ, что дѣло можетъ уладиться; но что много надо ожидать въ отношеніи княжествъ; вопросъ этотъ трудный и несмотря на искреннее желаніе устранить препятствія, онъ не увѣренъ, что успѣютъ въ томъ“. Я не хотѣлъ вдаваться въ бо́льшія подробности, такъ какъ мнѣ показалось, что Наполеонъ отчасти уже зналъ содержаніе разговоровъ объ этомъ

предметѣ, происходившихъ у меня съ Валевскимъ; потому я сказалъ, что до полученія отчета европейской коммиссіи, было бы трудно остановиться на мнѣніи болѣе или менѣе основательномъ, но Россія приметъ всѣ комбинаціи конференціи, при условіи, чтобъ права и привиллегіи княжествъ были уважены; затѣмъ, я объяснилъ императору попытки Австріи и Англіи, при всякомъ случаѣ, превратить верховное главенство султана въ неограниченное самодержавіе; это, впрочемъ, продолжалъ я, прямое послѣдствіе всей ихъ политики. Они хотятъ властвовать надъ Турціею и, желая извлечь изъ нея наибольшую пользу, каждая въ своемъ интересѣ, напрягаютъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлать ее сильною и могущественною у себя дома такъ, чтобъ Константинополь обратился въ единственный рычагъ, посредствомъ котораго можно-бъ было орудовать въ провинціяхъ и въ особенности въ провинціяхъ привиллегированныхъ, какъ-то въ Дунайскихъ княжествахъ и Египтѣ".

Отчетъ европейской коммиссіи по дѣламъ княжествъ и навигаціи по Дунаю былъ, наконецъ, подписанъ въ Бухарестѣ 7-го апрѣля 1858 г. и тотчасъ же привезенъ въ Парижъ коммиссаромъ отъ Франціи барономъ Талейраномъ, такъ что засѣданія конференціи начались 22-го мая. Членами конференціи, подъ предсѣдательствомъ графа Валевскаго, были: австрійскій посолъ баронъ Гюбнеръ, англійскій лордъ Коулей, прусскій графъ Гацфельдъ, русскій графъ Киселевъ, сардинскій чрезвычайный посланникъ маркизъ Вилламарина и турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-паша.

Конференція закончила свои труды дипломатическою конвенціею объ организаціи Дунайскихъ княжествъ, подписанною 19-го августа 1858 г.; относительно же навигаціи по Дунаю, конвенція, составленная Австріею, Турціею, Баваріею и Виртембергомъ, хотя была внесена на разсмотрѣніе парижской конференціи, но не была признана послѣднею.

Дѣятельное участіе гр. Киселева въ рѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ, обнаруживается при чтеніи подлинныхъ протоколовъ конференціи.

Мнѣніе гр. Киселева и внесенная имъ въ конференцію записка.

Намъ уже извѣстно, что Турція, Австрія и Англія настаивали на томъ, чтобы сохранить раздѣльность обоихъ княжествъ и ограничиться лишь развитіемъ существующихъ учрежденій, основанныхъ на мѣстныхъ преданіяхъ, правахъ и дѣйствительныхъ интересахъ каждаго края; что, напротивъ, Киселевъ и съ нимъ Валевскій, Гацфельдъ и Вилламарина признавали нужнымъ соединить оба княжества, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ диванами Молдавіи и Валахіи, въ одно политическое тѣло, подъ верховнымъ главенствомъ Турціи. Послѣ продолжительныхъ аргументацій сторонниковъ той и другой комбинаціи, мнѣніе гр. Киселева, поддерживаемое Валевскимъ, восторжествовало.

Засимъ графъ Киселевъ заявилъ, (протоколъ 10-го іюня № IV), что въ предполагаемой конвенціи необходимо опредѣлить и разграничить съ точностью права, какъ верховной власти Оттоманской Порты надъ княжествами, такъ и права самихъ княжествъ и наконецъ, степень посредническаго участія покровительствующихъ державъ, причемъ обѣщалъ представить конференціи подробныя соображенія по этому предмету.

Соображенія эти были изложены имъ въ слѣдующей запискѣ (exposé), занесенной въ протоколъ конференціи 10-го іюня, № IX.

„На основаніи правъ, существующихъ нынѣ, гарантированныхъ трактатомъ 30-го марта и по смыслу этого трактата, можно съ большою точностью опредѣлить отношенія между княжествами и ихъ верховнымъ правительствомъ. Сущность этихъ отношеній можетъ быть выражена такъ:

„Права верховнаго правительства взимать опредѣленную дань, утверждать избраніе князя, входить въ соглашенія: съ княжествами, о мѣрахъ обороны ихъ территорій въ случаѣ нападенія извнѣ, а съ покровительствующими державами о водвореніи, въ случаѣ надобности, нарушеннаго порядка въ княжествахъ; наконецъ, распространять на княжества дѣйствіе международныхъ трактатовъ, не нарушая однако ихъ привиллегій.

„Права княжествъ: установлять, безъ всякаго вмѣшатель-

ства верховнаго правительства, всю внутреннюю администрацію, въ предѣлахъ утвержденныхъ покровительствующими державами, по соглашенію съ Портою; а въ случаѣ нарушенія ихъ привиллегій, обращаться къ Портѣ и покровительствующимъ державамъ.

„Право покровительствующихъ державъ: устранять, путемъ дипломатическихъ переговоровъ и по соглашенію съ Портою, всякое пререканіе, которое можетъ возникнуть между сею послѣднею и княжествами".

Гр. Киселевъ расходится въ мнѣніи съ гр. Коулеемъ, касательно наслѣдственнаго господарства.

Эти опредѣленія правъ каждой стороны, были приняты конференціею безъ всякаго измѣненія.

Когда конференціею было установлено, что исполнительная власть въ каждомъ княжествѣ ввѣряется господарямъ, избраннымъ народными представителями и утвержденнымъ султаномъ, то великобританскій уполномоченный предложилъ, чтобъ единожды выбранные господари пользовались этимъ титуломъ наслѣдственно. При этомъ Коулей предъявлялъ, что существовавшій доселѣ обычай пожизненнаго избранія господарей, не побуждалъ послѣднихъ заботиться о передачѣ своему невѣдомому преемнику благоустроеннаго управленія, что избраніе всегда сопровождается интригами и распрями богатыхъ бояръ между собою, а обязательство при каждомъ новомъ избраніи, подносить Портѣ, въ видѣ чрезвычайной дани, порядочную сумму денегъ, упадало всею своею тяжестью на низшіе классы народа.

Графъ Киселевъ, какъ записано въ протоколѣ 3 и 15-го іюля, за №№ VII и X, отстаивалъ избраніе пожизненное, причемъ предложилъ вовсе отмѣнить чрезвычайную дань, вносимую при избраніи господарей, а взамѣнъ ея, увеличить ежегодную дань на одну десятую.

Предложеніе это было принято и внесено въ конвенцію.

Заявленіе гр. Киселева объ имѣніяхъ упраздненныхъ монастырей и о консульской юрисдикціи въ княжествахъ.

Киселевъ обратилъ вниманіе конференціи на существующее столкновеніе между правительствомъ княжествъ и православнымъ духовенствомъ по поводу имѣній, приписанныхъ къ монастырямъ. Конференція постановила предложить заинтересованнымъ сторонамъ, для разрѣшенія этихъ споровъ, войти

въ соглашеніе (compromis), а если въ теченіе года соглашеніе не состоится, то избрать посредниковъ; если же и засимъ не достигнется соглашенія, то избрать третейскаго судью (sur arbitre), а въ случаѣ затрудненія въ выборѣ такого лица, высокая Порта, по соглашеніи съ покровительствующими державами, назначитъ такое лицо.

Наконецъ, гр. Киселевъ предложилъ упразднить, сколь возможно скорѣе, консульскую юрисдикцію въ княжествахъ; онъ прибавилъ, что русское правительство готово привести въ исполненіе такое желаніе страны, заявленное коммиссіею, немедленно, если прочія державы на то согласятся. Но если мѣра эта будетъ признана несвоевременною, то необходимо, въ видахъ болѣе успѣшнаго введенія новаго порядка управленія въ княжествахъ, теперь же устранить злоупотребленія возникающія отъ этой юрисдикціи.

Первая часть этого предложенія была признана не подлежащею обсужденію конференціи, такъ какъ потребовался бы общій пересмотръ основаній консульской юрисдикціи, а конференція не уполномочена ни измѣнять, ни отмѣнять существующія международныя постановленія. Вторая часть предложенія была принята.

Конвенція о навигаціи по Дунаю, принятая Австріею и Турціею, отвергнута.

Выше было сказано что, конвенція о навигаціи по Дунаю, составленная делегатами прибрежныхъ государствъ, не была принята парижскою конференціею. Дѣло въ томъ, что Австрія, а за нею и Турція хотѣли, чтобъ конвенція эта была принята безъ разсмотрѣнія (que la conférence en prenne acte).

Представители прочихъ державъ находили невозможнымъ признать этотъ документъ безъ разсмотрѣнія и обсужденія, и гр. Киселевъ ссылался на то, что конвенція, по разграниченію азіатскихъ владѣній Россіи съ Турціею, была подвергнута обмѣну ратификацій. Проектъ конвенціи былъ разсмотрѣнъ и найденъ во многомъ несогласнымъ съ основаніями, выраженными въ парижскомъ мирномъ трактатѣ 30-го марта 1856 г., и потому было постановлено, не приводя его въ исполненіе, возвратить для пересоставленія на указанныхъ началахъ.

Въ то время, когда парижская конференція собиралась

Волненія въ Босніи, Албаніи и Герцеговинѣ.

для обсужденія вопросовъ касавшихся сѣверной части Оттоманской имперіи, на юго-западѣ ея, вкругъ независимаго княжества Черногоріи, возникли волненія единоплеменныхъ съ Черногорцами христіанъ Босніи, Албаніи и Герцеговины. Христіане этихъ областей боролись не противъ правительства султана, которому оставались вполнѣ покорны, но были возмущены притѣсненіями мусульманскихъ беевъ и неисполненіемъ гаттъ-гумаюна, изданнаго въ 1856 году, по настоянію великихъ державъ, въ огражденіе христіанскихъ подданныхъ султана.

Турецкія войска, посланныя для усмиренія волненія, успѣли скоро возстановить нарушенное спокойствіе въ названныхъ областяхъ, но вожди турецкіе, изстари питая вражду къ Черногорцамъ, независимость которыхъ они не признавали, обвиняли послѣднихъ въ подстрекательствѣ христіанъ подвластныхъ Турціи. А какъ границы Черногоріи съ Турціею не были точно опредѣлены и нѣкоторыя мѣстности, какъ-то, напр. окружность Грахова, оставались спорными, то Гуссейнъ-паша, начальствовавшій надъ турецкими войсками, получилъ приказаніе вытѣснить изъ Грахова Черногорцевъ.

Экспедиція эта, однако, не удалась. Черногорцы, подъ предводительствомъ сенатора Петра Филипова, окружили турокъ и 13-го мая разбили такъ, что Гуссейнъ-паша бѣжалъ, потерявъ убитыми три тысячи человѣкъ, 8 орудій, четыре тысячи ружей и великое множество военныхъ припасовъ.

Огражденіе територіи Черногоріи.

Когда извѣстіе о волненіяхъ въ Босніи и Герцеговинѣ и о сосредоточеніи значительныхъ турецкихъ силъ въ сосѣдствѣ съ Черногоріею дошло до Парижа, то тюльерійскій кабинетъ, какъ равно и прочія великія державы, поставили на видъ Портѣ опасность, какая угрожаетъ спокойствію Европы, въ случаѣ столкновенія турецкихъ войскъ съ Черногоріею. Въ отвѣтъ, изъ Константинополя были получены увѣренія, что турецкое правительство никакихъ завоевательныхъ плановъ противъ Черногоріи неимѣетъ, а желаетъ лишь защитить собственныя свои владѣнія.

Но какъ, еще очень недавно, именно на парижскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 26-го марта 1856 года, бывшій ве-

ликій визирь Оттоманской Порты, Али-паши торжественно объявилъ, что Порта, хотя не имѣетъ намѣренія измѣнять существующій порядокъ вещей въ отношеніи Черногоріи, но признаетъ ее составною частью Оттоманской имперіи, то тюльерійскій кабинетъ, желая предотвратить столкновеніе, призналъ нужнымъ войти въ соглашеніе съ своими союзниками, причемъ выразилъ мысль, что право Турціи на Черногорію не можетъ опираться ни на добровольномъ подчиненіи послѣдней, чего никогда не было, ни на завоеваніи, потому что, хотя Турціи случалось одерживать верхъ и занимать Черногорію, но ей никогда не удавалось удерживать ее за собою и въ теченіе уже почти столѣтія Турція ее не занимаетъ. По этому предлагалось послать на мѣсто коммиссаровъ, для разграниченія владѣній князя Даніила отъ турецкихъ владѣній.

Такой взглядъ на дѣло былъ оглашенъ въ Монитерѣ (12-го марта 1858 г.), а вслѣдъ за тѣмъ, были посланы въ Адріатическое море два французскихъ линейныхъ корабля „Алжезирасъ“ и „Эйлау“, которые вскорѣ и прибыли въ Рагузу.

Нѣсколько времени спустя, примкнулъ къ французской эскадрѣ русскій фрегатъ „Палканъ“.

Русскій фрегатъ „Палканъ“ въ водахъ Адріатическаго моря.

Фрегатъ „Палканъ“ былъ посланъ въ Адріатическія воды по просьбѣ Наполеона, какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки Киселева:

„2-го іюня. Завтракъ въ Фонтенебло. Разговоръ съ императоромъ, который приглашаетъ меня отправить „Палканъ“ и объясняетъ необходимость, помощью нашихъ консуловъ, охладить пылкость христіанъ, не обнаруживая, однако намѣренія вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла“.

Устрашенная такимъ рѣшительнымъ вмѣшательствомъ великихъ державъ,—вмѣшательствомъ, подкрѣпленнымъ появленіемъ морскихъ силъ Франціи и Россіи, Турція поспѣшила изъявить согласіе на отграниченіе Черногоріи, при помощи европейскихъ коммиссаровъ, и прекратила военныя дѣйствія.

Такимъ образомъ, уладилось дѣло къ великому торжеству Черногоріи.

Гр. Киселевъ въ Фонтенебло и его разговоры съ императоромъ и императрицей.

Графъ Киселевъ, несмотря на то, что его удерживали въ Парижѣ дѣла конференціи, пользовался довольно часто приглашеніями Наполеона и гостилъ по нѣсколько дней въ Фонтенебло, откуда, ко днямъ засѣданій, пріѣзжалъ въ Парижъ.

Онъ отправился въ Фонтенебло 31-го мая съ императорскимъ поѣздомъ, въ вагонѣ придворныхъ дамъ.

По пріѣздѣ туда, былъ обѣдъ на 60 приборовъ, за которымъ Павелъ Дмитріевичъ сидѣлъ по правую сторону императрицы, а принцъ пассаускій по лѣвую. Когда подали кофе, императоръ подошелъ къ Павлу Дмитріевичу и повелъ въ дальнія комнаты, гдѣ между ними завязался продолжительный разговоръ.

Во время прибыванія въ Фонтенебло, за обѣдами и завтраками, графъ Киселевъ всегда занималъ тоже почетное мѣсто. Когда пріѣзжалъ Валевскій они занимались вмѣстѣ дѣлами княжествъ и Черногоріи, но это не мѣшало Павлу Дмитріевичу участвовать въ прогулкахъ, которыя устроивались довольно часто.

Такъ, 2-го іюня, весь дворъ отправился обѣдать въ лѣсъ, гдѣ царствовала полнѣйшая непринужденность: пѣли, танцовали, а въ 10 часовъ, при освѣщеніи факеловъ, отправились на прудъ, гдѣ въ кіоскѣ закончился вечеръ.

По воскресеньямъ, утро въ Фонтенебло начиналось обѣднею въ дворцовой церкви, на которой присутствовалъ и Киселевъ; Наполеонъ вступалъ съ нимъ въ разговоры религіозные и догматическіе.

Такъ, однажды, передъ обѣдней, императоръ спросилъ Павла Дмитріевича позволяетъ-ли онъ себѣ, какъ православный, входить въ католическую церковь? „По поводу этого вопроса, записалъ Павелъ Дмитріевичъ, „я распространился о совершенномъ сходствѣ литургіи и обрядовъ православной и католической службъ, объясняя ему, что догматическая рознь даже мало доступна простому народу; но становится рѣзкою въ вопросѣ о папской власти.

„Передъ обѣдомъ Наполеонъ возобновилъ этотъ разговоръ сказавъ, что говорилъ съ епископомъ города Мо, который подтвердилъ ему все мною сказанное. Онъ признался, что до

сего времени не имѣлъ обо всемъ этомъ никакого понятія. Мы говорили о конкордатѣ 1803 года".

Вечера въ Фонтенебло нерѣдко заканчивались танцами.

Разъ, вечеромъ (6-го іюня), императрица съ Киселевымъ и Валевскимъ имѣла очень оживленный разговоръ: предметы разговора смѣнялись безостановочно одни другими. „Она говорила объ Орсини, объ упрекахъ, которыми ее осыпали когда она просила о смягченіи его наказанія, объясняла, что просила объ этомъ не какъ императрица, а какъ одна изъ жертвъ покушенія; затѣмъ разговоръ коснулся комедіи Скриба: „Le changement de mains" и перешелъ къ исторіи Россіи нашего времени, которую она отлично знаетъ; упомянула о письмѣ Императора Николая и привела его изрѣченіе о солдатахъ (12-го года), на которое обратила вниманіе Наполеона; наконецъ, о перемѣнѣ фамиліи Лейхтенбергскихъ, родственниковъ Людовика Наполеона".

Исходъ преній конференціи заботилъ Наполеона: „Меня не удивляетъ оппозиція Австріи", говорилъ онъ гр. Киселеву вслѣдъ за засѣданіемъ конференціи 5-го іюня, „но оппозицію Коулея не могу взять въ толкъ, мы съ нимъ условились тому шесть мѣсяцевъ".

„Я объяснилъ императору", записано въ дневникѣ, „что Коулей, сославшись на то, что для разрѣшенія предстоящихъ вопросовъ нужны будто бы дополнительныя инструкціи, прибѣгнулъ къ такому извороту потому что лѣнтяй Бульверъ не доставилъ работу свою по внесенному Валевскимъ предложенію".

Генри Бульверъ, братъ извѣстнаго романиста и самъ писатель, женатый на младшей сестрѣ лорда Коулея, былъ недавно назначенъ посломъ въ Константинополь [1]).

[1]) Отставка лорда Стратфорда-де-Редклифа, англійскаго посла въ Константинополѣ (мартъ 1858) и назначеніе Серъ Генри Бульвера на его мѣсто были послѣдствіемъ перемѣны министерства въ Лондонѣ. Бульверъ прибылъ въ Константинополь въ началѣ іюля (нов. ст.) 1858 г. Несмотря на эту перемѣну лицъ, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Константинополѣ, политика Англіи на Востокѣ не измѣнилась, и во всѣхъ раздражительныхъ вопросахъ того времени, Англія вмѣстѣ съ Австріею продолжала являться противницею Россіи, Франціи и Пруссіи. (Эта послѣдняя держава, въ то время, безпрекословно подчинялась нашему взгляду въ восточныхъ дѣлахъ).

Подписаніе конвенціи о княжествахъ и отъѣздъ гр. Киселева въ Остенде.

Дипломатическая конвенція по дѣламъ княжествъ, какъ мы видѣли, была подписана графомъ Киселевымъ 19-го августа, конференція закрылась и онъ могъ, не измѣняя своимъ привычкамъ, ѣхать на морскія купанья въ Остенде, гдѣ, слѣдя за нимъ по его запискамъ, мы встрѣчаемъ его въ первыхъ числахъ сентября.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Остенде, подъ 5 числомъ сентября, имъ записано впечатлѣніе, которое произвелъ на него городъ и соображенія о бельгійской арміи:

Мнѣніе гр. Киселева о бельгійской арміи.

„Бельгійская армія состоитъ изъ 70 т. человѣкъ въ мирное и 100 т. въ военное время. Она образована по уставу французскому, хорошо вооружена и одѣта, но состоитъ изъ юношей 17 и 18 лѣтъ и предводительствуется офицерами, которые по наружности и манерамъ походятъ на осѣдлыхъ національныхъ гвардейцевъ. Конечно, главною тому причиной нейтралитетъ Бельгіи; но въ такомъ случаѣ, для чего содержать такую значительную военную силу? Я полагаю, что кончатъ тѣмъ, что оставятъ извѣстный комплектъ для спеціальнаго оружія и хорошо организованные кадры для остальныхъ войскъ. Къ тому же надо замѣтить, что въ мирное время военный духъ поддерживается только въ большихъ государствахъ; въ малыхъ онъ исчезаетъ, чтобы ни дѣлали. Исторія военныхъ силъ достаточно это подтверждаетъ“.

Свиданіе съ В. Кн. Еленою Павловною.

Въ Остенде Киселевъ засталъ Великую Княгиню Елену Павловну.

Политическій разговоръ съ гр. Редерномъ о Германскомъ единствѣ.

Подъ 9-мъ сентября записанъ любопытный его разговоръ съ гр. Рёдерномъ [1]) о положеніи Пруссіи.

„Редернъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что король (Фридрихъ-Вильгельмъ IV) неизлѣчимъ; но ни одинъ врачъ не смѣетъ заявить это оффиціально; что, вѣроятно, учредятъ регентство.

„На замѣчаніе мое, что Гротъ, вернувшись изъ Бадена, говорилъ мнѣ, что у короля, по временамъ, бываютъ свѣтлыя минуты и ясное пониманіе; когда-же онъ чувствуетъ приступъ болѣзни, то вскрикиваетъ: „вотъ темный покровъ застилающій мое зрѣніе, я опять оглупѣю (voilà le voile noir qui couvre

[1]) Прусскій посланникъ въ Бельгіи.

mes yeux, je vais redevenir bête)“—и тогда уже онъ не въ состояніи ни понять что-либо, ни назвать самые простые предметы, а имена лицъ совершенно ускользаютъ изъ его памяти. —Рёдернъ сказалъ, что по мнѣнію его, принцъ прусскій не можетъ долѣе управлять королевствомъ по кратковременнымъ уполномочіямъ; что такой порядокъ вещей не можетъ быть долѣе терпимъ особенно теперь, когда и внѣшнія и внутреннія дѣла требуютъ быстрыхъ и обдуманныхъ рѣшеній. У насъ нѣтъ, продолжалъ онъ, опредѣленной и послѣдовательной политики; мы слѣдуемъ началамъ временъ прошедшихъ, а между тѣмъ, положеніе Европы совершенно измѣнилось. Тройственный союзъ не можетъ быть возстановленъ; главою его были Россія и Императоръ Николай; теперь, когда послѣдняя война и смерть Императора все измѣнили, когда Россія занята своими внутренними дѣлами, какое государство, какой государь въ состояніи стать въ главѣ сѣверной коалиціи? Наслѣдіе Императора Николая досталось Франціи, Людовику-Наполеону и чѣмъ обезпечена Германія? Онъ начнетъ свои дѣла въ Италіи и если мы будемъ сторониться, какъ сторонились до сихъ поръ, онъ подавитъ Австрію, а если успѣетъ и въ этомъ, то явится къ намъ предъявлять свои требованія. Всѣ наши государственные люди озабочены такимъ опаснымъ положеніемъ Европы, Германіи и въ особенности Пруссіи. Регентъ, или говоря вѣрнѣе, будущій король, никогда не согласится отдать Рейнскія провинціи, на какихъ началахъ или условіяхъ ни предлагали бы, а между тѣмъ, послѣ Италіи, онѣ составляютъ главную цѣль Людовика-Наполеона. И такъ, Пруссіи необходимо заранѣе охранить себя отъ такой случайности, а какъ это сдѣлать, если не опереться на германскую стихійную силу (sur l'élément allemand), которая одна можетъ противустоять нашимъ зарейнскимъ сосѣдямъ. Я не говорю объ Англіи; теперешнее правительство ея слишкомъ слабо, чтобъ о немъ можно было говорить серьезно. Безцвѣтный разговоръ Мальмсбери въ Берлинѣ можетъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ.

„Не желая вступать въ споръ съ Рёдерномъ, который

Мнѣніе гр. Киселева объ объединеніи германской народности.

повторялъ только то, что слышалъ, я замѣтилъ ему однако, что событія не слѣдуютъ съ такою быстротою, какъ воображаютъ въ Берлинѣ; что императоръ Наполеонъ не пускается на авось (n'allait pas à l'aventure) въ своихъ политическихъ соображеніяхъ; но если бы Пруссія хотѣла предохранить себя отъ всякой случайности, то не осторожнѣе-ли и въ особенности не полезнѣе-ли было бы, оставя бредъ соединенія церквей Св. Павла и Готы, воскресить политику Великаго Фридриха, который ставилъ преграды стремленіямъ къ господству Австріи надъ Германіею и при всякомъ случаѣ боролся съ ними. Къ тому же германская стихійная сила ничто иное какъ грёза, утопія. Географическое положеніе и разнородные интересы всѣхъ отдѣльныхъ владѣній, составляющихъ Германію, никогда не позволятъ сплотить изъ нихъ прочное тѣло. Пруссія одною своею частію прикасается къ Россіи, другою—къ Франціи и непосредственная связь между этими двумя ея частями прервана замкнутыми землями (enclaves); у нея нѣтъ ни единой гавани для военнаго флота; а второстепенныя государства и герцогства смотрятъ на нее ревниво, не довѣряютъ и не любятъ ее. Австрія господствуетъ надъ нею обаяніемъ своего прежняго значенія и старается вредить ей въ мнѣніи Германіи. Владѣтели незначительные въ особенности боятся стремленій Пруссіи медіатизировать ихъ. Вообще положеніе Пруссіи не надежное, потому что она не имѣетъ прочнаго основанія; она выросла силою геніальнаго человѣка и можетъ продолжать свое существованіе лишь подъ условіемъ постояннаго увеличиванія; въ противномъ случаѣ, она зачахнетъ и исчезнетъ съ политической сцены. А между тѣмъ, Пруссія вмѣщаетъ въ себѣ болѣе германскихъ элементовъ, чѣмъ Австрія; она моложе и сильнѣе; она на стезѣ прогресса, тогда какъ Австрія готова распасться. Какая же выгода Пруссіи помогать, въ ущербъ себѣ, своей соперницѣ Австріи, которая, какъ только станетъ на ноги, возвратитъ себѣ господство надъ Германіею и возметъ Пруссію въ тиски? Опытъ, который въ подобномъ сему случаѣ сдѣлала Россія, не долженъ пройти безслѣдно для другихъ. Австрія, спасенная и

укрѣпленная помощью Германіи, обратитъ свои силы на возобновленіе своей власти надъ Германіею и, быть можетъ, на возсозданіе въ пользу свою, 1-й римской имперіи. Но если и не таковы будутъ послѣдствія борьбы, то во всякомъ случаѣ Пруссія, изнеможенная, испытаетъ всѣ невыгоды войны, по мнѣнію моему, крайне неполитической. Должно замѣтить еще, что Германія никогда не могла обойтись безъ союзниковъ, которые постоянно господствовали въ ея политикѣ и что такое положеніе продолжится до тѣхъ поръ, пока сохранится федеративная система. Федеративная Германія—тѣло безъ головы, и потому шаткое и лишенное силы. Нужно напередъ переобразовать себя и потомъ уже думать, что можно обойтись безъ помощи другихъ. Объединеніе Германіи (le Germanisme), въ умахъ, но этого недостаточно, чтобъ мечта осуществилась. На мой взглядъ, если бы я былъ Пруссакомъ, то старался бы слѣдовать политикѣ болѣе раціональной и вѣрной, и именно искалъ бы оборонительнаго союза между Франціею, Пруссіею и Россіею. Когда бы такой союзъ могъ состояться, Пруссіи нечего было бы бояться за свои Рейнскія провинціи и она пріобрѣла бы несомнѣнно первенствующее значеніе въ Германіи. Что касается Австріи, то на долю ея должны пасть всѣ тягости войны. Я полагаю, что и Россіи такой тройственный союзъ принесъ бы существенныя выгоды. Онъ намъ обезпечилъ бы миръ, разрушилъ бы союзъ морскихъ державъ, парализировалъ бы враждебныя дѣйствія Швеціи и предоставилъ бы намъ дѣйствительное и достаточное преобладаніе въ дѣлахъ европейскаго материка и, скажу болѣе, въ дѣлахъ всего міра, потому что объ руку съ Франціею, наше преобладаніе въ Азіи несомнѣнно".

26-го сентября Киселевъ оставилъ Остенде и возвратился въ Парижъ.

Болѣзненное состояніе гр. Киселева и опасные симптомы.

Мы уже видѣли, что гр. Павелъ Дмитріевичъ, въ январѣ 1856 г., жаловался на слабость и сонливость; теперь здоровье его стало еще болѣе шатко и отъ времени до времени появлялись довольно опасные признаки. Такъ, 7-го октября, одѣваясь, онъ внезапно почувствовалъ совершенный упадокъ

силъ. Едва только успѣвъ попросить Грота дать знать Валевскому, что не можетъ быть у него, и послать за докторомъ, какъ онъ впалъ, съ 11 часовъ утра до 11 часовъ вечера, въ совершенно безсознательное состояніе. Пользовавшій его, извѣстный врачъ Андраль, возстановилъ его силы несмотря на то, что онъ, вскорѣ за симъ, былъ глубоко опечаленъ и потрясенъ смертію вѣрнаго слуги, вывезеннаго имъ ребенкомъ изъ Бухареста, воспитаннаго въ его домѣ и къ которому онъ привыкъ и горячо привязался. Смерть слуги, въ вѣрности и привязанности котораго онъ имѣлъ много доказательствъ, личное участіе въ похоронахъ его, изъ собственной своей квартиры, навѣяли на Павла Дмитріевича мрачныя мысли, такъ что, за два дня до своего отъѣзда въ Компіэнь, онъ написалъ „изъ предусмотрительности, „на случай катастрофы“, письмо Гроту со включеніемъ въ него письма къ брату, и положилъ его въ свой письменный столъ.

Князь Стурдза и виды его на господарство.

За нѣсколько времени до отъѣзда въ Компіэнь, къ гр. Киселеву пріѣзжалъ князь Стурдза, бывшій господарь Молдавіи, просить совѣта по поводу полученнаго имъ изъ Молдавіи приглашенія прибыть въ Яссы, причемъ приглашенію этому онъ противоставлялъ кандидатуру своего сына Григорія, который говорилъ онъ, не можетъ быть и не будетъ избранъ.

„Такъ какъ онъ настаивалъ“, записалъ П. Д., „чтобъ я сказалъ ему свое мнѣніе, то остановившись на его-же увѣреніи, что не имѣетъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ, я ему посовѣтовалъ положиться вполнѣ на результатъ выборовъ, не стараясь вліять ни за, ни противъ. Онъ увѣрялъ меня, что это самый лучшій совѣтъ и что онъ послѣдуетъ ему въ точности. Но я этому не довѣряю; онъ отправится въ Яссы, гдѣ всячески будетъ стараться чтобъ его выбрали“.

Гр. Киселевъ въ Компіэнѣ.

Утромъ 26-го ноября гр. Киселевъ поѣхалъ въ Компіэнь.

Императоръ и императрица приняли его весьма любезно и радушно. Онъ повелъ къ столу госпожу Валевскую и занялъ мѣсто возлѣ императрицы, съ правой стороны. Графъ Киселевъ объявилъ императрицѣ Евгеніи о желаніи Великаго Князя Константина Николаевича пріѣхать въ Парижъ.

Тотчасъ послѣ обѣда императоръ повелъ Киселева въ свой кабинетъ, предложилъ папиросы, посадилъ передъ каминомъ и началъ разговоръ, продолжавшійся полтора часа; послѣ того они возвратились въ танцовальный залъ, гдѣ, несмотря на настойчивое приглашеніе императрицы, Киселевъ остался только до 11 часовъ.

На другое утро Киселевъ повелъ къ завтраку г-жу Ройе и занялъ обыкновенное свое мѣсто, возлѣ императрицы. Чувствуя себя не въ силахъ слѣдовать за дворомъ на охоту, онъ просилъ о томъ позволенія у императрицы, которая не только разрѣшила, но приказала ему остаться.

За обѣдомъ лордъ Коулей занялъ мѣсто гр. Киселева, который велъ въ этотъ день г-жу Морни и сѣлъ возлѣ императрицы съ лѣвой стороны.

Павелъ Дмитріевичъ, по видимому, придавалъ большое значеніе тому, какое ему предлагалось мѣсто за императорскимъ столомъ; онъ постоянно заносилъ въ свой дневникъ кто садился по правую, кто по лѣвую руку императрицы и всегда почти правая сторона оставалась за нимъ; мѣсто это уступалось помимо гр. Киселева принцу Наполеону и, въ исключительныхъ случаяхъ, вѣроятно по политическимъ видамъ императора, лорду Коулею.

Предполагавшійся союзъ четырехъ державъ, въ виду войны Франціи съ Австріею.

„Вечеромъ“, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ подъ 27-е ноября, „Императоръ подошелъ ко мнѣ и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить его, въ разъясненіе вчерашняго разговора, какая будетъ предложена поддержка (appui) Англіи въ предполагаемомъ союзѣ четырехъ державъ (dans la combinaison des Quatre) — союзѣ, на осуществленіе котораго я мало надѣюсь“.

Союзъ четырехъ державъ, какъ кажется, изъ Россіи, Франціи, Пруссіи и Англіи, предполагался въ виду войны съ Австріею, войны, которая въ это время уже была рѣшена, хотя еще не объявлена.

Графъ Киселевъ оставался въ Компіэнѣ до 4-го декабря, вмѣстѣ съ дворомъ, не участвуя, однако, въ катаньяхъ въ шарабанахъ, охотѣ и другихъ увеселеніяхъ, которыя смѣнялись однѣ дру-

гими почти каждый день. Онъ дѣлалъ прогулки пѣшкомъ въ паркѣ и окрестностяхъ, почти всегда въ сопровожденіи кого нибудь изъ гостей, оставляемыхъ, конечно, съ этою цѣлію императрицею; а на танцовальныхъ вечерахъ проводилъ время до 11 часовъ въ разговорахъ съ императрицею, императоромъ или съ кѣмъ нибудь изъ гостей, въ числѣ которыхъ были и литераторы. Такъ, однажды вечеромъ, во время танцевъ, П. Д. разговаривалъ съ сенаторомъ—писателемъ Мериме.

Либеральное министерство въ Пруссіи и затруднительное положеніе нашего посла въ Берлинѣ.

Подъ 28-е ноября Киселевъ занесъ въ свои записки слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о прусскомъ либеральномъ кабинетѣ, составленномъ уже послѣ назначенія принцемъ-регентомъ, брата Фридриха Вильгельма IV, когда больной король рѣшился, наконецъ, 9-го октября 1858 г., передать принцу Вильгельму управленіе королевствомъ.

„Въ копіи съ письма Будберга къ кн. Горчакову отъ 8-го ноября сказано:

„Либеральная партія, изъ среды которой избрано прусское министерство, удивляется торжеству своему столько же, сколько имъ поражены ея противники. Министерство это образовано принцессою прусскою; страною управляетъ теперь она. Новые министры [1]) суть задорныя посредственности (des mediocrités agréssives); они будутъ ярыми противниками всей политической системы, которую интересы наши побудятъ насъ отстаивать. Князь Гогенцоллернскій велъ себя въ 1848 году не совсѣмъ достойно (a joué un role peu honorable).

„Баронъ Шлейницъ—олицетворенная слабость (une faiblesse personifiée); онъ не лишенъ способностей дипломатическихъ, но ничтожный государственный человѣкъ (un pitoyable homme d'état). Другіе министры—теоретики, доктринеры и утописты.

„Личное положеніе Будберга очень затруднительное; онъ полагаетъ, что нужно будетъ замѣнить его кѣмъ-либо другимъ въ Берлинѣ; между тѣмъ, онъ скажетъ регенту и его мини-

[1]) Президентъ Совѣта—князь Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій; министры: внутреннихъ дѣлъ — Флотвелль; государственный министръ — Ауерсвальдъ, иностранныхъ дѣлъ—бар. Шлейницъ, военный—Бонинъ; финансовъ—баронъ Патовъ; земледѣлія — гр. Пюклеръ, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—Бетманъ-Гольвегъ, торговли и публичныхъ работъ—фонъ-деръ-Гейдтъ и юстиціи—Симонсъ.

стру, что мы будемъ платить берлинскому кабинету тѣмъ-же. чѣмъ онъ будетъ платить намъ.

„Мантейфель (смѣщенный президентъ совѣта) сказалъ регенту: передъ вами два пути: или вы отдадитесь либеральной партіи и позволите себя увлечь ея заблужденіями, или станете противодѣйствовать; послѣднее, конечно, лучше. Принцъ отвѣчалъ съ одушевленіемъ, что онъ рѣшительно желаетъ, чтобы ничто не измѣнилось, ни въ политикѣ внутренней, ни во внѣшнихъ отношеніяхъ Пруссіи; что въ новомъ министерствѣ одинъ только Ауерсвальдъ склоненъ къ либерализму, „но это мой другъ, сказалъ онъ, я съумѣю его сдерживать".

„Вотъ до чего простирается ослѣпленіе принца-регента.

„Въ настоящее время принцъ прусскій крайне взволнованъ. Принцесса, его супруга, прибудетъ въ Берлинъ 18-го числа. Противники Мантейфеля обвиняютъ его въ обогащеніи спекуляціями, участвовать въ которыхъ было несовмѣстно при его оффиціальномъ положеніи. Не отвергая вполнѣ такого обвиненія, Будбергъ считаетъ его очень преувеличеннымъ.

„При первомъ свиданіи съ Будбергомъ баронъ Шлейницъ увѣрилъ его въ несомнѣнномъ желаніи своемъ и въ желаніи самого регента, продолжать съ Россіею установившіяся дружескія и самыя искреннія отношенія.

„Принцъ-регентъ не желаетъ измѣнять принятую досёлѣ систему управленія; онъ ничего не имѣетъ противъ Мантейфеля, но, онъ хочетъ, чтобъ его, регента, окружали люди симпатичные ему, которые пользовались-бы, безусловно личнымъ его довѣріемъ.

„Шлейницъ жалуется на то, что стараются утвердить мнѣніе, будто стремленія новаго министерства либеральны: это положительно несправедливо, говоритъ онъ, и принцъ твердо рѣшился обуздывать такія стремленія, когда онѣ проявятъ себя.

„Баронъ Будбергъ обращаетъ вниманіе министерства (петербургскаго) на фальшивое положеніе, въ которомъ онъ находится, имѣя передъ собою министровъ, противъ которыхъ недавно велъ борьбу на смерть, что такое неблагопріятное

положеніе можетъ отразиться на дѣлахъ и что онъ считаетъ себя обязаннымъ, какъ честный человѣкъ, представить о семъ, для того, чтобы Государь благоволилъ принять рѣшеніе согласное съ интересами государственными, нисколько не заботясь о его личности".

Баронъ Гюбнеръ, вернувшійся въ это время изъ Испаніи, выражалъ также неудовольствіе по поводу перемѣнъ, происшедшихъ въ Пруссіи. Онъ говорилъ Павлу Дмитріевичу, что Пруссія приводитъ въ волненіе всю Германію, за исключеніемъ Австріи и Баваріи, и что можно ожидать прискорбныхъ послѣдствій.

Покуда дворъ проводилъ время въ катаньяхъ и на охотѣ, П. Д. читалъ. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на статью Сенъ-Маркъ-Жирардена, касавшуся конвенціи 19-го августа 1858 г. и помѣщенную въ Revue des deux mondes 15-го ноября.

„Слѣдовало-бы сдѣлать нѣсколько поправокъ", записалъ онъ, „потому что отчетъ объ этой конвенціи мѣстами не вѣренъ, а оцѣнка ея постоянно враждебна императорскому правительству. Это искусно написанный памфлетъ; онъ понравится невѣждамъ и въ особенности недовольнымъ всѣхъ оттѣнковъ. Вечерній нумеръ журнала *La Patrie* тотчасъ-же напечаталъ отвѣтъ, но слабый и главное, не полный. На другой день *Constitutionnel* помѣстилъ *сообщеніе* столько-же неполное и слабое. Я говорилъ объ этомъ Валевскому. Необходимо опровергнуть каждое отдѣльное положеніе умышленно извращенное Сенъ-Маркъ Жирарденомъ".

Отъѣздъ двора изъ Компіэна и прошеніе гостей и императрицы объ отсрочкѣ его.

Наступало время возвращенія двора въ Парижъ. Веселой компаніи, собравшейся въ Компіэнь, не хотѣлось такъ скоро перейти отъ непринужденности, допускавшейся въ загородныхъ дворцахъ, къ строгому этикету, который соблюдался въ Тюльери. Во время охоты, въ Пьерфонѣ, кому-то пришло на мысль написать и подать императору прошеніе отъ лица всего компіэнскаго общества. Срокъ пребыванія желали продлить до субботы, 4-го декабря. Предложеніе было принято и прошеніе, сочиненное Мериме, покрылось подписями присутствовавшихъ; подписывались почти всѣ въ шуточномъ тонѣ, въ томъ числѣ и императрица назвалась просто: femme Bonaparte.

„Прошеніе это, разсказываетъ далѣе гр. Киселевъ, было подано запечатаннымъ императору за обѣдомъ, который смѣясь прочиталъ его и сказалъ громкимъ голосомъ: „какъ сторонникъ всеобщей подачи голосовъ, я не могу отказать въ просьбѣ, подписанной столькими лицами. Согласенъ“.

Въ тотъ же день П. Д. былъ на охотѣ императора, который стрѣлялъ фазановъ; онъ его сопровождалъ въ продолженіи цѣлаго часа и пришелъ къ заключенію, что изъ всѣхъ наличныхъ охотниковъ Людовикъ-Наполеонъ лучшій стрѣлокъ.

Передъ отъѣздомъ въ Парижъ, принцъ Наполеонъ при встрѣчѣ съ гр. Киселевымъ подошелъ къ нему, подалъ руку и отвернулся не сказавъ ни слова. „Неудовольствіе его за Браницкаго продолжается“, записалъ П. Д., „тѣмъ лучше“.

Гацфельдъ приходилъ къ Павлу Дмитріевичу совѣтоваться на счетъ полученныхъ донесеній отъ прусскаго генеральнаго консула (въ княжествахъ), объ учрежденіи каймакановъ и о другихъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при примѣненіи на мѣстѣ конвенціи 19-го августа.

Наконецъ, въ послѣдній день пребыванія въ Компіэнѣ, когда уже наступили холода, императрица говорила съ графомъ Киселевымъ о мѣхахъ, и когда онъ ей сказалъ, что будетъ очень счастливъ исполнить ея порученіе въ Петербургѣ, она вскричала: „Какъ, вы хотите насъ оставить?“ послѣ отрицательнаго отвѣта графа она продолжала: „И хорошо, потому что, видите-ли, люди сходятся (se conviennent) очень рѣдко, а когда сошлись не слѣдуетъ разставаться безъ причины и т. д.“.

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ во Франціи и пріѣздъ его въ Парижъ.

Вскорѣ по возвращеніи въ Парижъ, гр. Киселевъ поѣхалъ въ Фонтенебло, на встрѣчу Великому Князю Константину Николаевичу, который, въ плаваніи своемъ по Средиземному морю, останавливался въ Ниццѣ, Тулонѣ, Марсели; здѣсь онъ пересѣлъ въ вагонъ и прибылъ въ Фонтенебло 19-го декабря.

Мысль, что Великому Князю Константину Николаевичу было бы прилично пріѣхать въ Парижъ зимою 1858 года принадлежитъ гр. Киселеву.

Великій Князь пріѣхалъ инкогнито на нѣсколько дней въ Парижъ и остановился у гр. Киселева, котораго по этому ви-

дѣлъ еще чаще, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Этотъ пріѣздъ Великаго Князя имѣлъ значеніе благодарственнаго визита за пріемъ, оказанный ему Наполеономъ въ 1857 г. На пути въ Парижъ Его Высочество обѣдалъ и ночевалъ у князя Трубецкаго [1]) въ его замкѣ Belle-Fontaine.

Павелъ Дмитріевичъ записалъ о пребываніи Великаго Князя въ Фонтенебло и Парижѣ слѣдующее:

„Фонтенебло, 19-го декабря. Мы ѣдемъ въ Belle-Fontaine гдѣ обѣдаемъ и ночуемъ.

„20-го декабря. Это имѣніе кн. Н. Трубецкаго красиво расположено и устроено со всѣми удобствами; въ немъ католическая церковь. Я прогулялся въ саду. Читаю Великому Князю отчетъ о моемъ пребываніи въ Компіэнѣ. Отъѣздъ изъ Фонтенебло въ половинѣ второго и прибытіе въ Тюльери въ два часа.

„Императоръ принимаетъ генералъ-адмирала на нижней площадкѣ лѣстницы во фракѣ, также какъ и мы всѣ во фракахъ, по настоятельному приглашенію его величества. Послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ я прошу позволенія удалиться. Великій Князь ѣдетъ съ визитами, а я возвращаюсь домой.

„Между третьимъ и четвертымъ часомъ, встрѣчаю Его Высочество въ дверяхъ нижняго этажа (посольскаго дома), который для него приготовленъ, и представляю чиновниковъ посольства. Я сопровождаю Е. И. Высочество въ Тюльери, гдѣ мы обѣдаемъ. Въ 9 часовъ возвращаюсь домой, а Великій Князь ѣдетъ въ оперу.

„21-го декабря. Великій Князь посѣтилъ меня. Я сообщаю ему содержаніе бумагъ, полученныхъ вчера съ кн. Урусовымъ. Обѣдъ въ домѣ посольства въ честь Великаго Князя на 26 приборовъ.

„22-го декабря. Утро у Великаго Князя, который даритъ мнѣ вазу для храненія табака. Обѣдъ въ посольскомъ домѣ,

---

[1]) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой, женатый на графинѣ Гудовичъ, жилъ болѣе 30 лѣтъ близъ Парижа. Единственная дочь ихъ вышла замужъ за друга дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ Великаго Князя Константина Николаевича, за князя Николая Орлова.

на 20 приборовъ, для русскихъ свиты Его Высочества и для чиновъ посольства. Вечеромъ я провожаю Великаго Князя до воксалаЛіонской дороги и со мною всѣ чины посольства.

„Прощаніе сердечное съ обѣихъ сторонъ. Великій Князь уѣзжаетъ въ Марсель въ 8 часовъ вечера.

„Разговоръ императора съ Великимъ Княземъ:

Разоблаченіе Наполеономъ своихъ политическихъ плановъ Великому Князю.

„Рѣчь шла объ Австріи; ей наносится ущербъ войною въ Италіи; Россія возбуждаетъ противъ нея славянъ, за что въ вознагражденіе получаетъ Галицію и парижскій трактатъ пересматривается въ ея пользу. Франція и Россія на окраинахъ, Пруссія и германскія государства въ центрѣ! Такая коалиція была бы всесильна на материкѣ Европы. Англія была бы совершенно обезсилена, но, конечно, при условіи, чтобы союзники дружно шли къ одной цѣли и не уклонялись въ сторону вслѣдствіе внѣшнихъ интригъ.

Павелъ Дмитріевичъ замѣчаетъ съ своей стороны слѣдующее:

„Цѣль проекта направлена къ тому, чтобы подчинить своему вліянію Италію и уничтожить значеніе Англіи на континентѣ. Политика Франціи слѣдовала по этому пути разными извилинами въ продолженіе трехъ столѣтій, и никогда вполнѣ не достигала цѣли. Политическая сторона проектовъ Людовика-Наполеона заключается въ перекройкѣ карты Европы и въ перестановкѣ центровъ вѣковыхъ политическихъ преобладаній (déplacer les influences séculaires), но это можетъ быть достигнуто только вслѣдствіе продолжительной и всеобщей войны; пусть онъ преслѣдуетъ свою цѣль; желаемъ ему успѣха и готовы даже оказать содѣйствіе, — но не хотимъ, чтобы онъ вовлекъ насъ въ войну, послѣдствія которой, невозможно даже предугадать и которая, въ настоящее время не въ интересахъ Россіи“.

Вмѣшательство Австріи въ дѣла Сербіи.

Наступали праздники, кончался 1858 годъ и занималась заря новаго. Въ послѣдній день декабря, когда въ Тюльери готовились шумно встрѣтить новый годъ, Валевскій прислалъ просить графа Киселева пріѣхать за часъ до общаго пріема, для переговоровъ.

„Дѣло шло о Сербіи“, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ; „Гюб-

неръ пріѣзжалъ къ Валевскому съ депешею Буоля (австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ), который увѣдомляетъ, что австрійскому генералу Коронини предписано идти на помощь бѣлградскому пашѣ, лишь только угрожать будетъ ему опасность и онъ будетъ просить Австрію о помощи. Признавая такое дѣйствіе австрійскаго правительства явнымъ посягательствомъ на несоблюденіе парижскаго трактата, Валевскій потребовалъ немедленной отмѣны, этого распоряженія, о чемъ сообщилъ кн. Горчакову чрезъ повѣреннаго въ дѣлахъ г. Шаторенара.

„Мы говорили„ (съ Валевскимъ) пишетъ П. Д. "о разныхъ предметахъ и между прочимъ о тройственномъ союзѣ, который готовитъ Англія, и о третьей группѣ германскихъ государствъ, которыя подъ предводительствомъ Баваріи, могутъ служить противовѣсомъ союзу Пруссіи съ Австріей. Онъ настоятельно добивался отъ меня: какого можно ожидать содѣйствія со стороны Россіи, въ случаѣ войны. Я отвѣчалъ, что главныя основанія взаимныхъ дѣйствій при подобной случайности были опредѣлены въ Штутгартѣ и что обѣщанное содѣйствіе будетъ свято выполнено моимъ Августѣйшимъ Государемъ; что-же касается до подробностей, то нужно будетъ войти въ ближайшія соглашенія. Въ настоящую минуту могу сказать только одно, что въ Россіи не сочувствуютъ войнѣ наступательной (guerre active), но между Россіею и Франціею могутъ быть возбуждены переговоры на счетъ постановки на границѣ Австріи наблюдательнаго корпуса или арміи, въ составѣ достаточномъ для отвлеченія части военныхъ ея силъ.

„А на какихъ условіяхъ и въ какомъ именно составѣ"? спросилъ меня Валевскій. Я уклонился отъ всякаго отвѣта на этотъ вопросъ, который показался мнѣ нѣсколько нескромнымъ и, главное, преждевременнымъ".

ГЛАВА XLVII.

1859 годъ.

Рѣчь Наполеона въ новый 1859 годъ.—Паника, произведенная словами Наполеона, обращенными къ австрійскому послу.—Разговоръ гр. Киселева съ Наполеономъ по поводу паники. — Политическая исповѣдь прусской дипломатіи. — Оцѣнка политики Наполеона другими дипломатами.—Рѣчь Наполеона при открытіи законодательной сессіи.—Сомнѣніе и разубѣжденіе гр. Киселева о политикѣ Наполеона.—Обвиненіе дипломатовъ нашихъ въ чрезмѣрной почтительности Наполеону.—Приговоръ гр. Киселева надъ дѣйствіями Наполеона.—Мнѣнія о Наполеонѣ другихъ политическихъ людей.—Письмо Таленей о степени возбужденнаго состоянія Германіи.—Поводы, послужившіе войнѣ съ Австріею.—Посредничество Англіи.—Лордъ Коулей ѣдитъ въ Вѣну съ дипломатическимъ порученіемъ.—Предложеніе петербургскаго кабинета о предоставленіи рѣшенія итальянскаго вопроса европейскому конгрессу.—Тонкость политики Наполеона и интриги его противъ своего же министерства иностранныхъ дѣлъ.—Кавуръ въ Парижѣ и его взглядъ на конгрессъ.—Инсинуаціи Наполеона о пересмотрѣ въ пользу Россіи трактата 1856 года.—Австрійскія войска вступаютъ въ Сардинію.—Циркулярная депеша Буоля.—Объявленіе войны.—Какъ относились Англія и Россія къ открывшимся военнымъ дѣйствіямъ. — Газета „Times“ и секретный трактатъ, будто бы существовавшій между Россіею и Франціею.—Наполеонъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій.—Молдаво-Валахскія дѣла и избраніе въ господари Полковника Кузы.—Конференція по дѣламъ княжествъ.—Дѣло сербскаго княжества.—Созваніе скупчины и обвинительный ея актъ противъ сербскаго князя.—Избраніе Милоша.—Сынъ Милоша въ Парижѣ.—Пріѣздъ Великой Княгини Екатерины Михаиловны съ супругомъ.—Пріемъ Великой Княгини императрицею Евгеніею.—Сѣтованіе императрицы Евгеніи на Германію.—Положеніе Пруссіи и второстепенныхъ германскихъ государствъ во время войны.—Циркулярная нота князя Горчакова.—Оцѣнка этого циркуляра во Франціи и дѣйствіе его на Германію.—Гр. Бейстъ и его циркуляръ, въ отвѣтъ на ноту кн. Горчакова.—Мнѣнія гр. Киселева о выходкѣ Бейста. — Предположенное замѣщеніе Валевскаго Друэнъ-де-Люисомъ. — Письмо кн. Горчакова и мысли гр. Киселева по поводу этого письма.—Попытка берлинскаго кабинета къ образованію оборонительнаго союза.—Политическіе разговоры съ императрицей Евгеніей.—Окончаніе итальянской кампаніи.—Мнѣніе гр. Киселева о Сольферинской битвѣ и послѣдовавшемъ

за нею перемиріи. — Виллафранкскія условія.—Условія эти не удовлетворили патріотовъ; Кавуръ выходитъ въ отставку.—Вѣсть, сообщаемая гр. Шуваловымъ изъ франко-сардинскаго лагеря.—Слухи о причинѣ поспѣшнаго заключенія мира Австріею.—Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Принесеніе поздравленія дипломатическаго корпуса.—Приглашеніе гр. Киселева въ С. Клу.—Размолвка Киселева съ Валевскимъ.—Подозрѣніе Наполеона.—Жалоба его на русскую печать.—Опасеніе Европы, въ виду произвольныхъ дѣйствій Наполеона.—Отъѣздъ гр. Киселева въ Остенде.—Разговоръ его съ королемъ Леопольдомъ I.—Принцъ Николай Нассаускій.—Принцъ-регентъ прусскій Вильгельмъ.—Гр. Рёдернъ, прусскій посланникъ въ Брюсселѣ.—Возвращеніе Киселева въ Парижъ и поѣздка короля Леопольда въ Біарицъ.—Увѣренія Наполеона, что отнынѣ миръ Европы не будетъ болѣе нарушенъ.—Статья Монитера.—Шаткость политики Наполеона.—Вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна принимаетъ Киселева въ Швейцаріи.—Пріѣздъ Киселева въ Интерлакенъ.—Разсужденіе о Франціи и отношеніяхъ къ ней Пруссіи и Австріи.—Поль Лакруа и его намѣреніе писать исторію Императора Николая I.—Гр. Киселевъ сопровождаетъ Императрицу въ путешествіи по Швейцаріи.—Императрица открываетъ Киселеву, что онъ имѣетъ въ Петербургѣ непримиримаго врага.—Приглашеніе гр. Киселева въ Варшаву и отъѣздъ его въ Парижъ.—Прощаніе съ Императрицей и представленіе Великой Княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ.—Отъѣздъ въ Варшаву.—Недовѣріе Императора Александра къ Наполеону.—Наша миссія въ Китаѣ.—Отъѣздъ Государя въ Бреславъ.—Возвращеніе Государя въ Варшаву и секретная аудіенція у Его Величества русскихъ дипломатовъ.—Записка гр. Киселева, представленная имъ Государю.—Отъѣздъ Государя изъ Варшавы и русскихъ дипломатовъ къ своимъ постамъ. — Пріѣздъ и пребываніе въ Парижѣ Великой Княгини Маріи Николаевны. — Предположенія въ пользу принца Евгенія Лейхтенбергскаго. — Разговоръ Великой Княгини съ императрицею Евгеніею. — Отъѣздъ Великой Княгини въ Ниццу. — Цюрихскій мирный трактатъ. — Предположенное Наполеономъ преобразованіе Италіи.—Намеки Наполеона о томъ, что Россіи надлежитъ принять на себя инниціативу въ отношеніи преобразованія центральной Италіи. — Предвѣстія охлажденія Франціи къ Россіи. — Мнѣнія французскаго общества о предположенномъ преобразованіи Италіи. — Партія ультрамонтановъ. — Рѣшеніе о созваніи конгресса. — Мнѣніе гр. Киселева о второстепенной роли, которая ему предназначается на конгрессѣ. — Мнѣніе Австрійскаго посла о конгрессѣ.—Мнѣніе сардинскаго посла о томъ же.—Брошюра „Le Pape et le Congrès“.—Разговоръ Киселева съ Валевскимъ о конгрессѣ.—Мнѣніе Друэнъ-де-Люиса о политикѣ Наполеона.—Конгрессъ отложенъ и разсужденія по этому поводу гр. Киселева.—Условія Австріи для участія на конгрессѣ.—Смерть Рихтера, Бутурлиной и Полторацкой и мысли гр. Киселева, по поводу сему.

Рѣчь Наполеона въ новый 1859 годъ.

Въ цвѣтущее время старой имперіи, день новаго года въ Парижѣ постоянно ожидался всею Европою съ нѣкоторымъ трепетнымъ волненіемъ; въ отвѣтной рѣчи императора на поздравительное привѣтствіе дипломатическаго корпуса, пытались находить въ каждомъ словѣ разгадку грядущихъ судебъ

міра. Вслѣдствіе натянутыхъ отношеній почти всѣхъ великихъ державъ между собою, что обозначилось довольно ярко въ послѣдніе мѣсяцы 1858 года, политическіе люди пророчили не доброе и сами томились мучительною неизвѣстностью. Пророчествамъ суждено было сбыться!

О пріемѣ въ Тюльери 1-го января 1859 года П. Д. записалъ слѣдующее:

„Въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь папскаго нунція, императоръ произнесъ обычныя слова, что съ удовольствіемъ принимаетъ дружескія увѣренія, служащія залогомъ мира, на пользу правительствъ и народу. За тѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ нунцію и Коулею, онъ подошелъ къ Гюбнеру и выразилъ ему сожалѣніе, что отношенія его, Наполеона, къ Австріи не таковы, какими бы онъ желалъ ихъ видѣть (non tels qu'il les aurait désirés), но что это не измѣняетъ личныхъ его чувствъ къ особѣ австрійскаго императора".

Паника произведенная словами Наполеона, обращенными къ австрійскому послу.

Такое публичное объявленіе, обыкновенно непринятое во время придворныхъ представленій, поразило всѣхъ присутствовавшихъ. Слова императора, переданные по телеграфу, облетѣли всю Европу и, какъ обыкновенно водится, ихъ исказили въ преувеличенномъ смыслѣ, такъ что императорское правительство было вынуждено, въ Монитерѣ 7-го января, смягчить впечатлѣніе, которое онѣ произвели, и объявить, что въ дипломатическихъ сношеніяхъ обоихъ государствъ не произошло ничего такого, что могло-бы оправдать возникшія въ публикѣ и торговомъ мірѣ опасенія.

Неосторожно брошенныя въ публику слова Наполеона, по видимому относились къ затрудненіямъ, которыя постоянно ставились Австріею на парижской конференціи при разрѣшеніи вопроса о Дунайскихъ княжествахъ и условій навигаціи по Дунаю и въ особенности, къ извѣстію, пришедшему въ Парижъ почти наканунѣ новаго года, о предположенномъ, помимо великихъ державъ, единоличномъ вмѣшательствѣ Австріи въ дѣла Сербіи.

Наполеонъ всячески старался ослабить впечатлѣніе, произведенное имъ на дипломатическомъ пріемѣ 1-го января и въ

слѣдующее утро, когда иностранные послы приносили свои поздравленія императрицѣ, подошелъ къ Гюбнеру и любезно разговаривалъ съ нимъ о недавнемъ его путешествіи по Испаніи.

Придавая значеніе такой внимательности императора, графъ Киселевъ занесъ это въ свой дневникъ и вслѣдъ затѣмъ, послѣ бала въ Тюльери 11-го января, записалъ разговоръ свой съ Наполеономъ:

Разговоръ гр. Киселева съ Наполеономъ по поводу паники.

„Императоръ подошелъ ко мнѣ, и выражалъ досаду на панику, которая овладѣла биржею, а затѣмъ, и парижскою публикою.—И всею Европою, вставилъ я, потому что кризисъ испытываемый нынѣ общественнымъ кредитомъ отразился на всемъ. Россія находится на окраинѣ Европы, но и ея фонды тоже упали, и совершенно понятно, потому что развитіе кредита произвело и производить будетъ всегда чудеса,—но при условіи ненарушимаго спокойствія. Война не можетъ уживаться съ волшебною силою, называемою кредитомъ, который исчезаетъ при первомъ столкновеніи и проч. Императоръ выслушалъ эту тираду и сказалъ: при такихъ условіяхъ, война не мыслима въ виду даже самой законной причины.—И подобное положеніе дѣлъ возможно въ будущемъ, отвѣчалъ я; люди сдѣлались расчетливыми и прійдетъ время, когда мирныя торговыя сношенія возьмутъ верхъ надъ международною войною. Уполномоченные Англіи поддерживали косвенно этотъ тезисъ на парижскомъ конгрессѣ и предлагали, въ случаѣ международныхъ недоразумѣній, не прибѣгая къ оружію, избирать посредниками дружественныя державы, для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ. Предлагая такой способъ, они стремились къ утвержденію своего кредита, составляющаго ихъ силу. Мысль Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера тѣмъ скорѣе осуществится, чѣмъ просвѣщеніе сдѣлаетъ болѣе успѣховъ“.

Внезапный и совершенно неожиданный отъѣздъ принца Наполеона, 13-го января, изъ Парижа въ Туринъ, усилилъ еще болѣе толки и ожиданіе разрыва съ Австріею, и хотя, по поводу этого путешествія, 23-го января появилась въ Монитерѣ статья, объяснявшая, что издавна установившіяся между

императоромъ и королемъ Викторомъ Эммануэлемъ дружескія отношенія побудили ихъ скрѣпить взаимные интересы Франціи и Сардиніи родственнымъ союзомъ, посредствомъ брака между двоюроднымъ братомъ императора и дочерью короля, принцессою Клотильдою, но объясненіе это не успокоило взволнованные умы и всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, что скажетъ императоръ при открытіи сессіи законодательнаго собранія.

Дипломаты, акредитованные при Тюльерійскомъ дворѣ, находились тоже въ тревожномъ ожиданіи.

Графъ Киселевъ получилъ 7-го января, чрезъ посредство адмирала графа Путятина, объёмистую дипломатическую корреспонденцію изъ Петербурга и, въ томъ числѣ, письмо князя Горчакова, въ которомъ министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ: „Нашъ Августѣйшій Государь прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ сообщеніе о пребываніи вашемъ въ Компіэнѣ, а также всѣ свѣдѣнія заключающіяся въ этомъ донесеніи“. — „И только!“ восклицаетъ графъ П. Д. „Выводите какія угодно заключенія о разговорахъ императора Людовика Наполеона съ русскимъ посломъ! между тѣмъ, въ донесеніи были помѣщены оцѣнки этихъ разговоровъ, которыя надлежало или одобрить, или опровергнуть именемъ Государя“.

Павелъ Дмитріевичъ видимо досадовалъ на то, что въ такое трудное политическое время, не получилъ въ руководство болѣе положительныхъ указаній петербургскаго кабинета: а между тѣмъ, политическія затрудненія росли съ часу на часъ.

Графъ Гацфельдъ, передъ отъѣздомъ въ Берлинъ, пріѣзжалъ 3-го января, къ графу Павлу Дмитріевичу проститься и говорилъ ему между прочимъ слѣдующее: Политическая исповѣдь прусской дипломатіи.

„Теперешнее политическое положеніе Пруссіи и ея отношенія къ другимъ государствамъ требуютъ, если не кореннаго измѣненія, то, по крайней мѣрѣ, инаго направленія во внѣшней ея политикѣ, а вслѣдствіе того и измѣненія ея отношеній къ Россіи. Берлинъ находился подъ гнетомъ Петербурга въ теченіе 30-ти лѣтъ; въ настоящее время другіе союзы могутъ повлечь за собою другаго рода отношенія и это, сказалъ онъ,

въ природѣ вещей, потому что ничто не вѣчно. Мы желаемъ сохранить, по сосѣдству, доброе согласіе, какъ и съ прочими державами. Но война, какова-бы она ни была, можетъ измѣнить такое положеніе; я не желалъ бы ея, въ интересахъ какъ общихъ, такъ и въ особенности въ интересѣ Людовика Наполеона. Ежели, совмѣстно съ своимъ двоюроднымъ братомъ (которому предоставляетъ слишкомъ большое вліяніе въ дѣлахъ), онъ расчитываетъ на возможность революціоннаго подстрекательства въ Германіи, то онъ ошибается. Война на берегахъ Рейна подниметъ на ноги всю Германію, какъ одного человѣка, и первоначальные успѣхи французской арміи окончатся бѣдствіемъ, которое можетъ постигнуть даже императора и его политеческое положеніе. Помощь Италіи не послужитъ ни къ чему, а ежели, своею поддержкою, поощрите его вы, то поведете его къ погибели".

— „Гацфельдъ сталъ говорить совсѣмъ другимъ языкомъ, со времени учрежденія регенства", записалъ Павелъ Дмитріевичъ.

Оцѣнка политики Наполеона другими дипломатами.

Послѣ разговора съ лордомъ Коулеемъ, о политическомъ положеніи дѣлъ, Киселевъ записалъ подъ 11-го января: „мнѣ кажется, что онъ теперь менѣе чѣмъ прежде доволенъ императоромъ и его правительствомъ".

Лордъ Гренвиль, посѣтившій Павла Дмитріевича 23-го января, говорилъ ему:

„Теперешнее настроеніе болѣе благопріятно для поддержанія мира и, полагать должно, что въ этомъ году войны не будетъ. Министерство Дерби удержится на время нынѣшней сессіи. Парламентъ, не считая мелкихъ подраздѣленій, распадается на три большія партіи; стачки ихъ, враждебной настоящему кабинету, ожидать нельзя, потому что лордъ Пальмерстонъ и Джонъ Россель расходятся въ мнѣніяхъ; запальчивость Брайта служитъ лорду Дерби на пользу; Дерби, по временамъ, то безпечный, то пылкій, воспользуется голосомъ Брайта, чтобъ удержаться во главѣ правительства. Далѣе, онъ говорилъ, что не встрѣтилъ во Франціи сторонниковъ войны, но слышалъ много враждебнаго противъ правительства императора, который желаетъ войны, во что бы то ни стало,

недостаточно взвѣшивая послѣдствія, которыхъ можно ожидать“.

Передъ самимъ открытіемъ законодательной сессіи, 4-го февраля, гр. Киселевъ занесъ еще слѣдующія двѣ замѣтки по поводу политическихъ разговоровъ съ Валевскимъ и Гюбнеромъ:

„На сегоднешней аудіенціи, Валевскій читалъ письмо Балабина (изъ Вѣны) отъ 19 (31) января. Онъ сказалъ мнѣ конфиденціально, что тронная рѣчь 7-го числа будетъ не только въ миролюбивомъ смыслѣ, но заключится положительнымъ обѣщаніемъ мира, притомъ, продолжалъ онъ, иначе и быть не можетъ, потому что общественное мнѣніе у насъ и во всей Европѣ выразилось съ такимъ единодушіемъ противъ войны“. Записывая послѣднія слова, П. Д. добавилъ: „давая мнѣ такія увѣренія, Валевскій имѣлъ торжествующій видъ; онъ служитъ дѣлу, которое оставитъ за нимъ управленіе министерствомъ (il gagne sa cause, qui lui assure son portefeuille).

„Вечеромъ, на балѣ у гамбургскаго сенатора, банкира Гейнё, я встрѣтилъ Гюбнера, которому сказалъ, что политическій барометръ склоняется на миръ; но, добавилъ я, слѣдовало бы что-нибудь предпринять въ Италіи, для устраненія всякой причины посторонняго посредничества. Гюбнеръ, повидимому, отрицалъ возможность вмѣшательства, какъ называетъ онъ, во внутреннія дѣла“.

Наконецъ, въ столь нетерпѣливо ожидаемый день открытія законодательной сессіи, 7-го февраля, императоръ, между прочимъ, сказалъ:

Рѣчь Наполеона при открытіи законодательной сессіи.

„Союзъ Франціи и Англіи, для скрѣпленія котораго я не щадилъ ничего, утвердился, вслѣдствіе счастливо установившейся взаимности чувствъ съ королевою и ея государственными людьми всѣхъ оттѣнковъ.

„Отношенія мои къ Императору россійскому сдѣлались, послѣ заключенія мира, совершенно сердечными (ont pris le caractère de la plus franche cordialité), потому что, по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, мы пришли къ соглашенію (parceque nous avons été d'accord sur tous les points en litige).

„Я могу также похвалиться моими отношеніями къ Пруссіи, такъ какъ они постоянно отличались взаимнымъ доброжелательствомъ.

„Напротивъ того, кабинетъ вѣнскій и мой, говорю это съ прискорбіемъ, часто не могли сходиться въ мнѣніяхъ по главнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики; для того, чтобы прійти къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, было потрачено много убѣжденій примирительнаго свойства. Такъ, напр., въ вопросѣ преобразованія Дунайскихъ княжествъ потребовалось устранить множество затрудненій, и все-таки полнаго удовлетворенія самыхъ законныхъ желаній этихъ княжествъ нельзя было достигнуть; если бы меня спросили, какой интересъ побуждаетъ Францію вмѣшиваться въ дѣла отдаленныхъ странъ, орошаемыхъ Дунаемъ, то я отвѣтилъ бы, что миссія Франціи вездѣ, гдѣ требуется защитить интересы справедливости и цивилизаціи“.

Обращаясь затѣмъ къ Италіи, императоръ сказалъ:

„Съ нѣкотораго времени ненормальное положеніе Италіи, гдѣ порядокъ можетъ быть охраняемъ лишь помощью присутствія войскъ иностранныхъ державъ, справедливо озабочиваетъ дипломатію. Но это еще не можетъ служить поводомъ, чтобъ опасаться войны. Пускай одни призываютъ войну безъ законнаго къ тому повода; пускай другіе, въ преувеличенномъ страхѣ, предостерегаютъ Францію отъ опасностей новой коалиціи,—я останусь непреклонно въ границахъ международнаго права, справедливости и народной чести; правительство мое не допуститъ ни увлечь себя, ни устранить, потому что моя политика спокойная, но и не робкая“.

На другой день, 8-го февраля, предсѣдатель законодательнаго собранія Морни, поясняя еще болѣе мысль императора, сказалъ: „Религія, философія, цивилизація, кредитъ, личный трудъ предъявляютъ всѣ, что только въ мирномъ состояніи слѣдуетъ искать прочной основы современныхъ обществъ; кровь народовъ не проливается нынѣ легкомысленно; къ войнѣ прибѣгаютъ лишь тогда, когда попраны права и затронута честь. Политическія столкновенія устраняются большею частію пу-

темъ дипломатическихъ переговоровъ или разрѣшаются миролюбиво, помощью посредничества дружественныхъ державъ. Быстрота международныхъ сношеній, гласность создали въ Европѣ новую силу, съ которою всѣ правительства вынуждены считаться; сила эта—общественное мнѣніе“.

Сомнѣніе и разубѣжденіе гр. Киселева о политикѣ Наполеона.

Графъ Киселевъ, который постоянно записывалъ свои мысли о каждомъ, сколько-нибудь выдающемся событіи, воздержался отъ всякаго сужденія о внутреннемъ содержаніи рѣчи Наполеона и вообще о слышанныхъ имъ разговорахъ и рѣчахъ Валевскаго, Морни и проч. Онъ занесъ въ свой дневникъ только то впечатлѣніе, которое на него произвели внѣшній видъ законодательнаго собранія, голосъ и дикція императора:

„Открытіе сессіи законодательнаго собранія на 1859 годъ, записалъ онъ, послѣдовало въ Луврѣ, въ залѣ государственныхъ чиновъ (salle des Etats). Зала эта очень хороша, хотя недокончена еще. Собраніе сенаторовъ и депутатовъ, а въ галлереяхъ дипломатическаго корпуса и приглашенныхъ особъ обоего пола, представляли величественный видъ. Императоръ читалъ свою рѣчь хорошо; у него голосъ звучный и словоударепіе правильное“.

Такъ какъ П. Д. не имѣлъ привычки заносить въ свой дневникъ содержаніе своихъ донесеній петербургскому кабинету, то біографу, не пользующемуся оффиціальнымъ источникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, весьма трудно догадаться, какой въ то время Киселевъ имѣлъ взглядъ, какъ дипломатъ, на взаимныя политическія отношенія государствъ. Мы видѣли, что лично онъ не сочувствовалъ разрѣшенію споровъ войною; что слова Морни были почти повтореніемъ того, что говорилъ гр. Киселевъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ, Наполеону. Павелъ Дмитріевичъ былъ расположенъ вѣрить тому, что такъ торжественно заявлялось императоромъ и его министрами и такъ было согласно съ его личными политическими убѣжденіями; его честная душа была мало доступна для тѣхъ дипломатическихъ пріемовъ, которые требуютъ говорить одно, а думать и дѣлать другое; характеръ его, какъ

выразился онъ самъ своему Государю, былъ „уклончивъ для сношеній дипломатическихъ". Быть можетъ, онъ и не повѣрилъ бы ни Валевскому, ни Наполеону, но ему позволительно было усвоить себѣ взглядъ лорда Гренвиля,—одного изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ либеральной партіи въ Англіи, который самъ былъ одно время статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ и съ которымъ Киселевъ познакомился въ 1856 году, въ Москвѣ, во время коронаціи.

Слова Киселева, сказанныя Гюбнеру на балѣ, что дѣла склоняются на миръ, были, безъ всякаго сомнѣнія, искренни; ему въ тотъ день не приходило на мысль, что, не взирая на увѣренія о мирѣ, война уже готовилась.

Только три недѣли спустя, когда Валевскій передалъ (28-го февраля) Павлу Дмитріевичу собственноручную ноту, въ которой говорилось, что война будетъ объявлена лишь въ случаѣ *достаточно законнаго повода* (pour une cause assez légitime) и когда на вопросъ, сдѣланный гр. Киселевымъ: кто будетъ судьей достаточной законности, редакторъ ноты отвѣчалъ, что судьею будетъ онъ, т.-е. Валевскій,—П. Д. убѣдился въ лживости миролюбиваго настроенія тюльерійскаго кабинета и съ горечью записалъ: „Можно расшатать весь міръ, когда рычагомъ служитъ собственная смышленность, а точкою опоры глупость другихъ".

Обвиненіе дипломатовъ нашихъ въ чрезмѣрной почтительности Наполеону.

Здѣсь кстати сказать, что роялисты всѣхъ оттѣнковъ, и въ томъ числѣ Тьеръ, обвиняли графа Киселева, также какъ и графа Орлова, въ чрезмѣрной почтительности предъ Наполеономъ, забывая то, что посолъ, акредитованный при монархѣ, возведенномъ на престолъ хотя волею народа, но принятомъ въ семью государей въ силу признанія,—долженъ обращаться съ нимъ какъ съ государемъ вполнѣ законнымъ, и что провозглашеніе Наполеономъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, самого себя выскочкой (parvenu) и происхожденіе императрицы Евгеніи не изъ царственнаго дома, еще болѣе могли побуждать посла, въ обращеніи съ ними, безпрерывно наблюдать за собою и слѣдовать въ точности самому строгому этикету, дабы не дать повода ни императору Наполеону, ни императрицѣ Евге-

нія подумать, что въ отношеніи къ нимъ посолъ менѣе почтителенъ, чѣмъ въ обращеніи съ владѣтельными особами древнихъ царственныхъ домовъ.

Графъ Киселевъ, соблюдая наружную почтительность, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ до сего времени, высокаго мнѣнія о Наполеонѣ. Но когда Валевскій такъ откровенно высказался и разоблачилъ политику императора, Павелъ Дмитріевичъ записалъ въ дневникъ, по 9-е марта, слѣдующее:

Приговоръ гр. Киселева надъ дѣйствіями Наполеона.

„Надо признаться, что въ послѣдніе 14 мѣсяцевъ (со времени орсиньевскихъ бомбъ) замѣчается большое колебаніе въ дѣйствіяхъ правительства [1]). Глубокія соображенія уступаютъ мѣсто безразсуднымъ поступкамъ, и можно подумать, что сфинксъ ни что иное, какъ фигляръ (Le Sphinx pourrait n'être qu'un jongleur). Въ Тюльери упоены властью и спотыкаются.

„Роялисты, враждебно относящіеся къ нынѣшнему порядку вещей, говорятъ, что Людовикъ-Наполеонъ былъ избранъ для одержанія побѣды надъ демагогіею, а не для того, чтобъ воскресить ее и покровительствовать ей въ Италіи. Если это будетъ продолжаться, то договоръ (pacte), заключенный народомъ съ избраннымъ имъ себѣ диктаторомъ, потеряетъ всякую силу".

Не только дипломаты, но вообще всѣ мыслящіе люди, жившіе въ то время въ Парижѣ, осуждали политику и образъ

---

[1]) Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, Французы говорили Русскимъ въ Парижѣ, что покушеніе Орсини имѣло большое, потрясающее дѣйствіе на императора Наполеона. Онъ сдѣлался крайне недовѣрчивъ къ высшимъ начальникамъ своихъ многоразличныхъ полицій, потребовалъ, чтобъ всѣ доносы тайной полиціи и перлюстрированныя письма приносились къ нему и проводилъ нѣсколько часовъ въ день за чтеніемъ этихъ бумагъ. Это разстроило его нервы, онъ сдѣлался задумчивымъ, мрачнымъ, нерѣшительнымъ и вездѣ видѣлъ заговоры и замыслы, противъ него направленные. Наконецъ, самые близкіе къ нему люди просили его прекратить это занятіе, доказывая, что противно природѣ человѣка ежедневно читать о самомъ себѣ порицанія, клевету, злобныя выходки и злоумышленія противъ жизни и здоровья. Убѣжденія и просьбы лицъ, которыхъ Наполеонъ считалъ себѣ преданными, подѣйствовали; онъ оставилъ это чтеніе, поручивъ другимъ разбирать и сортировать получаемые доносы и произведенія перлюстраціи, и вскорѣ успокоился и пришелъ въ нормальное состояніе.

дѣйствій Наполеона; въ запискахъ Киселева находится много разговоровъ, свидѣтельствующихъ о такомъ настроеніи общества и дипломатіи.

Мнѣніе о Наполеонѣ другихъ политическихъ людей.

На балѣ во дворцѣ, 8-го февраля, лордъ Коулей говорилъ графу Киселеву по поводу итальянскихъ дѣлъ: „Мы держимся пока въ сторонѣ и не вступаемъ въ оффиціальные переговоры; но я сказалъ Валевскому, что, не желая стѣснять ихъ, мы, до времени, ничего не предпринимаемъ и ничего не говоримъ, но оставляемъ за собою полную свободу дѣйствій тогда, когда коснутся трактатовъ. Политика наша основана на точномъ соблюденіи договоровъ; мы не можемъ отступать отъ этого вѣковаго принципа, котораго всегда держалась Англія. Императоръ въ своей рѣчи хотѣлъ обойти даже самое слово трактатъ. Валевскій силился доказать намъ, что слово *право* достаточно замѣняетъ понятіе о трактатѣ, и что притомъ, въ сущности, такая замѣна одного слова другимъ не имѣетъ никакого значенія. Но ежели такъ, то почему же не отдать предпочтенія слову трактатъ, которое всюду одинаково понимается?“

2-го марта былъ разговоръ у Киселева съ Валевскимъ: „Императоръ, говорилъ онъ, въ весьма миролюбивомъ настроеніи и предоставилъ ему полную свободу вести переговоры въ такомъ смыслѣ. Тому причиной, объяснялъ Валевскій, восторженное состояніе (l'enthousiasme) о замышляемой единой Германіи; а вы легко поймете, что Франція не можетъ предпринять войну въ совершенномъ одиночествѣ“.—Онъ могъ бы прибавить, дополняетъ Павелъ Дмитріевичъ: „мы разсчитывали на содѣйствіе Россіи, которая сохраняетъ благопріятный для насъ нейтралитетъ, но этого намъ недостаточно, и потому мы воздерживаемся.—А тѣмъ и лучше восклицаетъ П. Д., войны не импровизируются; онѣ приготовляются событіями, а не предвзятыми идеями“.

Графъ Рамбюто, бывшій пэръ Франціи и префектъ сенскаго департамента при Людовикѣ-Филиппѣ, посѣтивъ 9-го марта гр. Киселева, говорилъ ему объ ошибкахъ, которыя дѣлаетъ правительство Наполеона. Рамбюто служилъ еще при

Наполеонѣ I и былъ его приверженцемъ; онъ не былъ враждебенъ и Наполеону III, но съ горестью говорилъ объ ошибкахъ, которыя дѣлаютъ, какъ самъ Наполеонъ, такъ и именемъ его. „Онъ самъ расшатываетъ свой престолъ, добавилъ онъ, и ежели бы сужденія, произносимыя надъ нимъ въ салонахъ, были перенесены на улицу, то неминуемо послѣдовала бы катастрофа“.

Жившій постоянно въ Парижѣ, престарѣлый генералъ-адъютантъ русской службы и извѣстный военный писатель, Жомини, говорилъ Павлу Дмитріевичу въ томъ же смыслѣ и увѣрялъ, что „въ войскахъ не скрываютъ своего недовольства, а во всѣхъ кофейняхъ слышны однѣ порицанія“.

Письмо Таленей о степени возбужденнаго состоянія Германіи.

Наконецъ, о возбужденномъ состояніи Германіи было получено письмо г. де-Таленей (Taleney), бывшаго французскаго посланника при германскомъ сеймѣ, во Франкфуртѣ. Императоръ прочиталъ гр. Киселеву нѣкоторыя мѣста этого письма, въ которомъ говорилось, между прочимъ, что „негодованіе въ Германіи такъ велико, что онъ, Таленей, желая помѣстить въ одномъ изъ повременныхъ изданій очень невинную, впрочемъ, статью о сущности нынѣшней политики Франціи, не нашелъ ни одной редакціи, которая согласилась бы помѣстить ее въ своемъ журналѣ, ни за какія деньги“.

Поводы, послужившіе къ войнѣ съ Австріею.

Война съ Австріею, объявленная Наполеономъ 3-го мая 1859 года, не была импровизирована, какъ выразился Павелъ Дмитріевичъ; она подготовлялась давно. Оставляя въ сторонѣ личныя, болѣе или менѣе искреннія симпатіи Наполеона III къ возрожденію Италіи,—за независимость которой, впрочемъ, онъ въ молодости своей сражался въ рядахъ итальянскихъ патріотовъ,—конечно, не столько по убѣжденію, сколько для того, чтобы заставить говорить о себѣ,—напомнимъ въ главныхъ чертахъ непосредственныя причины, породившія столкновенія.

Съ 1849 года, т.-е. со времени несчастной для Сардиніи войны противъ Австріи, заключившейся пораженіемъ подъ Новарою, отношенія обоихъ государствъ оставались крайне натянутыми. Хотя вслѣдъ за заключеніемъ мира дипломати-

ческія отношенія возстановились, но не возстановилось доброе согласіе. Австрійское правительство оставило свои итальянскія провинціи на военномъ положеніи и наложило въ Ломбардіи секвестръ на всѣ имѣнія лицъ, перешедшихъ въ подданство Сардиніи. Послѣдняя мѣра породила между обоими кабинетами ожесточенные споры, въ которыхъ Австрія всячески усиливалась дать почувствовать, что Сардинія никакого политическаго вліянія на прочія части Италіи имѣть не можетъ и не должна. Дошло, наконецъ, до того, что посланники обѣихъ державъ были замѣнены повѣренными въ дѣлахъ, а вскорѣ отозваны и эти послѣдніе. Враждебная итальянскимъ интересамъ австрійская администрація управляла Ломбардіею и Венеціею, какъ непріятельскими землями.

Когда наконецъ, Франція,—недавняя союзница обѣихъ враждовавшихъ державъ,—успѣла своимъ посредничествомъ склонить Австрію къ болѣе гуманному обращенію съ этими провинціями, когда, вслѣдствіе сего, съ секвестрованныхъ имѣній было снято запрещеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено военное положеніе и объявлена всеобщая амнистія, можно было ожидать, что водворится согласіе и спокойствіе, тѣмъ болѣе, что императоръ Францъ Іосифъ назначилъ намѣстникомъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, младшаго брата своего эрцъ-герцога Максимиліана, извѣстнаго своимъ либеральнымъ направленіемъ. И дѣйствительно, страсти какъ будто улеглись. Но вскорѣ измѣненія въ монетной системѣ и новый законъ о рекрутскихъ наборахъ, взволновали вновь эти правинціи, такъ что австрійское правительство нашлось вынужденнымъ усилить военные гарнизоны. Сардинія, съ своей стороны, видя весьма значительное возрастаніе австрійскихъ военныхъ силъ, на самыхъ опасныхъ пунктахъ своей границы, стала комплектовать свою армію, которая между прочимъ усиливалась волонтерами, стекавшимися изъ всѣхъ мѣстъ Италіи.

Къ концу января 1859 года вооруженія достигли такихъ непосильныхъ, для финансоваго положенія обѣихъ сторонъ, размѣровъ, что не представлялось инаго способа для прекра-

щенія такого напряженнаго состоянія, какъ ускорить рѣшеніе споровъ оружіемъ.

Посредничество Англіи.

Опасенія войны, вредно вліявшія на всѣ торговыя дѣла Европы, давали себя чувствовать всего болѣе промышленной Англіи и потому Виндзорскій кабинетъ, предвидя вмѣшательство въ дѣла Австріи съ Италіею Наполеона, а затѣмъ опасаясь и всеобщей европейской войны, употреблялъ всѣ усилія для умиротворенія враждующихъ сторонъ. Съ этою цѣлію было поручено лорду Коулею предложить Тюльерійскому кабинету, въ видахъ устраненія несогласій и замѣшательствъ, слѣдующія условія: 1) чтобъ отозваны были изъ папскихъ владѣній австрійскія и французскія войска; 2) чтобъ законодательство и администрація въ сихъ владѣніяхъ были улучшены; 3) чтобъ неприкосновенность территоріи сардинскаго королевства была гарантирована со стороны Австріи и, наконецъ, 4) если окажется возможнымъ, чтобъ уничтожены были договоры заключенные въ 1847 г. Австріею съ герцогами моденскимъ и пармскимъ, въ силу которыхъ Австрія обязалась оказывать имъ защиту не только въ случаѣ столкновенія съ другими державами, но и противъ собственныхъ ихъ подданныхъ.

Предложеніе великобританскаго кабинета было принято Наполеономъ; выразивъ желаніе, чтобъ усилія Англіи въ этомъ смыслѣ увѣнчались успѣхомъ, онъ предложилъ еще слѣдующія дополнительныя условія: 1) отмѣну подобныхъ же договоровъ Австріи съ неаполитанскимъ и тосканскимъ правительствами; 2) установленіе во всѣхъ итальянскихъ государствахъ системы управленія, основанной на утвержденіи народными представителями размѣра государственныхъ налоговъ; 3) учрежденіе въ римскихъ владѣніяхъ, съ согласія папы, отдѣльной гражданской администраціи, управленіе которою поручить одному изъ римскихъ патриціевъ, по назначенію св. отца, и 4) съ цѣлію облегченія податныхъ тягостей въ папскихъ владѣніяхъ, назначить на расходы папскаго престола особую сумму, разверстываемую на всѣ католическія государства.

Лордъ Коулей ѣдетъ въ Вѣну съ дипломатическимъ порученіемъ.

Снабженный такими инструкціями, лордъ Коулей, по порученію своего правительства, отправился въ Вѣну 22-го февраля (1859) не въ качествѣ предъявителя оффиціальныхъ требованій или предложеній, а какъ дипломатическій агентъ, которому было поручено дознаться: въ какой мѣрѣ желанія Англіи и Франціи могутъ найти доступъ къ возможному удовлетворенію и насколько надежно улучшеніе взаимныхъ отношеній Австріи и Франціи.

Циркулярная депеша кардинала Антонелли, почти одновременно (26-го февраля 1859) адрессованная австрійскому и французскому посламъ въ Римѣ, о томъ, что правительство папы, признавая себя достаточно укрѣпившимся и сильнымъ для охраненія спокойствія въ своихъ владѣніяхъ, проситъ въ возможной скорости отозвать войска ихъ правительствъ, казалось пророчила успѣхъ миссіи лорда Коулея. Къ сожалѣнію неопредѣленность уполномочій не дали ему возможности добиться положительныхъ результатовъ; правда, Австрія и Сардинія, въ довольно противорѣчивыхъ депешахъ, обѣщали, каждая съ своей стороны, воздержаться отъ вчинанія военныхъ дѣйствій и это подавало надежду, что вмѣстѣ съ ними и Франція готова будетъ вступить въ дипломатическіе переговоры, однако и въ этомъ отношеніи ничего опредѣлительнаго рѣшено не было.

Предложеніе Петербургскаго кабинета о предоставленіи рѣшенія итальянскаго вопроса европейскому конгрессу.

Въ такомъ положеніи дѣлъ получено было въ Парижѣ предложеніе Петербургскаго кабитета отъ 22-го февраля (5 марта), въ которомъ кн. Горчаковъ напоминалъ высказанное на парижскомъ конгрессѣ 1856 г. желаніе уполномоченныхъ, чтобы въ случаѣ какихъ бы то ни было недоразумѣній, прежде чѣмъ прибѣгать къ оружію, обращаться къ посредничеству дружественныхъ державъ; по сему и въ настоящемъ случаѣ рѣшеніе такъ называемаго итальянскаго вопроса, предлагалъ предоставить конгрессу.

Графъ Киселевъ, на долю котораго выпало поддерживать это предложеніе, имѣлъ по этому поводу, 14-го марта, продолжительную аудіенцію у Наполеона; затѣмъ 15 и 17-го марта, о томъ же совѣщался съ Валевскимъ, а 19-го, по поводу

письма Кавура, горько жаловавшагося Наполеону, что Сардинія исключена отъ участія въ готовящемся конгрессѣ, былъ приглашенъ къ императору, который ему говорилъ въ смыслѣ допущенія къ участію уполномоченныхъ отъ Италіи.

Объ этомъ же предметѣ были у Павла Дмитріевича совѣщанія съ возвратившимся изъ Вѣны Лордомъ Коулеемъ, который разсказывалъ о своемъ пребываніи въ столицѣ Австріи.

Наконецъ, 24-го марта, во время концерта въ Тюльери, Наполеонъ снова обратился къ гр. Киселеву. „Императоръ спросилъ меня“, записалъ Павелъ Дмитріевичъ, „хотятъ-ли у насъ непремѣнно мира? затѣмъ говорилъ о вѣроятномъ результатѣ конгресса, который по его мнѣнію не будетъ въ состояніи разрѣшить итальянскій вопросъ; раздраженіе въ Италіи, продолжалъ онъ, велико и надо будетъ начать снова; завтра пріѣдетъ Кавуръ“.

Тонкость политики Наполеона и интриги его противъ своего же министерства иностранныхъ дѣлъ.

Наполеонъ былъ постоянно подъ вліяніемъ или императрицы, или принца Наполеона; то онъ смирялъ, то поощрялъ запальчивость итальянскихъ патріотовъ. Идевилль (Journal d'un diplomate en Italie, 1872) разсказываетъ даже эпизодъ, относящійся къ этому времени, изъ котораго видно, что Наполеонъ интриговалъ противъ оффиціальной дѣятельности собственнаго своего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Французскому посланнику въ Туринѣ, князю Латуръ д'Овернь, говоритъ онъ, было поручено Тюльерійскимъ кабинетомъ объявить Кавуру, что всякая попытка къ поощренію возстанія въ итальянскихъ герцогствахъ, съ цѣлію объединенія Италіи, будетъ принята императорскимъ правительствомъ за непозволительное нарушеніе трактатовъ; а когда Латуръ д'Овернь явился къ Кавуру для сообщенія этой угрозы, послѣдній отвѣчалъ: къ сожалѣнію, князь, вы правы; то, что вамъ пишетъ Валевскій, признаюсь, не подаетъ намъ большихъ надеждъ; намъ присланъ черезъ васъ порядочно строгій выговоръ, но что скажете вы, если я прочитаю вамъ то, что мнѣ пишетъ, непосредственно изъ Тюльери, лицо вамъ, конечно, извѣстное? Приэтомъ, съ лукавою улыбкою, Кавуръ досталъ изъ кармана письмо Мокара, личнаго секретаря и управляв-

шаго кабинетомъ Наполеона, письмо, въ которомъ конфиденціально увѣрялось именемъ императора, что на попытки къ присоединенію герцогствъ самъ императоръ смотритъ снисходительно и что не слѣдуетъ опасаться послѣдствій.

Наполеону хотѣлось помочь Италіи; ему, казалось, чудились предсмертные слова Орсини: „доколѣ Италія не свободна— жизни вашей вѣчно будетъ угрожать опасность“; онъ искалъ также случая принизить Австрію, за ея упорство въ дѣлахъ княжествъ и Дуная; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся, вслучаѣ неудачи, подвергнуть опасности свои династическіе интересы и возстановить противъ себя клерикальную партію.

Съ другой стороны, разрѣшеніе итальянскаго вопроса путемъ дипломатическимъ, помощью конгресса, вовсе не входило въ виды Кавура. Онъ зналъ, что конгрессъ будетъ только проволочкою дѣла, которое не подвинется. Къ томуже, по мнѣнію его, Италіи едва-ли удастся въ другой разъ потратить столько средствъ, сколько уже потрачено на приведеніе своихъ силъ въ военное положеніе. Но всего болѣе Кавуръ расчитывалъ на то, что помощью своей дипломатической тактики, втянетъ самого Наполеона въ войну.

Кавуръ въ Парижѣ и его взглядъ на конгрессъ.

Когда Кавуръ узналъ (22-го марта), что, по иниціативѣ Россіи, всѣ великія державы согласились созвать конгрессъ для рѣшенія итальянскихъ дѣлъ, онъ, по приглашенію Наполеона, тотчасъ отправился въ Парижъ, гдѣ получилъ увѣреніе, что Франція не покинетъ своей союзницы и что она употребитъ всѣ усилія, чтобъ Сардинію допустили участвовать въ конгрессѣ; но если и за симъ это не удастся, то Піемонтъ, какъ не участвовавшій въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ конгресса, сохранитъ за собою полную свободу дѣйствій.

Странно, что Кавуръ, во время своего пребыванія въ Парижѣ, не былъ у графа Киселева. Павелъ Дмитріевичъ постоянно записывалъ въ свой дневникъ, кто его посѣщалъ и у кого онъ, въ теченіи дня, былъ. Имени Кавура нѣтъ, ни въ числѣ посѣтителей, ни въ числѣ отданныхъ визитовъ и даже не упоминается о свиданіи съ нимъ у Валевскаго, въ Тюльери, или въ иномъ мѣстѣ, такъ что неизвѣстно видѣлись-ли они.

Инсинуаціи Наполеона о пересмотрѣ въ пользу Россіи трактата 1856 г.

Послѣ отъѣзда Кавура, на балѣ въ Тюльери, 6-го апрѣля, Наполеонъ подошелъ къ графу Киселеву и говорилъ съ нимъ опять о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ конгресса и практической пользѣ предварительнаго соглашенія съ Россіею. „Императоръ высказался о представляющемся теперь удобномъ случаѣ войти въ соглашеніе съ Россіею, относительно пересмотра вѣнскаго и парижскаго трактатовъ 1815 и 1856 годовъ, которые одинаково тяготѣютъ надъ обѣими имперіями".

Наполеонъ, какъ видно, былъ очень озабоченъ тѣмъ, какое приметъ положеніе Россія? Не расчитывая на прямое содѣйствіе, котораго ожидать было нельзя, ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, получить увѣреніе въ дружественномъ нейтралитетѣ съ ея стороны и, если возможно, въ расквартированіи на границѣ Австріи обсерваціоннаго корпуса, для отвлеченія ея силъ. При этомъ онъ не щадилъ обѣщаній.

18-го апрѣля гр. Киселевъ былъ у Валевскаго, чтобъ узнать въ какомъ положеніи находится дѣло о конгрессѣ. Послѣ этого свиданія онъ записалъ: „Французы довольны, Пруссаки не высказываются, отвѣтъ Англичанъ ожидается; отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ послѣдній, зависитъ быть или не быть конгрессу; Валевскій говоритъ, что въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта, война можетъ начаться черезъ двѣ недѣли".

20-го апрѣля Павелъ Дмитріевичъ занесъ въ свой дневникъ: „Г. Альфредъ де Курвиль, начальникъ инженернаго батальона и зять генерала Жомини, приходилъ ко мнѣ за совѣтомъ можетъ-ли онъ, по приглашенію императора, представить ему въ особой запискѣ свои военныя соображенія, на случай войны въ Италіи. Я отвѣчалъ, что, по мнѣнію моему, не только не встрѣчается никакого неудобства, но представленіе записки вполнѣ прилично".

Австрійскія войска вступаютъ въ Сардинію.

Извѣстно, что конгрессъ не состоялся, потому что Австрія не согласилась на участіе въ немъ Сардиніи; она отвергла предложеніе объ этомъ четырехъ великихъ державъ; дипломатическіе переговоры не привели ни къ чему.

Австрія, прервавъ переговоры, поручила своему главнокомандующему войскамп генералу Гіулаю передать сардин-

скому правительству ультиматумъ, въ которомъ требовала немедленнаго приведенія сардинской арміи въ мирное положеніе и распущенія итальянскихъ волонтеровъ. Письмо объ этомъ графа Буоля, австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, было получено Кавуромъ 23-го апрѣля; Кавуръ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ 26-го, а 29-го австрійскія войска переступили р. Течино, границу Сардиніи. Въ тотъ-же день была отправлена къ дипломатическимъ агентамъ Австріи депеша, въ которой, между прочимъ, говорилось:

Циркулярная депеша Буоля.

„Императорское правительство Франціи объявило 26-го числа, чрезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, что переходъ австрійскихъ войскъ черезъ р. Течино оно приметъ за объявленіе войны Франціи; а между тѣмъ, когда въ Вѣнѣ ожидался еще отвѣтъ Піэмонта на требованіе объ обезоруженіи, Франція посылала уже свои войска моремъ и сухимъ путемъ въ предѣлы Сардиніи, сознавая вполнѣ, что этимъ самимъ она повліяетъ на окончательное рѣшеніе Сардиніи.

„И почему, спрашивается, такимъ образомъ должны были сразу рушиться надежды сторонниковъ мира? Потому, что настало время, когда планы давно задуманные въ тайнѣ созрѣли; когда вторая имперія намѣревается осуществить свои „идеи“; когда законный порядокъ въ Европѣ долженъ быть принесенъ въ жертву притязаніямъ незаконнымъ и когда трактаты, составляющіе основаніе международнаго права Европы, хотятъ замѣнить „политическою мудростью“, провозглашеніе которой властелиномъ (potentat), возсѣдающимъ въ Парижѣ, удивило весь міръ. Традиціи Наполеона I воскресаютъ!“

Во время всѣхъ этихъ переговоровъ и событій, гр. Киселевъ имѣлъ много совѣщаній съ Валевскимъ.

„Валевскій объявляетъ мнѣ“, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ подъ 21 числомъ апрѣля, „что Австрійцы отвергли послѣднее предложеніе четырехъ державъ; что они послали Піэмонту, чрезъ Гіулая, такую декларацію, которая можетъ тотчасъ же вызвать непріязненныя дѣйствія, а слѣдовательно и войну; что Англичане досадуютъ, но не потеряли еще надежды склонить Австрію къ болѣе миролюбивому расположенію; Валев-

скій полагаетъ, что если и это не удастся, то война начнется черезъ два, три дня; и это обнаружитъ неловкость Буоля или, скорѣе, партіи войны, потому что Европѣ выяснится вполнѣ политика Австріи. Когда я ему замѣтилъ, что они (Французы) не успѣютъ передвинуть свои войска, расположенныя лагеремъ около Ліона и Кюлоза, онъ отвѣчалъ, что это не имѣетъ никакого значенія, потому что Сардинцы засядутъ въ Александріи и допустятъ занять Туринъ, впредь до прибытія французской арміи, которая будетъ на столько сильна, что Австрійцамъ не удастся одержать верхъ и т. д. Валевскій говорилъ мнѣ еще, что Пруссаки послали вчера въ Вѣну очень сильную ноту на счетъ принятія прежняго предложенія четырехъ державъ и на мой вопросъ: чего онъ ожидаетъ отъ этого, Валевскій отвѣчалъ, что Пруссаки кончатъ тѣмъ, что вступятъ въ союзъ съ Австріею".

„Австрійцы перешли р. Течино вчера вечеромъ, въ 4 часа", пишетъ далѣе, подъ 30 апрѣля, Павелъ Дмитріевичъ. „Война объявлена. Вечеромъ встрѣчаю графа Персиньи у принцессы Матильды. То, что онъ мнѣ говорилъ объ *этомъ итальянскомъ вопросѣ* и о войнѣ, показалось весьма страннымъ слышать изъ его устъ; впрочемъ, его взглядъ бываетъ иногда очень вѣренъ и я не вступаю съ нимъ въ споръ; буду лучше отмалчиваться или отводить разговоръ на предметы обыкновенные; это дастъ мнѣ возможность уклониться отъ прямаго одобренія черезъ-чуръ явной и суровой оппозиціи его". Объявленіе войны.

2-го мая, наканунѣ объявленія Франціею войны Австріи, гр. Киселевъ засталъ Валевскаго очень озабоченнымъ тѣмъ, что главныя силы австрійской арміи сосредоточены по направленію къ Александріи, гдѣ пока собрано всего 12 т. французскихъ и 8 т. сардинскихъ войскъ. Онъ сказалъ Павлу Дмитріевичу: „въ Генуя переправлено уже 40 т., а между Сузой и Туриномъ около 25 т. французскаго войска; эти силы, разбросанныя на большомъ протяженіи, могутъ быть опрокинуты, если Гіулай сдѣлаетъ наступленіе".

Послѣ разговора съ Валевскимъ, гр. Киселевъ записалъ: „Правительства великихъ державъ не въ правѣ уклоняться

отъ участія въ такихъ вопросахъ внѣшней политики, которые имѣютъ важное международное значеніе. Англія покорилась необходимости ввязаться въ итальянскій вопросъ". „Канцлеръ Дагессо писалъ регенту: ваше высочество ввѣрили мнѣ управленіе тогда, когда я его ни чѣмъ не заслуживалъ, а устраняете отъ управленія въ то время, когда я ни чѣмъ не оказалъ себя недостойнымъ его".

Послѣднія слова графъ Павелъ Дмитріевичъ выписалъ изъ прочитанной имъ, въ тотъ-же день, въ Монитёрѣ 2-го мая, статьи Оскара де-Валле: Les disgrâces du chancelier d'Aguesseau. Дагессо былъ уволенъ герцогомъ орлеанскимъ за несочувствіе и противодѣйствіе финансовымъ и банковымъ операціямъ извѣстнаго утописта Ло. Относилъ ли графъ слова Дагессо къ себѣ, назначенному посломъ противъ желанія, когда онъ самъ себя считалъ непризваннымъ принять дипломатическій постъ, и испытывая теперь, когда признавалъ себя искусившимся въ дѣлахъ дипломатіи, какое-нибудь, щекотливое для его самолюбія, непризнаніе петербургскимъ кабинетомъ политической его программы? Не знаемъ.

Какъ относились Англія и Россія къ открывшимся военнымъ дѣйствіямъ.

Англія, въ сущности, ввязалась въ итальянскій вопросъ на столько-же, на сколько ввязалась въ него Россія. Правда, учрежденія Великобританіи, гдѣ въ парламентѣ, въ палатѣ лордовъ, на обѣдахъ и митингахъ, громко обсуждаются политическія дѣла, дали бо́льшую огласку казавшемуся тогда участію англійскаго правительства въ европейскихъ дѣлахъ; графъ Дерби, тогдашній премьеръ, на обѣдѣ лорда мера позволилъ себѣ даже назвать поведеніе Австріи (вступленіе въ Сардинію) преступнымъ. Но Виндзорскій кабинетъ дѣйствовалъ согласно съ политикою Россіи, направляемою къ тому, чтобы *локализировать* распрю, т.-е., чтобъ рѣшеніе спора оружіемъ, если нельзя будетъ миновать столкновенія, не переходило за предѣлы территоріи враждующихъ сторонъ. При открытіи военныхъ дѣйствій, Англія вмѣстѣ съ Россіей и Пруссіей, не признали ни коммиссаровъ посланныхъ Сардиніею въ Тосканское великое герцогство, ни временныхъ правительствъ учрежденныхъ въ центральной Италіи. Виндзорскій кабинетъ упо-

треблялъ, также какъ и Россія, все свое вліяніе на южно-германскія государства, чтобъ не подѣйствовали происки Австріи, желавшей, какъ участница въ германской конфедераціи, вовлечь въ войну съ Франціей весь германскій союзъ. Наконецъ, хотя газета „Times“, 25-го апрѣля, распространила слухъ о существованіи секретнаго трактата между Франціей и Россіей, что переполошило Англію и ея политическихъ дѣятелей, все-таки нейтралитетъ нарушенъ не былъ. Замѣтка гр. Киселева подъ 2 числомъ мая, будто Англія рѣшилась вмѣшаться въ итальянскій вопросъ, видимо была написана подъ впечатлѣніемъ возгласовъ англійской журналистики и довольно бойкихъ рѣчей въ парламентѣ.

Газета „Times“ и секретный трактатъ будто-бы существовавшій между Россіею и Франціею.

Императоръ оставилъ Парижъ 10-го мая и уѣхалъ въ Италію для принятія личнаго командованія надъ дѣйствующею французскою арміею.

Наполеонъ отправляется на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ день отъѣзда гр. Киселевъ былъ приглашенъ къ 3-мъ часамъ въ Тюльери, гдѣ оставался до 4-хъ часовъ, а потомъ отправился съ Шёппингомъ въ улицу Риволи, чтобъ видѣть поѣздъ императора.

„Толпа любопытныхъ была огромная“ пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „на улицѣ Риволи, на Бастильской площади и въ особенности близъ воксала ліонской желѣзной дороги; встрѣча была восторженная и, повидимому, искренняя. Одинъ изъ свидѣтелей увѣрялъ меня, что прощаніе отца съ сыномъ было самое нѣжное и что когда, послѣ прощанія, ребенокъ кинулся еще разъ къ нему и со слезами просилъ отца остаться съ нимъ, — императоръ прослезился и разстроенный поспѣшилъ удалиться. Это заслуживаетъ быть замѣченнымъ, потому что натура его вообще мало впечатлительная, но родительское чувство взяло верхъ“.

Наполеонъ, въ день своего отъѣзда, пожаловалъ графа Киселева кавалеромъ большаго креста почетнаго легіона; графъ былъ извѣщенъ о томъ вечеромъ, письмомъ Валевскаго.

Хотя вниманіе кабинетовъ было почти всецѣло посвящено, съ самаго начала 1859 года, итальянскимъ дѣламъ и распрѣ Франціи съ Австріею, но на восточной окраинѣ Европы оста-

Молдаво-Валахскія дѣла и избраніе въ господари полковника Кузы.

вался еще окончательно не разрѣшеннымъ вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ.

Въ Молдавіи 17-го января 1859 г. былъ избранъ господаремъ полковникъ Александръ Куза, который, впрочемъ, еще до избранія, подписалъ декларацію, въ силу которой обязался сложить съ себя это достоинство въ случаѣ окончательнаго объединенія княжествъ и избранія въ молдаво-валахскіе князья иностраннаго принца. Полковникъ Куза воспитывался въ Парижѣ; онъ происходилъ изъ бояровъ, но не принадлежалъ къ высшей мѣстной аристократіи. Занимая продолжительное время мѣсто губернатора въ Галацѣ, онъ пріобрѣлъ популярность тѣмъ, что отказался участвовать въ неправильномъ измѣненіи, въ 1857 г., по проискамъ Австріи и Турціи, избирательнаго закона въ то время, когда балотировались депутаты въ диванъ; Куза подалъ тогда въ отставку и члены каймаканства поручили ему начальство надъ милиціею.

Около того же времени въ Валахіи, гдѣ въ диванѣ происходили разногласія и интриги, гдѣ каждая партія предлагала своего кандидата въ господари, пришли, наконецъ, къ заключенію, что для примиренія всѣхъ партій и для скорѣйшаго осуществленія объединенія княжествъ, всего лучше предложить корону Михаила Храбраго князю Кузѣ, на котораго Молдаване возложили уже вѣнецъ Стефана Великаго. Такое предложеніе было принято съ восторгомъ и полковникъ Куза, незамедлившій изъявить согласіе, очутился господаремъ молдаво-валахскимъ. Это происходило въ началѣ февраля.

Графъ Киселевъ, 8-го февраля, спрашивалъ лорда Коулея, какъ смотритъ онъ на двойное избраніе Кузы? (напомнимъ, что по конвенціи 19-го августа 1858 г. каждому княжеству было предоставлено избрать господаря, а во главѣ обоихъ княжествъ предполагался особый князь изъ иностранныхъ принцевъ).

„Онъ (Коулей) отвѣчалъ мнѣ“, записываетъ П. Д., „что согласно только-что полученному письму Мальмсбери, слѣдуетъ выждать, что предприметъ Порта; что это новая попытка къ нарушенію едва лишь подписаннаго трактата; что такая *слу-*

чайная продѣлка Молдаванъ и Валаховъ есть посягательство на достоинство Европы, которая очень ясно высказала свое мнѣніе по этому предмету; что мнѣніе это можно толковать превратно, но отмѣнить его, какъ того повидимому домогаются, не успѣютъ и проч. Я ему сказалъ на это, что Турція желаетъ вопросъ этотъ предложить обсужденію конференціи и что Валевскій получилъ уже на то согласіе петербургскаго кабинета; что же касается до меня, то я не получилъ еще никакого положительнаго указанія на этотъ счетъ,—надо обождать".

Затѣмъ, 13-го февраля, лордъ Коулей пріѣзжалъ опять къ гр. Киселеву для совѣщанія, какъ говорилъ онъ, о новой неурядицѣ въ княжествахъ и объ избраніи Кузы. Конференція по дѣламъ княжествъ.

Онъ повторилъ то, что говорилъ 8-го февраля и прибавилъ только, что Англія окажетъ содѣйствіе Портѣ, если она потребуетъ исполненія трактата.

Въ это время гр. Павелъ Дмитріевичъ, въ письмѣ отъ 18-го февраля къ брату Николаю въ Римъ, писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Не стану говорить о политикѣ,—мы бродимъ въ совершенныхъ потемкахъ, положеніе дѣлъ натянутое; всѣ въ томъ сознаются, но никто не придумалъ сколько-нибудь подходящаго рѣшенія. Мы накапунѣ открытія конференціи; предстоитъ одолѣть трудности, которыя взвалили на наши плечи ловкою продѣлкою мои бывшіе подчиненные (Молдаване и Валахи); дѣло это, очень сложное, надѣлаетъ намъ много хлопотъ. Ожидаю курьера изъ Петербурга, который долженъ привезти мнѣ указанія, чего желаютъ у насъ. Стоятъ въ разладѣ: съ одной стороны—право, съ другой—политическія приличія (le droit et les convenances politiques sont en désaccord), согласовать ихъ будетъ трудно. Потребуется рѣшить вопросъ съ плеча, и непремѣнно кончатъ тѣмъ, несмотря на нежеланіе каждаго изъ насъ принять на себя иниціативу подобнаго предложенія".

Дѣло о княжествахъ было дѣйствительно передано на разсмотрѣніе конференціи, которая, какъ видно изъ дневника гр. Павла Дмитріевича участвовавшаго въ ней, имѣла до итальянской войны

только два засѣданія 7-го и 13-го апрѣля; затѣмъ, совѣщанія были прерваны, а послѣ войны, 6-го сентября 1859 г. было третье, окончательное засѣданіе.

Послѣдствіемъ совѣщаній конференціи было то, что турецкій султанъ утвердилъ Кузу господаремъ, но двумя отдѣльными для каждаго княжества, грамотами; а на случай нарушенія вновь княжествами конвенціи 19-го августа 1858 г. конференція постановила мѣры понудительныя (mode de coercition) на столько суровыя, что нельзя было не видѣть, въ такомъ образѣ дѣйствій, чрезвычайной уступчивости требованіямъ Австріи и Турціи.

Дѣло Сербскаго княжества.

Не мало доставила заботъ дипломатіи и Сербія.

Мы видѣли, что объявленіе Наполеономъ неудовольствія представителю Австріи барону Гюбнеру, въ день новаго года, было вызвано отчасти повелѣніемъ даннымъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ генералу Коронини, идти на помощь бѣлградскому пашѣ, въ случаѣ нападенія на него Сербовъ. Повелѣніе это было вызвано слѣдующими обстоятельствами:

Сербіею управлялъ князь Александръ Карагеоргіевичъ, который не столько былъ преданъ интересамъ Сербіи, сколько льстилъ и покровительствовалъ видамъ Австріи и Турціи, надѣясь при пособіи ихъ упрочиться потомственно на княжескомъ престолѣ. Онъ былъ нелюбимъ и Сербы роптали на него давно, между прочимъ и за то, что въ теченіе десяти лѣтъ пе созывалъ народныхъ представителей (скупчина), тогда какъ на послѣднемъ собраніи, въ 1848 г., было постановлено собираться скупчинѣ черезъ каждые три года.

Такъ какъ число недовольныхъ постоянно возрастало и все громче слышались жалобы на безпорядокъ во всѣхъ частяхъ управленія, то князь Александръ, подчинившись невольно общественному мнѣнію, призвалъ къ управленію двухъ наиболѣе значительныхъ и вліятельныхъ людей княжества: Гаражанина и Вучича, которые оба настояли на созваніе скупчины.

Созваніе скупчины и обвинительный ея актъ противъ сербскаго князя.

Оттоманская Порта послала въ Бѣлградъ на время скупчины своего коммиссара.

Собраніе открыло свои засѣданія 30-го ноября 1858 г.

тѣмъ, что вотировало благодарственный адрсс державамъ, гарантировавшимъ права Сербіи; затѣмъ, оно обратилось къ Портѣ, съ просьбою объяснить, въ силу какого права хотѣла она воспрепятствовать созванію скупчины; почему и для чего прислала своего коммиссара и, въ особенности, на чемъ основываетъ коммиссаръ свое намѣреніе присутствовать въ собраніи? А послѣ разсмотрѣнія представленныхъ отчетовъ и дѣлъ, 22-го декабря, былъ постановленъ скупчиною формальный обвинительный актъ противъ князя Александра, которому приписывались всѣ бѣдствія страны. Депутація отъ скупчины явилась къ князю съ предложеніемъ отречься отъ престола. Князь Александръ укрылся въ Бѣлградской крѣпости, занятой турецкимъ гарнизономъ.

На другой день, 23-го, собраніе провозгласило потомственнымъ княземъ сербскимъ бывшаго прежде на престолѣ, престарѣлаго (71 года) князя Милоша Обреновича. Австрія настаивала у Порты о неутвержденіи Милоша, но по ходатайству Франціи и Россіи онъ былъ утвержденъ 12-го января 1859 г.; въ фирманѣ, однако, не упоминалось ничего о потомственномъ правѣ наслѣдія престола. Избраніе Милоша.

Хотя во время собраній скупчины сохранялись спокойствіе и порядокъ, но бѣлградскій паша, подъ защиту котораго отдался князь Александръ, равно какъ и австрійскія власти по ту сторону Дуная, въ Землинѣ, вообразили, что Сербы сдѣлаютъ нападеніе на Бѣлградъ; а какъ въ Землинѣ командовалъ австрійскими войсками генералъ Коронини, то и поручено ему было, въ случаѣ надобности, оказать помощь. Распоряженіе это, впослѣдствіи, было отмѣнено по настоянію великихъ державъ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Сербіи былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ. Лордъ Коулей говорилъ графу Киселеву, что онъ полагалъ-бы поддерживать потомственныя права вновь избраннаго сербскаго князя.

Сынъ Милоша, молодой князь Михаилъ Обреновичъ, пріѣзжалъ по этому поводу въ Парижъ. Сынъ Милоша въ Парижѣ.

22-го Апрѣля, въ великую пятницу, князь Михаилъ съ

своими секретарями Мариновичемъ и Зукичемъ посѣтили гр. Киселева и помѣшали ему, какъ записано въ дневникѣ, присутствовать на выносѣ плащаницы.

„Князь Михаилъ Обреновичъ", записалъ Павелъ Дмитріевичъ, „говорилъ мнѣ, между прочимъ, что Сербія можетъ выставить 80,000 войска, но Сербы терпятъ недостатокъ въ оружіи и военныхъ припасахъ; что окруженные австрійскими и турецкими владѣніями, они лишены сообщеній и ничѣмъ запастись не могутъ; что сосѣди ихъ Герцеговинцы, Кроаты, Черногорцы и другіе христіане въ такомъ-же положеніи и даже въ худшемъ; что лѣтомъ надо ожидать возстаній, не взирая на всѣ увѣщанія стараго князя, уговаривающаго дождаться болѣе благопріятныхъ временъ и проч".

Пріѣздъ Великой Княгини Екатерины Михаиловны съ супругомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Наполеона, гр. Киселевъ получилъ извѣстіе о проѣздѣ черезъ Парижъ Великой Княгини Екатерины Михаиловны, съ ея супругомъ.

Наканунѣ ея пріѣзда Павелъ Дмитріевичъ ѣздилъ къ принцессѣ Матильдѣ и просилъ ее принять на себя заботу, чтобъ пребываніе Великой Княгини въ Парижѣ оставило ей пріятное воспоминаніе.

17-го мая гр. Киселевъ встрѣтилъ высокихъ гостей въ воксалѣ ліонской желѣзной дороги; они остановились въ павильонѣ Марсанъ, гдѣ въ семь часовъ, въ салонѣ, были встрѣчены императрицею, принцессами Матильдою и Клотильдою, принцемъ Іеронимомъ съ ихъ свитами.

„Пріемъ императрицею Великой Княгини удался какъ нельзя лучше", записалъ Павелъ Дмитріевичъ; „она ожидала ее въ павильонѣ, гдѣ, при встрѣчѣ, онѣ обмѣнялись оффиціальными привѣтствіями и представляли другъ другу своихъ спутниковъ и спутницъ".

Киселевъ обѣдалъ въ этотъ день въ павильонѣ у Ихъ Высочествъ; герцогъ Георгъ поѣхалъ въ театръ, а Павелъ Дмитріевичъ оставался у Великой Княгини до 11 часовъ.

Пріемъ Великой Княгини императрицею Евгеніею.

Далѣе о пребываніи Великой Княгини въ Парижѣ Павелъ Дмитріевичъ записалъ:

„18-го мая. Утромъ, въ два часа, я поѣхалъ въ Тюльери

для присутствованія при оффиціальномъ визитѣ Ихъ Высочествъ императрицѣ. Императрица приняла высокихъ гостей въ дверяхъ первой гостиной, а потомъ пригласила насъ въ малую гостиную. Разговоръ сначала былъ церемонный и вялый; нужно было оживить его, а какъ я предупредилъ Великую Княгиню, что было-бы умѣстно оказать нѣкоторое вниманіе императорскому принцу, то рѣчь зашла о дѣтяхъ и вслѣдъ за симъ послали за маленькою мекленбургскою принцессою, которая тотчасъ-же пошла играть съ принцемъ въ его комнатѣ. Я осторожно намекнулъ еще Бачіокки, что прилично бы было предложить Великой Княгинѣ посвятить нѣсколько дней отдыху. Императрица исполнила это съ очаровательною любезностью. Передъ обѣдомъ, императрица пригласила меня въ свой кабинетъ, чтобъ еще разъ распросить о Великой Княгинѣ, причемъ изъявила готовность сдѣлать все возможное, чтобы пребываніе въ Парижѣ было пріятно Ея Высочеству и просила меня помочь ей въ этомъ. Мы сдѣлаемъ все то, сказала она, что вы намъ укажете. Послѣ моего отвѣта на такую любезность, она говорила мнѣ объ императорѣ, о дождливой погодѣ въ Піемонтѣ и о враждебномъ настроеніи Германіи. Я не скрылъ отъ нея, что правительство Пруссіи не можетъ овладѣть громко высказывающимся общественнымъ мнѣніемъ; что въ Берлинѣ рѣчи въ парламентѣ очень враждебны и проч. Но вѣдь мы сколько разъ повторяли, сказала она, что императоръ ничего не замышляетъ противъ Германіи; все, что мы ни говоримъ—напрасно, потому что они дали себѣ слово не вѣрить намъ. Что-же! если нападутъ на насъ, мы будемъ защищаться“.

„19-го мая, утромъ, я поѣхалъ въ павильонъ Марсанъ, чтобъ узнать какъ Ея Высочество намѣрена провести день. Великая Княгиня изъявила желаніе отобѣдать у меня, въ кругу нѣсколькихъ знакомыхъ ей русскихъ дамъ.

„Императрица сдѣлала Ея Высочеству утренній визитъ и предложила ей прогулку въ С. Клу. Великая Княгиня желала сдѣлать такую прогулку съ императрицей, и я намекнулъ объ этомъ Бачіокки. Принцъ Іеронимъ и принцессы

Клотильда и Матильда также пріѣзжали съ утренними визитами. Въ три часа императрица заѣхала за Великой Княгиней въ ландо. Во время этой поѣздки, какъ разсказала мнѣ потомъ Великая Княгиня, разговоръ принялъ серьозный оборотъ. Императрица Евгенія жаловалась съ раздраженіемъ на Германію и на всѣ германскіе кабинеты, которые, говорила она, еще такъ недавно навязывали намъ свои самыя усердныя увѣренія, а теперь бьютъ въ набатъ противъ насъ. Разговоръ этотъ, заключаетъ Павелъ Дмитріевичъ, былъ повтореніемъ того, что говорила она наканунѣ и что сообщено въ депешѣ моей отъ 25-го мая".

Сѣтованіе императрицы на Германію.

„Въ 7 часовъ Ихъ Высочества прибыли въ посольскій домъ, гдѣ былъ накрытъ столъ на 20 приборовъ. Изъ постороннихъ былъ приглашенъ одинъ Бачіокки.

„20-го мая Великая Княгиня, послѣ визитовъ принцессамъ Клотильдѣ и Матильдѣ, обѣдала у императрицы, за малымъ столомъ (à petit couvert), а герцогъ Георгъ былъ въ театрѣ.

„21-го мая я поѣхалъ, въ 8 часовъ утра, въ павильонъ Марсанъ. Послѣ объясненій по поводу письма герцога Георга (?) и краткаго припоминанія разговора Великой Княгини съ императрицей во время ихъ прогулки наканунѣ, мы отправились въ воксалъ сѣверной желѣзной дороги, гдѣ нѣсколько русскихъ дамъ и чины посольства ожидали Ея Высочество. Поѣздъ тронулся въ 9 часовъ съ четвертью".

Положеніе Пруссіи и второстепенныхъ германскихъ государствъ во время войны.

Императрица Евгенія не безъ основанія говорила, что въ Германіи бьютъ въ набатъ противъ воображаемыхъ замысловъ Наполеона. Какъ только надежды на конгрессъ оказались несбыточными, Пруссія стала вооружаться и приводить на военное положеніе три корпуса, составлявшіе главный контингентъ федеративныхъ войскъ Германіи, и пригласила прочія германскія государства поставить на военную ногу и свои контингенты, что̀ немедленно было приведено въ исполненіе.

Объявляя объ этомъ прусской палатѣ представителей, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Шлейницъ пояснилъ, что предлагая такую мѣру германскому сейму, въ то время, когда другой великой державѣ Германіи угрожаетъ война, прусское

правительство нашло нужнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявить, что оно останется вѣрнымъ началамъ международнаго права, на которыхъ зиждется въ теченіе полувѣка организація союза, и будетъ сохранять оборонительное положеніе, какъ исключительно присущее этой организаціи.

Однако слова барона Шлейница мало успокоивали взволнованные умы въ Германіи, гдѣ сближеніе Франціи съ Россіею возбуждало большія опасенія и гдѣ потому находили необходимымъ, въ защиту Австріи, созвать всѣ военныя силы союза.

Такое тревожное состояніе германскихъ государствъ побудило петербургскій кабинетъ, въ циркулярной нотѣ князя Горчакова отъ 15 (27) мая 1859 г., взять на себя посредничество между Франціею и Германіею. Циркулярная нота князя Горчакова.

Упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя государства германской конфедераціи, встревоженныя войною Франціи противъ Австріи, опасаются за свою будущность, кн. Горчаковъ успокоивалъ ихъ тѣмъ, что правительство Франціи торжественно объявило, что никакихъ враждебныхъ видовъ противъ Германіи не имѣетъ; такая декларація, развивалъ далѣе русскій министръ, горячо и сочувственно принятая всѣми великими державами, налагаетъ и обязательства; въ этомъ смыслѣ было выражено сочувствіе Россіи, которая употребила, съ своей стороны, всѣ усилія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ на предложенномъ ею-же конгрессѣ. Сожалѣя о томъ, что вѣнскій кабинетъ не оцѣнилъ примирительныхъ намѣреній Россіи, петербургскій кабинетъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ стремится лишь къ тому, чтобы возникшая война ограничилась тою мѣстностью, на которой столкнулись породившіе ее интересы; кн. Горчаковъ указывалъ на то, что берлинскій кабинетъ принялъ на себя защиту неприкосновенности Германіи и охраненія равновѣсія Европы; что возвышенно-рыцарскій характеръ принца-регента, располагающаго притомъ значительными военными силами, можетъ, кажется, служить достаточнымъ залогомъ спокойствія Германіи; что Россіи едва-ли нужно доказывать, ссылаясь на исторію, въ какой степени ей не чужды интересы Германіи и что она не щадила жертвъ тогда, когда интересамъ этимъ

грозила дѣйствительная опасность; наконецъ, что германская конфедерація есть *комбинація*, единственно и исключительно оборонительнаго свойства и только въ этомъ смыслѣ она получила мѣсто въ международномъ европейскомъ правѣ на основаніи трактатовъ, въ подписаніи которыхъ участвовала Россія; поэтому, если германскія государства, основываясь на ничѣмъ не подкрѣпленныхъ догадкахъ, начнутъ враждебныя дѣйствія противъ Франціи, то нарушатъ цѣль учрежденія союза и поступятъ противно духу трактатовъ, узаконившихъ его существованіе.

Оцѣнка этого циркуляра во Франціи и дѣйствіе его на Германію.

Циркуляръ этотъ произвелъ во Франціи, по свидѣтельству графа Киселева, огромное впечатлѣніе.

„14-го іюня, за обѣдомъ у герцога Деказа", пишетъ онъ, „присутствовавшіе генералы говорили, что декларація Россіи равносильна 100 т. арміи".

Гр. Бейстъ и его циркуляръ въ отвѣтъ на ноту кн. Горчакова.

И дѣйствительно, она охладила воинственный пылъ Германіи, несмотря на филиппику саксонскаго министра иностранныхъ дѣлъ Бейста, которому не понравилось, что „союзъ независимыхъ государствъ" названъ кн. Горчаковымъ *комбинаціею;* Бейстъ доказывалъ, что союзъ этотъ, на основаніи трактатовъ, приводимыхъ въ депешѣ петербургскаго кабинета, не лишенъ права объявлять войну, причемъ жертвамъ Россіи, понесеннымъ ею для спасенія Германіи, г. Бейстъ, съ запальчивостью, противопоставлялъ то, что и Германія оказала услугу Россіи, воздержавшись отъ вступленія въ союзъ съ державами, во время крымской войны.

Мнѣніе гр. Киселева о выходкѣ Бейста.

Отвѣтная нота Бейста оскорбила чувство приличія гр. Киселева:

„Я только что прочиталъ выходку (le factum) Бейста, въ отвѣтъ на русскій циркуляръ. Этотъ документъ испортитъ много крови князю Горчакову. Онъ написанъ неприличнымъ слогомъ, неумѣстнымъ въ дипломатической перепискѣ; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Бейстъ опровергаетъ утвержденія русскаго министра; но писать опроверженія въ ироническомъ тонѣ — неприлично. — *Знать моська-то сильна, что лаетъ на слона*".

Около того же времени распространился слухъ, что Валевскій оставляетъ министерство иностранныхъ дѣлъ и что его замѣстить долженъ Друэнъ-де-Люисъ.

Предположенное замѣщеніе Валевскаго Друэнъ-де-Люисомъ.

Находясь на вечерѣ у Валевскаго, 14-го іюня, Павелъ Дмитріевичъ спросилъ его, послѣ интимнаго разговора, на сколько можно довѣрять этимъ слухамъ?

„Валевскій отвѣтилъ, что Императоръ дѣйствительно предлагалъ ему мѣсто государственнаго министра, а портфель министерства иностранныхъ дѣлъ хотѣлъ передать Друэну-де-Люису; что онъ, Валевскій, принялъ это предложеніе, а чрезъ Бенедетти узналъ, что и Друэнъ-де-Люисъ отдаетъ себя въ распоряженіе императора. Дѣло казалось конченнымъ, но вдругъ Императоръ раздумалъ и отложилъ осуществленіе предположенія, цѣлью котораго, повидимому, было то, чтобъ въ военное время имѣть министромъ иностранныхъ дѣлъ болѣе энергическаго человѣка, такъ какъ онъ, Валевскій, открыто заявлялъ себя въ пользу мира“.

Между тѣмъ, еще 1-го іюня гр. Киселевъ послалъ письмо къ кн. Горчакову, въ которомъ просилъ исходатайствовать у Государя отпускъ на нѣсколько недѣль, и въ то же время просилъ объ увольненіи въ отпускъ и брата своего Николая, съ которымъ желалъ свидѣться.

Отвѣтъ кн. Горчакова, изъ Царскаго Села, отъ 29 мая (10 іюня) былъ слѣдующій:

Письмо кн. Горчакова и мысли гр. Киселева по поводу этого письма.

„Нашъ Августѣйшій Государь, въ благосклонной заботливости о здоровьѣ вашемъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе вашего сіятельства въ просимый отпускъ. Относительно же времени когда вы сочтете наиболѣе удобнымъ воспользоваться имъ, Его Величество полагается вполнѣ на личное усмотрѣніе ваше.

„Великія державы, неучаствующія пока въ возникшемъ столкновеніи, выжидаютъ съ безпокойствомъ возстановленія мира... Мы предчувствуемъ переговоры въ этомъ смыслѣ. Попытки къ тому могутъ сдѣлаться настоятельными. Опредѣлить, однако, теперь, когда именно наступитъ благопріятное для сего время, невозможно; но когда къ переговорамъ присту-

лено будетъ, тогда отсутствіе въ Парижѣ посредника съ вашею опытностію и съ вашимъ значеніемъ, поставило-бы насъ въ большое затрудненіе.

„Что касается вашего брата, то Государь Императоръ сожалѣетъ, что не можетъ исполнить желанія вашего. Его Величество находитъ, что, въ настоящее время, присутствіе на своихъ мѣстахъ всѣхъ представителей Россіи въ Италіи, совершенно необходимо. Мнѣ едва-ли нужно останавливать вниманіе ваше на этомъ соображеніи, потому что преданность ваша интересамъ Россіи, конечно, вполнѣ его оцѣнитъ“.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ по поводу этого письма, писалъ брату:

„Изъ прилагаемой копіи съ письма кн. Горчакова увидишь, любезный другъ, что попытка моя осталась безъ желаемаго послѣдствія. Учтивый отвѣтъ заключаетъ, по моему понятію, рѣшительный отказъ, который привинчиваетъ меня на все лѣто къ Парижу; впрочемъ, я писалъ просительное мое письмо до полученія свѣдѣнія о берлинскихъ продѣлкахъ и потому въ настоящую пору настаивать болѣе не считаю себя въ правѣ;—повинуюсь и остаюсь“.

„Мы не имѣемъ иныхъ извѣстій, кромѣ сообщаемыхъ Монитеромъ и въ журналахъ, которые врутъ и которымъ, въ большей части случаевъ, довѣрять не слѣдуетъ“.

Попытка берлинскаго кабинета къ образованію оборонительнаго союза.

Павелъ Дмитріевичъ вѣроятно подразумѣвалъ подъ берлинскими продѣлками посольство генерала Виллизена въ Вѣну и полковника Альвенслебена въ нѣкоторыя изъ федеративныхъ государствъ Германіи; оба они были посланы, вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, съ порученіемъ установить, съ помощью взаимныхъ уступокъ и разныхъ оговорокъ въ виду возможныхъ случайностей, соглашеніе между Австріею и Пруссіею съ одной стороны и между прочими германскими государствами и Пруссіею съ другой.

Политическіе разговоры съ императрицей Евгеніей.

Привинченный, какъ выразился онъ самъ, къ Парижу, страдая отъ безсонницы и головокруженій, Павелъ Дмитріевичъ, привыкшій проводить лѣтнее время на водахъ или морскихъ купаніяхъ, долженъ былъ поневолѣ ограничиваться

вечерними загородными прогулками и изрѣдка посѣщать окрестныя, вкругъ Парижа, виллы своихъ знакомыхъ. Сама императрица Евгенія, такъ дорожившая его обществомъ, не всегда рѣшалась приглашать его въ С. Клу, опасаясь утомить.

„Императрица", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „велѣла спросить меня не будетъ-ли для меня слишкомъ утомительно отобѣдать въ С. Клу? За изъявленнымъ со стороны моей согласіемъ, послѣдовало приглашеніе на 16-го іюня.

„Когда я пріѣхалъ во дворецъ, около 7 часовъ императрица подошла ко мнѣ, сказала нѣсколько любезностей и взявши подъ руку, повела къ столу, накрытому въ одной изъ небольшихъ залъ. Послѣ обѣда, она повела меня въ свою половину, показала всѣ комнаты и затѣмъ, въ рабочемъ своемъ кабинетѣ заняла политическимъ разговоромъ, продолжавшимся два часа. Отчетъ объ этомъ разговорѣ переданъ въ письмѣ моемъ кн. Горчакову, сколько помнится, отъ 18-го іюня".

5-го іюля императрица вторично присылала спросить гр. Киселева, приметъ-ли онъ приглашеніе на интимный вечеръ въ С. Клу? Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ согласіемъ и записалъ въ своемъ дневникѣ:

„6-го іюля въ Вилланевъ и С. Клу.

„Императрица два раза принималась говорить о положеніи дѣлъ, которое, по ея мнѣнію, обнаруживаетъ съ одной стороны враждебность, съ другой—холодность. Враждебно настроены противъ насъ, сказала она, Австрія и ея друзья, а *наши* (друзья) позволяютъ говорить и дѣйствовать противъ насъ, не выражая своего собственнаго мнѣнія съ достаточно внушительною энергіею. Чѣмъ значительнѣе успѣхи наши, тѣмъ болѣе хотятъ ограничить справедливыя требованія Франціи;—это становится невыносимымъ".

„Я отвѣчалъ въ смыслѣ моихъ послѣднихъ возраженій, указывая на положеніе, принятое Россіей, положеніе, которое хорошо поняли Пруссія и вся Германія; я говорилъ еще о столкновеніяхъ съ Римомъ, которыя могутъ принять еще болѣе серьозный характеръ; наконецъ я показалъ императрицѣ

письмо, полученное изъ Петербурга (письмо это вѣроятно, какъ увидимъ далѣе, извѣщало его о недоброжелательствѣ въ Петербургѣ).

„Она отвѣчала, что не одобряетъ подобныхъ откровенныхъ сообщеній, которыя, сколько ни успокоивай себя, оставляютъ всегда непріятное чувство, отъ котораго нельзя освободиться. Мнѣ дали прочитать однажды, продолжала она, письмо царствующей Императрицы (Маріи Александровны), которое показалось мнѣ тогда по меньшей мѣрѣ жестокимъ. Я рѣшилась не ѣхать въ Штутгартъ, несмотря на выраженное желаніе императора; я умоляла его не настаивать, представляя, что не могу преодолѣть себя (que ma faible nature s'y refusait) и что гораздо осторожнѣе будетъ отклонить такую непріятную встрѣчу, которая можетъ имѣть только прискорбныя послѣдствія".

Записывая эти слова императрицы Евгеніи, Павелъ Дмитріевичъ прибавилъ отъ себя: „показанное императрицѣ письмо, должно быть, относилось къ 1856 году", а не скромно показавшіе его (въ рукописи неразобрано).

Окончаніе итальянской кампаніи

Исходъ итальянской кампаніи извѣстенъ. Послѣ пораженія 4-го іюня генераломъ Макъ-Магономъ австрійскихъ войскъ подъ Маджентою, Наполеонъ, въ сопровожденіи Виктора Эммануила, вступилъ 8-го іюня въ Миланъ, австрійская армія отступила къ крѣпостямъ Мантуѣ, Леньяно, Веронѣ и Пескьерѣ, составляющимъ неприступный четвероугольникъ; затѣмъ послѣдовала 24-го іюня битва при Сольферино, которая увѣнчала рядъ побѣдъ франко-сардинскихъ войскъ надъ австрійскими и послѣ которой начаты были переговоры, сначала о перемиріи, завершившіеся 11-го іюня предварительнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Виллафранкѣ, и затѣмъ цюрихскимъ мирнымъ трактатомъ 10-го ноября 1859 года.

О сраженіи при Сольферино и послѣдовавшемъ послѣ него перемиріи гр. Киселевъ записалъ нѣсколько разговоровъ и замѣчаній, не лишенныхъ интереса:

Мнѣніе гр. Киселева о сольферинской битвѣ и послѣдовавшемъ за нею перемиріи.

„Съ первыхъ бюллетеней о сольферинскомъ сраженіи мнѣ показалось, что значеніе, придаваемое этой битвѣ, нѣсколько сомнительно. Сегодня я былъ приглашенъ къ Валевскому, ко-

торый совѣщался со мною на случай посредничества великихъ державъ. Послѣ разговоровъ съ нимъ, мои сомнѣнія о значеніи сольферинской побѣды не изгладились. Въ неоффиціальной части „Монитера“ помѣщено, неизвѣстно кѣмъ и по чьему приказанію, описаніе этой битвы, гдѣ говорится, что натискъ Австрійцевъ былъ отбитъ. Конечно, это удача, но нельзя же назвать это великою побѣдою, какъ было объявлено въ первомъ бюллетенѣ 24-го іюня“.

„За обѣдомъ у Ротшильда, въ Булонѣ, 7-го іюля, было получено извѣстіе о перемиріи: толковали о немъ различно. Коулей, съ которымъ мы послѣ обѣда ушли въ одну изъ боковыхъ комнатъ, говорилъ, что Французы, столько же, сколько ихъ противники, нуждаются въ отдыхѣ, чтобъ оправиться послѣ сраженія. Мнѣ же кажется, что Людовикъ-Наполеонъ, въ виду холодности, оказанной ему политическими друзьями, поступилъ мастерски, войдя въ непосредственные переговоры съ Австрійцами, которые, быть можетъ, кончатъ, однако, тѣмъ, что перехитрятъ его“.

Въ тотъ же день Г. (?) говорилъ П. Д., что „Наполеонъ началъ переговоры о перемиріи чрезъ посредство полковника Корбэнъ, которому было поручено, изъ уваженія къ просьбѣ императора Франца-Іосифа, отвезти въ австрійскій лагерь тѣло князя Карла Виндишгреца, убитаго при Сольферино“. Князь Карлъ Виндишгрецъ былъ женатъ на сестрѣ фельдмаршала Виндишгреца.

„8-го іюля у Валевскаго, который зналъ о перемиріи столько же, сколько и я. Мы наскоро прочитали депеши, полученныя наканунѣ изъ Петербурга; содержаніе ихъ было ему извѣстно чрезъ Монтебелло. Князь Горчаковъ всего болѣе хотѣлъ выказать предъ Валевскимъ силу своего слова и оказываемыя безпрерывно услуги французскому правительству (voulait surtout faire connaître son langage et les services incessants, qu'il rendait au gouvernement français).

Наконецъ, 12-го іюля пушечные выстрѣлы изъ дома инвалидовъ возвѣстили заключеніе мира. По приглашенію Валевскаго гр. Киселевъ отправился къ нему и отъ него узналъ

нѣкоторыя подробности объ условіяхъ мира, о которыхъ была уже послана телеграма въ Петербургъ на имя Монтебелло.

На слѣдующій день, по приглашенію нунція, графъ Павелъ Дмитріевичъ отправился въ С.-Клу для поздравленія императрицы, которая тотчасъ же приняла его съ величайшею любезностью, „разговоръ не имѣлъ, впрочемъ, большаго значенія".

Виллафранкскія условія.

Предварительный мирный договоръ, подписанный въ Виллафранкѣ 11-го іюля, заключался въ слѣдующемъ: императоръ австрійскій уступалъ императору Французовъ свои права на Ломбардію, за выключеніемъ крѣпостей Мантуи и Пескьеры, съ тѣмъ, чтобы Наполеонъ передалъ уступленныя земли сардинскому королю; изъ остальныхъ итальянскихъ владѣній, независимыхъ отъ сардинскаго королевства, со включеніемъ венеціанской области, оба договаривавшіеся императора согласились образовать конфедерацію, подъ верховнымъ почетнымъ главенствомъ папы, котораго обѣщались склонить дать территоріямъ, непосредственно подчиненнымъ римскому двору, болѣе либеральныя учрежденія; наконецъ, венеціанское королевство, вступая въ составъ конфедераціи итальянскихъ государствъ, должно было оставаться въ подчиненіи австрійской коронѣ.

Условія эти не удовлетворяли патріотовъ. Кавуръ выходитъ въ отставку.

Эти статьи договора не удовлетворили Италію.

Неожиданное прекращеніе военныхъ дѣйствій, въ то время когда они сопровождались такимъ успѣхомъ, и заключеніе договора при условіи возвращенія герцоговъ тосканскаго, пармскаго, моденскаго въ свои владѣнія, подѣйствовали неприятно на воспламененные умы итальянцевъ-патріотовъ; самъ Кавуръ подалъ въ отставку и былъ уволенъ королемъ.

„14-го іюля", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „за обѣдомъ и вечеромъ проведенными въ семействѣ Буатель (префекта полиціи), на загородной дачѣ ихъ, гдѣ, между прочими гостями, находились три дочери Люсьена Бонапарте и бывшіе министры Бильо и Ройе, разговоръ коснулся мирнаго договора, извѣстіе о которомъ далеко не было принято съ восторгомъ. Префектъ сказалъ мнѣ, что пока настроеніе умовъ въ рабочемъ классѣ такъ удовлетворительно, какъ и ожидать было нельзя; въ войскахъ совершенно спокойно; говоруны-орлеанисты побалтываютъ, но

это нисколько не опасно. Напротивъ того, секретныя извѣстія, полученныя изъ Лондона, крайне неблагопріятны; въ собраніяхъ космополитическихъ выходцевъ только и говорятъ что объ отмщеніи предателю. Всѣ страсти этого франко-русско-итальянскаго общества направлены противъ Кавура, который, какъ тамъ говорятъ, подло (lâchement) отстранился отъ дѣла, изъ боязни партіи Мадзини. Это зловредная личность; императору не слѣдуетъ ей довѣряться".

„16-го іюля, у Ротшильда, разсказывали, что докторъ Кабаррюсъ, оставляя Парижъ 12-го числа на цѣлый день, приказалъ своему слугѣ, вечеромъ того дня, какъ можно лучше иллюминовать всѣ окна занимаемой имъ квартиры. Когда онъ возвратился поздно вечеромъ, то спросилъ, было-ли исполнено въ точности его приказаніе. Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, вы уѣхали не прочитавши условія мира, потому я предпочелъ дождаться новыхъ приказаній вашихъ".

Вѣсть сообщенная гр. Шуваловымъ изъ франко-сардинскаго лагеря.

„Графъ Павелъ Шуваловъ пріѣхалъ въ Парижъ, утромъ 17-го іюля, изъ Италіи. Онъ навѣстилъ меня послѣ возвращенія моего изъ церкви. Онъ здраво судитъ и быстро соображаетъ. Въ короткое время пребыванія своего въ главной квартирѣ императора, ему удалось, какъ говоритъ онъ, способствовать весьма охотному приступу Наполеономъ къ переговорамъ о мирѣ (à lui faire encaisser la paix avec une grande satisfaction). Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, что Наполеонъ, возвратившись изъ Виллафранки, говорилъ: любопытно было бы взглянуть на лицо Кавура, при полученіи имъ извѣстія о заключенномъ мирѣ".

Слухи о причинѣ поспѣшнаго заключенія мира Австріею.

Въ то время распространился слухъ, что Австрія поспѣшила принять предложенный мирный договоръ потому что опасалась еще болѣе тяжкихъ условій, заранѣе будто бы начертанныхъ, по настоянію Россіи, нейтральными державами. Россіи все еще приписывали желаніе отмстить Австріи за „неслыханную неблагодарность, удивившую весь свѣтъ".

Въ опроверженіе этого слуха Journal de St.-Pétersbourg помѣстилъ на своихъ столбцахъ „сообщеніе" слѣдующаго содержанія:

„Нѣкоторые журналы увѣряютъ, что, еще до свиданія императоровъ въ Виллафранкѣ, нейтральныя державы опредѣлили основанія, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ, и что будто бы основанія эти были настолько тягостны для Австріи, въ сравненіи съ предложенными непосредственно самою Франціею, что австрійскій императоръ поспѣшилъ согласиться на послѣднія. Мы уполномочены объявить, что нейтральныя державы не только не опредѣляли никакихъ основаній для заключенія мира, но что объ этомъ даже не могло быть рѣчи, потому что предварительные переговоры о мирѣ между воевавшими сторонами были уже заключены, когда между нейтральными державами не послѣдовало еще никакого соглашенія о посредничествѣ".

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.

Наполеонъ возвратился изъ Италіи въ С.-Клу 17-го іюля; 19-го іюля, вечеромъ, онъ принималъ сенатъ, законодательный корпусъ и государственный совѣтъ. На поздравленіе ихъ съ успѣшнымъ окончаніемъ войны, онъ, между прочимъ, отвѣчалъ, что поспѣшилъ заключить борьбу достославнымъ миромъ единственно въ интересахъ Франціи, такъ какъ продолженіе военныхъ дѣйствій могло повлечь за собою, въ виду вооруженій Германіи, одновременную войну на берегахъ Адижа и на берегахъ Рейна; что войнѣ, предпринятой на пользу Италіи, Европа не сочувствовала, и потому военныя дѣйствія были пріостановлены, какъ только стала угрожать опасность Франціи; что, во всякомъ случаѣ, Сардинское королевство получило Ломбардію и что отнынѣ идея итальянской національности признана даже тѣми, которые всего болѣе ее отвергали.

Принесеніе поздравленія дипломатическаго корпуса.

Дипломатическій корпусъ принесъ свои поздравленія также въ С.-Клу, 21-го числа. „Папскій нунцій", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ „сказалъ при этомъ случаѣ установленныя обычаемъ слова, на которыя императоръ отвѣчалъ, что Европа въ началѣ войны была крайне несправедлива къ нему, и выразилъ надежду, что теперь воцарится миръ на продолжительное время. Онъ спросилъ меня о моемъ здоровьѣ и говорилъ о Шуваловѣ, пріѣхавшемъ въ Италію слишкомъ поздно, чтобы быть свидѣтелемъ военныхъ дѣйствій".

28-го іюля гр. Киселевъ былъ приглашенъ императоромъ на завтракъ въ С.-Клу. „Я отправился въ 11 часовъ и тотчасъ же былъ принятъ императоромъ въ его кабинетѣ. Разговоръ не коснулся ни Императора Александра, ни нашихъ политическихъ дѣлъ; онъ, очевидно, недоволенъ, какъ дала это замѣтить императрица 6-го іюля. Послѣ полудня, разговоръ нашъ еще продолжался, когда императорскій принцъ постучался въ дверь и объявилъ, что мать ожидаетъ его. Мы тотчасъ же пошли къ ней, и я возвратился домой не прежде двухъ часовъ“.

Приглашеніе гр. Киселева въ С. Клу.

Надо сказать, что гр. Киселевъ, незадолго передъ тѣмъ, имѣлъ случай дать почувствовать гр. Валевскому свое значеніе, как представителя Императора всей Россіи. Павелъ Дмитріевичъ разсказываетъ этотъ эпизодъ въ слѣдующихъ словахъ:

Размолвка Киселева съ Валевскимъ.

„18-го іюля. Валевскій пригласилъ меня къ себѣ въ 3½ часа; я пріѣхалъ въ назначенное время. У него былъ Коулей; Бейстъ ожидалъ въ пріемной залѣ. Въ три четверти четвертаго курьеръ (l'huissier) пригласилъ повѣреннаго въ дѣлахъ (Бейста); я прождалъ еще полчаса; наконецъ, позвали меня. Валевскій вышелъ навстрѣчу, протягивая мнѣ руку, но я своей ему не подалъ и сказалъ, что замѣчаю непривычное для меня нововведеніе, значеніе котораго просилъ объяснить.—Это виноватъ курьеръ, отвѣчалъ Валевскій, я поручилъ ему пригласить посла.—Въ такомъ случаѣ, замѣтьте это курьеру въ моемъ присутствіи, сказалъ я. Онъ позвалъ курьера, исполнилъ мое требованіе и согласился, что я совершенно правъ; что въ разосланныхъ пригласительныхъ повѣсткахъ, дѣйствительно, по ошибкѣ, былъ назначенъ одинъ и тотъ же часъ, и что онъ надѣется, что я прощу ошибку курьера. Или вашу, возразилъ я. Когда, затѣмъ, онъ сталъ успокоивать меня разными любезностями, то я сказалъ ему: лично за себя я не обратилъ бы вниманія на подобное несоблюденіе приличій; но я не могу переносить его какъ посолъ и надѣюсь, что впредь не буду поставленъ въ необходимость дѣлать подобное напоминаніе. Онъ опять протянулъ мнѣ руку, повторяя, что все произошло по глупости курьера и проч. Послѣ того, онъ го-

ворилъ со мною о конгрессѣ; я отвѣчалъ съ холодностью и церемонно. Быть можетъ, я былъ не правъ, но его слѣдовало призвать къ порядку, и я это сдѣлалъ по долгу, а не съ сердцевъ, потому что Валевскій обыкновенно всегда чрезвычайно любезенъ и вѣжливъ".

Подозрѣніе Наполеона.

Наполеонъ былъ дѣйствительно недоволенъ; онъ недовѣрчиво озирался, видя охлажденіе и подозрѣвая ковы своихъ бывшихъ союзниковъ. Интимные разговоры его съ гр. Киселевымъ, такъ часто повторявшіеся прежде, уже не продолжались болѣе и, какъ замѣтилъ Павелъ Дмитріевичъ подъ 5 числомъ августа, не продолжались также и съ лордомъ Коулеемъ, который, съ самаго возвращенія императора изъ Италіи, не имѣлъ съ нимъ ни разу откровеннаго политическаго разговора.

Жалоба его на русскую печать.

Не имѣя вѣрнаго понятія о положеніи печати въ Россіи, Наполеонъ даже ей придавалъ политическое значеніе, опасаясь вліянія ея на воззрѣнія петербургскаго кабинета. Когда, 17-го августа, онъ поѣхалъ въ Біарицъ, то поручилъ Валевскому переговорить съ гр. Киселевымъ о враждебномъ противъ него настроеніи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, а потомъ и изъ Біарица писалъ Мокару, своему секретарю, указывая на нападки русской печати какъ лично на него, такъ и на Францію. Разговоры по этому поводу съ Валевскимъ и Мокаромъ весьма любопытны:

„Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, подъ 19 августа, „я прочиталъ длинную статью о виллафранкскомъ перемиріи, о которой мнѣ говорилъ Валевскій и которая дѣйствительно составлена въ неприязненномъ тонѣ. Валевскій сказалъ, что онъ протестуетъ не противъ сущности статьи, а противъ ея формы (противъ императора); всякій воленъ, продолжалъ онъ, высказывать сужденіе свое о публичныхъ актахъ, но необходимо при этомъ сохранять должное уваженіе къ дружественной державѣ, а этого-то и не соблюдено въ той статьѣ".

„Мокаръ пріѣхалъ ко мнѣ [1]) для прочтенія одного мѣста изъ письма къ нему императора, поручившаго переговорить

[1]) 2-го сентября.

со мною о нападкахъ русскихъ журналовъ противъ него и противъ Франціи. Я отвѣчалъ, что послѣ смягченія Императоромъ Александромъ цензурныхъ строгостей, нѣкоторые журналисты стали злоупотреблять печатью, но что, по первому заявленію о томъ Валевскаго, я писалъ князю Горчакову и ожидаю удовлетворительныхъ послѣдствій".

Опасеніе Европы въ виду произвольныхъ дѣйствій Наполеона.

Если недоволенъ былъ Наполеонъ, то недовольны были и прочіе вѣнценосцы. Итальянскія дѣла, въ противность международнымъ обычаямъ, рѣшались въ Цюрихѣ безъ всякаго участія великихъ державъ, несмотря на то, что измѣнялись границы и политическія условія государствъ, освященныя трактатами, подписанными великими державами на вѣнскомъ конгрессѣ. Петербургскій кабинетъ тщетно домогался конгресса: Наполеонъ рѣшилъ участь Австріи и Италіи на основаніи личнаго своего соглашенія съ императоромъ австрійскимъ въ Виллафранкѣ. Опасались, что послѣ итальянской войны,—такъ безпрепятственно и счастливо сошедшей съ рукъ, несмотря на глухой ропотъ Европы,—Наполеонъ предприметъ новую ломку трактатовъ, на которыхъ опирался строй европейскихъ государствъ. Выжидали чего-то, заискивали.

Отъѣздъ гр. Киселева въ Остенде.

Графъ Киселевъ, съ отъѣздомъ Наполеона въ Біарицъ, воспользовался разрѣшеннымъ ему отпускомъ и поѣхалъ (18-го августа) на двѣ недѣли въ Остенде. Здѣсь онъ имѣлъ случай видѣться съ Великою Княгинею Еленою Павловною, у которой каждый день обѣдалъ и проводилъ вечера, съ королемъ бельгійскимъ, принцемъ-регентомъ прусскимъ и принцемъ нассаускимъ, бесѣды съ которыми имѣли политическій характеръ.

Разговоръ его съ королемъ Леопольдомъ I.

„Король Бельгійцевъ Леопольдъ", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „во время прогулки съ нимъ, 19-го августа, справлялся о настроеніи умовъ во Франціи и спрашивалъ, можно-ли положиться на миролюбивыя увѣренія Наполеона III. Воздерживать Наполеона, говорилъ онъ, отъ рискованныхъ предпріятій, есть призваніе Россіи; такіе совѣты были-бы полезны ему и послужили-бы на пользу Европы. Здравая политика,

равно выгодная для всѣхъ, есть политика мира; но я не совсѣмъ увѣренъ, что миръ продлится и проч.

Принцъ Николай нассаускій.

„Принцъ Николай нассаускій (братъ владѣтельнаго герцога нассаускаго Адольфа) просилъ меня передать императрицѣ Евгеніи его увѣренія въ преданности и сказать ей, если встрѣтится удобный къ тому случай, что на него взводятъ клевету, приписывая ему неуважительныя слова на счетъ императора. Онъ преисполненъ уваженія и благодарности къ личности императора за пріемъ, которымъ былъ удостоенъ ихъ величествами; но онъ имѣетъ свои политическія убѣжденія, отъ которыхъ, по долгу совѣсти, не можетъ отступиться. Такое искреннее признаніе, продолжалъ онъ, позволяетъ ему надѣяться, что заслужитъ вновь столь дорого имъ цѣнимое благорасположеніе ихъ величествъ.

Принцъ-регентъ прусскій Вильгельмъ.

„На аудіенціи у принца-регента прусскаго (27-го августа) разговоръ былъ исключительно политическій; я его записалъ, въ главныхъ чертахъ, для сообщенія петербургскому кабинету. Принцъ находилъ (какъ я узналъ впослѣдствіи отъ третьяго лица), что я очень рѣшительно высказываюсь въ пользу Франціи и ея императора (a trouvé mon langage très prononcé en faveur de la France et de son empereur).

„Я хорошо это зналъ и желаю, чтобы мой взглядъ послужилъ на пользу Пруссіи и для упроченія европейскаго мира.

Гр. Рёдернъ, прусскій посланникъ въ Брюсселѣ.

„Послѣ этой аудіенціи, гр. Рёдернъ, прусскій посланникъ въ Брюсселѣ, говорилъ мнѣ о союзѣ Пруссіи, Россіи и Франціи, какъ о весьма разумной комбинаціи, къ осуществленію которой надо стремиться. Изъ словъ Рёдерна должно заключить, что принцъ-регентъ передалъ ему содержаніе нашего разговора“.

Возвращеніе Киселева въ Парижъ и поѣздка короля Леопольда въ Біарицъ.

Гр. Киселевъ возвратился въ Парижъ 31-го августа. Одновременно съ нимъ бельгійскій король Леопольдъ отправился въ Біарицъ для свиданія съ Наполеономъ. Это последнее путешествіе старѣйшаго вѣнценосца въ Европѣ, пользовавшагося уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ всѣхъ правительствъ, послужило поводомъ ко многимъ толкамъ и предположеніямъ, которыя сводились къ тому, что ему, Леопольду, будто-бы

коллективно поручено было склонить Наполеона къ болѣе миролюбивой политикѣ.

Насколько были справедливы эти догадки, неизвѣстно. Но положительно то, что въ это самое время Наполеонъ нашелъ нужнымъ успокоить раздраженіе Европы и въ особенности сосѣдней Англіи, союзомъ которой онъ такъ дорожилъ.

Увѣренія Наполеона, что миръ не будетъ болѣе нарушенъ.

Графъ Морни, въ концѣ августа, при открытіи засѣданія генеральнаго совѣта пюидедомскаго департамента, упомянувъ въ рѣчи своей о нападкахъ англійской прессы на политику императорскаго кабинета, возвѣстилъ, что императоръ Наполеонъ совершенно искренно желаетъ мира; что онъ дорожитъ союзомъ съ Англіею; что тревожныя опасенія по ту сторону пролива ни на чемъ не основаны и что отнынѣ Франція поведетъ борьбу противъ Англіи только въ области промышленности и торговли, — борьбу прогресса и цивилизаціи, честную и открытую, равно плодотворную для всѣхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по поводу волненій въ Италіи и въ особенности въ Эмиліи и Тосканѣ, гдѣ ожидавшееся водвореніе изгнанныхъ герцоговъ въ ихъ владѣнія возмущало чувство патріотовъ, мечтавшихъ о единой Италіи,—появилась въ Монитёрѣ, 9-го сентября, статья, строго порицавшая такое настроеніе умовъ и приглашавшая Итальянцевъ выполнить въ точности виллафранкскія условія, предоставлявшія Италіи существенныя выгоды не только возвращеніемъ изъ подъ австрійскаго владычества всей Ломбардіи, но введеніемъ и венеціанской области въ конфедерацію итальянскихъ земель: при этомъ заявлялось, что Франція ни въ какомъ случаѣ не подвергнетъ себя случайностямъ новой войны на пользу Италіи.

Статья Монитёра.

Статья эта, написанная по настоянію Валевскаго, была разсчитана на успокоеніе Австріи и Германіи; но она не водворила спокойствія въ Италіи и не удовлетворила даже Англію, которая, со времени окончанія итальянской войны, стала почти открыто потворствовать стремленіямъ Итальянцевъ къ объединенію.

Валевскій разсказалъ гр. Киселеву, сколько ему стоило хлопотъ напечатать эту статью:

„12-го сентября“ пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „въ два часа, я поѣхалъ въ Этіоль къ гр. Валевскому. Послѣ обѣда мы пошли прогуляться. Онъ хвалился побѣдой, одержанной имъ въ пользу миролюбивой и легальной политики, за торжество которой онъ не переставалъ бороться противъ принца Наполеона, своего самаго ожесточеннаго противника. Могу васъ увѣрить, сказалъ онъ, что въ настоящій моментъ восторжествовала моя система. Статья Монитёра 9-го сентября служитъ тому доказательствомъ. Посылая ее на просмотръ императору, я счелъ нужнымъ написать ему, что если его величеству не угодно будетъ одобрить ее, то потребуется уволить и меня, потому что, слѣдуя политикѣ не согласной съ моими убѣжденіями, я могу оказаться скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Статья была одобрена, и теперь я въ состояніи направлять дѣла, слѣдуя здравой политикѣ, которой императоръ всегда сочувствовалъ и которую Пале-Рояль (т.-е. принцъ Наполеонъ) всегда успѣвалъ совращать съ пути. Я съ горячностью поздравилъ Валевскаго.

„Разговаривая такимъ образомъ со мною, Валевскій случайно упомянулъ объ обсерваціонномъ корпусѣ, только еще готовившемся, какъ извѣстно ему, къ походу, и утверждалъ, что распространившіеся слухи о неудовольствіи (Наполеона), вслѣдствіе недостаточности будто-бы этой мѣры, совершенно неосновательны, потому, сказалъ онъ, что *вы не могли сдѣлать больше*“.

Шаткость политики Наполеона.

Разговоры эти, кажется, вполнѣ уясняютъ, до какой степени была шатка политика Наполеона. Когда надъ нимъ одерживало верхъ вліяніе принца Наполеона, тогда онъ, въ лицѣ гр. Киселева, выказывалъ холодность Россіи и былъ недоволенъ дружескимъ нейтралитетомъ съ придачею поставленнаго на границѣ Австріи [на основаніи секретнаго соглашенія? [1])] обсерваціоннаго корпуса, готоваго выступить въ по-

[1]) По поводу извѣстія, сообщеннаго въ газетѣ „Times“ (25-го апрѣля 1859 г.) о томъ, будто между Россіею и Франціею заключенъ секретный трактатъ, лондонскій кабинетъ обратился за разъясненіемъ въ С.-Петербургъ и получилъ въ отвѣтъ, что никакого трактата заключено не было и что соглашенія, которыя могли имѣть

ходъ; когда же, напротивъ, его успѣвали склонить на миръ, на уваженіе трактатовъ, тогда онъ находилъ, что Россія не могла сдѣлать болѣе. Что касается намёковъ его о пересмотрѣ, въ пользу Россіи, трактата 1856 г., то они сдѣланы единственно съ цѣлію достиженія дружественнаго нейтралитета на время итальянскаго похода; а послѣ войны уже не было рѣчи о томъ.

Между тѣмъ, въ это время вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна, путешествуя по Швейцаріи, пожелала свидѣться съ графомъ Киселевымъ, и двумя телеграммами приглашала его пріѣхать въ Интерлакенъ.

Вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна принимаетъ Киселева въ Швейцаріи.

Павелъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Парижа 17-го сентября и того-же дня ночевалъ въ Базелѣ. На другой день, осмотрѣвъ городъ и „Зеленый Домъ“ (maison verte), въ которомъ жилъ Императоръ Александръ I въ 1814 году, онъ отправился въ Интерлакенъ. На пути, въ Бернѣ, онъ встрѣтилъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при Швейцарскомъ союзѣ, барона Николаи, который тоже ѣхалъ представляться Императрицѣ.

Государынѣ было угодно приказать, чтобы гр. Киселеву отвели помѣщеніе въ томъ-же отелѣ (Бельведеръ), въ которомъ остановилась она. По пріѣздѣ Павла Дмитріевича, къ нему пришли лица составлявшія дворъ Императрицы: графы Віельгорскій, Апраксинъ и Шуваловъ.

Пріѣздъ Киселева въ Интерлакенъ.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера Императрица пригласила его къ себѣ, гдѣ онъ засталъ великую княгиню Ольгу Николаевну съ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. „Меня принимаютъ“, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „съ необыкновеннымъ радушіемъ; мы говоримъ о Франціи, ея правительствѣ и въ особенности о Наполеонѣ и императрицѣ Евгеніи. Я замѣчаю, что взглядъ на политическое положеніе, которое надлежитъ принять въ отношеніи къ Франціи, сталъ вѣрнѣе; не вдаваясь въ подробности, скажу только, что добрая моя Государыня употребила вѣсскія убѣжденія, чтобъ увѣ-

Разсужденіе о Франціи и отношеніяхъ къ ней Пруссіи и Австріи.

мѣсто между Франціею и Россіею, не могутъ служить ко вреду Великобританіи (les arrangements qui pouvaient être intervenus entre la France et la Russie n'étaient pas de nature à préjudicier à la Grande Bretagne).

рить своего брата, принца-регента, что онъ сдѣлаетъ большую ошибку, если позволитъ себя увлечь искусственными возгласами германской публики; что въ концѣ концовъ онъ будетъ первою жертвою, потому что Австрія воспользуется этимъ и съ содѣйствіемъ Наполеона подавитъ Пруссію".

Поль Лакруа и его намѣреніе писать исторію Императора Николая I-го.

20-го сентября, въ день тезоименитства Великаго Князя Цесаревича Николая Александровича, послѣ молебствія въ покояхъ Императрицы, Павелъ Дмитріевичъ былъ приглашенъ остаться. Онъ доложилъ Императрицѣ, что французскій писатель Поль Лакруа, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Bibliophile Jacob, намѣревается писать исторію покойнаго Императора Николая Павловича; что Лакруа нѣсколько разъ уже обращался объ этомъ къ нему и что, вполнѣ сочувствуя такому намѣренію, онъ обѣщалъ сообщить ему свои воспоминанія и принялъ даже личное участіе въ составленіи программы этого сочиненія. „Императрица изъявила самое горячее одобреніе. Я просилъ поддержки и содѣйствія Ея и Ея Августѣйшихъ дѣтей, чтобы доставлены были замѣтки о частной и семейной жизни покойнаго Императора, безъ чего, сказалъ я, посвященныя сему страницы исторіи останутся безцвѣтными и неполными.

„За чѣмъ не говорили вы объ этомъ съ Ольгою? сказала Императрица. Вы лучше меня съумѣли-бы выяснить Ей, что это долгъ, который лежитъ на Насъ всѣхъ; что касается до Меня, продолжала эта святая женщина, то Я почти слѣпа и писать не могу. Во всякомъ случаѣ, прибавила Государыня, Я сдѣлаю все возможное, чтобъ помочь вамъ".

Гр. Киселевъ сопровождаетъ Императрицу въ путешествіи по Швейцаріи.

Гр. Киселевъ былъ приглашенъ сопутствовать Императрицѣ въ ея путешествіи по Швейцаріи.

Императорскій поѣздъ двинулся 21-го сентября изъ Интерлакена въ Фрейбургъ, гдѣ былъ обѣдъ и ночлегъ.

22-го сентября переѣхали въ Веве. Императрица чувствовала себя нездоровою и къ обѣду не выходила. Павелъ Дмитріевичъ прогуливался, восхищаясь великолѣпною природою. „Страна между Фрейбургомъ и Веве", пишетъ онъ, „представляетъ всевозможныя красоты, составляющія принадлежность богатой

природы; видомъ ея я былъ даже нѣсколько взволнованъ, что въ мои лѣта не повторяется часто. Въ деревняхъ и хуторахъ замѣчается не богатство, а извѣстное довольство, которое поражаетъ васъ и поддерживаетъ пріятное расположеніе духа, а между тѣмъ, есть же злые люди, которые говорятъ, что Швейцарцы лѣнивы и грубы".

Вечеромъ Императрица пригласила Павла Дмитріевича къ чаю и говорила опять о предполагаемомъ сочиненіи Лакруа.

Въ Веве Императрица оставалась пять дней.

Императрица открываетъ Киселеву, что онъ имѣетъ въ Петербургѣ непримиримаго врага.

„23-го сентября Императрица сказала мнѣ, что въ Петербургѣ я имѣю непримиримаго врага (un ennemi acharné), который старается представить меня человѣкомъ опаснымъ; что мнѣ слѣдуетъ остерегаться.—А представилъ-ли онъ какія нибудь доказательства? спросилъ я Императрицу.—Нѣтъ, отвѣчала она, Я слышала это отъ другихъ.—Вѣроятно, отъ хитрецовъ, которые находятъ болѣе удобнымъ и менѣе опаснымъ подражать донъ-Базиліо (Севильскаго цирюльника): клевещите, клевещите, всегда что набудь останется (calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose). Къ тому-же мнѣ давно знакомы эти пріемы, цѣну которымъ хорошо зналъ покойный Государь. Они меня нисколько не заботятъ".

Послѣ этого разговора Павелъ Дмитріевичъ, возвращаясь съ гр. Віельгорскимъ съ прогулки по берегу озера, остановилъ крестьянина и, между прочимъ, спросилъ его о заработкахъ. Землекопъ получаетъ у насъ, отвѣчалъ онъ, не болѣе 20 су въ день; иногда, во время жатвы, цѣна доходитъ до 30 су,—никогда болѣе; но за то наши подати не велики; сосѣди наши, Французы, платятъ въ шесть разъ болѣе.—А когда я его спросилъ, какая тому причина, то онъ отвѣчалъ, какъ истый республиканецъ: они захотѣли имѣть Императора, а это всегда стоитъ дорого".

Приглашеніе гр. Киселева въ Варшаву и отъѣздъ въ Парижъ.

Графъ Киселевъ, во время своего пребыванія въ Веве, получилъ телеграмму изъ Петербурга, приглашавшую его пріѣхать къ 16-му октября въ Варшаву, куда, къ тому же времени, располагалъ прибыть Государь. Павелъ Дмитріевичъ пробылъ въ Веве

24-е сентября, а 25-го поспѣшилъ уѣхать черезъ Женеву въ Парижъ, чтобъ собраться и приготовиться вновь къ предстоящему путешествію.

Прощаніе съ Императрицей и представленіе Великой Княгинѣ Аннѣ Өеодоровнѣ.

Такъ какъ Императрицу Александру Өеодоровну ожидали въ Женеву 26-го сентября, а гр. Киселевъ еще находился тамъ, то онъ поѣхалъ на пристань, встрѣтилъ Государыню и вмѣстѣ съ нею поѣхалъ въ православную церковь. Послѣ богослуженія, Императрица представила его Великой Княгинѣ Аннѣ Өеодоровнѣ, „которую", записано въ дневникѣ, „мнѣ никогда не случалось видѣть и видъ которой далеко не удовлетворилъ меня".

Выходя изъ церкви Павелъ Дмитріевичъ окончательно простился съ Императрицей и Ея свитой и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь, къ досадѣ своей, онъ не засталъ ни императора ни даже Валевскаго, съ которыми желалъ, передъ отъѣздомъ въ Варшаву, переговорить о дѣлахъ. „Сижу у моря и нетерпѣливо ожидаю возвращенія изъ Біарица, — боюсь опоздать въ Варшаву или пріѣхать къ сроку, но безцвѣтно", пишетъ онъ брату Николаю въ Римъ, 7-го октября.

Изъ дневника и письма къ брату видно, что въ это время Павелъ Дмитріевичъ чувствовалъ неоднократно головокруженіе и слабость, такъ что принужденъ былъ ходить съ тростью и иногда даже, во время прогулокъ, останавливаться, прислоняясь къ стѣнамъ домовъ.

Отъѣздъ въ Варшаву.

Заручившись всѣми новѣйшими свѣдѣніями и взглядами тюльерійскаго кабинета отъ Валевскаго и лорда Коулея, возвратившихся изъ Біарица около 10-го октября, и отъ самого императора, у котораго имѣлъ аудіенцію въ С. Клу 14-го октября (свиданія съ императрицей Евгеніей онъ добиться не могъ), Павелъ Дмитріевичъ 16-го октября отправился черезъ Кёльнъ, Берлинъ, Бреслау и пріѣхалъ въ Варшаву вечеромъ 19-го октября.

На слѣдующій день, 20-го октября, въ 12 часовъ дня, передъ маневрами, гр. Киселёвъ явился къ Государю и былъ приглашенъ къ Высочайшему столу въ Лазенкахъ, вмѣстѣ съ иностранными принцами: великимъ герцогомъ веймарскимъ, эрцъ-герцогомъ австрійскимъ Альбертомъ, наслѣднымъ прин-

цемъ нидерландскимъ Вильгельмомъ и принцемъ Августомъ виртембергскимъ, которые всѣ съѣхались въ Варшаву для свиданія съ Государемъ. Повидимому, двусмысленная политика Наполеона побудила всѣхъ ихъ искать защиты въ посредничествѣ русскаго Государя. Назначено было также свиданіе съ принцемъ-регентомъ прусскимъ въ Бреславѣ и, если вѣрить бреславской газетѣ того времени, съ императоромъ австрійскимъ въ Мисловицахъ. Послѣднее свиданіе, по свидѣтельству той же газеты, обусловливалось тѣмъ, чтобы Россія приняла на себя обязательство поддерживать, на предполагавшемся конгрессѣ въ Парижѣ, возстановленіе правъ итальянскихъ герцоговъ, что̀ и составляло будто бы миссію эрцъ-герцога Альберта, — но какъ русскій дворъ отказался принять на себя такое обязательство, то свиданіе съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ не состоялось.

Государя сопровождали въ Варшаву министръ иностранныхъ дѣлъ кн. А. М. Горчаковъ и прусскій посолъ при петербургскомъ дворѣ гр. Бисмаркъ. Кромѣ гр. Киселева были приглашены въ Варшаву и другіе представители Россіи при великихъ державахъ: изъ Лондона бар. Бруновъ, изъ Берлина бар. Будбергъ и изъ Вѣны Балабинъ. Наконецъ, въ Варшаву же прибыли тосканскіе депутатыВивіани и Алберти.

Недовѣріе Императора Александра къ Наполеону.

21-го октября, утромъ, гр. Киселевъ былъ опять у Государя, который, между прочимъ, выразилъ ему свое недовѣріе къ политикѣ Наполеона. Слова Государя записалъ гр. Киселевъ такъ:

„Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона очень поколеблено; ses allures ne sont pas correctes; нужно быть внимательнымъ, чтобъ не поддаться обману. Я читалъ вашу записку. Къ мысли вашей о заключеніи оборонительнаго договора можетъ быть приступлено только послѣ заключенія мира или послѣ конгресса. До тѣхъ поръ слѣдуетъ поддерживать добрыя отношенія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдить за ходомъ этой политики, которая, повторяю, внушаетъ Мнѣ мало довѣрія“.—Тутъ было сказано нѣсколько словъ о секретномъ сообщеніи принца Наполеона, который, находясь въ

Варшавѣ, говорилъ именемъ императора Наполеона, что онъ *рѣшился вести войну до Вѣны* (qu'il est résolu de pousser la guerre jusqu'à Vienne), чтобъ принудить Австрію заключить миръ прочный и окончательный, „и вотъ“, продолжалъ Государь, „ни съ того, ни съ сего онъ предлагаетъ миръ, *не предупредивъ никого* и проч. Дѣйствія эти не могутъ внушить довѣрія и, въ виду такой неопредѣленной политики, заставляютъ быть на сторожѣ“.

„Поручаю вамъ Мою сестру Марію“, продолжалъ далѣе Государь, „Я ей писалъ, чтобъ была осторожна въ разговорахъ, когда встрѣтится съ этими людьми (lorsqu'elle se trouvera en face de tout ce monde); она должна совѣтоваться съ вами и вы не откажите давать ей наставленія. Что касается пребыванія въ Парижѣ ея сыновей, то Я ей отвѣчалъ, что они могутъ оставаться на зиму въ Англіи или въ другомъ мѣстѣ“.

Разговоръ прекратился съ прибытіемъ эрцъ-герцога Альберта. „Мы окончимъ нашъ разговоръ во вторникъ, послѣ Моего возвращенія“, сказалъ Государь, „можете вы остаться здѣсь до того времени?“

Наша миссія въ Китаѣ.

„Я позабылъ сказать, пишетъ далѣе Павелъ Дмитріевичъ, „что Государь говорилъ о нашей миссіи въ Китаѣ; что Игнатьевъ дѣйствительно находится въ Пекинѣ и самъ онъ, и чины русскаго посольства свободно гуляютъ по городу, тогда какъ полномочный министръ Соединенныхъ Штатовъ сидитъ запершись и ни съ кѣмъ не сообщается. Но, несмотря на это, Китайцы, послѣ подписанія послѣдняго договора, не принимаютъ никакихъ предложеній и отказываются отъ всякой подписки условій, касающихся послѣднихъ неразрѣшенныхъ недоразумѣній, возникшихъ по проведенію границы при устьяхъ рѣки Амура“.

Вечеромъ того же 21-го октября Государь, всѣ иностранные принцы, а въ свитѣ Государя и гр. Киселевъ, были на балѣ у гр. Коссаковской.

Отъѣздъ Государя въ Бреславъ.

22-го октября Императоръ Александръ, съ иностранными принцами и свитой своей, поѣхалъ на охоту въ Скерневицы и оттуда въ Бреславъ, для личнаго свиданія съ принцемъ-

регентомъ прусскимъ; гр. Павелъ Дмитріевичъ остался въ Варшавѣ и, желая вызвать новое объясненіе касательно высказаннаго Государемъ *недовѣрія,* занялся приготовленіемъ записки объ отношеніяхъ нашихъ къ Франціи. Балабинъ, съ своей стороны, писалъ и читалъ гр. Киселеву свою записку о взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Франціи и Австріи.

Возвращеніе Государя въ Варшаву и секретная аудіенція у Его Величества русскихъ дипломатовъ.

Государь возвратился въ Варшаву 25-го октября, а 26-го, въ 11 часовъ утра, были приглашены въ кабинетъ Его Величества, въ Бельведерѣ, всѣ четыре представителя Россіи при великихъ державахъ и министръ иностранныхъ дѣлъ. Читался и обсуждался отчетъ кн. А. М. Горчакова о политическомъ положеніи Россіи къ европейскимъ державамъ вообще и въ особенности къ Франціи.

Записка гр. Киселева представленная Государю.

Въ бумагахъ гр. Павела Дмитріевича не найдено представленной имъ Государю записки, но въ дневникѣ его находится слѣдующая замѣтка, подъ 26 октября, выражающая, вѣроятно, сущность его записки:

„Я докладывалъ Государю и говорилъ кн. Горчакову о неограниченномъ, хотя довольно умѣренномъ (quoique modéré), управленіи Людовика-Наполеона во Франціи. Враждебныя ему партіи безсильны. Мечта объ утвержденіи династіи (la marotte dynastique) — слабая струна двора — пріобрѣтаетъ, съ помощью очевиднаго вліянія императрицы, все болѣе и болѣе шансовъ; но въ концѣ-концовъ она опирается на крайне шаткомъ основаніи (elle ne repose que sur un point d'aiguille); одинъ ударъ кинжала, и все можетъ рухнуть. Послѣдствіе такой развязки можетъ взволновать всю Европу.

„Людовикъ-Наполеонъ—полиціймейстеръ, котораго полезно сохранить хотя бы для того только, чтобъ предотвратить потрясенія, къ сожалѣнію, неразлучныя съ его исчезновеніемъ. Но надо его связать помощью трактатовъ, которые обуздывали бы его склонность къ опаснымъ предпріятіямъ.

„Французы легко воспламеняются; если станутъ раздразнивать ихъ извнѣ, то они горячо стоять будутъ за своего избранника—императора. Революція во Франціи вызвала бы мятежи во всей Европѣ. Можно-ли рисковать этимъ? Республиканскій

соціализмъ стоитъ наготовѣ, чтобъ принять такое наслѣдіе. Поэтому сохраненіе существующаго порядка во Франціи есть лучшая гарантія спокойствія Европы; пусть истинные консерваторы поразмыслятъ объ этомъ“.

Послѣ окончанія этого совѣщанія, Государь оставилъ гр. Киселева къ завтраку, на которомъ присутствовали князь-намѣстникъ М. Д. Горчаковъ и гр. Адлербергъ-сынъ. Въ этотъ день Государь обѣдалъ у княгини Горчаковой, супруги намѣстника, гдѣ, въ числѣ 30 приглашенныхъ, находился и гр. Киселевъ.

Отъѣздъ Государя изъ Варшавы и русскихъ дипломатовъ къ своимъ постамъ.

На слѣдующій день, 27-го, Государь, въ 10 часовъ утра, уѣхалъ въ Петербургъ, а 28-го и гр. Киселевъ пустился въ обратный путь.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, гр. Павелъ Дмитріевичъ писалъ брату своему въ Римъ:

„Вчерашнимъ утромъ дипломаты, и я въ томъ числѣ, были собраны въ Бельведерѣ для разсужденія о настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ и для изустнаго указанія всѣмъ и каждому. Конференція эта совершилась успѣшно, благоразумно и для всѣхъ насъ благосклонно. Восемь дней суетнаго пребыванія въ Варшавѣ нѣсколько меня утомили. Завтрашній день отъѣзжаю въ Парижъ для принятія и угощенія Великой Княгини Маріи Николаевны“.

Пріѣздъ и пребываніе въ Парижѣ Великой Княгини Маріи Николаевны.

Вскорѣ затѣмъ, 5-го ноября, гр. Киселевъ встрѣчалъ въ воксалѣ сѣверной желѣзной дороги Великую Княгиню Марію Николаевну, съ дочерью и сыновьями.

Гр. Киселевъ былъ очень озабоченъ, чтобы въ Парижѣ былъ сдѣланъ пріемъ, достойный высокой гостьи, и чтобъ вообще былъ соблюденъ весь приличествующій этикетъ.

Еще до своего прибытія, Великая Княгиня спросила гр. Павла Дмитріевича, не слѣдуетъ-ли ей, на пути въ Парижъ, остановиться въ Компіэнѣ, чтобы сдѣлать визитъ императрицѣ Евгеніи. Гр. Киселевъ отклонилъ такое намѣреніе.

Затѣмъ, по прибытіи въ Парижъ, Великая Княгиня, 6-го ноября, спросила гр. Киселева, не слѣдуетъ-ли сыну ея предупредить визитъ императора и поѣхать къ нему. Павелъ Дмит-

ріевичъ отвѣчалъ, что какъ сынъ Великой Княгини еще несовершенно-лѣтній, то приличіе требуетъ, чтобъ представила его мать.

Когда генералъ Рейль предложилъ Великой Княгинѣ, отъ имени императора, императорскую ложу въ итальянской оперѣ, то гр. Киселевъ представилъ ей, что неудобно воспользоваться этимъ предложеніемъ до свиданія съ императоромъ и что можно будетъ принять ложу послѣ свиданія, когда самъ императоръ ее предложитъ.

7-го числа гр. Киселевъ привезъ Валевскаго въ Луврскій отель, чтобы представить его Великой Княгинѣ. „Визитъ не удался, потому-что Великая Княгиня поѣхала осматривать музей въ Клюни; послѣ возвращенія я представилъ Фульда, а потомъ воспользовался удобнымъ временемъ, когда мы остались наединѣ, и передалъ Ея Высочеству слова Августѣйшаго Ея брата. Я сказалъ ей, въ какомъ смыслѣ она можетъ отвѣчать на политическіе вопросы, которые, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ ей предложены. — Отвѣчайте, сказалъ я ей, что братъ Вашъ прежде всего честный человѣкъ, вполнѣ искренній и правдивый; что Онъ исполнитъ все то, что обѣщалъ и не откажется отъ принятыхъ на Себя обязательствъ. Когда будете выражать мнѣнія, то, во избѣжаніе ложнаго истолкованія оффиціальности рѣчей вашихъ, отмѣчайте тѣ, которыя принадлежатъ лично вамъ; наконецъ, не теряйте изъ вида совѣта Августѣйшаго Вашего брата, состоящаго въ томъ, чтобъ не вчинать политическихъ преній, а когда станутъ говорить съ Вами о политическихъ дѣлахъ, то отвѣчайте общими мѣстами, не имѣющими значенія.

8-го ноября гр. Киселевъ присутствовалъ при пріемѣ въ Луврскомъ отелѣ Наполеона Великою Княгинею, которая представила императору своихъ дѣтей.

Великая Княгиня оставалась въ Парижѣ до 1-го декабря. Во время этого пребыванія, Ея Высочество присутствовала на обѣдѣ, данномъ въ честь ея гр. Киселевымъ 10 ноября; на обѣдъ были приглашены одни русскіе, изъ находившихся въ то время въ Парижѣ. За тѣмъ 13 ноября Великая Княгиня осматривала вмѣстѣ съ гр. Киселевымъ строившуюся право-

славную церковь и въ тотъ-же день, въ качествѣ президента академіи художествъ, устроенную въ домѣ посольства выставку произведеній русскихъ живописцевъ.

15 ноября былъ обѣдъ у принца Наполеона для Великой Княгини, на которомъ присутствовалъ также гр. Киселевъ, а 22 Великая Княгиня отправилась въ Компіэнь, причемъ гр. Павелъ Дмитріевичъ былъ приглашенъ въ вагонъ Ея Высочества. Великая Княгиня и гр. Киселевъ оставались въ Компіэнѣ до 26 ноября, гдѣ для развлеченія высокой гостьи была устроена охота, прогулка къ развалинамъ Пьерфонъ и танцовальный вечеръ. На послѣднемъ императрица Евгенія, всегда любезная къ престарѣлому графу, настоятельно, но безуспѣшно, приглашала его протанцовать съ нею.

Великая Княгиня 1-го декабря оставила Парижъ и поѣхала въ Ниццу, гдѣ въ то время находилась вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна.

Предположенія въ пользу принца Евгенія Лейхтенбергскаго.

Въ бесѣдахъ Великой Княгини Маріи Николаевны съ гр. Киселевымъ шла, между прочимъ, рѣчь о разныхъ толкахъ, которые въ то время ходили относительно будущности старшаго ея сына, какъ-то о предполагаемомъ въ пользу его господарствѣ въ Молдаво-Валахскихъ княжествахъ и престолѣ въ центральной Италіи. „Всѣ журнальныя статьи, говорилъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, касающіяся этого предмета, въ глазахъ моихъ, не заслуживаютъ никакого вниманія; но впрочемъ, если для Дунайскихъ княжествъ нуженъ иностранный принцъ, то я не вижу причины почему мнѣ дано приказаніе *отклонять всякую кандидатуру въ пользу принца Евгенія Лейхтенбергскаго*. Путешествующіе Валахи тоже говорили мнѣ, что такого рода комбинація могла бы упрочить будущность княжествъ.

„Великая Княгиня въ отвѣтъ на эти слова сказала, что она этого не желаетъ для своего сына“.

Разговоръ Великой Княгини съ императрицею Евгеніею.

Предъ самымъ отъѣздомъ въ Ниццу, Великая Княгиня за обѣдомъ, передавая гр. Киселеву свои разговоры съ императоромъ въ Компіэнѣ, сказала, „что Людовикъ Наполеонъ говорилъ ей, что искренно любитъ и уважаетъ *посла* и что дотолѣ, пока онъ, гр. Киселевъ, останется посломъ, добрыя отно-

шенія между обѣими имперіями должны будутъ сохраниться на столько, на сколько они утвердились въ послѣдніе три года. Императрица, сказала Великая Княгиня, говорила мнѣ въ томъ же смыслѣ и еще съ большею горячностью. Она говорила со мною о моей матери съ участіемъ и почтительностью, которыя показались мнѣ вполнѣ искренними".

Отъѣздъ Великой Княгини въ Ниццу.

Проводивши Великую Княгиню и простившись съ нею въ воксалѣ желѣзной дороги, гр. Киселёвъ записалъ:

„Во все время пребыванія Великой Княгини въ Парижѣ, я только могъ похвалиться ея милостивымъ и любезнымъ обращеніемъ со мною. Ея отъѣздъ даже опечалилъ меня, потому что во время ея присутствія я не чувствовалъ не только усталости, но даже стѣсненія; напротивъ, я всегда былъ счастливъ видѣть ее и посвящать ей нѣсколько часовъ дня. Она столько же умна, сколько добра, и я понимаю, что ея приближенные должны горячо ее любить".

Цюрихскій мирный трактатъ.

10 ноября былъ заключенъ въ Цюрихѣ окончательный миръ между Австріей, Франціей и Сардиніей.

Цюрихскій трактатъ отличался нѣсколько отъ виллафранкскихъ предварительныхъ условій; въ послѣднихъ было сказано безусловно, что великій герцогъ тосканскій и герцогъ моденскій возвращаются въ свои владѣнія и провозглашаютъ всеобщую амнистію; а относительно папскихъ владѣній, оба императора обѣщались обратиться къ св. отцу съ просьбою даровать необходимыя реформы; въ цюрихскомъ мирномъ договорѣ было сказано (§ 19): „такъ какъ независимыя итальянскія территоріи, не составлявшія въ минувшую войну воюющихъ сторонъ, не могутъ быть подвергнуты какому либо измѣненію (ne pouvant être changées), иначе, какъ при содѣйствіи державъ, которыя участвовали въ ихъ образованіи и признаніи, то права великаго герцога тосканскаго и герцоговъ моденскаго и пармскаго оставляются договаривающимися сторонами въ своей силѣ (sont expressèment réservées)"; а о папскихъ владѣніяхъ (§ 20), „что императоръ Французовъ и императоръ австрійскій, соединенными усиліями, постараются склонить его святѣйшество къ тому, чтобы правительство его при-

няло въ серьезное соображеніе неотложность дарованія реформъ, признанныхъ необходимыми".

Предположенное Наполеономъ преобразованіе Италіи.

Предположеніе о возможности переустройства Италіи, при содѣйствіи великихъ державъ, было заявлено въ цюрихскомъ трактатѣ потому, что Наполеонъ, въ то время, мечталъ объ образованіи, особо отъ Сардиніи, центральнаго итальянскаго государства, въ составъ котораго должны были войти, кромѣ названныхъ герцогствъ, часть папскихъ владѣній. Съ этою-то цѣлью предполагалось пригласить правительства великихъ державъ прислать своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ въ Парижъ.

Такъ, еще 20-го октября, Людовикъ-Наполеонъ писалъ Виктору-Эммануэлю, что въ Италіи слѣдуетъ образовать нѣсколько независимыхъ государствъ, связанныхъ между собою федеративнымъ союзомъ; что каждое изъ этихъ государствъ должно будетъ имѣть свое народное представительство; но всѣ они должны имѣть одно знамя, общее таможенное устройство и одну монетную систему, что для государствъ сихъ центральное федеративное правительство должно образоваться изъ представителей, назначаемыхъ государями изъ числа предложенныхъ палатами; что это центральное правительство должно находиться въ Римѣ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. При этомъ, Парму и Піаченцу предполагалось присоединить къ Пьемонту, какъ мѣстности, необходимыя ему въ стратегическомъ отношеніи; герцогинѣ пармской предоставлялся престолъ моденскій, а Тоскана, увеличенная частью земель моденскаго герцогства, предоставлялась прежнему эрцъ-герцогу Фердинанду.

Намеки Наполеона о томъ, что Россіи надлежитъ принять на себя иниціативу въ отношеніи преобразованія центральной Италіи.

Любопытенъ разговоръ объ этомъ Людовика-Наполеона съ гр. Киселевымъ, въ Компіэнѣ, 22-го ноября, записанный въ дневникѣ Павла Дмитріевича:

„Послѣ обѣда, императоръ, прохаживаясь по заламъ, подошелъ ко мнѣ и, увлекая съ собою, завелъ меня въ свой кабинетъ. Мы сѣли, и онъ тотчасъ-же сталъ говорить объ итальянскихъ дѣлахъ. Какъ и прежде, онъ жаловался на препятствія, встрѣчаемыя со стороны тѣхъ, которые въ собствен-

ныхъ видахъ своихъ, должны-бы были его поддерживать и наконецъ приступилъ къ цѣли, побудившей его начать этотъ разговоръ: къ образованію въ Италіи центральнаго государства достаточно сильнаго, чтобы оно могло собственными силами дать прочную организацію этой части полуострова. „Я стѣсняюсь“, сказалъ онъ, „сдѣлать такое предложеніе конгрессу, въ виду виллафранкскихъ предварительныхъ условій и думаю, что предложить это могла-бы Россія, съ цѣлью устраненія безпрестанно возникающихъ затрудненій“.—Я спросилъ императора, полагаетъ-ли онъ, что Пьемонтъ согласится на это и что Англія не воспротивится?—„Король Викторъ-Эммануэль“, отвѣчалъ онъ, „долженъ будетъ настаивать на такой комбинаціи изъ своихъ собственныхъ выгодъ, а что касается Англіи, то если всѣ согласятся,— согласится и она. Назначеніе государя въ правители этою страной“, продолжалъ онъ, „для меня безразлично,—пусть выбираютъ кого хотятъ, мнѣ все равно, лишь-бы состоялось дѣло, по мнѣнію моему, единственно согласное съ обстоятельствами; болѣе ничего сказать не могу“. Такъ какъ съ этими словами императоръ всталъ съ своего мѣста, то я спросилъ: угодно-ли его величеству, чтобъ я написалъ объ этомъ своему правительству?—„Конечно“, отвѣчалъ онъ“.

Предвѣстники охлажденія Франціи къ Россіи.

„Разговоръ этотъ, пишетъ далѣе гр. Павелъ Дмитріевичъ, показался мнѣ довольно лаконическимъ. Императоръ воздержался говорить со мною о Государѣ, ни слова не сказалъ о Великой Княгинѣ, которая только что прибыла въ Компіэнь, и на вопросы мои объ Англіи и Австріи, которые я счелъ нужнымъ сдѣлать, отвѣчалъ общими мѣстами. Такая осторожность была первымъ предвѣстникомъ той махинаціи, которая затѣвалась помимо насъ“.

Мнѣнія французскаго общества о предположенномъ преобразованіи Италіи.

Предположенія Людовика-Наполеона, вызывавшіяся отчасти непокойнымъ состояніемъ умовъ въ Италіи, не находили одобренія во многихъ кружкахъ Парижа.

Главнокомандующій парижскою арміею, маршалъ Маньянъ, говорилъ гр. Киселеву, что „императора заставляютъ объявлять несбыточныя предположенія относительно центральной Италіи“;

при этомъ Маньянъ горячо возставалъ противъ Англіи и ея политики антиконтинентальной и въ особенности антифранцузской и прибавилъ, что „война противъ этихъ надменныхъ торгашей была бы очень популярна во Франціи“. Записывая эти слова, гр. Павелъ Дмитріевичъ прибавилъ отъ себя: „Онъ правъ, но императоръ будетъ въ сто кратъ болѣе правъ, если воздержится отъ вызова такой войны“.

Пылкій Маньянъ не прощалъ Англіи того, что ея лучшіе государственные люди продолжали агитировать итальянскихъ патріотовъ; лордъ Джонъ Россель говорилъ маркизу Азегліо, что сардинскій король поступилъ бы благоразумно, если бы принялъ, предлагаемое ему народнымъ представительствомъ во Флоренціи, присоединеніе къ владѣніямъ своимъ Тосканы и занялъ ее своими войсками, подъ предлогомъ водворенія спокойствія, предоставивъ Европѣ санкціонировать образовавшееся такимъ путемъ большое сѣверо-итальянское королевство; причемъ прибавлялъ и писалъ также въ Парижъ, что хотя, по всему вѣроятію, Австрія, Россія и Пруссія не согласятся признать кого другого владѣтелемъ Тосканы, кромѣ великаго герцога, но что вѣдь Австрія и Россія очень долго не признавали и королеву испанскую Изабеллу, а это не препятствовало ей царствовать.

Политическіе люди, имѣвшіе вліяніе на Наполеона, ни подъ какимъ видомъ не хотѣли разрыва съ Англіею. Валевскій, послѣ продолжительнаго разговора съ гр. Киселевымъ 23-го ноября въ Компіэнѣ о политическихъ дѣлахъ, сказалъ ему, между прочимъ: „помните хорошо, что мы не хотимъ войны съ Англіею (sachez le bien, nous ne voulons pas de guerre avec l'Angleterre), а принцъ Наполеонъ, провожая Великую Княгиню, вмѣстѣ съ супругою своею принцессою Клотильдою, изъ Компіэня въ Парижъ, въ разговорѣ съ гр. Киселевымъ въ вагонѣ Ея Высочества, высказался въ пользу искренняго союза (une alliance franche) съ Россіею, но не въ ущербъ добрыхъ отношеній съ Англіею (sans se brouiller pour cela avec l'Angleterre).

Всего болѣе встревожилась партія ультрамонтановъ, взирав-

шая съ негодованіемъ на помыслы Наполеона отторгнуть, при образованіи въ центрѣ Италіи особаго государства, часть папскихъ владѣній.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ записалъ два любопытные разговора съ людьми этой партіи:

„Компіэнь, 25-го ноября. Такъ какъ я въ теченіе четырехъ дней не гулялъ пѣшкомъ, то отказался отъ поѣздки въ лѣсъ и пошелъ въ садъ съ президентомъ сената и высшаго кассаціоннаго суда Тролономъ и съ Пурталесомъ, однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей, какъ по богатству, такъ и по связямъ своимъ. Прогулка наша продолжалась полтора часа. Разговоры главнымъ образомъ касались французскаго духовенства, конкордата 1803 года, пастырскихъ посланій епископовъ въ защиту папы и проч. Тролонъ увѣрялъ, между прочимъ, что ультрамонтанская партія и партія галликанской церкви существуютъ только по имени; что, за нѣкоторыми оттѣнками большей или меньшей преданности папѣ, обѣ онѣ слились, и что въ настоящемъ положеніи церковныхъ дѣлъ, галликанская партія находитъ нужнымъ всѣми силами поддерживать духовную и свѣтскую власти св. отца. Тролонъ,—человѣкъ честный и свѣдущій, очень уважаемый въ свѣтѣ и въ судебномъ мірѣ,—говорятъ, принадлежитъ самъ къ галликанской церкви; онъ увѣрялъ насъ, что никакое правительство во Франціи не будетъ въ силахъ опрокинуть и замѣнить конкордатъ, въ силу котораго нынѣ управляется церковь во Франціи".

„Парижъ, 13-го декабря. Графъ де-Фаллу, вспомнивъ нашъ прошлогодній разговоръ о госпожѣ Свѣчиной, пріѣхалъ предложить мнѣ, съ величайшею любезностью, два тома изданнаго имъ сочиненія о покойной, завѣщавшей ему всѣ свои бумаги и письма. Послѣ взаимныхъ любезностей съ обѣихъ сторонъ, разговоръ, какъ обыкновенно, перенесся на положеніе политическихъ дѣлъ. Фаллу говорилъ о Наполеонѣ съ приличіемъ, вѣжливо, но въ качествѣ судьи обсуждающаго дѣйствія, стремленія и вѣроят-

ную будущность его. Онъ увѣряетъ, что итальянская война умалила значеніе императора во Франціи, что онъ возстановилъ противъ себя духовенство, дотолѣ поддерживавшее его въ умахъ народа и проч. Гр. де-Фаллу, продолжаетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, принадлежитъ къ ультрамонтанской партіи и потому папа не можетъ творить дурного (ne peut mal faire). Послѣ того, что мнѣ пришлось выслушать, съ должнымъ уваженіемъ, обыкновенно повторяемыя домогательства людей его лагеря, я просилъ разъяснить мнѣ настоящій смыслъ, такъ-называемаго, *сліянія* (fusion) и допрашивалъ его, убѣжденъ-ли онъ въ душѣ, что два начала: право законнаго наслѣдія (легитимизмъ) и право, основанное на избраніи (партія орлеанистовъ), могутъ, при помощи взаимныхъ уступокъ, произвесть сліяніе и основать новое право, которое привело бы къ соглашенію партій и дало гарантію въ будущемъ?

„Гр. де-Фаллу отвѣчалъ, что по его мнѣнію, въ интересахъ роялистовъ, слѣдовало бы прежде всего примирить обѣ вѣтви королевскаго дома, не въ видахъ реставраціи, но *въ выжиданіи столкновеній* между имперіалистами и демократами или красными, какъ ихъ называютъ,—столкновеній, которыя, рано или поздно неминуемы. На вопросъ мой, что можетъ породить столкновеніе этихъ партій? Фаллу отвѣчалъ, что независимо отъ причинъ непредвидимыхъ, можно ихъ предсказать или предчувствовать въ рѣзко проявляющемся неудовольствіи духовенства, порожденномъ итальянскими дѣлами, въ направленіи которыхъ видятъ нерѣшительность императорскаго правительства, затѣмъ, въ явномъ недружелюбіи линейныхъ войскъ съ войсками гвардіи, которыя охраняютъ Парижъ. При мятежномъ духѣ демократіи, —которую не усмирили, а только усыпили, — неожиданное столкновеніе произойти можетъ, и тогда союзъ роялистовъ (l'appoint royaliste), если силы ихъ будутъ хорошо организованы, можетъ и долженъ дать перевѣсъ въ ходѣ событій. Таковъ взглядъ благоразумныхъ роялистовъ, продолжалъ Фаллу; къ несчастію, они въ меньшинствѣ, потому что, — пылкіе и нетерпѣливые, — не составили себѣ никакого плана дѣйствій и недостаточно благоразумны,

чтобъ умѣть выжидать; а какъ они сознаютъ свое безсиліе, то занимаются однимъ злословіемъ и пересудами".

Рѣшеніе о созваніи конгресса.

Созваніе конгресса было однако рѣшено. Еще 25-го ноября, въ Компіэнѣ, Валевскій передалъ гр. Киселеву, по просьбѣ послѣдняго, копію съ циркулярной ноты, приглашавшей на конгрессъ. При этомъ случаѣ графъ записалъ: „не желая разоблачить того, что меня заботило, я не говорилъ ему (Валевскому) объ Англіи".

30-го ноября появилась въ Монитёрѣ слѣдующая замѣтка: „сообщенія, имѣющія предметомъ созваніе конгресса, отправлены сегодня всѣмъ державамъ, которыя должны принять въ немъ участіе".

Мнѣніе гр. Киселева о второстепенной роли, которая ему предназначается на конгрессѣ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, 19-го ноября, гр. Павелъ Дмитріевичъ писалъ своему брату Николаю въ Римъ:

„Предполагаемый конгрессъ соберется въ Парижѣ; до сихъ поръ пригласительныя письма еще не посланы. Причиною этой проволочки—Австрія; съ Англіею послѣдовало изустное соглашеніе; увидимъ скоро, что произведетъ письменное. Полагаютъ, что вмѣсто Джона Росселя пріѣдетъ, въ качествѣ перваго уполномоченнаго, лордъ Кларендонъ. Кажется, что въ представительствѣ со стороны Россіи я предназначенъ во вторые уполномоченные. Въ бытность мою въ Варшавѣ вывѣдывали мое объ этомъ мнѣніе; я отвѣчалъ, что какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, по праву, имѣетъ первенство въ подписи, то я не могу опираться на свое старшинство въ чинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, надо разыгрывать свою роль соотвѣтственно занимаемому мѣсту, а я не могу устранить себя отъ участія въ конгрессѣ, когда мои сотоварищи въ немъ участвуютъ. Пока ничего болѣе не знаю; но если меня устранятъ отъ конгресса, то устранюсь и отъ должности посла. Тутъ затрогивается вопросъ о достоинствѣ, которымъ пренебречь я не могу и который исчерпаю до конца, не взирая на то, что мнѣ очень хотѣлось-бы освободиться отъ утомительныхъ трудовъ и непріятностей, которыя ожидаютъ меня въ этомъ конгрессѣ, если, какъ полагаю, я долженъ буду въ немъ возсѣдать".

Предчувствіе графа Павла Дмитріевича скоро сбылось.

17-го декабря онъ получилъ телеграмму князя Горчакова о согласіи русскаго правительства на участіе въ конгрессѣ и о томъ, что самъ князь-министръ пріѣдетъ въ Парижъ, въ качествѣ перваго уполномоченнаго, а гр. Киселевъ назначенъ вторымъ.

Незадолго предъ тѣмъ (6-го декабря) было получено извѣстіе, что на конгрессъ явится со стороны Англіи одинъ лордъ Коулей; причиной приводилось то обстоятельство, что присутствіе премьера (лорда Пальмерстона) въ Лондонѣ необходимо потому, что съ открытіемъ засѣданій конгресса совпадаетъ открытіе парламента.

О конгрессѣ говорили какъ о событіи міровомъ, которое не только измѣнитъ карту Европы, но затронетъ вапросы, близкіе религіозному чувству народовъ.

Мнѣніе австрійскаго посла о конгрессѣ.

Князь Меттернихъ, назначенный 14-го декабря, послѣ возобновленія дипломатическихъ сношеній между Франціей и Австріей, австрійскимъ посломъ при тюльерійскомъ дворѣ, пріѣзжалъ къ гр. Киселеву еще 3-го декабря, чтобъ переговорить о конгрессѣ. „Если хотятъ достиженія хорошихъ результатовъ“, говорилъ онъ, то „надо приготовиться и идти рука объ руку“. Онъ прибавилъ, что снабженъ неограниченнымъ полномочіемъ для рѣшенія всѣхъ дипломатическихъ дѣлъ, такъ какъ въ Вѣнѣ министерство всецѣло поглощено внутренними дѣлами. Послѣ того, онъ коснулся вопроса о пересмотрѣ парижскаго трактата и сказалъ, что такъ какъ изъ разговоровъ, слышанныхъ имъ въ Компіэнѣ, онъ могъ заключить, что императоръ и его министръ столько-же, и даже болѣе его, знаютъ объ этомъ предметѣ, то онъ воздержался сдѣлать о семъ оффиціальное сообщеніе; къ тому-же, прибавилъ онъ, по мнѣнію ихъ, неблаговременно (l'opportunité manquait) теперь поднимать это дѣло съ какою-либо надеждою на успѣхъ.

Князь Меттернихъ, казалось, былъ увѣренъ, что большинство на конгрессѣ выразится въ пользу возстановленія правъ итальянскихъ герцоговъ, „но,“ сказалъ онъ, „надлежитъ согласиться, чтобы избѣжать разлада“.—„Я“, говоритъ графъ Киселевъ, „воздержался отъ выраженія какого-бы то ни было

мнѣнія, такъ какъ объ этомъ предметѣ не имѣлъ никакого указанія отъ Императорскаго кабинета. Меттернихъ вызвался извѣщать меня обо всемъ. Учтивый отвѣтъ, выражавшій нѣкоторымъ образомъ согласіе на такое его предложеніе, заключилъ нашъ разговоръ".

21-го декабря былъ у гр. Киселева сардинскій посланникъ при тюльерійскомъ дворѣ, сенаторъ Дезамбруа (Des Ambrois). Въ разговорѣ о предположенномъ конгрессѣ, Дезамбруа сказалъ: „При теперешнемъ настроеніи умовъ было-бы невозможно уклоняться отъ полнаго удовлетворенія стремленій Италіи; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ были-бы смуты и безпорядки, которыя послужили бы единственно на пользу партіи Мадзини. Европа не можетъ допустить этого". „Слова пьемонтскаго посланника", записалъ при этомъ гр. Павелъ Дмитріевичъ отъ себя, „сходны во всемъ съ тѣмъ, что говорятъ вообще всѣ Итальянцы, съ которыми мнѣ привелось говорить; съ практической стороны они правы, и я мысленно протестую лишь противъ словъ *полное удовлетвореніе*, котораго, по всему вѣроятію, нельзя будетъ осуществить". Мнѣніе сардинскаго посла о томъ же.

Въ то время, когда всѣ находились въ ожиданіи съѣзда министровъ и дипломатовъ на парижскій конгрессъ, неожиданно появилась, 22-го декабря, брошюра „*Le Pape et le Congrès*", въ которой оффиціальный или оффиціозный авторъ, искренній католикъ, припадая къ стопамъ его святѣйшества, умолялъ Пія IX отказаться отъ свѣтской власти. Брошюра „Le Pape et le Congrès".

Въ брошюрѣ этой проводилась мысль, что если свѣтская власть папы и необходима, то единственно для того, чтобъ папа, оставаясь земнымъ владыкой, не сдѣлался подданнымъ никакого государства; но, чѣмъ болѣе ограничена станетъ подвластная ему территорія, тѣмъ величественнѣе сдѣлается онъ самъ (plus le térritoire du Pape sera petit, plus le souverain sera grand).

Такъ какъ ни для кого не было тайной, что брошюра эта—твореніе Наполеона, то клерикальная партія въ высшей степени возмутилась. Епископы, въ пастырскихъ посланіяхъ

своихъ, съ запальчивостью указывали на такое „святотатственное посягательство“. Опасались волненія въ народѣ.

Брошюра „Le Pape et le Congrès“ произвела всеобщій переполохъ въ Европѣ и въ особенности въ дипломатическихъ сферахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ выписокъ изъ дневника гр. Павла Дмитріевича.

„Такъ какъ графиня Валевская пригласила меня 24-го декабря на чай, то я поѣхалъ къ нимъ нѣсколько ранѣе, чтобы переговорить о брошюрѣ „Le Pape et le Congrès“, редакцію которой приписывали Лагероньеру, а мысль—императору Наполеону.

„Валевскій сказалъ мнѣ, что Меттернихъ только что пріѣзжалъ къ нему и выражалъ свои опасенія касательно этой брошюры. Онъ напомнилъ мнѣ, продолжалъ гр. Валевскій, что Австрія, не признавая надобности въ конгрессѣ, согласилась принять въ немъ участіе лишь подъ условіемъ неприкосновенности папскихъ владѣній; что даже при такомъ непремѣнномъ условіи она изъявила свое согласіе, только изъ желанія явить императору Наполеону доказательство своего доброжелательства и проч..

Разговоръ Киселева съ Валевскимъ о конгрессѣ.

„Валевскій увѣрялъ меня, что онъ узналъ объ этой брошюрѣ только тогда, когда она вышла въ свѣтъ.

„Я ему сказалъ, что если Австрія откажется отъ участія на конгрессѣ, какъ то далъ почувствовать князь Меттернихъ, то я полагалъ-бы единственнымъ средствомъ, при открытіи засѣданій конгресса, объявить отъ имени французскаго правительства, что оно настойчиво придерживаться будетъ своихъ первыхъ заявленій, въ которыхъ выражено было намѣреніе пригласить папское правительство даровать такія либеральныя учрежденія, которыя, ставя подданныхъ папы въ отношенія, подобныя тѣмъ, въ которыя поставлены подданные прочихъ государствъ итальянскаго полуострова, удовлетворили-бы ихъ.— Это былъ-бы очевидный шагъ назадъ, возразилъ Валевскій, я не смѣю надѣяться, что императоръ дастъ на то свое согласіе. — Согласіе? на что? спросилъ я, на непризнаніе себя авторомъ анонимнаго памфлета и на простое возвращеніе на

путь оффиціальный, по которому политика его шла до сего времени? Если, какъ говорите вы, отъ этого можетъ не состояться конгрессъ, то надо серьезно подумать о семъ, потому что неудача конгресса, предложеннаго Франціею и Австріею, прежде даже, чѣмъ онъ собрался, — дѣло нешуточное и оно вамъ особенно можетъ оказаться вреднымъ во многихъ отношеніяхъ.

„Валевскій согласился и сказалъ, что надо обождать отвѣта изъ Вѣны; онъ просилъ меня сохранить нашъ разговоръ въ тайнѣ и увѣрялъ меня, что ничего не писалъ объ этомъ дѣлѣ герцогу Монтебелло, французскому послу въ Петербургѣ“.

„Парижъ 25-го и 26-го декабря. Меттернихъ думаетъ, что брошюра не воспрепятствуетъ открытію конгресса, но что́ будетъ потомъ—онъ не знаетъ“.

„Валевскій сказалъ мнѣ сегодня, что онъ не дозволитъ сдѣлать интерпелляцію о *брошюрѣ*; но если отъ него потребуютъ категорическаго объясненія на счетъ легатствъ или о другомъ подобномъ, то онъ потребуетъ 48 часовъ времени для отвѣта.— По мнѣнію моему, продолжаетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, это значитъ играть словами—и хотя о брошюрѣ упоминаться не будетъ, но сущность вопроса останется таже.

„Онъ спросилъ меня, что по мнѣнію моему лучше: чтобъ конгрессъ не собирался вовсе, или чтобы собравшись онъ несостоялся по причинѣ возбужденія вопроса о территоріи папскихъ владѣній? — Я не обинуясь отвѣчалъ, что съ точки зрѣнія Франціи я бы предпочелъ первое, но что и тотъ и другой исходъ очевидно отразится на политикѣ ихъ неудачею“.

„Парижъ 27-го декабря. Друэнъ-де-Люисъ пріѣзжалъ ко мнѣ и горячо говорилъ о дурномъ оборотѣ дѣлъ. Онъ сказалъ, что императоръ, слушая дурные совѣты и полагаясь черезъ-чуръ на собственную свою непогрѣшимость, дѣлаетъ ошибки, не обѣщающія ничего хорошаго въ будущемъ; при семъ онъ обратился къ исторіи. Не восходя очень далеко, сказалъ онъ, напомню, что Людовикъ XIV опирался на аристократію, представительницу поземельной собственности и на

Мнѣніе Друэнъ-де-Люиса о политикѣ Наполеона.

выдающіяся способности въ области наукъ и литературы; что Людовикъ-Филиппъ, не находя поддержки въ дворянствѣ, которое его отвергало, при отсутствіи, въ то-же время, въ средѣ ученаго міра вліятельныхъ знаменитостей, искалъ опоры въ буржуазіи и магистратурѣ; что наконецъ, Людовикъ-Наполеонъ искалъ и нашелъ опору въ духовенствѣ, которому обязанъ своими двумя избраніями; въ настоящее-же время, вслѣдствіе очевиднаго помраченія ума (une veritable aberration d'esprit), брошюрою своею „Le Pape et le Congrès", возстановилъ противъ себя это самое духовенство. Я не знаю, продолжалъ онъ, что изъ всего этого произойдетъ, но горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивается тучами, и я нисколько не буду удивленъ, если внезапный катаклизмъ нанесетъ пораженіе этимъ фаталистамъ среди ихъ грёзъ.—Пріѣздъ Антонини положилъ конецъ этому крайне интересному и вполнѣ искреннему разговору".

Конгрессъ отложенъ и разсужденія по этому поводу гр. Киселева.

Конгрессъ, какъ извѣстно, не состоялся. 29-го декабря гр. Киселевъ получилъ записку Валевскаго, который, извѣщая о своемъ отъѣздѣ въ Фонтенбло, предварялъ его, что конгрессъ долженъ быть отложенъ до окончанія переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ, и что конгрессъ не можетъ собраться, пока не даны будутъ разъясненія относительно *брошюры*.

По поводу этого извѣстія, гр. Павелъ Дмитріевичъ, подъ 29 числомъ декабря записалъ слѣдующее:

„По мнѣнію моему, *конгрессъ созовется позднѣе, когда брошюра успѣетъ произвести свое дѣйствіе въ Италіи*. Такое заключеніе выводится изъ того личнаго положенія, въ которомъ находится Людовикъ Наполеонъ; при издавна принятыхъ на себя, въ молодые годы, обязательствахъ передъ лицомъ крайне передовой, секретной итальянской партіи, онъ остается постоянно подъ ударомъ мести ея агентовъ, которые преслѣдуютъ его не какъ властителя, а какъ измѣнника противъ союза, клятвенно посвятившаго себя на переобразованіе общаго отечества. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что Орсини въ этомъ смыслѣ объяснялъ свой замыселъ Фавру, своему адвокату, который тогда имѣлъ по этому предмету два разго-

вора съ императоромъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ эпизодъ, я утверждаю, что политика Наполеона, какъ несомнѣнно доказано, двуличная, и что Валевскому извѣстна только оффиціальная ея сторона, тогда какъ личная, секретная поручена Мокару и доктору Конно; а извѣстно, что секретныя общества, успокоенныя войною, пробудились вновь послѣ виллафранкскаго перемирія и притомъ съ крайнею запальчивостью *противъ измѣнника*. Во Франціи *красные*, состоя въ связи со своими итальянскими братьями, стали тоже волноваться, такъ что префектъ полиціи Буатель ежедневно предупреждалъ о томъ императора, который и хотѣлъ отдѣлаться конгрессомъ, но этимъ уже не довольствуются болѣе предводители тайныхъ обществъ, и это побудило ихъ августѣйшаго сообщника высказаться открыто и положительно. Брошюра Лагероньера была пущена въ свѣтъ, и мы видимъ ея послѣдствія: Европа въ смятеніи, и конгрессъ отложенъ.

„Изъ всего предъидущаго и изъ всего того, что мнѣ извѣстно, я позволяю себѣ заключить, что Людовикъ Наполеонъ, послѣ удовлетворенія настойчивымъ требованіямъ тайныхъ обществъ, станетъ выжидать, чтобы имѣли время созрѣть дѣйствія его анонимнаго манифеста (приписываемаго ему), а въ концѣ концовъ, съ согласія Австріи, созоветъ конгрессъ, и если высказанныя въ брошюрѣ положенія оставаться будутъ безъ послѣдствій, то онъ прикроется вердиктомъ Европы. Это гипотеза, я и выдаю ее за то, но съ увѣренностью, что она можетъ осуществиться“.

Условія Австріи для участія на конгрессѣ.

Наконецъ, въ послѣдній день декабря гр. Киселевъ записалъ:

„Валевскій говорилъ мнѣ, что Меттернихъ ему объявилъ, что Австрія не можетъ согласиться на участіе въ конгрессѣ, если не будетъ имѣть напередъ ручательства, что легатства будутъ сохранены за папою и что въ конгрессъ будутъ допущены уполномоченные св. отца. *Собраніе конгресса сомнительно*“.

Такъ закончился 1859 годъ, полный тревогъ для гр. Киселева, который, независимо отъ непріятныхъ заботъ по

политическимъ дѣламъ, понесъ въ теченіе этого года потерю нѣсколькихъ людей, дорогихъ его сердцу.

Смерть Рихтера, Бутурлиной и Полторацкой и мысли гр. Киселева по поводу сему.

Онъ узналъ о смерти Рихтера, нашего посланника въ Брюсселѣ, 28-го апрѣля. Гр. Павелъ Дмитріевичъ очень любилъ его и записалъ: „вотъ еще однимъ другомъ менѣе; потеря Рихтера, съ которымъ въ теченіе 25 лѣтъ я былъ связанъ пріятельскими отношеніями, есть истинное несчастіе для его семейства и для его друзей. На мою долю выпадаетъ горестное сожалѣніе о достойнѣйшемъ и отличномъ человѣкѣ, цѣну которому я хорошо зналъ; это незамѣнимая утрата. Въ мои лѣта набирать друзей уже нельзя; это новое пустое мѣсто, которое будетъ тяготѣть на послѣднихъ дняхъ моей жизни“.

21-го іюля гр. Павелъ Дмитріевичъ находился на отпѣваніи Елисаветы Михайловны Бутурлиной, „доброй, милой и вѣрной моей пріятельницы“, записано въ дневникѣ, „которую душевно я любилъ въ теченіе 25 лѣтъ“.

Наконецъ, въ декабрѣ гр. Киселевъ получилъ извѣстіе о смерти своей сестры Варвары Дмитріевны Полторацкой. По поводу ея кончины, гр. Павелъ Дмитріевичъ писалъ своему брату Николаю, въ Римъ: „Насъ было 9 человѣкъ, а остались въ живыхъ только самый старшій и самый младшій. Въ отношеніи къ тебѣ дѣло совершенно естественное, но что остаюсь въ живыхъ я—это феноменъ и я считаю себя узурпаторомъ“.

ГЛАВА XLVIII.

1860 г.

Отвѣтная рѣчь Наполеона на поздравленіе дипломатическаго корпуса.—Разговоръ гр. Киселева съ Наполеономъ о конгрессѣ.—Увольненіе Валевскаго и замѣна его Тувенелемъ.—Отзывъ Киселева о Валевскомъ.—Неблагопріятный для Россіи поворотъ политики.—Рескриптъ Наполеона на имя государственнаго министра.—Morning Post о рескриптѣ.—Торговый трактатъ Франціи съ Великобританіею.—Отзывъ гр. Киселева о принцѣ Наполеонѣ.—Разговоръ Наполеона съ гр. Киселевымъ и кн. Орловымъ.—Политическая программа Наполеона.—Аллокуція папы.—Письмо Наполеона Пію IX.—Барошъ о конгрессѣ.—Меттернихъ о томъ же.—Альбери проситъ посредничества Киселева по итальянскимъ дѣламъ.—Петербургскій кабинетъ отказывается отъ участія въ конгрессѣ.—Пріѣздъ въ Парижъ Тувенеля.—Папскій нунцій.—Разговоръ гр. Киселева съ Наполеономъ по поводу отказа Россіи отъ участія въ конгрессѣ.—Донесеніе Монтебелло объ отзывѣ кн. Горчакова.—Письмо изъ Берлина, полученное Меттернихомъ.—Предложеніе виндзорскаго кабинета.—Меттернихъ о предложеніи Англіи.—Отзывъ гр. Киселева объ австрійской политикѣ.—Сдѣлка о присоединеніи Ниццы и Савойи.—Взглядъ Наполеона на предложенія Англіи.—Депеша Тувенеля о 4-мъ пунктѣ предложенія Англіи.—Его же депеша маркизу де-Мутье.—Предположеніе конференціи изъ представителей пяти державъ.—Характеръ папскаго нунція.—Сѣтованія князя Меттерниха.—Подозрѣнія Наполеона и обвиненія гр. Киселева.—Гр. Киселевъ оправдывается передъ своими обвинителями.—Депеша изъ Петербурга на предложеніе о конференціи.—Отвѣтная телеграмма на депешу и неустойчивость политики французскаго кабинета.—Характеристика Тувенеля.—Предложеніе Франціи.—Въ Италіи продолжается движеніе къ объединенію.—Поведеніе Серъ-Джемса Гудсона въ Туринѣ.—Отвѣтъ Кавура Тувенелю на французское предложеніе.—Присоединеніе Тосканы и Эмиліи къ Сардиніи.—Порицаніе политики Наполеона.—Рѣчи въ англійскомъ парламентѣ о присоединеніи Савойи и Ниццы.—Вспышка между Наполеономъ и Коулеемъ.—Окончательное присоединеніе Савойи и Ниццы.—Легкомысленность Французовъ.—Мнѣніе гр. Киселева о политикѣ вообще.—Восточный вопросъ выдвигается вновь.—Соглашеніе съ тюльерійскимъ кабинетомъ по восточнымъ дѣламъ.—Неловкое положеніе гр. Киселева въ сношеніяхъ съ тюльерійскимъ кабинетомъ.—Мысли тюльерійскаго кабинета, по поводу предложеній кн. Горчакова.—Намеки Тувенеля, что Россіи нуженъ Батумъ.—Предложеніе графу возвратиться въ Петербургъ.—Мысли по этому поводу гр. Киселева.—Слухи о

замѣщеніи гр. Киселева другимъ лицомъ. — Неосновательность ихъ.—Морни совѣтуется съ гр. Киселевымъ о назначеніи посла въ Константинополь.—Отношенія императора и императрицы къ гр. Киселеву. — Благодарность Наполеона за нравственную поддержку Императора Александра. — Императрица Евгенія проситъ заступничества гр. Киселева за ея родственниковъ. — Принцъ П. Г. Ольденбургскій съ семействомъ въ Парижѣ. — Пріемъ ихъ въ Тюльери. — Пріѣздъ въ Парижъ Великаго Князя Николая Николаевича. — Встрѣча Великой Княгини Маріи Николаевны.—Пріѣздъ въ Марсель Императрицы Александры Ѳеодоровны и въѣздъ въ Ліонъ.—Пріѣзъ въ Ліонъ Наполеона съ императрицею Евгеніею и встрѣча ихъ съ императрицею Александрою Ѳеодоровною.—Отъѣздъ графа Киселева въ Женеву. — Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ. — Сельско-хозяйственная выставка въ Парижѣ. — Пріѣздъ Николая Дмитріевича Киселева. — Смерть принца Іеронима Бонапарте и мнѣніе о немъ Гизо.—Дѣла въ Сербіи.— Порядокъ престолонаслѣдія въ Сербіи. — Бѣдствія и насилія въ Босніи и Герцоговинѣ. — Конференція въ С.-Петербургѣ. — Циркуляръ князя Горчакова,—Рѣзня въ Сиріи.—Переговоры о восточныхъ дѣлахъ. — Наполеонъ читаетъ письмо кн. Горчакова.—Онъ не высказывается.—Газета „La Patrie“ и мнѣніе гр. Киселева о сирійскихъ дѣлахъ.—Меттернихъ жалуется на недостатокъ единодушія.—Его мнѣніе объ Аравитянахъ.—Конференція въ Парижѣ.—Домогательство петербургскаго кабинета о дополнительной статьѣ въ конвенціи.—Категорическій отказъ Англіи на включеніе дополнительной статьи.—Дополнительный къ конвенціи протоколъ.—Подписаніе конвенціи.—Экспедиція французскаго отряда войскъ въ Сиріи.—Мнѣніе гр. Киселева, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть мусульманъ. Съѣздъ германскихъ государей въ Баденѣ. — Наполеонъ въ Баденѣ и брошюра Эдмона Абу.—Свиданіе въ Теплицѣ принца-регента и австрійскаго императора.— Неудовлетворительное состояніе здоровья гр. Киселева.—Болѣзненный припадокъ съ нимъ на улицѣ.—Два письма кн. Горчакова съ предложеніемъ соглашенія съ Франціею.—Мнѣніе о нихъ гр. Киселева.—Графъ Киселевъ въ Баденѣ.—Прусская принцесса Августа.—Замѣтки гр. Киселева о Наполеонѣ. — Возвращеніе въ Парижъ.—Опасенія Наполеона, по поводу варшавскаго свиданія государей.—Мысли гр. Киселева о политикѣ Наполеона.—Отозваніе изъ Турина французскаго и русскаго посланниковъ.—Прусскій посланникъ въ Туринѣ не отзывается.—Пруссія сближается съ Англіею.—Объясненія французскаго кабинета.—Меморандумъ того же кабинета, для предъявленія въ Варшавѣ государямъ. — Гр. Киселевъ въ Варшавѣ. — Онъ является Государю. — Свиданіе съ кн. А. М. Горчаковымъ. — Предложеніе гр. Киселеву предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ.—Гр. Киселевъ отказывается отъ такого предложенія.—Конференція государей въ Варшавѣ.—Тревожныя извѣстія о состояніи здоровья вдовствующей Императрицы. — Отъѣздъ Государя изъ Варшавы. — Разговоръ съ кн. Горчаковымъ о предсѣдательствѣ въ Совѣтѣ. — Гр. Киселевъ получаетъ Прусскій орденъ Чернаго орла. — Отъѣздъ изъ Варшавы. — Свиданіе гр. Киселева съ Тувенелемъ и Императоромъ. — Результатъ варшавскаго совѣщанія. — Еще объ отклоненіи предложенія предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ.—Обѣдъ у принцессы Матильды. — Разсказъ Киселева о представленіи его Людовику XVIII. — Декреты Наполеона объ отвѣтныхъ адресахъ законодательнаго собранія; перемѣны въ министерствѣ.—Разговоръ съ Фульдомъ.—Мнѣніе Берье о декретахъ 24-го ноября 1860 г. — Размышленіе гр. Киселева.—Мнѣніе Валевскаго о Наполеонѣ.—Настоящая причина увольненія Фульда.

Наступившій 1860 годъ былъ встрѣченъ всѣми европейскими кабинетами подъ впечатлѣніемъ новыхъ воззрѣній властителя Франціи, высказанныхъ въ знаменитой его брошюрѣ „Le Pape et le Congrès". Брошюра эта успѣла произвести свое дѣйствіе: она еще болѣе воспламенила патріотизмъ Итальянцевъ и взволновала всю Европу.

Ответная рѣчь Наполеона на поздравленіе дипломатическаго корпуса.

Напрасно старался Наполеонъ, въ отвѣтной своей рѣчи на обычное привѣтствіе дипломатическаго корпуса, въ день новаго года, успокоить умы: рѣчь его еще болѣе увѣрила всѣхъ въ двусмысленности и коварствѣ его политики.

На краткое, и можно сказать, сухое поздравленіе, выраженное папскимъ нунціемъ отъ лица дипломатическаго корпуса, собравшагося въ полномъ составѣ въ Тюльери, императоръ отвѣчалъ: „Благодарю дипломатическій корпусъ за пожеланія на новый годъ; считаю себя особенно счастливымъ, что, на этотъ разъ, могу напомнить представителямъ державъ, что, съ самаго вступленія на престолъ, я питалъ всегда глубочайшее уваженіе къ правамъ, освященнымъ признаніемъ (j'ai toujours professé le plus profond respect pour les droits reconnus). Поэтому, будьте въ томъ увѣрены, я постоянно буду стремиться къ возстановленію всюду, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, довѣрія и мира".

Когда на другой день, вечеромъ, дипломатическій корпусъ собрался опять въ тюльерійскомъ дворцѣ, для принесенія поздравленія императрицѣ, императоръ, послѣ нѣсколькихъ словъ сказанныхъ папскому нунцію, обратился къ графу Киселеву, спросивъ о здоровьѣ Государя и самого графа. Затѣмъ онъ обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ и черезъ весь залъ возвратился къ русскому послу.

Разговоръ гр. Киселева съ Наполеономъ о конгрессѣ.

„Онъ спросилъ меня", пишетъ графъ Киселевъ, „какъ думаю я о конгрессѣ, въ осуществленіи котораго сами заинтересованные въ немъ начинаютъ сомнѣваться.—Они выжидаютъ, отвѣчалъ я, чтобъ дѣла выяснились здѣсь и особенно, чтобъ были выяснены вашимъ величествомъ (ils attendent que la lumière se fasse ici et par Votre Majesté). А что вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ (et que voulez-vous que j'y fasse?)? отвѣчалъ онъ.

Отвѣтъ императора былъ прерванъ императрицею, которая подошла въ это время. Всегда внимательная, императрица сказала мнѣ нѣсколько любезностей и жаловалась на нездоровье, которое, какъ объяснила она, хотѣла преодолѣть, чтобъ не разстроить назначеннаго пріема".

Увольненіе Валевскаго и замѣна его Тувенелемъ.

Такъ какъ политическія затрудненія все усложнялись, то Наполеонъ рѣшился замѣнить Валевскаго, который казался ему недостаточно рѣшительнымъ, Тувенелемъ, находившимся тогда посломъ въ Константинополѣ.

Валевскій 4-го января уволенъ отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи члена тайнаго совѣта, и въ тотъ же день членамъ этого совѣта, не занимавшимъ должностей съ присвоеннымъ содержаніемъ, назначено по 100 т. франковъ жалованья въ годъ.

До прибытія Тувенеля, временное управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было поручено Барошу.

Увольненіе Валевскаго имѣло значеніе и сулило перемѣну политики. Извѣстіе объ этомъ увольненіи было принято въ Англіи одобрительно; напротивъ, гр. Киселевъ жалѣлъ о такой перемѣнѣ:

„4-го января, на оффиціальномъ пріемѣ супруги австрійскаго посланника", пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, „я обмѣнялся нѣсколькими словами съ Валевскимъ, который подтвердилъ городскіе слухи о вѣроятномъ его замѣщеніи. Изъ словъ его видно, что онъ объявилъ императору, что дальнѣйшее участіе его въ дѣлахъ иностранной политики, при настоящемъ положеніи дѣлъ, скорѣе будетъ вредно, чѣмъ полезно; что императоръ не рѣшился еще ни на что, но что по всему вѣроятію онъ будетъ замѣненъ другимъ лицомъ, если, въ чемъ онъ не сомнѣвается, политическія дѣла получатъ то направленіе, которому нынѣ хотятъ слѣдовать. Валевскій велъ дѣла (съ одобренія императора), основываясь на предварительныхъ условіяхъ, заключенныхъ въ Виллафранкѣ и на цюрихскомъ трактатѣ; въ такомъ смыслѣ онъ постоянно говорилъ и писалъ не только представителямъ иностранныхъ державъ, но и агентамъ своего министерства. Онъ не считаетъ возможнымъ измѣ-

нить своему взгляду и поколебать довѣріе, которое, прежде всего, должно внушать всякое дѣйствіе министра иностранныхъ дѣлъ. Императоръ принялъ благосклонно такое его заявленіе, и вѣроятно очень скоро сдѣлается извѣстнымъ окончательное его рѣшеніе. Я выразилъ Валевскому мое сожалѣніе, которое было искренно потому что вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ какъ мы съ нимъ въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, и мнѣ остается лишь похвалиться, что при исполненіи каждымъ изъ насъ своихъ обязанностей онъ всегда выказывалъ много благородства и большую долю откровенности".

Отзывъ гр. Киселева о Валевскомъ.

Неблагопріятный для Россіи поворотъ политическихъ дѣлъ представлялся гр. Киселеву очевиднымъ. 3-го января, послѣ разговора съ Ж., онъ съ грустью записалъ: „Такъ рушились плоды моихъ постоянныхъ усилій въ теченіе трехъ лѣтъ для скрѣпленія союза и поддержанія взаимнаго довѣрія". Графъ Киселевъ, какъ мы уже видѣли, находилъ, что союзъ съ Франціей выгоденъ для Россіи, что Наполеонъ вообще по времени нуженъ для спокойствія Европы, что всего опаснѣе для Россіи возобновленіе союза Франціи съ Великобританіею, и потому предвѣстники такого сближенія не могли не тревожить его. Поѣздка лорда Коулея въ Англію и вслѣдъ затѣмъ, пріѣздъ въ Парижъ Кобдена, радушный пріемъ сдѣланный послѣднему въ Тюльери, совѣщаніе съ нимъ министровъ, наконецъ, затребованныя императоромъ изъ министерства торговли справки о существующемъ тарифѣ, указывали съ очевидностью на то, что Наполеонъ, въ виду охлажденія обнаруживаемаго петербургскимъ кабинетомъ, намѣревался сблизиться съ с.-джемскимъ, а чтобы сближеніе это было прочное, то основать оное на предоставленіи Англіи важныхъ торговыхъ выгодъ, хотя бы въ ущербъ интересамъ Франціи.

Неблагопріятный для Россіи поворотъ политики.

Для осуществленія такого плана дѣйствій, императоръ Наполеонъ предпослалъ 5-го января рескриптъ на имя государственнаго министра, въ которомъ излагалось, что несмотря на колебаніе, которое замѣчается по нѣкоторымъ вопросамъ внѣшней политики, можно надѣяться на миролюбивое ихъ разрѣшеніе; что поэтому наступило время приступить къ мѣрамъ,

Рескриптъ Наполеона на имя государственнаго министра.

которыя обѣщаютъ дать значительное развитіе разнымъ отраслямъ народнаго богатства, какъ-то: къ отмѣнѣ ввозныхъ пошлинъ на шерсть и хлопокъ, къ постепенному пониженію тарифа на сахаръ и кофе, и къ отмѣнѣ вообще запретительнаго характера таможенныхъ пошлинъ, къ улучшенію путей сообщенія и удешевленію транзита, къ поощренію земледѣлія и промышленности денежными субсидіями, къ предпринятію значительныхъ работъ имѣющихъ государственный характеръ и къ заключенію торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами. Опубликованіе такой программы было принято во Франціи довольно холодно и недовѣрчиво, а въ средѣ мануфактуристовъ былъ слышенъ даже ропотъ. Напротивъ, въ Англіи оно было принято съ восторгомъ.

Morning Post о рескриптѣ.

По поводу рескрипта 5-го января, въ лондонской газетѣ Morning Post писали: „Императоръ Наполеонъ III, конечно, человѣкъ смѣлый; чего-нибудь да стоило бросить перчатку священному союзу, дать урокъ Австріи какъ школьнику и взирать на св. отца, преемника апостола Петра, какъ на средневѣковое наслѣдіе отжившее свое время, но еще гораздо того смѣлѣе идти противъ фаланги французскихъ протекціонистовъ“.

Торговый трактатъ Франціи съ Великобританіею.

Вслѣдъ за рескриптомъ 5-го января былъ заключенъ 23-го января весьма выгодный для Великобританіи торговый трактатъ, подписанный со стороны Франціи временно управлявшимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Барошемъ и министромъ торговли Руэромъ, а со стороны Англіи лордомъ Коулеемъ и членомъ парламента Ричардомъ Кобденомъ.

Несмотря на заботы, которыя съ каждымъ днемъ, въ области политики, усложнялись, оффиціальное положеніе гр. Киселева требовало, чтобы онъ посвящалъ часть своего времени обществу. Не проходило почти дня, чтобы онъ не сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, не принималъ у себя и не проводилъ вечеровъ въ семейныхъ кругахъ придворнаго общества и дипломатическаго корпуса. Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ у принцессы Матильды, гр. Павелъ Дмитріевичъ записалъ: „Плонъ-Плонъ (принцъ Наполеонъ), какъ всегда, грубъ въ своемъ

Отзывъ гр. Киселева о принцѣ Наполеонѣ.

обращеніи (Plon-Plon grossier dans ses allures, comme toujours)".

8-го января гр. Киселевъ представилъ Наполеону вновь назначеннаго по ходатайству его, посланникомъ въ Брюссель, на мѣсто Рихтера, князя Н. А. Орлова. Императоръ принялъ ихъ въ своемъ кабинетѣ, предложилъ сѣсть и въ продолженіи добраго получаса говорилъ о конгрессѣ. Сущность этого разговора записана въ дневникѣ такъ:

Разговоръ Наполеона съ гр. Киселевымъ и кн. Орловымъ.

„Императоръ говорилъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ и жаловался на затрудненія всякаго рода и проволочки въ рѣшеніи итальянскихъ дѣлъ. Онъ возлагалъ надежды на конгрессъ, который теперь долженъ быть отложенъ, вслѣдствіе возникшихъ несогласій. „Политическія страсти, сказалъ онъ, порождаютъ противурѣчія (les passions politiques produisent les contradictions); что касается меня, продолжалъ онъ, то я не могу согласиться на вооруженное вмѣшательство противъ народа, который, во время войны, оказалъ намъ свое содѣйствіе, это совершенно невозможно, и я не потерплю этого ни съ чьей стороны. Пусть найдутъ, помимо насилія, другое средство для разрѣшенія итальянскихъ дѣлъ и я охотно присоединюсь къ нему", и проч. Эти слова Наполеона были переданы 9 января по телеграфу петербургскому кабинету, и полученный отвѣтъ (содержаніе отвѣта изъ бумагъ гр. П. Д. Киселева не видно) былъ доложенъ гр. Киселевымъ Наполеону во время бала въ Тюльери 11-го января. „Желаютъ знать мою политическую программу — отвѣчалъ императоръ, она заключается въ словахъ, сказанныхъ мною во время разговора нашего (8 января) и въ Монитёрѣ сего утра".

Политическая программа Наполеона.

Наполеонъ ссылался на нумеръ Монитёра, въ которомъ были помѣщены: аллокуція папы Пія IX въ день новаго года генералу графу Гойону, начальствовавшему французскимъ отрядомъ войскъ, охранявшимъ въ то время папскія владѣнія, и письмо Наполеона III на имя папы отъ 31-го декабря.

Аллокуція папы.

Въ первомъ изъ этихъ двухъ документовъ, св. отецъ благодарилъ за принесенныя, корпусомъ французскихъ офицеровъ, пожеланія въ день новаго года, причемъ возносилъ молитвы

къ Богу о ниспосланіи на августѣйшаго вождя французской арміи и французскаго народа, благодати и свѣта истины, дабы на трудномъ пути своемъ онъ позналъ лживость началъ оглашенныхъ, въ послѣдніе дни минувшаго года, въ памфлетѣ проникнутомъ прискорбными противорѣчіями и гнуснымъ лицемѣріемъ.

Письмо Наполеона Пію IX.

Въ письмѣ отъ 31 декабря Наполеонъ напоминалъ св. отцу все, что онъ успѣлъ сдѣлать во время своего владычества во Франціи на пользу католичества и августѣйшаго его первосвященника, и увѣрялъ его, что на предстоящемъ конгрессѣ права папы на легатства, конечно будутъ признаны въ принципѣ, но что, по всему вѣроятію, представители державъ не согласятся прибѣгнуть для возстановленія сихъ правъ на дѣлѣ къ вооруженному вмѣшательству, потому что это вынудило бы занять эти области надолго чужеземными войсками, что породило бы ненависть и озлобленіе въ Итальянцахъ и опасенія со стороны великихъ державъ; поэтому св. отцу всего было бы лучше отказаться отъ мятежныхъ провинцій, волнующихся уже болѣе пятидесяти лѣтъ и взамѣнъ ихъ потребовать, чтобъ великія державы приняли на себя гарантію за сохраненіе неприкосновенности остальныхъ частей его владѣній.

Хотя политическое настроеніе европейскихъ кабинетовъ было вполнѣ неблагопріятно образованію международнаго по итальянскимъ дѣламъ конгресса, тѣмъ не менѣе, мысль о немъ не покидала правительство Наполеона III.

Графъ Киселевъ 14-го января имѣлъ совѣщаніе съ временно исполнявшимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ Барошемъ и съ австрійскимъ посломъ кн. Меттернихомъ; изъ нихъ Барошъ увѣрялъ, что конгрессъ можетъ еще собраться, потому что императоръ очень желаетъ, чтобъ онъ состоялся, и что вообще собраніе конгресса было бы весьма желательно; напротивъ кн. Меттернихъ на вопросъ какимъ путемъ можетъ быть достигнуто соглашеніе, отвѣчалъ, что оно можетъ состояться лишь при соблюденіи основаній предложенныхъ Австріею. Записывая послѣдній отзывъ въ свой дневникъ, гр. Павелъ Дмитріевичъ добавилъ: „сомнѣваюсь, чтобъ

Барошъ о конгрессѣ.

Меттернихъ о томъ-же.

въ подобныхъ обстоятельствахъ, такая неуступчивость (roideur) послужила на пользу Австріи".

Альбери проситъ посредничества гр. Киселева по итальянскимъ дѣламъ.

Вслѣдъ за симъ, 22-го января, пріѣзжалъ къ гр. Киселеву Тосканецъ Альбери, по рекомендаціи Нигра [1]), для переговоровъ объ итальянскихъ дѣлахъ. „Я велѣлъ предупредить его", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „а когда онъ пріѣхалъ самъ, предупредилъ его лично, что внѣ конгресса Россія останется спокойною зрительницею, и что потому личное мое посредничество въ ихъ дѣлахъ не можетъ имѣть никакого значенія; однако, несмотря на это, онъ пространно изложилъ мнѣ свои виды и вручилъ меморію, представленную имъ императору Наполеону на аудіенціи, которой онъ удостоился 18 числа этого мѣсяца. Альбери предлагаетъ образованіе центральнаго государства для упроченія политической организаціи Италіи; безъ этого, говоритъ онъ, Пьемонтъ, усилившись присоединеніемъ центральныхъ областей, будетъ пытаться поглотить Мархію и властвовать въ неаполитанскомъ королевствѣ; такимъ путемъ могутъ осуществиться предположенія Мадзини; при чемъ конечно сперва они прикроютъ свои планы монархическимъ началомъ, а затѣмъ обратятъ всю Италію въ федеративную республику, что составляетъ завѣтную мечту Мадзини.—Въ настоящее время, продолжалъ Альбери, Мадзини находится во Флоренціи; диктаторъ Рикazолли, желая его выжить изъ этого города, обратился съ такимъ требованіемъ къ булочнику..., но народный вождь этотъ отказался исполнить это требованіе, говоря, что обѣщалъ агитатору оказывать ему защиту, пока онъ будетъ держать себя спокойно; а какъ до сихъ поръ Мадзини сдержалъ свое обѣщаніе, то и онъ, народный вождь, обязанъ сдержать свое. Такимъ образомъ диктаторъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія выжить Мадзини".

„Альбери остался очень доволенъ словами, сказанными императоромъ, который впрочемъ не далъ ему никакого рѣшительнаго отвѣта".

Въ томъ же день, 22-го января, гр. Киселевъ получилъ

[1]) Сардинскій повѣренный въ дѣлахъ при тюльерійскомъ дворѣ.

Петербургскій кабинетъ отказывается отъ участія въ конгрессѣ.

съ курьеромъ депешу кн. Горчакова. „Сущность ея, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, заключается въ вѣжливомъ отказѣ участвовать на конгрессѣ, такъ какъ въ концѣ концовъ конгрессу довелось бы утвердить сдѣлку, заключенную между Франціею и Англіею, помимо другихъ державъ. (L'éssentiel se résume par un refus poli, de faire partie d'un congrès qui n'aurait en définitive qu'à constater les arrangements arrêtés, en dehors des autres puissances, entre la France et l'Angleterre). За симъ приводится увѣреніе, что нашъ Августѣйшій Государь желаетъ остаться съ императоромъ Французовъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Все это надлежитъ передать, не затронувъ щекотливости императора и его министра, но утвердивъ въ нихъ еще болѣе увѣренность въ нашей искренности, которая должна служить новымъ доказательствомъ несомнѣнной услуги, оказываемой нами Франціи. Это немножко рискованно, но надо это сдѣлать насколько будетъ возможно, потому что я вполнѣ сочувствую воздержанности кн. Горчакова относительно конгресса, съ чѣмъ и поздравляю его“.

Пріѣздъ въ Парижъ Тувенеля.

Готовясь исполнить такое щекотливое порученіе петербургскаго кабинета, гр. Киселевъ воспользовался сдѣланнымъ ему 25-го января визитомъ только что прибывшаго въ Парижъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля и читалъ ему памятную записку, приготовленную имъ, въ виду разговора съ императоромъ на балѣ въ Тюльери, того же числа. „Тувенель отвѣчалъ, что въ отношеніи конгресса не можетъ сказать покамѣсть ничего, такъ какъ не знаетъ еще видовъ самого императора, но что во всякомъ случаѣ полагаетъ, что для избѣжанія разномыслія, которое способно раздѣлить Европу на два лагеря и помѣшать осуществленію конгресса, было бы желательно достиженіе предварительнаго соглашенія“.

Гр. Киселеву не удалось на балѣ завязать политическій разговоръ съ Наполеономъ, но онъ былъ приглашенъ на аудіенцію 27-го января.

Папскій нунцій.

Отдавая на другой же день визитъ Тувенелю, Павелъ Дмитріевичъ заѣхалъ къ папскому нунцію и въ разговорѣ между прочимъ

коснулся вопроса, нельзя ли будетъ въ замѣнъ легатствъ вознаградить папскій престолъ на счетъ неаполитанскаго королевства абруццскими провинціями? „Нунцій не возражалъ и настойчиво допрашивалъ меня, пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, объ источникѣ такой комбинаціи, о которой онъ три дня тому назадъ заявлялъ одному только дипломату. Я увѣрилъ его, что мнѣ передалъ это одинъ журналистъ (Антуанъ Пурталесъ, приписано рукой Павелъ Дмитріевичъ въ скобкахъ)“.

Разговоръ съ Наполеономъ по поводу отказа Россіи отъ участія въ конгрессѣ.

Результатъ частной аудіенціи 27-го января записанъ гр. Киселевымъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Императоръ показался мнѣ очень озабоченнымъ; такое его настроеніе быть можетъ, слѣдовало приписать безнадежному состоянію здоровья принцессы Стефаніи Баденской (урожденной Богарне); но вѣроятно еще болѣе итальянскими дѣлами, которыя со дня на день болѣе и болѣе запутывались. Онъ недоволенъ также извѣстіями, которыя доходятъ до него относительно принятаго положенія въ этомъ вопросѣ нашимъ кабинетомъ; ему не нравится тонъ дипломатическихъ переговоровъ петербургскаго кабинета, который, по поводу анонимной брошюры, измѣняетъ свою политику относительно Франціи. Не сказавъ ни слова объ Августѣйшемъ нашемъ Императорѣ, онъ упомянулъ два раза о кн. Горчаковѣ, который въ разговорѣ съ французскимъ посломъ, герцогомъ Монтебелло, выразился крайне многозначительно (d'une manière très significative). Я отвѣчалъ, что объ этомъ говорилъ и я Государю Императору и его министру, т.-е. что, по мнѣнію моему, когда не желаютъ нарушать добрыхъ отношеній, то въ интимныхъ разговорахъ вообще и въ особенности съ посломъ, слѣдуетъ сохранять дружественный тонъ и выражать свои мысли откровенно“.

Донесеніе Монтебелло объ отзывѣ кн. Горчакова.

Вотъ все, что записано гр. Киселевымъ въ дневникѣ объ этой достопамятной аудіенціи, подробности о которой изложены въ депешѣ русскаго посла отъ 30-го января 1860 г., посланной съ Колошинымъ. Павелъ Дмитріевичъ только добавилъ: „Не слѣдуетъ забывать, что Монтебелло принадлежитъ къ ультрамонтанской партіи, что анонимная брошюра должна была ему

крайне не понравиться и что въ телеграмѣ своей онъ кратко, но съ крайнею рѣзкостью привелъ слова кн. Горчакова, которыя, какъ выразился онъ, по своей суровости заслуживали быть переданными".

Письмо изъ Берлина, полученное Меттернихомъ.

Въ подтвержденіе того, что отношенія петербургскаго кабинета къ Франціи измѣнялись, служило еще письмо изъ Берлина, полученное кн. Меттернихомъ и которое онъ привезъ и прочиталъ въ тотъ же день 27-го января гр. Киселеву (Le pr. Metternich me lut une lettre de Berlin sur le révirement qui s'est produit à Pétersbourg à l'égard de l'alliance francaise).

Предложеніе виндзорскаго кабинета.

Въ то время, когда европейскіе кабинеты континента не могли придти ни къ какому соглашенію относительно итальянскихъ дѣлъ, Великобританія, желая вывести Европу изъ такого тревожнаго положенія, представила парижскому и вѣнскому кабинетамъ слѣдующее предложеніе въ четырехъ пунктахъ:

1) Франція и Австрія отказываются впредь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Италіи, выключая лишь тотъ случай, когда онѣ приглашены къ тому будутъ вслѣдствіе единодушнаго соглашенія великихъ державъ.

2) Правительство Франціи условится со св. отцомъ, относительно времени вывода своихъ войскъ изъ папскихъ владѣній, когда организація папской арміи это дозволитъ и когда оставленіе Рима французскими войсками не сопряжено будетъ съ опасеніемъ нарушенія тамъ спокойствія. Французская армія будетъ отозвана также и изъ сѣверной Италіи въ срокъ, приличный обстоятельствамъ.

3) Внутренняя организація венеціанской области не должна быть предметомъ международнаго соглашенія и наконецъ

4) Англія и Франція, сообща, пригласятъ сардинскаго короля не посылать своихъ войскъ въ центральную Италію дотолѣ, пока государства и провинціи, составляющія эту часть полуострова, съ помощію новыхъ выборовъ въ собранія народныхъ представителей, не провозгласятъ торжественно своихъ желаній: въ случаѣ, если эти народныя представительства вы-

скажутся въ пользу присоединенія, Францiя и Англія не будутъ болѣе противиться занятію тѣхъ мѣстностей сардинскими войсками.

Сообщеніе Коулея, при которомъ приложены были эти предложенія виндзорскаго кабинета, было получено французскимъ правительствомъ въ то время, когда новый министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель еще не прибылъ въ Парижъ, а императоръ *позабылъ* передать ихъ своему министру до 27-го января. Тувенель пригласилъ гр. Киселева къ себѣ на 29-е января и сообщилъ ему содержаніе предложеній Великобританіи.

Меттернихъ о предложеніи Англіи.

По поводу этихъ предложеній гр. Киселевъ имѣлъ 1-го февраля съ австрійскимъ посломъ слѣдующій разговоръ, записанный въ дневникѣ:

„Князь Меттернихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что они не могутъ согласиться на принятіе четырехъ предложеній Англіи; что, въ крайнемъ случаѣ, предложенія сіи могутъ быть подвергнуты обсужденію; но онъ увѣренъ, что правительство его не приметъ ихъ ни въ какомъ случаѣ, и въ особенности четвертый пунктъ, предлагающій созвать новыя собранія для контроля прежнихъ, относительно присоединенія герцогствъ къ Пьемонту; это было бы равносильно завладѣнію этими герцогствами путемъ незаконнымъ. А что касается первыхъ трехъ пунктовъ, то въ принципѣ невозможно допустить безусловнаго невмѣшательства. Другое дѣло, еслибы согласились не вступаться въ дѣла возмутившихся провинцій въ теченіе извѣстнаго срока, напр., до заключенія конгресса“.

Отзывъ гр. Киселева объ австрійской политикѣ.

„Всѣ эти разсужденія“, размышляетъ далѣе гр. Киселевъ, „происходятъ, по мнѣнію моему, отъ того, что вѣнскій кабинетъ находится подъ вліяніемъ скрытной мысли, побуждающей его не связывать себя обязательствомъ въ виду случайно возможнаго возстановленія своего владычества въ Италіи: во Франціи можетъ вспыхнуть революція и тогда мы, съ оружіемъ въ рукахъ, предъявимъ свои права; это же было побудительной причиной неохотнаго принятія предложенія о конгрессѣ: „орудуйте безъ насъ, говорятъ Австрійцы, мы слишкомъ ревност-

ные католики и слишкомъ непоколебимые консерваторы, чтобъ принять участіе въ уготовляемой вами путаницѣ. При данныхъ условіяхъ, если конгрессъ и соберется, то удадутся только два его засѣданія: одно для открытія его, а другое для закрытія".

Сдѣлка о присоединеніи Ниццы и Савойи.

Ко всѣмъ поводамъ къ несогласіямъ присоединился еще новый. Наполеонъ, въ тайнѣ отъ другихъ европейскихъ державъ, готовилъ дипломатическую сдѣлку, сулившую присоединеніе къ Франціи двухъ провинцій, Ниццы и Савойи, въ видѣ вознагражденія за ея пособничество къ объединенію Италіи; по этому для него было весьма важно, чтобъ до совершенія этой сдѣлки, которая не могла прійтись по вкусу Европѣ, главныя основанія въ рѣшеніи итальянскихъ дѣлъ были бы, по возможности, согласованы и санкціонированы кабинетами великихъ державъ.

Взглядъ Наполеона на предложенія Англіи.

Предложенныя доброжелательною Англіею четыре пункта согласовались въ главныхъ чертахъ съ видами Наполеона и вообще давали условіямъ достаточно гибкій смыслъ для разныхъ уловокъ впослѣдствіи; но какъ по 4-му пункту занятіе средней Италіи сардинскими войсками ставилось въ зависимость исключительно отъ согласія Англіи и Франціи, то императоръ Французовъ нашелъ, что это можетъ раздражить Европу и въ концѣ концовъ, помѣшать присоединенію Ниццы и Савойи.

Депеша Тувенеля о 4-мъ пунктѣ предложенія Англіи.

По этому въ депешѣ отъ 30 января, посланной въ Лондонъ графу Персиньи, Тувенель доказывалъ неудобство изъять отъ участія въ этомъ дѣлѣ Австрію, Россію и Пруссію, и принимая первые три пункта предложеній виндзорскаго кабинета, отклонялъ до времени принятіе четвертаго. Въ тоже время, и именно 31-го января, Тувенель писалъ маркизу де-Мутье въ Вѣну и поручалъ ему представить австрійскому правительству, что если, въ теченіе многихъ вѣковъ, Франція и Австрія вели между собою на поляхъ Италіи борьбу за преобладающее вліяніе въ этой странѣ, то въ настоящее время, въ вопросѣ объ умиротвореніи Италіи, рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ вліяніе Австріи замѣнить вліяніемъ Франціи, но о томъ, чтобъ создать Италію недоступною ни для того, ни для дру-

Его же депеша маркизу де Мутье.

гого вліянія; что императоръ Наполеонъ понимаетъ вполнѣ что австрійскій императоръ не можетъ оказывать дѣлу этому явнаго сочувствія; но желательно, чтобъ покрайней мѣрѣ императоръ Францъ-Іосифъ не противился подобному разрѣшенію предстоящаго вопроса, благопріятному въ томъ отношеніи, что за симъ уже не встрѣтится болѣе никакого повода къ разномыслію и распрѣ между Франціею и Австріею.

Предположеніе конференціи изъ представителей пяти державъ.

Когда 2-го февраля гр. Киселевъ былъ у министра иностранныхъ дѣлъ, для прочтенія ему своихъ депешъ по дѣламъ Неаполитанскаго королевства и Китая, то между нимъ и Тувенелемъ завязался разговоръ о конференціи изъ представителей пяти державъ (Англіи, Франціи, Россіи, Австріи и Пруссіи) съ цѣлью разсмотрѣнія предложеній Великобританіи. За симъ Тувенель прочиталъ гр. Киселеву приведенную нами депешу отъ 31-го января на имя маркиза де-Мутье, копія съ которой послана герцогу Монтебелло для предъявленія кн. Горчакову. Гр. Киселевъ въ дневникѣ своемъ, не говоря ничего о содержаніи этой депеши, распространяется о такомъ порядкѣ дипломатическихъ сношеній: „этотъ способъ дипломатическихъ сношеній“, пишетъ онъ, „покажется петербургскому кабинету болѣе удовлетворительнымъ потому, что устранитъ многія неудовольствія, происходившія единственно вслѣдствіе оплошностей канцелярскихъ, по которымъ приписывалась неуважительность къ Императорскому русскому кабинету, въ особенности при сравненіи сношеній тюльерійскаго кабинета съ лондонскимъ. Коулей, человѣкъ вообще отличный, но крайне боязливый, говорилъ мнѣ, до поѣздки своей въ 1859 г. въ Біарицъ, въ подобномъ же смыслѣ о предпочтеніи, будто бы оказываемомъ французскимъ правительствомъ взглядамъ Россіи. Когда же Коулей побывалъ въ Біарицѣ, то Наполеонъ примкнулъ ко взглядамъ англійскаго кабинета, ища въ немъ поддержку для итальянскихъ дѣлъ, которыя близки его сердцу, и для удачнаго разрѣшенія которыхъ онъ готовъ на великія жертвы. Наполеонъ находитъ всего болѣе полезнымъ поддерживать Пальмерстона, и поспѣшность въ заключеніи торговаго трактата не имѣла иной цѣли. Когда Англичане ищутъ достиженія серьёз-

ной политической цѣли, то они не слишкомъ-то обращаютъ вниманіе на побужденія и еще менѣе на внѣшнюю форму".

Характеръ папскаго нунція.

4-го февраля гр. Киселевъ имѣлъ продолжительный разговоръ у себя въ кабинетѣ съ папскимъ нунціемъ и Пурталесомъ. Конечно, рѣчь велась объ итальянскихъ дѣлахъ: „разговоръ и тѣлодвиженія нунція, пишетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, изобличаютъ закоренѣлаго Итальянца. Онъ оглушителенъ и силится доказать, что очень сговорчивъ; но на самомъ дѣлѣ онъ сговорчивъ лишь тогда, когда съ нимъ соглашаются. Онъ требуетъ для папскихъ владѣній statu quo, а объ остальномъ готовъ вступать въ пренія".

Сѣтованія кн. Меттерниха.

Кн. Меттернихъ жаловался на свое положеніе въ Парижѣ: „Онъ очень недоволенъ", записываетъ гр. Киселевъ въ свой дневникъ 10 февраля. „Положеніе его, говоритъ онъ, невыносимо и если это такъ продолжится, то онъ потребуетъ чтобъ его отозвали. Однѣми любезностями, продолжаетъ онъ, угощать нельзя; нужно вступить въ соглашеніе относительно дѣлъ, которые подлежатъ обсужденію; но при здѣшнихъ порядкахъ это немыслимо; прежде чѣмъ приступить къ преніямъ необходимо, чтобъ кабинеты наши условились между собою".

Гр. Киселевъ имѣлъ въ это время много политическихъ разговоровъ, которые къ сожалѣнію не записаны имъ въ дневникъ; такъ 14 февраля на драматическомъ представленіи и балѣ, которые давались принцемъ Наполеономъ въ Помпейской его виллѣ, императоръ вступалъ два раза въ разговоръ съ русскимъ посломъ; за симъ 16-го февраля пріѣзжалъ къ гр. Киселеву Коулей, а 17 февраля гр. Киселевъ ѣздилъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ для сообщенія ему письма кн. Горчакова отъ 27 января (8 февраля). Содержаніе разговора съ императоромъ было изложено въ депешѣ на имя кн. Горчакова, а разговоръ съ Коулеемъ и Тувенелемъ переданы въ тотъ же день телеграммами, а потомъ и депешами.

Впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на эти переговоры бросаетъ слѣдующая замѣтка гр. Киселева, записанная послѣ бала въ Тюльери 19 февраля:

„Императоръ подходилъ ко мнѣ два раза, въ первый разъ онъ спросилъ о состояніи моего здоровья, не безпокоитъ-ли меня жара въ залѣ и затѣмъ спросилъ, ожидаю-ли я завтра курьера изъ Петербурга, какъ ему о томъ сказали? Я отвѣчалъ, что надѣюсь. Во второй разъ онъ черезъ весь залъ подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что его продолжаютъ увѣрять, что недружелюбное расположеніе (les dispositions facheuses) къ нему не прекращается въ Петербургѣ. Мнѣ сказали также, продолжалъ онъ, что въ такомъ же настроеніи къ намъ здѣсь вы и ваши. Мнѣ показалось, что я не разслышалъ и не хорошо понялъ и тотчасъ же отвѣчалъ: относительно того, какъ настроены въ Петербургѣ, мы узнаемъ, когда прибудетъ курьеръ и я надѣюсь, что извѣстія будутъ вполнѣ благопріятны; чтожъ касается того, какое настроеніе здѣсь, у меня, то едва-ли такія злыя инсинуаціи заслуживаютъ опроверженія. Далѣе онъ говорилъ, что страстями, разжигаемыми фанатиками, стараются воспользоваться другіе люди не изъ преданности папѣ или церкви, а изъ желанія способствовать ожесточеннымъ, хотя безсильнымъ, проискамъ противъ его правительства“.

Подозрѣнія Наполеона и обвиненія гр. Киселева.

Слова Наполеона затронули за живое графа Павла Дмитріевича и онъ записалъ далѣе:

„Въ первую минуту я не хорошо понялъ, что хотѣлъ сказать Наполеонъ и не обратилъ большаго вниманія на его слова; но вернувшись домой, припоминая все происходившее въ этотъ вечеръ, мнѣ показалось, что намекъ, пущенный императоромъ, съ улыбкою на устахъ, заслуживалъ болѣе меткаго отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли, что въ то время, когда меня обвиняютъ въ чрезмѣрной симпатіи къ правительству императора, послѣдній жалуется, что я на него нападаю. Мнѣніе первыхъ могло найдти основаніе въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, потому что въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ, которые я нахожусь здѣсь, я ни разу не позволилъ себѣ сказать враждебнаго слова ни противъ самого императора, ни противъ его политики, и если мнѣ случалось раздѣлять высказываемыя въ присутствіи моемъ, направленныя противъ нихъ

Гр. Киселевъ оправдывается предъ своими обвинителями.

мнѣнія, то я или сохранялъ глубокое молчаніе, или старался дать разговору иное направленіе; напротивъ, при всѣхъ нападкахъ, которыя позволяли себѣ въ присутствіи моемъ противъ существующаго правительства, le gouvernement de fait, какъ они выражаются, когда нападки сіи казались мнѣ несправедливыми, то я откровенно выражалъ противное мнѣніе, которое и поддерживалъ съ твердостью. Во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ петербургскимъ кабинетомъ, я не умалчивалъ ни о чемъ, что доходило до меня изъ источниковъ, заслуживающихъ вѣры и въ большинствѣ случаевъ исправляя и смягчая то, что казалось мнѣ несправедливымъ или преувеличеннымъ. Впрочемъ, я успѣлъ убѣдиться, въ теченіе многолѣтней своей жизни, что постоянно гоняясь за правотою и справедливостью, всегда остаешься въ дуракахъ: пріобрѣтаешь друзей бездушныхъ и враговъ непримиримыхъ. Но не взирая на все, я останусь при своихъ правилахъ и до конца жизни, во чтобы ни стало, стоять буду за истину и справедливость".

Депеша изъ Петербурга на предложеніе о конференціи.

Когда гр. Киселевъ 19-го февраля возвратился домой съ бала въ Тюльери, то засталъ прибывшаго фельдъегеря съ депешами изъ Петербурга отъ 1 (13) февраля, между которыми находился отвѣтъ русскаго кабинета, на предложеніе конференціи, согласованный съ берлинскимъ дворомъ.

Отвѣтная телеграмма на депешу и неустойчивость политики французскаго кабинета.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ 21-го февраля повезъ отвѣтъ кн. Горчакова для прочтенія сначала Пурталесу, а потомъ Тувенелю; послѣдній тотчасъ же продиктовалъ соображенія французскаго правительства для отвѣтной телеграммы въ Петербургъ, которая и отослана изъ русскаго посольства въ тотъ же день.

По поводу соображеній, продиктованныхъ Тувенелемъ, гр. Павелъ Дмитріевичъ записалъ въ свой дневникъ слѣдующее:

„Изъ разговора съ министромъ иностранныхъ дѣлъ мнѣ довелось еще разъ убѣдиться въ чрезвычайной неустойчивости императорской политики, которой Тувенель отдался тѣломъ и

Характеристика Тувенеля.

душой, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ шаговъ, какъ о томъ меня предупреждалъ Валевскій. Свидѣтельствуя о несомнѣнныхъ достоинствахъ своего преемника, Валевскій предупреждалъ меня, что на первое время Тувенель затаитъ собствен-

ныя свои воззрѣнія, для торжества воззрѣній императора; но, что разъ утвердившись на этой почвѣ, онъ можетъ выказать свой дѣйствительный характеръ и тогда они могутъ поссориться; но пока онъ будетъ дѣлать все, что императору угодно. „Не забудьте, что говорю я вамъ“, прибавилъ въ то время Валевскій, „для будущаго руководства вашего“.

Какого содержанія была депеша кн. Горчакова и отвѣтъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ—намъ неизвѣстно. Изъ дневника видно только, что въ тотъ же день на вопросъ сардинскаго повѣреннаго въ дѣлахъ кавалера Нигра, пріѣзжавшаго къ гр. Киселеву, чтобъ узнать, что привезъ курьеръ, прибывшій изъ Петербурга 19-го февраля, гр. Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ, что не можетъ сообщить ему содержаніе депеши, потому что еще не говорилъ о ней съ Тувенелемъ; а когда Нигра сталъ спрашивать о подробностяхъ, то Павелъ Дмитріевичъ замѣтилъ ему, что вся эта переписка передастся въ конференцію, если она соберется.

Наконецъ, вслѣдствіе обмѣна дипломатическихъ сношеній со всѣми кабинетами великихъ державъ, Наполеонъ, въ видахъ соглашенія съ ними, замѣнилъ четыре пункта, предложенные Англіею, слѣдующими тремя: Предложеніе Франціи.

1) Окончательное присоединеніе къ Сардиніи Пармскаго и Моденскаго герцогствъ.

2) Временное подчиненіе легатствъ (Romagne, Ferrare, Bologne) управленію короля сардинскаго, въ видѣ намѣстничества папскаго престола.

3) Политическое и территоріальное возстановленіе великаго герцогства Тосканскаго.

Предложенія эти были сообщены въ нотѣ Тувенеля, отъ 24-го февраля, туринскому кабинету, гдѣ уже возсѣдалъ опять, съ 20-го января, Кавуръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, французское правительство нашло нужнымъ объявить, что Франція, въ случаѣ отказа Сардиніи принять предлагаемую комбинацію, слагаетъ съ себя отвѣтственность и въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ будетъ руководствоваться единственно своими видами.

При свиданіи съ гр. Киселевымъ 27-го февраля, Тувенель

сообщилъ ему свою корреспонденцію съ туринскимъ кабинетомъ и выражалъ желаніе укротить властолюбивые порывы сардинскаго правительства по отношенію къ центральной Италіи.

Въ Италіи продолжается движеніе къ объединенію.

Дипломатическіе переговоры европейскихъ кабинетовъ о дѣлахъ Италіи не только не сдерживали стремленій итальянскихъ вождей въ предѣлахъ виллафранкскаго и цюрихскаго договоровъ, какъ того желалъ Наполеонъ, но скорѣе способны были разжечь ихъ патріотизмъ. Распубликованный въ газетахъ четвертый пунктъ предложеній англійскаго кабинета, ставившій въ зависимость отъ согласія народныхъ представителей присоединеніе центральной Италіи къ Сардинскому королевству, сулилъ надежду, что Англія не воспротивится такому присоединенію; къ тому же англійскій посланникъ въ Туринѣ, сэръ Джемсъ Гудсонъ, побочный сынъ короля Георга IV, другъ Кавура, видимо оказывалъ покровительство политическимъ людямъ самыхъ крайнихъ оттѣнковъ; гостепріимство, оказываемое имъ политически скомпрометированнымъ личностямъ, доходило до того, что одинъ изъ секретарей англійскаго посольства, лордъ Губертъ де-Бургъ (Hubert de-Burgh), часто смѣясь, говорилъ секретарю французскаго посольства д'Идевиллю: я обѣдалъ у сэра Джемса; насъ было десять человѣкъ, изъ которыхъ, выключая хозяина дома и меня, всѣ остальные были приговоренные къ смертной казни (Journal d'un diplomate en Italie. стр. 33).

Поведеніе Сэръ Джемса Гудсона въ Туринѣ.

Отвѣтъ Кавура Тувенелю на французское предложеніе.

Когда Кавуръ получилъ новыя предложенія французскаго кабинета, выраженныя въ трехъ пунктахъ, онъ тотчасъ же отвѣчалъ Тувенелю, что отсылаетъ ихъ диктаторамъ, правящимъ возставшими частями центральной Италіи: Тосканою-Рикazоли и Эмиліею-Фарини, причемъ увѣрялъ, что сардинское правительство безусловно подчинится тому рѣшенію, какое состоится въ собраніяхъ представителей этихъ провинцій; но что если сими собраніями будетъ выражено твердое желаніе присоединиться къ Пьемонту, то онъ не будетъ въ силахъ воспротивиться тому.

Извѣстно, что желаніе присоединенія къ Пьемонту было

Присоединение Тосканы и Эмилiи къ Сардинiи.

выражено почти единогласно и что оно было принято Викторомъ-Эмануиломъ, по повелѣнiю котораго избранiе депутатовъ отъ новыхъ частей королевства въ парламентъ было назначено на 25-е марта.

Порицанiе политики Наполеона.

Безпокойства въ Италiи тревожили Европу и вездѣ, въ консервативныхъ кругахъ, слышались порицанiя политики императора Наполеона, котораго считали главнымъ виновникомъ этихъ народныхъ движенiй.

Слухи о подобныхъ обвиненiяхъ проникли въ тюльерiйскiй дворецъ и Тувенель, при свиданiи съ гр. Киселевымъ, говорилъ ему о второстепенныхъ представителяхъ нашихъ: генералъ-адъютантѣ графѣ Штакельбергѣ въ Мадридѣ, генералъ-адъютантѣ Мансуровѣ въ Гагѣ и другихъ, которые въ рѣчахъ своихъ о Францiи высказываютъ теперь совсѣмъ уже иныя сужденiя. „Онъ (Тувенель) говорилъ мнѣ", пишетъ гр. Павелъ Дмитрiевичъ, „о существующемъ будто-бы договорѣ (Россiи) съ Австрiею, о русскомъ обществѣ въ Ниццѣ, не выключая и лицъ, составляющихъ дворъ вдовствующей Императрицы, и насколько всѣ эти толки непрiятны и огорчаютъ императора".

Рѣчи въ англiйскомъ парламентѣ о присоединенiи Савойи и Ниццы.

Между тѣмъ, переговоры съ сардинскимъ правительствомъ объ уступкѣ Ниццы и Савойи дѣятельно продолжались; объ этихъ переговорахъ стали появляться извѣстiя въ парижскихъ журналахъ, а въ англiйскомъ парламентѣ дѣлались запосчивые запросы министерству: на сколько справедливы такiе слухи и что̀ оно предприняло для воспрепятствованiя территорiальному увеличенiю французской имперiи, напоминающему наклонности первой имперiи?

Императоръ Наполеонъ жаловался гр. Киселеву на недружелюбныя рѣчи, произносимыя въ парламентѣ и на препятствiя, которыя ему противопоставляетъ туринскiй кабинетъ и въ особенности Кавуръ, тогда какъ онъ себя считалъ въ правѣ разсчитывать на ихъ поддержку.

Вспышка между Наполеономъ и Коулеемъ.

„На концертѣ въ Тюльери 6 марта", пишетъ гр. Киселевъ въ своемъ дневникѣ, „императоръ" подойдя къ группѣ пословъ, обратился въ особенности къ Коулею и ко мнѣ, и горячо жа-

ловался на малую сдержанность рѣчей, произнесенныхъ въ парламентѣ 5-го марта. Очевидно, встревоженный и находя не совсѣмъ приличными слова Наполеона, относившіяся къ Англіи, Коулей отвѣчалъ, что такъ же точно говорятъ и въ Парижѣ (qu'il en était de même à Paris); а какъ отвѣтъ этотъ еще больше разгорячилъ его собесѣдника, то я счелъ нужнымъ вставить нѣсколько успокоительныхъ словъ, за которыя сотоварищъ мой, въ тотъ же вечеръ, выразилъ мнѣ свою благодарность. Все это изложено въ депешѣ моей отъ 8 марта".

Окончательное присоединеніе Савойи и Ниццы.

Когда поглощеніе Пьемонтомъ Тосканы и Эмиліи совершилось, Наполеонъ послалъ своему посланнику въ Туринѣ, барону Талейрану, повелѣніе возобновить переговоры объ уступкѣ Франціи Ниццы и Савойи и объявить при этомъ Кавуру, что окупаціонный корпусъ французскихъ войскъ, оставшійся въ сѣверной Италіи со времени окончанія войны съ Австріею, получитъ вслѣдъ за тѣмъ приказаніе возвратиться во Францію. Для ускоренія этого дѣла былъ посланъ изъ Парижа въ Туринъ вторымъ уполномоченнымъ Бенедетти, который прибылъ туда 22 марта, а 24 марта, въ кабинетѣ Кавура, былъ подписанъ трактатъ о присоединеніи названныхъ провинцій къ Франціи.

Легкомысленность Французовъ.

„По поводу этого присоединенія, пишетъ гр. Киселевъ, одинъ чистокровный роялистъ, какъ они себя величаютъ, замѣтилъ мнѣ недавно: какое счастіе человѣку, управляющему Франціею! Мысль о присоединеніи Савойи и Ниццы не произвела здѣсь почти никакого впечатлѣнія; но когда возопила Англія и забила тревогу, вся Франція вскипѣла желаніемъ пріобрѣсти Савойю и Ниццу на перекоръ Англичанамъ. Еслибъ Французы могли думать, что провинціи эти уступаются Франціи вслѣдствіе британской снисходительности, то они пожалуй отказались бы. Вражда двухъ націй сказывается при каждомъ случаѣ. Нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ Персиньи, французскаго посла въ Лондонѣ, который разсказывалъ, что въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Пальмерстономъ онъ сообщилъ ему, что хорошо было бы еслибъ европейскіе кабинеты сами предложили Франціи присоединеніе двухъ про-

винцій, что Пальмерстонъ нашелъ эту мысль безподобною, а все-таки ничего не сдѣлалъ; Англичане всегда таковы, прибавилъ Персиньи. Вотъ какова легкомысленность этого человѣка!" восклицаетъ гр. Киселевъ.

Мнѣніе гр. Киселева о политикѣ вообще.

Изъ записокъ гр. Киселева слѣдуетъ заключить, что Наполеонъ неоднократно говорилъ о пересмотрѣ въ пользу Россіи парижскаго мирнаго трактата 1856 г., что у него вырывались обѣщанія преимущественно въ такія времена, когда политическія обстоятельства слагались не въ его пользу. „Неумѣстная щекотливость, которую возводятъ на высоту величія, ведетъ на ложный путь; политика, единственно годная и приличная каждому государству, та, которая преслѣдуетъ существенныя выгоды; такой политикѣ всегда слѣдовали люди, одаренные высокимъ смысломъ. Генрихъ IV говорилъ, что Парижъ стоитъ обѣдни — и отрекся отъ кальвинизма; Марія Терезія писала дружескія письма маркизѣ Помпадуръ, чтобъ пріобрѣсти провинціи и т. д.".

Восточный вопросъ выдвигается вновь.

Восточный вопросъ, неминуемую развязку котораго предсказывалъ гр. Киселевъ, дѣйствительно выдвигался вновь, не взирая на то, что еще такъ недавно парижскому конгрессу былъ представленъ гатъ-гумаюнъ турецкаго султана 18 февраля 1856 г., сулившій подвластному Портѣ христіанскому населенію всяческое огражденіе и полное уравненіе правъ съ мусульманскими ея подданными. Выраженныя въ этомъ документѣ либеральныя начала не только не были выполнены, но напротивъ вызвали еще большее озлобленіе и гоненія мусульманъ на христіанъ, такъ что изъ Босніи и Герцеговины райи цѣлыми массами выселялись въ австрійскія владѣнія; въ Болгаріи, Македоніи и Эпирѣ христіане претерпѣвали безпрерывные грабежи и всякія насилія, а въ Сиріи организовалась повальная рѣзня христіанъ маронитовъ.

Соглашеніе съ тюльерійскимъ кабинетомъ по восточнымъ дѣламъ.

По поводу гоненій, претерпѣваемыхъ христіанами въ турецкихъ владѣніяхъ, вопреки торжественному обязательству Порты, кн. Горчаковъ, въ письмахъ на имя гр. Киселева отъ 4 марта 1860 г., предлагалъ условиться съ парижскимъ кабинетомъ относительно предстоящихъ дипломатическихъ пере-

говоровъ по восточнымъ дѣламъ. Письма эти, вмѣстѣ со многими другими депешами и приложеніями къ нимъ, были получены въ Парижѣ 11 марта и гр. Киселевъ 13 марта поѣхалъ къ Тувенелю для прочтенія нѣкоторыхъ изъ нихъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Неловкое положеніе гр. Киселева въ сношеніяхъ съ тюльерійскимъ кабинетомъ.

„Письма кн. Горчакова отъ 4 марта, пишетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, которыя я далъ прочитать Тувенелю, заключали въ себѣ *предварительныя соглашенія по дѣламъ Востока.* Оказалось, что Тувенель уже зналъ объ этихъ предложеніяхъ по депешамъ Монтебелло и что предложенія, сообщенныя кн. Горчаковымъ чрезъ посредство французскаго посла, шли гораздо далѣе. Хотя о послѣднихъ дано было знать и мнѣ, но онѣ заключались *въ приложеніяхъ*, о которыхъ не велѣно было упоминать.

Мысли тюльерійскаго кабинета, по поводу предложеній кн. Горчакова.

„Тувенель разными обиняками сообщилъ мнѣ свою мысль, одобренную, какъ говоритъ онъ, императоромъ; она заключается въ слѣдующемъ:

„1) Предложеніе русскаго кабинета принимается Людовикомъ Наполеономъ съ удовольствіемъ, какъ доказательство дружескаго довѣрія Императора Александра.

„2) Французское правительство расположено войти въ конфиденціальное соглашеніе по этому важному вопросу.

„3) Вопросъ восточный долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ вопросомъ итальянскимъ, и вслѣдствіе того,

„4) нужно обсудить, нельзя ли взамѣнъ Венеціи, которую необходимо отдать Италіи для окончательнаго и прочнаго ея устройства, вознаградить Австрію побережьемъ Адріатическаго моря.

Намеки Тувенеля, что Россіи нуженъ Батумъ.

„Въ добавокъ ко всему этому, министръ говорилъ мнѣ, что намъ, т. е. Россіи, слѣдовало бы получить Батумъ, чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи на восточномъ берегу Чернаго моря безопасный портъ, причемъ просилъ все сказанное держать въ совершенной тайнѣ, потому что Англичане, говорилъ онъ, легко могли бы завладѣть проливомъ и даже Константинополемъ и основать свое право на совершившемся фактѣ. Я старался успокоить его, какъ относительно его мрачныхъ

предвидѣній, такъ въ особенности о неразглашеніи тайны съ нашей стороны. Все это изложено въ моей депешѣ отъ 15-го марта“.

Предложеніе графу возвратиться въ Петербургъ.

Надо полагать, что Великая Княгиня Елена Павловна, всегда высоко цѣнившая дарованія и заслуги гр. Павла Дмитріевича, принимавшая въ немъ постоянно самое горячее участіе, предлагала престарѣлому графу возвратиться въ Петербургъ для участія въ учреждавшихся комитетахъ по крестьянскимъ дѣламъ или въ Государственномъ Совѣтѣ.

Такое предположеніе основать можно на томъ, что графъ Киселевъ, получивъ 1-го апрѣля письмо Великой Княгини отъ 11 (23) марта, отвѣчалъ на него 7-го апрѣля, и въ тотъ же вечеръ записалъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли, проникнутыя глубокою грустью:

Мысли по этому поводу гр. Киселева.

„Не съ руки мнѣ возвратиться къ дѣламъ по освобожденію крестьянъ, начало которымъ я положилъ 20 лѣтъ тому назадъ. Вспоминаю отвѣтъ барона Штейна, данный имъ въ 1824 году на сдѣланный мною ему упрекъ, что онъ занимается своимъ садомъ вмѣсто того, чтобъ принять участіе въ дѣлахъ Германіи, которой угрожаетъ опасность: Всякому сказалъ онъ, свое призваніе. Когда отечество было порабощено и требовалось его освободить, я, съ помощью друзей, принялся за дѣло. Мы исполнили свою миссію, теперь пусть исполняютъ свою другіе [1]).

„Слова эти были сказаны 36 лѣтъ тому назадъ и я ихъ сохраняю въ памяти какъ благую заповѣдь. Я стану подражать ему, если впрочемъ не вздумаютъ насиловать человѣка, который, прослуживши 54 года, въ правѣ разсчитывать, что его пощадятъ и что ему окажутъ нѣкоторое вниманіе, хотя бы изъ одного человѣколюбія. Но какъ все это гадательныя только предположенія, то буду надѣяться, что моя счастливая звѣзда, въ которую я всегда вѣрилъ, избавитъ меня отъ этой

---

1) A chacun, dit-il, sa mission. La patrie était alors asservie, il fallait la rendre libre; moi et mes amis nous nous sommes mis à l'oeuvre; nous avons débouché la bouteille et nous avons remplie notre mission; à d'autres maintenant à la reboucher.

горькой чаши. Комбинація объ усиленіи Совѣта наводитъ меня на мысль о другой, болѣе дѣйствительной и практичной, которая болѣе приличествовала бы тѣмъ, которымъ желательно освободить мѣсто для завладѣнія имъ. Если такова цѣль (а я имѣю нѣкоторое основаніе такъ думать), то зачѣмъ же идутъ къ ней окольными путями, тогда какъ легче и главное честнѣе, достигнуть желаемаго результата прямымъ путемъ. Сказали бы мнѣ просто, что порученіе мое кончено и я тотчасъ же отступлюсь безъ всякихъ возраженій и укоровъ. Въ мои лѣта я нуждаюсь только въ нѣсколькихъ согрѣвающихъ лучахъ солнца, въ умѣренномъ климатѣ. Неужели такое желаніе можно назвать неумѣреннымъ? По совѣсти, не думаю и я твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе и бросить все, если къ тому буду вынужденъ".

Слухи о замѣщеніи гр. Киселева другимъ лицомъ.

Слухи о замѣщеніи гр. Киселева другимъ лицомъ оглашались довольно часто.

„Journal des Débats" (записано въ дневникѣ подъ 25 числомъ мая) повторяетъ въ десятый разъ о замѣщеніи меня въ Парижѣ Будбергомъ. Извѣстіе это заимствовано изъ „Gazette de Cologne", гдѣ помѣщена объ этомъ корреспонденція изъ Берлина отъ 21 мая. Это возможно".

Неосновательность ихъ.

Никто не могъ объяснить себѣ причину такихъ слуховъ, тѣмъ болѣе, что отношенія тюльерійскаго двора къ русскому царствующему дому и къ Россіи все улучшались, и гр. Киселевъ, какъ прежде, постоянно пользовался особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ императора, императрицы и всего парижскаго общества. Въ подтвержденіе сего приведемъ слѣдующія выдержки изъ дневника графа:

Морни совѣтуется съ гр. Киселевымъ о назначеніи посла въ Константинополь.

„Продолжительный разговоръ съ Морни (29 января), который пріѣзжалъ ко мнѣ для переговоровъ о назначеніи Лавалетта (посломъ) въ Константинополь.

Отношенія императора и императрицы къ гр. Киселеву.

„На концертѣ въ Тюльери (20 марта) императоръ, во время антракта, подошелъ къ группѣ иностранныхъ пословъ, чтобъ поздороваться съ каждымъ. Онъ остановился предо мною и спросилъ о моемъ здоровьѣ и продолжаю-ли предписанныя мнѣ прогулки. Послѣ моего отвѣта, онъ молча пожалъ руки

австрійскаго и турецкаго пословъ и довольно поспѣшно удалился отъ насъ. Когда кончился концертъ, всѣ перешли въ сосѣдній залъ, гдѣ размѣстились довольно безпорядочно. Императрица вступила въ разговоръ, на испанскомъ языкѣ, съ испанскимъ посломъ Монъ, а потомъ подошла ко мнѣ и сказала, что видѣла меня въ прошлое воскресенье въ консерваторіи и позавидовала праву моему, которымъ я и воспользовался, оставить свою ложу до окончанія *Четырехъ временъ года Гайдна*, которыя показались ей нескончаемыми. Послѣ того, она сказала мнѣ, что *ее пугаетъ группа пословъ* (que la groupe des ambassadeures lui faisait peur), что въ особенности она боится того, который у меня за спиною (Коулей), а какъ я хотѣлъ посторониться, то она мнѣ сказала съ свойственной ей любезностью: „Оставайтесь, ради Бога, это дастъ мнѣ возможность не вступать въ разговоръ, отъ котораго считаю лучшимъ уклониться. Но не воображайте однако, продолжала она, что я не допускаю исключеній. Надѣюсь, что вамъ это хорошо извѣстно, и что мнѣ не нужно напоминать вамъ объ этомъ. Я поблагодарилъ ее и разговоръ продолжался объ ея здоровьѣ, о томъ, что ее не покидаетъ боль въ груди. Императоръ тѣмъ временемъ стоялъ въ концѣ залы и казалось очень желалъ уйти. Я обратилъ на это вниманіе императрицы, она пошла къ нему, и они раскланялись съ обществомъ.

Благодарность Наполеона за нравственную поддержку Императора Александра.

„На музыкальномъ вечерѣ въ Тюльери (25 марта) Людовикъ Наполеонъ выразилъ мнѣ съ большою любезностью, что считаетъ себя обязаннымъ императору Александру за ту нравственную поддержку, которую Его Величество являлъ ему въ послѣднее время; онъ предложилъ предоставить въ распоряженіе вдовствующей императрицы Александры Өеодоровны французскій гарнизонъ въ Ниццѣ“, о чемъ на другой же день гр. Павелъ Дмитріевичъ писалъ государынѣ.

Императрица Евгенія проситъ заступничества гр. Киселева за ея родственниковъ.

Когда въ Парижѣ было получено извѣстіе о томъ, что въ Испаніи, по проискамъ донъ-Карлоса (графа Монтемолино) и брата его донъ-Фернандо, маршалъ Ортега высадился съ войсками въ устьяхъ р. Эбро, съ цѣлію возмутить народъ и воз-

вести на престолъ донъ-Карлоса, то императрица Евгенія, узнавши, что въ числѣ мятежниковъ трое близкихъ ея родственниковъ, обвинявшихся въ государственной измѣнѣ, обратилась (9 апр.) къ гр. Киселеву и просила его заинтересовать нашу миссію въ Мадридѣ въ пользу ихъ. Гр. Киселевъ тотчасъ же телеграфировалъ о томъ петербургскому кабинету и нашему повѣренному въ дѣлахъ при испанскомъ дворѣ Колошину и на другой же день получилъ удовлетворительный отвѣтъ изъ Петербурга; а Колошинъ сообщилъ, что испанское правительство помиловало всѣхъ, выключая главнаго виновника Ортега. Императрица благодарила графа на вечерѣ въ Тюльери. Впослѣдствіи же, когда пришло извѣстіе, что гр. Монтемолино и братъ его подписали формальное отреченіе отъ всякихъ правъ на испанскій престолъ и затѣмъ получили свободу, императрица спросила (6 мая) гр. Киселева, какъ судитъ онъ о такомъ поступкѣ инфантовъ? „я отвѣчалъ ей, записано гр. Павломъ Дмитріевичемъ, что вѣроятно и она согласится, что поступокъ инфантовъ постыдный; мнѣ досадно, что они такъ позорятъ честь Бурбонскаго рода; такимъ-то образомъ падаютъ самые знатные роды; связанное съ ними обояніе разрушается ими же самими; быть можетъ, впрочемъ, таковъ законъ природы, требующій чтобъ все обновлялось, и что графъ Монтемолино былъ такъ несчастливъ, что на долю его выпало подтвердить справедливость этого закона въ ущербъ своей чести и своего рода и проч. На это императрица отвѣчала, что она совершенно того же мнѣнія: „вся эта выходка инфантовъ, сказала она, позорна и ведена претендентомъ безъ всякаго смысла"... Я полагаю, разсуждаетъ далѣе гр. Павелъ Дмитріевичъ, что императрица имѣетъ симпатію къ карлизму по двумъ причинамъ: ея родные и друзья молодости были легитимисты въ смыслѣ салическаго закона, а какъ со времени отмѣны этого закона, право на испанскій престолъ можетъ перейти инфантѣ Монпансье, т. е. Орлеанскому дому, который всего болѣе ненавидятъ и котораго опасаются въ Тюльери, то, по разсчетамъ императорскаго двора, не мѣшаетъ держать въ запасѣ карлистовъ, какъ угрозу. *Симпатію* слѣдуетъ отнести къ при-

роднымъ свойствамъ императрицы, а *разсчетъ* могъ быть внушенъ ей. И такъ мой отвѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оскорбить ея самолюбіе".

Наконецъ, еще далѣе, мы увидимъ съ какою любезностью не только Наполеонъ, но и императрица Евгенія выѣхали въ Ліонъ, на нѣсколько часовъ, для свиданія съ Августѣйшею матерью Русскаго Императора.

Съ наступленіемъ весеннихъ дней и въ теченіи лѣта, графу Киселеву предстояло встрѣчать и провожать нѣсколько особъ Императорскаго дома.

Принцъ П. Г Ольденбургскій съ семействомъ въ Парижѣ.

25-го апрѣля прибылъ въ Парижъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій съ супругой и двумя сыновьями; ихъ Высочества пожелали представиться семейно императору и императрицѣ. Вслѣдствіе сообщенія о томъ гр. Киселева, были присланы приглашенія на 29 апрѣля, въ три часа дня.

Такъ какъ день пріема совпадалъ со днемъ рожденія Государя Императора, то Принцъ Ольденбургскій съ сыновьями былъ у обѣдни и на молебствіи въ посольской церкви, и затѣмъ гр. Киселевъ поѣхалъ въ Луврскій отель, гдѣ въ два экипажа графа размѣстилось семейство Принца, и они отправились въ Тюльерійскій дворецъ.

Пріемъ ихъ въ Тюльери.

„Мы были приняты", пишетъ графъ Павелъ Дмитріевичъ, „въ нижнемъ этажѣ, въ покояхъ императора, который съ императрицею и свитою ожидалъ семейство Принца въ пріемномъ залѣ, откуда тотчасъ же всѣхъ пригласили въ гостиную, примыкающую къ кабинету Наполеона. Императрица сѣла на диванъ, а прочіе, и я въ томъ числѣ, размѣстились на креслахъ. Императоръ и мы всѣ были въ полной парадной формѣ, а обѣ дамы въ утреннихъ платьяхъ, какъ о томъ просила Ольденбургская Принцесса, по слабости здоровья.

„Вели разговоръ о Ниццѣ, о вдовствующей Императрицѣ, о Виллафранкѣ и другихъ не особенно интересныхъ предметовъ. Наконецъ, когда императоръ сдѣлалъ движеніе, чтобъ встать съ своего кресла, встало и все общество, а я воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы спросить императора, могутъ-ли магазины наши оставаться по прежнему въ Вилла-

франкѣ? Конечно, отвѣчалъ онъ, я не вижу никакого препятствія, напротивъ. Въ такомъ случаѣ я буду отвѣчать на сдѣланный мнѣ запросъ въ смыслѣ благосклонныхъ словъ вашего величества.—И отлично, отвѣчалъ онъ.—За симъ я удалился, чтобы догнать семейство Принца, которое усаживали въ экипажъ; а какъ старшій сынъ пріѣхалъ со мной, то мнѣ привелось сопровождать семейство Принца во всѣхъ дѣлаемыхъ визитахъ. Впрочемъ, мы были приняты только принцемъ Іеронимомъ, послѣ чего я простился съ Ихъ Императорскими Высочествами".

Пріѣздъ въ Парижъ Вел. Кн. Николая Николаевича.

10-го мая гр. Киселевъ получилъ письма отъ вдовствующей Императрицы и отъ Великаго Князя Николая Николаевича; Его Высочество извѣщалъ графа о прибытіи своемъ въ Парижъ 14-го числа вечеромъ. Когда, на другой день, русскій посолъ докладывалъ Наполеону, то оказалось, что императоръ уже зналъ о предстоящемъ пріѣздѣ Великаго Князя.

Гр. Киселевъ въ назначенное число встрѣтилъ Великаго Князя въ 6 часовъ вечера въ воксалѣ Ліонской желѣзной дороги и повезъ Его Высочество въ коляскѣ по главнымъ улицамъ Парижа въ Hôtel du Louvre, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для высокаго гостя.

На слѣдующее утро, около двухъ часовъ, гр. Киселевъ поѣхалъ къ Великому Князю для сопровожденія его въ Тюльерійскій дворецъ, для представленія императору и императрицѣ; представленіе это продолжалось полчаса времени, и затѣмъ Великій Князь вмѣстѣ съ гр. Киселевымъ поѣхалъ въ нашу церковь, гдѣ было отслужено молебствіе. Затѣмъ Великій Князь, въ сопровожденіи графа Шувалова, дѣлалъ визиты членамъ императорской фамиліи, а обѣдалъ у гр. Киселева въ обществѣ русскихъ.

16-го мая генералъ Флери показывалъ Великому Князю императорскія конюшни, затѣмъ былъ банкетъ въ честь высокаго гостя въ Тюльери, а вечеромъ Великому Князю была предложена императорская ложа въ оперѣ.

Наконецъ, 17-го мая, въ послѣдній день пребыванія Великаго Князя въ Парижѣ, Его Высочеству представляли извѣст-

ную породу лошадей *percherons;* обѣдъ для Великаго Князя былъ у гр. Шувалова, а послѣ стола гр. Киселевъ проводилъ его въ воксалъ Страсбургской желѣзной дороги; Его Высочество отправился въ Карлуэ.

Встрѣча Великой Княгини Маріи Николаевны.

29-го мая гр. Киселевъ встрѣчалъ Великую Княгиню Марію Николаевну, прибывшую въ Парижъ по Ліонской желѣзной дорогѣ и остановившуюся также въ Hôtel du Louvre, гдѣ онъ у нея обѣдалъ, а 30-го мая графъ отправился въ Марсель для встрѣчи вдовствующей Императрицы. Ея Величество ожидали изъ Ниццы въ Марсель къ 1-му іюня.

Когда было получено въ Парижѣ извѣстіе, что Императрица Александра Ѳеодоровна изволитъ изъ Ниццы проѣхать, чрезъ Марсель и Ліонъ, въ Женеву, то императоръ Наполеонъ объявилъ графу Киселеву, что намѣревается встрѣтить Императрицу при проѣздѣ ея чрезъ Ліонъ, а на другой день сказалъ ему же, что императрица Евгенія желаетъ сопровождать его въ Ліонъ для свиданія съ вдовствующей Государыней.

Пріѣздъ въ Марсель Императрицы Александры Ѳеодоровны и въѣздъ въ Ліонъ.

„Императрица", пишетъ графъ, „прибыла въ Марсель на фрегатѣ Олафъ, въ 6 часовъ утра. Я отдалъ визитъ маршалу графу Кастеллану (командовавшему ліонскою арміею), явился Императрицѣ на фрегатѣ въ 9 часовъ утра, представилъ Ея Величеству маршала, переодѣлся и отправился на Ліонскую желѣзную дорогу, куда уже пріѣхала Государыня. Мы двинулись въ $10^1/_2$ часовъ и пріѣхали въ Ліонъ въ 6 часовъ вечера. Я остановился въ Hôtel de l'Europe. Обѣдъ въ Hôtel de l'Univers за гофмаршалскимъ столомъ; Великая Княгиня Елена Павловна остановилась въ Hôtel du grand Lion.

Пріѣздъ въ Ліонъ Наполеона съ императрицей Евгеніею и встрѣча ихъ съ Императрицею Александрою Ѳеодоровною.

„Вечеромъ около 9-ти часовъ пріѣхали императоръ и императрица Французовъ, и, по порученію Государыни, я ѣду поздравить ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Императрица принимаетъ ихъ въ 10 часовъ; по желанію Государыни я удаляюсь тотчасъ же, и свиданіе вѣнценосцевъ продолжается 20 минутъ".

На слѣдующее утро, день тезоименитства Вел. Кн. Елены Павловны, гр. Киселевъ поѣхалъ поздравить Ея Высочество,

а потомъ сопровождалъ Государыню въ Ратушу (Hôtel de Ville), гдѣ былъ назначенъ завтракъ.

Наполеонъ и императрица Евгенія, окруженные свитою и штабомъ генераловъ и офицеровъ, встрѣтили Государыню внизу главной лѣстницы, поднявшись по которой Ихъ Величества и Высочества вошли одни въ покои, назначенные для Высочайшихъ особъ; для свиты былъ приготовленъ гофмаршалскій столъ, за которымъ хозяйками были госпожи Ла-Поэзъ и Монтебелло.

Отъѣздъ гр. Киселева въ Женеву.

Государыня пригласила гр. Киселева проводить ее до Женевы. Простившись съ императрицею Евгеніею, Она оставила Ратушу въ часъ и поѣхала на Женевскую желѣзную дорогу, куда сопровождалъ Ее и посадилъ въ вагонъ императоръ. „Мы пріѣхали въ Женеву, говоритъ Киселевъ, и остановились въ Hôtel des Bergues, гдѣ меня помѣщаютъ со свитою Ея Величества. Мы обѣдаемъ у Императрицы съ двумя Принцессами Лейхтенбергскими, съ графинею Тизенгаузенъ и госпожею Барыковою.

„На слѣдующее утро, въ Троицынъ день, Императрица пригласила меня къ себѣ и пожелала узнать мое мнѣніе на счетъ предполагаемой ею посылки телеграммы въ Парижъ, чтобы спросить, не слишкомъ-ли утомила императрицу Евгенію поѣздка въ Ліонъ. Находя такую вѣжливость вполнѣ умѣстною, я составилъ телеграмму и тотчасъ же послалъ ее на имя Убри, который прислалъ отвѣтъ въ 4 часа. Послѣ обѣдни въ русской церкви, я посѣтилъ Великую Княгиню Анну Ѳеодоровну, гдѣ оставилъ свою карточку, затѣмъ Великую Княгиню Елену Павловну, у которой оставался часъ времени; обѣдалъ у Императрицы съ Великою Княгинею Еленою Павловною и двумя Принцессами Лейхтенбергскими и весь вечеръ остался у Ея Величества; Она пожаловала мнѣ свою фотографическую карточку“.

Императрица Александра Ѳеодоровна оставила Женеву на другой день, 4-го іюня, и, согласно маршруту, ночевать должна была въ Золотурнѣ.

Графъ Киселевъ оставался въ Женевѣ до 6 числа и все

свое время проводилъ у Великой Княгини Елены Павловны, которую сопровождалъ и въ ея прогулкахъ по окрестностямъ Женевы. О своихъ разговорахъ съ нею, гр. Павелъ Дмитріевичъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„5-го іюня, обѣдъ у Великой Княгини въ отелѣ Métropole; она разсказываетъ мнѣ о разныхъ интригахъ въ Петербургѣ и даже въ провинціяхъ противъ освобожденія крестьянъ. Хотѣли подѣйствовать на Императора помощію устрашенія. Полиція доносила о неистовыхъ, ужасныхъ рѣчахъ, слышанныхъ ею то противъ личности Государя, то противъ династіи Романовыхъ; выражали требованія то конституціи, то дѣйствительныхъ привиллегій дворянству. Однако, всѣ эти враждебныя демонстраціи не могли смутить Государя. Путешествіе В. К. Константина Николаевича было назначено по причинамъ политическимъ“.

Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.

Гр. Киселевъ выѣхалъ изъ Женевы 6-го, а 8-го возвратился въ Парижъ, гдѣ засталъ еще Великую Княгиню Марію Николаевну, которая оставалась тамъ до 21-го іюня.

Сельско-хозяйственная выставка въ Парижѣ.

Около этого времени (17 іюня) открылась въ Парижѣ сельско-хозяйственная выставка. Такъ какъ гр. Киселевъ, во время своего управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, имѣлъ постоянною цѣлью возвысить въ отечествѣ своемъ уровень сельскаго хозяйства, то понятно, что парижская выставка заинтересовала его.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ былъ на выставкѣ четыре раза и записалъ свои впечатлѣнія такъ:

„18 іюня. Мое первое посѣщеніе выставки. Я обошелъ юго-западную часть выставки, расположенную внѣ зданія Palais de l'Industrie. Лошади, мериносы, машины смѣнялись одни другими передъ моими глазами. Чтобъ разсмотрѣть съ пользою такую выставку, нужно употребить мѣсяцъ времени для изслѣдованія и изученія ея; а чтобъ получить общее поверхностное понятіе о всѣхъ богатствахъ и быстрыхъ успѣхахъ сельскаго хозяйства во Франціи, достаточно одного часа. Я буду держаться средины; я раздѣлилъ выставку на три отдѣла, которые и разсмотрю каждый въ три раза, не для

того, чтобъ изучить ее во всей подробности и отдать о ней отчетъ, какъ-бы то сдѣлалъ экспертъ, но для того, чтобы составить себѣ самому понятіе о достоинствѣ выставленныхъ произведеній и когда появятся рекламы и объявленія въ газетахъ, чтобы быть въ состояніи различить, что слѣдуетъ отнести къ хвастливости Французовъ. Дидро писалъ (Pensées et maximes recueillies par Joliet): „Очень боюсь, чтобъ во Франціи не осуществилось въ ближайшемъ будущемъ предсказаніе Бэкона о томъ, что въ странѣ, гдѣ все вниманіе жителей обращено на предметы со стороны ихъ матеріальной пользы, гдѣ всецѣло отдаются администраціи, торговлѣ, земледѣлію, вопросамъ о ввозѣ и вывозѣ, финансамъ, — тамъ философія, науки и искусство приходятъ въ упадокъ“. Эти строки могли бы быть записаны сегодня“.

„21 іюня, второе посѣщеніе выставки: птицы, куры, утки, кролики и проч.

„22 іюня третье посѣщеніе. Обхожу первый и нижній этажъ зданія выставки. Коровы и быки. Произведенія Алжиріи, лѣсныя издѣлія. Не взирая на надписи *чисто-французскія* породы, я полагаю, что Голландія, Швейцарія и Англія немало содѣйствовали, помѣсью породъ, къ воспроизведенію во Франціи такихъ прекрасныхъ типовъ животныхъ, сдѣлавшихся теперь туземными. Скотоводы-заводчики заслужили медали и похвальные отзывы, до которыхъ они очень падки. Живое, пылкое воображеніе Французовъ *изобрѣтаетъ*, практическій умъ Англичанъ изслѣдываетъ и *совершенствуетъ* то, что признаетъ полезнымъ. Такъ самыя противуположныя способности, въ союзѣ между собою, ведутъ къ прогрессу.

„25 іюня. Я не замѣтилъ сегодня, во время продажи выставочныхъ произведеній, большаго оживленія между покупателями. Изъ числа животныхъ, три четверти были уже взяты обратно экспонентами; публики было мало. Развѣ было еще рано“.

Пріѣздъ Николая Дмитріевича Киселева.

Гр. Киселевъ имѣлъ въ 1860 г. утѣшеніе принять у себя въ домѣ брата своего Николая Дмитріевича, который пріѣхалъ изъ Рима 26 іюня и уѣхалъ въ Баденъ 4 августа. Во все время пребыванія Николая Дмитріевича Киселева въ Парижѣ,

они были неразлучны, обѣдали почти постоянно вдвоемъ. „Онъ прогостилъ у меня 40 дней“, записалъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, любившій горячо единственнаго брата, остававшагося въ живыхъ.

Въ то время, когда гостилъ въ Парижѣ у гр. Павла Дмитріевича Киселева братъ его Николай, происходила церемонія погребенія въ церкви Инвалиднаго дома принца Іеронима Бонапарте, дяди Наполеона III и отца принца Наполеона. Принцъ Іеронимъ скончался 24-го іюня, а погребеніе его было 3-го іюля. О немъ въ дневникѣ графа слѣдующія замѣтки:

Смерть принца Іеронима Бонапарте и мнѣніе о немъ Гизо.

„*23 іюня.* Мнѣ говорили сегодня вечеромъ, что принцъ Наполеонъ не пустилъ къ своему отцу архіепископа парижскаго подъ тѣмъ предлогомъ, что доктора строго это запретили. Обращаясь къ стоявшей прислугѣ, онъ закричалъ: не пускать болѣе этихъ гнусныхъ святошъ (ces misérables cafards). Но въ теченіи дня, императоръ приказалъ пригласить архіепископа для выполненія всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Пр. Іеронимъ, говорятъ, былъ уже два дня безъ сознанія.

„Гизо говоритъ о Жеромѣ, что онъ былъ худшій изъ всѣхъ Бонапартовъ, которыхъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ и лучшій изо всѣхъ тѣхъ, которые остались въ живыхъ“.

Дѣла Востока обращали на себя напряженное вниманіе Европы.

Утвержденіе въ Сербіи преемственнаго престолонаслѣдія, въ родѣ Обреновичей, встрѣчало со стороны Оттоманской Порты постоянныя возраженія.

Дѣла въ Сербіи.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ Барошъ, временно исполнявшій должность министра иностранныхъ дѣлъ, говорилъ гр. Киселеву, что въ отношеніи престолонаслѣдія въ Сербіи лучше дождаться прибытія Тувенеля, бывшаго посла въ Константинополѣ, которому дѣло это близко извѣстно. Когда-же пріѣхалъ Тувенель, то послѣдній говорилъ графу, что „Валадъ (французскій консулъ въ Сербіи) нисколько не враждебенъ Милошу, и что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя онъ внушилъ ему быть, сколько возможно, осторожнѣе съ ту-

земцами; что, напротивъ, ему часто жаловались на Милошевича (русскаго консула въ Сербіи), который, какъ Сербъ по происхожденію, находится въ связяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ, что вовлекаетъ его въ ошибки и отъ чего происходятъ плачевныя столкновенія. Относительно-же престолонаслѣдія въ пользу сына Милоша, онъ говорилъ съ Фуадъ-Пашею, который полагалъ, что можно будетъ достигнуть утвержденія наслѣдникомъ (succession) сына, но нельзя ожидать утвержденія правъ на престолонаслѣдіе (hérédité) въ родѣ Милоша, что, послѣ смерти отца, сынъ долженъ будетъ, въ почтительномъ письмѣ на имя султана, просить преемства въ управленіи дѣлами страны и представить увѣренія преданности".

Порядокъ престолонаслѣдія въ Сербіи.

Но гораздо болѣе тревожило европейскіе кабинеты, и въ особенности петербургскій, неисполненіе Турціею обязательствъ, предъявленныхъ ею въ гатъ-гумаюнѣ и вслѣдствіе того претерпѣваемыя христіанами бѣдствія и насилія въ Босніи и Герцеговинѣ. Говорили, что кн. Горчаковъ еще 4 мая 1860 года пригласилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, по повелѣнію Государя, представителей великихъ державъ для совѣщанія объ этихъ дѣлахъ, и что плодомъ этой конференціи было то, что въ дипломатическихъ сферахъ стали приписывать Россіи, будто она замышляетъ, для рѣшенія дѣлъ въ оттоманской имперіи, учредить, съ помощію Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи, верховный политическій надъ Оттоманскою Портою трибуналъ, съ устраненіемъ всякаго участія въ немъ Турціи, какъ виновницы всѣхъ неурядицъ. Какъ-бы то ни было, но 20 мая послѣдовала на имя представителей Россіи циркулярная нота кн. Горчакова, въ которой петербургскій кабинетъ, между прочимъ, выражалъ, что онъ далекъ отъ мысли предложить какое либо оскорбительное для турецкаго правительства вмѣшательство въ его дѣла, но что въ виду ужасовъ, которые претерпѣваютъ христіанскіе подданные султана, необходимо условиться, какія реформы могли бы принести существенное улучшеніе въ бытѣ этой части населенія Турціи, а для этого необходимо, чрез делегатовъ европейскихъ державъ, произвесть на самыхъ мѣстахъ изысканія, которыя и

Бѣдствія и насилія въ Босніи и Герцеговинѣ.

Конференція въ С.-Петербургѣ.

Циркуляръ кн. Горчакова.

подвергнуть разсмотрѣнію въ конференціи изъ представителей великихъ державъ. Дѣло это, въ которомъ, по мнѣнію кн. Горчакова, акты политическіе воплощаютъ въ себѣ интересы человѣколюбія, одно только способно упрочить спокойствіе Европы. Циркуляръ этотъ заканчивался намекомъ на итальянское народное движеніе и на сочувствіе, которое имъ оказывали Франція и Англія: „волненіе христіанъ на востокѣ усилилось еще болѣе оглашеніемъ событій, совершившихся на западѣ Европы, ободряя ихъ новыми надеждами“. Гр. Киселевъ записалъ въ свой дневникъ: „Князь Горчаковъ, говоря о своемъ циркулярѣ, выразился такъ: „мы освѣтили маякомъ подводный камень“. Едва только успѣли прочитать этотъ циркуляръ, какъ было получено извѣстіе о рѣзнѣ христіанъ въ Сиріи.

Рѣзня въ Сиріи.

Восточный вопросъ выдвигался все болѣе и болѣе, ожидали войны.

Переговоры о восточныхъ дѣлахъ.

„10 іюня я ѣду къ Тувенелю“, пишетъ графъ Киселевъ. Онъ все тоже повторяетъ о взаимныхъ нашихъ обязательствахъ въ случаѣ восточной войны. Тувенель показался мнѣ гораздо сдержаннѣе въ восточномъ вопросѣ. Я долженъ былъ напомнить ему, что во время итальянской войны Россія не задумалась содѣйствовать Франціи, насколько было это возможно и что мы разсчитываемъ на искреннее воздаяніе намъ того же. Вы совершенно правы, отвѣчалъ министръ; ваша нравственная поддержка принесла намъ существенную пользу; вы можете разсчитывать на насъ, но не забудьте только уговора о Венеціи, которая во всемъ этомъ дѣлѣ имѣетъ большое значеніе для императора. Я далъ ему почувствовать, что *на мой взглядъ* предположенный обмѣнъ невозможенъ“.

Наполеонъ читаетъ письмо кн. Горчакова.

Около этого же времени получено письмо кн. Горчакова отъ 3 (15) іюня, которое, по Высочайшему повелѣнію, графъ Киселевъ долженъ былъ довести до свѣдѣнія императора. „Я написалъ нѣсколько словъ Бачіокки, пишетъ онъ, что желаю имѣть аудіенцію, которая и назначена была мнѣ на слѣдующій день 6-го іюля, въ с. Клу, въ 10½ часовъ утра, куда дворъ переѣзжалъ 5 іюля.

Императоръ принялъ меня ровно въ $10^1/_2$ ч. Онъ прочиталъ письмо вслухъ, и повидимому, оно ему не понравилось; промолвивъ слова два, онъ молча возратилъ мнѣ его. Я вынужденъ былъ принять на себя роль пинчера [1]), чтобъ развязать ему языкъ, но напрасно; на вопросы мои онъ хладнокровно и вѣжливо отвѣчалъ односложными словами (par des monosyllabes). По свинцовой маскѣ этого сфинкса невозможно было допытаться, что онъ думаетъ. Постараюсь дознаться отъ Тувенеля; но впрочемъ надо обождать, какъ они поступятъ и поведутъ дѣла, тогда увидимъ пригодна ли въ дипломатіи слишкомъ большая откровенность и не приносятъ ли болѣе вреда, чѣмъ пользы откровенные разговоры. По мнѣ важна сущность дѣла, а не форма. Заставить читать дипломатическое сообщеніе отъ доски до доски можно только изъ одного тщеславія, а не на основаніи благоразумнаго убѣжденія. Весь разговоръ съ императоромъ и съ Тувенелемъ переданъ въ моихъ депешахъ отъ 10 іюля“.

Наполеонъ не высказывается.

Въ чемъ состояло письмо и какой былъ отвѣтъ Тувенеля, изъ записокъ гр. Павла Дмитріевича не видно.

Газета „La Patrie“ и мнѣніе графа Киселева о сирійскихъ дѣлахъ.

19 іюля гр. Киселевъ записываетъ въ свой дневникъ слѣдующую выдержку изъ газеты *La Patrie* того же дня: и „война эта (въ Сиріи) столь обильная уже ужасами! Невозможно сомнѣваться, чтобъ она не была давно задумана, подготовлена и организована“... „Я всегда думалъ и говорилъ“, пишетъ графъ, что это нападеніе мусульманъ на христіанъ есть ничто иное, какъ послѣдствіе сентябрскаго заговора, открытаго въ Константинополѣ, и главнымъ вождемъ котораго былъ Гусейнъ-Паша. Они хотѣли принудить правовѣрныхъ къ буквальному исполненію ученія корана: свергнуть султана, проникнувшагося нравственными правилами христіанства и оживить исламизмъ. Для достиженія сего, фанатикамъ этимъ самымъ вѣрнымъ средствомъ представлялось истребленіе христіанъ, и вотъ они принялись за это дѣло.

---

[1]) J'ai dû faire le Pineros (pincher)—англійская порода собачекъ, которыя все теребятъ.

После свиданія съ кн. Меттернихомъ, находимъ въ дневникѣ подъ 22 іюля слѣдующую замѣтку: „Меттернихъ не перестаетъ жаловаться на недостатокъ единодушія между державами, которыя однѣ въ состояніи остановить потокъ революціонныхъ движеній. Отношенія наши, говоритъ онъ, стали теперь лучше; но мы не настолько еще сблизились, сколько было бы необходимо въ интересахъ консервативныхъ монархій. Онъ говорилъ мнѣ также объ Аравитянахъ, которые по его мнѣнію, призваны играть важную роль въ событіяхъ приготовляющихся въ Турціи. Онъ полагаетъ, что при распаденіи Турціи Аравитяне станутъ на сторону христіанъ. Для насъ безразлично, продолжалъ онъ, чтобы ни творилось въ азіятскихъ владѣніяхъ Турціи, но насъ близко касается все, что происходить будетъ въ частяхъ европейской Турціи, прикасающихся къ нашимъ границамъ. Княжества (Молдаво-Валахія) уже взволнованы, но нѣкіе герои дня (принцъ Наполеонъ), въ порывахъ властолюбія, хотятъ сблизить ихъ еще болѣе съ Венгріею и Польшею".

Меттернихъ жалуется на недостатокъ единодушія.

Его мнѣніе объ Аравитянахъ.

Наконецъ по дѣламъ Востока назначена была въ Парижѣ конференція уполномоченныхъ великихъ державъ. Еще 21 іюля гр. Киселевъ повезъ Тувенелю телеграмму относительно конференціи по сирійскимъ дѣламъ, а 24 числа того же мѣсяца Тувенелю же предъявилъ согласіе относительно конвенціи для предполагаемой посылки окупаціоннаго корпуса въ Сирію.

Конференція въ Парижѣ.

На первомъ засѣданіи конференціи, происходившемъ 26 іюля, турецкій посолъ объявилъ, что не имѣетъ никакой инструкціи отъ своего правительства и просилъ отсрочки для прочтенія и обсужденія проекта конвенціи.

Гр. Киселевъ 26-го же числа записываетъ: „телеграммы изъ Петербурга такъ и сыплются относительно того, чтобы включить *нашу дополнительную статью* (notre article additionel), въ которой намъ уже напередъ отказано".

Домогательство петербурскаго кабинета о дополнительной статьѣ въ конвенціи.

Въ запискахъ гр. Киселева не приведено содержанія упоминаемой имъ дополнительной статьи; но изъ дипломатической переписки герцога Монтебелло, французскаго посла въ Петербургѣ, видно, что кн. Горчаковъ, сообщая ему, что гр. Кисе-

леву поручено вступить въ переговоры о посылкѣ окупаціоннаго отряда войскъ въ Сирію, добавилъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ нашему послу въ Парижѣ вмѣнено въ обязанность настаивать на томъ, чтобы въ конвенцію была включена статья, въ которой было бы выражено, что великія державы, въ согласность съ торжественными обѣщаніями Турціи (гатъ-гумаюнъ 1856 г.), принимаютъ на себя наблюденіе, чтобъ положеніе христіанъ во всей оттоманской имперіи было дѣйствительно улучшено, чтобъ нестерпимыя злоупотребленія были прекращены и не могли болѣе возобновляться и что, въ случаѣ повторенія въ другихъ частяхъ Турціи кровавыхъ междоусобій между мусульманами и христіанами, посредствующія державы прибѣгнутъ къ средствамъ, примѣняемымъ нынѣ въ Сиріи.

Категорическій отказъ Англіи на включеніе дополнительной статьи.

Требованіе петербургскаго кабинета о включеніи въ конвенцію предлагаемой статьи встрѣтило категорическій отпоръ со стороны Англіи и послужило поводомъ къ дѣятельной перепискѣ и обмѣну телеграммъ между кабинетами.

Изъ записокъ гр. Киселева видно, что 29 іюля онъ получилъ отъ Брунова изъ Лондона телеграмму о томъ, что попытка (?) его не удалась.

Дополнительный къ конвенціи протоколъ.

Впрочемъ гр. Киселеву удалось склонить уполномоченныхъ прочихъ державъ сдѣлать хотя нѣкоторую уступку. Къ третьему протоколу конференціи, подписанному 3-го августа, былъ приложенъ дополнительный протоколъ, подписанный того же числа слѣдующаго содержанія:

„Уполномоченные Австріи, Великобританіи, Пруссіи, Россіи и Турціи, желая опредѣлить дѣйствительное значеніе предположеннаго ими въ протоколѣ отъ сего же числа содѣйствія Турціи и объяснить побужденія, вызвавшія ихъ на заключеніе такого акта, имѣющаго, впрочемъ, вполнѣ безпристрастный характеръ, объявляютъ самымъ торжественнымъ образомъ, что договаривающіяся стороны не преслѣдуетъ каждая для себя никакихъ выгодъ или преимуществъ, какого бы то ни было свойства.

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вспоминая документъ [1]), вы-

[1]) Гатъ-гумаюнъ.

сокое значеніе котораго признано въ § 9 трактата 30 марта 1856 г., они не могутъ не заявить, что правительства ихъ нетерпѣливо ожидаютъ, чтобъ, въ исполненіе торжественнаго обѣщанія высокой Порты приняты были серьёзныя административныя мѣры для улучшенія участи христіанъ всѣхъ исповѣданій, живущихъ въ оттоманской имперіи.

„Уполномоченный Турціи принимаетъ къ свѣдѣнію такое заявленіе представителей высокихъ державъ и беретъ на себя передать оное своему правительству, но при этомъ заявляетъ съ своей стороны, что высокая Порта употребила до сихъ поръ и употреблять будетъ и впредь всѣ усилія для достиженія желанія, выраженнаго въ этомъ протоколѣ".

Конвенція по сирійскимъ дѣламъ была подписана только 18 августа. Графъ Киселевъ описываетъ засѣданіе посвященное ея подписанію такъ: Подписаніе конвенціи.

„По приглашенію Тувенеля я поѣхалъ для подписанія конвенціи, касающейся французской экспедиціи въ Сирію.

„Турецкій посолъ прислалъ сказать, что, по неполученію еще уполномочій, пріѣхать не можетъ.

„Лордъ Коулей объявилъ, что не подпишетъ конвенціи, доколѣ она не будетъ подписана Вефикъ-Беемъ, посломъ турецкимъ.

„Тувенель, Меттернихъ, Рейссъ и я подписываемъ.

„Такъ какъ протоколъ подписанъ и экспедиціонный корпусъ отправленъ на мѣсто, тому уже 10 дней, то подписаніе конвенціи ничто иное какъ соблюденіе формы; поэтому странно разсчитывать на возможность выгадать что либо, опираясь на отсутствіе полномочій. Впрочемъ отъ Англичанъ въ сообществѣ съ Турками, можно ожидать всего".

Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія протокола, 3 августа, была отправлена въ Сирію, изъ Шалонскаго лагеря, бригада въ 7 т. человѣкъ подъ командою генерала Бофоръ-д'Отпуль, которая высадилась въ августѣ же мѣсяцѣ въ Бейрутѣ. Экспедиція французскаго отряда войскъ въ Сирію.

Любопытно мнѣніе гр. Киселева, какому взысканію надлежало бы подвергнуть мусульманъ за ихъ неистовства въ Сиріи:

Мнѣніе графа Киселева какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть мусульманъ.

„Въ разговорѣ съ Тувенелемъ о рѣзнѣ въ Сиріи, я сказалъ ему, что, по мнѣнію моему, виновники должны быть подвергнуты строгому наказанію; но какъ невозможно предать смертной казни нѣсколько тысячъ человѣкъ, то я бы примѣнилъ ее только къ начальствовавшимъ и зачинщикамъ этихъ злодѣяній; но за то жителей всѣхъ общинъ, изъ среды которыхъ были участники убійствъ или которые допустили совершать эти злодѣйства въ виду своемъ, я бы выселилъ въ отдаленныя мѣста турецкой имперіи, а домá и земли, имъ принадлежащіе отдалъ бы въ собственность жертвамъ ихъ, засимъ всѣ общины Друзовъ объявилъ бы на военномъ положеніи, подъ наблюденіемъ европейскихъ коммиссаровъ.

„Такой способъ подавленія междоусобій оказался бы дѣйствительнѣе чѣмъ обезглавленіе сотенъ людей“.

Съѣздъ германскихъ государей въ Баденѣ.

Когда вслѣдъ за присоединеніемъ къ Франціи, Савойи и Ниццы стѣны англійскаго парламента огласились словами лорда Джонъ Росселя, что „Великобританія не должна уединяться отъ остальной Европы и что если она не желаетъ слышать сегодня объ одномъ, а завтра о другомъ территоріяльномъ увеличеніи Франціи, то должна быть постоянно въ готовности дѣйствовать сообща съ прочими государствами материка“, — тогда и въ разрозненной Германіи, въ отдѣльныхъ ея государствахъ почувствовалась потребность вступить въ болѣе тѣсную связь между собою. Въ половинѣ іюля былъ назначенъ съѣздъ германскихъ властителей въ Баденѣ.

Хотя для успокоенія умовъ взволнованной Европы еще въ началѣ іюня появилась въ „Монитёрѣ“ статья, въ которой объявлялось что „императоръ одушевленъ самыми миролюбивыми намѣреніями и съ своей стороны употребляетъ всѣ усилія чтобъ возстановить пошатнувшееся довѣріе“; но какъ подобнымъ обѣщаніямъ никто болѣе не вѣрилъ, то императоръ Наполеонъ рѣшился явиться лично въ Баденъ-Баденъ, среди германскихъ государей.

Наполеонъ въ Баденѣ и брошюра Эдмона Абу.

Но передъ отъѣздомъ своимъ туда, онъ счелъ нужнымъ выпустить въ свѣтъ новую брошюру „La Prusse en 1860“. Наполеонъ хорошо понималъ, что на съѣздѣ германскихъ госу-

дарей главнымъ руководителемъ будетъ принцъ-регентъ прусскій, который, несмотря на то, что, по крайней мѣрѣ въ то время, всегда ставилъ независимость германскихъ государей выше коллективной власти Франкфуртскаго сейма, все таки весьма охотно прислушивался къ патріотическимъ возгласамъ о единой Германіи. Поэтому въ новой брошюрѣ своей Наполеонъ ловко проводилъ мысль о значеніи для Германіи Пруссіи, въ дружескомъ единеніи съ Франціею. Но чтобъ выпущенную брошюру не причислили опять къ числу фабрикуемыхъ Людовикомъ-Наполеономъ, то на заглавномъ листѣ было напечатано имя Эдмона Абу.

Въ запискахъ гр. Киселева находимъ объ этой брошюрѣ слѣдующую замѣтку:

„Читалъ брошюру Эдмона-Абу: „La Prusse en 1860“. Брошюра эта была сначала озаглавлена „Napoleon III et la Prusse en 1860“, но вчера остановили ея продажу, чтобъ перемѣнить заглавіе. Съѣздъ государей въ Баденѣ получилъ эту брошюру сегодня, за нѣсколько времени до пріѣзда Людовика-Наполеона. Брошюра эта писана подъ руководствомъ Фульда и Мокара; о ней была рѣчь въ Фонтенебло во вторникъ [1]) 12-го іюня; съ какою цѣлію послали ее въ баденское собраніе, въ самый день выѣзда императора въ Германію“?

Наполеонъ отправился изъ Парижа въ Баденъ 15-го іюня; онъ встрѣтилъ тамъ принца-регента прусскаго, королей: виртембергскаго, баварскаго, саксонскаго и ганноверскаго и пять герцоговъ и великихъ герцоговъ. Недоставало одного австрійскаго императора, но въ сущности Австрія имѣла представителями своихъ интересовъ въ короляхъ баварскомъ и саксонскомъ, которые въ то время находились подъ вліяніемъ Австріи.

Императоръ Французовъ былъ принятъ въ средѣ германскихъ государей со всею любезностью и внимательностью. Онъ пробылъ въ Баденѣ двое сутокъ, стараясь во все это время

---

[1]) Въ запискахъ гр. Киселева сказано *„12-го марта* во вторникъ“, но 12-е марта было въ понедѣльникъ, и именно *12-го іюня* былъ вторникъ, при томъ въ мартѣ мѣсяцѣ и дворъ не былъ въ Фонтенебло.

убѣдить германскихъ государей въ неосновательности ихъ опасеній и увѣрялъ, что Франція никакихъ завоевательныхъ замысловъ не имѣетъ.

Однако событія въ Европѣ все усложнялись; дипломатическіе переговоры оказывались недостаточными,—требовалось личное совѣщаніе правителей.

Свиданіе въ Теплицѣ принца-регента и австрійскаго императора.

Послѣ баденскаго съѣзда германскихъ государей, состоялось 26-го іюня въ Теплицѣ свиданіе принца-регента прусскаго съ австрійскимъ императоромъ, и тутъ-же, какъ говорили тогда, будущій германскій императоръ Вильгельмъ и австрійскій Францъ-Іосифъ, согласились просить Императора Александра II назначить время и мѣсто для свиданія съ нимъ.

Свиданіе это было назначено на октябрь въ Варшавѣ, гдѣ мы встрѣтимся тоже съ гр. Киселевымъ.

Неудовлетворительное состояніе здоровья гр. Киселева.

Состояніе здоровья графа было крайне неудовлетворительно. Онъ обыкновенно уѣзжалъ на лѣтніе мѣсяцы изъ Парижа, а въ 1860 г., къ великой его досадѣ, долженъ былъ остаться. Въ письмѣ къ брату отъ 27-го апрѣля онъ писалъ что „чувствуетъ потребность освѣжиться, но не знаетъ какъ взяться за это, тѣмъ болѣе что получилъ оффиціальное извѣщеніе, что ему назначено участвовать въ конференціи европейскихъ державъ, въ томъ случаѣ, если она состоится въ Парижѣ; при такихъ условіяхъ просить отпускъ неблаговидно“.

Предположенная конференція состоялась и окончилась лишь 18-го августа; по этому гр. Павелъ Дмитріевичъ принужденъ былъ оставаться въ Парижѣ до конца августа. Впрочемъ онъ писалъ кн. Горчакову, что если находятъ невозможнымъ отпустить для свиданія съ нимъ брата его, то проситъ исходатайствовать у Государя отпускъ ему самому въ Римъ, „потому“, пишетъ графъ своему брату, „что въ мои лѣта нельзя полагаться на время и я желаю еще разъ видѣть и поцѣловать тебя, или на берегахъ Рейна, или во Франціи“.

Мы видѣли что братъ графа былъ отпущенъ въ Парижъ и пробылъ тамъ 40 дней.

Проводя лѣто въ Парижѣ, гр. Киселевъ постоянно дѣлалъ

прогулки и часто обѣдалъ на воздухѣ у себя въ саду; но все это, особенно при постоянномъ занятіи дѣлами, не могло замѣнить привычнаго, въ это время года, отдыха.

Въ дневникѣ графа записанъ слѣдующій пароксизмъ, случившійся съ нимъ 9-го августа.

Болѣзненный припадокъ съ гр. Киселевымъ на улицѣ.

„Послѣ прогулки въ Тюльерійскомъ саду я пошелъ домой по набережной и аллеѣ (Avenue) Мариньи и лишь только поровнялся съ бывшимъ домомъ Дельмара (Delmar), какъ почувствовалъ головокруженіе и онѣменіе правой стороны, что̀ я уже замѣчалъ нѣсколько разъ прежде. Пока я стоялъ, прислонившись къ дереву, какой то господинъ подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ, увѣряя что знаетъ меня и называя себя кавалеромъ Месме, онъ предложилъ мнѣ руку, повелъ къ скамьѣ и спросилъ не желаю ли я, чтобъ онъ привелъ мою карету или извозчика, которые довезли бы меня до моего отеля. Когда я предпочелъ извозчика, то не смотря на свои зрѣлые лѣта, онъ не пошелъ, а побѣжалъ, и черезъ 10-ть минутъ привелъ извозчика и отвезъ меня домой, заботливо помогая мнѣ какъ при входѣ, такъ и при выходѣ изъ экипажа. Я горячо поблагодарилъ его и на слѣдующее утро пѣшкомъ занесъ ему мою визитную карточку. Случай этотъ доказалъ мнѣ насколько Французы добры по природѣ своей. Не говоря уже о поступкѣ г. Месме, подошла ко мнѣ еще простая женщина, спросила какъ я себя чувствую и не нужно ли мнѣ чего? „Мужъ мой, продолжала она, хотѣлъ бѣжать къ вамъ, господинъ мой, но блузнику не всегда удобно предлагать даже самыя безкорыстныя услуги свои“. И вотъ какъ выражается простая крестьянка! Они всѣ таковы когда не возбуждены политическими страстями, такъ легко воспламеняющимися у этого народа Зуавовъ, какъ называетъ ихъ баронъ Будбергъ“.

Передъ отъѣздомъ въ Баденъ, гр. Киселевъ заходилъ къ Тувенелю чтобъ переговорить съ нимъ о полученныхъ отъ кн. Горчакова сообщеніяхъ (два письма отъ 6-го (18-го) августа).

Два письма кн. Горчакова съ предложеніемъ соглашенія съ Франціею, и мнѣніе о нихъ гр. Киселева.

„Въ одномъ изъ этихъ писемъ, пишетъ графъ, заключа-

лись соображенія, говорящія въ пользу соглашенія между двумя или-же четырьмя державами (entente à deux, ou à quatre), а въ случаѣ соглашенія между двумя говорилось даже о договорѣ письменномъ, если впрочемъ въ Парижѣ расположены къ тому.

„Въ другомъ письмѣ говорилось, что въ Петербургѣ продолжаютъ думать, чтъ тѣсный союзъ (entente intime) между Франціею и Россіею обезпечилъ бы взаимныя политическія выгоды обоихъ государствъ и что Франція всегда можетъ разсчитывать на готовность нашу къ тому (Elle nous y trouvera toujours prête (sic)).

„Мы просимъ только одного, чтобъ не нарушали нашихъ принциповъ, пожертвовать которыми мы не можемъ.

„Императоръ Александръ далъ понять это еще въ Штутгардтѣ.

„Выражая такъ открыто свои дѣйствительные политическіе виды, мы просимъ, чтобъ и Франція платила намъ такимъ-же откровеннымъ прямодушіемъ“.

„Это письмо кн. Горчакова, полагаю, было вызвано моимъ“, пишетъ гр. Киселевъ, „въ которомъ я сообщалъ свой разговоръ съ государственнымъ министромъ Фульдомъ, а также о распространившихся въ Парижѣ толкахъ объ охлажденіи отношеній между обоими дворами“.

Гр. Киселевъ въ Баденѣ.

Послѣ подписанія конвенціи, гр. Киселевъ 21-го августа выѣхалъ изъ Парижа и 22-го пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ его встрѣтилъ братъ. Въ Баденѣ находилась въ это время Вел. Кн. Елена Павловна, супруга принца-регента прусскаго, Августа, и принцъ Николай Нассаускій.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ пробылъ въ Баденѣ до 15-го сентября, и проводилъ большую часть времени съ братомъ; который оставался до 9-го сентября, и съ Великою Княгинею Еленою Павловною въ ея загородномъ домикѣ (châlet). Онъ сдѣлалъ визитъ принцессѣ прусской, которая на другой же день пригласила его къ себѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Дмитріевичемъ Киселевымъ: „24-го августа, получаю, пишетъ графъ, приглашеніе прибыть въ два часа къ принцессѣ прусской.

Мы поѣхали вмѣстѣ съ братомъ, который получилъ подобное же приглашеніе. Я дебютировалъ промахомъ, принявши придворную даму за принцессу, которая вышла вскорѣ за тѣмъ. Принцесса, дочь нашей Вел. Княг. Маріи Павловны; когда я видѣлъ ее въ 1835 году, она была красоты ослѣпительной, она и теперь еще видная женщина. Такъ какъ въ разговорѣ о французскомъ императорскомъ дворѣ она расточала похвалы Наполеону и императрицѣ Евгеніи, то и я отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ. Съ братомъ она говорила о папѣ и о Римѣ. Аудіенція продолжалась съ полчаса, и за тѣмъ принцесса милостиво отпустила насъ".

Прусская принцесса Августа.

Въ Баденѣ же занесены въ дневникъ, двѣ слѣдующія замѣтки графа о Наполеонѣ:

Замѣтки гр. Киселева о Наполеонѣ.

„Въ Journal des Débats напечатанъ отвѣтъ императора Наполеона президенту ліонской палаты торговли Броссе. Онъ заканчиваетъ свою рѣчь словами: „Франція управляемая моею династіею не выродится (ne dégénérera pas)". Мнѣ кажется, что онъ употребилъ слово *династія* въ публичной рѣчи въ первый разъ, что довольно смѣло для изобрѣтателя всеобщей подачи голосовъ.

„Свиданіе императора Наполеона въ Шамбери съ Фарини и Чіальдини; говорятъ, что послѣдній изъ нихъ представилъ свой планъ кампаніи противъ владѣній папскаго престола, и что императоръ поправлялъ этотъ планъ, и одобрялъ его, но съ тѣмъ, чтобы не касались Рима и красныхъ штановъ (французскій отрядъ генерала Гойона), и чтобъ кончали скорѣе (à la condition que Rome et les pantalons garance fussent respectés et que l'on fasse vite)".

Графъ Киселевъ возвратился въ Парижъ 16-го сентября; его встрѣтилъ въ воксалѣ братъ его.

Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ графа къ его посту, онъ получилъ телеграмму кн. Горчакова отъ 19-го сентября, въ которой сообщалось что Государь пріѣдетъ въ Варшаву 26-го сентября (8-го октября) и останется тамъ до 13-го (25-го) октября, и гр. Киселевъ приглашался пріѣхать туда.

Извѣстіе о предполагавшемся свиданіи въ Варшавѣ крайне

Опасенія Наполеона по поводу варшавскаго свиданія государей.

тревожило Тюльерійскій дворъ; по поводу сообщенія о семъ изъ Петербурга герцогомъ Монтебелло, пріѣзжалъ, 19-го же сентября, къ гр. Киселеву, Морни съ увѣреніями, что императоръ очень дорожитъ союзомъ съ Россіею, и что онъ, Морни, вполнѣ сочувствуетъ такому союзу; а когда гр. Киселевъ [1]) поѣхалъ къ Морни, чтобъ отдать визитъ ему, то Морни, передавая содержаніе своего вчерашняго разговора съ императоромъ, сказалъ, что „Наполеонъ очень недоволенъ положеніемъ дѣлъ, и что варшавское свиданіе ему очень непріятно. Онъ (Наполеонъ) не можетъ понять“, сказалъ Морни, „съ какою цѣлію Императоръ Александръ соглашается принять визитъ австрійскаго императора; манифестація эта сама по себѣ не имѣетъ никакого основанія, но въ мнѣніи Европы она будетъ имѣть свое значеніе; это очень досадно, повторялъ онъ нѣсколько разъ, и наводитъ на раздумье (et donne à penser). „Вѣдь императоръ не опасается коалиціи“, продолжалъ Морни, „конечно нѣтъ; но это можетъ вредно повліять на предрасположеніе къ согласію нашихъ обоихъ правительствъ“ (mais cela peut déplacer les tendances de la bonne entente de nos deux gouvernements).

„Я старался, пишетъ графъ, успокоить его относительно значенія этого свиданія и сказалъ, что неудобно было отклонить просьбу сосѣда, желающаго принести повинную за прошлые грѣхи (qui venait faire son *mea culpa* pour le passé), чтобъ воскресить утраченную дружбу“.

Изъ разговора съ Тувенелемъ, 2-го октября, гр. Киселевъ тоже заключилъ, что на варшавское свиданіе взираютъ недовѣрчиво, и что въ Тюльери недоумѣваютъ, какое положеніе приметъ Россія въ виду готовящейся будто-бы коалиціи.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ приглашеній гр. Киселева въ С.-Клу, для личныхъ переговоровъ съ Наполеономъ, незадолго до отъѣзда графа въ Варшаву, именно 16-го октября, пріѣзжалъ къ нему Фульдъ: „Государственный министръ Ахиллъ Фульдъ, пишетъ графъ, пріѣхалъ ко мнѣ прямо изъ С.-Клу. Онъ началъ разговоръ о союзѣ съ Россіею, какъ

[1]) 30-го сентября.

единственно правильномъ въ интересахъ обѣихъ имперій, и противъ котораго ничего не подѣлали бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вся остальная Европа соединилась съ Англіею. „Императоръ очень доволенъ разговоромъ вашимъ съ его величествомъ, сказалъ онъ, онъ васъ полюбилъ (vous avez ses sympathies), и вы можете говорить съ нимъ *откровенно*“.— „Я всегда такъ и говорю, отвѣчалъ я, когда императоръ доставляетъ мнѣ къ тому случай, но не могу же я ни съ того ни съ сего навязывать ему свои мнѣнія, когда онъ не спрашиваетъ ихъ (Je ne puis pourtant lui donner des avis à brule-pourpoint et sans qu'il ne les provoque de son chef)“.

Мысли гр. Киселева о политикѣ Наполеона.

„Угодничество пустяками (niaiseries courtoises) не въ моемъ вкусѣ, а разговоръ о дѣлахъ серьезныхъ и полезныхъ быть можетъ не понравится ему (Наполеону). Поэтому я почти ограничиваюсь точною передачею содержанія получаемыхъ депешъ, и зачастую этого вполнѣ достаточно. Впрочемъ, если выдастся случай откровенной бесѣды съ нимъ, то я поведу разговоръ о соціальной революціи, которая уготовляется или, правильнѣе сказать, развивается подъ его покровительствомъ. Ученіе о національностяхъ можетъ служить на пользу демагогамъ, расшатывающимъ основанія, на которыхъ покоится общественное устройство, но конечно оно не въ пользу государямъ, которые хотятъ созидать. Если императоръ станетъ въ главѣ нововводителей (novateurs), то ему слѣдуетъ отказаться отъ мысли основать династію, а напротивъ того быть готовымъ испытать всѣ случайности соціальныхъ переворотовъ. Представляетъ-ли это для него какія либо выгоды? неужели онъ серьезно думаетъ, что народныя массы, призываемыя *всеобщею подачею голосовъ* для учрежденія надъ собою правительства, пощадятъ исключительно *его власть* и *его престолъ*? Онъ слишкомъ разсудителенъ для того, чтобъ не предвидѣть что́ можетъ ему сулить въ будущемъ пропаганда его двоюроднаго брата съ шайкою приближенныхъ. Тутъ готовится опасность и для него и для Европы, а потому я искренно желалъ бы, чтобъ онъ самъ поспѣшилъ рѣшить слѣдующую дилемму: *быть ли ему государемъ, основателемъ*

династіи, или сдѣлаться *ярымъ трибуномъ?* Можно подумать, что онъ готовитъ себя и на то, и на другое поприще, на случай если встрѣтитъ противодѣйствіе или въ коалиціи государей, или въ возстаніи народовъ; но разсчетъ этотъ плохой, потому что вселяетъ недовѣріе еще прежде чѣмъ задуманный планъ дѣйствій получитъ примѣненіе“ [1]).

Отозваніе изъ Турина французскаго и русскаго посланниковъ.

Между тѣмъ, дѣла въ Италіи все болѣе и болѣе клонились къ объединенію въ одно цѣлое всѣхъ частей полуострова. Пьемонтскія войска заняли территорію Церковной Области, а Неаполь и Сицилія отложились отъ короля Фердинанда II и провозгласили королемъ Италіи Виктора Эммануила. Это побудило императора Наполеона отозвать своего посланника въ Туринѣ, барона Талейрана и въ тоже время, въ нотѣ отъ 29-го сентября (10-го октября), князь Горчаковъ объявилъ нашему посланнику при сардинскомъ дворѣ, что Государь Императоръ, усматривая въ дѣйствіяхъ сардинскаго правительства явное неуваженіе международныхъ правъ и соучастіе съ вождями революціи, не можетъ болѣе оставить при дворѣ короля Виктора Эммануила своего представителя, и потому повелѣваетъ князю Гагарину немедленно потребовать свои паспорты и оставить Туринъ.

Прусскій посланникъ въ Туринѣ не отзывается.

Несмотря, однако, на дружеское, повидимому, согласіе въ дѣлахъ внѣшней политики между Россіею и Пруссіею, прусскій посланникъ въ Туринѣ графъ Брасье-де-Сенъ Симонъ былъ оставленъ при сардинскомъ дворѣ, и прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Шлейницъ, удовольствовался тѣмъ, что въ депешѣ отъ 13 октября поручилъ объявить Кавуру, что правительство его не можетъ одобрять дѣйствій, которыя идутъ въ разрѣзъ съ международнымъ правомъ и явно клонятся на сторону революціи.

Графъ Киселевъ объясняетъ себѣ отчасти причину такого, несогласнаго съ политикою Россіи, дѣйствія прусскаго кабинета:

---

[1]) „L'on dirait qu'il veut avoir deux cordes à son arc, pour le cas où l'une d'elles lui manque, soit par une coalition des rois, soit par une révolte des peuples; c'est un mauvais calcul qui, sans atteindre le résultat, engendre la défiance avant même l'application“.

„Когда я отдавалъ визитъ г. Пурталесу, то, по нѣкоторому смущенію въ рѣчахъ его, я замѣтилъ, что въ послѣднее время колеблющаяся прусская политика клонится къ болѣе тѣсному союзу съ Англіею. Брасье-де-Сенъ Симонъ не будетъ отозванъ изъ Турина, и это отзовется на дѣлахъ варшавской конференціи. Въ глазахъ Наполеона значеніе наше усиливалось представлявшимся ему вліяніемъ нашимъ на Пруссію; теперь онъ увидитъ, что Англія заняла наше мѣсто въ Берлинѣ, и на столько менѣе онъ будетъ дорожить нами, хотя, конечно, не выкажетъ этого. Во всякомъ случаѣ, я считаю обстоятельство это, какъ бы оно ни казалось малозначительно, урокомъ для нашего кабинета“.

Пруссія сближается въ Англіею.

Наполеонъ, однако, дорожилъ дружескими отношеніями съ русскимъ правительствомъ; онъ опасался, что чрезвычайныя событія въ Италіи могутъ быть приписаны его личнымъ тайнымъ проискамъ, чему не мало могло способствовать свиданіе его съ Фарини и Чіальдини въ Шамбери; за успѣхами въ средней и южной Италіи стоялъ на очереди вопросъ венеціанскій, и слѣдовательно, можно было ожидать новаго столкновенія съ Австріею. Все это могло дать поводъ къ осужденію политики Франціи на съѣздѣ государей въ Варшавѣ.

Поэтому Тувенель, въ депешѣ отъ 17 октября на имя герцога Монтебелло писалъ, что „одни только недоброжелатели и клеветники могутъ думать, что событія въ Церковной Области и Неаполѣ не опечалили императора. Правительство Франціи далеко не одобряетъ всего того, что происходитъ въ Италіи: если совѣсть наша возмущается тѣми средствами, которыя избрали итальянское правительство и итальянскіе патріоты для достиженія своей цѣли, то съ другой стороны, по убѣжденію, мы не можемъ стать защитниками падшихъ правительствъ“.

Объясненія французскаго кабинета.

Независимо отъ сего, вслѣдствіе вопроса князя Горчакова о томъ, въ какой мѣрѣ правительство Франціи сочтетъ возможнымъ оказать содѣйствіе Россіи въ попыткѣ ея предупредить *кризисъ, угрожающій Европѣ*, тюльерійскій кабинетъ изготовилъ „меморандумъ“, который, при собственноручномъ

Меморандумъ того же кабинета для предъявленія въ Варшавѣ государямъ.

письмѣ Наполеона на имя Императора Александра былъ посланъ для предъявленія въ Варшавѣ съѣзду государей.

Въ этой меморіи объяснялось, что правительство Франціи прежде всего „категорическое принимаетъ на себя обязательство не оказывать Пьемонту никакой помощи въ случаѣ столкновенія съ Австріею по поводу Венеціи, а затѣмъ подтверждалось присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы", даже въ томъ случаѣ, если у Пьемонта будутъ отняты занятыя территоріи, не касаясь однако, утвержденныхъ уже за нимъ виллафранкскимъ и цюрихскимъ договорами".

Графъ Киселевъ выѣхалъ изъ Парижа въ Варшаву 18-го октября. По обыкновенію своему, онъ везъ изготовленныя имъ записки о положеніи политическихъ дѣлъ.

Гр. Киселевъ въ Варшавѣ.

Графъ Киселевъ пріѣхалъ въ Варшаву 21 октября, въ 10 часовъ вечера. Онъ былъ до крайности утомленъ путешествіемъ, хотя ночевалъ въ Кельнѣ, Берлинѣ и Бреславлѣ; въ послѣднемъ изъ этихъ городовъ онъ узналъ, что Государь пріѣхалъ уже въ Варшаву 20-го октября въ 5 часовъ вечера.

Въ варшавскомъ воксалѣ желѣзной дороги онъ былъ встрѣченъ гр. П. А. Шуваловымъ, который проводилъ его на приготовленную для него квартиру въ домѣ Шембека и сообщилъ, что „Пруссіею не довольны".

Онъ является Государю.

Послѣ совершенно безсонной ночи гр. Киселевъ 22 числа, въ 10 часовъ утра явился къ Государю въ Бельведерѣ. „Государь принялъ меня радушно (amicalement) и говорилъ, что мало довѣряетъ Людовику Наполеону. Разговоръ ограничился повтореніемъ упрековъ (Наполеону) за виллафранкское перемиріе и нѣсколькими замѣчаніями по дѣламъ Италіи. Я представилъ свои двѣ записки о настоящемъ положеніи Франціи и удалился, когда вошелъ принцъ-регентъ прусскій, съ которымъ я обмѣнялся нѣсколькими словами".

Государь назначилъ графу продолженіе доклада, но и оно было прервано пріѣздомъ австрійскаго императора.

Свиданіе съ кн. А. М. Горчаковымъ.

Затѣмъ гр. Киселевъ поѣхалъ къ кн. Горчакову: „Разговоръ съ кн. Горчаковымъ продолжался часъ времени. Мы

читали переписку съ французскимъ императорскимъ кабинетомъ. Я подалъ князю мою записку о пользѣ *оборонительнаго союза съ Франціею, съ точнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ обязательствъ договаривающихся сторонъ*, для представленія ея Государю. Его Величеству угодно было написать на поляхъ этой записки: *противъ кого?*

,,Князь Горчаковъ, жалуясь на постоянное утомленіе, которое испытываетъ онъ, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, сказалъ, что Государь обѣщалъ ему *имѣть это въ виду* (promit d'aviser)".

Вечеромъ этого дня посѣтили графа, князь намѣстникъ М. Д. Горчаковъ и князь Вас. Андр. Долгорукій.

Предложеніе гр. Киселеву предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ.

На слѣдующій день, 23, гр. Киселевъ въ 11 часовъ утра былъ у Государя: ,,Его Величество говорилъ мнѣ о моей запискѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Россіи и въ особенности о Совѣтѣ (Государственномъ) и президентствѣ въ немъ". Затѣмъ, графъ, вмѣстѣ съ барономъ Будбергомъ, поѣхалъ на Высочайшій смотръ войскъ и въ три часа, по повелѣнію Государя, снова явился къ Его Величеству.

„Его Величество началъ разговоръ съ того, что крайне затрудняется выборомъ преемника кн. Орлову, что, вѣроятно, вскорѣ потребуется. Онъ сказалъ, что, разсчитывая на меня, хотѣлъ со мною объ этомъ переговорить. Я отвѣчалъ, что не желалъ бы заключить свое служебное поприще дурнымъ поступкомъ, а я поступилъ бы дурно еслибъ въ мои лѣта принялъ должность, исполнять которую съ честію не въ состояніи. При этихъ словахъ доложили о пріѣздѣ австрійскаго императора. Его Величество поспѣшно пошелъ одѣваться, сказавши мнѣ: *„До завтра для окончанія нашего разговора"*.

Гр. Киселевъ отказывается отъ такого предложенія.

„Въ среду, 24 октября, былъ назначенъ Высочайшій столъ въ Лазенкахъ для иностранныхъ гостей и свиты Государя. „Мнѣ не удалось, пишетъ графъ, утромъ представиться Государю въ Бельведерѣ, но послѣ обѣда въ Лазенковскомъ дворцѣ, Его Величество подошелъ ко мнѣ и спросилъ: *упорствую-ли я въ своемъ отказѣ? Да, Ваше Величество, отвѣчалъ я, потому что это дѣло совѣсти.* Государь замѣтилъ въ это

время какого-то австрійскаго военнаго, подошелъ къ нему, и тѣмъ закончился разговоръ о президентствѣ".

Конференція государей въ Варшавѣ.

25 октября была конференція государей въ Бельведерѣ; вѣроятно, были приглашены одни только министры иностранныхъ дѣлъ: кн. Горчаковъ, кн. Гогенцоллернъ и гр. Рехбергъ, находившіеся въ Варшавѣ, куда въ то время съѣхались также и наши посланники въ Вѣнѣ (Балабинъ) и въ Берлинѣ (Будбергъ).

Тревожныя извѣстія о состояніи здоровья вдовствующей Императрицы.

Вечеромъ того же дня получено было тревожное извѣстіе о состояніи здоровья вдовствующей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Когда на другой день утромъ 26 октября гр. Киселевъ былъ у Наслѣдника Цесаревича, то зашелъ туда Государь. Въ дневникѣ записано: „Государь, встрѣтясь со мною, сказалъ мнѣ, что Августѣйшая Его Мать посылаетъ мнѣ поклонъ".

Отъѣздъ Государя изъ Варшавы.

Государь уѣхалъ въ Петербургъ въ тотъ же день, въ часъ пополудни; къ этому часу въ Бельведеръ собрались всѣ иностранные государи и принцы, а также и всѣ прочіе бывшіе въ Варшавѣ сановники.

Послѣ отъѣзда Государя, гр. Киселевъ имѣлъ разговоръ съ княземъ Горчаковымъ, продолжавшійся два часа; содержаніе этого разговора записано въ дневникѣ:

„Кн. Горчаковъ сообщилъ мнѣ нѣсколько подробностей о вчерашней конференціи въ Бельведерѣ...

Разговоръ съ кн. Горчаковымъ о предсѣдательствѣ въ Совѣтѣ.

„Послѣ разговора о конгрессѣ, кн. Горчаковъ сказалъ мнѣ, что Государь говорилъ ему о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и что я отказался отъ него. — Я уклонился и уклонюсь и впредь, если противъ моего ожиданія такое предложеніе повторилось бы, отвѣчалъ я, потому что прежде всего должно сообразоваться со своими силами и взвѣсить, что возможно предпринимать въ томъ возрастѣ, котораго я достигнулъ. *Непрерывное, ежедневное занятіе, мнѣ не по силамъ* и это въ такой степени, что мое участіе въ дѣлахъ (значеніе которыхъ мнѣ хорошо извѣстно), послужило бы скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу. Знаю, что много есть людей, самонадѣянно увѣренныхъ въ личныхъ своихъ достоинствахъ, которые не подумали бы отказаться отъ должности *главнаго министра*, какъ вы ее называете; я же думаю иначе и надѣюсь сойти

въ могилу не запятнавши мое продолжительное служеніе безсовѣстнымъ поступкомъ. Послѣ 54-хъ лѣтъ службы, на 73-мъ году жизни, при естественной отъ сего слабости здоровья, было бы не совмѣстимо съ долгомъ честнаго человѣка, увлечься тщеславіемъ и обмануть ожиданія моего Государя, такъ милостиво ко мнѣ обращающагося. Я сказалъ это Его Величеству и полагаю, что хорошо сдѣлалъ".

„Разговоръ этотъ тѣмъ и кончился. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ о его отъѣздѣ, назначенномъ на слѣдующій день, я простился и вышелъ."

Гр. Киселевъ получаетъ прусскій орденъ Чернаго Орла.

Въ тотъ-же день принцъ-регентъ прусскій прислалъ гр. Киселеву съ своимъ адъютантомъ барономъ Цоёнъ орденъ Чернаго Орла.

Отъѣздъ изъ Варшавы.

27-го октября гр. Киселевъ обѣдалъ у князя намѣстника, а 28-го онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ обратный путь. На пути, въ Лейпцигѣ, онъ занялся съ А. Ѳ. Гротомъ пересмотромъ послѣдне полученныхъ бумагъ для предстоящихъ переговоровъ съ Тувенелемъ, а 31-го октября, пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ на другой же день узналъ о кончинѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны, послѣдовавшей 20-го октября (1-го ноября).

Свиданіе гр. Киселева съ Тувенелемъ и императоромъ Наполеономъ.

Возвратившись въ Парижъ, гр. Киселевъ 1-го ноября ѣздилъ къ Тувенелю, а 6-го въ Сенъ-Клу къ императору для передачи имъ обоимъ результатовъ варшавскаго совѣщанія государей.

Въ „дневникѣ" упоминается объ этихъ свиданіяхъ лишь слѣдующее:

„Тувенель остался очень доволенъ; онъ не понимаетъ только замѣчаній или оговорокъ (réserves) Австріи".

„Разговоръ съ императоромъ изложенъ въ моей депешѣ отъ 9-го ноября посланной съ курьеромъ (кн. Гагаринымъ изъ Турина)".

Результатъ варшавскаго совѣщанія.

Но изъ слѣдующаго письма гр. Киселева къ брату его Николаю Дмитріевичу въ Римъ отъ 10-го ноября 1860 г. можно узнать, въ главныхъ чертахъ, переданное графомъ о результатѣ варшавскаго совѣщанія:

„Вчера я писалъ тебѣ по обыкновенной почтѣ; сегодня добав-

ляю нѣсколько строкъ, которыя посылаю съ В.... состоящимъ при посольствѣ твоемъ въ Римѣ и отъѣзжающимъ завтра утромъ.

„Добрыя отношенія съ сосѣдними государствами (Пруссіею и Австріею) утвердились, — вотъ и все (les rapports de bon voisinage se sont consolidés et voilà tout). Предположеніе о наступательныхъ дѣйствіяхъ въ потребныхъ случаяхъ отклонено совершенно, потому что мы твердо рѣшились не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій и оказывать лишь нравственную поддержку (appui moral) нашимъ сосѣдямъ.

„Мы остаемся въ добромъ согласіи съ Франціею (notre bonne entente avec la France est maintenue), и предложенія французскаго правительства, относительно возможнаго умиротворенія Италіи, приняты въ главныхъ основаніяхъ (et ses propositions éventuelles pour la pacification de l'Italie sont admises en principe). Оговорки или, лучше сказать, объясненія двухъ германскихъ дворовъ будутъ отосланы въ Петербургъ и переданы въ Парижъ уже нашимъ правительствомъ.

„Остальное было посвящено подробностямъ и соображеніямъ, имѣющимъ большее или меньшее значеніе, которыми утомлять тебя не стану.

Еще объ отклоненіи предложенія предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ.

„Что касается лично меня, то нашъ Августѣйшій Государь сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—хотя чрезвычайно лестное,— но которое я отклонилъ по убѣжденію своей совѣсти. Мои физическія и умственныя силы уже не соотвѣтствуютъ болѣе тому высокому призванію, которое мнѣ предлагалось, и принять оное было бы равносильно безчестному поступку, а въ мои лѣта надо избѣгать легкомысленныхъ поступковъ, чтобъ не сойти въ могилу со стыдомъ. Я знаю, что мой рѣшительный отказъ могъ досадить, но я предпочитаю снести досаду, чѣмъ изъ трусости не сказать правды (mieux vaut déplaire que faire une couardise)". Затѣмъ упомянувъ о своемъ разговорѣ съ кн. А. М. Горчаковымъ, выставлявшимъ всю важность предлагаемаго графу Киселеву поста, послѣдній продолжалъ въ свомъ письмѣ: „Я отвѣчалъ ему, что тѣмъ болѣе имѣю причинъ, чтобы не принять, изъ одного только тщеславія, обязанности свыше своихъ силъ; что въ продолженіе нѣкото-

раго еще времени я могу исполнять должность, нынѣ занимаемую, но отъ которой, впрочемъ, готовъ отказаться, если мои дарованія представляются несоотвѣтствующими ожидаемымъ государственнымъ пользамъ.

„Прошу тебя-ни слова обо всемъ этомъ. Сдѣланное мнѣ предложеніе и мой отказъ составляютъ всю непріятную сторону путешествія въ Варшаву“.

22-го ноября гр. Киселевъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ принцессѣ Матильдѣ:

Обѣдъ у принцессы Матильды.

„Принцесса Матильда пригласила меня“, пишетъ графъ, „пріѣхать совершенно запросто на обѣдъ, который она давала императору. Я не счелъ возможнымъ отказаться отъ такого приглашенія. Дѣйствительно, столъ былъ накрытъ на 14 или 15 приборовъ. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи генерала Флёри и графа Бачіокки; приглашены были Оболенскіе, вдова принца Іеронима (мать принцессы Матильды), министръ Руэ, членъ института Солси (Saulcy, извѣстный антикварій и изслѣдователь древностей Палестины, сенаторъ), архитекторъ-археологъ Віоле-ле-Дюкъ, графъ Ньеверкерке (Nieuwerkerke, скульпторъ и главный директоръ національныхъ музеевъ) и госпожа Флёри, которую мнѣ было поручено вести къ столу. Меня посадили по правую руку принцессы Матильды, съ другой стороны которой, между нею и княгинею Оболенскою, сидѣлъ императоръ. Императоръ войдя, прямо подошелъ ко мнѣ, молча пожалъ руку и затѣмъ обошелъ прочихъ гостей. За первымъ блюдомъ онъ разговаривалъ съ нашею очаровательною соотечественницею, обмѣнялся нѣсколькими словами съ Віоле-ле-Дюкомъ и, обратившись ко мнѣ, просилъ разсказать о моемъ представленіи Людовику XVIII, „наканунѣ“, сказалъ онъ, „или на другой день смерти его“ (la veille, dit-il, ou le lendemain de sa mort). Я отвѣчалъ, что представлялся за два дня до его смерти и что представленіе мое было испрошено съ тою лишь единственною цѣлію, чтобъ посредствомъ объявленія въ „Монитёрѣ“ о томъ, что король принималъ генералъ-адъютанта Императора Александра I-го, успокоить тревожившуюся публику. Ко мнѣ пріѣзжали ми-

Разсказъ гр. Киселева о представленіи его Людовику XVIII.

нистръ графъ Дама и нашъ посолъ графъ Поццо-ди-Борго чтобъ склонить меня на такое представленіе въ виду безпокойства, которое овладѣло публикою. Затѣмъ я разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ свиданіе это, оставившее во мнѣ неприятное воспоминаніе; я могъ бы прибавить, что тягости вынесеннаго мною впечатлѣнія способствовало то безчеловѣчіе съ которымъ обошлись тогда съ умирающимъ королемъ. Я представился во вторникъ, а въ пятницу онъ умеръ: его подняли съ постели, чтобъ причесать, напудрить, одѣть и подкатить въ креслахъ въ гостиную Людовика XIV, гдѣ мы ожидали его, вмѣстѣ съ его свитой, въ числѣ которой былъ герцогъ Люксамбургскій, начальникъ королевской гвардіи.

„Къ вечеру пріѣхали къ принцессѣ Матильдѣ еще человѣкъ 30 приглашенныхъ: Трубецкіе, чины русскаго посольства и остальные французскіе министры, которые, говоря со мною о предстоящихъ перемѣнахъ въ министерствахъ, судили о новыхъ назначеніяхъ различно".

Описанный графомъ Павломъ Дмитріевичемъ обѣдъ дѣйствительно происходилъ наканунѣ большихъ перемѣнъ не только въ личномъ составѣ министерствъ, но наружно и въ самой системѣ управленія..

Декреты Наполеона объ отвѣтныхъ адресахъ законодательнаго собранія; перемѣны въ министерствѣ.

Во Франціи, со времени учрежденія имперіи, умолкло всякое сужденіе объ актахъ правительства какъ въ органахъ періодической печати, такъ даже въ стѣнахъ законодательнаго собранія и въ сенатѣ. Оппозиціи не существовало: только одна клерикальная партія и духовенство, негодуя на претерпѣваемыя папою и церковью стѣсненія, дѣятельно ополчали въ приходахъ мірянъ противъ правительства. Наполеонъ опасался, что испытываемое Франціею угнетеніе политическихъ правъ можетъ дать пищу духовенству для разжиганія страстей и въ тѣхъ слояхъ общества, которые не имѣютъ ничего общаго съ ультрамонтанами. Всегда готовый на театральные эффекты, онъ издалъ 24-го ноября 1860 г. декреты, которыми предоставлялось сенату и законодательному собранію постановлять ежегодно, по большинству голосовъ, отвѣтный адресъ на рѣчь, произносимую императоромъ при открытіи сессіи, съ тѣмъ, чтобы во

время преній объ этихъ адресахъ министерства представляли палатамъ всѣ нужныя объясненія по дѣламъ внутренней и внѣшней политики. Учреждались министры безъ портфелей для защиты, вмѣстѣ съ президентомъ и членами государственнаго совѣта, представляемыхъ правительствомъ проектовъ законовъ; облегчался порядокъ внесенія поправокъ (amendements) въ законахъ и разрѣшалось печатать въ повременныхъ изданіяхъ отчеты преній въ законодательномъ собраніи не въ краткомъ только извлеченіи, а in extenso.

Одновременно съ этими декретами, которые давали видъ, будто Наполеонъ хочетъ внести въ политическую жизнь страны строго-конституціонные порядки, послѣдовали перемѣны въ личномъ составѣ министерствъ. На мѣсто уволеннаго отъ должности государственнаго министра Фульда назначенъ Валевскій; Персиньи замѣнилъ Бильо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Форкадъ-де-ла-Рокеттъ—Маньяна въ министерствѣ финансовъ; министерство двора было выдѣлено изъ вѣдѣнія государственнаго министра, и министромъ двора былъ назначенъ маршалъ Вальянъ.

„Такъ какъ Фульдъ былъ устраненъ (évincé) отъ должности“, пишетъ графъ Киселевъ, „то я поѣхалъ къ нему для выраженія моего сожалѣнія. Заставъ его вдвоемъ съ маршаломъ Вальяномъ, его преемникомъ по управленію министерствомъ двора, я хотѣлъ-было удалиться, но они меня остановили. Я поблагодарилъ Фульда за отличныя отношенія, которыя установились между нами въ теченіе четырехъ лѣтъ, и напомнилъ ему при этомъ, сказанные имъ два года тому назадъ слова, что безпрестанныя занятія утомили его и что онъ нуждался въ отдохновеніи. — „Да, въ то время“, отвѣчалъ онъ, „но теперь была другая причина. Моей должности добивались другіе давно, и вотъ кончилось тѣмъ, что вакансія открылась“. Тутъ онъ обратился къ маршалу и сказалъ ему: „вамъ хорошо извѣстно, что эти слова мои не могутъ относиться къ вамъ.—Впрочемъ, продолжалъ онъ, мои сердечныя чувства и преданность императору останутся все такими же, какими были до сихъ поръ. — И вы это докажете ему, ска- Разговоръ съ Фульдомъ.

залъ я, потому что, по моему мнѣнію, это только перерывъ вашей дѣятельности, который не будетъ продолжителенъ. Затѣмъ разговорились о перемѣщеніяхъ, уже объявленныхъ въ „Монитёрѣ“ и о тѣхъ, которыя ожидались еще, а какъ это было настоящее министерское шассе-круазе, то я позволилъ себѣ сказать, что такая передача министерскихъ портфелей отъ одного лица другому служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ способностей каждаго изъ нихъ; по своему классическому образованію они могутъ быть полезны во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Маршалъ Вальянъ по поводу этого моего замѣчанія сдѣлалъ жестъ сомнѣнія. Обмѣнявшись еще нѣсколькими словами, я удалился.

„Послѣ визита Фульду“, продолжаетъ графъ, „я заѣхалъ къ герцогинѣ Истрійской, у которой засталъ многочисленное общество. Всѣ говорили о новостяхъ „Монитёра“, и каждый разсуждалъ о нихъ съ своей точки зрѣнія. Кругъ знакомства герцогини очень разнообразный и примыкаетъ, съ одной стороны, къ сенъ-жерменскому предмѣстью, а съ другой—ко двору, поэтому здѣсь можно встрѣтиться съ самыми противуположными мнѣніями и взглядами; но, впрочемъ, ея гостиная представляетъ поле, на которомъ сражаются со всею подобающею вѣжливостью,—притупленными стрѣлами“.

Мнѣніе Берье о декретахъ 24-го ноября 1860 г.

Особенно любопытно мнѣніе маститаго оратора-адвоката Берье о декретахъ 24-го ноября 1860 г., записанное графомъ Киселевымъ [1]) послѣ визита, сдѣланнаго знаменитому борцу-легитимисту:

„Прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе объ этихъ декретахъ“, говорилъ Берье, „надо посмотрѣть какое имъ дадутъ примѣненіе. Они очень искусные мастера по части туманныхъ картинъ и фантасмагорій, и нельзя быть достаточно осмотрительнымъ при отдѣленіи истины отъ лжи. Но, тѣмъ не менѣе, если составъ законодательнаго собранія будетъ обновляться правильно веденными выборами, то ораторъ-патріотъ, одушевленный своимъ призваніемъ, могъ бы спокойно и не возбуждая къ безпорядкамъ заслужить громкую славу

[1]) Подъ 14 декабря.

и принести пользу странѣ. Онъ могъ бы, напр., указать на расхищеніе народной казны, на злоупотребленія и лихоимство въ *администраціи,* которыя терпятъ потому, что эти язвы проникаютъ сверху внизъ и потому боятся вступить съ ними въ открытую борьбу; на то, что *бюджетъ,* обсуждаемый только ради одной формальности, утверждается какъ бы на смѣхъ, не поморщась, депутатами, назначаемыми префектами; что *полиція* позволяетъ себѣ неслыханныя произвольныя дѣйствія, что, наконецъ, *внѣшняя политика* и того хуже. Какой былъ поводъ къ итальянской войнѣ и къ предшествовавшей ей крымской? продолжалъ онъ; очевидно, онѣ были затѣяны для того, чтобъ упрочить за собою покровительство Англіи и выставить себя императоромъ передъ Европою, конечно, за исключеніемъ надменной Англіи, которой льстятъ и за которою ухаживаютъ. А успѣли-ли они въ этомъ? Нѣтъ, потому что всюду возбуждено недовѣріе, и европейская война можетъ вспыхнуть съ-часу на-часъ. Подкопы, которые ведутся противъ папы, составляютъ соблазнъ, оскорбляющій религіозное чувство и достоинство политической Франціи. Дипломатія императорскаго кабинета есть недостойное фиглярство, которое не къ лицу великой странѣ. Нельзя, безнаказанно топтать въ грязь начала законности и справедливости, и рано или поздно Франціи придется испытать горькія отъ сего послѣдствія".

Размышленія гр. Киселева.

„Все это и еще многое другое", замѣчаетъ графъ Павелъ Дмитріевичъ, „говорилось съ такимъ увлеченіемъ и съ такою увѣренностью, что нельзя было сказанное имъ принять за импровизацію. Декреты", продолжаетъ графъ Киселевъ, „наводятъ на размышленіе; не предрѣшая себѣ никакой исключительной политической дѣятельности, каждый долженъ готовить себя на всякую случайность. Я думаю, что когда будутъ избираться депутаты въ новый составъ законодательнаго собранія, то Берье и многіе другіе примутъ въ немъ участіе [1]).

---

[1]) Берье дѣйствительно въ 1863 былъ избранъ департаментомъ устьевъ Роны депутатомъ въ законодательное собраніе, въ которомъ нерѣдко говорилъ, и всегда рѣчи его выслушивались съ почтительнымъ вниманіемъ. Онъ умеръ въ 1868 году, 78 лѣтъ отъ роду.

„Внимательно выслушавъ будущаго оратора-патріота въ новомъ законодательномъ собраніи, — который, не возбуждая къ безпорядкамъ, обѣщаетъ давать странѣ полезныя указанія, — я позволилъ себѣ сказать ему, что, въ качествѣ иностранца, мнѣ трудно сказать свое мнѣніе по этимъ важнымъ вопросамъ; но что съ тѣхъ поръ, какъ я въ Парижѣ, мнѣ привелось слышать подобные упреки только въ извѣстномъ кружкѣ; напротивъ того, остальная публика показалась мнѣ скорѣе довольною настоящимъ порядкомъ вещей, который, послѣ всѣхъ испытанныхъ Франціею терзаній, водворилъ въ ней спокойствіе и безопасность. Мнѣ недостаточно хорошо извѣстна цифра вашего бюджета, чтобы я могъ позволить себѣ говорить о немъ съ нѣкоторою увѣренностью, но кредитъ государства, кажется мнѣ, установленъ прочно, а это немаловажно на мой взглядъ. Что-же касается злоупотребленій чиновниковъ и произвольныхъ дѣйствій полиціи, то я о нихъ не слыхалъ и, признаться сказать, не рѣшаюсь и допустить, чтобъ Французы могли смиренно и молча переносить ихъ. „На прессу наложена печать молчанія“, возразилъ онъ, „въ законодательномъ собраніи отнята свобода рѣчей, какимъ же путемъ могутъ оглашаться жалобы и выражаться желанія народа“? Отъ вашей ловкости будетъ зависѣть добиться этого теперь, отвѣчалъ я; воспользуйтесь новымъ правомъ въ границахъ умѣренности и разсудительности, и процвѣтаніе Франціи еще болѣе возвысится. За симъ я простился съ своимъ краснорѣчивымъ и очень горячимъ собесѣдникомъ“.

Очевидно, что гр. Киселевъ, возражая Берье въ такомъ смягчающемъ тонѣ, не хотѣлъ отступить отъ своего правила: „поддерживать при каждомъ случаѣ *le gouvernement de fait*“. Намъ хорошо извѣстно, что въ своемъ домашнемъ дневникѣ онъ строго судилъ продѣлки Наполеона и его двоюроднаго братца.

Мнѣніе Валевскаго о Наполеонѣ.

Характерично также мнѣніе Валевскаго о Наполеонѣ по поводу тѣхъ же декретовъ 24-го ноября, записанное въ дневникѣ 29-го ноября:

„Продолжительный разговоръ съ Валевскимъ въ его ка-

бинетѣ государственнаго министра. Онъ увѣряетъ, что императоръ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, постоянно занималъ его составленіемъ ноябрскихъ декретовъ; что газета „Constitutionel“ употребила въ своей передовой статьѣ выраженіе, ему принадлежащее, сказавши, что подавленное общественное мнѣніе пробивается сквозь *щели* (que l'opinion comprimée se dégageait par les fissures) и что нужно открыть для него болѣе правильные пути; что императоръ, заботясь единственно о благоденствіи Франціи, которая ввѣрила ему свои судьбы, не страшится предсказываемыхъ ему зловѣщихъ послѣдствій; что, напротивъ того, онъ ожидаетъ благодѣтельныхъ результатовъ какъ для страны, такъ и для него самого; что, по своимъ личнымъ наклонностямъ и стремленіямъ, императоръ всегда былъ противникомъ единоличнаго управленія; что если онъ основалъ и не видоизмѣнялъ до сихъ поръ подобнаго управленія, то единственно въ интересахъ Франціи; но теперь, когда правительство его стало сильно и когда въ странѣ водворилось спокойствіе и благоденствіе, онъ считаетъ своимъ долгомъ призвать для *контроля* своихъ дѣйствій народъ (чрезъ представителей его) и онъ считаетъ себя счастливымъ, что могъ приступить къ этому по собственному своему побужденію, de proprio motu, по личной иниціативѣ своей, въ такое время, когда могущество его достигло высшей степени. Императоръ очень хорошо понимаетъ, что ему предстоитъ въ будущемъ дѣлать еще новыя уступки, но это нисколько не пугаетъ его, и онъ охотно сдѣлаетъ ихъ, лишь бы имѣлъ увѣренность, что уступки эти послужатъ на пользу Франціи. Мой собесѣдникъ, говоря объ императорѣ, добавилъ, что нравъ Людовика-Наполеона самый кроткій и что съ нимъ весьма легко и пріятно заниматься дѣлами; что онъ чутко прислушивается къ общественному мнѣнію, когда бываетъ увѣренъ, что оно несомнѣнно выразилось, но что онъ непоколебимъ въ своихъ рѣшеніяхъ, когда онѣ основаны на твердомъ убѣжденіи, напр., онъ никогда не даруетъ *безграничной* свободы печати; при пересмотрѣ конституціи (1852 г.) онъ можетъ сдѣлать много уступокъ, но никогда не допуститъ, чтобы бюджетъ утверж-

дался по статьямъ и чтобъ на министровъ была возложена обязанность защищать проекты законовъ въ законодательномъ собраніи".

Настоящая причина увольненія Фульда.

Въ замѣткѣ, внесенной гр. Киселевымъ въ свой дневникъ 14-го декабря, обнаруживается, наконецъ, дѣйствительная причина увольненія Фульда. Эта замѣтка интересна еще въ томъ отношеніи, что знакомитъ съ атмосферою тюльерійскаго двора.

„Я сдѣлалъ визитъ маркизѣ Лаваллеттъ, она родомъ американка и любитъ разсуждать обо всемъ. Она говорила мнѣ о турецкомъ займѣ и что Миресъ просилъ ее замолвить слово своему мужу въ пользу его. Она разсказывала о пребываніи своемъ въ Ангіенѣ (Enghien) и частыхъ своихъ посѣщеніяхъ сосѣдки, принцессы Матильды (въ Saint Gratien); о встрѣчѣ, въ кабинетѣ императора, Гаусмана съ Фульдомъ и шумныхъ и неприличныхъ до скандала упрекахъ ихъ другъ другу, такъ что императоръ нашелся вынужденнымъ ихъ унять. Маркиза полагаетъ, что эта сцена могла ускорить увольненіе министра (Фульда), котораго не жаловала императрица Евгенія и ненавидѣли всѣ принадлежащіе ко двору. Миресу, не умолкала она, угрожаетъ процессомъ Понтальба, и это можетъ замедлить совершеніе займа. Мнѣ захотѣлось прервать ея болтовню, и я спросилъ ее, какія новости изъ Америки, гдѣ, въ южныхъ штатахъ, у ней большія плантаціи? Она отвѣчала, что южане имѣютъ основаніе противиться освобожденію невольниковъ, и ссылаясь на приговоръ противъ негровъ папы Льва XII, утверждала, что Богъ не создалъ эту расу для пользованія свободою; къ тому же, прибавила она, европейцы неспособны воздѣлывать рисъ и хлопокъ, такъ нужно же дать имъ рабочія руки для воздѣлыванія прекрасныхъ ихъ владѣній. Логика такого наивнаго заключенія несокрушима! Засимъ я уѣхалъ".

Окончательныя объясненія берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ на предложенія Франціи, разсмотрѣнныя предварительно въ Варшавѣ, были присланы изъ Петербурга 28-го ноября. Графъ Киселевъ имѣлъ по поводу этихъ и другихъ депешъ и телеграммъ частыя совѣщанія съ Тувенелемъ и въ послѣдній день декабря 1860 г. записано въ дневникѣ:

„Телеграмма, относящаяся до Поляковъ — неодобреніе, упреки“.

„У Тувенеля—для переговоровъ о дунайской коммиссіи (которой поручено было установить національныя права прибрежныхъ государствъ по Дунаю)“.

„О подложной прокламаціи изъ Гаэты (гдѣ находился въ то время осажденный король неаполитанскій)“.

„О польскихъ мундирахъ“ (?).

„О дѣлахъ Рима и объ арестованіи (въ Римѣ) Тимашевскаго (русскаго художника)“.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ посѣщалъ гр. Киселева, между прочимъ, путешествовавшій въ то время по Франціи графъ Мольтке.

ГЛАВА XLIX.

1861 г.

Польскіе эмигранты въ Парижѣ.—Поздравленія дипломатическаго корпуса съ новымъ годомъ.—Частная аудіенція у императора Наполеона гр. Киселева.—Приписываемое принцу Наполеону участіе въ польскихъ агитаціяхъ. — Посѣщеніе гр. Киселева принцемъ Наполеономъ.—Францискъ II въ Гаэтѣ.—Политика Англіи и разговоръ съ Коулеемъ о неаполитанскихъ дѣлахъ.—Сочувствіе русскаго правительства къ положенію Франциска II въ Гаэтѣ.—Конференція по сирійскимъ дѣламъ въ Парижѣ.—Разговоръ съ Коулеемъ по сирійскимъ дѣламъ.—Засѣданія конференціи и окончательное рѣшеніе ея.—Манифестъ 19-го февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. — Мятежныя движенія въ Варшавѣ.—Новая встрѣча съ принцемъ Наполеономъ.—Слухи о коалиціи противъ Франціи.—Обѣдъ въ Тюльери для Русскихъ. — Разговоръ съ Киселевымъ императрицы.—Предсказанія Поляковъ, находившихся въ Парижѣ, о мятежахъ въ Варшавѣ.—Осуществленіе сихъ предсказаній.—Тувенель привозитъ проектъ „сообщенія" въ Монитёръ. — Появленіе „сообщенія" въ Монитёрѣ.—Разговоръ съ принцессою Матильдою по поводу „сообщенія" Монитёра. — Несогласія въ семействѣ Наполеона. — Рѣчь въ сенатѣ принца Наполеона. — Памфлетъ принца Омальскаго.— Принцесса Матильда оправдываетъ своего брата. — Вторичная запальчивая рѣчь пр. Наполеона въ сенатѣ.—Князь Адамъ Чарторижскій.—Торжественная панихида въ церкви св. Роха.—Соболевскій, польскій выходецъ.—Стенцеславскій, польскій выходецъ.—Парижская пресса по поводу польскихъ дѣлъ.—Пренія въ англійскомъ парламентѣ по польскимъ дѣламъ. — Объясненіе лорда Коулея. — Болѣзненное состояніе графа Киселева.—Графъ Киселевъ въ законодательномъ собраніи.—Пріѣздъ въ Парижъ Н. А. Милютина.—Смерть Кавура.—Корреспонденція изъ Кракова о сношеніяхъ съ папою.— Франція признаетъ итальянское королевство.—Положеніе Россіи въ отношеніи Италіи. — Встрѣча съ Американцемъ Зандфортомъ. — Встрѣча съ барономъ Гро.—Кончина султана Абдулъ-Меджида.—Опять сирійскія дѣла. — Придунайскія княжества. — Перестройка купола въ церкви гроба Господня. — Отъѣздъ въ Баденъ-Баденъ. — Слухъ о покушеніи на жизнь короля прусскаго.—Состояніе духа короля Вильгельма.—Размышленія Павла Дмитріевича

по поводу этого происшествія. — Пріемъ у Великой Княгини Елены Павловны. — Встрѣча съ королемъ Вильгельмомъ. — Порученіе генералу Виллизену въ Парижѣ. — Пріемъ у королевы прусской и разговоръ съ нею. — Новое подозрѣніе графа на счетъ опасности для Россіи со стороны Швеціи.—Пребываніе шведскаго короля Карла XV въ Парижѣ и приписываемый ему планъ объединенія скандинавскихъ земель.—Установленный порядокъ престолонаслѣдія въ Даніи.—Замѣтка по поводу сего гр. Киселева.—Встрѣча графа съ своими соотечественниками.—Свиданіе съ Н. А. Милютинымъ и братомъ своимъ и возвращеніе въ Парижъ.—Освященіе православной церкви въ Парижѣ. — Обѣдъ у графа и его рѣчь. — Отъѣздъ епископа Леонтія.—Нерасположеніе петербургскаго кабинета къ Людовику-Наполеону.—Разговоры о семъ графа съ К***.—Причины политическихъ сомнѣній гр. Киселева.—Мнѣніе графа о финансовомъ положеніи Россіи.—Враждебное настроеніе противъ Россіи французской печати.—Разговоръ съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ.—Происки принца Наполеона и императрицы Евгеніи въ пользу замысловъ Поляковъ.—Вліяніе уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ на внутреннія дѣла въ Пруссіи и Австріи.—Мнѣніе гр. Киселева по поводу разговора съ Меттернихомъ.—Вліяніе варшавскихъ смутъ на итальянскихъ народныхъ вождей.—Письмо Мадзини.—Совѣщаніе гр. Киселева съ Тувенелемъ по восточнымъ дѣламъ. — Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. — Пріѣздъ короля Вильгельма прусскаго.—Выѣздъ графа на встрѣчу В. Кн. Елены Павловны въ Дижонъ.—Посѣщеніе Мюльгаузена.—Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.—Встрѣча съ Н. А. Милютинымъ. — Заботливость о Н. А. Милютинѣ В. К. Елены Павловны.—Смерть Нарышкиной.—Возбужденіе въ сенатѣ и законодательномъ собраніи противъ сверхсметныхъ расходовъ.—Назначеніе министромъ финансовъ Фульда.—Письма императора Наполеона Валевскому и Фульду.—Приглашеніе графа Киселева въ Компіэнь.—Разговоръ съ герцогомъ Монтебелло. — Пріѣздъ графа въ Компіэнь.—Разговоръ графа съ императоромъ.—Разговоръ съ императрицею.—Отъѣздъ графа изъ Компіэна.—Разговоръ съ императоромъ и генераломъ Трошю о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при сокращеніи состава арміи.—Содержаніе разговоровъ съ императоромъ и императрицею въ Компіэнѣ.—Впечатлѣніе графа о своемъ пребываніи въ Компіэнѣ.

Польскіе эмигранты въ Парижѣ.

Въ полученной гр. Киселевымъ въ послѣдній день 1860 года „телеграммѣ о Полякахъ", ему поручалось, какъ видно, предъявить императорскому правительству, что въ Парижѣ, подъ негласнымъ покровительствомъ принца Наполеона образовалось скопище польскихъ эмигрантовъ, которые мечтая о возрожденіи Польши, высылаютъ въ наши польскія и литовскія провинціи зажигательныя воззванія и эмиссаровъ, съ обыкновенными обѣщаніями денежныхъ средствъ, оружія и симпатическихъ пожеланій искони дружелюбной и единовѣрной Франціи.

Слова „*неодобреніе* и *упреки*", записанные одновременно съ полученіемъ телеграммы, означали по всему вѣроятію *упреки*

графу въ томъ, что извѣстіе о сосредоточеніи и агитаціи въ Парижѣ скопища польскихъ мятежниковъ было получено въ Петербургѣ помимо его.

На сколько справедлива эта догадка судить теперь трудно, такъ какъ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ за то время пока — для насъ недоступны.

Поздравленія дипломатическаго корпуса съ новымъ годомъ.

Далѣе изъ дневника гр. Киселева видно, что послѣ оффиціальнаго поздравленія императора съ новымъ годомъ, онъ испросилъ у него аудіенцію, которая и была назначена на 3-е число января.

Въ дневникѣ занесено слѣдующее описаніе пріема поздравленій дипломатическаго корпуса и частной аудіенціи его у императора:

„*1-го января.* На пріемѣ въ Тюльери привѣтствовалъ императора Коулей, какъ старѣйшій членъ дипломатическаго корпуса. Императоръ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ, что утвердившееся между государями согласіе позволяетъ надѣяться, что сохраненіе мира достаточно обезпечено. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ о здоровьѣ Государя и поручилъ мнѣ передать Его Величеству благодарность его за полезное содѣйствіе, оказанное генераломъ Игнатьевымъ экспедиціоннымъ войскамъ въ Китаѣ. Обратившись къ князю Меттерниху, онъ восхвалялъ милосердый поступокъ императора Франца-Іосифа въ отношеніи къ графу Телеки“ [1]).

Частная аудіенція у императора Наполеона гр. Киселева.

„*3-го января.* Получивъ Высочайшее повелѣніе испросить у императора Наполена аудіенцію и передать ему *о тайныхъ проискахъ въ Польшѣ* (du travail souterrain qui se produit en Pologne), я въ половинѣ второго былъ у императора, котораго

---

[1]) Графъ Телеки, венгерскій эмигрантъ приговоренный къ смерти и жившій въ Парижѣ, гдѣ дѣятельно участвовалъ въ новѣйшихъ органахъ французской прессы. Увѣряютъ, что онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Наполеона III. Когда въ концѣ 1860 г. онъ поѣхалъ въ Дрезденъ, для свиданія съ сестрою, тоже политическою изгнанницею, то былъ схваченъ саксонскою полиціею и не взирая на тревогу поднятую по поводу сего во всѣхъ европейскихъ газетахъ, выданъ австрійскому правительству. Императоръ Францъ-Іосифъ помиловалъ его. Телеки былъ избранъ въ 1861 году депутатомъ, но 8 мая того же года, въ Вѣнѣ, найденъ убитымъ въ своей квартирѣ.

нашелъ въ весьма хорошемъ расположенiи духа". „До свѣдѣнія императорскаго петербургскаго кабинета дошли слухи, сказалъ я ему, что въ Парижѣ существуетъ комитетъ по польскимъ дѣламъ и что комитетъ этотъ состоитъ подъ покровительствомъ лица, имени котораго произнести я бы не рѣшился, но мой Августѣйшій Государь, полагаясь вполнѣ на искренность отношеній къ нему вашего величества, повелѣлъ мнѣ говорить съ вами, государь, отъ имени Его безъ обиняковъ; Онъ приказалъ доложить вамъ, что Пале-роялю (принцу Наполеону) приписываютъ участіе въ польской агитаціи. Такое откровенное заявленіе можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что мой Августѣйшій Государь желаетъ оставаться съ вашимъ величествомъ въ самомъ искреннемъ согласіи. Прямодушныя объясненія нерѣдко устраняютъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ и проч.

Приписываемое принцу Наполеону участіе въ польскихъ агитаціяхъ.

„Послѣ того я сталъ говорить о неаполитанскихъ дѣлахъ, о Гаэтѣ и королѣ Францискѣ II, но получилъ отвѣтъ уклончивый.

„Тувенель, котораго я встрѣтилъ въ пріемной, выходя отъ императора, былъ сообщительнѣе: французскій флотъ долженъ оставить гавань Гаэты 19 января, сказалъ онъ; въ противномъ случаѣ, я буду просить о назначеніи преемника, такъ какъ не считаю возможнымъ принять на себя слишкомъ тяжкую отвѣтственность. Все это изложено въ моей депешѣ кн. Горчакову отъ 5 февраля, которая отослана съ молодымъ Обрѣсковымъ".

Въ дневникѣ не упоминается ничего о томъ, что сказалъ императоръ на сдѣланное ему сообщеніе о комитетѣ польскихъ агитаторовъ въ Парижѣ; но, вѣроятно, Наполеонъ III порядкомъ пожурилъ своего безпокойнаго двоюроднаго брата и велѣлъ ему лично объясниться съ русскимъ посломъ, потому что подъ 22-мъ числомъ января гр. Киселевъ записалъ:

„Неожиданный визитъ принца Наполеона, съ которымъ я имѣлъ продолжительный разговоръ; содержаніе этого разговора и высказанныя принцемъ сужденія изложены въ письмѣ

Посѣщеніе гр. Киселева пр. Наполеономъ.

моемъ Государю Императору, посланномъ въ Петербургъ съ курьеромъ 26 января".

Вслѣдъ за посѣщеніемъ принца, на балѣ 23 января въ Тюльери, гр. Киселевъ имѣлъ разговоръ съ императоромъ, конечно не чуждый объясненіямъ графа съ принцемъ наканунѣ. Содержаніе разговора съ императоромъ не приводится въ дневникѣ, изъ котораго видно только, что оно передано въ особой депешѣ на имя кн. Горчакова.

Въ отвѣтъ на письмо гр. Киселева Государю о разговорѣ съ принцемъ Наполеономъ было получено письмо кн. Горчакова отъ 4 февраля (23 января). Изъ дневника не видно также содержанія и этого письма; записано только, что 18 февраля гр. Киселевъ ѣздилъ въ Пале-рояль къ принцу Наполеону для предъявленія ему отвѣта кн. Горчакова.

Францискъ II. въ Гаэтѣ.

Въ поясненіе представленій русскаго посла императору „о Гаэтѣ и королѣ Францискѣ II", напомнимъ только, что въ то время неаполитанскій король, бѣжавшій изъ Неаполя въ Гаэту, былъ осажденъ въ этомъ послѣднемъ городѣ сардинскими войсками, подъ предводительствомъ Чіальдини; что французская эскадра, подъ командою адмирала Лебарбье де Тинонъ, имѣла стоянку въ гавани Гаэты и тѣмъ ослабляла дѣйствія осады, потому что подступъ къ городу съ сухопутной стороны былъ крайне затруднительный, а присутствіе французской эскадры дозволяло осажденнымъ получать всякіе запасы и вспоможеніе; что по настоянію Англіи французское правительство, торжественно заявившее о своей политикѣ невмѣшательства въ дѣла Италіи, еще въ октябрѣ 1860 года поручило своему адмиралу объявить Франциску II, что эскадра состоящая подъ его командою не можетъ оставаться неопредѣленное время въ Гаэтѣ, и чтобы онъ сообразовался съ этимъ; что наконецъ по обоюдному соглашенію тюльерійскаго и туринскаго кабинетовъ, было рѣшено назначить пріостановленіе военныхъ дѣйствій осаждающихъ съ 8 по 19 января, съ тѣмъ, чтобы неаполитанскій король имѣлъ время обдумать свое положеніе и принять соотвѣтственное рѣшеніе.

Англія упорно настаивала о скорѣйшемъ выполненіи Фран-

ціею своего обязательства о невмѣшательствѣ въ дѣла Италіи, въ сущности же о способствованіи объединенію всѣхъ частей полуострова; это не скрывалъ великобританскій посолъ въ Парижѣ.

Политика Англіи и разговоръ съ Коулеемъ о неаполитанскихъ дѣлахъ.

„Коулей", пишетъ 9-го января гр. Киселевъ, „пріѣзжалъ ко мнѣ сегодня утромъ; мы долго разговаривали о текущихъ дѣлахъ. Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что кабинетъ странно относится къ итальянскому вопросу (traite singulièrement la question Italienne). Пальмерстонъ упрямъ до нельзя и французскій флотъ въ водахъ Гаэты выводитъ его изъ себя; Джонъ Россель того-же мнѣнія, но онъ умѣреннѣе. Депеша Джона Росселя была прочитана Тувенелемъ, но не принята имъ. „Я не могу", сказалъ Тувенель, „принять ее, какъ по жестокости выраженій (à cause de la raideur du style), такъ и по внутреннему ея смыслу (et même à cause de l'esprit qui l'avait dictré), между тѣмъ", продолжаетъ Коулей, „присутствіемъ французскаго флота въ Гаэтѣ нарушается предложенный самою Франціею принципъ невмѣшательства, на который Англія изъявила свое согласіе".

„Французы", замѣчаетъ при этомъ гр. Киселевъ, „не хотѣли подчиниться черезъ чуръ повелительному требованію со стороны Англіи, а все таки кончили тѣмъ, что 19-го февраля отозвали эскадру".

Сочувствіе русскаго правительства къ положенію Франциска II въ Гаэтѣ.

Въ вопросѣ о дѣлахъ неаполитанскихъ, Наполеонъ III неохотно подчинился требованію Англіи, потому что предоставляя короля обѣихъ Сицилій на произволъ судьбы, онъ не угодилъ бы другой державѣ—Россіи, съ которою желалъ сохранить дружелюбныя отношенія. Еще покойный Императоръ Николай I постоянно благоволилъ неаполитанскому королевскому дому; отецъ Франциска II, король Фердинандъ II, платилъ взаимностью, и во время крымской войны даже не побоялся выказать союзнымъ морскимъ державамъ своего расположенія къ Россіи, затруднивъ вывозъ изъ неаполитанскаго королевства зерноваго хлѣба и другихъ запасовъ продовольствія для союзныхъ войскъ въ Крыму; при вступленіи на престолъ Императора Александра II, Фердинандъ послалъ, для привѣт-

ствія новаго Императора, одного изъ значительнѣйшихъ сановниковъ королевства обѣихъ Сицилій, герцога Серра-Капріоли, и съ нимъ послалъ, для врученія Наслѣднику Цесаревичу, орденъ Св. Фердинанда. Когда послѣ смерти отца вступилъ на неаполитанскій престолъ Францискъ II, то Императоръ Александръ отнесся съ участіемъ къ постигшимъ его, вскорѣ затѣмъ, народнымъ смутамъ, побудившимъ его даже покинуть свое королевство и какъ мы видѣли, графу Киселеву было дано, между прочимъ, порученіе лично передать Наполеону желаніе Государя относительно Гаэты и короля Франциска II.

Изъ записокъ гр. Киселева видно, что въ распоряженіе неаполитанскаго короля могъ быть предоставленъ русскій пароходъ, фрегатъ „Олегъ", еслибы король пожелалъ воспользоваться имъ.

Несмотря однако на все сіе, императоръ Наполеонъ, заявивши разъ о невмѣшательствѣ, долженъ былъ исполнить требованіе Англіи, а съ отплытіемъ французской эскадры, осажденные должны были покориться своей участи; въ водахъ Гаэты тотчасъ-же появился сардинскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Персано и королю Франциску II не оставалось ничего инаго, какъ принять предложеніе побѣдителей, проводившихъ его со всѣми почестями на оставшійся въ виду Гаэты французскій пароходъ „La Mouette", который и отвезъ его въ Римъ.

Конференція по сирійскимъ дѣламъ въ Парижѣ.

Помимо итальянскихъ дѣлъ, дипломатія была озабочена дѣлами Востока. На основаніи заключенныхъ въ августѣ 1860 г. протоколовъ и конвенціи, французскій экспедиціонный отрядъ былъ посланъ въ Сирію только на шесть мѣсяцевъ и срокъ такого занятія истекалъ 3-го марта; между тѣмъ, коммиссары европейскихъ державъ, собравшіеся въ Бейрутѣ, къ февралю мѣсяцу не успѣли еще кончить возложеннаго на нихъ порученія по предмету комбинаціи такого для страны этой управленія, которое не слишкомъ рѣзко отступало-бы отъ оттоманскихъ порядковъ, но обѣщало бы обезпечить въ будущемъ, въ мѣстахъ водворенія христіанъ, спокойствіе и порядокъ. Для сего требовалось продолжить срокъ пребыванія экспедиціоннаго корпуса,—на что Англія взирала недовѣрчиво.

Графу Киселеву предстояло участвовать въ конференціи по сирійскимъ дѣламъ, которыя онъ горячо принималъ къ сердцу, какъ это видно изъ слѣдующаго его разговора съ лордомъ Коулеемъ:

Разговоръ съ Коулеемъ по сирійскимъ дѣламъ.

„25-го января, послѣ обѣда у Ротшильда, „завязался, пишетъ графъ, „между мною и Коулеемъ разговоръ. Я спросилъ его, настаиваетъ-ли великобританское правительство на томъ, чтобы французскій экспедиціонный корпусъ оставилъ Сирію тотчасъ же послѣ истеченія назначеннаго конференціею шестимѣсячнаго срока, несмотря на то, что порученіе, возложенное Европою на Францію не получило окончанія. Конечно, отвѣчалъ Коулей; это наше право, которое мы должны отстаивать; протоколъ былъ подписанъ и онъ долженъ быть соблюденъ; мы не обратимъ вниманіе ни на какія соображенія, которыя желали бы представить намъ здѣсь, хотя бы пришлось оставаться однимъ при такомъ мнѣніи.— При вашемъ мнѣніи останетесь, конечно, вы одни, возразилъ я; позволяю себѣ такъ думать изъ уваженія къ Европѣ; припомните, для чего была созвана конференція? для того, чтобы остановить рѣзню христіанъ и опредѣлить мѣру наказанія виновникамъ этихъ ужасовъ; затѣмъ для того еще, чтобъ установить такой порядокъ управленія на Ливанской горѣ, при которомъ кровопролитія совершаемыя вслѣдствіе мусульманскаго фанатизма, не могли возобновляться; теперь, когда изъ оффиціальныхъ извѣстій узнаемъ, что ни одна изъ этихъ цѣлей еще не достигнута,—по вялости турецкихъ властей и нежеланію ихъ способствовать усиліямъ христіанскихъ державъ,—вы, строгіе христіане, хотите отозвать экспедиціонный корпусъ и отдать вашихъ единовѣрцевъ въ жертву ихъ убійцамъ, прикрываясь, въ свое оправданіе, числомъ (date) записаннымъ въ протоколъ; число это могло быть измѣнено, если потребуютъ того обстоятельства, таковъ былъ, по крайней мѣрѣ въ то время, словесный отвѣтъ на мое замѣчаніе: что въ подобныхъ дѣлахъ невозможно установить строго опредѣленнаго срока и что необходимо пояснить въ особомъ параграфѣ, что смотря по обстоятельствамъ, срокъ можетъ быть продолженъ; но тогда

спѣшили подписать протоколъ, чтобы скорѣе отправить экспедиціонныя войска, и потому только такое поясненіе не было помѣщено въ самомъ протоколѣ; теперь же хотятъ воспользоваться этимъ несчастнымъ протоколомъ, чтобы уничтожить ожидавшіеся отъ него, къ чести христіанской Европы, плоды; ежели таковы будутъ послѣдствія (въ чемъ желалъ бы усомниться), то вы поощрите мусульманскій фанатизмъ, который повѣрьте увеличится на столько же, на сколько христіанскія державы не успѣютъ обуздать его; неудача Европы будетъ торжествомъ для Турокъ, и ваше правительство приметъ на себя отвѣтственность не только передъ христіанствомъ, но и предъ самимъ англійскимъ народомъ, который рано или поздно, откажется отъ солидарности своей съ вами въ такомъ дѣлѣ; во всякомъ случаѣ, ежели вы настаиваете на отозваніи войскъ изъ Сиріи только по подозрѣнію, что Франція имѣетъ особые виды удерживать ихъ тамъ, то пошлите туда свой контингентъ войскъ, пригласите прочія державы сдѣлать то же, тогда вамъ опасаться будетъ нечего, чтобы Франція завладѣла этою страною; но не дѣлайтесь ренегатами и не относитесь враждебно къ дѣлу, которое не можетъ быть чуждо интересамъ Англіи; я знаю, что по ошибочнымъ понятіямъ дипломатіи прежнихъ временъ, слѣдовало бы скорѣе раздувать, чѣмъ гасить, возникающее по этому вопросу пламя вражды между двумя морскими державами; но я поступаю иначе, и мнѣ кажется, взглядъ мой болѣе правильный; вы человѣкъ разсудительный и съ сердцемъ, къ тому и религіозный, откройте же глаза вашимъ министрамъ, которые подвизаются на ошибочномъ пути, несогласномъ съ народными чувствами Англіи, и направьте ихъ на путь истинный, съ котораго не слѣдовало сходить. У Коулея все былъ одинъ отвѣтъ, что конвенція подписана всѣми державами; онъ упрекнулъ меня, что я испортилъ ему остальную часть вечера, устремивши его вниманіе на дѣло серьёзное, которое повидимому Пальмерстонъ хочетъ защищать до послѣдней крайности“.

Первая конференція по сирійскимъ дѣламъ собралась 19-го февраля.

„Горячая оппозиція“, записалъ графъ Павелъ Дмитріевичъ, „со стороны уполномоченныхъ Турціи и Англіи и упорное молчаніе прусскаго и австрійскаго представителей.

Засѣданія конференціи и окончательное рѣшеніе ея.

„Вторая конференція (15-го марта) не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ. Тувенель уговаривалъ не дѣлать никакихъ предложеній, которыя могли бы побудить великобританскаго посла оставить засѣданіе, такъ какъ это повлекло бы за собой удаленіе изъ засѣданія и турецкаго посла, чрезъ что разстроилась бы самая конференція, а это понудило бы Францію тотчасъ же отозвать изъ Сиріи свои войска. Англія изыскиваетъ только предлогъ къ подобному исходу конференціи“.

Конференція по сирійскимъ дѣламъ продолжалась до апрѣля, потому что турецкій посолъ, при всякомъ новомъ предложеніи заявлялъ, что не снабженъ будто бы на оное полномочіемъ; но, наконецъ, было рѣшено оставить французскія войска въ Сиріи до 5-го іюля.

Графъ Киселевъ, какъ намъ уже извѣстно, принималъ горячее участіе во всемъ, что происходило въ его отечествѣ; тѣмъ болѣе интересовали его важныя событія, совершившіяся въ Россіи въ началѣ 1861 года.

Манифестъ 19-го февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

16-го марта ему привезъ гр. Штакельбергъ письмо Великой Княгини Елены Павловны, которая сообщила графу содержаніе рѣчи Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ, объ освобожденіи крестьянъ; 17-го марта онъ получилъ телеграмму, которою Великая Княгиня извѣщала его о прочтеніи 5-го (17-го) марта, въ церквахъ Петербурга, манифеста 19-го февраля объ уничтоженіи крѣпостной зависимости; наконецъ, 24-го марта ему были присланы самый манифестъ и всѣ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Акты эти, которые графъ принялся изучать, вѣнчали зданіе, первоначальное основаніе которому было положено имъ много лѣтъ назадъ. Изъ дневника его видно, что до полученія этихъ радостныхъ сердцу его извѣстій, онъ писалъ письма Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и Великому Князю Константину Николаевичу. Въ письмахъ этихъ онъ изливалъ свои душевныя ощущенія при чтеніи

безсмертнаго манифеста. [1]) Онъ писалъ своему брату: „Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства членовъ Государственнаго Совѣта, въ болѣе либеральномъ духѣ“.

Мятежныя движенія въ Варшавѣ.

Инаго свойства получались свѣдѣнія изъ Царства Польскаго. 25-го февраля было получено въ Парижѣ первое извѣстіе о манифестаціяхъ въ Варшавѣ; затѣмъ, съ каждымъ днемъ доходили оттуда болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Графу Киселеву показалось, что съ возникновеніемъ мятежныхъ дѣйствій въ Варшавѣ, измѣнялись опять къ худшему отношенія къ нему принца Наполеона.

Новая встрѣча съ принцемъ Наполеономъ.

„Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Фульду“, пишетъ онъ 9-го марта. „При входѣ въ гостиную г. Фульда, меня удивило то, что я встрѣчался съ личностями, видѣть которыхъ у него не привыкъ. Объясненіе сего не замедлилось. Оказалось что я былъ приглашенъ на банкетъ, который давался бывшимъ государственнымъ министромъ принцу Наполеону и его супругѣ. Когда вошелъ принцъ онъ поклонился мнѣ издали и тѣмъ ограничилась встрѣча наша во все остальное время вечера. Меня посадили возлѣ принцессы Клотильды. Послѣ обѣда г. Фульдъ пригласилъ меня въ курительную комнату, гдѣ уже находился принцъ Наполеонъ въ сообществѣ гг. Тувенеля, Бильо и проч. Я отклонилъ это приглашеніе, ссылаясь на простуду захватившую горло, въ дѣйствительности же для того, чтобъ не обнаружить слишкомъ большой предупредительности, еслибы я послѣдовалъ за краснорѣчивымъ ораторомъ, котораго черезъ чуръ передовыя заключенія и воззрѣнія я не могъ бы допустить по своему оффиціальному положенію. Когда принцъ возвратился въ гостиную, то онъ сѣлъ въ отдаленный уголъ и продолжалъ жаркій разговоръ съ Тувенелемъ, а какъ время было уже позднее, то я нашелъ нужнымъ удалиться.

„Отличительная черта характера этого человѣка—рѣзко измѣнять свои отношенія. Въ послѣднее время онъ приблизился, болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, къ русскому послу; сегодня онъ показываетъ видъ, будто отдаляется отъ него. Не варшавскія ли

[1]) См. выше Т. II гл. XLIV.

событія тому причиной? Это возможно, потому что, какъ говорятъ, онъ гоняется за всѣми престолами, какъ опроставшимися, такъ и могущими опростаться".

Слухи о коалиціи противъ Франціи.

Императоръ Наполеонъ III, какъ видно, напротивъ того, желалъ сохранить добрыя отношенія съ Россіею, тѣмъ болѣе, что слухи о коалиціи противъ Франціи не умолкали. Со смертію прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV и съ восшествіемъ на престолъ Вильгельма I-го (2-го января 1861 г.), когда еще болѣе усилились стремленія Германіи къ объединенію и стали возростать заботы о вооруженіи прусской арміи, слухи эти начали проникать еще чаще въ тюльерійскій дворецъ.

12-го марта, въ Тюльери, былъ обѣдъ *для Русскихъ*.

Обѣдъ въ Тюльери для Русскихъ.

„Обѣдъ въ Тюльери, который назвали обѣдомъ для Русскихъ", пишетъ графъ, „былъ приблизительно на 40 приборовъ, изъ которыхъ треть была дѣйствительно предназначена Русскимъ. Оболенскіе, Трубецкіе, Шуваловъ, Убри и другіе были въ числѣ приглашенныхъ. Меня посадили по правую руку императрицы, съ лѣвой стороны которой сидѣлъ президентъ Тролонъ. Императрица показалась мнѣ на первый взглядъ озабоченною и молчаливою; — но вскорѣ она стала говорить мнѣ о томъ, о другомъ и наконецъ съ большимъ оживленіемъ сказала о дошедшемъ до нея слухѣ, что „находятся Французы до того подлые (lâches), что позволили себѣ сказать представителю чужеземной державы о необходимости образованія европейской коалиціи, чтобъ положить конецъ всему, что творится во Франціи. Такого подлаго человѣка слѣдовало бы привязать къ позорному столбу, повѣсивъ на его грудь надпись: измѣнникъ отечеству. Можно быть недовольнымъ правленіемъ императора, продолжала она, можно допустить даже личное противъ особы его мщеніе, но призывать въ свое отечество непріятеля—это подло; мнѣ стыдно за Француза, который позволилъ себѣ вымолвить подобную низость". Она остановилась, вся запыхавшись отъ волненія, и тотчасъ же прибавила: но за чѣмъ стала бы я скрывать? Это было сказано вамъ".

Разговоръ съ Киселевымъ императрицы.

Записывая эти слова императрицы Евгеніи въ свой днев-

никъ, графъ Киселевъ не даетъ никакихъ объясненій ни о томъ, дѣйствительно ли къ нему обращались съ подобными словами и кто именно? Ни того, что онъ отвѣчалъ императрицѣ. По отсутствію, однако, опроверженія словъ императрицы можно полагать, что разсказанное ею дѣйствительно случилось.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ мятежныя демонстраціи все продолжались; волновались Поляки и въ Парижѣ.

Предсказанія Поляковъ находившихся въ Парижѣ, о мятежахъ въ Варшавѣ.

„Поляки, находящіеся въ Парижѣ“, записалъ 7-го апрѣля гр. Киселевъ, „говорятъ между собой, что на сихъ дняхъ соберется въ Варшавѣ серьезное скопище мятежниковъ“.

Вслѣдъ затѣмъ, 9-го апрѣля, въ 10 часовъ утра, гр. Киселевъ получилъ изъ Варшавы слѣдующую телеграмму намѣстника:

„Вчера скопище предъ замкомъ — приказывалось разойтись — разгоняли кавалеріею — сопротивленіе — натискъ пѣхоты — 60 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ — спокойствіе возстановлено“.

М. Горчаковъ.

Осуществленіе сихъ предсказаній.

Такое скорое осуществленіе мятежнаго движенія въ Варшавѣ, предсказаннаго въ Парижѣ, доказывало съ очевидностью, что центромъ варшавскихъ смутъ былъ Парижъ и что мятежники возлагали большія надежды на помощь Франціи, поддержавшей принципъ національности въ Италіи. Поэтому гр. Киселевъ признавалъ за французскимъ правительствомъ нравственную обязанность объявить, что никакихъ надеждъ на содѣйствіе Франціи Поляки имѣть не должны. Это, вѣроятно, и составляло предметъ записанныхъ въ дневникѣ: „продолжительнаго разговора съ Бенедетти“, „полутора-часоваго разговора съ Тувенелемъ“.

Графъ Киселевъ былъ въ это время боленъ; съ нимъ повторились припадки головокруженій, такъ что извѣстный врачъ Андраль совѣтовалъ ему сократить прогулки, продолжая ихъ не долѣе получаса и притомъ не иначе, какъ съ провожатымъ. Поэтому графъ почти нигдѣ не бывалъ, и Наполеонъ нѣсколько разъ присылалъ своего приближеннаго Бачіокки освѣдомляться о его здоровьѣ. Тувенель тоже посѣщалъ его очень часто для переговоровъ о дѣлахъ.

Одно изъ такихъ посѣщеній Тувенеля, вызванное настояніями графа Киселева о необходимости разубѣдить упованія Поляковъ на помощь Франціи, записано въ дневникѣ подъ 22-мъ апрѣля:

Тувенель привозитъ проектъ „сообщенія“ въ Монитёръ.

„Я еще одѣвался, когда мнѣ доложили о пріѣздѣ Тувенеля; я тотчасъ принялъ его, не будучи еще совершенно одѣтымъ. Онъ сказалъ, что потревожилъ меня въ неурочный часъ потому, что пріѣхалъ прямо отъ императора и по его приказанію, для прочтенія мнѣ *сообщенія*, изготовленнаго для Монитёра, въ которомъ оно будетъ напечатано завтра, ежели я найду его удовлетворительнымъ. Онъ прочиталъ привезенную бумагу, и я не колеблясь отвѣтилъ, что принимая въ соображеніе ту среду, въ которой нахожусь, признаю, что въ „сообщеніи“ этомъ достаточно внятно выражено доброжелательство императора Наполеона къ особѣ моего Государя, въ той мѣрѣ, на сколько это признано удобнымъ его величествомъ, и что я надѣюсь, что въ такомъ же смыслѣ оно будетъ понято и у насъ. — Примите въ особенности во вниманіе то, сказалъ Тувенель, что нельзя было коснуться слишкомъ рѣзко той симпатіи и того воспоминанія товарищества по оружію, которыя продолжались въ теченіе болѣе полувѣка и проч.

Появленіе „сообщенія“ въ Монитёрѣ.

„Сообщеніе“ французскаго правительства появилось въ Монитёрѣ 23-го апрѣля 1861 г. Оно предостерегало общественное мнѣніе и періодическую печать отъ увлеченій и предположеній, будто французское императорское правительство поддерживаетъ надежды Поляковъ, осуществленіе которыхъ не во власти его. „Великодушный образъ мыслей Царя“, было сказано въ этомъ „сообщеніи“, „служитъ вѣрнымъ ручательствомъ того, что Онъ желаетъ осуществить на дѣлѣ преобразованія, возможныя въ настоящемъ положеніи Польши (que comporte l'état de la Pologne), и надо желать, чтобъ этому не послужили помѣхой манифестаціи, которыя способны раздражить его“.

Разговоръ съ принцессою Матильдою по поводу „сообщенія“ Монитёра.

При свиданіи, 27-го апрѣля, съ принцессою Матильдою, она говорила графу Киселеву, что вѣритъ въ искренность заявленія Монитёра. „Императоръ“, сказала она, „всегда выра-

жался въ такомъ смыслѣ о Польшѣ. Эти Поляки, говорилъ онъ, неисправимые и безумные поджигатели (boutes-feu incorrigibles et sans consistance), ихъ нелѣпыя мечты не должны давать повода къ нарушенію спокойствія Европы. Я дорожу добрыми отношеніями съ Россіею“.

Несогласія въ семействѣ Наполеона.

Среди семейства французскаго императорскаго дома замѣчались въ это время несогласія. Императоръ былъ недоволенъ принцемъ Наполеономъ, императрица Евгенія интриговала противъ принцессы Матильды и рѣзко выражала свое презрѣніе принцу Наполеону.

Рѣчь въ сенатѣ принца Наполеона.

Мы видѣли, что гр. Киселевъ не раздѣлялъ „слишкомъ передовыхъ взглядовъ краснорѣчиваго оратора въ сенатѣ“. Слова эти относились къ запальчивой рѣчи, произнесенной принцемъ Наполеономъ перваго марта въ сенатѣ, по поводу итальянскихъ дѣлъ. Въ пространной рѣчи, которая продолжалась нѣсколько часовъ, принцъ доказывалъ, что Австрія, неаполитанскій король и правительство папы положительно сдѣлали все, чтобы парализировать выполненіе виллафранкскихъ условій, и что если въ чемъ и можно укорить короля Виктора-Эммануэля и Кавура, то развѣ только въ томъ, что они не объявили открыто, что цѣль ихъ политики — объединеніе Италіи; что, конечно, съ точки зрѣнія абсолютнаго права, нельзя оправдывать вторженіе въ Сицилію и занятіе неаполитанскаго королевства и части папскихъ владѣній, но наступило время привести въ дѣйствіе политическую аксіому, гласящую, что „спасеніе народа есть высшее и единственное законное право“ (le salut du peuple est la suprême loi; la seule légitime); затѣмъ онъ сравнивалъ свѣтскую власть папы съ надтреснувшею посудиною, изъ которой—течь во всѣ стороны, и потому предлагалъ совершенное ея упраздненіе; разгорячаясь все болѣе и болѣе, онъ, безъ всякой надобности, дерзостно обвинялъ Австрію, папу, кардиналовъ, епископовъ, неаполитанскаго короля, всѣхъ Бурбоновъ и въ особенности принцевъ орлеанскаго дома; „пусть попробуютъ партіи, враждебныя императорскому правительству сдѣлать высадку на территорію Франціи“, закончилъ онъ, „мы, не колеблясь, разстрѣляемъ ихъ“.

Справедливо разгнѣванный принцъ Омальскій напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „письмо принцу Наполеону объ исторіи Франціи [1])". Брошюра эта,—о которой, на другой же день ея появленія, было публиковано, что изданіе ея конфисковано,—мгновенно распространилась по всей Франціи и всѣ могли прочитать въ ней рѣзкое описаніе продѣлокъ фамиліи Бонапарте, а также болѣе чѣмъ снисходительное отношеніе къ этимъ продѣлкамъ короля Людовика-Филиппа. Въ заключеніе говорилось, что Людовикъ-Наполеонъ, за свои двукратныя попытки произвесть возстаніе въ Страсбургѣ и Булони, не былъ разстрѣлянъ; что это, конечно, была ошибка, но что такова уже была политика орлеанскаго дома, порицаемая принцемъ.

Памфлетъ принцаОмальскаго.

Говорили тогда, что герцогъ Омальскій вызвалъ на дуэль принца Наполеона, но что послѣдній не принялъ вызова.

Когда гр. Киселевъ, 27-го апрѣля, былъ у принцессы Матильды, она сказала ему, между прочимъ: mon frère est aplati par la brochure du duc d'Aumale, il n'est pas un poltron, ni un lâche; je le dis malgré que nous soyons en froid, parce que j'en ai la certitude, mais en même temps je ne le crois pas guerroyeur—ce n'est pas sa nature. L'impératrice l'a traité l'autre jour avec une grossiéreté inconvenante; il n'a rien répondu.

Принцесса Матильда оправдываетъ своего брата.

Императрица Евгенія дѣйствительно не любила принца Наполеона, постоянно интриговавшаго противъ императора и императрицы; она не скрыла своей радости, когда онъ пристыженъ былъ брошюрой герцога Омальскаго, и въ гостиной ея постоянно видѣли на столѣ раскрытою эту брошюру, что еще болѣе способствовало распространенію толковъ объ этомъ приключеніи съ неугомоннымъ принцемъ.

Императрица не любила и сестру принца, принцессу Матильду; послѣдняя, разсказывая графу Киселеву о происходившей въ церкви инвалидовъ церемоніи, по случаю окончательнаго перенесенія останковъ Наполеона I, сказала ему: „Устраненіе отъ участія въ этой церемоніи единственной племян-

[1]) Lettre sur l'histoire de France, adressée au Prince Napoléon.

ницы Наполеона I (т.-е. ее самой, принцессы Матильды) есть продѣлка *Испанки* (un tour de l'Espagnole)".

Вторичная зазальчивая рѣчь принца Наполеона въ сенатѣ.

Принцъ Наполеонъ и послѣ объясненій въ январѣ мѣсяцѣ съ гр. Киселевымъ не переставалъ обнадеживать Поляковъ. Въ рѣчи, сказанной имъ въ сенатѣ 19 марта, онъ, между прочимъ, говорилъ: „Будьте увѣрены, что императоръ что нибудь да сдѣлаетъ для Польши... какъ? какими путями? сказать вамъ не могу, я не имѣю подъ руками портфеля Меттерниха, но императоръ что нибудь сдѣлаетъ въ пользу Польши (Soyez sûr que l'Empereur fera quelque chose pour la Pologne... comment? par quels moyens? je ne saurais vous le dire, je n'ai pas devant moi le portefeuille de Metternich; mais l'Empereur fera quelque chose pour la Pologne)" [1]).

Князь Адамъ Чарторижскій.

Въ Парижѣ давно группировались польскіе выходцы около князя Адама Чарторижскаго, поселившагося съ 1831 года въ отелѣ „Lambert". Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Императора Александра I, при всемъ своемъ сочувствіи къ судьбамъ отечества (Поляки называли его конституціоннымъ королемъ Польши), сознавалъ однако всю тщету попытокъ къ возсозданію независимой Польши, теперь немыслимой, и въ рѣчи, произнесенной 29 ноября 1860 г., за два мѣсяца до варшавскихъ смутъ, уговаривалъ соотечественниковъ покориться своей судьбѣ и не разсчитывать на чужеземную помощь [2]).

Торжественная панихида въ церкви св. Роха.

Поляки не слушали предсмертныхъ словъ своего ветерана-патріота (онъ вскорѣ, 15 іюля 1861 г., сошелъ въ могилу) и 3 мая, въ годовщину конституціи 1791 года, служили въ церкви св. Роха торжественную панихиду по убитымъ въ Варшавѣ.

„Проповѣдникъ Minjard [3]), доминиканецъ," записано въ дневникѣ гр. Киселева, „обманулъ ихъ ожиданія".

---

[1]) Histoire du second Empire par Taxile Delord, Tome III, p. 156.

[2]) Klaczko, Etude de diplomatie contemporaine, page 42, и Taxile Delord tome III, p. 154.

[3]) Этотъ Minjard вскорѣ послѣ coup d'Etat, въ церкви Магдалины сказалъ проповѣдь политическаго характера и по требованію Наполеона III, архіепископъ парижскій запретилъ ему говорить проповѣди. Около 1860 года ему разрѣшили проповѣдывать въ церквахъ, но конечно безъ всякаго политическаго оттѣнка. Вотъ почему, вѣроятно, онъ обманулъ ожиданія Поляковъ. (Со словъ патера Курнандъ церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ).

Поляки, проживавшіе въ Парижѣ, были разныхъ оттѣнковъ; въ замѣткахъ гр. Киселева встрѣчаются слѣдующія случаи обращенія Поляковъ къ нему.

„Ко мнѣ явился (31 марта 1860 г.) сынъ польскаго выходца, включеннаго въ списокъ имѣвшихъ право на Всемилостивѣйшую амнистію, и назвавшійся, по имени своей матери, Соболевскимъ. Онъ говорилъ", пишетъ графъ, „что служилъ въ Алжирѣ, Турціи и Испаніи; что въ теченіе дня еще ничего не ѣлъ и что пришелъ не за милостынею, но за тѣмъ, чтобы просить помочь ему, какъ дворянинъ у дворянина, на что считаетъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что признаетъ себя подданнымъ Короля Польскаго—Императора Россіи; что онъ Славянинъ какъ и я, что я женатъ на Полькѣ, что онъ не нищій и проч. Все это очень хорошо, отвѣчалъ я ему, вы голодны, но по всему вѣроятію утолили свою жажду, потому что отъ васъ сильно несетъ виномъ, (по его глазамъ можно было видѣть, что онъ совсѣмъ пьянъ); но какъ вы сказываете, что голодны,—вотъ вамъ 100 фр., съ условіемъ, чтобъ ко мнѣ болѣе не возвращались. Что же касается вашего паспорта, то это дѣло канцеляріи, туда и обратитесь. Когда я далъ ему такое наставленіе и вручилъ ему пять наполеоновъ,—онъ кинулся цѣловать мои руки, которыя я не успѣлъ отдернуть, и вышелъ. Такая характерическая черта не требуетъ объясненій". Соболевскій, польскій выходецъ.

Въ другой разъ (4 мая 1861 г.) графъ Киселевъ получилъ отъ нѣкоего Стенцеславскаго письмо, въ которомъ дѣлался намекъ на покушеніе Орсини. Гр. Киселевъ передалъ это письмо Тувенелю. Стенцеславскій, польскій выходецъ.

Нерѣдко появлялись также въ парижскихъ газетахъ статьи зажигательнаго свойства, поощрявшія Поляковъ къ смутамъ. Гр. Киселевъ не пропускалъ ихъ безъ вниманія.

„Журналы „Siècle" и „Opinion nationale", пишетъ графъ, „помѣстили на своихъ столбцахъ статьи о польской національности; я тотчасъ же обратилъ на нихъ вниманіе г. Лагероньера, не потому только, что онѣ очень неумѣреннаго свойства, но въ томъ соображеніи, что эти первыя статьи могутъ быть началомъ полемики о польскомъ вопросѣ, что желательно устра- Парижская пресса по поводу польскихъ дѣлъ.

нить насколько возможно. Отвѣтъ его былъ вѣжливый, но мало успокоительный; онъ обѣщалъ удовлетворить мою просьбу, насколько это отъ него будетъ зависѣть, но говоритъ, что онъ также, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не въ силахъ бороться съ полемикою, которая не выходитъ изъ границъ умѣренности и не направлена противъ особы государя союзной державы".

Пренія въ англійскомъ парламентѣ по польскимъ дѣламъ.

Въ преніяхъ англійскаго парламента также было замѣтно настроеніе въ пользу Поляковъ. Коулей нерѣдко посѣщалъ гр. Киселева и обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ; однажды за такимъ обѣдомъ графъ спросилъ его: „почему великобританскіе министры, когда заходитъ рѣчь о Польшѣ, всегда такъ рѣзко выражаются о Россіи?"—Это, отвѣчалъ онъ, слѣдствіе недоброжелательства, которое породилось у васъ послѣ крымской войны. Въ журналахъ вашихъ, продолжалъ онъ, постоянно оскорбляли англійскій народъ; наши отвѣчали тѣмъ же, и съ тѣхъ поръ общественное мнѣніе настроилось враждебно къ политикѣ Россіи; это прискорбно во многихъ отношеніяхъ, но правительство Англіи вынуждено сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ съ общественнымъ мнѣніемъ".

Объясненіе лорда Коулея.

Болѣзненное состояніе гр. Киселева.

Здоровье графа Киселева видимо слабѣло; еще въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ представленія въ Тюльери прибывшаго изъ Петербурга дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жилля (который поднесъ Наполеону III нѣсколько томовъ описаній царскосельскаго музеума) и послѣ осмотра въ то же утро, по приглашенію императора, въ нетопленномъ павильонѣ Марзанъ, присланныхъ изъ Пекина китайскихъ рѣдкостей, графъ почувствовалъ ознобъ и, чтобы согрѣться, отправился домой пѣшкомъ; на пути, онъ долженъ былъ останавливаться нѣсколько разъ вслѣдствіе головокруженій и дойдя до подъѣзда своего отеля, принужденъ былъ присѣсть на ступени лѣстницы, такъ что послѣ двухъ часовъ отдыха на диванѣ, онъ едва пришелъ въ себя. Такое состояніе его здоровья и въ особенности совѣтъ приглашеннаго доктора не выходить изъ дому безъ провожатаго, побудили графа заняться своими загроб-

ными распоряженіями. [1]) „Послѣдній совѣтъ доктора знаменателенъ", записалъ онъ. Онъ сталъ приводить въ порядокъ свои бумаги, доканчивать и дополнять свое духовное завѣщаніе, по вечерамъ читалъ Евангеліе св. Луки.

Гр. Киселевъ въ законодательномъ собраніи.

Замѣчательно, что, несмотря на испытанный наканунѣ упадокъ силъ, гр. Киселевъ 14-го марта поѣхалъ въ законодательное собраніе, чтобы услышать рѣчь Жюля Фавра, который готовился защищать предложенную имъ поправку адреса, сущность которой состояла въ томъ, что предоставленное законодательному собранію, декретомъ 24-го ноября 1860 года, право контроля надъ дѣйствіями правительства, можетъ принести плоды лишь тогда, когда отмѣнятъ чрезвычайныя мѣры, установленныя въ видахъ охраненія всеобщей безопасности, когда упразднятъ произволъ тяготѣющій надъ печатью, когда наконецъ призовутъ опять къ жизни муниципальныя учрежденія и всеобщую подачу голосовъ оградятъ отъ незаконнаго вмѣшательства администраціи. Гр. Киселевъ, возвратившись изъ этого засѣданія, записалъ: „изъ рѣчи Фавра могъ разслышать только нѣсколько словъ".

Посѣщеніе засѣданія законодательнаго собранія 14-го марта несомнѣнно свидѣтельствуетъ, насколько у гр. Киселева господствовалъ духъ надъ плотью. Въ то время, когда физическія силы отказывались служить ему, его занимали проявленія духовной жизни какъ во Франціи, странѣ ему чуждой, такъ въ особенности въ отечествѣ. Больной, среди занятій послѣдними загробными распоряженіями, онъ пишетъ (19-го мая): „взглядъ на политическую дѣятельность Кавура", записываетъ (13 мая): „при письмѣ отъ Петра Александровича Плетнева получилъ и прочиталъ, съ большимъ удовольствіемъ, описаніе празднованіе юбилея кн. П. А. Вяземскаго".

Пріѣздъ въ Парижъ Н. А. Милютина.

30-го мая пріѣхалъ въ Парижъ изъ Петербурга племянникъ гр. Киселева, Николай Алексѣевичъ Милютинъ съ семействомъ. Извѣстно, что Н. А. Милютинъ въ первый день св. Пасхи, 23-го апрѣля (5-го мая) 1861 г., былъ назначенъ

---

[1]) „Je passe en revue quelques papiers du portefeuille noir, pour faire la rédaction de mes dernières dispositions."

сенаторомъ, съ увольненіемъ отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ и въ заграничный отпускъ. Пріѣздъ его въ Парижъ оживилъ графа, который сердечно любилъ своего племянника и высоко цѣнилъ его какъ государственнаго дѣятеля; къ тому же, Милютинъ могъ сообщить ему много такихъ подробностей относительно событій, совершавшихся въ отечествѣ, о которыхъ писать по почтѣ было не совсѣмъ удобно.

Въ письмѣ брату своему въ Римъ отъ 1-го іюня, посланномъ съ княземъ Сангушко, графъ Киселевъ писалъ:

„Николай Милютинъ только что пріѣхалъ въ Парижъ, съ женою и дѣтьми. Нельзя сказать, что миссія, выпавшая на его долю, на исполненіе которой онъ посвятилъ столько трудовъ, окончилась для него счастливо. Это нѣсколько тяжело, но онъ переноситъ такую невзгоду съ величайшимъ достоинствомъ, которое возвеличиваетъ еще болѣе его заслуги и сулитъ ему хорошую будущность“.

По пріѣздѣ Н. А. Милютина, гр. Киселевъ всего чаще обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ, а послѣ обѣда, они продолжали свои откровенныя бесѣды на прогулкахъ за городомъ. Когда же Николай Алексѣевичъ обѣдалъ у графа съ семействомъ, то приглашался или Лакруа (біографъ Императора Николая), или А. Гротъ.

13 іюня графъ Павелъ Дмитріевичъ писалъ своему брату, что полагаетъ быть въ Баденѣ къ 15 іюля, если не помѣшаютъ дѣла. „Оканчивая свое служебное поприще“, добавилъ онъ, „я хочу заключить оное съ исправностью добросовѣстнаго чиновника“. (Etant au bout de ma carrière, je tiens à la terminer avec l'exactitude d'un fonctionnaire consciencieux).

Десять дней спустя послѣ разговора съ Милютинымъ и письма къ Николаю Дмитріевичу Киселеву, вслѣдъ за посѣщеніемъ его докторомъ Міяновскимъ, гр. Киселевъ записалъ: „Докторъ не совѣтуетъ мнѣ прекращать свою служебную дѣятельность“.

Смерть Кавура.

Внезапная смерть Кавура (6 іюня 1861 г.) сулила Италіи много затрудненій и воскрешала погасшія дотолѣ надежды на возстановленіе нарушенныхъ въ ней прежнихъ порядковъ.

„Смерть Кавура“, писалъ гр. Киселевъ своему брату въ Римъ 7-го іюня, „составляетъ событіе, которое должно имѣть важныя послѣдствія на дѣла вашей прекрасной Италіи. Здѣсь пока стараются еще разгадывать вѣроятности этихъ послѣдствій; одни сожалѣютъ о немъ, какъ о человѣкѣ необычайномъ, который оставляетъ слишкомъ тяжелое бремя своимъ случайнымъ преемникамъ; другіе ожидаютъ, что его исчезновеніе устранитъ много затрудненій и поможетъ возстановить, подъ рукою, виллафранкскія и цюрихскія условія“. Далѣе, въ томъ же письмѣ, гр. Киселевъ прибавляетъ по-русски: „У насъ хлопочутъ о королѣ [1])—князя Волконскаго,—полагаютъ, что время наступило серьезно приняться за его дѣло; здѣсь это почитаютъ несбыточнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ и принимаютъ наши порывы къ свѣдѣнію. Къ отмѣнному моему удовольствію вся эта переписка производится чрезъ французское посольство съ Тувенелемъ, который не чаетъ успѣха“.

Около того же времени, русскому посланнику при ватиканскомъ дворѣ, Николаю Дмитріевичу Киселеву, было дано порученіе склонить его на изданіе папскаго бреве (bref), которое отнеслось бы недоброжелательно къ польскому народному движенію въ Варшавѣ. Въ парижскихъ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе:

„Краковъ, 5 іюня. По словамъ „Часа“ (Czas), папа написалъ Императору Россіи собственноручное письмо, въ которомъ его святѣйшество отказывается издать, по просьбѣ Царя, *бреве* противъ польскаго движенія. Мало того, папа грозитъ ему наказаніемъ божескимъ (vengeance du ciel), если продолжатся гоненія противъ католической церкви и будетъ проливаться кровь безоружныхъ людей. Полагаютъ, что вслѣд- Корреспонденція изъ Кракова о сношеніяхъ съ папою.

[1]) Неаполитанскомъ королѣ Францискѣ II, при которомъ оставался акредитованнымъ въ качествѣ посланника князь А. Волконскій. Графъ Киселевъ, какъ видно изъ его переписки съ братомъ, никогда не писалъ о политическихъ дѣлахъ по обыкновенной почтѣ, опасаясь перлюстраціи, которая была въ большомъ ходу во времена второй имперіи; для сообщеній политическаго свойства, онъ всегда выжидалъ или курьера русскаго правительства, или отъѣзда въ Италію коротко знакомаго путешественника. Приписка о королѣ, назвать котораго графъ опасался написана по-русски, тогда какъ вся корреспонденція и дневникъ велись на французскомъ языкѣ.

ствіе этого письма, гр. Киселевъ [1]) будетъ отозванъ изъ Рима.

Приложивъ къ тому же письму 7-го іюня вырѣзку приведенной газетной статьи, графъ продолжаетъ тоже по-русски:

„Твоя негосіяція показалась въ журналѣ, изъ котораго Соф. Голицына мнѣ прислала лоскутокъ, здѣсь пришпиленный для твоего свѣдѣнія. Хорошо бы преодолѣть ватиканское упорство и, хотя въ общихъ изрѣченіяхъ, объявить, что *свѣтскія дѣла не подлежатъ разбирательству духовныхъ пастырей* и проч. Неуспѣхъ послужитъ орудіемъ противу тебя и твоего усердія или умѣнія“.

Франція признаетъ итальянское королевство.

Французское правительство, вслѣдствіе письма на имя Наполеона III, короля Виктора Эммануэля, депешой отъ 15 іюня 1861 года поспѣшило признать вновь образовавшееся итальянское королевство, но приэтомъ тюльерійскій кабинетъ выразилъ, что такое признаніе не должно ослабить значенія рекламы ватиканскаго двора, противъ занятія подвластныхъ ему территорій, и что потому французскій отрядъ войскъ будетъ оставленъ въ Римѣ дотолѣ, пока ограждены будутъ интересы папы.

Хотя въ отвѣтной на эту депешу нотѣ итальянскаго министра барона Рикасоли отъ 21 іюня, высказывалось открыто, что правительство короля, принимая на себя охранять „независимость августѣйшей главы католической церкви“, будетъ въ то же время, имѣть цѣлію даровать Италіи достославную ея столицу — Римъ, Наполеонъ III возобновилъ прерванныя дипломатическія отношенія и акредитовалъ при королѣ Италіи чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ Бенедетти.

Положеніе Россіи въ отношеніи Италіи.

Россія воздержалась отъ такого скораго признанія итальянскаго королевства, каковое послѣдовало не прежде второй половины 1862 года.

Когда 7-го іюля совѣтникъ парижскаго посольства Убри привезъ корреспонденцію изъ Петербурга, относившуюся до

[1]) Очевидно, газета „Часъ“ считала, что Киселевы, родовые графы и потому и Николая Дмитріевича Киселева пожаловала въ графы.

признанія Франціею итальянскаго королевства, гр. Киселевъ записалъ въ дневникѣ:

„Убри пріѣхалъ и привезъ корреспонденцію изъ Петербурга отъ 20 іюня (2 іюля); она ничѣмъ не замѣчательна, если не придавать важности нѣкоторымъ фразамъ, относящимся до признанія короля Италіи. Я поѣхалъ къ Тувенелю для предъявленія депеши кн. Горчакова, по прочтеніи которой онъ сказалъ, что понимаетъ ея мысль и редакцію. Наши исходныя начала иныя, прибавилъ онъ, и послѣдствіемъ того эта депеша (Thouvenel, après avoir lu la dépêche du pr. Gortschakoff, me dit, qu'il en comprenait la pensée et la rédaction; nos points de départ sont différents, dit-il,—cette dépêche en est la conséquence).

Встрѣча съ Американцемъ Зандфортомъ.

Графъ Киселевъ описываетъ еще въ дневникѣ свою встрѣчу съ Американцемъ Зандфортомъ, которому было дано Линкольномъ дипломатическое порученіе въ Парижѣ.

Извѣстно, что когда вспыхнула распря между Сѣверными Штатами и Южанами, Англія признала (13 мая 1861 г.) послѣднихъ воюющею стороною. Правительство Соединенныхъ Штатовъ громко протестовало противъ такого дѣйствія великобританскаго правительства, поощряющаго мятежное возстаніе въ чужеземной странѣ и объявило, что всякое вмѣшательство какого либо государства во внутреннія дѣла Союза будетъ сочтено за casus belli и что если бы европейскія державы вздумали вступить въ переговоры съ Южанами, хотя бы въ видахъ примиренія, то единственно-законное правительство Союза признаетъ это за оскорбленіе и готово будетъ вступить въ борьбу хотя бы со всѣми ими вмѣстѣ. А какъ, между тѣмъ, Франція и Англія условились, въ сношеніяхъ своихъ съ Соединенными Штатами, дѣйствовать по взаимному соглашенію, о чемъ ими было сообщено прочимъ европейскимъ державамъ, то президентъ Соединенныхъ Штатовъ Линкольнъ послалъ съ дипломатическою миссіею въ Парижъ Зандфорта.

Графъ Киселевъ встрѣтился съ нимъ за обѣдомъ у Тувенеля (29 іюня) и описываетъ эту встрѣчу слѣдующимъ образомъ:

„Послѣ обѣда Тувенель представилъ мнѣ обоихъ уполно-

моченныхъ министровъ американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, однаго акредитованнаго въ Парижѣ г-на... [1]), который могъ выражать свои мысли только на англійскомъ языкѣ, другаго акредитованнаго въ Брюсселѣ, г-на Зандфорта, который совершенно свободно говоритъ по-французски, и пользуясь большимъ довѣріемъ Линкольна, былъ присланъ сюда въ помощь своему сотоварищу для переговоровъ, происходившихъ въ это время.

„Г. Зандфортъ говорилъ со мною о положеніи дѣлъ Союза съ развязностью истаго Американца. Въ заключеніе онъ сказалъ, что Франція и Россія должны бы были, какъ въ интересахъ своихъ собственныхъ, такъ и въ интересахъ всего свѣта, вступить въ союзъ съ законнымъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобы побороть все болѣе и болѣе усиливающееся стремленіе Британцевъ къ преобладанію; что наступитъ благопріятный случай свергнуть съ себя это иго, и ежели не воспользуются имъ теперь, оно долго будетъ тяготѣть надъ Европою. У насъ, говорилъ онъ, 5.000 кораблей, которые легко вооружить и употребить на каперство (course) и на уничтоженіе торговаго преобладанія Англичанъ, несмотря на ихъ пушки большаго калибра и на импровизованныхъ ими волонтеровъ".

Встрѣча съ барономъ Гро.

Не менѣе интересенъ разговоръ гр. Киселева съ барономъ Гро, только что возвратившагося изъ Китая:

„Послѣ обѣда (у Руэра) я вступилъ въ продолжительный разговоръ съ барономъ Гро, который на дняхъ возвратился изъ Пекина. Онъ говоритъ очень хорошо и весьма свѣдущъ. По его мнѣнію Китайцы и въ особенности Японцы очень способны воспринять европейскую цивилизацію. Это будетъ совершаться медленно, сказалъ онъ, но совершится. Они отъ природы храбры, но дурно вооружены и никакого не имѣютъ понятія о новѣйшей тактикѣ. Говоря объ Англичанахъ, онъ сказалъ, что они съ Азіатцами до невѣроятности грубы и надменны; представьте себѣ, что *онъ* [2]) заставлялъ брата (китайскаго) импе-

---

[1]) Дайтонъ (Dayton).

[2]) Лордъ Брюсъ, графъ Элджинъ.

ратора, принца Конча, ждать себя въ передней для того, какъ объяснялъ онъ, чтобъ пріучить его проникнуться значеніемъ британскаго посла. Я никогда не могъ разубѣдить его, что предавая огню великолѣпный дворецъ китайскаго императора, онъ совершилъ поступокъ приличествующій невѣжеству дикарей. Я говорилъ ему, продолжалъ баронъ Гро, что по мнѣ это былъ актъ не политическій, вредный и во всякомъ случаѣ безполезный; но сотоварищъ мой утверждалъ, что напротивъ того, это было необходимо для укорененія въ умахъ этихъ варваровъ благотворнаго страха.... Или для поселенія въ душахъ ихъ такой непримиримой вражды, вставилъ я, которая когда нибудь вызоветъ ихъ къ отмщенію.... То же самое, перебилъ меня баронъ Гро, говорилъ и я лорду Элджину,— который, впрочемъ весьма честный человѣкъ, но проникнутъ своимъ превосходствомъ Англичанина".

Кончина султана Абдуль-Меджида.

Незадолго до отъѣзда графа Киселева въ отпускъ, на воды, за границу Франціи, получено было извѣстіе о смерти (25 іюня 1861 г.) турецкаго султана.

„Извѣстіе о смерти султана Абдуль-Меджида", записалъ графъ не произвело никакого впечатлѣнія ни въ публикѣ, ни на биржѣ, ни въ средѣ дипломатическаго корпуса. Полагаютъ даже, что кончина его будетъ имѣть благотворное послѣдствіе какъ для Европы, такъ и для Турціи. Новый султанъ высказался въ пользу примѣненія гаттъ-гумаюна и стало быть партія фанатиковъ ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ".

Положеніе дѣлъ въ турецкихъ владѣніяхъ, на сколько онѣ касались интересовъ европейскихъ, вызывало постоянное вмѣшательство дипломатіи.

Опять сирійскія дѣла.

По сирійскимъ дѣламъ представители великихъ державъ въ Константинополѣ совѣщались въ конференціи и совѣщаніями этими, конечно, желалъ руководить тюльерійскій кабинетъ.

Въ запискахъ гр. Киселева по этому предмету находятся слѣдующія, къ сожалѣнію, чрезвычайно краткія замѣтки:

„23 мая у г. Тувенеля. Предложеніе Пруссіи отклонено [1])

[1]) Франціею.

(proposition prussienne écartée); Лобановъ (князь Лобановъ-Ростовскій, нашъ посланникъ въ Константинополѣ) примкнулъ къ Бульверу для отстраненія намѣстника изъ мѣстныхъ жителей (Lobanow s'est rallié à Bulver pour repousser le P-r. indigène); здѣсь выражаютъ неудовольствіе (mécontentement ici); телеграмма объ этомъ кн. Горчакову".

„24 мая. Отвѣтъ на мою вчерашнюю телеграмму".

„25 мая. 3 телеграммы въ Петербургъ по дѣламъ Сиріи".

„26 мая. Телеграмма изъ Петербурга довольно удовлетворительная; записка Тувенелю объ этомъ".

„27 мая. У Туневеля, который очень доволенъ вчерашнею телеграммою".

„4 іюня. У г. Тувенеля, для сообщенія телеграммы, полученной изъ Петербурга о сирійскомъ дѣлѣ, разсматриваемомъ въ константинопольской конференціи. Рѣшеніе принято здѣсь неохотно (resolution acceptée ici de mauvaise grâce)".

Чтобъ понять эти замѣтки слѣдуетъ припомнить, что посланные въ Сирію делегаты европейскихъ державъ пришли къ заключенію, что Сирію слѣдуетъ раздробить на три каймаканства: друзкое, маронитское и греческое, которыя имѣли бы каждое свое отдѣльное управленіе; а какъ Друзы, Марониты и Греки поселены не въ отдѣльныхъ одни отъ другихъ мѣстностяхъ, а напротивъ разсѣяны смѣшанно по всему краю, то при учрежденіи особыхъ каймаканствъ потребовалось бы расселять разрозненное населеніе по исповѣданіямъ, каждое въ свое каймаканство. Когда такое предположеніе разсматривалось въ константинопольской конференціи, то французскій посолъ, въ противность англійскому, сталъ настаивать на томъ, чтобъ образовать для всей страны одно общее управленіе, но съ назначеніемъ губернатора христіанскаго исповѣданія, при чемъ выразилъ желаніе, чтобъ въ губернаторы было избрано лицо непремѣнно изъ мѣстныхъ жителей. Послѣднее условіе послужило поводомъ къ бурнымъ преніямъ и прусскій посланникъ, въ видахъ соглашенія, предложилъ не упоминать въ протоколѣ о назначеніи губернатора непремѣнно изъ мѣстныхъ жителей. Къ такому предложенію гр. Гольца примкнули

кн. Лобановъ Ростовскій и сэръ Генри Бульверъ, а французскій посолъ маркизъ Лавалеттъ не соглашался; вслѣдствіе сего было предложено по телеграфу маркизу Лавалетту присоединиться къ мнѣнію представителя Пруссіи. Наконецъ, было рѣшено назначить губернатора на три года, съ тѣмъ, чтобы за три мѣсяца до истеченія этого срока Порта обратилась опять къ державамъ для новаго соглашенія съ ними. Губернаторомъ былъ назначенъ Дуадъ эффенди [1]), армяно-католическаго исповѣданія, который при этомъ случаѣ возведенъ въ трехъ-бунчужные паши.

Придунайскія княжества.

Молдавія и Валлахія были тоже въ броженіи. Князь Куза, избранный въ господари обоихъ княжествъ, хлопоталъ объ окончательномъ сліяніи этихъ княжествъ, съ образованіемъ для нихъ обоихъ одного собранія представителей и одного министерства. Онъ представилъ Портѣ свое по этому предмету предположеніе, а Порта разослала оное, съ своими добавленіями, на заключеніе кабинетовъ великихъ державъ, при циркулярной депешѣ отъ 1 мая 1861 г.

Гр. Киселевъ, какъ намъ уже извѣстно, былъ коротко знакомъ съ положеніемъ Дунайскихъ княжествъ и потому пристально занялся этимъ дѣломъ.

Подъ 2 іюня въ его дневникѣ записано:

„Записка по поводу просьбы (requête) кн. Кузы относящейся до окончательнаго сліянія обоихъ управленій и обоихъ собраній, а также по пересмотру избирательнаго закона".

Затѣмъ 2 іюля гр. Киселевъ „читалъ свою корреспонденцію съ кн. Горчаковымъ по дѣламъ Дунайскихъ княжествъ, изготовленную въ присутствіи генерала Игнатьева".

Перестройка купола въ церкви Гроба Господня.

Наконецъ гр. Киселевъ велъ переговоры съ Тувенелемъ по перестройкѣ купола въ церкви гроба Господня въ Іерусалимѣ.

Отъѣздъ въ Баденъ Баденъ.

Въ половинѣ лѣта графъ Киселевъ собирался въ путь, на воды. Онъ нетерпѣливо желалъ встрѣчи съ Великою Княгинею Еленою Павловною, отъ которой ожидалъ живо интересовав-

[1]) Дуадъ паша, членъ берлинской академіи наукъ.

шихъ его новостей о великихъ событіяхъ, совершавшихся въ то время въ Россіи.

Онъ выѣхалъ изъ Парижа 14-го іюля, въ сопровожденіи гр. Муравьева-Амурскаго и доктора Сири (Siry), и пріѣхалъ въ Баденъ въ тотъ же день.

Слухъ о покушеніи на жизнь короля прусскаго.

Въ пути, на станціи Оссъ, онъ услыхалъ о покушеніи студента Беккера на жизнь короля прусскаго, и на слѣдующій день узналъ подробности объ этомъ прискорбномъ происшествіи отъ очевидцевъ и, между прочимъ, отъ Великой Княгини Елены Павловны, которая находилась въ нѣсколько сотъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ были сдѣланы два выстрѣла изъ пистолета.

Состоянія духа короля Вильгельма.

„Король“, пишетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ въ своемъ дневникѣ, „съ которымъ Великая Княгиня продолжала свою прогулку по аллеѣ Лихтенталь, сохранилъ изумительное спокойствіе и хладнокровіе; но къ вечеру, какъ самъ признался Ей на слѣдующій день, былъ встревоженъ печальными размышленіями, быть можетъ вслѣдствіе боли, которую ощущалъ отъ контузіи; происшествіе это, равно какъ и возможное послѣдствіе онаго представлялись ему въ болѣе серьезномъ видѣ: „какъ ни стараюсь успокоить себя“, говорилъ онъ, „невольное волненіе овладѣваетъ мною (j'ai beau me raisonner, l'émotion me gagne malgré moi).“

Размышленіе Павла Дмитріевича по поводу этого происшествія.

По поводу этого происшествія гр. Киселевъ записалъ въ свой дневникъ слѣдующее разсужденіе: „Дѣяніе Беккера, по мнѣнію моему, не можетъ быть слѣдствіемъ отдѣльнаго личнаго фанатизма. Объединеніе Германіи (l'unité allemande), какъ соображеніе политическое, составляетъ комбинацію слишкомъ отвлеченную и сложную, чтобы предположить, что она могла служить побужденіемъ, для молодаго человѣка 22-хъ лѣтъ, къ совершенію цареубійства, безъ всякаго положительнаго результата. Можно еще понять покушеніе на убійство монарха съ цѣлію учрежденія республики, также точно какъ понятно дѣяніе убійцы, который поражаетъ съ цѣлію ограбленія своей жертвы, но покушаться на жизнь короля, въ надеждѣ, что преемникъ его будетъ болѣе настойчиво дѣйствовать въ ви-

дахъ объединенія Германіи — это безуміе, доходящее до последнихъ предѣловъ и объясняемое развѣ лишь изступленіемъ, возбужденнымъ на такое злодѣяніе посредствомъ чтенія или слушанія рѣчей, произносимыхъ въ тайныхъ собраніяхъ, которыя по примѣру среднихъ вѣковъ, распространились съ 1848 года по всему лицу Европы, и становятся все болѣе дерзкими. Императоръ Наполеонъ говорилъ мнѣ однажды: „не должно обманывать себя,—міръ управляется тайными обществами (il ne faut pas se faire illusion, le monde est gouverné par les sociétés secrètes)“. Такое замѣчаніе, въ устахъ человѣка, свѣдущаго въ подобныхъ дѣлахъ, имѣетъ значеніе. Любопытно было бы прослѣдить путь, который пролагалъ Пьемонтъ для объединенія Италіи—подкупъ цѣною золота европейской періодической печати и образованіе тайныхъ обществъ были могучими рычагами, которыми пользовался Кавуръ для достиженія предположенной цѣли, и онъ достигъ этого свыше своихъ надеждъ, потому что вовлекъ и королевство обѣихъ Сицилій, тогда какъ оно первоначально не входило въ его планы. Что касается солидарности покушенія Беккера, то ее слишкомъ горячо отвергаютъ, чтобъ я настаивалъ на ней, — поживемъ, увидимъ“.

Пріемъ у Великой Княгини Елены Павловны.

По пріѣздѣ въ Баденъ, графъ на другой же день представлялся Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и записался у короля и королевы прусскихъ.

Графъ былъ принятъ Ея Высочествомъ съ обыкновенною благосклонностью; въ теченіи сорока дней, которые онъ провелъ въ Баденѣ, рѣдкій день онъ не обѣдалъ у нея и часто сопровождалъ Ее въ прогулкахъ по окрестностямъ.

Встрѣча съ королемъ Вильгельмомъ.

Король и королева прусскіе также оказывали вниманіе престарѣлому графу.

Такъ, однажды, гуляя въ аллеѣ Лихтенталь, онъ встрѣтился съ королемъ, почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено было Беккеромъ покушеніе. „Его величество перешелъ черезъ дорогу, чтобы почтить меня рукопожатіемъ и сказалъ при этомъ нѣсколько словъ о событіи 14-го іюля.“

Послѣ обѣда у Великой Княгини Елены Павловны, на

которомъ присутствовали король и королева прусскіе, принцъ Веймарскій и принцъ Фридрихъ Виртембергскій, король Вильгельмъ завязалъ разговоръ съ Павломъ Дмитріевичемъ о порученіи, которое королемъ было дано генералу Виллизену въ Парижъ.

Порученіе генералу Виллизену въ Парижѣ.

„Король“, пишетъ графъ, „послалъ Виллизена къ императору Наполеону съ письмомъ, въ которомъ объяснилъ причину, лишающую его возможности прибыть на маневры въ Шалонскій лагерь и предлагалъ условиться относительно частнаго свиданія въ теченіи октября мѣсяца, въ Страсбургѣ или иномъ мѣстѣ. Императоръ, продолжалъ король, хорошо понялъ неудобство и неприличіе появленія моего на чужой сторонѣ, въ лагерѣ, прежде моей коронаціи; Наполеонъ отвѣчалъ, что охотно прибудетъ на свиданіе со мной въ Страсбургъ въ первой половинѣ октября. Я не скрылъ“, пишетъ далѣе графъ, „предъ его величествомъ своего сожалѣнія, что визитъ въ Шалонскій лагерь не могъ состояться, потому что хотя самъ Наполеонъ назвалъ себя въ одной изъ своихъ оффиціальныхъ рѣчей *выскочкой*, но неприбытіе его величества, въ противность приглашенію, въ Шалонъ, будетъ принято приближенными императора и противниками франко-прусскаго союза, какъ оскорбленіе, за которое рады будутъ ухватиться, чтобы повредить союзу этому“.

Пріемъ у королевы прусской и разговоръ съ нею.

Хотя графъ, послѣ обѣда у королевы прусской, 18-го августа незадолго передъ отъѣздомъ своимъ изъ Бадена, простился съ нею, однако, 19-го числа гофмаршалъ ея написалъ Павлу Дмитріевичу, что королева желаетъ видѣть его еще и что онъ будетъ принятъ ею 20-го числа въ 3 часа дня.

„Я отправился“, пишетъ графъ, „во всемъ парадѣ (en fiocchi) на такое чрезвычайно любезное приглашеніе. Королева очень милостиво отозвалась о моемъ братѣ. Послѣдній разговоръ съ нимъ, сказала она, обнаружилъ въ немъ человѣка высоко-политическаго такта (d'une haute raison politique); онъ, какъ всегда, отличается отмѣнною любезностью и проч. Послѣ такого вступленія она стала жаловаться на преобладающій духъ времени и на то, какія онъ сулитъ безпокойства

въ будущемъ; затѣмъ сѣтовала на недостатокъ государственныхъ дѣятелей, способныхъ стать на высоту своего призванія. Наши министры, продолжала она, люди отмѣнно честные и преданные, но они чужды всякаго вчинанія, чтобы дать правительственному механизму правильное и твердое направленіе. Они ведутъ текущія дѣла, но не помогаютъ королю установить такую систему управленія, которая могла бы предупреждать и отражать рождающіяся затрудненія, свойственныя эпохѣ, въ которую мы живемъ. Какъ поступаетъ императоръ Наполеонъ, спросила она меня, чтобъ находить людей, способныхъ содѣйствовать его видамъ! Полагаете ли вы, что миръ будетъ сохраненъ? А Польша? думаете ли вы, что возможно будетъ водворить въ ней спокойствіе и проч., и проч.

„Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, на эти вопросы, не заботясь, впрочемъ, показаться прорицателемъ будущихъ событій, и королева осталась весьма довольною".

Новое подозрѣніе графа на счетъ опасности для Россіи со стороны Швеціи.

Мы уже имѣли случай, основываясь на дневникѣ графа Павла Дмитріевича, указать на выраженныя имъ опасенія для Россіи со стороны Швеціи, которая представлялась ему, въ союзѣ съ морскими державами, Англіею и Даніею, угрожающею нашимъ прибалтійскимъ окраинамъ.

Пребываніе шведскаго короля Карла XV въ Парижѣ и приписываемый ему планъ объединенія скандинавскихъ земель.

Въ августѣ 1861 года король шведскій Карлъ XV пріѣзжалъ въ Парижъ *на поклоненіе,* какъ тогда говорилось, Наполеону III. Поѣздка эта, сказываютъ, имѣла поводомъ представить императору Французовъ планъ объединенія скандинавскихъ земель, на что датскій король Фридрихъ VII, бездѣтный и встревоженный возникшими въ Берлинѣ и Франкфуртѣ помыслами германизаціи южныхъ предѣловъ датской монархіи, въ пылу патріотизма, будто бы былъ согласенъ.

Установленный порядокъ престолонаслѣдія въ Даніи.

Хотя лондонскими протоколами 4-го іюля 1850 года и 8-го мая 1852 года было установлено, въ видахъ упроченія неприкосновенности датской монархіи, что, за бездѣтностію короля, наслѣдіе престола должно перейти Глюксбургскому дому, въ лицѣ принца Христіана (нынѣ царствующаго короля Христіана IX), но полагали несомнѣннымъ, что датскій король Фридрихъ VII имѣлъ намѣреніе завѣщать свои владѣ-

нія, по смерти своей, наслѣдному принцу шведскому Оскару (нынѣ царствующему королю Оскару II). Какъ бы то ни было, но попытки къ заключенію скандинавскаго союза и къ основанію скандинавской монархіи существовали [1]).

Замѣтка по поводу сего гр. Киселева.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ, возвратившись къ себѣ, 13-го августа, послѣ обѣда у Великой Княгини Елены Павловны, записалъ въ свой дневникъ, по поводу этихъ слуховъ, слѣдующее:

„Мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что главнѣйшею цѣлію посѣщенія Парижа шведскимъ королемъ Карломъ XV было намѣреніе вывѣдать мнѣніе императора Наполеона относительно способа разрѣшенія датскаго вопроса, который въ настоящемъ его положеніи представляется неразрѣшимымъ. Шведскій проектъ заключается въ томъ, чтобы присоединить къ шведско-норвежскому королевству большую часть Шлезвига и датскіе острова, а остальную нѣмецкую часть Шлезвига, равно нѣмецкія же герцогства, Гольштейнъ и Лауенбургъ, предоставить усмотрѣнію франкфуртскаго сейма, отъ дальнѣйшихъ комбинацій котораго будетъ уже зависѣть ихъ судьба. Эти послѣднія части датскаго королевства могли бы сдѣлаться достояніемъ или принца Христіана (датскаго), или принца августенбургскаго и онѣ вошли бы въ составъ германскаго союза; напротивъ, изъ трехъ коронъ, датской, шведской и норвежской, образовалась бы имперія или особое скандинавское государство, въ отношеніи къ которому были бы приняты мѣры для нейтрализаціи Зунда. Послѣднее условіе не было, впрочемъ, формулировано съ достаточною ясностью, чтобъ о немъ можно было сказать болѣе опредѣлительно. Предположеніе о возрожденіи скандинавскаго государства очевидно противно нашимъ интересамъ. Рано или поздно возродится желаніе присоединить къ нему Финляндію, чтó неминуемо повлечетъ за собою войну, которою непреминетъ воспользоваться Польша. Шведскій проектъ представляетъ въ особенности ту опасность,

[1]) См. Aktstykker vedkommende den dansketydske strid. Kjøbenhavn 1856 г., ч. I, стр. 87, гдѣ приведены предварительныя условія, заключенныя между датскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Галлъ и шведскимъ посланникомъ Гамильтономъ.

что датскій король не только не противится ему, но относится къ нему сочувственно. Говорятъ, что этотъ государь, присутствуя на одномъ банкетѣ, явился на оный въ шведскомъ мундирѣ; обстоятельство это было весьма замѣчено скандинавскою партіею".

Встрѣча графа съ своими соотечественниками.

Павелъ Дмитріевичъ встрѣтилъ въ Баденъ-Баденѣ много соотечественниковъ, изъ которыхъ князь С. М. В., графъ П. А. Ш. передавали ему свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи; эти разсказы записаны въ дневникѣ, подъ 12-мъ августа, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился о внутреннемъ положеніи Россіи. Онъ увѣряетъ, что по примѣру своего отца горячо привѣтствовалъ Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ; но что, къ сожалѣнію, Положеніе 19-го февраля 1861 года составлено чиновниками бюрократами, теоретиками, не знакомыми съ дѣйствительнымъ положеніемъ и нуждами страны. Они пытались удовлетворить обѣ стороны, помѣщиковъ и крестьянъ, а въ результатѣ вышло то, что и тѣ, и другіе остались недовольными, и въ близкомъ будущемъ надо ожидать всеобщаго взрыва неудовольствія (une explosion générale). Онъ находитъ, что центральная власть безсильна для руководства и обузданія страстей, которыя возбуждены и раздражены освобожденіемъ крестьянъ; что губернаторы имѣютъ наклонность сдѣлаться самовластными деспотами, противъ дѣйствій которыхъ всякій протестъ становится невозможнымъ; что довѣріе къ власти уничтожено; что необходимо взвѣсить все это и принять надлежащія мѣры, ибо, въ противномъ случаѣ, вредъ отъ всего этого будетъ все усиливаться, и угрожающая печальная развязка ускорится.

„Другой господинъ увѣряетъ, что освобожденіе крестьянъ совершится такъ или иначе (l'émancipation s'accomplira tant bien que mal), но что правительственный механизмъ разшатанъ (la machine gouvernementale est détraquée) и потому необходимо изыскать средства для его упроченія".

Графъ видѣлся въ Баденѣ съ Н. А. Милютинымъ, который пробылъ въ этомъ городѣ всего шесть дней; также былъ

Свиданіе съ Н. А. Милютинымъ и братомъ своимъ и возвращеніе въ Парижъ.

въ Баденѣ братъ Павла Дмитріевича Николай; они не разлучались, и когда наступило время возвращенія (10-го августа), то Николай Дмитріевичъ Киселевъ проводилъ своего брата въ Парижъ, гдѣ прогостилъ у него недѣлю; простясь съ братомъ (который уѣхалъ изъ Парижа въ Римъ 18-го августа), Павелъ Дмитріевичъ записалъ: „я возвратился домой съ стѣсненнымъ сердцемъ; это моя единственная и послѣдняя привязанность (c'est ma dernière et unique tendresse).

Освященіе православной церкви въ Парижѣ.

Православная русская церковь въ Парижѣ, во имя Св. Александра Невскаго, заботливостью графа Киселева и въ особенности стараніями протоіерея посольства, отца Васильева, была окончена постройкою и отдѣлкою въ срединѣ 1861 года. Освященіе ея было назначено въ день 30-го августа.

Торжество освященія новаго храма сопровождалось чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Въ Парижъ, собственно для исполненія обряда освященія, пріѣхали духовныя лица *изъ Петербурга*: Леонтій, епископъ ревельскій, и викарій с.-петербургскій архимандритъ Аввакумъ, извѣстный синологъ, находившійся долгое время при нашей миссіи въ Пекинѣ; Палисадовъ, протоіерей кафедральнаго Петропавловскаго собора; изъ Штутгардта Базаровъ, духовникъ Ея Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны, и священники при русскихъ церквахъ: Янышевъ въ Висбаденѣ, Петровъ въ Женевѣ, Серединскій въ Берлинѣ, Колосовскій въ Мадритѣ, Васильевъ 2-й въ Ниццѣ. Всѣ участвовавшіе въ службѣ освященія были облачены въ драгоцѣнныя одѣянія, недавно служившія при подобномъ же торжествѣ въ Исаакіевскомъ соборѣ; одѣянія эти были нарочно для сего привезены изъ С.-Петербурга. Архидіаконъ Исаакіевскаго собора съ четырьмя дьяконами и двумя хорами пѣвчихъ, однимъ—прежней посольской церкви, составленнымъ большею частью изъ Французовъ, другимъ—прибывшимъ хоромъ с.-петербургскаго митрополита, довершали торжественность православнаго богослуженія.

Маршалъ Вальянъ былъ присланъ на это празднество представителемъ своего государя; явились также префектъ

полиціи Буатель и камергеръ Бачіокки. Всѣ наличные въ Парижѣ Русскіе, разумѣется, тоже присутствовали.

По поводу особенной торжественности освященія православной церкви, графъ Киселевъ записалъ въ дневникѣ подъ 30-мъ августа слѣдующее:

„Я не предполагалъ придать такой торжественности обряду освященія церкви; это было дѣломъ отца Васильева, которому я предоставилъ свободу дѣйствій въ семъ отношеніи въ Петербургѣ; предупредивъ, однако, его, что если обратятся ко мнѣ съ оффиціальнымъ запросомъ, то я отвѣчу, что такая торжественность православнаго обряда въ столицѣ Франціи неудобна и рискована. Католическое духовенство щекотливо и католическая журнальная пресса крайне невоздержна. Подобный вызовъ можетъ повлечь за собою репрессаліи, а это, по меньшей мѣрѣ, безполезно: нашъ баснописецъ сказалъ: можно, но чтобъ гусей не раздразнить. Я не забываю этого изрѣченія и часто руководствуюсь имъ въ своей жизни. Впрочемъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, фактъ совершился, то надобно желать, чтобъ мой пессимизмъ въ семъ случаѣ не оправдался.

„На 300 пригласительныхъ билетовъ, посланныхъ французскимъ католикамъ, отозвались только 15 или 16 человѣкъ; это можно считать достаточнымъ уже предостереженіемъ. Маршалъ Вальянъ явился на торжество въ качествѣ представителя императора. Бачіокки пріѣхалъ какъ частное лицо, а Буатель пріѣхалъ, вслѣдствіе моего извѣстительнаго письма, какъ префектъ полиціи.

„Къ сожалѣнію, мы не предварили ихъ, что молебствіе будетъ отслужено вслѣдъ за окончаніемъ обряда освященія церкви, такъ что нашимъ иностранцамъ пришлось простоять на ногахъ, также какъ и намъ, болѣе трехъ часовъ времени; это для нихъ черезъ-чуръ много; я испыталъ это на себѣ, хотя выдержалъ до конца, не поморщась, и только на слѣдующій день ощущалъ послѣдствія усталости“.

Изъ послѣдующаго разсказа графа объ обѣдѣ, который онъ давалъ въ этотъ же день духовенству и Русскимъ, присутствовавшимъ на освященіи церкви, разсказа, записаннаго Обѣдъ у графа и его рѣчь.

въ дневникѣ, видно, что сильное утомленіе почувствовалось Павломъ Дмитріевичемъ въ тотъ же день и было причиною неудавшагося спича, прерваннаго головокруженіемъ и совершеннымъ упадкомъ силъ.

„Послѣ окончанія службы освященія церкви я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ православное духовенство (16 человѣкъ) и почетнѣйшихъ Русскихъ (30 человѣкъ), которые размѣстились довольно тѣсновато въ двухъ комнатахъ, которыми я могъ располагать для сего.

„Военная музыка 34-го линейнаго полка была помѣщена въ саду, на террассѣ, и когда провозглашались тосты, оркестръ исполнялъ нашъ національный гимнъ.

„Я предложилъ слѣдующіе тосты:

„Въ высокоторжественный и для насъ радостный сей день я предлагаю пить за многолѣтнее царствованіе Государя Императора, какъ за вѣрнѣйшій залогъ преуспѣянія любезнаго отечества. За здравіе Его Императорскаго Величества и Августѣйшаго его дома. Ура! Государю Всероссійскому“.

„Этотъ кликъ былъ повторенъ всѣми присутствовавшими въ комнатѣ, а какъ въ смежной столовой хранили молчаніе, то я, съ бокаломъ въ рукѣ, направился туда, чтобы поздравить моихъ гостей и выпить съ ними за здоровье Государя и его Августѣйшей семьи.

„Возвратившись на свое мѣсто, я приказалъ наполнить осушенные бокалы и выразилъ заздравное привѣтствіе преосвященному въ слѣдующихъ словахъ:

„Ваше преосвященство, несмотря на трудности дальняго путешествія, изволили прибыть и освятить нашу заграничную православную церковь. Мы, какъ прихожане этой церкви, просимъ“... (тутъ головокруженіе не дало мнѣ возможности продолжать свою рѣчь, которая должна была завершиться приблизительно такъ: „просимъ принять изъявленіе нашей живой признательности и дозволить намъ пить за здравіе ваше и духовныхъ особъ, принявшихъ участіе въ освященіи храма)“.

„Къ почтенному отцу Іосифу Васильеву я хотѣлъ отнестись съ слѣдующимъ словомъ:

„Въ обязанность себѣ вмѣняю обратиться къ многочтимому пастырю нашему и въ дополненіе къ словамъ, произнесеннымъ преосвященнымъ епископомъ, сказать, что мысль о сооруженіи сей церкви принадлежитъ вамъ, какъ и окончательное оной устройство. Съ душевнымъ чувствомъ признательности привѣтствую и поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ, который сохранится въ памяти и сердцахъ нашихъ [1]).

„Когда моя рѣчь", продолжаетъ графъ, „была внезапно прервана охватившимъ меня упадкомъ силъ, то отецъ Васильевъ поспѣшилъ произнесть благодарственныя слова епископу и послу.

„Почувствованный упадокъ силъ, который я старался скрыть, насколько это было возможно, нарушилъ всякую связь въ предположенномъ мною спичѣ, и я утѣшился лишь тогда, когда добрался до своей постели.

„Газовая иллюминація наружнаго фасада посольскаго дома не удалась, несмотря на дорогую цѣну, въ которую она обошлась".

Такъ описалъ графъ Киселевъ утомительный для него день 30-го августа 1861 года. Опасенія его, „чтобы гусей не разсердить" не сбылись; впрочемъ, опасенія эти были совершенно напрасны; приписать ихъ слѣдуетъ крайней осторожности графа въ виду польскихъ агитацій въ Парижѣ, агитацій, съ которыми, однако, въ то время легко справлялось императорское правительство, когда хотѣло подавить или отсрочить ихъ.

Отъѣздъ епископа Леонтія.

Епископъ Леонтій долженъ былъ оставить Парижъ 4-го сентября; графъ Киселевъ послалъ ему 2-го сентября, при письмѣ, на память небольшой подарокъ (дорожные часы); а наканунѣ отъѣзда преосвященнаго былъ у него самъ съ прощальнымъ визитомъ, послѣ присутствованія у обѣдни въ новой церкви. Вслѣдъ за симъ посѣщеніемъ графъ записалъ:

„Епископъ Леонтій не отвѣчалъ на мое письмо и даже, при свиданіи, не сказалъ ни слова о письмѣ и посланномъ ему подаркѣ; такъ оказались напрасными и мое писаніе, и

[1]) Рѣчи графа, сказанныя и предположенныя, записаны въ дневникѣ его порусски и списаны здѣсь дословно.

мой денежный расходъ (je reste pour mes frais d'écriture et d'argent)".

Нерасположеніе петербургскаго кабинета къ Людовику Наполеону.

Когда графъ Киселевъ возвратился въ Парижъ, императоръ Наполеонъ былъ еще въ Біарицѣ, откуда его ожидали не прежде 1-го октября. Графъ Павелъ Дмитріевичъ расходился съ петербургскимъ кабинетомъ во взглядахъ на отношенія наши къ Наполеону; онъ считалъ, что укрѣпленіе дружественныхъ отношеній съ тюльерійскимъ кабинетомъ, въ виду отсутствія другихъ союзовъ, могло бы только послужить на пользу Россіи; но онъ замѣчалъ, что въ политикѣ петербургскаго кабинета начинало проглядывать явное несочувствіе императору Наполеону, и такое несочувствіе основывалось, по мнѣнію графа, не столько на положительныхъ, вредныхъ для Россіи, дѣйствіяхъ французскаго правительства, сколько на впечатлѣніяхъ, которыя производили въ Петербургѣ русскіе туристы своими сплетнями на тюльерійскій дворъ, на французское общество и на французскихъ общественныхъ дѣятелей. При такихъ обстоятельствахъ Киселевъ признавалъ свое положеніе въ Парижѣ крайне неловкимъ, и онъ сталъ даже избѣгать встрѣчъ съ императоромъ.

Разговоры о семъ графа съ Ж***

Послѣ свиданія съ Ж*** (18-го октября) графъ записалъ въ свой дневникъ:

„Я говорилъ съ нимъ, между прочимъ, о неустойчивости нашей политики и о томъ, что въ Петербургѣ судятъ о дѣлахъ и людяхъ по впечатлѣніямъ, которыя производятъ дневныя событія, и по разсказамъ путешественниковъ обоего пола, послѣ короткаго пребыванія ихъ въ Парижѣ. На основаніи подобныхъ сплетень (tripotages) составляютъ себѣ въ высшихъ сферахъ Петербурга ложныя мнѣнія, а какъ нерасположеніе къ *выскочкѣ* (parvenu) очевидно, то и позволяютъ себѣ пускать въ ходъ нескромныя рѣчи и злословія, которыя легко дѣлаются извѣстными здѣсь и вліяютъ на охлажденіе отношеній между двумя дворами.

„Я дѣлаю видъ, будто не замѣчаю этого, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараюсь какъ можно рѣже бывать въ Тюльери; такъ, съ 19-го мая я не видѣлся и не говорилъ съ императоромъ.

Въ политикѣ не слѣдуетъ руководиться впечатлѣніями. Если, въ интересахъ нашихъ, союзъ съ Франціею оказывается непригоднымъ, пусть пріискиваютъ другой; но пока другаго не нашли и дотолѣ пока союзъ съ Франціей есть единственно возможный и, скажу болѣе, единственно намъ полезный, какъ позволяю себѣ думать, — должно стараться сохранить его, не контролируя онаго нескромною и, по меньшей мѣрѣ, безполезною болтовнею. Если наши ультра-консервативные принципы не согласуются съ принципами, исповѣдываемыми во Франціи съ 1789 года, то слѣдуетъ принять согласное съ симъ рѣшеніе, т.-е. отказаться отъ мнимаго дружественнаго союза съ Людовикомъ-Наполеономъ, который, говорю это безъ обиняковъ, оказалъ намъ, со времени заключенія мира въ 1856 году, большія услуги; такой союзъ подвергать опасности не осторожно".

Передъ отъѣздомъ Ж*** въ Петербургъ, графъ Киселевъ еще разъ говорилъ съ нимъ о томъ же предметѣ, какъ это видно изъ слѣдующей его замѣтки въ дневникѣ, подъ 1 ноября 1861 года:

„Мы опять разговорились о нашемъ союзѣ (alliance) съ Франціею и о толкахъ о немъ въ Петербургѣ. Они кажутся мнѣ построенными на такихъ шаткихъ основаніяхъ, что невольно приходишь къ заключенію, что вы (т.-е. петербургскій кабинетъ) имѣете наготовѣ иной союзъ, болѣе прочный и выгодный. На отрицательный отвѣтъ Ж*** я сказалъ ему: въ такомъ случаѣ вы добровольно, сами себѣ создаете затрудненія и недочеты, которые отзовутся на отношеніяхъ нашихъ не съ одною только Франціею, но и съ прочими державами, которымъ хорошо извѣстны наши внутреннія неурядицы; зная наши затрудненія внутри государства, и что мы лишились мощнаго союзника, великія державы станутъ придавать менѣе вѣсу нашему голосу въ дѣлахъ обще-европейскаго интереса. Установившееся мнѣніе о тѣсномъ союзѣ нашемъ (notre intimité) съ Людовикомъ-Наполеономъ составляетъ въ настоящее время наше могущество; уничтожьте этотъ союзъ и вы увидите, какая произойдетъ перемѣна въ тонѣ рѣчей и въ дѣйствіяхъ тѣхъ кабинетовъ, которые теперь кажутся намъ дружелюб-

ными. Грустно подумать, что все это можетъ разразиться надъ нами вслѣдствіе нескромныхъ рѣчей (indiscrétion de langage), основанныхъ на преувеличенной, въ глазахъ нашихъ, оцѣнкѣ степени нашего дѣйствительнаго и относительнаго могущества (force intrinsèque et relative). Самообольщеніямъ нѣтъ болѣе мѣста; туманныя представленія о нашей силѣ рушились послѣ крымской войны, какъ это показываетъ вексельный курсъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ. Нужно оцѣнивать обстоятельства соотвѣтственно ихъ дѣйствительности и, когда понадобится, изыскивать средства пособить имъ; всякая другая политика непригодна и можетъ только поставить насъ въ безвыходное положеніе“.

Причины политическихъ сомнѣній графа Киселева.

Безпокойства Павла Дмитріевича и требованіе большой предусмотрительности, выраженныя имъ въ приведенныхъ словахъ его, основывались на свѣдѣніяхъ, получаемыхъ имъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ разныхъ мѣстъ европейскаго материка.

Независимо отъ телеграммъ изъ Варшавы отъ графа Ламберта и Сухозанета, о продолжавшихся манифестаціяхъ въ Варшавѣ, и изъ Петербурга отъ князя В. А. Долгорукова, съ требованіемъ возвращенія въ столицу генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева,—графъ Павелъ Дмитріевичъ получалъ свѣдѣнія о неудовлетворительномъ внутреннемъ положеніи Россіи отъ лицъ, пріѣзжавшихъ изъ Петербурга на время.

Ж*** передъ своимъ возвращеніемъ въ Россію, между прочимъ, просилъ графа не переставать сообщать правительству свои мысли о внутреннемъ благоустройствѣ; въ дневникѣ Павла Дмитріевича находимъ слѣдующую, не лишенную интереса, замѣтку, помѣченную 1-мъ ноября:

„Послѣ разговора о нашей дипломатіи Ж*** говорилъ со мною о внутреннемъ состояніи Россіи и просилъ меня настоятельно, чтобы я продолжалъ сообщать свои взгляды по этому предмету, такъ какъ въ Петербургѣ нуждаются въ здравыхъ взглядахъ; онъ упомянулъ объ этомъ, вспомнивъ записку, которую я, незадолго передъ тѣмъ, послалъ о положеніи нашихъ дѣлъ въ Польшѣ. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь слишкомъ далеко отъ мѣста дѣйствія и притомъ слишкомъ

старъ, чтобы взяться за это съ пользою для дѣла; но что, впрочемъ, не отказываюсь писать всякій разъ, когда представится случай сообщить что-либо полезное на мой взглядъ. На сей же разъ я обратилъ его вниманіе на формирующіяся тайныя общества, которыя успѣли проникнуть изъ Варшавы въ Петербургъ, гдѣ уже онѣ водворились въ учебныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, сказалъ я, полумѣры не у мѣста и могутъ имѣть лишь еще худшія послѣдствія. Ежели на этотъ случай законы наши недостаточны, то нужно издать къ нимъ дополненія, такъ, чтобы всегда и во всякомъ данномъ случаѣ правительство опиралось на законѣ. *Всегда законъ—произволъ никогда,* развѣ только въ томъ исключительномъ случаѣ, когда страна будетъ объявлена на *военномъ положеніи;* въ послѣднемъ случаѣ сама законность будетъ охранена сознаніемъ только *временной* ея пріостановки и предварительнымъ оповѣщеніемъ о томъ.

Мнѣніе графа о финансовомъ положеніи Россіи.

„Не стану говорить съ вами о *финансахъ,* которые, сказываютъ, въ критическомъ положеніи; я не финансистъ и не намѣренъ сдѣлаться финансистомъ. Я не берусь разрѣшать трудные финансовые вопросы, но не могу не признать положенія дѣлъ опаснымъ и требующимъ самаго серьезнаго вниманія правительства въ то время, когда въ бюджетѣ нашемъ не могутъ привесть въ равновѣсіе приходъ съ расходомъ иначе, какъ посредствомъ фиктивныхъ рессурсовъ. Курсъ упалъ и упалъ бы еще болѣе, если бы не прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, которыя только истощаютъ казну и нисколько не приносятъ пользы. Нужно поспѣшить принятіемъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, если не хотятъ довести насъ до банкротства. Банкиры. Ротшильдъ и Перейра, съ которыми я совѣщался о возможности металлическаго займа, для усиленія нашего размѣннаго фонда, отвѣчали мнѣ, хотя въ различныхъ выраженіяхъ, но въ сущности одно и то же, именно: возстановите вашъ кредитъ, посредствомъ улучшенія финансовой системы, тогда васъ ссудятъ деньгами; въ противномъ случаѣ, вы заключите заемъ на лихвенныхъ условіяхъ, который обойдется очень дорого и притомъ будетъ незначителенъ“.

Еще до свиданія своего съ императоромъ Наполеономъ графъ Павелъ Дмитріевичъ записалъ много весьма любопытныхъ разговоровъ съ разными лицами о внѣшней и внутренней политикѣ нѣкоторыхъ государствъ.

Враждебное настроеніе противъ Россіи французской печати.

Во Франціи печать, подстрекаемая принцемъ Наполеономъ, продолжала относиться враждебно къ Россіи и сулить Польшѣ несбыточныя надежды.

„Графъ де-Віель-Кастель" [1]), читаемъ въ дневникѣ подъ 6 ноября, „заходилъ ко мнѣ и сказалъ, что наши *опровержения* и *поправки* (rectifications), которыя посылаются въ редакціи журналовъ, принимаются ими не такъ охотно, какъ это бывало прежде. Онъ увѣряетъ, что одинъ изъ редакторовъ журнала Constitutionel, сказывалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи внушилъ редакторамъ газетъ не печатать ничего, что враждебно Полякамъ и ничего, что сочувственно Россіи. Если это справедливо", размышляетъ Павелъ Дмитріевичъ, „то оно служитъ доказательствомъ явной перемѣны въ политическомъ настроеніи къ Россіи, или по крайней мѣрѣ оно можетъ считаться предвозвѣстникомъ политическаго поворота, который желательно разъяснить для соотвѣтственнаго веденія дѣлъ. Послѣ визита Віель-Кастеля, Убри предлагалъ мнѣ написать объ этомъ въ Петербургъ, но я не согласился съ его мнѣніемъ, такъ какъ напередъ слѣдуетъ удостовѣриться въ справедливости сказаннаго, не полагаясь на слова какого то анонимнаго редактора".

Графъ записалъ также подъ 10 ноября свой разговоръ съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ:

Разговоръ съ княземъ Рейсомъ о принцѣ Наполеонѣ.

„Принцъ Наполеонъ, сказалъ князь Рейсъ, находится теперь въ Компіэнѣ; онъ найдетъ случай возстановить свои интимныя отношенія съ императоромъ, который имѣетъ къ нему несомнѣнную и нескрываемую слабость; не смотря на нерѣдко выказываемое отвращеніе къ принцу Наполеону, императрица Евгенія также, въ концѣ концовъ, плѣняется иногда его умомъ и оригинальностью, въ которой проглядываетъ

---

[1]) Comte de-Viel-Castel, писатель довольно извѣстный во Франціи своими беллетристическими сочиненіями.

подчасъ и искренность; это заставляетъ ее забывать, что онъ заклятый врагъ ея и въ особенности ея сына. Когда я замѣтилъ князю, что Франція никогда не согласится имѣть такого человѣка своимъ императоромъ, Рейсъ отвѣчалъ, что Французы такъ легкомысленны, что согласятся и на это, если принцъ съумѣетъ взяться за дѣло; что нѣсколько Французовъ сказывали ему, что имъ все равно какой Бонапартъ будетъ властвовать надъ ними, *лишь бы онъ умѣлъ править государствомъ.* Тутъ графъ Павелъ Дмитріевичъ приписалъ въ скобкахъ: между роялистами въ ходу другой варьянтъ этой послѣдней фразы; они говорятъ *лишь бы онъ далъ себя прогнать* (pourvu qu'il se laisse chasser)".

Происки принца Наполеона и императрицы Евгеніи въ пользу замысловъ Поляковъ.

Независимо отъ происковъ принца Наполеона, сама императрица Евгенія употребляла все свое вліяніе на Людовика Наполеона, чтобъ побудить его оказать поддержку замысламъ Поляковъ. Принцесса Матильда, въ разговорѣ съ Павломъ Дмитріевичемъ, сказала ему 31 августа. Императоръ совершенно здоровъ и говоритъ, что ему надоѣдаютъ только домашнія непріятности. Императрица Евгенія противурѣчитъ постоянно политическимъ его видамъ. Она горячо стоитъ за Римъ и Польшу и постоянно вступаетъ съ нимъ въ неприличные споры отстаивая мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ и не хочетъ усвоить себѣ".

Вліяніе уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ на внутреннія дѣла въ Пруссіи и Австріи.

Уличные безпорядки въ Варшавѣ и возбужденное состояніе умовъ въ Польшѣ имѣли вліяніе на внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ Пруссіи и Австріи.

„Сегодня (10 ноября) у меня были кн. Р—съ и Меттернихъ съ визитами", пишетъ гр. Киселевъ въ дневникѣ. „Выборы въ прусскую палату депутатовъ, говорилъ князь Р—съ, происходятъ при неблагопріятныхъ условіяхъ; будущая сессія будетъ придирчива, а быть можетъ и бурная; это озабочиваетъ наше правительство".

„Князь Меттернихъ", читаемъ далѣе въ дневникѣ, „пріѣхалъ ко мнѣ въ то время, когда еще кн. Р—съ былъ у меня. Когда послѣдній уѣхалъ, разговоръ нашъ принялъ другой оборотъ, и собесѣдникъ мой, на мои, быть можетъ не

совсѣмъ скромные, вопросы, отвѣчалъ безъ всякаго стѣсненія и съ большою развязностью, показавшеюся мнѣ совершенно искреннею.

„На вопросъ мой о дѣлахъ венгерскихъ, сотоварищъ мой отвѣчалъ, что, не смотря на увѣреніе канцлера Форгача [1]), нельзя надѣяться, чтобъ исходъ былъ благопріятный, доколѣ императоръ самъ не приметъ личнаго въ нихъ посредничества. Ему необходимо ѣхать въ Офенъ и высказаться тамъ со всею ясностью и твердостью. Быть можетъ Венгріи сдѣлано слишкомъ много уступокъ, но теперь отступить уже поздно, если новая грамота (diplome) будетъ ею принята, а въ томъ случаѣ, если эта грамота Венгріею принята не будетъ, то для обращенія непокорныхъ къ порядку, императору остается дѣйствовать собственнымъ своимъ лицомъ, избирая и примѣняя такія мѣры, какія ему внушитъ его мудрость. Между министрами—полнѣйшее разногласіе. Кроаты, Семигродцы и другіе сами не знаютъ чего хотятъ; то они домогаются присоединенія къ Венгріи, то собственной автономіи; въ выраженіяхъ ихъ желаній нѣтъ ни ясности, ни опредѣлительности, а между тѣмъ, въ управленіи страной полнѣйшій застой; безпорядокъ ежедневно усиливается, и если не примутъ, въ скоромъ времени, рѣшительныхъ мѣръ, то послѣдуетъ совершенное распаденіе всякихъ порядковъ.

„Нравственное и матеріальное состояніе Венеціанской области, продолжалъ князь, гораздо болѣе удовлетворительно. Повидимому, внѣшнія подстрекательства сдѣлались менѣе настойчивыми и народъ понялъ свои существенныя выгоды. Виновники безпорядковъ были озадачены восторженнымъ пріемомъ императрицы въ Венеціи. Императоръ хочетъ чаще посѣщать Венецію, чтобъ оживить ее; онъ желаетъ сократить составъ арміи вообще и въ особенности той ея части, которая расквартирована въ итальянскихъ провинціяхъ и содержаніе которой производится звонкою монетою. Бенедекъ не

[1]) Графъ Антонъ Форгачъ, венгерскій магнатъ, извѣстный своею приверженностію къ Австріи, тотъ самый, который былъ назначенъ въ 1848 году гражданскимъ коммиссаромъ при корпусѣ генерала Панютина, усмирявшемъ венгерское возстаніе.

встрѣчаетъ къ тому препятствія, но мѣра эта, предложенная министромъ финансовъ, возбудила въ совѣтѣ министровъ разногласіе; нѣкоторые министры горячо противятся ей; очевидно необходимо личное вмѣшательство императора. Разсуждая о министрахъ, князь-посолъ находилъ, что Шмерлингъ во многихъ отношеніяхъ достойнѣйшій человѣкъ, но онъ черезъчуръ упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ и потому неудобенъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ, гдѣ слишкомъ настойчивые и высокомѣрные характеры не столько полезны, сколько вредны. Напротивъ, говоря о Рехбергѣ, онъ расточалъ ему похвалы.

„Всего поразительнѣе, продолжалъ князь, замѣчаемый народный духъ въ Вѣнѣ. Вы не найдете никакой перемѣны въ повседневной жизни обитателей Вѣны; тоже оживленіе на улицахъ, та же веселость въ гостиныхъ. Точно публикѣ нѣтъ никакого дѣла ни до внѣшней политики, ни до внутреннихъ распорядковъ, ни наконецъ до состоянія финансовъ.

Мнѣніе графа Киселева по поводу разговора съ Меттернихомъ.

„Вѣроятно“, прибавляетъ далѣе уже отъ себя гр. Киселевъ, „князь Меттернихъ придерживался того взгляда, что революціи подготовляются не на улицахъ и не въ гостиныхъ и что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на кажущееся благодушіе публики; событія 1848 года достаточно оправдали такое воззрѣніе. Его разсужденія о министрахъ, о генералѣ Бенедекѣ и о томъ, что необходимо императору взять на себя личное вмѣшательство въ дѣлахъ управленія, позволяютъ думать, что князь-посолъ принадлежитъ къ партіи, желающей возстановить самодержавіе, которымъ управлялась страна до изданія грамоты (patente)“.

Вліяніе варшавскихъ смутъ на итальянскихъ народныхъ вождей.

Мадзини и другіе итальянскіе демагоги также разсчитывали скорѣе достигнуть преслѣдуемой ими цѣли посредствомъ возбужденія къ возстанію въ Польшѣ и Венгріи, гдѣ всѣми способами распространяли пропаганду, какъ это видно изъ слѣдующей корреспонденціи, полученной графомъ Павломъ Дмитріевичемъ изъ Неаполя отъ перваго секретаря посольства Поггенполя.

„Донесеніе Поггенполя отъ 2 (14) сентября“ пишетъ въ

своемъ дневникѣ [1]) Павелъ Дмитріевичъ, „обрисовываетъ политическое и нравственное состояніе Неаполитанскаго королевства въ крайне печальномъ видѣ. Партіи стремятся къ анархіи. Даже легитимисты не имѣютъ довѣрія къ королевской фамиліи, которая всѣми мѣрами старается возстановить прежній деспотизмъ; они охотнѣе готовы примкнуть къ мадзинистамъ, лишь бы не подпасть подъ власть Пьемонта, который они ненавидятъ. Междоусобная война въ горахъ день ото дня ослабѣваетъ, обуздываемая итальянскими войсками и звѣрскими противъ населенія строгостями Чіальдини и Пинелли. Они справятся съ нимъ до наступленія реакціи, которая, по всему вѣроятію, послѣдуетъ въ Абруццахъ и въ Калабріи.

„Въ Сициліи мѣстные администраторы управляютъ кантонами съ крайнимъ произволомъ. Центральная власть безсильна, и населеніе, привыкши къ такому образу дѣйствій, повинуется безпрекословно.

Письмо Мадзини.

„Въ приложеніи къ слѣдующей затѣмъ депешѣ отъ 3 (15) сентября, Поггенполь прислалъ копію съ письма Мадзини, въ которомъ послѣдній хочетъ увѣрить, что народъ русскій, домогающійся полной, а не обманчивой свободы (смягченнаго крѣпостнаго состоянія), года черезъ два будетъ готовъ къ возстанію. Русскіе не остановятся на полу-пути. Русскій народъ не интересуется на столько, какъ бы должно, польскимъ вопросомъ: всѣ умы заняты освобожденіемъ крестьянъ; но здравомыслящимъ Русскимъ понятенъ вопросъ о національностяхъ. Поляки будутъ признавать себя удовлетворенными не прежде, какъ по возстановленіи границъ до втораго раздѣла Польши (Днѣпръ, Двина); другіе мечтаютъ о распространеніи границы Польши до Волги. Мадзини совѣтуетъ Полякамъ, въ видахъ соглашенія съ благомыслящими Русскими (les meilleurs russes), объявить нынѣ-же, какіе руководящіе принципы будутъ лежать въ основѣ возстановленной Польши. Явится-ли она аристократическо-католическою монархіею или демократическою республикою? По мнѣнію Мадзини, только при послѣд-

[1]) Подъ 22 сентября 1861.

немъ условіи можно ожидать сочувствія со стороны Русскихъ. „Молодая Россія", „революціонная Россія", добавляетъ Мадзини, удовольствуется республиканскою конфедераціею славянскихъ земель. Такое понятіе въ широкомъ смыслѣ могло бы, по мнѣнію его, примирить Поляковъ съ Русскими".

Совѣщаніе графа Киселева съ Тувенелемъ по восточнымъ дѣламъ.

Графъ Киселевъ, возвратившись въ Парижъ, имѣлъ частыя совѣщанія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Тувенелемъ по дѣламъ Герцеговины, Черногоріи, Сербіи и Дунайскихъ княжествъ.

Въ Герцеговинѣ были постоянно возстанія, и инсургенты, между прочимъ, построили укрѣпленія, командовавшія надъ австрійскою военною дорогою, которая пролегаетъ по турецкой землѣ „Сутторинѣ" и соединяетъ Рагузу съ Каттаро. Австрійскія власти обратились къ предводителю инсургентовъ Лукѣ Вукаловичу съ предложеніемъ срыть эти укрѣпленія; но такъ какъ Вукаловичъ отказался исполнить требованіе австрійскаго правительства, то послѣднее послало отрядъ войска, который, разрушивъ означенныя укрѣпленія, тотчасъ же возвратился на австрійскую территорію. Такое единоличное вмѣшательство Австріи въ дѣла Турціи, на Балканскомъ полуостровѣ, составляло явное нарушеніе парижскаго трактата 1856 г. и потому вызвало протесты прочихъ великихъ державъ.

Черногорцы принимали участіе въ безпорядкахъ и подстрекали къ возстанію въ Герцеговинѣ, такъ что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Али-паша обратился съ циркулярною нотою къ кабинетамъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, горько жалуясь на сообщничество въ герцеговинскомъ возстаніи черногорскаго правительства; онъ указывалъ и на то, что въ Цетиньѣ собирались вожди инсургентовъ для обсужденія дальнѣйшихъ мѣропріятій по возстанію.

Въ Бѣлградѣ, гдѣ, на основаніи 29 ст. парижскаго трактата, городская крѣпость была занята турецкими войсками, Турки мало-по-малу стали водворяться въ городскихъ предмѣстьяхъ и, независимо отъ сего, въ другихъ мѣстностяхъ сербской территоріи. Это послужило поводомъ къ протестамъ со стороны сербскаго правительства, которое, кромѣ того,

домогалось, чтобы Михаилъ Обреновичъ былъ признанъ не пожизненнымъ, а наслѣдственнымъ княземъ Сербіи.

Наконецъ Турція, послѣ долгихъ колебаній, по настоянію великихъ державъ окончательно признала союзъ Молдаво-Валахскихъ княжествъ.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.

Императоръ Наполеонъ возвратился изъ Біарица въ Парижъ 1-го октября и тотчасъ же переѣхалъ въ Компіэнь, куда онъ ожидалъ прусскаго короля. Король Вильгельмъ пріѣхалъ въ Компіэнь 6-го числа, пробылъ тамъ только два дня и 8-го уѣхалъ въ Кенигсбергъ, гдѣ долженъ былъ короноваться.

Пріѣздъ короля Вильгельма прусскаго.

По случаю пріѣзда прусскаго короля не было въ Компіэнѣ никакихъ празднествъ, и графъ Павелъ Дмитріевичъ какъ и прочіе послы великихъ державъ не получили приглашенія туда. Впрочемъ, графъ Киселевъ въ самое это время собирался въ путь для встрѣчи Великой Княгини Елены Павловны, которая переѣзжала изъ Ниццы въ Швейцарію и желала встрѣтиться съ нимъ въ Маконѣ. Графъ въ это время постоянно чувствовалъ себя не хорошо и часто писалъ о томъ своему брату, ссылаясь на слабость своихъ ногъ (mes genoux de coton).

Выѣздъ графа на встрѣчу В. Кн. Елены Павловны въ Дижонъ.

Однако, онъ выѣхалъ изъ Парижа 10 октября, но доѣхалъ только до Дижона, гдѣ и встрѣтилъ Великую Княгиню.

Ея Высочество пробыла 11-е число въ Дижонѣ, а на слѣдующій день отправилась, въ сопровожденіи графа Киселева и своей свиты, въ Мюльгаузенъ.

Посѣщеніе Мюльгаузена.

„Великая Княгиня“, пишетъ графъ, посѣтила „фабричную часть города Мюльгаузена, гдѣ также живутъ и фабричные рабочіе. Въ каждомъ домѣ помѣщаются четыре семейства, а двери каждаго отдѣльнаго помѣщенія выходятъ на двѣ параллельныя между собою улицы. Въ каждой улицѣ до 30 домовъ, построенныхъ на счетъ фабрикантовъ-капиталистовъ. Рабочіе или платятъ ренту изъ своей задѣльной платы, или покупаютъ постройки, выплачивая въ опредѣленные сроки стоимость ихъ, простирающуюся отъ 1800 до 3000 франковъ. Въ каждой улицѣ имѣется булочная и трактиръ для продажи

рабочимъ съѣстныхъ припасовъ по пониженнымъ цѣнамъ; устроены для нихъ также бани и прачешныя. Вообще эти учрежденія обѣщаютъ, кажется, хорошую будущность".

Великая Княгиня, заинтересовавшаяся устройствомъ рабочихъ, оставалась въ Мюльгаузенѣ до 14-го числа; затѣмъ графъ Павелъ Дмитріевичъ проводилъ Ея Высочество до Страсбурга, откуда 15 октября возвратился въ Парижъ.

Возвращеніе графа Киселева въ Парижъ.

Во время этой экскурсіи Павелъ Дмитріевичъ видѣлся въ Дижонѣ съ Н. А. Милютинымъ, который, повидимому, былъ тутъ проѣздомъ изъ Ниццы въ Женеву, гдѣ находилось его семейство. Графъ видѣлся съ нимъ всего нѣсколько часовъ. Великая Княгиня Елена Павловна, оцѣнивая высокія дарованія Милютина, принимала въ немъ самое живое участіе и еще въ сентябрѣ писала графу Киселеву, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе дяди и склонилъ Н. А. провести зиму въ Парижѣ, гдѣ соприкосновеніе и сообщество съ замѣчательными людьми можетъ послужить ему на пользу, когда онъ возвратится въ отечество и вновь приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

Встрѣча съ Н. А. Милютинымъ.

Заботливость о Н. А. Милютинѣ В. К. Елены Павловны.

Мы увидимъ далѣе, что совѣтъ Великой Княгини былъ принятъ и что Н. А. Милютинъ часть зимы 1861—62 г. провелъ въ Парижѣ.

Графъ Киселевъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Парижъ, былъ опечаленъ кончиною Ольги Станиславовны Нарышкиной, съ которою онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ около 40 лѣтъ. Когда она пріѣхала изъ Гейдельберга въ Парижъ, Павелъ Дмитріевичъ посѣщалъ ее каждый день. Онъ былъ у ней за часъ до ея кончины, и послѣднія обращенныя къ нему слова ея: „adieu, tout est fini", долго не могли изгладиться изъ его памяти. Кончина эта очень разстроила графа.

Смерть Нарышкиной.

Императоръ Наполеонъ былъ озабоченъ выражаемыми въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ мнѣніями на счетъ сверхсметныхъ расходовъ, которые съ каждымъ годомъ увеличивались, такъ что наконецъ въ сенатѣ докладчикъ коммиссіи, разсматривавшей бюджетъ, Казабіанка поставилъ слѣдующій

Возбужденіе въ сенатѣ и законодательномъ собраніи противъ сверхсметныхъ расходовъ.

вопросъ: имѣетъ-ли сенатъ право дѣйствительнаго контроля надъ соблюденіемъ финансовыхъ законовъ, или же утвержденіе этихъ законовъ, которое принадлежитъ ему, составляетъ лишь пустую формальность? Ссылаясь на постоянное превышеніе расходовъ противъ доходовъ, коммиссія эта позволила себѣ даже сказать, что имперія стоитъ на краю бездны — своего дефицита.

Назначеніе министромъ финансовъ Фульда.

Всегда готовый въ подобныхъ случаяхъ на какую-нибудь театральную выходку, Наполеонъ назначилъ, декретомъ 14-го ноября, министромъ финансовъ Фульда и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ опубликовать въ Монитёрѣ два письма на имя государственнаго министра Валевскаго и Фульда.

Графъ Киселевъ приводитъ въ своемъ дневникѣ, подъ 14 ноября, сущность этихъ двухъ писемъ.

Письма императора Наполеона Валевскому и Фульду.

„Оба эти письма", писалъ графъ, „касающіяся тѣхъ измѣненій, которыя необходимо ввести въ порядкѣ управленія финансами, заслуживаютъ вниманія; въ письмѣ на имя Валевскаго сказано между прочимъ:

..."Единственно дѣйствительный способъ достиженія сего (сохраненія равновѣсія расходовъ съ доходами) можетъ заключаться въ томъ, чтобы отказаться съ полною рѣшительностью отъ права, которое принадлежитъ мнѣ, открывать новые кредиты во время закрытія палатъ. Поэтому я заявляю вамъ, что намѣреваюсь созвать на 2-е декабря засѣданіе сената, для заявленія ему, что я рѣшаюсь отказаться отъ права открывать добавочные и экстраординарные кредиты помимо палатъ... Отказываясь отъ такого права, которымъ пользовались даже конституціонные короли, мои предшественники, я полагаю, что мѣра эта послужитъ на пользу прочному устройству финансовъ. Оставаясь вѣрнымъ своему происхожденію, я не могу взирать на прерогативы короны не какъ на священную сокровищницу, къ которой нельзя прикасаться, не какъ на наслѣдіе моихъ предковъ, которое требуется, прежде всего, передать моему сыну во всей цѣлости. Какъ избранникъ народа, какъ представитель народныхъ интересовъ, я всегда готовъ безропотно отказаться отъ всякаго права, несовмѣстнаго съ

народными нуждами, точно также, какъ оставлю неуклонно въ рукахъ своихъ власть, необходимую для спокойствія и процвѣтанія страны".

„Въ письмѣ на имя Фульда находимъ слѣдующія мѣста: ...„Я тѣмъ охотнѣе соглашаюсь принять предлагаемый вами планъ (управленія финансами), что, какъ извѣстно, я уже давно изыскивалъ способы для упроченія государственнаго кредита на твердыхъ началахъ, строго ограничивъ для сего расходы министерствъ напередъ утвержденными сметами. Но планъ этотъ можетъ быть примѣненъ съ пользою и успѣхомъ лишь при томъ условіи, когда исполненіе его приметъ на себя лицо, глубоко изучившее всѣ трудности при приведеніи его въ дѣйствіе. Поэтому я призвалъ васъ принять портфель министра финансовъ и благодаренъ вамъ, что вы соглашаетесь посвятить себя дѣлу, результаты котораго принесутъ всестороннюю пользу".

Графъ Киселевъ, конечно, соглашался со взглядами Наполеона и признавалъ, что твердая рѣшимость привести ихъ въ исполненіе служила бы ручательствомъ будущаго преуспѣянія Франціи, но, повидимому, онъ мало довѣрялъ искренности подобныхъ заявленій.

Приглашеніе графа Киселева въ Компіэнь.

Наконецъ, 2-го декабря графу Павлу Дмитріевичу предстояло, послѣ продолжительнаго промежутка времени, снова увидѣться съ императоромъ и императрицею; онъ получилъ приглашеніе въ Компіэнь. Приглашенія эти, обыкновенно съ понедѣльника до субботы включительно, дѣлались серіями званныхъ гостей; приглашеніе на 2 — 7 декабря составляло четвертую серію.

Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Компіэнь, Киселевъ отдавалъ визитъ герцогу де Монтебелло, французскому послу при с.-петербургскомъ дворѣ. Монтебелло былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ въ Компіэнь.

Послѣ этого визита графъ записалъ слѣдующій разговоръ съ герцогомъ:

Разговоръ съ герцогомъ Монтебелло.

„Я началъ говорить съ нимъ о письмѣ князя Горчакова, который, упоминая о добрыхъ отношеніяхъ, которыми онъ, въ

сношеніяхъ своихъ съ посломъ, не переставалъ пользоваться, выражалъ надежду, что герцогъ возвратится въ С.-Петербургъ къ своему посту; что Тувенель, вслѣдствіе просьбы моей, обѣщалъ доложить объ этомъ императору Наполеону и проч. Отвѣтъ его показался мнѣ крайне неопредѣленнымъ; онъ добавилъ, что, конечно, въ кандидатахъ на эту должность недостатка не встрѣтится. На эти послѣднія слова я не возражалъ. Затѣмъ онъ говорилъ о французской прессѣ, о Польшѣ, о положеніи нашихъ финансовъ, постоянно съ чрезвычайною воздержностію, но при этомъ просвѣчивала тайная мысль объ ощущавшихся въ средѣ петербургскаго общества кризисѣ и ненормальномъ состояніи. Вообще онъ мало сообщителенъ. Говорятъ, что онъ ярый ультрамонтанъ, и судя по его разговору, я этому вѣрю".

Павелъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Парижа 2-го декабря въ два часа и пріѣхалъ въ Компіэнь, въ одномъ вагонѣ съ герцогомъ де Монтебелло, въ $3^1/_2$ часа.

Пріѣздъ графа въ Компіэнь.

Императоръ и императрица приняли графа, какъ всегда, чрезвычайно милостиво и любезно.

„Нововведеніе", записываетъ графъ, „императрица предлагаетъ мнѣ свою руку, чтобы вести ее къ столу; меня сажаютъ по правую сторону ея величества, а Морни по лѣвую. Разговоръ оживленный и любезный.

„Вечеромъ вступаю въ разговоръ съ академикомъ Флураномъ; разговоръ нашъ о долговѣчности продолжается цѣлый часъ.—Я не утверждаю ничего, заключаетъ онъ нашу бесѣду, но привожу авторитеты, заслуживающіе довѣрія.

„Вхожу въ гостиную; императрица разговариваетъ съ архитекторомъ Віоле-Ледюкъ; императоръ сидитъ молчаливо возлѣ принцессы Матильды. Онъ оставляетъ своихъ гостей въ 10-ть часовъ, а я удаляюсь въ 11-ть".

На слѣдующій день, 3 декабря, графъ Киселевъ ведетъ опять къ завтраку въ $11^1/_2$ часовъ императрицу. По лѣвую ея сторону опять садится Морни. Въ этотъ день была назначена, послѣ завтрака, большая псовая охота въ лѣсу.

„Я просилъ императрицу дозволить мнѣ не садиться въ

шарабанъ, а ѣхать въ коляскѣ вмѣстѣ съ Бачіокки и генераломъ Ролленомъ. Мы возвратились въ 3 часа, а охота кончилась въ $4^1/_2$, безъ всякаго успѣха.

„Обѣдъ въ 7 часовъ былъ въ томъ же порядкѣ; я сидѣлъ по правую сторону императрицы, князь Рейсъ по лѣвую.

Разговоръ графа съ императоромъ.

„Едва я успѣлъ проводить императрицу въ гостиную, какъ Наполеонъ подошелъ ко мнѣ, повелъ въ сосѣднюю комнату и завязалъ со мною продолжительный, весьма серьезный политическій разговоръ о дѣлахъ американскихъ, о Герцеговинѣ, Польшѣ и о необходимости соглашенія въ политикѣ (entente)".

4-го декабря, за завтракомъ, графъ занималъ обыкновенное свое мѣсто, а Флуранъ сидѣлъ по лѣвую сторону императрицы.

Разговоръ съ императрицею.

„Послѣ завтрака", пишетъ графъ, „когда я провожалъ императрицу черезъ залы, ведущія въ ея гостиную, она разсказала мнѣ вкратцѣ главныя положенія академика, которыя она находитъ въ принципѣ совершенно послѣдовательными.

„Не угодно-ли будетъ вашему величеству, сказалъ я ей, имѣть въ виду то, что въ своемъ сочиненіи „о долговѣчности человѣка" Флуранъ не утверждаетъ самъ ничего, а приводитъ только выписки изъ другихъ сочиненій.

„Мы спускаемся съ ихъ величествами и съ нѣкоторою частью двора въ садъ, откуда, впрочемъ, я скоро выхожу вмѣстѣ съ генераломъ Ролленомъ.

„Получаю приглашеніе императрицы на чай, въ 5 часовъ, гдѣ встрѣчаюсь съ литераторами, артистами и другими гостями.

„Въ 7 часовъ обѣдъ, куда я веду, какъ и наканунѣ, императрицу; она садится по лѣвую сторону отъ меня, а по правую имѣю сосѣдкой герцогиню д'Эслинъ (d'Essling).

„Послѣ обѣда, прямо отъ стола, все общество отправилось въ театръ, гдѣ актеры театра Vaudeville играли Nos intimes; я возвратился въ свою комнату въ полночь, императрица была сегодня со мной особенно любезна. Спустя нѣ-

сколько времени послѣ нашей встрѣчи, я сказалъ ей, что тѣмъ болѣе дорожу ея очаровательнымъ вниманіемъ, что меня хотѣли увѣрить, что я долженъ приготовиться на совершенно иной пріемъ. Она была поражена этими моими словами и стала допытываться какіе мнѣ приводили поводы для подобнаго предположенія. Поводовъ приводилось много, отвѣчалъ я, но съ пріѣздомъ въ Компіэнь они всѣ изчезли изъ моей памяти.—Она непремѣнно желала объясненія; я упирался, но полагаю, что въ концѣ концовъ она поняла, что подразумѣвалось принятое ею положеніе въ виду варшавскихъ событій“.

5-го декабря императоръ ѣздилъ въ Парижъ для личнаго предсѣдательства въ совѣтѣ министровъ. Графъ, какъ и во всѣ предъидущіе дни сидѣлъ за завтракомъ по правую руку императрицы, а сенаторъ, извѣстный литераторъ Низаръ (Nisard) по лѣвую.

„Съ лѣвой руки сидѣла возлѣ меня, записываетъ Павелъ Дмитріевичъ, хорошенькая госпожа Перейра.

„Передъ самымъ завтракомъ“, записываетъ далѣе графъ, получены были мною депеши, присланныя изъ Вашингтона отъ нашего посланника Стӧкля (Stöckl) и изъ Лондона отъ посла нашего Брунова; депеши эти были привезены изъ Парижа А. Ф. Гротомъ, который остался завтракать съ нами и потомъ тотчасъ же возвратился въ Парижъ. Содержаніе этихъ телеграммъ я передалъ вкратцѣ императрицѣ.

„За обѣдомъ по лѣвую руку императрицы сидѣлъ маркизъ Герфордъ [1]), а по правую руку графа Павла Дмитріевича госпожа д'Арко (d'Arcos). Вечеромъ были живыя картины, шарады въ лицахъ.

Императоръ возвратился и заговорилъ съ графомъ Киселевымъ о дѣлахъ американскихъ, объ арміи, о іерусалимскомъ куполѣ, о Неаполѣ и „я возобновилъ рѣчь, записываетъ графъ, о соглашеніи по вопросамъ политики“.

---

[1]) Маркизъ Герфордъ (Hertford), кавалеръ ордена подвязки, одинъ изъ колоссальнѣйшихъ богачей Великобританіи, владѣющій нѣсколькими домами въ Парижѣ.

Въ послѣдніе два дня пребыванія графа Киселева въ Компіэнѣ ничего особенно замѣчательнаго не было. Какъ и въ предъидущіе дни ему оказывалось первенствующее вниманіе; въ субботу 7-го декабря онъ, послѣ завтрака благодарилъ императорскую чету за милостивый и радушный пріемъ, потомъ выдалъ для раздачи служителямъ замка 500 франковъ, изъ которыхъ четыреста передалъ генералу Роллену, а 100 розданы его камердинеромъ. Въ 4 часа онъ уже опять былъ дома.

Отъѣздъ графа изъ Компіэна.

„Въ Компіэнѣ“, пишетъ графъ, „въ воксалѣ желѣзной дороги, встрѣчаюсь съ принцессою Матильдою, которая приглашаетъ меня въ свой купе; здѣсь нахожусь въ обществѣ Монтебелло, Морни и проч. Ничего особеннаго не было во время переѣзда въ Парижъ, продолжавшагося $1^1/_2$ часа; только Морни показался мнѣ чрезвычайно угрюмымъ, онъ притворялся во все время дремлющимъ.

„Въ разговорѣ съ императоромъ“, записано далѣе въ дневникѣ, „зашла рѣчь, между прочимъ, о затрудненіяхъ, какія встрѣчаются всякій разъ, когда требуется уменьшить составъ дѣйствующей арміи“.—Что дѣлать, воскликнулъ онъ, съ офицерами, которыхъ нельзя же оставить безъ всякихъ средствъ къ жизни, ни сохранить на службѣ для укомплектованія убыли въ офицерахъ? Послѣднее отстрочило бы еще болѣе повышеніе служащихъ въ чинахъ, которое и безъ того крайне медленно. Выгадываемая экономія становится ничтожною, а между тѣмъ она вызывается необходимостью.

Разговоръ съ императоромъ и генераломъ Трошю о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при сокращеніи состава арміи.

„О подобномъ же предметѣ былъ у меня разговоръ съ генераломъ Трошю. Онъ говоритъ, что система продолжительныхъ (безсрочныхъ) отпусковъ деморализуетъ солдатъ и дѣлаетъ разстройство въ войскахъ. Когда ему случилось комплектовать свою дивизію предъ послѣдней итальянской войной—отпускные собирались медленно; болѣе 400 человѣкъ не явилось вовсе. Однажды въ Ломбардіи они занялись мародерствомъ, переходя для сего изъ одного селенія въ другое. Жители этихъ селеній принимали ихъ какъ избавителей, а они этимъ воспользовались, сколько могли, и на перекличку

не являлись. Эта система, придуманная въ разсчетѣ экономіи, имѣетъ то чрезвычайное неудобство, что водворяетъ въ рядахъ арміи тлетворный элементъ, вредно вліяющій на духъ войска.— Вашъ солдатъ очень понятливъ, развитъ (trés intelligent), вставилъ я. — Черезъ-чуръ, отвѣчалъ генералъ, въ ущербъ значенія офицеровъ, авторитетъ которыхъ только относительный. Наши нарѣзныя орудія, продолжалъ генералъ, превосходны, въ особенности замѣчательна быстрота ихъ дѣйствія. Это они достаточно доказали въ послѣднюю войну".

Графъ Киселевъ, возвратившись въ Парижъ, занялся редакціею своихъ разговоровъ съ императоромъ и императрицею, и 13-го декабря изготовленную о семъ подробную депешу послалъ съ курьеромъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; курьеромъ былъ посланъ А. Ф. Гротъ.

Копія съ этой интересной депеши, къ сожалѣнію, въ бумагахъ графа Киселева не найдена; но изъ слѣдующаго перечня о разговорѣ въ Компіэнѣ, записанномъ въ дневникѣ рукою Павла Дмитріевича, карандашомъ, можно догадываться о ея содержаніи:

Содержаніе разговоровъ съ императоромъ и императрицею въ Компіэнѣ.

„Въ Компіэнѣ:

А) *о Польшѣ*, политическое состояніе Польши.

В) *о Россіи:* а) армія, флотъ, финансы; б) повсемѣстное столкновеніе мнѣній (choc des opinions partout); в) старая и новая партія въ разныхъ слояхъ общества (l'ancien et le nouvel esprit du public, selon les classes); г) университетское и школьное юношество; д) духовенство и раскольники домогающіеся епископской каѳедры; е) старая нѣмецкая партія; ж) уничтоженіе крѣпостнаго права, и его вліяніе на прочіе классы.

С) *О Финляндіи.*

Впечатлѣніе графа о своемъ пребываніи въ Компіэнѣ.

Пребываніе въ Компіэнѣ, какъ кажется, оставило въ графѣ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Въ дневникѣ, въ самомъ концѣ 1861 года, находится слѣдующая его замѣтка.

„Я видѣлся и говорилъ съ императоромъ Наполеономъ 19-го мая 1861 г. во времѧ спектакля въ Тюльери; императрица Евгенія была скучна и въ дурномъ расположеніи духа;

разговоръ ея со мной былъ ничтожный. Съ тѣхъ поръ до ноября включительно я не видалъ ихъ величествъ и не искалъ случая увидѣтся съ ними, потому что не имѣлъ ничего оффиціальнаго сообщить имъ и не ожидалъ услышать отъ нихъ ничего хорошаго и полезнаго".

Варшавскія смуты не мало тревожили Павла Дмитріевича. Газеты тоже волновали его; въ дневникѣ встрѣчаются слѣдующія гнѣвныя восклицанія: „читалъ „Колоколъ" № 111, призваніе войска къ непослушанію и своеволію"! — „Въ газетѣ „La Patrie" отъ 15-го декабря нахожу цѣлую программу конституціонной организаціи Россіи; и кѣмъ-же такъ авторитетно выдвинутъ этотъ вопросъ? Господиномъ Деламаръ [1])"!

---

[1]) *Delemarre*, банкиръ и издатель журнала „La Patrie".

ГЛАВА L.

1862 годъ.

Поздравленіе дипломатическаго корпуса съ новымъ годомъ.—Балъ въ Тюльери.—Разговоръ съ Наполеономъ.—Польскія дѣла и предназначеніе архіепископомъ аббата Фелинскаго.—Письмо Н. Д. Киселева о переговорахъ съ римскою куріею.—Отвѣтъ графа на это письмо.—Мнѣніе Кпджи о Фелинскомъ.—Высылка Фелинскаго.—Зимній сезонъ въ Парижѣ.—Обѣдъ у графа высшему парижскому обществу.—Представленіе императору русскихъ путешественниковъ.—Княгиня Дадьянъ.—Встрѣча русскаго новаго года.—Открытіе сессіи законодательнаго собранія.—Разговоръ императора по поводу этой сессіи съ графомъ Киселевымъ.—Пріѣздъ въ Парижъ Н. А. Милютина.—Письма графа о Милютинѣ.—Болѣзненные припадки съ графомъ.—Аудіенція у Тувенеля.—Шумныя засѣданія въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ.—Размышленія графа по поводу этихъ событій.—Неудовольствія въ императорской семьѣ и разговоръ о томъ графа съ принцессою Матильдою.—Мнѣніе Беррье о составѣ министерства.—Переговоры о признаніи Россіею итальянскаго королевства.—Различныя мнѣнія о томъ, оставаться или нѣтъ французскимъ войскамъ въ Римѣ.—Королевы Христина и Софія и нескромность императрицы Евгеніи.—Итальянскія дѣла.—Слова Антонелли.—Безпорядки въ Неаполѣ.—Разговоръ съ Лавалетомъ; двусмысленная политика Наполеона.—Рѣчи въ пользу Поляковъ въ сенатѣ.—Представленіе графа Киселева королевѣ нидерландской.—Встрѣча съ нидерландскимъ королемъ.—Графъ Киселевъ не приглашенъ въ Тріанонъ.—Оффиціальное представленіе дипломатическаго корпуса королю и королевѣ нидерландскимъ.—Городскіе слухи по поводу прибытія въ Парижъ нидерландскихъ величествъ.—Заключеніе внѣшняго займа.—Упадокъ силъ и душевное состояніе графа Киселева.—Письмо кн. Горчакова о присылкѣ въ Парижъ барона Будберга.—Письмо графа Киселева Государю.—Письмо графа князю Горчакову.—Оправданіе графа Киселева предъ самимъ собою.—Письмо графа своему брату.—Пріѣздъ барона Будберга въ Парижъ.—Отвѣтныя письма Государя и кн. А. М. Горчакова.—Графъ Киселевъ на аудіенціи у Наполеона.—Графъ Киселевъ продолжаетъ заниматься политическими дѣлами.—Вниманіе императрицы поглащено мексиканскою экспедиціею.—Посѣщеніе египетскаго вице-короля.—Настоянія объ отозваніи изъ Варшавы французскаго консула Сегюра.—Графъ отклоняетъ предложеніе Джона Росселя о занятіи Бѣлграда Австрійцами.—Объясненіе съ нунціемъ.—Покушеніе на жизнь Лидерса въ Варшавѣ. Разсужденія по этому случаю гр. Киселева о Польшѣ.—

Почему гр. Павелъ Дмитріевичъ не отвѣчалъ Наполеону на его намекъ о конгрессѣ.—Покушеніе на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича.—Отъѣздъ графа въ Баденъ.—Представленіе Великому Князю Михаилу Николаевичу и Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.—Встрѣча Великой Княгини Елены Павловны.—Характеристика Великой Княгини.—Представленіе прусской королевѣ.—Вторичное свиданіе съ королевою. — Посѣщеніе графа Русскими. — Разговоръ съ кн. Ал. Г. объ освобожденіи крестьянъ. — Разговоръ М. Н. Муравьева.—Посѣщеніе графа З—мъ и его сообщенія о министерствѣ государственныхъ имуществъ.—Разговоръ съ графинею Б.. о восточной политикѣ.—Отъѣздъ графа изъ Бадена въ Рагацъ.—Посѣщеніе гр. Киселева Великою Княгинею Ольгою Николаевною и ея супругомъ.—Записка З—го о нашихъ западныхъ губерніяхъ.—Отъѣздъ изъ Рагаца.—Возвращеніе въ Парижъ.—Тувенель у Киселева о протестѣ кн. Горчакова по дѣламъ Черногоріи. — Послѣдняя аудіенція у императора.—Характеристика Наполеона. — Аудіенція у императрицы Евгеніи.—Прощальный обѣдъ данный гр. Киселеву Русскими въ Парижѣ.—Переписка между кабинетами лондонскимъ и петербургскимъ о Черногоріи.—Положеніе восточныхъ дѣлъ.—Графъ Киселевъ въ Компіэнѣ.—Разговоръ съ императоромъ о греческихъ дѣлахъ.—Признаки упадка обаянія власти императора.

Поздравленіе дипломатическаго корпуса съ новымъ годомъ.

Такъ какъ лордъ Коулей, старшій по времени назначенія посломъ въ Парижѣ, по случаю траура въ его семействѣ, не могъ быть въ тюльерійскомъ дворцѣ на представленіи въ первый день 1862 года, то обычное привѣтствіе императора съ новымъ годомъ выпало на долю графа Киселева. Привѣтствіе, сказанное графомъ, записано въ его дневникѣ:

„Ваше величество! отъ лица всѣхъ членов дипломатическаго корпуса имѣю честь почтительнѣйше привѣтствовать васъ, государь, по случаю новаго года. Намъ всегда пріятно выражать предъ вами, государь, наши искреннія желанія о преуспѣяніи и благоденствіи Франціи, вашего императорскаго величества и всего августѣйшаго вашего дома“.

Балъ въ Тюльери.

На второй день новаго года былъ балъ въ Тюльери, во время котораго принимала поздравленія императрица. На этомъ балѣ, послѣ обыкновеннаго представленія пріѣзжихъ Русскихъ, Наполеонъ подошелъ къ графу и спросилъ о здоровьѣ Государя Императора.

Разговоръ съ Наполеономъ.

„Я отвѣчалъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, мною полученнымъ, здоровье Его Величества удовлетворительно, но что я опасаюсь, чтобъ чрезмѣрныя занятія, которымъ Государь посвящаетъ все свое время, не послужили ко вреду для Его здоровья.

„Я надѣюсь, что все, что кругомъ насъ происходитъ, не измѣнитъ нашихъ добрыхъ отношеній“, сказалъ императоръ.

„Что до насъ, я въ томъ увѣренъ“, — былъ мой отвѣтъ.

„Я воздержался“, прибавляетъ графъ, „распространяться объ этомъ болѣе, потому что наше министерство иностранныхъ дѣлъ съ нѣкотораго времени какъ будто умолкло (par les réticences de la correspondance ministèrielle), а также и потому, что окружавшіе насъ ловили каждое произносимое нами слово.

„Частнымъ извѣстіямъ о возникшей будто бы распрѣ между Англіею и Соединенными Штатами Америки довѣрять не слѣдуетъ“, сказалъ далѣе императоръ, „извѣстія эти большею частью распускаются для биржевыхъ спекуляцій.

„Затѣмъ разговоръ перешелъ къ катанью на конькахъ; Наполеонъ сказалъ, что оно ему чрезвычайно полезно и спросилъ, почему я туда не пріѣзжаю и проч.

„О разговорѣ семъ послана депеша 23 декабря (4 января)“.

Польскія дѣла и предназначеніе архіепископомъ аббата Фелинскаго.

Графъ Павелъ Дмитріевичъ получилъ 3-го января, съ фельдъегеремъ, депеши изъ Рима отъ 19 (31) декабря 1861 г., которыя его очень обрадовали; привезенныя извѣстія сулили благопріятный поворотъ въ попыткахъ нашего правительства обуздать фанатическое настроеніе въ польскихъ провинціяхъ нашихъ; графа не мало радовало и то, что успѣшное веденіе переговоровъ въ Римѣ, по одному изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, всецѣло принадлежало его любимому брату.

„Переговоры увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ“, записано въ дневникѣ; „св. отецъ согласился на предложенный нашимъ правительствомъ выборъ аббата Фелинскаго, который назначается архіепископомъ варшавскимъ и будетъ посвященъ, какъ только получатся въ Римѣ требующіяся бумаги. Папа пошлетъ на время въ Петербургъ духовнаго сановника, а затѣмъ имѣется въ виду назначить постояннаго представителя папскаго престола. Посылаемому временно духовному лицу [1])

[1]) Предполагалось послать монсиньора Бернарди, но посольство это не состоялось по проискамъ Поляковъ, которые желали, напротивъ, чтобы польское католическое духовенство возбуждало народъ къ возстанію. Въ дневникѣ Павла

будетъ поручено преподать польскому католическому духовенству, отъ имени св. отца, наставленія и увѣщанія.

„Переговоры объ этомъ тѣмъ болѣе должно считать удавшимися, что они окончены безъ шума и безъ всякаго неудовольствія какъ съ той, такъ и съ другой стороны“.

Весьма любопытно сохранившееся въ бумагахъ Павла Дмитріевича письмо брата его Николая Дмитріевича изъ Рима, отъ 9 (21) января 1862 г. объ этомъ же предметѣ.

Письмо Н. Д Киселева о переговорахъ съ римскою куріею

Письмо это начинается съ того, что онъ получилъ телеграфное извѣстіе о наградѣ его орденомъ Бѣлаго Орла за заслуги, оказанныя имъ переговорами объ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ онъ пишетъ:

„Добрый папа, при одной мысли, что ему можетъ быть удастся имѣть своего нунція у насъ, въ совершенномъ восторгѣ; онъ отъ этого какъ будто молодѣетъ и не въ силахъ скрыть свою радость. Если назначутъ постояннаго представителя папскаго престола, то не иначе какъ нунція, судя по высокому положенію того духовнаго лица, которое временно посылается въ Россію, такъ какъ вѣроятно это самое лицо будетъ утверждено въ качествѣ постояннаго представителя. Мнѣ кажется, что въ сущности, принимая въ соображеніе всѣ условія за и противъ, присутствіе въ Петербургѣ представителя папы настолько облегчитъ и упроститъ наши отношенія съ римскою куріею, что выгоды отъ такого назначенія превысятъ могущія встрѣтиться неудобства. При томъ же теперь намъ уже невозможно отступиться отъ сего, мы слишкомъ далеко зашли изъявивъ согласіе на присылку нунція. Мнѣ остается теперь лишь одно, стараться, чтобъ выборъ палъ на достойнѣйшаго человѣка, а это не такъ легко, потому что здѣсь, какъ и вездѣ, людей, выступающихъ изъ ряда обыкновенныхъ, очень мало,— въ чемъ вы легко могли убѣдиться сами, познакомившись съ новымъ сотоварищемъ вашимъ Киджи [1]), который, можно сказать, одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе представительныхъ лю-

Дмитріевича подъ 10 мая записано: Rome, expédition officielle sur la nonciature de Bernardi, qui se disloque.

[1]) Chidgi, папскій нунцій въ Парижѣ.

дей римской куріи. Впрочемъ, намъ не слѣдуетъ очень торопиться этимъ, такъ какъ учрежденіе постоянной нунціатуры въ Петербургѣ интересуетъ гораздо болѣе папскій престолъ, чѣмъ насъ, особенно послѣ того, что намъ удалось, съ небывалою, при существующихъ здѣсь порядкахъ, быстротою, добиться архіепископа въ Варшаву. Выборъ нашъ на эту каѳедру былъ встрѣченъ съ такимъ всеобщимъ одобреніемъ (онъ принятъ благосклонно не только папскимъ правительствомъ, но даже самыми яростными Поляками, не выключая княгини Одескальки) [1]), что я начинаю сомнѣваться, не ошиблись ли мы въ истинныхъ чувствахъ кандидата нашего Фелинскаго и не измѣнитъ ли онъ намъ, разъ вступивши въ эту должность, также точно, какъ измѣняли намъ архіепископъ Головинскій и другіе, въ искренности которыхъ и преданности интересамъ Россіи мы были такъ увѣрены. Желалъ бы очень, чтобъ сомнѣнія мои въ этомъ случаѣ не оправдались, и чтобъ нашъ юный архіепископъ (ему всего 39 лѣтъ) оказалъ себя въ Польшѣ надежною опорою нашего правительства, на что, повидимому, такъ разсчитываютъ въ Петербургѣ“.

Отвѣтъ графа на это письмо.

Въ отвѣтѣ своемъ на эти мысли брата, графъ писалъ:

„Я раздѣляю твои мнѣнія о польскомъ неофитѣ, котораго у насъ такъ превозносятъ. Увидимъ, какъ онъ себя покажетъ. Конечно, ему придется, при исполненіи своей миссіи, бороться со многими трудностями, а ихъ не такъ легко преодолѣть; если онъ покажетъ себя через-чуръ Русскимъ, то утратитъ всякое вліяніе надъ Поляками; напротивъ, если онъ останется Полякомъ, то потеряетъ довѣріе Русскихъ; и того и другаго избѣжать будетъ трудно, — развѣ что ему удастся пересоздать свое духовенство, которое, въ явное противорѣчіе съ ученіемъ Спасителя, полагаетъ, что *царство ихъ отъ міра сего*“.

Мнѣніе Кинджи о Фелинскомъ.

„Кинджи“, пишетъ графъ въ другомъ письмѣ къ брату, „надѣется, что архіепископъ Фелинскій успѣетъ водворить порядокъ въ своей епархіи и поставитъ себя въ хорошія отно-

---

[1]) Княгиня Софія Одескальки (Odescalchi), рожденная графиня Браницкая.

шенія къ русскому правительству; мы съ нимъ много говорили о неудобствѣ прозелитизма, которымъ заражено католическое духовенство и отъ котораго оно не можетъ воздержаться и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ. На эти мои слова Киджи отвѣчалъ: „такъ какъ *истина одна* (la vérité n'etant qu'une), то каждый служитель Господа Бога долженъ дѣлать всѣ усилія, чтобъ она восторжествовала". Отвѣчать на это было не трудно, и я отвѣтилъ, но не ручаюсь, что обратилъ на болѣе здравый путь этого питомца Ватикана". Графъ заключаетъ свое письмо брату вопросомъ: „какъ это могло случиться, что ты съ Киджи не познакомился въ Римѣ и видѣлъ его только мелькомъ? Здѣшнее высшее дворянство приняло его съ большимъ почетомъ".

Высылка Фелинскаго.

Извѣстно, что Фелинскій, вскорѣ послѣ своего назначенія архіепископомъ, былъ высланъ на жительство въ Ярославль.

Зимній сезонъ въ Парижѣ.

Парижъ былъ очень оживленъ въ эту зиму; приглашенія смѣнялись одно другимъ безпрестанно. Въ Тюльери было нѣсколько баловъ и вечеровъ; изъ нихъ были парадные въ мундирахъ, другіе менѣе оффиціальные, въ салонахъ императрицы. Графъ былъ приглашаемъ на тѣ и на другіе.

Павелъ Дмитріевичъ давалъ также обѣды, то дипломатическому корпусу, то пріѣзжимъ и жившимъ въ Парижѣ Русскимъ, то, наконецъ, высшему французскому обществу. Объ одномъ изъ этихъ послѣднихъ обѣдовъ, 9-го января, графъ записалъ слѣдующее:

Обѣдъ у графа высшему парижскому обществу.

„Передъ самымъ обѣдомъ прислали извиненія: госпожа Флёри, что не можетъ пріѣхать по случаю нездоровья, а госпожа Бильо потому, что приглашена на обѣдъ къ принцу Наполеону. Назначенныя этимъ дамамъ два мѣста за столомъ надлежало замѣстить другими приглашенными и вотъ что случилось: виконтъ де-Віель-Кастель былъ посаженъ рядомъ съ маршаломъ Маньяномъ, а герцогиня Камбасересъ посажена съ госпожею Вимеркати. Такое разстройство всякаго іерархическаго порядка въ распредѣленіи мѣстъ отразилось на многихъ лицахъ моихъ гостей".

Графъ Павелъ Дмитріевичъ представлялъ императору и

Представленіе императору русскихъ путешественниковъ.

императрицѣ, при каждомъ случаѣ, много Русскихъ. Но одно изъ этихъ представленій, 12-го января, наканунѣ русскаго новаго года, сопровождалось особенною торжественностью и описано у Павла Дмитріевича въ дневникѣ:

Княгиня Дадьянъ.

„Сегодня утромъ я долженъ былъ представить ихъ величествамъ княгиню мингрельскую Дадьянъ съ ея сыномъ. Я испросилъ для сего частную аудіенцію, на которую тотчасъ же получилъ соизволеніе. Императоръ въ мундирѣ, лентѣ и со шляпою въ рукахъ, а императрица въ весьма изящномъ нарядѣ вышли на встрѣчу моимъ Мингрельцамъ и пригласили ихъ въ кабинетъ ея величества. Мы сѣли, и между нами завязался пустой разговоръ, между прочимъ о національномъ костюмѣ молодаго Дадьяна, объ ихъ странѣ, тамошнемъ климатѣ и проч. Княгиня Дадьянъ разсказывала о коронаціи нашего Августѣйшаго Государя, говорила объ Императрицѣ нашей, показывала Ея портретъ, обратила вниманіе на свое національное ожерелье мингрельской работы. Княгиня во все время аудіенціи, продолжавшейся съ полчаса, держала себя совершенно прилично. Когда мы выходили уже изъ кабинета, императрица Евгенія поручила мнѣ сказать княгинѣ Дадьянъ, что ея величество принимаетъ у себя каждый понедѣльникъ вечеромъ и что она будетъ очень рада видѣть ее въ эти дни у себя. Княгиня горячо благодарила меня за сдѣланный ей пріемъ; а на другой день, въ понедѣльникъ, во время танцовальнаго вечера, императрица много разспрашивала меня о княгинѣ“.

Встрѣча русскаго новаго года.

Русскій новый годъ графъ встрѣчалъ у княгини Бутера: „я оставался у ней до полуночи“, пишетъ онъ, „чтобы пить за ея здоровье и выразить мои искреннія пожеланія, которыхъ она заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Въ самый же день новаго года, Павелъ Дмитріевичъ, послѣ обѣдни въ православной церкви, принималъ поздравленія у себя. Въ дневникѣ его записано, что пріемъ посѣтителей продолжался до двухъ часовъ; всего ихъ было 135 особъ, въ томъ числѣ 42 дамы и 93 мущинъ.

27-го января графъ поѣхалъ въ Лувръ, гдѣ императоръ открывалъ сессію законодательнаго собранія.

Открытіе сессіи законодательнаго собранія.

„Мнѣ показалось, говоритъ онъ, что въ эту сессію въ Луврѣ, рукоплесканія не были столько же единодушны, какъ бывало въ предшествовавшія сессіи. Это, впрочемъ, и понятно, потому что сегодня предстояло оправдать дефицитъ въ милліардъ, чего не въ силахъ скрасить самыя звучныя фразы. Императоръ каялся передъ собраніемъ чистосердечно; это дѣлаетъ ему честь, но подобныя сему заявленія неспособны возбудить энтузіазмъ совѣщательныхъ собраній".

Вечеромъ того же дня,—это былъ понедѣльникъ,—графъ былъ у императрицы на обыкновенномъ танцовальномъ вечерѣ.

Разговоръ императора по поводу этой сессіи съ графомъ Киселевымъ.

„Императоръ" пишетъ графъ, „подошелъ ко мнѣ и заговорилъ о своей утренней рѣчи, о финансовомъ положеніи Франціи. Онъ оправдывалъ экстраординарные расходы необходимостью дать пищу народному трудолюбію, предоставивъ ему возможность улучшить свое благосостояніе заработками. Прежде всего, говорилъ онъ, необходимо привесть въ надлежащее положеніе внутреннія пути сообщенія, не только посредствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, но также помощью дорогъ проселочныхъ; въ послѣднее время было уже много сдѣлано въ этомъ отношеніи, но остается еще много сдѣлать; все это требуетъ огромныхъ расходовъ; но за то народъ много выигрываетъ и казна тоже; еще никогда налоги не поступали такъ исправно и такъ легко какъ теперь. Однажды, продолжалъ онъ, я говорилъ съ Гаусманомъ, который имѣетъ обыкновеніе выражать свои мысли по своему; онъ мнѣ сказалъ: какъ доходятъ дурныя вѣсти, неизвѣстно, но добрыя извѣстія получаются лишь тогда, когда пути сообщенія исправны; эти слова меня поразили, и съ тѣхъ поръ я сталъ удвоивать заботливость, чтобъ ускорить улучшеніе нашихъ путей сообщенія, какъ шоссейныхъ, такъ и рѣчныхъ и проч. Этотъ разговоръ", прибавляетъ графъ, „переданъ въ моей депешѣ отъ 2-го февраля".

30-го января пріѣхалъ въ Парижъ, изъ Рима навѣстить графа Н. А. Милютинъ. Павелъ Дмитріевичъ горячо любилъ своего племянника; онъ отказался отъ вечера графини Урус-

Пріѣздъ въ Парижъ Н. А. Милютина.

ской, отъ бала въ городской ратушѣ и провелъ этотъ вечеръ съ Милютинымъ. Во все время пребыванія его въ Парижѣ, графъ то по утрамъ дѣлалъ прогулки съ нимъ, то обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ, то проводилъ съ нимъ вечера. Милютинъ уѣхалъ 22 февраля и въ письмѣ къ Николаю Дмитріевичу Киселеву, которое повезъ самъ Милютинъ, графъ писалъ о немъ:

Письмо графа о Милютинѣ.

„Я видѣлся съ нимъ сколько могъ, но не столько сколько желалъ, потому что люблю его умъ и нахожу, что разговоры его о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ всегда поучительны. Его поставили въ политическомъ отношеніи въ весьма странное положеніе, и доколѣ оно не опредѣлится, у меня не будетъ доставать духа совѣтовать ему возвратиться въ Петербургъ; онъ съ тобою объ этомъ переговоритъ самъ. Съ своей стороны я ему безконечно благодаренъ за его посѣщеніе, и я почелъ бы себя счастливымъ возвратить ему издержки на это путешествіе, но предложить это ему не посмѣлъ и рѣшился обождать его возвращенія сюда, чтобъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, который позволитъ мнѣ сдѣлать такое предложеніе, не оскорбляя его щекотливости“.

Въ другомъ письмѣ брату, вѣроятно по поводу артистическихъ прогулокъ по картиннымъ и другимъ галлереямъ музеевъ, графъ писалъ: „ты смотри, не сдѣлай изъ Милютина артиста; не забудь, что государственныя дѣла суть и должны остаться его призваніемъ“.

Болѣзненные припадки съ графомъ.

Здоровье графа, между тѣмъ, слабѣло; однако, онъ не прекращалъ ни своихъ пріемовъ, ни своихъ выѣздовъ на обѣды и вечера, несмотря на то, что нерѣдко случалось ему поспѣшно возвращаться домой и что однажды (4-го февраля), заѣхавши къ министру Бильо, онъ почувствовалъ, послѣ короткаго разговора, предрасположеніе къ головокруженію, а когда поспѣшилъ возвратиться домой, то на лѣстницѣ почувствовалъ такой упадокъ силъ, что его должны были отнести въ постель.

„Меня донимаютъ“, писалъ онъ тогда брату, „усталость и суетность свѣтской жизни, среди которыхъ невольно вращаюсь.

Мои слабыя силы трудно переносятъ всѣ сіи обязанности, налагаемыя свѣтомъ и оффиціальнымъ положеніемъ. Чтобы ты ни говорилъ, но это неизбѣжный долгъ, отъ котораго нельзя освободиться иначе, какъ отказавшись отъ должности и испросивъ себѣ преемника".

Аудіенція у Тувенеля.

20-го февраля графъ былъ приглашенъ на оффиціальную аудіенцію къ министру иностранныхъ дѣлъ Тувенелю. Подробный отчетъ о разговорѣ съ министромъ изложенъ въ депешѣ отъ 25 февраля.

„Сущность этой депеши", пишетъ графъ, „состояла въ слѣдующемъ:

„1-е *Дѣло о куполѣ.* Предположенія князя Горчакова приняты, но съ оговоркою въ пользу французскихъ консуловъ, довольно настойчиво выраженною Тувенелемъ.

„2-е *Датскій вопросъ.* Мы согласны съ видами французскаго кабинета.

„3-е *Греція.* Озеровъ предлагаетъ учредить въ Аѳинахъ посредническую коммиссію (commission d'arbitrage); по этому предмету мы спрашиваемъ мнѣніе тюльерійскаго кабинета.

„4-е *Вопросы, возбужденные по римскимъ дѣламъ.* Тувенель сказалъ мнѣ, что не произошло ничего новаго послѣ его депеши Лавалетту [1]), опубликованной въ газетахъ; по мнѣнію его остается единственный исходъ: вывести изъ Рима французскій гарнизонъ, условившись напередъ съ Викторомъ-Эммануиломъ, что Церковная Область, въ настоящихъ ея границахъ, останется неприкосновенною; что несоблюденіе сего послужитъ поводомъ къ объявленію войны. При подобномъ усло-

---

[1]) Депеша маркизу Лавалетту, французскому послу при римскомъ дворѣ отъ 11 января 1862 г., въ которой Тувенель упоминаетъ, что если въ вопросахъ догматическихъ непоколебимость составляетъ неотъемлемое право правительства св. отца, то въ дѣлахъ свѣтскаго характера нельзя не принять въ уваженіе событій, безповоротно совершившихся и потому желательно знать будетъ ли изъявлена папскимъ правительствомъ готовность къ изысканію такой комбинаціи, которая, оставляя въ сторонѣ всякое домогательство къ возвращенію подъ свою власть утраченныхъ провинцій, обезпечивала бы достоинство, спокойствіе и независимость св. отца; что на основаніи признаннаго принципа невмѣшательства, обезпечивающаго Европѣ спокойствіе и миръ, нельзя надѣяться на вооруженную помощь и содѣйствіе какой либо державы.

віи пусть папа улаживается, какъ знаетъ, съ своими Итальянцами. Англійскій проектъ заключался въ томъ, чтобы предоставить папѣ пожизненное владѣніе городомъ и Областью; но при такомъ условіи болѣе чѣмъ вѣроятно, что смерть папы не долго заставила бы себя ждать.

„5) *Происки Поляковъ.* Будетъ установленъ надзоръ чрезъ посредство существующей уже тайной полиціи (haute police); что до меня, прибавляетъ графъ, то я считаю ее (полицію) крайне благодушною, если не совсѣмъ ничтожною.

„6) *Мирославскій и его замыслы.* Эмигранты польскіе предполагаютъ основать въ Парижѣ журналъ „Польское Обозрѣніе“ (Revue polonaise); обѣщано передать надлежащей власти о недозволеніи подобнаго изданія“.

Шумныя засѣданія въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ происходили довольно шумныя засѣданія въ сенатѣ и въ законодательномъ собраніи.

Въ сенатѣ произошла настоящая буря, поднятая принцемъ Наполеономъ (22 февраля), вслѣдствіе заявленія однимъ изъ сенаторовъ о необходимости упрочить наслѣдственность престола. Принцъ воскликнулъ, что императорская династія не имѣетъ ничего общаго съ правомъ наслѣдства Божіею милостью (l'hérédité par droit divin); что Наполеонъ I-й занялъ престолъ съ единственною цѣлію упрочить великіе принципы революціи; „знаете ли, заключилъ онъ, при какихъ кликахъ Наполеонъ I-й былъ встрѣченъ народомъ въ Тюльери? его привѣтствовали криками: долой дворянъ, долой эмигрантовъ, долой измѣнниковъ“. По созвучію словъ вмѣсто traîtres послышалось prêtres. Переполохъ былъ ужасный; министръ Бильо взялъ на себя успокоить собраніе; онъ сказалъ, что имперія есть дѣйствительно созданіе революціи, но она имѣетъ задачею подавлять чрезмѣрныя увлеченія поборниковъ революціи и потому императорское правительство не признаетъ себя солидарнымъ съ опасными теоріями, такъ опрометчиво проповѣдываемыми принцемъ, членомъ императорскаго дома,—теоріями, справедливо оскорбившими сенатъ.

Въ законодательномъ собраніи, за нѣсколько предъ тѣмъ дней (19 февраля), по поводу внесеннаго законопроекта о на-

значеніи генералу Кузенъ Монтобанъ (Cousin Montauban), который предводительствовалъ французскимъ войскомъ въ Китаѣ, пожизненной пенсіи въ 50 т. франковъ, пренія приняли характеръ ожесточенной оппозиціи. Такъ какъ Монтобанъ былъ уже возведенъ за эту экспедицію въ званіе сенатора, и сверхъ того пожалованъ титуломъ графа Паликао, то законодательное собраніе воспротивилось назначенію ему еще пожизненнаго денежнаго вознагражденія; оно назначило изъ среды своей коммиссію для обсужденія этого проекта. Генералъ Монтобанъ тотчасъ же написалъ письмо императору и просилъ его взять обратно внесенный проектъ; но Наполеонъ отвѣчалъ ему, что не намѣренъ отказаться, и въ письмѣ этомъ, опубликованномъ въ Монитёрѣ, выразился, между прочимъ, слѣдующими оскорбительными для законодательнаго собранія словами: „только павшія, выродившіяся націи торгуются, когда имъ приходится выразить всенародную признательность“. Несмотря, однако, на такую заносчивость, которая еще болѣе раздражила собраніе и утвердила его въ намѣреніи отказать принятіе представленнаго проекта закона, императоръ въ концѣ концовъ рѣшился не настаивать болѣе на своемъ; въ письмѣ на имя Морни (4 марта) онъ выразилъ сожалѣніе о возникшемъ *недоразумѣніи* и обѣщалъ замѣнить внесенный законопроектъ другимъ, болѣе согласнымъ съ мнѣніями, высказанными многими депутатами.

Размышленія графа по поводу этихъ событій.

Вслѣдъ за этими бурными преніями, графъ Киселевъ записалъ въ свой дневникъ двѣ замѣтки [1]) рисующія какъ начинавшійся разладъ въ управленіи имперіею, такъ и интриги и несогласія въ средѣ императорскаго семейства:

„Три сенатора пріѣхали ко мнѣ на обѣдъ прямо изъ сената. По ихъ разсказамъ, Монитёръ умолчалъ много обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о раздраженіи сенаторовъ противъ рѣчи принца Наполеона. Одинъ изъ сенаторовъ указывалъ даже на то, что принцъ заявляетъ себя кандидатомъ на императорскій престолъ.

„Представленіе П. Демидова, котораго я повезъ въ Тюлье-

[1]) Подъ 22 и 24 февраля.

ри, на обыкновенный балъ по понедѣльникамъ, въ покояхъ императрицы, было неудачное. Императоръ имѣлъ видъ озабоченный, а императрица появилась на балъ только въ 11 часовъ; сказывали, что ее задерживала мигрень. Представленіе ограничилось обоюдными поклонами, ничего болѣе.

„Озабоченный видъ императора происходилъ отъ того, что въ Монитёрѣ было напечатано письмо его Монтобану. Убѣдились, хотя уже поздно, что не слѣдовало публиковать это письмо, явно противоположное донесенію коммиссіи законодательнаго собранія, которымъ совершенно основательно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ отклонялось назначеніе пенсіи.

„Въ этомъ непріятномъ дѣлѣ были замѣшаны Валевскій, который слишкомъ поспѣшно исполнилъ необдуманное приказаніе императора; Фульдъ, который указалъ на неприличіе обнародованія письма и Флёри,—виновникъ неудачной корреспонденціи между Монтобаномъ и императоромъ. Приближенные ко двору увѣряютъ, что они еще никогда не видѣли императора такимъ раздраженнымъ и такимъ рѣзкимъ въ рѣчахъ со своими окружающими; Мокару тоже досталось за редакцію письма.

„Нездоровье императрицы приписываютъ одному разговору адъютанта принца Наполеона, Франконьера, съ двумя офицерами, ординарцами императора, принцемъ Мюратомъ и Галлифе. Эти послѣдніе обвиняли принца Наполеона въ разсказахъ, компрометирующихъ императора, а Франконьеръ, защищая своего принца, увѣрялъ, что все, что принцъ говоритъ публично, не только извѣстно императору, но даже внушается имъ. Оба ординарца нашли себя обязанными доложить объ этомъ императрицѣ въ то время, когда она проходила черезъ пріемный залъ, гдѣ находились дежурные. Это было причиной семейной распри, слѣдствіемъ которой явилась мигрень и послѣдовалъ отказъ выйдти на балъ. Такъ какъ Бачіокки, которому поручено было вступить въ переговоры о примиреніи, не успѣлъ въ этомъ, то императоръ отправился самъ, чтобы покончить это непріятное дѣло. Возвращаясь отъ императрицы, онъ мнѣ сказалъ, что она скоро выйдетъ, и дѣйствительно,

часъ спустя она показалась въ залѣ на одну минугу и тотчасъ же, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ дамъ, вышла въ свою малую гостиную.

„Жара и усталось принудили меня уѣхать“.

Неудовольствія въ семействѣ императора не прекращались; императрица, яростная католичка, была за частую непреклонна; императоръ былъ уступчивъ; ихъ обоихъ окружали лесть и придворныя интриги.

Неудовольствіе въ императорской семьѣ и разговоръ о томъ графа съ принцессою Матильдою.

Слѣдующій разговоръ графа Киселева съ принцессою Матильдою можетъ дать понятіе о семейномъ бытѣ тюльерійскаго двора.

„Принцесса Матильда предложила пріѣхать сегодня утромъ (8-го апрѣля) ко мнѣ, чтобъ поболтать (causailler) о дѣлахъ. И точно, въ два часа мнѣ доложили о ея пріѣздѣ, и я сошелъ внизъ, чтобы принять ее въ первомъ залѣ нижняго этажа, откуда мы съ нею перешли въ садъ. Обойдя два раза мой небольшой садикъ, мы усѣлись, чтобы продолжать нашъ разговоръ. Сначала мы говорили о нынѣшнемъ пребываніи въ Парижѣ маркиза Лавалетта, котораго она очень хвалила, какъ человѣка высокаго ума и пріятнаго характера. Она помянула объ интригахъ, замышляемыхъ противъ него, подъ руководствомъ неразсудительной императрицы Евгеніи, которая въ дѣлахъ не имѣетъ никакого смысла (qui n'est qu'une *buse* dans les affaires) и которая тянетъ къ католицизму единственно для того, чтобы угодить Испаніи и въ особенности королевѣ Изабеллѣ, относящейся, впрочемъ, ко всему этому весьма равнодушно. Независимо отъ сего у императрицы самый несносный характеръ, и императору, который самъ по себѣ кротокъ и имѣетъ ангельское терпѣніе, приходится много переносить отъ нея. Недавно въ присутствіи ребенка (императорскаго принца), она сдѣлала ему самую грубую сцену, такъ что императоръ, чтобы прекратить споръ, взялъ малютку за руку и повелъ его изъ комнаты, гдѣ эта битва происходила; тогда ребенокъ, понимая огорченіе отца, сказалъ ему: неправда ли, папа, что мама говорила глупости (n'est ce pas, papa, que maman a dit des bêtises). Разсказывая мнѣ объ этомъ случаѣ,

императоръ присовокупилъ, что этотъ ангельчикъ (ce petit ange) хотѣлъ этимъ вопросомъ утѣшить меня и цѣль его была достигнута, потому что я былъ глубоко тронутъ".

„— Да какъ же это,—спросилъ я,—императоръ, при своемъ превосходствѣ ума, позволяетъ такимъ образомъ господствовать надъ собою?

„— По лѣности,—отвѣчала она;—онъ лѣнивъ во всемъ, что̀ относится до домашней жизни; я нѣсколько разъ выговаривала ему это, но у него всегда одинъ отвѣтъ: лучше уступить, чѣмъ продолжать споръ о пустякахъ; притомъ, поясняетъ онъ, таковъ уже мой характеръ; я не могу переиначить его, потому я даю ей говорить, сколько хочетъ, а самъ молчу.

„Переходя затѣмъ," говоритъ графъ, „отъ этой картины домашняго очага императорской четы къ политикѣ, я спросилъ принцессу, насколько справедливы слухи о сближеніи съ Австріею?—Не вѣрьте этому, отвѣчала она; императоръ мало говоритъ, но много думаетъ. Онъ не скрываетъ отъ себя, что недовѣріе къ нему и къ его правительству все ростетъ и что необходимо возсоздать довѣріе. Онъ сдѣлалъ починъ въ этомъ направленіи, начавъ съ наиболѣе зараженныхъ недовѣріемъ, и намѣревается слѣдовать по этому пути. Императоръ говоритъ, что всѣми этими непріятностями онъ обязанъ Италіи, что онъ радъ бы былъ душою отдѣлаться отъ нея, но разъ дѣло затѣяно, надо его кончить (le vin étant tiré il faut le boire)".

„— Это правда,—отвѣчалъ я,—но принимаясь за окончаніе начатаго дѣла (mais avant de le boire), должно остерегаться дурныхъ совѣтовъ, которые подсказываютъ со всѣхъ сторонъ и слѣдуя которымъ онъ можетъ зайти слишкомъ далеко".

„— Вы говорите о принцѣ Наполеонѣ, — перебила она меня,—къ несчастію это правда; мой братъ большой проказникъ (mauvais drôle), ему не надо довѣряться; онъ одержимъ всѣми дурными наклонностями; но, по нерѣшительности его характера, онъ вовсе не такъ опасенъ: императоръ хорошо его знаетъ, и если братъ мой имѣетъ на него нѣкоторое

вліяніе, то единственно благодаря своему гибкому уму, въ которомъ, конечно, ему отказать нельзя. Многіе думаютъ,— продолжала она, что онъ имѣетъ за собою партію, я этому не вѣрю; но еслибъ даже это было справедливо, то предпріятія, затѣваемыя имъ лично, никакого значенія имѣть не могутъ, потому что сторонники его не довѣряютъ ему и пользуются только его личнымъ положеніемъ при дворѣ, для распространенія нелѣпыхъ слуховъ, вѣроятность которымъ придаютъ потому, что они будто бы исходятъ отъ двоюроднаго брата императора. Братъ мой даетъ имъ волю распускать слухи и новости, будто бы слышанныя отъ него, единственно изъ желанія еще болѣе утвердить свой кредитъ. По видимому, онъ добился этого даже въ кругу министерскомъ (dans le cénacle ministériel), въ средѣ котораго бо́льшая часть этихъ полновластныхъ рѣшителей судебъ (potentats) усидчиво ухаживаютъ за нимъ.

„Потому, — добавила она,—что всѣ эти министры ненавидятъ другъ друга и стараются повредить одинъ другому; каждый изъ нихъ силится передать, черезъ посредство моего брата, свои виды и разныя о своихъ сотоварищахъ сплетни, не заботясь о томъ справедливы они или нѣтъ, лишь бы дошли по назначенію. Эти глупцы не знаютъ, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ болѣе хитрымъ, чѣмъ они сами и что этотъ воображаемый покровитель и пособникъ ихъ, которому они довѣряютъ свои затаенные замыслы, передаетъ ихъ въ формѣ разсказовъ, которые всегда нравятся императору, только то, что ему самому на руку и согласно съ его интересами и личными видами“.

Мнѣніе Беррье о составѣ министерства.

Беррье говорилъ графу Киселеву о составѣ министерства съ такимъ же презрѣніемъ.

„Беррье“, записано въ дневникѣ подъ 16-е марта, „пришелъ въ одно воскресенье въ нашу церковь, чтобъ прослушать православную литургію; такъ какъ погода была отличная, то выходя изъ церкви, я предложилъ ему пройтись домой пѣшкомъ; онъ согласился и мы съ нимъ разговорились.

„Можетъ случиться и даже вѣроятно послѣдуютъ пере-

мѣны въ министерствѣ,—сказалъ Беррье;—Персиньи сдѣлался невозможнымъ, какъ бы ни желали оставить этого сеида имперіи при занимаемой должности. Это совершенно ничтожный человѣкъ; говорятъ, что онъ безкорыстенъ (intègre); но для министра это отрицательное достоинство, къ сожалѣнію единственное, которымъ онъ можетъ похвалиться. Носятся слухи и о другихъ перемѣщеніяхъ, но они имѣютъ мало значенія. Бильо, лукавый адвокатъ, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити. Онъ говоритъ о религіозной нравственности, а между тѣмъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта; впрочемъ, они всѣ на одинъ ладъ, и въ этомъ то и заключается дурная сторона правительства. Я не имѣю ничего противъ императора,—продолжалъ Беррье, который при всякомъ случаѣ оказывалъ мнѣ благосклонность, но намъ не миновать того, что вся эта фантасмагорія рухнетъ въ одинъ прекрасный день, когда менѣе всего ожидать этого будутъ.

„Такъ", замѣчаетъ графъ, „говорятъ всѣ роялисты; я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, дѣлая визиты въ предмѣстьяхъ".

Переговоры о признаніи Россіею итальянскаго королевства.

Итальянское королевство все еще оставалось непризнаннымъ русскимъ правительствомъ. Тюльерійскій кабинетъ былъ очень озабоченъ этимъ; съ своей стороны итальянскій посланникъ въ Парижѣ, кавалеръ Нигра, нѣсколько разъ заводилъ объ этомъ рѣчь съ нашимъ посломъ.

„Полномочный министръ Нигра," пишетъ графъ Павелъ Дмитріевичъ [1]), „снова повелъ рѣчь о признаніи Россіею королевства Италіи, и я опять долженъ былъ повторить, что, не взирая на полную нашу готовность, приступить къ сему не дозволяетъ настоящее состояніе Италіи. Дайте намъ, сказалъ я ему, положительныя гарантіи, что революціонныя стремленія, которыя гнѣздятся въ вашемъ отечествѣ, не распространятся на остальную Европу и мы будемъ очень рады дружески протянуть вамъ руку; но пока мы въ томъ не увѣрены, признанія со стороны Россіи не ожидайте; къ тому же оно въ настоящемъ положеніи дѣлъ было бы не прочно и слѣдовательно безполезно".

[1]) Подъ 28-мъ апрѣля.

„Тувенель увѣрялъ меня“, записано въ дневникѣ, „что не признаніемъ итальянскаго королевства мы ставимъ себя въ ложное положеніе и объяснялъ это такъ: чтобъ сдѣлаться консервативнымъ, говорилъ онъ, требуется быть сильнымъ, а чрезъ непризнаніе наше мы ослабляемъ туринское правительство. Пруссія, добавилъ онъ, намѣревается въ близкомъ будущемъ признать итальянское королевство. Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, кромѣ Австріи, мы одни останемся не въ ладахъ съ Пьемонтомъ (alors, et en dehors de l'Autriche, nous resterons seuls à bouder le Piémont); я привожу только самый фактъ, безъ всякаго сужденія о немъ“.

Различныя мнѣнія о томъ оставаться или нѣтъ французскимъ войскамъ въ Римѣ.

Графъ Киселевъ былъ того мнѣнія, что только съ помощью французскихъ войскъ, которыя занимали Римъ, могутъ быть сохранены въ Италіи нѣкоторый порядокъ и спокойствіе. Между тѣмъ, въ законодательномъ собраніи настойчиво выражалась необходимость отозванія французскаго отряда, остававшагося въ папскихъ владѣніяхъ, въ видахъ окончательнаго объединенія Италіи; причемъ указывали также и на то, что расходы на содержаніе этого отряда значительно отягощаютъ бюджетъ.

Наполеонъ былъ на сторонѣ отозванія войскъ, а императрица Евгенія желала напротивъ, чтобъ они оставались для охраненія папы и его правительства.

Королевы Христина и Софія и нескромность императрицы Евгеніи.

Въ это время находились въ Парижѣ королевы: вдовствующая испанская Христина и нидерландская Софія. Императрица Евгенія своимъ напускнымъ фанатизмомъ угождала королевѣ Христинѣ, а королевѣ Софіи, должно быть, неосторожно передала свои ультрамонтанскія воззрѣнія. Такая нескромность императрицы была крайне непріятна Наполеону, какъ это видно изъ слѣдующей замѣтки графа, послѣ бала 28-го апрѣля.

„Императрицы не было на балѣ. Нездоровье ея приписываютъ какъ тому, что въ разговорѣ съ нидерландскою королевою она нескромно коснулась политическихъ дѣлъ, такъ и горячему спору ея послѣ того съ принцемъ Наполеономъ. Эта ея нескромность очень огорчила императора; разговоръ ея съ королевой Софіей касался, какъ говорятъ, римскихъ дѣлъ;

принцъ Наполеонъ вѣроятно, вслѣдствіе этого, наговорилъ ей кучу непріятностей и она не явилась ни къ обѣду, ни на балъ.

„Нидерландская королева оставила балъ въ 11 часовъ; уѣзжая, она сказала мнѣ: такъ какъ никого нѣтъ, то мнѣ можно, кажется, уѣхать! И въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ два раза уходилъ съ бала подъ видомъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьѣ императрицы, а въ дѣйствительности, чтобъ уговорить ее придти занимать королеву Софію, остававшуюся въ обществѣ двухъ принцессъ, Клотильды и Матильды, и нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, что, конечно, не могло быть пріятно ей. Въ началѣ вечера императоръ устроилъ кадриль съ Мюратами, Гамильтонами и королевой, но это нисколько не оживило общества, и балъ тянулся скучно“.

Итальянскія дѣла.

Положеніе дѣлъ въ Италіи было дѣйствительно чрезвычайно затруднительно; императоръ, подъ вліяніемъ Евгеніи и клерикальной партіи, не рѣшался отозвать войска, хотя склонялъ папское правительство, въ виду совершившагося факта, сдѣлать уступки. Съ своей стороны папское правительство твердо стояло на томъ, чтобы не дѣлать никакихъ уступокъ; въ депешѣ изъ Рима, полученной графомъ Киселевымъ 22-го марта, приводились слѣдующія слова Антонелли, записанныя въ дневникѣ: „Намъ ничего болѣе не остается, какъ отстаивать со всею твердостью наши прежнія деклараціи и готовиться встрѣтить тѣ насилія, которыя одни въ состояніи заставить насъ удалиться“.

Слова Антонелли.

Безпорядки въ Неаполѣ.

„Въ депешѣ изъ Неаполя“, записано далѣе въ дневникѣ, упоминается о безпорядкахъ, случившихся въ церкви св. Северина, вслѣдствіе политическо-религіозной проповѣди, сказанной отцомъ Кокозо (Cocozo), въ которой порицалось піемонтское правительство и обвинялось въ наклонности къ протестантизму. Лаззарони напали на студентовъ и ранили нѣкоторыхъ изъ нихъ. Близъ дворца разорвало бомбу; смятеніе въ городѣ всеобщее. Съ нѣкотораго времени усиливаются происки республиканцевъ и реакціонное движеніе роялистовъ. Рѣчи, произнесенныя въ Генуѣ, дали новый толчекъ революціонному духу. Въ Капитанатѣ и въ Бари появляются уже разбои“.

Разговоръ съ Лавалетомъ; двусмысленная политика Наполеона.

5-го апрѣля графъ обѣдалъ у маркизы Галифе, рожденной Лафитъ. „Послѣ обѣда“, пишетъ онъ, „ко мнѣ подошелъ Лавалетъ и сталъ говорить о моемъ братѣ, объ его изящномъ помѣщеніи въ Римѣ, объ его любезномъ характерѣ, о добрыхъ отношеніяхъ, установившихся между ними и что онъ надѣется, что они сохранятся при его возвращеніи въ Римъ, если ему назначено судьбою возвратиться туда. Я удивился такому намеку на перемѣну положенія Лавалета, — перемѣну, которой я даже не подозрѣвалъ. Лавалетъ мнѣ сказалъ, что эта перемѣна не только возможна, но и вѣроятна, и оживляясь болѣе и болѣе, сказалъ, что положеніе его въ Римѣ невыносимо. Какъ посолъ, говорилъ онъ, я не могу допустить никакого надзора и контроля надъ собою. Если я дѣйствую дурно, то пусть меня отзовутъ; если нѣтъ, то пусть оставятъ меня дѣйствовать какъ представителя императора по моему усмотрѣнію, согласно даннымъ мнѣ инструкціямъ; я одинъ долженъ имѣть право говорить въ Римѣ отъ имени императора, котораго я представляю. Я не жалуюсь на то, что генералъ Гойонъ переписывается съ военнымъ министромъ, но я не могу допустить, чтобы онъ становился между мною, папою и его министромъ, чтобы дѣлаемыя мною отъ имени моего правительства заявленія были разъясняемы и ослабляемы генераломъ, командующимъ французскими войсками, и чтобы я, посолъ императора, былъ тайно уличаемъ во лжи (démenti in petto) въ исполненіи моихъ обязанностей. Нѣтъ, это невозможно; я не могу этого допустить, и такъ какъ я не дорожу этимъ мѣстомъ, ни изъ какихъ личныхъ или матеріальныхъ разсчетовъ, то предпочитаю скорѣе удалиться, чѣмъ оставаться въ условіяхъ, которымъ я не могу и не хочу подчиняться. Далѣе разговоръ былъ въ томъ же смыслѣ, поддерживаемый съ особеннымъ оживленіемъ.

„Въ моемъ отвѣтѣ Лавалету, я старался напирать на затрудненія настоящаго положенія дѣлъ и на то, какъ полезно и для него лестно устранить, въ видахъ императора, затрудненія, которыя возникаютъ въ вопросѣ (по моему мнѣнію неразрѣшимомъ). Кстати, я ему при этомъ сказалъ слова,

приписываемыя папѣ: „я отдаю полную справедливость откровенности, съ которою объясняется маркизъ де-Лавалетъ, и люблю генерала Гойона“.—Этого то я не могу допустить сказалъ Лавалетъ; эта любовь пріобрѣтена въ ущербъ инструкцій, которыхъ я долженъ держаться. „Дѣло въ томъ“, продолжаетъ Павелъ Дмитріевичъ, „что императоръ не отступаетъ отъ своей системы имѣть двѣ тетивы на своемъ лукѣ (deux cordes à son arc); эти двѣ тетивы въ Римѣ суть: вольтеріянецъ Лавалетъ и клерикалъ Гойонъ. Первый старается объ объединеніи Италіи на счетъ папы, а второй хочетъ поддержать свѣтскую власть папы на счетъ Италіи. Императоръ очень доволенъ имѣть этихъ двухъ бойцовъ, которые сражаются въ пустотѣ (s'escriment dans le vide), въ ожиданіи, что онъ самъ придетъ, чтобы нанести окончательный ударъ (coup d'orgue)“.

Рѣчи въ пользу Поляковъ въ сенатѣ.

Революціонныя движенія въ Италіи обнадеживали Поляковъ и польскихъ эмигрантовъ; въ Парижѣ, въ средѣ сенаторовъ и членовъ законодательнаго собранія, находились даже люди, которые говорили рѣчи въ пользу ихъ.

Графъ Киселевъ встрѣтился у Фульда съ сенаторомъ Ларабп (Larabit).

„Онъ подошелъ ко мнѣ“, записано въ дневникѣ подъ 11 марта, „чтобъ объяснить, что̀ побудило его сказать въ сенатѣ нѣсколько словъ въ пользу Поляковъ. „Я взывалъ къ милосердію и великодушію Его Величества Императора Александра къ этимъ несчастнымъ“. На это я ему отвѣчалъ, что подобныя воззванія къ милосердію приносятъ Полякамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что способны только возбуждать въ нихъ политическія страсти, — что и до него, въ теченіе болѣе 20 лѣтъ говорилось съ трибуны въ томъ же тонѣ, однако, безъ всякихъ послѣдствій“.

Представленіе графа Киселева королевѣ нидерландской.

Когда королева нидерландская пріѣхала въ Парижъ, графъ Киселевъ поѣхалъ представиться ей; онъ описываетъ этотъ свой визитъ въ дневникѣ подъ 28 апрѣля:

„Королева приняла меня очень любезно и благодарила за изъявленное мною желаніе представиться ей. Она справлялась о здоровьѣ Ея Величества Императрицы Маріи Александровны

и прочихъ членовъ Императорскаго семейства и затѣмъ спросила мое мнѣніе о политическомъ состояніи Европы. Я отвѣчалъ, что на политическомъ горизонтѣ много тучъ, но что нѣтъ вѣроятности, чтобы въ скоромъ времени предстояла для спокойствія Европы серьезная опасность. Бываютъ случаи, сказалъ я, что обстоятельства, прискорбныя сами по себѣ, по послѣдствіямъ своимъ благотворны. Такъ въ настоящее время ни одна изъ великихъ державъ не въ состояніи начать войну вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій и застоя въ торговлѣ, которымъ мы обязаны внутреннимъ раздорамъ и междоусобію въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; это совершенно парализируетъ воинственный пылъ честолюбцевъ (ambitieux)".

Встрѣча съ нидерландскимъ королемъ.

Нидерландскій король Вильгельмъ III также пріѣхалъ въ Парижъ; графъ Киселевъ встрѣтился съ нимъ 7-го мая на утреннемъ раутѣ у великобританскаго посла лорда Коулея, гдѣ большинство гостей составляли Англичане. Коулей и его супруга принимали гостей въ саду, гдѣ игралъ оркестръ военной музыки. Объ этомъ раутѣ и о своихъ разговорахъ съ нидерландскими величествами графъ Павелъ Дмитріевичъ записалъ:

„Нидерландскій король подалъ мнѣ руку и сказалъ, что справлялся обо мнѣ у Лихтенвеля (Lieghtenvell, нидерландскій посланникъ въ Парижѣ); что мы давно не видѣлись съ нимъ и что въ прошедшій пріѣздъ его въ Парижъ, онъ сожалѣлъ, что я не засталъ его; но что въ Парижѣ это неудивительно; что характеръ императора Наполеона отличный и почему Императоръ Александръ не пріѣзжаетъ сюда, гдѣ онъ съ нимъ очень былъ бы радъ встрѣтиться. Въ эпоху, которую мы переживаемъ, продолжалъ онъ, личныя свиданія необходимы. Все это было сказано, не переводя духа; и меня оглушило. Однако же, я отвѣчалъ, что мой Августѣйшій Государь очень занятъ у себя въ государствѣ и что поѣздки въ Парижъ, по самому воспитанію нашихъ царей, имъ непривычны; но что Императоръ Александръ, когда позволятъ ему дѣла, безъ сомнѣнія предприметъ это путешествіе. Разговоръ нашъ продолжался не болѣе пяти минутъ, а какъ Лихтенвель под-

ждалъ, чтобы представить королю Меттерниха, то я сдѣлалъ шагъ назадъ и тѣмъ покончилъ нашу бесѣду. Всѣ эти представленія тѣмъ и хороши, что не продолжительны.

„Утро супруговъ Коулей было назначено въ честь короля и королевы нидерландскихъ. Мѣсто для гостей было устроено на газонѣ и на эту-то нейтральную почву пригласили разнородное общество. Представителями предмѣстьевъ (faubourgs) были Поццо и, подъ масть имъ, еще три или четыре личности; представителями отъ Тюльери были придворные чины и нѣсколько военныхъ; изъ числа дипломатовъ находились Меттернихъ, Лихтенвель и я; наконецъ, нѣсколько Англичанъ и Американцевъ, съ ихъ женами, всего около ста человѣкъ гостей, которые большею частью другъ друга не знали, удивлялись быть поставленными лицомъ къ лицу и нетерпѣливо ожидали разъѣзда.

„Король и королева старались быть любезными со всѣми; въ этомъ отношеніи особенное стараніе выказывалъ король, который придавалъ себѣ военную осанку и добродушный видъ; послѣднее, мнѣ кажется, ему прирожденно. Приглашенные были одѣты всѣ по утреннему. Гости разъѣхались въ 5 часовъ. Несмотря на все стараніе, которое приложили супруги Коулей, опытъ утренняго раута плохо удался".

Гр. Киселевъ не приглашенъ въ Тріанонъ.

Нидерландскіе величества были приглашены императоромъ и императрицею на 9-е мая въ Тріанонъ; въ числѣ гостей, которыхъ туда звали, были приглашены нѣкоторые молодые дипломаты, какъ-то: Меттернихъ, князь Рейсъ, Муро.

„Я не былъ въ числѣ приглашенныхъ", пишетъ графъ, „это понятно; но было бы совершенно прилично прислать приглашеніе и мнѣ, отъ котораго я, конечно, отказался бы. Господи! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что"...

Оффиціальное представленіе дипломатическаго корпуса королю и королевѣ нидерландскимъ.

Наконецъ, 10-го мая было назначено оффиціальное представленіе дипломатическаго корпуса ихъ королевскимъ величествамъ въ павильонѣ Марсанъ. Дипломатическій корпусъ былъ размѣщенъ по старшинству представителей. Королева, при выходѣ изъ своей гостиной, повернула направо, гдѣ стояли дамы. Король обратился къ нунцію и посламъ; я стоялъ

третьимъ (за нунціемъ и лордомъ Коулеемъ); онъ подошелъ ко мнѣ и почтилъ меня тѣми же вопросами, какими удостоилъ на раутѣ у Коулея: „Каково здоровье брата (cousin) Александра? Я почелъ бы себя счастливымъ увидѣться съ Нимъ; почему Онъ сюда не пріѣзжаетъ; въ эпоху, которую переживаемъ, нужно видѣться, знакомиться и обмѣниваться мыслями“.— Я отвѣчалъ, что мой Августѣйшій Государь намѣревался и желалъ пріѣхать во Францію, въ отплату свиданія въ Штутгартѣ, но разныя обстоятельства заставили Его отложить до сихъ поръ такое намѣреніе; впрочемъ, я полагаю, что когда дѣло освобожденія крестьянъ будетъ доведено до конца, Государь рѣшится пріѣхать.—„Я этого очень желаю“, сказалъ король; „здѣсь Онъ найдетъ много заслуживающаго вниманія; я спрашивалъ объ васъ, мы давно съ вами не видѣлись“ и т. д. все въ томъ же тонѣ.

„При представленіи королевѣ я ей сказалъ, что сегодняшній день напоминаетъ мнѣ мое представленіе во Франкфуртѣ въ 1813 году ея августѣйшей матери [1]), которая, явившимся тогда къ ней для засвидѣтельствованія своего почтенія, отвѣчала совершенно свободно на пяти различныхъ языкахъ. При этихъ словахъ королева стала считать по пальцамъ и сказала, что она могла бы отвѣчать только на четырехъ языкахъ.

Городскіе слухи по поводу прибытія въ Парижъ нидерландскихъ величествъ.

„Когда узнали о пріѣздѣ короля и королевы, то въ Парижѣ распространился слухъ о предполагаемомъ будто бы бракѣ Оранскаго принца съ принцессою Анною Мюратъ. Говорили также, будто они пріѣхали для участія въ переговорахъ о томъ, кому должна достаться Данія. Слухи эти должно отнести къ разряду биржевыхъ утокъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня Тувенель.

„Между императрицею Евгеніею и королевою Софіею завязались интимныя отношенія“.

Заключеніе внѣшняго займа.

Графу Киселеву было поручено войти въ переговоры о внѣшнемъ 5% займѣ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, который и былъ заключенъ въ апрѣлѣ, чрезъ посредство банкирскихъ домовъ Ротшильда и Штиглица. Заемъ состоялся

[1]) Королевѣ виртембергской, Маріи Павловнѣ.

по 94 за 100 и $2^{1}/_{2}$% за коммиссію. Облигаціи по этому займу были допущены къ котировкѣ на парижской биржѣ, въ чемъ оказалъ содѣйствіе Наполеонъ.

„На балѣ въ Тюльери", пишетъ графъ, „императоръ подошелъ ко мнѣ, лишь только я вошелъ въ залъ; послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я сказалъ ему, что мой Августѣйшій Государь будетъ очень доволенъ постановленіемъ послѣдняго совѣта, которымъ, по настоянію вашего величества, наши облигаціи по послѣднему займу допущены къ котировкѣ на парижской биржѣ. Императоръ отвѣчалъ, что эта котировка встрѣтила затрудненія, часто повторяющіяся въ подобныхъ дѣлахъ, и онъ очень радъ, что въ этомъ случаѣ могъ ихъ устранить".

Упадокъ силъ и душевное состояніе гр. Киселева.

Здоровье графа Павла Дмитріевича слабѣло; на страстной недѣлѣ онъ каждый день утромъ слушалъ часы и обѣдню, а вечеромъ всенощную. Во вторникъ 15-го апрѣля, при возвращеніи его изъ церкви, съ нимъ сдѣлалось головокруженіе и онѣменіе праваго бока (un mouvement vers la droite). „Это повторилось въ третій разъ съ тѣхъ поръ какъ я въ Парижѣ". записалъ онъ. Въ среду онъ занялся своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, которое не могъ привести къ концу, потому что безъ посторонней помощи не могъ отыскать нужныя бумаги. Однако вечеромъ того же дня былъ у исповѣди. Въ четвергъ онъ пріобщался Св. Таинъ и занимался дѣлами, а въ пятницу опять записалъ въ дневникѣ: „я чувствую какъ силы мои слабѣютъ, а предрасположеніе къ головокруженіямъ усиливается. Этими симптомами не слѣдуетъ пренебрегать".

Несмотря на упадокъ физическихъ силъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ сохранялъ живость ума и ясную память, какъ это доказываетъ его дневникъ, въ которомъ на цѣлыхъ страницахъ онъ излагалъ отчетливо имъ слышанное и имъ сказанное наканунѣ, или собственныя его мысли о лицахъ и событіяхъ. Но при укоренившемся въ немъ убѣжденіи о непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему министра иностранныхъ дѣлъ и при не согласномъ съ его политическими взглядами направленіи петербургскаго кабинета, которому онъ невольно дол-

женъ былъ подчиняться, онъ въ началѣ 1862 года принялъ твердое рѣшеніе выдти въ отставку по возвращеніи съ водъ, какъ вдругъ онъ получилъ два письма отъ князя Горчакова, въ которыхъ онъ, между прочимъ, увѣдомлялъ графа Павла Дмитріевича, что въ помощь ему посылается въ Парижъ Будбергъ. Графъ Киселевъ принялъ это за намекъ, что ему пора оставить мѣсто посла.

Письмо кн. Горчакова о присылкѣ въ Парижъ барона Будберга.

Это побудило графа Павла Дмитріевича поспѣшить исполненіемъ прежняго его рѣшенія о подачѣ въ отставку послѣ возвращенія съ водъ. „Въ теченіи двухъ дней" записано въ дневникѣ, „я кончилъ письмо Государю, просьбу въ военное министерство и весьма лаконическій отвѣтъ вице-канцлеру". Эти три бумаги посланы 15-го мая съ Н. Милютинымъ, отправлявшимся въ Петербургъ.

Письмо графа было слѣдующее:

„Всемилостивѣйшій Государь [1])!

Письмо гр. Киселева Государю.

„Принявъ съ покорностью, послѣ полувѣковаго служенія, назначеніе, указанное мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ прошломъ 1856 году, я болѣе надѣялся на усердіе, чѣмъ на силы, коими располагать могъ.

„Нынѣ приближается дряхлость, а съ нею опасеніе не быть уже въ состояніи выполнять служебныя обязанности съ тою ревностью и отчетливостью, которыя я считалъ всегда первымъ своимъ долгомъ.

„Въ такомъ положеніи мнѣ остается только всеподданнѣйше просить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, о назначеніи мнѣ преемника и о дозволеніи оставить вовсе службу, для поправленія утраченнаго здоровья, если это еще возможно въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ.

„Не чувствуя себя болѣе въ силахъ приносить дѣйствительную пользу на службѣ Вашего Величества, я буду въ послѣдніе дни жизни возсылать ко Всевышнему теплыя молитвы

---

[1]) Письмо это принадлежитъ къ числу немногихъ, писанныхъ по русски.

объ увѣнчаніи Вашихъ усилій къ преуспѣянію любезнаго отечества.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

графъ П. Киселевъ“.

Письмо графа кн. Горчакову.

Письмо князю Горчакову писано на французскомъ языкѣ:

„Господинъ Вице-Канцлеръ!

Въ отвѣтъ на письмо отъ 7-го мая, которымъ вы меня почтили, поспѣшаю поставить васъ въ извѣстность, что я съ благоговѣніемъ преклоняюсь предъ Высочайшею волею, которая объявлена мнѣ вашимъ сіятельствомъ, и дабы облегчить исполненіе указанныхъ вами распоряженій, безъ вреда для кого бы то ни было (sans dommage pour personne), почтительнѣйше представилъ, черезъ военное министерство, въ которомъ состою по своему военному чину, всеподданнѣйшее прошеніе объ увольненіи меня вовсе отъ службы.

„Достигнувши предѣла своей служебной дѣятельности, мнѣ остается лишь стать въ ряды инвалидовъ, своихъ сверстниковъ, предоставляя болѣе молодымъ, въ свою очередь, посвятить свою дѣятельность служенію нашему Августѣйшему Государю.

„Еслибы мнѣ дозволено было выразить желаніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ, въ которыхъ нахожусь, то я просилъ бы исходатайствовать мнѣ отпускъ на лѣтнее время, съ тѣмъ, чтобы только послѣ возвращенія въ Парижъ исполнить формальности врученія своихъ отзывныхъ грамотъ. Я нахожу это тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ теченіе лѣта не будутъ находиться въ Парижѣ ни императоръ, ни его министръ иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, рѣшеніе этого, совершенно второстепеннаго обстоятельства будетъ зависѣть вполнѣ отъ усмотрѣнія министерства.

„Имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и проч.“.

Оправданіе графа Киселева предъ самимъ собою.

„Быть можетъ скажутъ“, пишетъ графъ въ своемъ дневникѣ подъ 12-е мая, „что я погрѣшилъ въ этомъ случаѣ слишкомъ большою поспѣшностью и упрямствомъ; но кто возметъ на себя трудъ вникнуть глубже въ это дѣло, тотъ, ко-

нечно, оправдаетъ мою рѣшимость; это была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ".

Графъ Киселевъ писалъ своему брату 1 (13) мая [1]).

„Мое сожалѣніе только въ томъ состоитъ, что нѣсколько запоздалъ, и нынѣ мое увольненіе принимаетъ другой видъ и характеръ; мѣсяцъ тому, *я* оставлялъ мѣсто, теперь-же на оборотъ"; и далѣе: „жаль мнѣ, крайне жаль, что тебя здѣсь нѣтъ, ибо добрый совѣтъ всегда пригоденъ, а мнѣ нуженъ и не одинъ. Мнѣ желается ѣхать на первое время въ Баденъ, а потомъ возвратиться въ Парижъ для приуготовленія скромнаго, но удобнаго пріюта на зиму. Отстранясь вовсе отъ свѣтской суетной жизни, мнѣ остается, на подобіе *Piccolos* [2]), доживать послѣдніе годы въ тихомолку и я этого не страшусь, лишь-бы безъ хлопотъ цѣль эту достигнуть. Ты, любезный другъ, можешь судить по моему почерку о дряхлости, которая меня настигла, дивиться нечему, оно въ порядкѣ вещей, могло бы быть хуже. Н. Милютина вызываютъ повелительно въ Петербургъ для назначенія въ подпору Лидерсу; онъ сокрушается и отправляется завтрашняго дня съ надеждою вырваться изъ бѣды и возвратиться. Я сомнѣваюсь и скорблю объ немъ".

Письмо графа своему брату.

Н. А. Милютинъ, къ счастью случившійся въ это тяжелое для графа Павла Дмитріевича время въ Парижѣ, выѣхалъ въ Петербургъ 16-го мая 1862 г.; онъ повезъ письма графа Государю и князю Горчакову и самое прошеніе объ увольненіи отъ службы.

Баронъ Будбергъ пріѣхалъ въ Парижъ 27-го мая.

Пріѣздъ барона Будберга въ Парижъ.

„Я принялъ его", читаемъ въ дневникѣ, „какъ стараго знакомаго, не скрывая, впрочемъ, отъ него своего удивленія стоять лицомъ къ лицу съ чрезвычайнымъ посломъ, снабженнымъ, вѣроятно, инструкціями, содержаніе которыхъ было до сихъ поръ скрыто отъ меня. Г. Будбергъ замѣтилъ мнѣ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ стать судьею между мини-

[1]) Также и это письмо на русскомъ языкѣ и здѣсь приводится дословно.

[2]) Докторъ, бывшій при Павлѣ Дмитріевичѣ Киселевѣ въ Княжествахъ и доживавшій свой вѣкъ въ Парижѣ.

стромъ и посломъ и что онъ привезъ мнѣ программу своего разговора объ этомъ предметѣ съ княземъ Горчаковымъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Послѣ сего онъ спросилъ меня, соглашусь-ли я представить его министру иностранныхъ дѣлъ и позднѣе императору Наполеону, на что я отвѣтилъ, что прикажу написать объ этомъ къ Тувенелю".

Нельзя не замѣтить, что одновременно съ командировкою въ Парижъ барона Будберга, былъ переведенъ прусскимъ посломъ въ Парижъ, изъ Петербурга, князь Бисмаркъ, который, однако, вскорѣ (въ сентябрѣ 1862 года) былъ назначенъ министромъ президентомъ въ Берлинѣ.

Отвѣтныя письма Государя и кн. Горчакова.

Баронъ Будбергъ представлялся императору Наполеону 3-го іюня, а наканунѣ этого дня пріѣхавшій въ Парижъ сынъ князя Горчакова привезъ отвѣтныя письма Государя Императора и князя Горчакова.

„Князь Михаилъ Горчаковъ, сынъ министра", записано въ дневникѣ, „привезъ мнѣ собственноручное письмо Государя и письмо отъ своего отца. Императоръ увольняетъ меня отъ должности посла, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта, въ которомъ я состою, какъ сказано въ письмѣ, со времени царствованія Императора Александра I-го".

Графъ Павелъ Дмитріевичъ отвѣтнымъ письмомъ князя Горчакова не былъ доволенъ, главное, что „онъ", какъ записано въ дневникѣ, „не щадитъ любезностей, которыми осыпаетъ мою, „достопочтенную, многолѣтнюю службу государству", умалчивая притомъ совершенно о моей дѣятельности въ качествѣ посла, каковую службу, въ теченіе шести лѣтъ, я исполнялъ, какъ мнится мнѣ, надлежащимъ образомъ".

Графъ Киселевъ на аудіенціи у Наполеона.

Графъ Киселевъ 8-го іюня представлялся императору Наполеону для доклада, что оставляетъ постъ посла и для принесенія благодарности за всѣ любезности и вниманіе императора, которыми, въ теченіе шести лѣтъ, онъ постоянно пользовался.

„Выразивъ сожалѣніе о такомъ внезапномъ рѣшеніи моемъ, какъ отъ имени своего, такъ и отъ имени императрицы, онъ

спросилъ меня о причинѣ? Меня побудила къ тому преклонность моихъ лѣтъ, отвѣчалъ я, и я полагаю, что хорошо сдѣлалъ и проч.

„Императоръ заговорилъ со мною о мѣрахъ, принятыхъ у насъ въ отношеніи Польши; онъ ожидаетъ отъ нихъ самыхъ лучшихъ послѣдствій; хвалилъ Великаго Князя Константина Николаевича, за которымъ признаетъ умъ и способность управлять сообразно видамъ Государя. По поводу какой-то журнальной статьи, въ которой описывалось какъ въ Варшавѣ обрили и высѣкли одну женщину, онъ говорилъ о необходимости легальности въ наше время. Жаловался на вестминстерскій кабинетъ, который находитъ для себя полезнымъ создавать замѣшательства въ Мексикѣ. Порицалъ поведеніе Испанцевъ и ихъ правительство, которое всегда находится подъ постороннимъ вліяніемъ. Говорилъ о сестрѣ *Patrocinio*, которая была прежде любовницею короля, а теперь признается чуть не святою и королева постоянно совѣщается съ нею. За симъ онъ обратился къ Греціи; осуждалъ короля (Оттона), который себя и весь баварскій королевскій домъ лишилъ народной любви, и, наконецъ, спросилъ меня: не слыхалъ ли я, что Греки предлагаютъ кандидатуру въ свои короли герцогу Лейхтенбергскому? Я отвѣчалъ, что не только Греки, но и Румыны ставятъ его своимъ кандидатомъ; но объ этомъ я не получалъ никакого оффиціальнаго извѣщенія, за исключеніемъ лишь того, что въ 1857 году, во время конференціи въ Парижѣ, мнѣ дано было знать, чтобъ, въ случаѣ какихъ либо предложеній въ пользу герцога Лейхтенбергскаго, я таковыя отклонилъ. Въ заключеніе императоръ вспомнилъ наши добрыя отношенія и выражалъ сожалѣніе, что я оставляю должность. На это я поспѣшилъ отвѣчать, что я увѣренъ, что баронъ Будбергъ, который по всему вѣроятію заступитъ мое мѣсто, будетъ продолжателемъ установившагося между нами добраго согласія; что же касается до меня, прибавилъ я, то я этимъ обязанъ лично вашему величеству и правительству вашему. Императоръ простился со мною чрезвычайно любезно отъ имени своего и императрицы“.

Графъ Киселевъ продолжаетъ заниматься политическими дѣлами.

Несмотря на прибытіе барона Будберга, графъ занимался еще политическими дѣлами.

Подъ 19 мая въ дневникѣ записано: „Былъ у Тувенеля для объясненія по дѣламъ: о куполѣ, о мнимомъ армянскомъ князѣ, о Черногоріи, о Римѣ и Мексикѣ“.

Вниманіе императрицы поглощено мексиканскою экспедиціею.

Въ тотъ же день онъ былъ на балѣ въ Тюльери и записалъ въ дневникѣ: „обмѣнявшись нѣсколькими словами съ императоромъ, который подошелъ ко мнѣ, я не могъ привѣтствовать императрицу; занятая мексиканскою экспедиціею, которую она, какъ говорятъ, вызвала и поддерживаетъ въ интересахъ католичества, она забыла, разговаривая съ Муро, о своемъ балѣ и своихъ гостяхъ. Я дожидался аудіенціи до $11^1/_2$ ч. и удалился, не будучи въ состояніи выдерживать долѣе усталость и жаръ. Этою привиллегіею, данною мнѣ въ Компіэнѣ, я уже пользовался нѣсколько разъ. Нынѣшній разъ это принужденное удаленіе навело меня на мысль о томъ, что̀ мнѣ остается дѣлать, чтобы избѣжать неудобствъ немощи?“

Посѣщеніе египетскаго вице-короля.

22-го мая Киселевъ былъ съ визитомъ у египетскаго вице-короля (Мегемедъ-Саида) и разговоръ съ нимъ передалъ министерству въ особой депешѣ.

Настоянія объ отозваніи изъ Варшавы французскаго консула Сегюра.

„Сегодня утромъ“, записалъ графъ Павелъ Дмитріевичъ 17-го іюня, „баронъ Будбергъ и его зять Убри пришли ко мнѣ и стали увѣрять, что по важности дѣла, — ходатайства объ отозваніи изъ Варшавы французскаго консула Сегюра,— необходимо ѣхать мнѣ лично для объясненія съ Тувенелемъ; они утверждали, что если не поѣду я, то чрезвычайное дѣло это можетъ не удасться. Хотя мнѣ очень не хотѣлось отступить отъ своего рѣшенія и рисковать передъ самимъ завершеніемъ своего дипломатическаго поприща, въ случаѣ отказа потерпѣть неудачу, однако же, въ виду государственнаго интереса, я поѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ. Тувенель обѣщалъ мнѣ представить объ этомъ императору и черезъ день я получилъ увѣдомленіе, что императоръ согласился съ моими доводами и что Сегюръ будетъ отозванъ изъ Варшавы“.

Графъ отклоняетъ предложеніе Джона Росселя о занятіи Бѣлграда Австрійцами.

18-го іюня Тувенель извѣстилъ Киселева, краткою запискою, что Джонъ Россель предложилъ французскому каби-

нету занять Бѣлградъ австрійскимъ гарнизономъ. „Я, съ своей стороны“, записано у графа, „отклонилъ это коварное предложеніе Англіи и дѣло на томъ и кончилось“.

Объясненіе съ нунціемъ.

Въ началѣ іюля у графа Павла Дмитріевича было продолжительное объясненіе съ нунціемъ, который заѣхалъ къ нему спросить, утверждено ли Россіей окончательно признаніе итальянскаго королевства? „На мои слова, что я это знаю по частнымъ письмамъ, но оффиціально ничего еще не получилъ, но что признаніе послѣдуетъ ранѣе или позже,—нунцій отвѣчалъ: это значитъ, что Россія отклонилась отъ консервативныхъ началъ, которыя она всегда поддерживала, и что это огорчитъ св. отца, терпящаго уже жестокія испытанія отъ нынѣшнихъ событій и пр. Я старался объяснить ему, что Россія не можетъ и не хочетъ болѣе устроивать чужія дѣла, жертвуя своими; что она дѣлала это слишкомъ долго и получала въ возмездіе неблагодарность однихъ и непріязнь другихъ; что справедливость требуетъ подумать ей о собственныхъ интересахъ, ставя ихъ на первый планъ; что это правило не новое: Англія никогда не отступала отъ него и что, съ моей точки зрѣнія, я желаю и надѣюсь, что Россія впредь будетъ поступать такъ же. Этотъ разговоръ навелъ насъ на Ватиканъ и на *Non possumus*, къ которому его высокопреосвященство постоянно возвращался и которое я старался, сколько могъ, опровергать, не прибѣгая, однако, къ слишкомъ рѣзкимъ доказательствамъ, которыя онъ не могъ бы и не захотѣлъ понимать. Въ теченіи этого разговора нунцій далъ мнѣ почувствовать, что мы признали итальянское королевство изъ угожденія Франціи; я не старался его разувѣрить“.

Покушеніе на жизнь Лидерса въ Варшавѣ. Разсужденія по этому случаю гр. Киселева о Польшѣ.

27-го іюня графъ получилъ извѣстіе о покушеніи въ Варшавѣ на жизнь Лидерса, на мѣсто котораго уже былъ назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. „Покушеніе это“, записано въ дневникѣ графа, „не можетъ быть объяснено иначе, какъ дѣйствіемъ тайнаго общества, у которыхъ пароль (mot d'ordre) *устрашеніе*. Лидерсъ человѣкъ спокойный, тихаго нрава, и который ничего не сдѣлалъ противъ Поляковъ. Къ чему же это убійство? объяснить его иначе

нельзя, какъ допустивши, что революціонная партія хочетъ прежде всего поддерживать волненіе въ умахъ и вызывать строгости со стороны правительства, которыя затѣмъ обращались бы въ пользу заговора.

„Юная Польша, послѣ вѣковой борьбы двухъ отраслей великой славянской семьи, хочетъ возвратить себѣ, подъ видомъ новаго начала *національностей,* то, что она потеряла чрезъ свою политическую невоздержность (intempérence politique), которую аристократія развивала исключительно въ своихъ частныхъ видахъ. Нерасположеніе народа къ аристократіи было естественнымъ послѣдствіемъ. Всѣ усилія тайныхъ обществъ на необразованную массу крестьянъ не могли поколебать ея инстинктивнаго недовѣрія къ привиллегированнымъ утѣснителямъ (oppresseurs privilégiés). Сельское населеніе осталось глухимъ къ призванію революціонныхъ корифеевъ; тогда они думали привлечь народъ развитіемъ религіозныхъ церемоній, въ чемъ имъ сильно помогали католическое духовенство и дворянство городское и сельское. И это средство оказалось тоже безуспѣшнымъ. Тогда отцы католической церкви стали вызывать всѣми способами столкновеніе между военною силою и горожанами, которые служили главными помощниками бунтовщикамъ. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя доходили до меня, наши войска выказывали удивительное спокойствіе и терпѣніе; справедливость имъ была отдаваема.

„Революціонная печать не говорила правды, но ложь ея уменьшалась за недостаткомъ матеріаловъ. Вотъ положеніе Поляковъ въ отношеніи возстановленія ихъ монархіи: они стараются достигнуть его подпольными работами тайныхъ обществъ, возстаніями, убійствами, ложью всякаго рода и въ особенности поддерживая волненія въ ожиданіи общей войны, которая, безъ сомнѣнія, можетъ сулить имъ успѣхъ.

„Надо сознаться, что революціонный духъ времени ихъ ободряетъ и увлекаетъ въ предпріятія самыя опасныя; что великія державы ревнуютъ другъ друга; что въ ихъ укротительныхъ мѣрахъ нѣтъ единства; что будущее угрожаетъ, и

что надо ожидать политическихъ переворотовъ, которыхъ, вѣроятно, нельзя будетъ ни предотвратить, ни ослабить.

„Панацея, къ которой прибѣгнутъ, будетъ *собраніе конгресса* въ родѣ вѣнскаго. Дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ утвердить миръ и порядокъ въ мірѣ; что до меня касается, то я сомнѣваюсь".

Почему графъ Павелъ Дмитріевичъ не отвѣчалъ Наполеону на его намекъ о конгрессѣ.

„Императоръ Наполеонъ, во время моей у него аудіенціи 8-го іюля, коснулся *конгресса;* но какъ онъ уже говорилъ объ этомъ съ барономъ Будбергомъ 3-го іюля, то я не считалъ себя обязаннымъ распространяться объ этомъ предметѣ, который, вѣроятно, былъ ничто иное, какъ *пробный шаръ* (ballon d'essai), чтобы имѣть новый доводъ противъ оппозиціи Тувенеля; мысли о конгрессѣ я не могъ ни поддерживать, ни опровергать, въ виду чрезвычайнаго посланника, удостоеннаго довѣріемъ нашего Государя и вѣрнымъ органомъ всѣхъ Его мыслей".

„Не надо терять изъ вида, что на мое предложеніе приготовить програму о соглашеніи съ Франціею на счетъ восточнаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, если представится случай, окончательно приступить къ редакціи *указанія статей (des titres de Chapitre),* прерванной неумѣстною щекотливостію Тувенеля, я получилъ отвѣтъ, что Государь не желаетъ, чтобы я взялъ на себя *инициативу* въ этомъ дѣлѣ".

Покушеніе на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича.

4-го іюля графъ получилъ телеграмму о покушеніи на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича, только-что пріѣхавшаго наканунѣ (2-го іюля) съ Августѣйшимъ семействомъ въ Варшаву. „Покушеніе это", записалъ графъ, „есть дикій поступокъ, который объясняется тѣмъ же, какъ и покушеніе на жизнь Лидерса. *Устрашеніе,* пароль секретныхъ обществъ, скоро сдѣлается тѣмъ же у всѣхъ передовыхъ партій. Великій Князь явился съ оливковою вѣтвію въ рукахъ, ему отвѣчали пущенною въ него пулею".

Отъѣздъ графа въ Баденъ.

Утромъ 10-го іюля графъ Павелъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Парижа и въ тотъ же день пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ нашелъ многихъ знакомыхъ Русскихъ, и, по совѣту доктора Гурге, началъ курсъ леченія.

Представленіе Великому Князю Михаилу Николаевичу и Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

23-го іюля онъ представлялся прибывшему въ Баденъ Великому Князю Михаилу Николаевичу и Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

Великая Княгиня разговаривала съ гр. Киселевымъ о Россіи, о Петербургѣ, о печальныхъ событіяхъ послѣдняго времени, о ея предположеніи путешествовать въ Англію для здоровья и о возвращеніи въ Россію.

Съ Великимъ Княземъ онъ обмѣнялся только нѣсколькими словами.

Встрѣча Великой Княгини Елены Павловны.

Въ тотъ же день графъ встрѣтилъ прибывшую въ Баденъ Великую Княгиню Елену Павловну. Свиту Ея Высочества составляли: баронесса Раденъ, баронъ Розенъ, докторъ Арнетъ и 5 служителей.

Характеристика Великой Княгини.

12-го августа, проведя вечеръ у Великой Княгини Елены Павловны, графъ Киселевъ пишетъ: „эта женщина съ обширнымъ умомъ и превосходнымъ сердцемъ, на ея дружбу вполнѣ можно положиться, если она разъ удостоитъ ея. Воспитанная подъ надзоромъ Кювье, друга ея отца (принца Павла Виртембергскаго), она сохранила воспоминаніе о всемъ, что видѣла и слышала въ своей молодости. Выданная весьма молодою замужъ, она не переставала изучать науки и быть въ сношеніяхъ съ знаменитостями, которые пріѣзжали въ Петербургъ, или которыхъ она встрѣчала во время своихъ путешествій за-границею или внутри Россіи. Разговоръ ея съ людьми, сколько-нибудь замѣчательными, никогда не былъ пустымъ или вздорнымъ; она обращалась къ нимъ съ вопросами, полными ума и приличія, вопросами, которые просвѣщали ее и льстили ея собесѣднику. Всѣ, послѣ аудіенціи у нея, удивлялись ея познаніямъ и подробностямъ, которыя она хотѣла знать. Однажды архіепископъ херсонскій Иннокентій, послѣ аудіенціи у Великой Княгини, заѣхалъ ко мнѣ и говорилъ мнѣ, „что онъ былъ удивленъ и почти униженъ признаніемъ, что Великая Княгиня болѣе, нежели онъ самъ, знала исторію и основанія нашего православія. Она спрашивала меня о нѣкоторыхъ неясностяхъ, которыя она хотѣла разъяснить себѣ. Я былъ захваченъ въ расплохъ, и чтобы не ввести ее въ за-

блужденія, я признался ей въ этомъ и просилъ дозволенія справиться и чрезъ нѣсколько дней представить ей категорическій отвѣтъ".—Мудрецъ справедливо сказалъ, „что мы положительно знаемъ только то, что ничего не знаемъ". Этотъ епископъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, отецъ церкви, уважаемый за свои богословскія познанія, съ достойною уваженія откровенностію сознался, что просвѣщенный умъ молодой любознательной женщины далъ ему почувствовать недостатокъ его познаній. Этотъ примѣръ, въ числѣ многихъ другихъ, доказываетъ способность Великой Княгини освоиваться со всѣмъ, что ей казалось полезнымъ знать. Сегодня она спрашиваетъ епископа, завтра будетъ дѣлать тоже съ агрономомъ, или съ другимъ спеціалистомъ, чтобы узнать или дополнить то, что она знаетъ поверхностно. Императоръ Николай мнѣ говорилъ однажды: „Елена—это ученый (savant) нашего семейства; я къ ней отсылаю европейскихъ путешественниковъ; въ послѣдній разъ это былъ Кюстинъ, который завелъ со Мною разговоръ объ исторіи православной церкви; Я тотчасъ отправилъ его къ Еленѣ, которая разскажетъ ему болѣе, чѣмъ онъ самъ знаетъ; притомъ же Я не хотѣлъ продолжать разговоръ съ человѣкомъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ и который, конечно, напечатаетъ, по своему, отчетъ объ этомъ разговорѣ".

„У Великой Княгини много противниковъ въ петербургскомъ обществѣ. Причина тому—превосходство ея ума и ея обращенія, въ которомъ она не допускаетъ излишней фамиліарности. Она поддерживаетъ свое достоинство безъ всякой натянутости (Elle garde son rang sans roideur aucune), но съ глубокимъ сознаніемъ долга, который возлагаетъ на нее ея положеніе и который она обязана исполнять.

„Великая Княгиня издерживаетъ свои доходы широко и щедро. Дворъ ея устроенъ во всѣхъ подробностяхъ по-царски. Вечера и обѣды, которые она даетъ, не оставляютъ ничего желать въ отношеніи устройства и даже иногда роскоши. Приглашаемые не всегда принадлежатъ къ высшимъ слоямъ общества;—въ этихъ приглашеніяхъ принимаются во вниманіе личныя достоинства. Это порицается тѣми, которые ставятъ

чинъ на первомъ планѣ, и которые возмущаются противъ всякаго либеральнаго поступка, какъ бы онъ ни былъ уменъ и великодушенъ; это болѣзнь общая всѣмъ дворамъ, гдѣ преданіе составляетъ законъ. Время и необходимость сообразоваться съ его духомъ есть лучшее средство преобразованія общества; ускорять его — неблагоразумно; не сознавать его было бы нелѣпо. Великая Княгиня умѣла доселѣ избѣгать этихъ двухъ крайностей; желательно, чтобъ это и продолжалось.

„Что касается до ея издержекъ на общеполезныя дѣла, то она дѣлаетъ болѣе, нежели сколько требуетъ строгая предусмотрительность. Ея школы для дѣтей, домы призрѣнія бѣдныхъ вдовъ, приготовленіе повивальныхъ бабокъ и другія благотворительныя учрежденія, въ особенности учрежденіе и содержаніе сестеръ милосердія, стоятъ весьма значительныхъ суммъ и обязываютъ ее дѣлать значительныя жертвы, на что она никогда не жалуется, и которыхъ публика не знаетъ. Въ послѣднее время Великая Княгиня очень много содѣйствовала къ учрежденію въ Петербургѣ музыкальной консерваторіи, на подобіе парижской, и это сверхъ вспомоществованій и пенсій, раздаваемыхъ ею изъ своего бюджета, въ которомъ расходы уравновѣшиваются сокращеніемъ ея личныхъ издержекъ.

„Я могъ бы указать еще на многіе подобные поступки, дѣлающіе ей честь, но я воздерживаюсь въ увѣренности, что они сдѣлаются извѣстными и что справедливость будетъ ей отдана не только ея друзьями, но и массою равнодушныхъ, которые слушаютъ разсказы, не давая себѣ труда исправлять ошибки и открывать истину. Когда узнаютъ ея жизнь и дѣла, то должны будутъ оцѣнить ее, какъ она заслуживаетъ, и убѣдиться, что качества ея сердца равны ея уму, въ которомъ никто не сомнѣвается“.

Представленіе прусской королевѣ.

Въ августѣ въ Баденъ пріѣхала прусская королева, нынѣ германская императрица. Графъ Павелъ Дмитріевичъ представлялся ей 19-го августа, и записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Королева говорила въ милостивыхъ выраженіяхъ

о моемъ рѣшеніи оставить мой постъ, и что послѣ положенія, которое я занималъ въ Парижѣ, моему преемнику трудно будетъ поддерживать его; на мой отвѣтъ она возразила, что для посла мало умѣть только писать свои депеши; надо имѣть личность (personnalité), которая не всякому дается. Берлинъ не Парижъ; въ настоящее время надо быть внимательнымъ въ выборѣ представителя; я вамъ говорю искренно, что ваше удаленіе меня огорчаетъ. Не называя моего преемника, она такъ хорошо обрисовала его, что я не могъ ошибиться о комъ идетъ рѣчь; но я тоже не произносилъ его имени".

Нѣсколько дней спустя, сама королева пожелала видѣть гр. Киселева, и пригласила его къ себѣ на 28 августа въ 3 ч. Вторичное свиданіе съ королевою.

„Это приглашеніе", пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, „я принялъ за прощальную аудіенцію; но я ошибся: съ первыхъ ея словъ я понялъ, что это будетъ разговоръ о политическомъ положеніи Европы, которое не безъ причины занимало ея величество.

„Бросимъ взглядъ", сказала она, между прочимъ, „на общее положеніе дѣлъ. Для Россіи—это Польша и восточный вопросъ; что вы думаете объ этомъ?" Отвѣчать было не легко нѣсколькими словами; но какъ всегда должно отвѣчать властителямъ, то я позволилъ себѣ сказать королевѣ, что вѣнскій конгрессъ привязалъ къ намъ огромную тяжесть (Le congrés de Vienne nous avait attaché un lourd boulet) въ замѣнъ услугъ, оказанныхъ Россіею Европѣ въ войнѣ 1812 года. Теперь хотятъ преобразовать Царство на новыхъ основаніяхъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени и его требованіямъ; но можно опасаться, что лучшія учрежденія будутъ разрушены мятежнымъ духомъ привиллегированной части націи, духомъ, который вызвалъ раздѣленіе страны, и воспрепятствуетъ приготовляемымъ реформамъ.

„Здѣсь я вошелъ въ нѣкоторыя подробности о первоначальной организаціи Польши, объ ея полувоенномъ дворянствѣ, которое было орудіемъ для честолюбія высшей аристократіи, а избирательный тронъ былъ ставкою (enjeu) для бо-

лѣе рѣшительныхъ и болѣе богатыхъ. Это сохранилось въ характерѣ массы шляхты-дворянчиковъ (hаbегеаux), которые составляютъ обыкновенный контингентъ всѣхъ шумныхъ и безпорядочныхъ собраній въ Польшѣ. Я говорилъ о мудрой мѣрѣ, предпринятой въ Пруссіи отцомъ короля, и именно о покупкѣ имѣній въ герцогствѣ Познанскомъ Пруссаками; покупка эта была остановлена въ слѣдующее царствованіе къ ущербу важной политической мѣры, съ помощію которой былъ бы уничтоженъ революціонный духъ въ этой части прусской монархіи, и, я думалъ прибавить, окончитъ въ отношеніи къ Пруссіи прискорбныя послѣдствія раздѣла Польши.

„Что касается до восточнаго вопроса, то онъ можетъ возникнуть съ минуты на минуту, и можетъ оставаться долгіе годы, не поднимаясь; во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ разрѣшиться безъ общей войны, которая опредѣлитъ политическое положеніе и союзы лучше, чѣмъ теперь это могутъ сдѣлать.

„Этотъ разговоръ продолжался болѣе часу. Королева говоритъ очень хорошо и обо всемъ, когда не хочетъ напирать на мнимое свое незнаніе политическихъ дѣлъ, о которыхъ она говоритъ безпрестанно и которыя занимаютъ ее исключительно.

„Она заговорила о желаемыхъ для Пруссіи союзахъ, спросивъ объ этомъ мое мнѣніе; предложеніе это мнѣ показалось довольно страннымъ, но чтобъ не опустить вдругъ моего забрала, я указалъ на мнѣніе, которое существуетъ во Франціи и которое имѣетъ свое основаніе. *Коммерческій союзъ*, говорятъ тамъ, *долженъ привести къ союзу политическому*, и я, съ своей стороны, на это рѣшился бы, чтобы не уступать Англіи и Австріи, которыя въ восточномъ вопросѣ соединятся противъ насъ, но какъ такая случайность останется, я надѣюсь, еще на долгое время въ состояніи теоріи, то теперь не зачѣмъ заниматься этимъ предметомъ.

„Королева опять возвратилась къ министерскимъ способностямъ. Она спросила меня какъ дѣлаетъ императоръ Наполеонъ, чтоб имѣть въ своемъ распоряженіи способныхъ людей? Я отвѣ-

чалъ, что эти господа не такъ способны, какими предполагаются издали. Это адвокаты, законники, которые большею частію говорятъ хорошо; но что касается до политическихъ дѣлъ, то ихъ ведетъ самъ императоръ, всегда умно, но часто и рискованно (d'une manière avantureuse). Его главное качество — знаніе цѣли, которой онъ хочетъ достигнуть; онъ преслѣдуетъ ее съ найстойчивостію, но безъ упрямства. Онъ останавливается или отступаетъ, если видитъ, что сдѣлалъ невѣрный шагъ. При Сольферино, противъ мнѣнія своихъ военныхъ совѣтниковъ, онъ предложилъ и заключилъ перемиріе. Онъ неупрямился поддерживать его федеративный трактатъ для политическаго переустройства Италіи. Въ дѣлѣ генерала Монтобана, несмотря, что оно касалось его достоинства, онъ уступилъ предъ оппозиціею законодательнаго корпуса и общественнаго мнѣнія, которыя были противъ его декрета. Онъ дѣлаетъ ошибки *по увлеченію* (entrainement) и вступаетъ на желаемый путь *по размышленію* (il rentre dans la voie voulue par réflexion). Въ этомъ его сила и его обаяніе".

Посѣщеніе графа Русскими.

Въ Баденѣ графа Павла Дмитріевича посѣщали многіе изъ пріѣзжавшихъ туда Русскихъ и сообщали ему свѣдѣнія о событіяхъ въ отечествѣ, или свои на нихъ взгляды. Графъ живо интересовался всѣмъ, что происходило въ Россіи, и потому болѣе замѣчательные разговоры съ соотечественниками записывалъ въ свой дневникъ.

Разговоръ съ кн. Ал. Г. объ освобожденіи крестьянъ.

„Меня посѣтилъ князь Ал. Г." пишетъ графъ подъ 26-мъ іюля, „котораго я зналъ только по имени; я его слушалъ какъ отголосокъ того, что говорится въ Москвѣ объ освобожденіи крестьянъ. Онъ не отвергаетъ необходимости и даже пользы этой мѣры, но съ большою живостію порицаетъ грабежъ (spoliation) собственности, которая, по его мнѣнію, потрясена въ основаніяхъ отдачей помѣщичьей земли крестьянамъ, у которыхъ она доселѣ была только въ пользованіи. Въ Англіи, говорилъ онъ, крестьяне свободны, но земля принадлежитъ помѣщикамъ, и никто не жалуется; у насъ наоборотъ—всѣ жалуются и никто не доволенъ. Эта мѣра произвольная или революціонная; она еще не кончена; она еще вспы-

ваетъ, подъ разными видами, и породитъ угрожающія трудности въ будущемъ, и пр., и пр.

„Я отвѣчалъ, что наша исторія—не исторія Англіи, что освобожденіе 25-ти милліоновъ крѣпостныхъ не должно было создать 25 м. пролетаріевъ и подвергнуть Имперію неизбѣжнымъ потрясеніямъ; что Ирландія представляетъ ясное тому доказательство, и что назначеніе земель крестьянамъ за выкупъ, не есть — *грабежъ*; что это не болѣе какъ отчужденіе для общественной пользы, какъ это дѣлалось во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ; что, сверхъ того, освобожденіе крестьянъ было *политическимъ* актомъ великой важности, что оно могло быть сдѣлано только верховною властію, которая, по нашимъ законамъ, заключается въ лицѣ Государя. Сверхъ того, верховная власть рѣшила, выслушавъ мнѣніе Государственнаго Совѣта. Такой ходъ дѣла былъ совершенно законнымъ и даже болѣе,—совершенно справедливымъ“.

Разговоръ М. Н. Муравьева.

27-го іюля зашелъ къ Павлу Дмитріевичу М. Н. Муравьевъ, преемникъ его въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, чтобы поговорить о своемъ управленіи. „Онъ началъ съ того“ записано въ дневникѣ графа, „что щедрою рукою разсыпалъ цвѣты на мое управленіе, и кончилъ тѣмъ, что признавалъ полезнымъ и хорошимъ только то, что сдѣлано имъ. Я оставилъ его говорить и спокойно слушалъ его хвастовство. Мнѣ хотѣлось бы ему сказать какъ Тиберій: *Varus* отдай мнѣ 16 м. р., которые я оставилъ въ мірскихъ кассахъ, и которыхъ тамъ, какъ мнѣ говорятъ, уже болѣе нѣтъ. Онъ мнѣ далъ понять, что онъ очистилъ личный составъ министерства, и что это ему совершенно удалось“.

Посѣщеніе графа З-мъ и его сообщеніе о министерствѣ государственныхъ имуществъ.

И вслѣдъ затѣмъ графъ пишетъ: „29-го іюня А. П. З-ій, котораго я всегда уважалъ и любилъ, пріѣхалъ изъ Франкфурта нарочно съ дружескимъ ко мнѣ визитомъ. Онъ оставался со мною 2 дня. Великая Княгиня, всегда благосклонная ко мнѣ, въ оба дня обоихъ насъ приглашала къ своему столу. Вечеръ З-ій провелъ у меня и разсказалъ мнѣ о многихъ событіяхъ, которыхъ я не зналъ, или которыя зналъ только поверхностно. Я долженъ при этомъ сказать, что взаимная

симпатія успокоиваетъ умъ и сердце; и счастіе если находишься и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, на дружбу котораго можешь разсчитывать".

Наконецъ, вотъ еще разсказъ графа о разговорѣ съ одною изъ соотечественницъ о нашей политикѣ по восточнымъ дѣламъ. „Во время сегодняшней прогулки (25-го іюля) въ старый замокъ, графиня Б.... объяснила мнѣ свой взглядъ на восточную политику. Это безтолковое смѣшеніе добрыхъ, религіозныхъ и патріотическихъ желаній, съ полнымъ незнаніемъ возможнаго въ политикѣ. Надо сдѣлать *то* и *это* въ пользу нашихъ единовѣрцевъ. Я отвѣчалъ, что желать этого— нѣтъ ничего лучше, но сдѣлать — другое дѣло, это значитъ воевать.—Чтожъ? отвѣчала она, русскій народъ не откажется, если умѣючи за него взяться. Соединившись съ Франціею, мы будемъ имѣть успѣхъ. — Противъ Турціи—да, но противъ Англіи и Австріи? Допустивши даже откровенное содѣйствіе Франціи, до сихъ поръ, впрочемъ, очень сомнительное, мы возбудимъ всеобщую войну, которая можетъ обратиться во вредъ Россіи.— Вы видите все въ черномъ, возразила мнѣ пылкая собесѣдница; нѣсколько доброй воли, и мы, съ помощію Божіею, достигли бы нашей цѣли. — Она мнѣ по секрету сообщила объ одной подпискѣ, открытой нѣкоторыми благотворительными лицами, которая покрылась крестами (вмѣсто подписей) съ нѣсколькими копѣйками. Трогательно видѣть это усердіе нашихъ добрыхъ православныхъ, и т. д. Это она разсказала мнѣ для того, чтобы доказать, что народъ — за священную войну, которую надо вести, надѣясь на Бога. Это истощило мое терпѣніе, и я былъ радъ, что конецъ нашей прогулки далъ мнѣ возможность не возражать противъ глупостей".

Разговоръ съ графинею Б... о восточной политикѣ.

Графъ Киселевъ оставался въ Баденъ-Баденѣ до 2-го сентября и отправился въ тотъ день въ Рагацъ, куда пріѣхалъ на другой день, и нашелъ тамъ уже Великую Княгиню Елену Павловну съ ея свитою, къ которой присоединились еще Озеровъ и Титовъ. На другой день онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и нѣсколько дней оставался у себя. Въ это время

Отъѣздъ графа изъ Бадена въ Рагацъ.

Посѣщеніе Киселева Великою Княгинею Ольгою Николаевною и Ея супругомъ.

его больнаго посѣтили Великая Княгиня Ольга Николаевна и Ея супругъ. Объ этомъ посѣщеніи въ дневникѣ подъ 5 сентября записано: „Говорили о современныхъ политическихъ дѣлахъ, ни слова обо мнѣ и о моей отставкѣ, что имъ было очень хорошо извѣстно по письмамъ изъ Петербурга. Ихъ недовѣріе къ политикѣ Наполеона прежнее“.

Записка З-го о нашихъ западныхъ губерніяхъ.

Во время пребыванія въ Рагацѣ, графъ Павелъ Дмитріевичъ читалъ, между прочимъ, двѣ записки, вѣроятно сообщенныя ему Великою Княгинею: кн. Черкасскаго о земскихъ собраніяхъ и З-го о западныхъ губерніяхъ. О послѣдней запискѣ въ дневникѣ подъ 13 сентября записано:

„Читалъ записку З-го о западныхъ нашихъ провинціяхъ. Она заключаетъ въ себѣ справедливыя мысли, которыя я отмѣтилъ въ моемъ дневникѣ; онѣ схожи съ моими, которыя я изложилъ въ моей запискѣ, посланной князю Горчакову въ маѣ 1861 года, для представленія на Высочайшее усмотрѣніе. Я получилъ тогда благодарность отъ имени Государя, и далѣе я ничего объ ней не слыхалъ *(Fais ce que dois, advienne ce qui pourra)*. Содержаніе записки З-го: въ западныхъ губерніяхъ возстановить старинныя братства при православныхъ церквахъ; дать имъ право избранія своихъ священниковъ; допустить заемъ для постройки приходскихъ православныхъ церквей, безъ прямаго вмѣшательства чиновниковъ отъ правительства. Улучшить содержаніе православнаго духовенства, опредѣливъ жалованье не менѣе того, что получаютъ католическіе духовные; даровать права священникамъ избирать своихъ благочинныхъ. Уменьшить составъ причтовъ при сельскихъ церквахъ; принимать въ семинаристы изъ всѣхъ сословій. Уважать мѣстные обычаи. Распространять элементарныя училища, допустивъ преподаваніе на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Издавать книги для чтенія народа, въ особенности Новый Завѣтъ. Говорить проповѣди на мѣстномъ нарѣчіи. Укротить надменность въ обхожденіи высшаго духовенства съ низшимъ, въ особенности съ сельскимъ. Ускорить выкупъ крестьянами земель. Сознаться, на-

конецъ, что нравственное вліяніе сильнѣе и дѣйствительнѣе полицейскихъ мѣропріятій".

Отъѣздъ изъ Рагаца.

16-го сентября графъ оставилъ Рагацъ; Великая Княгиня въ своемъ экипажѣ довезла его до станціи желѣзной дороги, куда послѣдовала также и вся ея свита. „Я съ грустію разстался съ ними", записалъ Павелъ Дмитріевичъ въ своемъ дневникѣ: „двѣ недѣли, проведенныя мною въ Рагацѣ, меня окружали постоянно благоволеніе и вниманіе Великой Княгини и ея свиты; я сохраню объ нихъ навсегда благодарное и искреннее воспоминаніе".

Возвращеніе въ Парижъ.

18-го сентября Киселевъ возвратился въ Парижъ и на другой день уже былъ съ визитомъ у Тувенеля.

Тувенель у Киселева о протестѣ Горчакова по дѣламъ Черногоріи.

27-го сентября Тувенель зашелъ къ графу отдать визитъ. „Убри просилъ меня", записано въ дневникѣ, „призвать его, когда у меня будетъ Тувенель, для объясненія съ нимъ о несогласіи, возникшемъ между двумя кабинетами по поводу протеста князя Горчакова о дѣлахъ Черногоріи,—протеста, котораго Тувенель не хотѣлъ поддерживать отъ имени Франціи. Я исполнилъ желаніе Убри, но не принималъ никакого участія въ разговорѣ между министромъ и акредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

„Тувенель не одобрялъ протеста и не хотѣлъ къ нему присоединиться. Двѣ великія державы, говорилъ онъ, должны быть готовы къ войнѣ, если ихъ протестъ останется безъ дѣйствія; кн. Горчаковъ готовъ-ли къ этому? Что касается до насъ, сказалъ французскій министръ, мы не готовы и не расположены возбудить теперь восточный вопросъ; мы думаемъ, что достаточно сохранить за собою наши права (reserver nos droits) и ожидать, какой примутъ оборотъ конференціи въ Константинополѣ. Въ монологѣ Тувенеля я замѣтилъ фразу, которая, можетъ быть, объясняетъ истинную причину отказа его присоединиться къ протесту. Тувенель замѣтилъ, что подобный актъ заслуживаетъ того, чтобы о немъ оба кабинета *предварительно согласились*. До сихъ поръ я молчалъ, но видя, что они разсуждаютъ о протестѣ, не говоря ни о текстѣ, ни о формѣ его, я предложилъ принести его и прочесть, на что

Убри объявилъ, что протестъ этотъ напечатанъ въ Journal de St.-Pétersbourg, но что оффиціально ему ничего не сообщено. Если такъ, сказалъ я, то разсужденіе должно прекратить, и возобновить его, когда въ рукахъ будетъ бумага. До меня это не касалось и я былъ очень радъ, что такъ кончилось".

Далѣе подъ 5 октября въ дневникѣ записано: „Убри былъ у меня, чтобы передать о послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Тувенелемъ, который продолжаетъ отклонять участіе Франціи въ протестѣ".

Послѣдняя аудіенція у императора.

По возвращеніи въ Парижъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ нашелъ уже указъ Сената объ увольненіи его отъ должности посла; а когда Наполеонъ возвратился въ С. Клу, графъ Киселевъ имѣлъ у него прощальную аудіенцію, 16-го октября, для представленія отзывныхъ грамотъ.

„Императоръ меня принялъ" записано въ дневникѣ „весьма дружественно и удержалъ у себя полчаса, а императрица болѣе часу, и очаровала меня своимъ разговоромъ серьезнымъ и вмѣстѣ веселымъ.

„Императоръ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ мундирѣ и тотчасъ же повелъ меня въ свой кабинетъ; пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что онъ всегда радъ меня видѣть, но что цѣль, съ которою явился я сегодня, много уменьшаетъ это удовольствіе. Затѣмъ Наполеонъ заговорилъ о характерѣ Будберга и о долгомъ пребываніи его въ Германіи. Я отвѣчалъ, что характеръ моего преемника вполнѣ заслуживаетъ уваженія, что это дипломатъ вполнѣ знающій дѣло и, конечно, выполнитъ свое назначеніе съ честію и талантами, и что его величество будетъ имъ вполнѣ доволенъ. Имѣя въ рукахъ отзывную грамоту, я поспѣшилъ окончить офиціальную часть моей аудіенціи, сказавши, что мой Государь, принявши Всемилостивѣйше мою просьбу объ отставкѣ, поручилъ мнѣ представить вашему величеству грамоту. Исполняя это порученіе, прибавилъ я, позволяю себѣ просить ваше величество принять мою почтительнѣйшую и глубокую благодарность за благосклонность, которою вы меня почтили, и которая тѣмъ облегчала исполненіе моихъ обязанностей. Я осмѣливаюсь надѣяться, что добрыя

и искреннія отношенія, столь счастливо установившіяся между обоими императорами, будутъ укрѣпляться болѣе и болѣе къ обоюдной выгодѣ.—Императоръ, сдѣлавши мнѣ утвердительный знакъ, сказалъ, что въ послѣднее время въ дѣлѣ о Черногоріи случилось несогласіе между начальниками нашихъ кабинетовъ, это было мнѣ непріятно; но изъ объясненій Тувенеля, я увидѣлъ, что онъ правъ; протестъ есть дѣло серьезное для тѣхъ, которые хотятъ, чтобъ ихъ уважали; заявить его, не будучи готовыми поддержать, было бы неблагоразумно; сверхъ того, Тувенель не былъ о немъ предувѣдомленъ.

„Я зналъ, что напечатаніе протеста въ Journal de Pétersbourg, безъ предварительнаго согласія съ тюльерійскимъ кабинетомъ, оскорбило Тувенеля; я себѣ позволилъ отвѣчать императору, что эта переписка происходила въ мое отсутствіе, что это было слѣдствіемъ недоразумѣнія, а не преднамѣренія, и что, по моему мнѣнію, не надо ей приписывать болѣе значенія, чѣмъ она стоитъ, и что такого рода щекотливость не у мѣста въ дѣлахъ важныхъ. Императоръ, не противорѣча прямо моему заглаживанію (replâtrage), оставилъ его безъ замѣчаній, чему я очень обрадовался, ибо дѣло, которое я долженъ былъ бы защищать, не хорошее. На вопросъ его объ освобожденіи у насъ крестьянъ, я сообщилъ ему дошедшія до меня хорошія извѣстія, о томъ, что русскій народъ боготворитъ Государя, креститcя при видѣ Его, называетъ Его освободителемъ.—Я этому вѣрю, сказалъ Наполеонъ, ибо видѣлъ тоже своими глазами у насъ; здѣсь религіозное чувство менѣе высказывается, чѣмъ въ Россіи.—Эти народныя изъявленія имѣютъ свое значеніе какъ и вездѣ, отвѣчалъ я, и я не удивляюсь этому, видя все, что ваше величество сдѣлали для народа, который имѣетъ свою память сердца, опирающуюся на его матеріальныхъ интересахъ. Въ этомъ духѣ продолжался разговоръ нѣсколько минутъ.

„У насъ помѣщики, сказалъ я, такъ противившіеся прежде освобожденію крестьянъ, оставили свои предразсудки и находятъ, что дѣло само по себѣ хорошо, исполненіе только, по ихъ мнѣнію, неудовлетворительно; это, впрочемъ, един-

ственный рессурсъ рутины, побѣжденной фактически истиною.

„Россіи нужно еще лѣтъ 40 мира, и она сдѣлается богаче и могущественнѣе, чѣмъ она была.

— „Это желательно для всѣхъ", сказалъ императоръ, „но въ наше время нельзя разсчитывать на завтра".

„Здѣсь натурально зашла рѣчь объ американской войнѣ.

— „Для всѣхъ, какъ и для насъ эта война разорительна", продолжалъ императоръ, „надо повременить". Наполеонъ также сказалъ мнѣ, что Тувенель оставляетъ свое мѣсто не потому, что императоръ имъ недоволенъ по службѣ, по причинѣ разногласія въ мнѣніяхъ, и что Дрюэнъ-де-Люисъ замѣнитъ его [1].

„Императоръ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что онъ учится читать по-русски и прочелъ уже двѣ страницы; что онъ никакъ не можетъ выговорить слово *былъ*, которое выходитъ у него *билъ;* что произношеніе русское чрезвычайно трудно, и что онъ не надѣется на успѣхъ.

„Военный министръ дожидался въ залѣ. Императоръ сказалъ мнѣ: „императрица желаетъ васъ видѣть, и такъ какъ вы остаетесь у насъ, то до свиданья; будьте здоровы". Онъ приказалъ доложить обо мнѣ императрицѣ".

Записывая этотъ разговоръ въ своемъ дневникѣ, графъ Павелъ Дмитріевичъ набросалъ въ нѣсколькихъ чертахъ характеристику Наполеона.

Характеристика Наполеона.

„Во время всей этой аудіенціи", говоритъ графъ, „я не замѣтилъ въ императорѣ ни заботливаго, ни болѣзненнаго вида, о которомъ говорятъ въ публикѣ. Наполеонъ былъ, какъ всегда, сосредоточенъ, серьезенъ и иногда веселъ. Его тусклый взглядъ въ иныя минуты дѣлается выразительнымъ, его физіономія оживляется и бываетъ иногда не безъ пріятности; онъ всегда владѣетъ собою, ему чужды вспышки гнѣва или живости; всегда спокойный, даже когда онъ чувствуетъ себя сильно раздосадованнымъ. Онъ никогда не возвышаетъ голоса, никогда не скажетъ слова оскорбительнаго или не употребительнаго

[1]) Декретъ о назначеніи Дрюэнъ-де-Люиса на мѣсто Тувенеля подписанъ былъ 15-го октября.

въ обыкновенномъ разговорѣ. Я говорилъ со многими близкими къ нему лицами и всегда получалъ одинъ отвѣтъ: *хотя онъ иногда и сердится, но никогда не выходитъ изъ себя*. Одинъ изъ этихъ господъ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ его сердитымъ только одинъ разъ,—это по дѣлу генерала Монтобана. О пораженіи, которое потерпѣло его предложеніе назначить пенсію генералу, онъ говорилъ съ нѣкоторою язвительностію и горячностію, ему не обычными. Въ отношеніяхъ своихъ самыхъ интимныхъ съ своими близкими, не исключая и императрицы, онъ предпочитаетъ скорѣе уступить, чѣмъ заставить исполнять его волю. Одинъ изъ его семейства упрекалъ его въ холодности; онъ отвѣчалъ, что весьма достаточно спорить о дѣлахъ серьезныхъ; но если дѣло идетъ о домашнихъ пустякахъ, то я люблю лучше уступить, хотя бы чувствовалъ личную досаду, чѣмъ тратить свою жизнь для поддержанія этого рода борьбы, которая меня утомляетъ и наводитъ невыразимую скуку".

Аудіенція у императрицы Евгеніи.

„Когда о моемъ приходѣ доложили императрицѣ, она вышла ко мнѣ на встрѣчу и приняла меня съ обыкновенною своею любезностію. Она пригласила меня въ свой кабинетъ, и, садясь на кресло, указала мнѣ мѣсто. Послѣ сожалѣній о моемъ удаленіи и моихъ обычныхъ объясненій, императрица Евгенія мнѣ сказала, что я теперь могу ей сказать безъ дипломатическихъ осторожностей, каковъ характеръ моего преемника. Мнѣ говорили, сказала она, что Будбергъ человѣкъ сухой и сдержанный (raide et peu expansif); мнѣ это было бы досадно, потому что—вы знаете—мой характеръ совершенно противоположный. Я поспѣшилъ ее разувѣрить въ этомъ невѣрномъ мнѣніи (fausse appréciation), котораго нельзя допустить, отдавая справедливость г. Будбергу въ его умѣ и знаніи людей; сверхъ того, я вкратцѣ указалъ на его служебную карьеру и на назначенія, которыхъ онъ, несмотря на свои молодые годы, удостоивался отъ Императора Николая; обязанности посланника въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ исполнялъ къ общему удовольствію; конечно, онъ постарается достигнуть того же и въ Парижѣ, и какъ я увѣренъ, онъ заслужитъ ми-

лостивое благоволеніе ея величества... Я кончилъ, сказавъ, что сухость и несообщительность характера, въ которыхъ его обвиняютъ, не могутъ быть допущены, ибо онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ опытенъ, чтобы въ Парижѣ отклонить отъ себя успѣхи въ отправленіи дипломатическихъ дѣлъ.

„Я счелъ долгомъ сказать ей также нѣсколько словъ объ ея успѣхахъ въ отношеніи оборота, который послѣдовалъ въ положеніи дѣлъ папы. Партія лѣвыхъ радуется, партія правыхъ — тоже, хотя съ меньшею откровенностію, но всѣ, за исключеніемъ упорныхъ вольтеріянцевъ, одобряютъ новое направленіе дѣлъ Италіи. Всѣ знаютъ, что этимъ обязаны вашему величеству и вамъ благодарны; я съ своей стороны этому чрезвычайно обрадовался и весьма счастливъ, что могу выразить вамъ мое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ. Я хотѣлъ бы сдѣлать тоже, относительно другаго успѣха, вамъ же приписываемаго, именно въ дѣлахъ мексиканскихъ; но желалъ бы, позвольте сказать откровенно, чтобы этотъ успѣхъ не принадлежалъ вамъ. Императрица прервала меня, сказавъ, что дѣйствительно она сдѣлала все, что могла, чтобы исправить ложное направленіе, данное переговорамъ касательно папства; это сдѣлать было тѣмъ удобнѣе, что императоръ думалъ всегда также, и что слогъ депешъ измѣнилъ первоначальную мысль, въ ущербъ интересамъ Франціи и католицизма, который надо принимать въ разсчетъ, когда управляютъ около 40 милл. Французовъ.

„Что касается до Мексики, то долгъ чести обязывалъ Францію не идти на буксирѣ тѣхъ, которые отстали; сверхъ того, эта отдаленная экспедиція имѣетъ свою причину, кромѣ жестокостей революціонеровъ въ этой странѣ въ отношеніи католической религіи. Франція не можетъ и не должна оставить своихъ единовѣрцевъ въ угнетеніи.

„Затѣмъ она меня спросила, утихаетъ ли волненіе въ Польшѣ? На мой отвѣтъ она лишь сказала, еслибы спросили меня, то я посовѣтовала бы оставить Поляковъ самимъ себѣ, предоставя имъ выбрать себѣ короля. Россія, при своемъ могуществѣ, всегда будетъ стоять выше, будетъ сильнѣе и у себя,

и въ отношеніи другихъ; всякія другія мнимыя примиренія, которыя выдумаютъ, не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европою и котораго тоже должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ тоже время въ интересахъ Россіи и Европы.

„Я отвѣчалъ, что понимаю ея заключительную мысль. Всѣ выиграютъ кромѣ Россіи, которая не можетъ отказаться отъ Царства ни въ интересахъ Поляковъ, ни въ интересахъ западныхъ державъ. Чтобы это уяснить, надо разсмотрѣть общее положеніе дѣлъ. Поляки и Русскіе, двѣ вѣтви одного славянскаго племени, борются въ теченіе шести вѣковъ; Поляки имѣли успѣхи, они господствовали въ Москвѣ, какъ теперь Русскіе господствуютъ въ Варшавѣ; жалобы папы отчасти справедливы по причинѣ строгихъ, иногда произвольныхъ, мѣръ въ предпрошедшее царствованіе; но не надо терять изъ виду, что всѣ эти строгости были послѣдствіемъ духа пропаганды католическаго духовенства, которое считало православныхъ за язычниковъ и старалось ихъ обратить въ лоно истинной, по ихъ мнѣнію, церкви; отъ этого произошли преслѣдованія, на которыя жалуется св. отецъ. Пусть оставятъ прозелитизмъ, и они избѣгнутъ мѣръ предупредительныхъ, къ которымъ насъ заставляютъ прибѣгать. Что касается до уніатовъ, то возвращеніе ихъ къ церкви ихъ отцовъ было дѣломъ ихъ духовенства, которое просило возсоединиться съ первоначальною своею церковью. Только 52 священника не хотѣли подписать общую просьбу о возсоединеніи. Эта просьба не могла быть законнымъ образомъ отвергнута, потому что просители были іезуитами насильно обращены въ унію; Литва и Украйна испытали тоже насиліе.

„Императрица удержала меня у себя болѣе часу и очаровала меня своимъ разговоромъ серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ веселымъ".

Когда вѣсть объ увольненіи графа Киселева отъ должности посла огласилась въ Парижѣ, наличные изъ русской колоніи, въ числѣ 54 чел., пригласили графа Павла Дмитріевича на прощальный въ честь его обѣдъ, устроенный по подпискѣ въ

Прощальный обѣдъ данный гр. Киселеву Русскими въ Парижѣ.

Пале-Роялѣ, въ ресторанѣ братьевъ Провансо. Обѣдъ этотъ состоялся 18-го октября.

Графъ былъ очень тронутъ вниманіемъ своихъ соотечественниковъ и приготовилъ рѣчь, которую однако, вслѣдствіе упадка силъ и охватившаго его волненія, ему не удалось произнести самому.

Содержаніе этой рѣчи слѣдующее:

„Милостивые Государи!

„Не нахожу достаточно словъ для выраженія искренней и душевной моей признательности за ваше благосклонное и лестное ко мнѣ вниманіе.

„Послѣ полувѣковаго служенія, я принялъ съ покорностію назначеніе, указанное мнѣ Государемъ Императоромъ, хотя, признаюсь, не вполнѣ на себя надѣялся для успѣшнаго достиженія Царственныхъ Его преднамѣреній. Къ счастію я вскорѣ убѣдился, что опасенія мои были напрасны.

„Императоръ Наполеонъ принялъ меня, какъ представителя Русскаго Царя, съ особеннымъ вниманіемъ и полною готовностію вступить въ тѣсныя дружественныя сношенія съ Россіею.

„Въ теченіи 6-ти лѣтъ, я постоянно пользовался его расположеніемъ, и нынѣ, чувствуя приближеніе дряхлости и оставляя служебное поприще, я сохраню въ сердцѣ воспоминаніе о времени моего здѣсь пребыванія.

„Отъ всей души желаю, чтобы добрыя наши сношенія съ Франціею остались неизмѣнными на долгое время, ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ.

„Обращаясь къ другимъ, ближайшимъ воспоминаніямъ здѣшней моей служебной дѣятельности, я не могу не остановиться, съ чувствомъ истиннаго удовольствія и благодарности, на тѣхъ пріятныхъ отношеніяхъ, которыя постоянно имѣлъ съ своими соотечественниками. Мы всѣ знаемъ, какъ утѣшительно на чужой сторонѣ встрѣчаться съ земляками, которые поддерживаютъ живую связь съ родиною. Кромѣ этого общаго всѣмъ намъ утѣшенія, мнѣ было особенно пріятно убѣждаться,

каждый годъ болѣе и болѣе, что, несмотря на значительное возрастаніе числа русскихъ путешественниковъ, не только не было важныхъ случаевъ столкновеній и непріятностей съ мѣстными властями и туземцами, но, напротивъ: доброе о насъ мнѣніе упрочивалось и укрѣплялось между иностранцами, какъ я имѣлъ неоднократно случай удостовѣряться отъ нихъ самихъ. Считаю долгомъ засвидѣтельствовать это предъ вами, мм. гг., въ отвѣтъ и въ опроверженіе нѣкоторыхъ слуховъ, иногда разглашаемыхъ на этотъ счетъ въ самой Россіи,—слуховъ, которые большею частію или основаны на лжи и выдумкѣ, или до крайности преувеличены.

„Отрадно знать, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, въ сношеніяхъ съ иностранцами, словесно и письменно, стараются разрушать ихъ предубѣжденія и ложныя о насъ понятія, столь вредныя для мирнаго развитія международныхъ отношеній. Еще отраднѣе видѣть тѣхъ, которые пользуются пребываніемъ здѣсь, чтобы усовершенствоваться въ знаніяхъ и искусствахъ, и внушая къ себѣ уваженіе со стороны здѣшнихъ ученыхъ, приготовляютъ почетное мѣсто для Россіи и въ сферѣ европейской науки.

„Новая эпоха,—эпоха мирной и умственной славы Россіи, не далека отъ насъ. Я твердо въ томъ убѣжденъ, хотя, вѣроятно, и не доживу до этой желанной эпохи.

„Я убѣжденъ въ томъ, потому что основаніе къ преуспѣянію нашего дорогаго отечества положено Царемъ, совершившимъ, въ духѣ истиннаго христіанскаго чувства, великій подвигъ народнаго обновленія.

„И за симъ, какъ старѣйшій лѣтами между вами, я предлагаю вамъ, любезные земляки, выпить до дна кубки за здравіе и долголѣтіе Государя Императора“.

Оффиціальное значеніе графа Киселева кончилось, но русское посольство продолжало сообщать ему о ходѣ важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ тогда нашу политику, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующей замѣтки въ его дневникѣ о дѣлахъ черногорскихъ.

Дѣло о Черногоріи не улаживалось. 30 октября Убри при-

Переписка между кабинетами лондонскимъ и петербургскимъ о Черногоріи.

шелъ къ графу прочесть ему депешу лорда Джона Росселя о Черногоріи, отъ 30-го сентября 1862 г. и отвѣтъ кн. Горчакова отъ 12-го октября.

„Правительство ея британскаго величества, писалъ Россель, „выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что оно не можетъ согласиться съ видами князя Горчакова, ни вообще въ отношеніи вопроса о вмѣшательствѣ въ дѣла Турціи, ни въ частности относительно дѣлъ Черногоріи. Англійское правительство было всегда того мнѣнія, что какъ скоро Турція допущена составлять часть европейской системы, то она должна участвовать во всѣхъ выгодахъ и во всѣхъ обязательствахъ независимаго государства. Ежели князь Черногоріи—вассалъ Турціи, то султанъ имѣетъ право требовать повиновенія.... Если напротивъ онъ независимый государь, то султанъ имѣетъ право предложить ему такія условія мира, которыя на будущее время предупреждали бы всякое нападеніе съ его стороны".

„Условіямъ, которыя предлагала Порта, есть примѣры. Дж. Россель указывалъ на шотландскихъ Гайландеровъ, которые, вслѣдъ за возстаніемъ, были принуждены допустить устройство фортовъ и дорогъ чрезъ Шотландію и проч.".

„Изъ этого лучше всего видно", пишетъ графъ, „какъ Англія заправляетъ дѣлами Турціи. Это другая Португалія, которую Англичане устроили въ Дарданелахъ. Русскій отвѣтъ есть длинный factum, наполненный общими разсужденіями, нравственными и политическими, изложенными краснорѣчиво, но которыя нисколько не опровергаютъ сжатыхъ и логическихъ доводовъ англійскаго министра. Одинъ разсуждаетъ на основаніи права, а другой на основаніяхъ гуманитарныхъ; одинъ стрѣляетъ пулями, а другой холостыми зарядами.

„Нашъ отвѣтъ не обманулъ никого; онъ только сдѣлалъ Тувенеля, Мутье и Монтебелло болѣе сдержанными въ конфиденціальныхъ сношеніяхъ съ нашимъ кабинетомъ. Этотъ урокъ будетъ потерянъ для кн. Горчакова".

4-го ноября Убри зашелъ къ графу Киселеву, чтобы разсказать о его первомъ политическомъ свиданіи съ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. „Убри, записалъ графъ, очень

доволенъ. Дрюэнъ-де-Люисъ обозрѣлъ всѣ существенныя нынѣшнія дѣла; говорилъ обо всемъ откровенно и ясно, по словамъ Убри, который объ этомъ уже донесъ своему двору.

Положеніе восточныхъ дѣлъ.

„Изъ разговоровъ съ Убри о восточныхъ дѣлахъ я заключилъ, что они остаются въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи, чего и должно было ожидать. Дрюэнъ-де-Люисъ говорилъ, что императоръ Наполеонъ не могъ принимать обязательствъ въ виду обстоятельствъ, которыя послѣдующими событіями могутъ быть измѣнены. Что касается до меня, „продолжаетъ графъ, „то я думаю и теперь, что Франція уступитъ (reculera), если Англія рѣшительно будетъ поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи. Если Наполеонъ *можетъ* объявить себя нейтральнымъ въ этомъ жизненномъ вопросѣ, то онъ это сдѣлаетъ съ радостію, чтобы избѣжать разрыва съ Англіею, которой онъ боится не только въ отношеніи политическихъ дѣлъ Европы, но еще въ особенности въ отношеніи его собственныхъ династическихъ дѣлъ. Императрица говорила это мнѣ буквально въ 1857 году: тоже подтвердила она мнѣ и послѣ; тоже замѣчалъ я въ прозрачныхъ словахъ Валевскаго и Тувенеля. Здѣсь думаютъ, что союзъ съ нашей стороны не искрененъ; можетъ быть они и не ошибаются; интимная переписка поддерживаетъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Императрица Евгенія въ особенности это думаетъ, но держитъ себя чрезвычайно осторожно; между тѣмъ она имѣетъ большое вліяніе на императора; по здравой политикѣ было бы благоразумно и полезно пріобрѣсти ея расположеніе къ намъ. Я намекалъ на это въ Варшавѣ, но совѣты этого рода скользятъ, не оставляя опредѣленнаго впечатлѣнія; рутина беретъ верхъ и заставляетъ молчать предусмотрительные разсчеты разума. Живутъ изо дня въ день, не заботясь о будущемъ, и потомъ удивляются результатамъ, которыхъ не съумѣли ни предвидѣть, ни нейтрализировать. Марія-Терезія и Екатерина понимали иначе дипломатію и ея пружины, когда дѣло шло о достиженіи результатовъ въ ихъ политикѣ“.

Графъ Киселевъ въ Компіэнѣ.

Графъ Киселевъ, несмотря на то, что онъ не имѣлъ уже оффиціальнаго положенія, былъ приглашенъ по прежнему въ

Компіэнь, гдѣ провелъ 4 дня (5—9 ноября). Въ дневникѣ его записано, между прочимъ, слѣдующее:

Разговоръ съ императоромъ о греческихъ дѣлахъ.

„Вечеромъ 6-го ноября императоръ подошелъ ко мнѣ и разсказалъ о странной выходкѣ греческаго короля Оттона: „я получилъ“, сказалъ онъ, „отъ короля, чрезъ посредство Калерджи, объемистую записку; у меня было много дѣлъ и я, не читая, положилъ ее въ столъ и почти забылъ о ней; когда случились извѣстныя событія въ Аѳинахъ [1]), я вспомнилъ о запискѣ, сталъ ее читать и чтоже въ ней нашелъ? Вопросъ *объ установленіи невмѣшательства въ случаѣ, если онъ, король Греціи, найдетъ возможность напасть на Турцію.* Установленіе такого начала невмѣшательства, при нападеніи на сосѣда во время полнаго мира, поистинѣ комическое. Послѣдовавшія событія позволили мнѣ эту записку оставить безъ отвѣта, но что подумать объ умѣ короля Оттона и его министерства? Я не думаю, чтобы стоило много заниматься событіями, которыя происходятъ въ Греціи; надо лучше узнать ихъ, чтобы дать себѣ отчетъ и рѣшиться дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи“.

„По мнѣ, сказалъ я императору, европейская дипломатія заслуживаетъ серьезнаго упрека, что она не поддерживала, какъ слѣдовало, трактата 1832 года, который былъ ни что иное какъ договоръ (pacte) между націею и государемъ (неизбраннымъ), установленный покровительствующими державами и гарантированный трактатомъ. Главная статья этого трактата, относящаяся до религіи короля или его наслѣдника, была упущена изъ вида, или слабо поддерживалась покровительствующими державами, между которыми Россія, въ качествѣ державы православной, была наиболѣе заинтересована въ томъ, чтобы эта статья была исполняема. Въ теченіи 30 лѣтъ напоминали дипломатическими нотами объ обѣщаніяхъ баварскаго двора, всегда уклонявшагося отъ исполненій ихъ подъ вліяніемъ католическаго фанатизма и камариллы. Въ теченіи 30 лѣтъ дали созрѣть нерасположенію націи къ царствующему

---

[1]) Провозглашеніе низверженія короля Оттона и баварской династіи, случившееся въ послѣднихъ дняхъ октября.

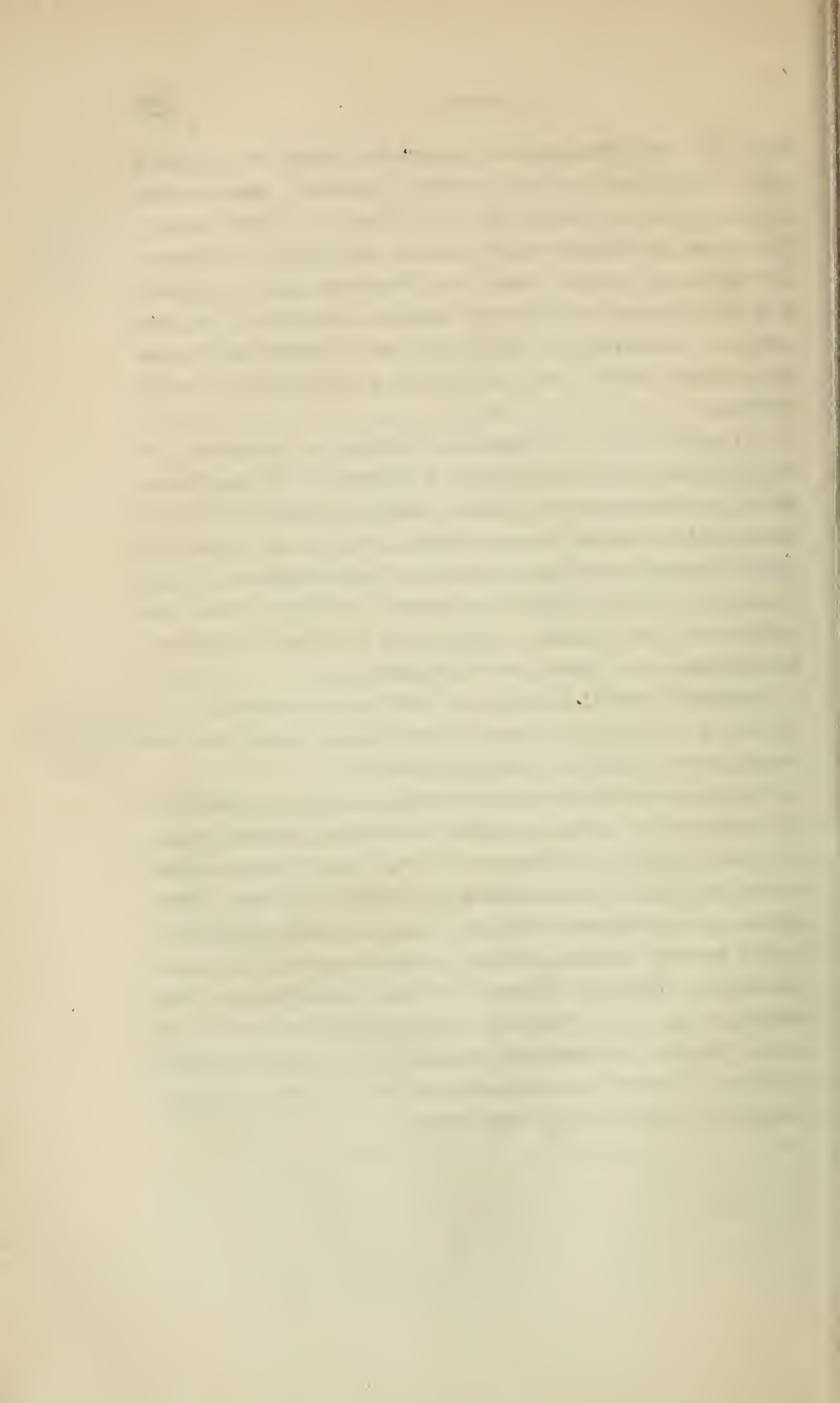
дому. Вся оппозиція группировалась подъ знаменемъ религіи и такъ единодушно, что въ моментъ возстанія правительство короля Оттона не нашло ни одного голоса въ свою защиту. Оно пало; революція торжествовала въ ущербъ законному правительству, которое было уже потрясено духомъ времени и разрушительными дѣйствіями тайныхъ обществъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ дѣлахъ такой важности отсрочка и полумѣры ни къ чему не ведутъ и оканчиваются всегда урономъ.

„Послѣ этого, я сообщилъ императору о намѣреніи нашего Государя провести мѣсяцъ въ Москвѣ, гдѣ Его Величество, въ благодарности народа найдетъ вознагражденіе за великое дѣло, которое онъ намѣренъ дополнить не менѣе важнымъ, именно—преобразованіемъ судебной части, по образцу Франціи. Это дѣло великой важности,—дай Богъ, чтобы оно исполнилось сколь можно скорѣе; я не очень на это надѣюсь, но призываю его всѣмъ моимъ сердцемъ“.

Признаки упадка обаянія власти императора.

Дневникъ графа Киселева за 1862 годъ оканчивается замѣткою о начинавшихся признакахъ упадка обаянія наполеоновой власти. Подъ 24 декабря записано:

„Одинъ, несомнѣнно умный человѣкъ сказалъ мнѣ недавно, что ничего нѣтъ неблагопріятнѣе и опаснѣе для главы правительства не твердо укрѣпившагося въ своемъ политическомъ правѣ, какъ быть оставленнымъ вниманіемъ публики (d'être délaissé par l'attention publique). Въ настоящее время говорятъ о многихъ лицахъ, которые теперь на сценѣ,—о принцѣ Наполеонѣ, Лавалетѣ, Миресѣ, новомъ графѣ Паликао (Монтобанъ, и пр.—и молчатъ объ императорѣ. Это дурной признакъ. Друзья императора должны бы его предувѣдомить; затмѣніе, которое продолжается, можетъ быть пагубнымъ. Оппозиція уже потираетъ себѣ руки“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГРАФА ПАВЛА ДМИТРІЕВИЧА КИСЕЛЕВА.

ГЛАВА LI.

1863 годъ.

Вниманіе парижскаго общества и двора къ графу Киселеву.—Любезность императрицы Евгеніи.—Размышленія гр. Киселева о сдержанности въ разговорахъ Наполеона и Евгеніи.—Разговоры съ принцессою Матильдою.—Отзывы Морни о Валевскомъ и Дрюэнъ-де-Люисѣ.—Балъ у Дрюэнъ-де-Люиса.—Обѣдъ у Коулея; встрѣча съ принцемъ Наполеономъ и министрами.—Разговоръ съ Тувенелемъ о его рѣчи въ сенатѣ.—Тувенель о Польшѣ.—Разговоръ нашего посла съ Наполеономъ о Польшѣ.—Свѣдѣнія о Польшѣ, сообщенныя гр. Киселевымъ Ларошъ-Жакелену.—Замѣтки о польскихъ дѣлахъ.—Н. А. Милютинъ въ Парижѣ; оцѣнка его французскими политическими людьми.—Объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ Россіи.—Къ характеристикѣ Наполеона.—Гр. Киселевъ въ Баденъ-Баденѣ.—Разговоры съ прусскою королевою.—Брошюра объ императорѣ, Польшѣ, и Россіи.—Отношеніе Франціи къ польскому вопросу.—Гр. Киселевъ въ Швейцаріи у Великой Княгини Елены Павловны.—Заботливость Великой Княгини о гр. Киселевѣ.—Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.—Чтеніе гр. Киселева.

Вниманіе парижскаго общества и двора къ графу Киселеву.

Первую половину 1863 года графъ Павелъ Дмитріевичъ провелъ въ Парижѣ. Общество и дворъ продолжали оказывать ему вниманіе. Въ новый годъ множество лицъ явилось къ нему съ поздравленіемъ. Ежедневно онъ принималъ посѣщенія своихъ друзей и знакомыхъ. Отъ двора онъ получалъ постоянно приглашенія на балы, даваемые въ Тюльери, но изъ 16 приглашеній, онъ на 13 отвѣчалъ отказомъ; въ этихъ приглашеніяхъ онъ видѣлъ только намѣреніе разстаться учтивымъ способомъ съ бывшимъ посломъ, не охлаждая сношеній, имѣвшихъ видъ интимности въ теченіе

Любезность императрицы Евгеніи.

6 лѣтъ. Онъ объясняетъ это въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ въ его дневникѣ:

„12-го января, понедѣльникъ: вчера на балѣ въ Тюльери у императрицы; я поѣхалъ, чтобы не отказаться въ другой разъ отъ приглашенія. Говоря со мною, императрица спросила меня, не хочу-ли я пріѣхать къ ней на чашку чаю? и на мой вопросъ о днѣ и часѣ, она мнѣ отвѣчала въ четвергъ, около 5 часовъ.

„15-го января, четвергъ: я былъ у императрицы отъ 5 до 7 часовъ. Императоръ зашелъ, возвратясь съ охоты въ Фонтенебло. Приглашеніе это, котораго я не могъ ожидать, удивило меня; я прибылъ въ назначенный мнѣ часъ и былъ тотчасъ же введенъ въ кабинетъ императрицы, которая подошла ко мнѣ съ свойственною ей всегда любезностью, плѣняющею съ перваго же раза всѣ сердца. Большое кресло было поставлено противъ камина, столикъ (геридонъ) находился между обоими сидѣніями. Императрица указала на то изъ нихъ, которое мнѣ было назначено, и мы сѣли. „Я велѣла поставить спокойное кресло для васъ“, сказала она, „чтобы удержать васъ подольше, не утомляя. Скажите мнѣ пожалуста, какъ проводите вы время съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили службу? видѣтесь-ли вы со многими? Нравится-ли вамъ все еще въ Парижѣ?“ Рядъ подобныхъ вопросовъ служилъ основой завязавшагося тотчасъ же разговора. Подали двѣ чашки чаю. Вскорѣ вошелъ императоръ въ незамѣченную мною потаенную дверь. Онъ отдалъ отчетъ объ охотѣ, только что бывшей въ Фонтенеблоскомъ паркѣ; въ теченіи 4 или 5 часовъ было убито 1200 штукъ, половина которыхъ приписывалась ему. „Но вѣдь это настоящая бойня“, сказала императрица; „тутъ нечѣмъ хвастаться; я представляю себѣ человѣка, который съ палкою въ рукахъ входитъ въ птичникъ, чтобъ охотиться на этихъ бѣдныхъ куръ; это рѣзня, а не охота, какъ я ее понимаю“. Императоръ отвѣчалъ съ свойственнымъ ему спокойствіемъ: — „Я съ этимъ согласенъ, но охота доставляетъ такъ многимъ удовольствія, включая даже солдатъ, загоняющихъ птицъ, а затѣмъ эта дичь посылается въ больницы и

доставляетъ угощеніе больнымъ. Для меня же охота необходима, такъ какъ она служитъ мнѣ гимнастикой въ теченіи недѣли и проч.“. Разговоръ этотъ продолжался не болѣе 1/4 часа.—Императоръ ушелъ, и мы снова остались другъ противъ друга; въ это время подали двѣ чашки чаю, и разговоръ возобновился съ той точки, на которой былъ прерванъ приходомъ императора-охотника. Она продолжала о томъ же, то есть о современныхъ происшествіяхъ и лицахъ. Императрица говорила съ обыкновенною своею живостію, и пока я ей отвѣчалъ пробило 7 часовъ; она встала, говоря, что ей нужно переодѣться и что двухчасовая бесѣда наша быстро прошла. Я поблагодарилъ ее за столь благосклонную аудіенцію и, поцѣловавъ ея руку, поклонился, чтобы удалиться. Она меня удержала, позвавъ своего камердинера, которому приказала принести мое пальто: „потому“, сказала она мнѣ, „что лѣстница холодна и это можетъ повліять на васъ“, и, разговаривая, проводила меня до послѣдней комнаты, гдѣ, несмотря на всѣ мои извиненія, осталась до принесенія пальто и заставила меня надѣть его въ ея присутствіи. Все это было крайне благосклонно; но размышляя потомъ объ этомъ спокойно, мнѣ казалось, что императрица имѣла намѣреніе проститься съ бывшимъ посломъ любезнымъ образомъ и прервать, не оскорбляя меня, существовавшія какъ бы искреннія отношенія, которыя установились въ теченіи шестилѣтней моей службы. Много второстепенныхъ обстоятельствъ подтверждали это предположеніе. Императоръ Наполеонъ не произнесъ ни одного слова о политическихъ дѣлахъ, которыя прежде служили основою нашихъ разговоровъ. Сдержанность Евгеніи, касательно личностей новаго посольства, которыя особенно занимали императрицу и о которыхъ она старательно избѣгала сказать хотя бы одно слово, дѣлая обзоръ всему парижскому обществу въ то время, когда находилось въ Парижѣ такъ много Русскихъ,—все это и много другихъ дошедшихъ до меня признаковъ заставляютъ меня полагать, что переписка Горчакова съ Морни служитъ, вѣроятно, причиною замѣченнаго мною вѣжливаго, но сдержаннаго обращенія со

Размышленія графа Киселева о сдержанности въ разговорахъ Наполеона и Евгеніи.

мною ихъ величествъ и президента Тролона (Troplong); не имѣя объ этомъ положительныхъ данныхъ, я воздерживаюсь извлечь окончательныя заключенія; время разъяснитъ всѣ эти дрязги и темныя, нечистыя продѣлки. Пока я принимаю терпѣливо это зло въ увѣренности, что не могу упрекнуть себя ни въ чемъ; истина выяснится, и всѣ эти булавочные уколы не задѣнутъ даже поверхности моей личности".

19-го января графъ Киселевъ былъ на балѣ у императрицы. Подъ 4-мъ мая записано: „Вечеръ въ Тюльери, отъ котораго я отказался какъ по причинѣ продолжавшагося еще гриппа, такъ и для того, чтобы избѣгнуть холодной учтивости, которую замѣтилъ, еще при открытіи сезона, со стороны императора; онъ выказываетъ въ обращеніи со мною сдержанность, какъ говорятъ, вслѣдствіе намековъ изъ Петербурга, чрезъ посредство Морни".

Разговоры съ принцессою Матильдою.

Принцесса Матильда, которая долѣе сохраняла дружескія отношенія къ графу Киселеву, увѣряла его, что императоръ сожалѣетъ объ оставленіи посольскаго поста Киселевымъ, но онъ этому не вѣрилъ. Въ дневникѣ его подъ 3-мъ марта записано: „Я былъ у принцессы Матильды, которая сообщила мнѣ, что, обѣдая вчера у императора, она слышала его сожалѣнія о моемъ удаленіи. Если это такъ въ дѣйствительности, то я за это очень благодаренъ, но въ этомъ сомнѣваюсь, вслѣдствіе сдержаннаго его отношенія со мною со времени Компіэна"...

28-го мая графъ Киселевъ былъ утромъ у принцессы Матильды, и о разговорѣ его съ нею, въ дневникѣ записано слѣдующее:

„1) Я ищу причину совершившагося измѣненія въ политикѣ Франціи въ отношеніи къ Россіи.

„2) Въ прошломъ году это не высказывалось въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Я не могу сказать того же объ отношеніяхъ, которыя я назову личными.

„3) Императоръ уже не былъ столь добръ и довѣрчивъ ко мнѣ; поэтому я рѣшился удалиться и предоставить свободное поле тому, который имѣлъ на то право.

„4) Я прибылъ сюда, чтобы возстановить и укрѣпить добрыя отношенія Россіи съ Франціею; въ теченіе 6 лѣтъ я этому могъ только радоваться,—но въ концѣ 1862 года положеніе измѣнилось и я увидѣлъ, что мой оффиціальный часъ пробилъ и мнѣ надо было удалиться, чтобы предоставить мое мѣсто болѣе ловкимъ или болѣе счастливымъ, и я удалился.

„5) Желали конгресса изъ личныхъ видовъ, я оспаривалъ его по несвоевременности. Мнѣ, какъ кажется, не удалось, потому что журналы говорятъ о томъ, какъ о возможной случайности.

„Принцесса Матильда сказала мнѣ, что я ошибаюсь, что касается до личнаго моего положенія въ отношеніи къ императору. „Въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣла съ императоромъ, онъ мнѣ сказалъ, что чрезвычайно сожалѣетъ объ удаленіи прежняго посла, такъ какъ сомнѣвается, чтобы довѣріе могло быть возстановлено новымъ посломъ. Я это понимаю, сказала она, потому что онъ не симпатиченъ. Это общее мнѣніе". Я старался смягчить такое несправедливое мнѣніе о замѣнившемъ меня лицѣ, но она твердо держалась своего убѣжденія: „я не говорю вамъ о дѣлахъ", сказала она, „но о его личности".

Интересны записанные подъ этимъ же числомъ отзывы принцессы Матильды о министрахъ Наполеона.

„Дрюэнъ-де-Люисъ дурной человѣкъ. Онъ хочетъ сдѣлаться необходимымъ, склоняя къ войнѣ; дай Богъ, чтобы ему это не удалось. Валевскій глупъ, императоръ это знаетъ. Фульдъ только еврей: я ему не оказываю ни уваженія, ни довѣрія. Онъ вертится во всѣ стороны, смотря по тому, куда подуетъ вѣтеръ; но есть еще и другіе, которые стараются запутать дѣла. Мои отношенія къ императрицѣ все еще тѣ же; я ей сказала въ прошлое воскресенье, что я по убѣжденію и по чувствамъ Русская. Она одобрила меня, не распространяясь далѣе".

Подъ 1-мъ мая записано: „У г-жи Бенуа-Шампи (Benoit-Champy) на драматическомъ утрѣ—семейство Морни.

„Морни и его разговоръ о Валевскомъ и Дрюэнъ-де-Люисѣ,

Отзывы Морни о Валевскомъ и Друэнъ-де-Люисѣ.

какъ о мерзавцахъ (misérables), которыхъ необходимо вытѣснить изъ совѣта, чтобы отвратить пагубныя послѣдствія въ политикѣ императора, котораго они опутываютъ и возбуждаютъ къ насильственной политикѣ".

Министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ оказывалъ прежнее вниманіе къ нашему прежнему послу, но графъ Павелъ Дмитріевичъ и къ нему относился уже недовѣрчиво.

Балъ у Друэнъ-де-Люиса.

Подъ 24-е января онъ пишетъ: „вечеромъ у г-жи Друэнъ-де-Люисъ балъ на 400 особъ. Я неохотно отправился на этотъ балъ, но сдѣлалъ это, чтобъ имѣть право не присутствовать на большомъ балѣ, который долженъ былъ быть въ непродолжительномъ времени. Балъ этотъ былъ хорошо устроенъ и управляемъ; залы способствовали тому чудеснымъ образомъ; было много молодыхъ женщинъ, много цвѣтовъ и свѣта, которые придавали блескъ этому, такъ называемому интимному собранію. Хозяинъ и хозяйка дома старались оказывать мнѣ особенное вниманіе, что̀ я принималъ, однако, съ нѣкоторою сдержанностью. Послѣ получасоваго присутствія я удалился. Я продолжаю думать, что имѣется переданное свыше приказаніе, которому служитъ основою тайная переписка Морни. Я покоряюсь и меня это не озабочиваетъ; со мною учтивы и этого мнѣ достаточно".

Удаляясь отъ тюльерійскаго двора, графъ Павелъ Дмитріевичъ поддерживалъ отношенія съ соотечественниками, принималъ посѣщенія, не отказывался и отъ приглашеній. Изъ лицъ дипломатическаго корпуса пользовался его уваженіемъ и дружбою англійскій посолъ Коулей; они посѣщали другъ друга и обмѣнивались мыслями о современныхъ вопросахъ. Объ одномъ изъ такихъ посѣщеній въ дневникѣ Киселева записано:

Обѣдъ у Коулея; встрѣча съ принцемъ Наполеономъ и министрами.

„16-го февраля я былъ приглашенъ запискою леди Коулей въ качествѣ стараго друга семейства присутствовать утромъ при бракосочетаніи ея младшей дочери Софіи съ лордомъ Роустономъ (Rouston) и принять ихъ приглашеніе къ свадебному обѣду, имѣющему быть въ тотъ же день въ 7$^1/_2$ часовъ. „Я охотно согласился отправиться на этотъ семейный праздникъ, полагая найти тамъ только однихъ близкихъ; вмѣсто

того, я нашелъ тамъ дворъ въ полномъ сборѣ, почти всѣхъ французскихъ министровъ, четырехъ пословъ и нѣсколько отставленныхъ подобно мнѣ. Императоръ, бывшій въ утреннемъ костюмѣ, обошелъ всю залу, молча подавая руку. Императрица, великолѣпно одѣтая, подходила къ большинству гостей и говорила имъ любезности, часть которыхъ досталась и на мою долю. Принцъ Наполеонъ, дурно воспитанный (ours mal léché), держался въ сторонѣ, бросая гнѣвные взгляды на особъ, которыхъ онъ удостоиваетъ своею ненавистью; я также получилъ свою долю, и выдержалъ ихъ, не моргнувъ, какъ нѣкогда въ салонѣ его сестры. Я чувствую, что напрасно поддерживаю эту войну, по меньшей мѣрѣ безполезную, но не могу преодолѣть отвращенія, которое онъ во мнѣ возбуждаетъ. Принцесса Матильда, всегда любезная и радушная, подошла ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, которыя, при настоящемъ моемъ положеніи, имѣли для меня особенную цѣну. Встрѣченные мною министры казались мнѣ очень вѣжливыми, чтобы не быть интимными. Было ли это справедливо или нѣтъ, но я такъ думалъ и подражалъ имъ. Фульдъ въ особенности казался мнѣ учтивымъ, безъ искренности. Морни, интимное отношеніе котораго къ князю Горчакову мнѣ извѣстно, имѣлъ въ отношеніи меня видъ пристыженнаго, чувствующаго игранную имъ роль, которую онъ, повидимому, продолжаетъ исполнять.

„Всѣмъ присутствующимъ раздавались букеты, которые мы должны были вложить въ петлицы и сохранить во время обѣда. Домашніе слуги были всѣ украшены лентами и напудрены, чѣмъ придавали праздничный видъ. Мнѣ сказали, что подавались употребительныя въ подобномъ случаѣ блюда. При дессертѣ Друэнъ-де-Люисъ всталъ и обратился къ родителямъ съ краткою рѣчью, оставшеюся безъ отвѣта. Коулей былъ слишкомъ растроганъ, чтобъ отвѣчать. Мнѣ поручили вести леди Алису Пиль (Peel), супругу бывшаго военнаго министра, большую пріятельницу покойной княгини Ливенъ, которая пользовалась ею для своей

переписки съ Императрицею Александрою Өеодоровною. Туалетъ и особенно прическа этой дамы были чрезвычайно эксцентричны, а ея французскій выговоръ гармонировалъ всему остальному. Она меня забросала вопросами объ именахъ и званіяхъ собесѣдниковъ, и не зная какъ удовлетворить ея любопытству, я передалъ ее съ ея вопросами сосѣдкѣ моей по лѣвую сторону, г-жѣ Баррингъ (Barring) и ея кавалеру Гарфорту (Harfort). Обѣдъ длился до 10 часовъ; я возвратился домой утомленный, но былъ доволенъ, что исполнилъ обязанность въ отношеніи семейства Коулей, которое я люблю и уважаю, чего они и заслуживаютъ. Англійскіе обряды и обычаи, исполняемые ими въ чужой странѣ столь строго, напомнили мнѣ наши обычаи, которые въ употребленіи только у низшихъ классовъ нашего славянскаго міра. Британская аристократія благоразумнѣе, оттого она и удерживаетъ свою власть.

Разговоръ съ Тувенелемъ о его рѣчи въ сенатѣ.

На обѣдѣ у г-жи Гейне, 7-го февраля, гр. Киселевъ встрѣтился съ Тувенелемъ, съ которымъ имѣлъ интимный разговоръ: „я сказалъ ему откровенно“, пишетъ графъ, „что рѣчь его въ сенатѣ [1]) заключала вызовъ, относившійся къ императору, котораго хотя и считаютъ добрякомъ, но онъ припомнитъ ему это при удобномъ случаѣ, и что вообще я не понимаю его цѣли. Онъ прервалъ меня, сказавъ, что для него это былъ долгъ чести; что личное достоинство его требовало оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ, ложно направленнымъ журналами (la France), которые сознательно обвиняли его въ томъ, что онъ измѣнилъ политикѣ государства изъ революціонныхъ стремленій, и что онъ не раскаивается. Чтоже касается до припоминанія императора, то онъ этого не боится. Тувенель говорилъ все это съ нѣкоторою раздражительностью, которая доказывала мнѣ, что я задѣлъ за чувствительную струнку и что онъ чувствуетъ болѣе, чѣмъ высказываетъ, ложный путь, по

---

[1]) При преніяхъ объ адресѣ, объ италіянскихъ дѣлахъ, Тувенель въ этой рѣчи положительно утверждалъ, что онъ до послѣдняго часа не сказалъ ни одного слова, не написалъ ни одной строчки, которыя не были бы согласны съ инструкціями императора

которому онъ позволилъ себя увлечь партизанамъ италіанскаго абсолютнаго объединенія. Группа этихъ людей немногочисленна, но они дѣятельны и смѣлы. Между главными изъ нихъ называютъ принца Наполеона, Лавалета, Бенедетти, Эмиля Жирардена, редакторовъ Journal des Débats и другихъ, открыто поддерживающихъ уничтоженіе свѣтской власти папы въ пользу новаго италіанскаго королевства, которое, по ихъ мнѣнію, никогда не можетъ утвердиться рядомъ съ священникомъ-королемъ".

Тувенель о Польшѣ.

Въ другой разъ, именно 5 апрѣля, Тувенель зашелъ къ графу Павлу Дмитріевичу, и между ними зашелъ разговоръ о Польшѣ: бывшій министръ говорилъ бывшему послу, „что положеніе вопроса вовсе не такое затруднительное, какъ полагаютъ. По его мнѣнію, Царство Польское должно быть возстановлено по трактату 1815 года, съ присовокупленіемъ Галиціи и части Познанскаго герцогства подъ управленіемъ одного изъ русскихъ великихъ князей, который, въ качествѣ короля польскаго, былъ бы тѣсно связанъ съ имперіею трактатами и взаимными гарантіями. Устроенное такимъ образомъ королевство образовало бы массу въ 12 или 13 милл. жителей, которую нужно было бы направить не противъ Россіи, а противъ Германіи. Австрія взяла бы на себя заботу объ этомъ устройствѣ для пользы Европы, и никто на это не роптал бы. Нельзя терять изъ виду, что, приступая къ польскому вопросу, задѣнутъ окончательное возстановленіе италіанскаго королевства, а можетъ быть и восточный вопросъ". Но что скажетъ Англія? спросилъ я—„пусть говоритъ что хочетъ. Если обѣ имперіи согласятся и она слишкомъ озлобится, то на нее не обратятъ вниманія, и тѣмъ все кончится". Для бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ такое мнѣніе слишкомъ поспѣшное".

Главный вопросъ, занимавшій въ это время нашу политику—былъ вопросъ польскій. Графъ Киселевъ не могъ уже принимать участія въ дипломатической перепискѣ по этому вопросу, но слѣдилъ за нимъ. Въ его запискахъ находятся интересныя замѣтки о закулисныхъ маневрахъ.

Разговоръ нашего посла съ Наполеономъ о Польшѣ.

Подъ 2 мартомъ у него записано: „Будбергъ, обѣщавшій мнѣ въ воскресенье вечеромъ у Поццо посѣтить меня, не пришелъ, но прислалъ ко мнѣ г. Чичерина, совѣтника посольства. Онъ мнѣ передалъ содержаніе разговора, касательно Польши, между посломъ и императоромъ Наполеономъ, который въ сущности хотѣлъ сказать: „Развяжите мнѣ руки въ отношеніи общественнаго мнѣнія, которое выражается съ такою настойчивостію въ пользу Польши, и я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы угодить Императору Александру“. Посолъ былъ доволенъ этою аудіенціею и завѣреніями Наполеона. Я сказалъ Чичерину, что нужно освоиться съ рѣчами императора, прежде, чѣмъ довольствоваться его словами. Прежде всего онъ желаетъ сберечь и козу и сѣно, и не хочетъ компрометировать себя ни передъ кѣмъ, дабы имѣть впослѣдствіи полную свободу дѣйствія. Онъ ведетъ себя такимъ же образомъ съ своими министрами и приближенными. Онъ всегда осторожень (réservé) въ своемъ разговорѣ, но я думаю, что когда онъ прерываетъ свое молчаніе, онъ правдивъ. Въ теченіи 6-ти лѣтъ я никогда не могъ поймать его во лжи, въ противность тому, что говорятъ его недоброжелатели; на всѣ вопросы, на которые онъ не хочетъ или не можетъ отвѣчать, онъ молчитъ или отвѣчаетъ вопросами, но онъ никогда мнѣ не сказалъ неправды. Я говорю и утверждаю это изъ любви къ истинѣ; впрочемъ, я говорю только о себѣ и о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ“.

Свѣдѣнія о Польшѣ, сообщенныя гр. Киселевымъ Ларошъ-Жакелену.

Подъ 7-мъ марта записано: „Ларошъ-Жакеленъ заходилъ просить у меня свѣдѣній о польскихъ дѣлахъ и означилъ мнѣ данныя, которыя онъ желалъ бы получить, чтобъ имѣть возможность сознательно возражать въ сенатѣ поверхностнымъ завѣреніямъ принца Наполеона. Я отвѣтилъ ему, что буду очень радъ, если мнѣ удастся помочь ему въ исполненіи его честнаго намѣренія, но что я не могу этого сдѣлать помимо посла, съ которымъ готовъ переговорить, если маркизъ продиктуетъ мнѣ о томъ, что онъ желаетъ имѣть. Имъ были написаны тутъ же слѣдующіе 8 пунктовъ:

„1) Текстъ различныхъ постановленій, относящихся до

Польши по трактатамъ 1815 г. и послѣдующихъ, если оныя имѣются.

„2) Мнѣніе Наполеона I противъ возстановленія Польши.

„3) Конституція, данная Польшѣ Императоромъ Александромъ I въ 1816 году.

„4) Статутъ 1833 г. Императора Николая.

„5) Краткая исторія Польши.

„6) Брошюра П. Толстаго.

„7) Собраніе оффиціальныхъ бумагъ, относящихся до раздѣла Польши и особенно соглашенія короля Понятовскаго съ Императрицею Екатериною, сопровождаемыя пояснительною меморіей, которая считала всякое управленіе въ Польшѣ невозможнымъ.

„8) Объясненія о послѣднихъ рекрутскихъ наборахъ въ Польшѣ. Справедливо ли, что такой способъ набора всегда существовалъ въ балтійскихъ провинціяхъ?

„Я взялъ записку Ларошъ-Жакелена для передачи ее послу, съ необходимыми объясненіями, дабы дать понять значеніе такого предложенія со стороны краснорѣчиваго и смѣлаго оратора, который такъ любезно предлагаетъ намъ свои услуги стать противникомъ всѣхъ польскихъ партизановъ и общаго мнѣнія Европы, относящагося къ намъ такъ враждебно.

„На слѣдующій день, 8 марта, я отправился съ визитомъ къ г-жѣ Будбергъ. Посолъ вошелъ сказать мнѣ, что Чичеринъ занялся составленіемъ отвѣтовъ на записку Ларошъ-Жакелена, отнесетъ ихъ ему лично и дастъ объясненія о всѣхъ касающихся Польши дипломатическихъ актахъ, если онъ ихъ потребуетъ.

„Послѣ засѣданія, ораторъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ, между прочимъ, что доставленныя ему свѣдѣнія не были достаточно полны и вѣски, чтобы служить полезною основой рѣчи; что онъ извлекъ изъ нихъ что могъ, но какъ посольство, такъ и онъ самъ не имѣли достаточно времени сдѣлать больше и лучше“.

Далѣе о дѣлахъ, касающихся Польши, находимъ въ дневникѣ Павла Дмитріевича слѣдующія не лишенныя интереса замѣтки: Замѣтки о польскихъ дѣлахъ.

„18-е марта. Я только что прочелъ отчетъ о вчерашнихъ преніяхъ въ сенатѣ о польскихъ дѣлахъ; это нагло; большею частью ложь—однако, это грустно“!

„22-е апрѣля. Графъ Гольцъ недоволенъ пріемами и разговорами Дрюэнъ-де-Люиса. Французскіе министры въ Германіи получили приказаніе потребовать согласіе второстепенныхъ дворовъ на ноты 3-хъ дворовъ касательно Польши.

„Лихтени (Lighteni) узналъ отъ нунція, что французскій посланникъ въ Римѣ настаивалъ, чтобы папа написалъ Наполеону письмо о томъ, что онъ присоединяется къ взгляду императора на польское дѣло. Папа отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на его хорошія отношенія съ Россіею, которыя онъ желаетъ сохранить“.

„18-е апрѣля. Графиня К. сообщила мнѣ о положеніи Польши: Велепольскій, не смотря на твердость характера и увѣренность въ результатахъ, ожидаемыхъ имъ отъ его управленія, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы дѣлу Россіи. Его власть неопредѣлена; онъ самъ не знаетъ законныхъ границъ своей власти; онъ управляетъ изо дня въ день; все дѣлается словесно; онъ не подписываетъ никакихъ приказаній и требуетъ, чтобъ ему повиновались безъ возраженій. Направленіе военныхъ дѣлъ оставляетъ многаго желать, если вообще это направленіе было дано, и если ему слѣдуютъ въ арміи, чтò сомнительно. Иностранные журналы извратили общественное мнѣніе. Тайныя общества управляютъ или, по крайней мѣрѣ, препятствуютъ правительству управлять такъ, какъ ему слѣдовало бы, и чѣмъ больше даютъ свободы, тѣмъ болѣе распространяется анархія“.

„20-го апрѣля. Разсказывали, не знаю изъ какой газеты, что Русскій Императоръ далъ свободу 40 милліонамъ рабовъ, чтобъ напустить ихъ на западную Европу и этимъ осуществить намѣреніе Его отца, касательно всеобщей контръ-революціи. Забавнѣе всего въ этомъ легковѣріе, съ которымъ принимаются подобныя американскія утки большинствомъ Французовъ и Француженокъ подъ вліяніемъ ихъ духовниковъ. Довѣріе свое

они обыкновенно объясняютъ словами: „кто знаетъ, впрочемъ, говорятъ же объ этомъ даже въ журналахъ".

„Здѣсь ожидаютъ отклонительнаго отвѣта со стороны Россіи на ноту о Польшѣ. Слогъ, какъ говорятъ, будетъ вѣжливый, но твердый. Дай Богъ, чтобъ это было такъ.

„Военный министръ отвѣтилъ на сдѣланный ему запросъ, что онъ не думаетъ быть готовымъ ранѣе января 1864 года; между тѣмъ пополняются военные магазины, чтобы быть въ полной готовности къ войнѣ.

„Говорятъ также, что если дипломатіи не удастся умѣрить разгоряченное мнѣніе Европы, то Франція будетъ принуждена вызвать общую войну, чтобъ не потерпѣть ущерба въ своей чести, при которомъ имперія не можетъ существовать".

„11-го мая была помѣщена въ Journal des Debats дерзкая рѣчь лорда Шавсбюри (Schaftsbury) о Польшѣ и министерскій отвѣтъ министра Росселя, который хотя и сочувствуетъ несчастіямъ Польши, но объявляетъ, что Англія можетъ помочь ей только добрыми желаніями и совѣтами, но не участіемъ въ войнѣ, если она возгорится.

„На слѣдующій день Morning Post помѣстила враждебную Россіи статью, въ которой доказываетъ, что „необходимо принудить этихъ варваровъ силою, признать полную независимость Польши". Журналъ этотъ выражаетъ обыкновенно мысли главы кабинета (тогда Пальмерстона) и ставитъ его своею статьею въ противорѣчіе съ его товарищемъ; поддерживаетъ съ одной стороны публичные фонды, съ другой требованія революціонной демократіи Европы. Повсюду и всегда въ политикѣ хотятъ имѣть двѣ тетивы на лукѣ, съ тою разницею, что въ другихъ странахъ хотя нѣсколько уважаютъ добросовѣстность своихъ правительственныхъ мнѣній, тогда какъ въ Англіи, подъ предлогомъ свободы печати, отпираются отъ нихъ безъ всякаго смущенія совѣсти".

„4-е іюня. Посолъ Будбергъ сообщилъ мнѣ о своихъ дипломатическихъ переговорахъ, которые, какъ мнѣ кажется, его не удовлетворяютъ. Онъ мнѣ передалъ:

„1) Что изготовляются ноты трехъ государствъ; но что онѣ до сихъ поръ не были посланы въ С.-Петербургъ.

„2) Что дѣло касается только Царства Польскаго, но не западныхъ губерній Россіи".

Далѣе баронъ Будбергъ сказалъ графу Киселеву, что императоръ Наполеонъ былъ сильно встревоженъ послѣдними парижскими выборами. „Они не опасны для настоящаго времени", сказалъ онъ, „но чрезъ 6 лѣтъ, когда императорскій принцъ будетъ совершеннолѣтнимъ и я постарѣю, такое направленіе умовъ можетъ оказаться вреднымъ. Есть о чемъ призадуматься". Императоръ Наполеонъ увѣрялъ, что онъ говорилъ Императору Александру, въ Штутгардтѣ, что онъ не предвидѣлъ въ политическихъ сношеніяхъ Франціи съ Россіею никакихъ серьезныхъ несогласій. „Развѣ только", сказалъ онъ, „если дѣла Польши не потребуютъ моего вмѣшательства"; и затѣмъ слѣдовали объясненія, которыя не были мнѣ (Будбергу) переданы и мнѣ не извѣстны". Посолъ, сообщая объ этомъ кн. Горчакову, спрашивалъ его такъ-ли это? Горчаковъ отвѣтилъ утвердительно.

„Императрица очень благоволила къ Полякамъ; но узнавъ интриги духовенства и циркуляръ пяти епископовъ, съ епископомъ орлеанскимъ во главѣ, она одумалась и прекратила сношеніе съ клерикальною партіею, съ Валевскимъ и его сотоварищами, которые надоѣли ей послѣ ея успѣха въ дѣлѣ папы. Императоръ очень возмущенъ разговорами въ С.-Петербургѣ, враждебными ему и Франціи".

Посѣтивъ 17-го іюня концертъ въ Елисейскихъ поляхъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ пишетъ: „Польскія дамы продолжаютъ сообразоваться съ предписаніемъ тайнаго правительства, и носятъ трауръ по отчизнѣ. „Доселѣ", говорятъ онѣ, „дѣлали это изъ страха, а теперь, въ виду избіенія священниковъ, онѣ дѣлаютъ это по долгу совѣсти. Архіепископъ Фелинскій высланъ въ Петербургъ, за то, что протестовалъ, и религія затронута; поневолѣ нужно было носить трауръ. Это убѣжденіе всѣхъ католиковъ. Слѣдовало наказывать, но на самыхъ законныхъ основаніяхъ, дабы отстранить крики фана-

тиковъ и революціонеровъ, которые въ противномъ случаѣ воспользуются этимъ и будутъ распространять порицанія и возбуждать ненависть. Епископъ былъ вызванъ въ Петербургъ не за то, что возставалъ противъ наказанія священниковъ, а за то, что помѣстилъ въ газетахъ свое письмо къ Императору. Примѣняемая теперь строгость должна была быть принята при началѣ возстанія. Ей слѣдовало дать самую широкую гласность, основывая всѣ приговоры на дѣйствіяхъ осужденныхъ. У насъ еще не понимаютъ, что въ настоящее время гласность есть необходимость, которую нельзя обойти безнаказанно".

Въ это время, по поводу польскаго вопроса, положеніе нашихъ дипломатовъ, при французскомъ и англійскомъ дворахъ, было весьма натянутое и потому, болѣе чѣмъ когда-либо, требовалось разумное руководство министерства.

Н. А. Милютинъ въ Парижѣ; оцѣнка его французскими политическими людьми.

Зимою 1862—1863 гг. въ Парижѣ жилъ съ своимъ семействомъ Н. А. Милютинъ; Павелъ Дмитріевичъ познакомилъ его съ главными политическими знаменитостями Франціи, которыя скоро умѣли оцѣнить таланты его племянника.

„Вечеръ, 9-го марта", пишетъ графъ Киселевъ, „я провелъ у себя до полуночи съ Н. Милютинымъ; я воспользовался разговоромъ съ нимъ, чтобъ разъяснить себѣ нѣсколько фактовъ, бывшихъ мнѣ до сихъ поръ не ясными. Я не поѣхалъ въ тюльерійскій концертъ, чтобы не затруднить другихъ отставнымъ (déclassé), если они захотятъ быть учтивыми, а если не захотятъ, чтобы самому избѣжать униженія. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ сегодня вечеромъ, какъ полезно на Милютина повліяло его пребываніе въ Парижѣ и какъ было оцѣнено истинное достоинство его людьми, съ которыми онъ находился въ сношеніи. Гизо, Тьеръ, Дюшатель вызвали его говорить о нашемъ политическомъ и административномъ строѣ. Они остались весьма удовлетворенными его познаніями и ясностью его рѣчи. Подробности, которыя онъ имъ сообщилъ объ эмансипаціи, объ основаніяхъ этого огромнаго дѣла, равнаго которому доселѣ не было въ Европѣ, о послѣдствіяхъ его—все это очень интересовало и удивляло ихъ. Они мнѣ говорили о Милютинѣ съ восхищеніемъ, и многіе другіе пожелали съ нимъ

познакомиться и его послушать. Ему только не достаетъ нѣкоторой развязности въ разговорѣ. Онъ затрудняется нѣсколько въ выраженіяхъ, несмотря на превосходное знаніе французскаго языка. Онъ пишетъ на немъ не только хорошо, но даже изящно, а разговаривая, онъ какъ бы ищетъ словъ для выраженія своей мысли. Все таки разговоръ его оцѣненъ этими господами и пріобрѣлъ ему уваженіе ихъ. Болѣе продолжительное пребываніе во Франціи выставило бы его въ настоящемъ свѣтѣ; но мы всѣ равнодушны и лѣнивы; мы не умѣемъ выказать свою настоящую цѣну. Недостатокъ ли это или качество, я не знаю, но во всякомъ случаѣ справедливая средина въ оцѣнкѣ самого себя, болѣе чѣмъ трудна".

Объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ Россіи.

Главныя событія въ отечествѣ интересовали графа Киселева по прежнему. Подъ 4-мъ мая записано въ дневникѣ: „Указы 17-го апрѣля о совершенной почти отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, распространенные на военныхъ, доставили мнѣ величайшее удовольствіе послѣ моей неудачи по этому предмету въ теченіе 20 лѣтъ при Императорѣ Николаѣ. Полагаютъ сохранить употребленіе розогъ (200 ударовъ въ извѣстныхъ случаяхъ); я думаю, что это ошибка: — это умаляетъ великую законодательную мѣру, уничтожаетъ значеніе и обаяніе этой реформы. Несмотря на то, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія есть великое событіе, дѣлающее честь законодателю".

Въ концѣ іюля графъ Павелъ Дмитріевичъ уѣхалъ въ Баденъ; но прежде, чѣмъ послѣдовать за нимъ туда, приведемъ изъ его дневника замѣтки о Людовикѣ-Наполеонѣ.

Къ характеристикѣ Наполеона.

Подъ 11-мъ мая въ дневникѣ записано: „Берье говорилъ мнѣ объ отважномъ (aventureux) характерѣ тюльерійскаго цезаря. Онъ ведетъ дѣла по вдохновенію, а не по размышленію, какъ вообще объ этомъ думаютъ. Ему нравятся темныя дѣла, которыя онъ путаетъ сколь возможно, чтобы ими управлять, смотря по своимъ вдохновеніямъ".

„6-го іюня. Въ Булонскомъ лѣсу (на дачѣ у Ротшильда) я встрѣтилъ много знакомыхъ, между прочимъ, Тьера и генерала Шангарнье. Перваго я поздравилъ съ выборомъ его, на что онъ сказалъ, что выборъ этотъ особенно полезенъ *для*

васъ, такъ какъ приведетъ французское управленіе къ большей правильности и отстранитъ необдуманныя желанія, которыя ему свойственны. Второй развилъ ту же мысль въ болѣе грубыхъ выраженіяхъ; *человѣкъ этотъ,* говорилъ онъ, слишкомъ рискуетъ (aventureux) и вреденъ какъ Франціи, такъ и Европѣ".

„Четвергъ 10-го іюня. Едва раздались пушечные выстрѣлы изъ дома инвалидовъ, по случаю взятія Пуебло, какъ злые языки старались уничтожить обаяніе этой побѣды, распространяя извѣстіе, достигшее въ Парижѣ въ коммерческихъ письмахъ, что это была денежная сдѣлка; что Ортега получилъ большую сумму денегъ, чтобы сдать городъ съ гарнизономъ, который по числу былъ равенъ дѣйствовавшему при осадѣ французскому корпусу. Я скажу, какъ и многіе благоразумные Французы: это маловѣроятно, но не невозможно".

„Суббота 20-го іюня. При посѣщеніи моемъ бар. Будберга, я встрѣтилъ тамъ кн. Рейса, который мнѣ сказалъ, что извѣстіе о взятіи Пуебло, дошедшее наканунѣ въ Фонтенебло, такъ осчастливило императора, что онъ прыгалъ отъ радости. „Не удивляйтесь", сказалъ онъ, „что видите меня въ такомъ веселомъ настроеніи; вы не знаете, сколько я перенесъ сграха въ продолженіе этихъ двухъ недѣль; я не спалъ ночи, внезапно просыпался, воображая, что читаю донесеніе о несчастіяхъ, постигшихъ экспедицію; это тяжелая обязанность — нести нравственную отвѣтственность, которая преслѣдуетъ васъ безъ отдыха и безъ пощады. Наконецъ, я вздохнулъ спокойно и совершенно счастливъ". Онъ былъ такъ радъ, прибавилъ Рейсъ, что имѣлъ видъ веселящагося ребенка".

Гр. Киселевъ въ Баденъ-Баденѣ.

31-го іюля графъ Павелъ Дмитріевичъ уѣхалъ изъ Парижа съ братомъ своимъ Николаемъ, тогдашнимъ нашимъ посланникомъ въ Римѣ, въ Баденъ-Баденъ, гдѣ бывшая въ то время княгиня Бутера, пользовавшаяся его особенною дружбою, встрѣтила его съ полнымъ радушіемъ и постоянно оказывала ему знаки своего уваженія.

Здѣсь по совѣту врачей онъ предпринялъ курсъ леченія ослинымъ молокомъ.

Въ Баденъ-Баденѣ въ то время была королева прусская, приглашавшая его на свои вечера и обѣды.

Разговоры съ прусскою королевою.

Онъ записалъ слѣдующіе съ нею разговоры: „Четвергъ, 10-го сентября: прусская королева, сообщивъ мнѣ, чрезъ посредниковъ, свои сожалѣнія, что не видитъ меня такъ часто, какъ бы она того желала, изъ боязни утомлять меня во время моего леченія, и пригласила меня къ себѣ сегодня въ $3^1/_2$ часа. Ея величество разговаривала со мной о разныхъ предметахъ и въ особенности о вредномъ духѣ, распространенномъ въ Европѣ и даже въ Пруссіи.

Брошюра объ императорѣ, Польшѣ и Россіи.

Дипломатическій походъ трехъ державъ противъ Россіи продолжалъ занимать графа Павла Дмитріевича. Подъ 2 августомъ у него записано: „я возвратился къ себѣ до 10 часовъ, чтобъ прочесть новую брошюру L'Empereur, la Pologne et L'Europe. Это воинственный манифестъ, весьма наглый, который, подъ формою частныхъ мыслей, взволнуетъ всю Европу. Въ этой брошюрѣ я нашелъ много мыслей, замѣченныхъ мною въ откровенномъ разговорѣ съ императоромъ Наполеономъ, и въ третьей части „Наполеоновскихъ идей".

„Брошюра эта могла быть если не внушенная, то дозволенная, какъ пробный анонимный шаръ, который не влекъ за собой никакой отвѣтственности, но могъ дать или подготовить полезное направленіе общественному мнѣнію на пути преобразованій требуемыхъ духомъ времени; но если основаніе можно оправдать, то исполненіе можетъ казаться преждевременнымъ. Вотъ это и есть подводный камень, о который разбиваются реформаторы, охватывающіе слишкомъ большіе горизонты. Когда канва уже начертана, надо развитіе ея предоставить времени и будущимъ поколѣніямъ. Жизнь человѣка слишкомъ коротка для того, чтобъ наслаждаться результатами своихъ дѣлъ. Многіе такъ думали, но никто не исполнялъ на практикѣ откровенно.

„Бенедетти думаетъ, что эта враждебная Россіи брошюра была написана Гранье-де-Касаньякомъ и терпима, если не одобрена свыше. Объ этомъ не намекалъ ни одинъ журналъ; это болѣе всего доказываетъ, что она была дозволена, но что

впослѣдствіи одумались. Такой способъ отступленія весьма обыченъ во Франціи. Рискъ (l'aventure) составляетъ отличительную черту характера императора, но такъ какъ онъ не упрямъ и владѣетъ свѣтлымъ умомъ, то онъ легко сдается на замѣчанія своихъ совѣтниковъ и возвращается въ свою нору, подобно зайцу, дѣлая разные извороты, чтобъ сбить преслѣдующаго его охотника. Способъ этотъ ему иногда удается, но въ тоже время возбуждаетъ недовѣріе, заставляющее принимать его за коварнаго (fourbe), какимъ его нельзя считать".

„Понедѣльникъ, 3 августа. Я перечитываю императорскую брошюру и пересматриваю выдающіяся мѣста, чтобъ удержать ихъ въ моихъ запискахъ. Мы вызывали заявленіе святаго отца въ пользу порядка и мира въ Польшѣ. Папа отвѣчалъ духовнымъ посланіемъ, исключительно религіознымъ и католическимъ, о несчастіяхъ, сокрушающихъ церковь въ Польшѣ, и о довѣріи, которое слѣдуетъ возлагать на молитвы, возсылаемыя имъ и вѣрующими къ Провидѣнію".

Отношеніе Франціи къ польскому вопросу.

Подъ 12 октября записано: „Обмѣнъ дипломатическихъ нотъ трехъ дворовъ [1]) о законной принадлежности Польши Россіи, открылъ дурные замыслы со стороны этихъ державъ противъ Россіи. Франція очень пристрастна къ польскому вопросу, что меня и не удивляетъ. Во время свиданія въ Штутгардтѣ императоръ Наполеонъ предупредилъ объ этомъ нашего Государя. Наполеонъ мнѣ *это сказалъ по возвращеніи своемъ;* кн. Горчаковъ подтвердилъ это Будбергу. Наполеонъ, говоря о политическомъ положеніи Европы, выразился въ такомъ смыслѣ: „что касается до отношеній Россіи къ Франціи, то я вижу только одинъ вопросъ, который можетъ быть щекотливымъ; это вопросъ польскій, если онъ долженъ возобновиться и занять европейскую дипломатію. Я имѣю обязательства (j'ai des engagements), отъ которыхъ не могу отказаться и долженъ щадить общественное мнѣніе, которое во Франціи очень благопріятно Польшѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ я долженъ откровенно предупредить Ваше Величество, чтобъ не пришлось прервать наши хорошія отношенія, которыми я такъ

[1]) Французскаго, австрійскаго и англійскаго.

дорожу". Интересно было бы знать, какія это *обязательства?* Ему можно отвѣтить, что мнѣніе Франціи есть произведеніе журналовъ, внушенное изъ Palais Royal и по крайней мѣрѣ терпимое властью. Это — поддѣльное мнѣніе, которымъ пользуются, когда хотятъ прикрыть себя, чтобы выдвинуть идеи, такъ-называемыя наполеоновскія, которыя появились въ 3-мъ томѣ сочиненій императора. Меня увѣряли, что этотъ томъ, очень затрудняющій министерство иностранныхъ дѣлъ, отыскиваютъ, чтобы изъять его изъ продажи и передѣлать согласно съ требованіями нынѣшней политики. Дѣйствія императора ясны: онъ готовится встрѣтить обстоятельства, могущія возникнуть весною, и въ ожиданіи ихъ укрѣпляетъ свои дипломатическія связи съ второстепенными государствами, чтобы заставить дѣйствовать рѣшительнѣе Англію, поступки которой его не удовлетворяютъ".

Гр. Киселевъ въ Швейцаріи у Великой Княгини Елены Павловны.

27-го сентября графъ Павелъ Дмитріевичъ оставилъ Баденъ-Баденъ и отправился въ Швейцарію, въ Уши, близъ Лозанны, куда должна была прибыть изъ Карлсбада Великая Княгиня Елена Павловна, съ которою онъ велъ въ этомъ году весьма дѣятельную переписку. Въ Уши 2-го октября онъ представлялся Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, у которой онъ нашелъ ея дѣтей и зятя принца Вильгельма Баденскаго, а затѣмъ въ 5 часовъ отправился на станцію желѣзной дороги для встрѣчи Великой Княгини Елены Павловны.

„Я не могу", пишетъ онъ, „нахвалиться пріемомъ августѣйшей путешественницы. Великая Княгиня Елена Павловна, всегда ко мнѣ милостивая, приняла меня какъ стараго друга и благосклонно предложила мнѣ у себя гостепріимство. Было условлено, что я всегда найду приборъ за ея столомъ, что я буду сопровождать Ея Высочество въ послѣобѣденныхъ прогулкахъ, а вечеромъ мы сыграемъ партію въ пикетъ. Ея предусмотрительная дружба устроила все заблаговременно, и мнѣ приходилось только ежеминутно выражать ей мою глубокую благодарность за ея вниманіе, которое никогда не измѣнялось въ продолженіи 30 лѣтъ".

Еще прежде, именно подъ 15-мъ августа, у него записано слѣдующее:

„Я опасаюсь, что эта воздушная (телеграфная) переписка съ Великою Княгинею окончится тѣмъ, что лишитъ меня величайшаго счастія видѣть и слышать Великую Княгиню: я признаю въ ней высшее существо, которое почитаю и люблю болѣе всего. Она раздѣляетъ съ моимъ братомъ всѣ мои привязанности; я ее люблю и почитаю потому, что знаю всѣ ея высокія качества; противники ея порицаютъ ее изъ зависти и потому, что люди вообще не любятъ считать себя ниже всякаго совершенства“.

Великая Княгиня окружала своего гостя самою предупредительною заботливостью, къ которой было только способно ея прекрасное сердце и въ которой выражалось насколько она умѣла цѣнить высокія качества и заслуги графа Киселева. При преклонности лѣтъ, безъ семейства, трудно было оставаться ему въ совершенномъ одиночествѣ,—потому Великая Княгиня прислала графу Павлу Дмитріевичу, въ видѣ частнаго секретаря-компаньона, своего библіотекаря, и когда ему нужно было уѣхать, то на мѣсто его прислала доктора А. П. Скребицкаго. Заботливость Великой Княгини о графѣ Киселевѣ.

Слѣдующее мѣсто дневника характеризуетъ взаимныя отношенія Великой Княгини и графа Киселева.

„Воскресенье 18-го октября. Настойчивость, съ которой Великая Княгиня хотѣла принудить меня надѣть болѣе теплую одежду, кончилась тѣмъ, что вывела меня изъ терпѣнія и заставила меня сказать ей, что я протестую противъ этого деспотизма, который иногда тяжело переносится въ обыденной жизни. Я былъ не правъ, тѣмъ болѣе, что ея ангельская кротость заставила меня понять несправедливость и неумѣстность моей вспышки; въ продолженіе вечера я извинился и былъ прощенъ“.

29-го октября Великая Княгиня уѣхала изъ Уши въ Базель, а графъ Киселевъ въ тотъ же день отправился въ Парижъ, гдѣ продолжалъ вести прежній образъ жизни: утромъ постоянно принималъ посѣтителей, велъ свой дневникъ, когда позволяло здоровье принималъ приглашенія на обѣды и вечера Возвращеніе графа Киселева въ Парижъ.

у лицъ, предъ которыми онъ уже не былъ связанъ нынѣшними оффиціальными отношеніями.

Чтеніе графа Киселева.

Наконецъ, считаемъ не лишнимъ упомянуть, что въ теченіе этого года, именно лѣтомъ и осенью, кромѣ чтенія журналовъ и политическихъ брошюръ, графъ Павелъ Дмитріевичъ очень интересовался чтеніемъ Ренана, и прочелъ также на русскомъ языкѣ записки Ермолова.

ГЛАВА LII.

1864 годъ.

Мысль о сохраненіи подобающаго положенія въ обществѣ.—Болѣзненный припадокъ съ гр. Киселевымъ.—Воспоминанія о матери.—Мысли о важности ораторскаго искусства для лицъ посвящающихъ себя государственной службѣ.—Отъѣздъ гр. Киселева въ Баденъ.—Гр. Киселевъ уѣзжаетъ въ Рагацъ.—Встрѣча Великой Княгини Елены Павловны.—Общество Великой Княгини и времяпровожденіе.—Отъѣздъ Великой Княгини Елены Павловны.—Признательность ей гр. Киселева.—Отъѣздъ гр. Киселева изъ Рагаца; встрѣча съ Бенедетти.—Поѣздка гр. Киселева къ Рейнскому водопаду и размышленія его по этому случаю.—Гр. Киселевъ въ Уши.—Разговоръ съ княземъ Горчаковымъ.—Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.—Чтеніе книгъ и замѣтки о нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Замѣчаніе о Запискахъ Д. Давыдова.—По поводу біографіи Сперанскаго.—Вниманіе гр. Киселева къ тому что дѣлалось въ отечествѣ.

Мысль о сохраненіи подобающаго положенія въ обществѣ.

Первую половину года гр. Павелъ Дмитріевичъ провелъ въ Парижѣ. Получалъ приглашенія отъ двора на балы и вечера въ Тюльери, но ни разу тамъ уже не былъ. Онъ продолжалъ бывать въ частныхъ домахъ, но ограничивалъ, однако, и тутъ свои посѣщенія, чувствуя ослабленіе силъ и избѣгая случаевъ, гдѣ онъ замѣчалъ, что ему уже не предоставляютъ того мѣста въ обществѣ, которое отдавали ему прежде. Вотъ, что онъ записалъ по этому случаю объ одномъ обѣдѣ:

„Графиня Штакельбергъ пригласила меня, утреннею запискою, на маленькій обѣдъ, который я поспѣшилъ принять и прибылъ въ назначенный часъ. Нахожу тамъ, дѣйствительно,

человѣкъ двѣнадцать и между ними одного господина, котораго я не зналъ. Она проситъ меня вести къ столу герцогиню д'Истри и подаетъ руку моему незнакомцу, котораго и сажаетъ возлѣ себя направо, а меня налѣво. Все это было хорошо, покамѣстъ мнѣ было неизвѣстно общественное положеніе человѣка, котораго поставили выше меня; но когда на другой день мнѣ сказали, что это былъ Лютероде (Lutherode), прежній неаполитанскій повѣренный въ дѣлахъ, то я очень порадовался своему рѣшенію не принимать приглашеній по билетамъ и быть также осмотрительнѣе въ выборѣ приглашеній словесныхъ и по пріятельскимъ запискамъ. Въ прошломъ году я уже испыталъ это на банкетѣ у Камбасереса, гдѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Чили посадили выше меня. Такъ-то справедливо, что живая мошка значитъ больше, чѣмъ мертвый левъ, и что для человѣка, вышедшаго вонъ изъ разрядовъ (déclassé), какъ я, благоразумнѣе избѣгать этихъ неудобствъ (хотя бы и пустыхъ), отказываясь отъ приглашеній, чѣмъ принимать ихъ и потомъ раскаяваться".

Болѣзненный припадокъ съ графомъ Киселевымъ.

Въ концѣ зимы съ графомъ случился сильный болѣзненный припадокъ. 25 февраля, во время обыкновенной утренней своей прогулки, онъ почувствовалъ слабость; обѣдалъ дома и вечеромъ отправился въ итальянскую оперу, но, почувствовавъ усталость, воротился домой и съ трудомъ взошелъ на лѣстницу; въ 11 часовъ онъ былъ уже въ постелѣ. На другой день утромъ, открывъ глаза, онъ впалъ въ совершенное безпамятство, которое продолжалось и на другой день. Только на третій день возвратились признаки памяти. Стараніями врачей, и въ особенности бывшаго при немъ доктора Скребицкаго, опасность была отвращена, но выздоровленіе происходило медленно. Лишь въ послѣдней половинѣ марта онъ сталъ выѣзжать для прогулокъ, и здоровье его мало по малу возстановилось. Когда дошла вѣсть до Петербурга о случившемся съ гр. Киселевымъ, 4 марта кн. Горчаковъ о его здоровьѣ, по приказанію Государя, спрашивалъ Будберга. Въ Тюльери также освѣдомлялись о томъ же чрезъ нашего посла, а 4 апрѣля посѣтила графа принцесса Матильда, съ которою,

какъ записано у него въ дневникѣ, былъ „серьезный разговоръ“.

На страстной недѣлѣ гр. Павелъ Дмитріевичъ говѣлъ и по этому случаю записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„Я хотѣлъ говѣть на страстной недѣлѣ въ память обѣщанія, даннаго мною матери при отъѣздѣ изъ Москвы, въ 1806 году, на службу, офицеромъ, въ кавалергарды. Я исполнялъ это обѣщаніе по мѣрѣ возможности во время кампаній 1807, 1812, 1813, 1814 и 1828 годовъ: или вполнѣ говѣя, или присутствуя отдѣльно при которомъ-либо богослуженіи. Послѣ войны, въ Петербургѣ, Бухарестѣ и Парижѣ, я никогда не упускалъ случая исполнять этотъ долгъ совѣсти и очень доволенъ собою, потому что, въ сущности, ничто не удовлетворяетъ такъ потребности моего сердца, какъ воспоминанія дѣтства, подкрѣпленныя обѣтомъ, даннымъ святой женщинѣ, отъ которой я получилъ жизнь и которую оплакиваю еще донынѣ; и если выраженія любви и признательности могутъ теперь достичь до нея, то да приметъ она ихъ, какъ дань, приносимую изъ глубины моей души. Я говѣлъ въ домашней церкви княгини Бутера. Послѣдній день страстной недѣли очень былъ тягостенъ для меня. Я долженъ былъ оставаться въ церкви съ 9 часовъ вечера до часа пополуночи, и эти четыре часа отняли у меня сонъ на всю остальную ночь, тогда какъ съ 12 часовъ утра я долженъ былъ принять болѣе 30-ти человѣкъ, пожелавшихъ привѣтствовать меня. Это взаимный обмѣнъ учтивостей, которому приходится покоряться безъ неудовольствія“. Воспоминанія о матери.

Наступившее лѣто гр. Павелъ Дмитріевичъ проводилъ обыкновеннымъ образомъ, принимая посѣтителей, и почти всегда, когда оставался дома, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколько человѣкъ. Однажды, именно 20-го іюня, онъ обѣдалъ вдвоемъ съ Чичеринымъ, совѣтникомъ посольства; этотъ молодой дипломатъ просидѣлъ у него до 11 часовъ вечера, оставивъ о себѣ самыя благопріятныя впечатлѣнія въ гр. Киселевѣ, наведшія его, между прочимъ, на мысль о важности Мысли о важности ораторскаго искусства для лицъ, посвящающихъ себя государственной службѣ.

ораторскаго искусства для лицъ, посвящающихъ себя государственной службѣ.

„Я обѣдалъ вдвоемъ съ Чичеринымъ. Это молодой человѣкъ съ большими познаніями и обѣщаетъ много въ будущемъ. Университетское воспитаніе развило его умственныя способности, и если онъ будетъ продолжать дѣятельно работать и заниматься своимъ образованіемъ, то сдѣлается замѣчательнымъ, не только какъ дипломатъ, но и на высшихъ постахъ государственной администраціи, для которыхъ необходимо заранѣе приготовлять себя. Духъ времени ввелъ дѣловыя пренія и слѣдственно, надо умѣть говорить,—и хорошо говорить,—чтобы господствовать въ государственныхъ собраніяхъ. Греки и Римляне, а позднѣе ихъ Англичане, сдѣлали краснорѣчіе предметомъ спеціальнаго изученія, которое старались ввести въ общее употребленіе тостами и спичами, прибѣгая къ нимъ во всѣхъ случаяхъ, не исключая и семейныхъ праздниковъ. Наши государственные люди, въ томъ числѣ и я, приступали съ большою робостію къ изустнымъ преніямъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и если я когда успѣвалъ въ поддержаніи моего мнѣнія, то обязанъ былъ этимъ скорѣе точности идей, чѣмъ отчетливости рѣчи. Еслибы мнѣ пришлось вновь начинать карьеру, я бы занялся обработаніемъ моего разговорнаго языка. Теперь для меня самого это уже поздно; но я бы рекомендовалъ это моимъ юнымъ друзьямъ, отличающимся на военномъ и гражданскомъ поприщахъ. Это было бы имъ полезно. Между членами Государственнаго Совѣта, которымъ мнѣ приходилось возражать, главными были Дашковъ и Блудовъ. Первый всегда былъ ясенъ въ изложеніи своихъ идей; второй, при свободной рѣчи и удачныхъ выраженіяхъ, часто кончалъ противорѣчіями самому себѣ и уничтожалъ, не замѣчая того, эффектъ своихъ выводовъ. Мнѣ сказывали, что покойный Мордвиновъ былъ главнымъ ораторомъ Совѣта и всегда склонялъ большинство голосовъ на сторону своего мнѣнія“.

Отъѣздъ графа Киселева въ Баденъ.

2-го іюля гр. Киселевъ уѣхалъ изъ Парижа и, чрезъ Нанси, на другой день пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. Въ Нанси

осматривалъ соборъ и гробницы польскаго короля Станислава Лещинскаго и королевы, урожденной Опалинской.

Въ Баденѣ онъ нашелъ многихъ своихъ знакомыхъ Русскихъ, общество которыхъ окружало его вниманіемъ и доставляло ему пріятное развлеченіе; туда же скоро пріѣхалъ и братъ его Николай съ своею женою. Въ Баденѣ онъ выдержалъ курсъ молочнаго леченія и 9 августа уѣхалъ въ Штутгардтъ, откуда вмѣстѣ съ г. Титовымъ и его супругою, 11-го пріѣхалъ въ Рагацъ, гдѣ, на станціи желѣзной дороги, встрѣтили его бар. Розенъ, гр. Муравьевъ-Амурскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, П. Чихачевъ и секретарь Великой Княгини Елены Павловны, Ринцлеръ. Въ комнатахъ, приготовленныхъ для него въ гостинницѣ, гр. Павелъ Дмитріевичъ встрѣтилъ Великую Княгиню, всегда добрую и милостивую къ нему, и оставался ея гостемъ до отъѣзда Ея Высочества, именно до 31 августа.

Гр. Киселевъ уѣзжаетъ въ Рагацъ.

Встрѣча Великой Княгини Елены Павловны.

У Великой Княгини въ это время гостилъ братъ ея, принцъ Фридрихъ Виртембергскій, а потомъ пріѣхалъ къ ней принцъ Нассаускій Николай. Кромѣ лицъ, оффиціально ее сопровождавшихъ въ путешествіи, ее окружало общество Русскихъ [1]).

Общество Великой Княгини и времяпровожденіе.

По словамъ Киселева, Великая Княгиня и ея общество въ Рагацѣ проводили обыкновенно день такимъ образомъ: утромъ принимали, кто хотѣлъ, ванны и прогуливались; въ $2^1/_2$ часа приглашенные собирались къ обѣду и оставались потомъ на террасѣ, въ виду великолѣпнаго горнаго пейзажа. Въ 5 часовъ садились въ дрожки и прогуливались два часа. Въ 8 часовъ собирались къ чаю, за которымъ всегда предсѣдательствовала весьма любезная и весьма симпатичная баронесса Раденъ. Послѣ иногда бывала музыка, или продолжалась бе-

---

[1]) Общество Великой Княгини Елены Павловны въ Рагацѣ составляли свита ея: баронесса Раденъ, дѣвица Гильдебрантъ (чтица и музыкантша), бар. Розенъ, Ринцлеръ (секретарь) и докторъ Арнетъ. Посѣтители: Петръ Чихачевъ, гр. Муравьевъ-Амурскій. Ю. Ѳ. Самаринъ, гр. Штакельбергъ. Титовъ, Столыпина, Свербеевы, контръ-адмиралъ Шестаковъ, Озеровы, князь Стурдза, княгиня Изабелла Гагарина. Бистромы, графъ Путятинъ. профессоры Каро и Либертъ; генералъ Минквицъ и г. Киреевъ.

сѣда, которую оживляло присутствіе и участіе очаровательной хозяйки (châtelaine). Въ 11 часовъ расходились, довольные и признательные за день, проведенный въ этихъ полудикихъ и грандіозныхъ мѣстахъ.

7-го сентября въ Рагацъ пріѣхала Великая Княгиня Екатерина Михаиловна. Вечеромъ того же дня у Киселева былъ разговоръ съ нею о современныхъ политическихъ дѣлахъ.

Отъѣздъ Великой Княгини Елены Павловны.

10-го сентября Великая Княгиня Елена Павловна уѣхала изъ Рагаца. Гр. Павелъ Дмитріевичъ былъ вполнѣ доволенъ проведеннымъ временемъ и записалъ въ дневникѣ:

„Отъѣздъ Великой Княгини Елены Павловны въ Фридрихсгаль послѣдовалъ въ 2 часа. Я откланялся Ея Императорскому Высочеству на желѣзной дорогѣ, простившись еще прежде того у нея на завтракѣ.

Признательность ей гр. Киселева.

„Мнѣ такъ хорошо было въ Рагацѣ и для здоровья, и по образу жизни, который тамъ вели, что проведенные мною тамъ тридцать дней заставляютъ меня жалѣть о внезапномъ измѣненіи, вслѣдствіе отъѣзда Великой Княгини. Эта загородная жизнь (въ замкѣ), чрезвычайно обдуманно организованная Великою Княгинею, была удобна для всѣхъ и не стѣсняла никого. Благосклонная и любезная заботливость обо мнѣ, какъ о старомъ другѣ, преисполнила меня искренней и глубокою благодарностію, которую къ моему великому сожалѣнію, я не возмогу никогда выразить ей, какъ хотѣлъ бы. Пусть приметъ она эти строки, какъ дань чистосердечной признательности, и будетъ увѣрена, что моя преданность ея особѣ прервется только съ послѣднимъ вздохомъ моимъ. Я говорю это по сущей правдѣ и съ надеждою, что Богъ дозволитъ мнѣ исполнить этотъ обѣтъ“.

Отъѣздъ гр. Киселева изъ Рагаца; встрѣча съ Бенедетти.

На другой день послѣ отъѣзда Великой Княгини и гр. Киселевъ оставилъ Рагацъ. Проѣзжая чрезъ Цюрихъ онъ встрѣтился съ Бенедетти; объ этой встрѣчѣ записано въ дневникѣ:

„Бенедетти былъ въ Цюрихѣ въ одномъ отелѣ со мною и зашелъ привѣтствовать меня съ пріѣздомъ. Я очень радъ былъ видѣть его и отъ сердца пожать ему руку. Это одинъ

изъ тѣхъ людей, которые заставляютъ любить и уважать себя, если удастся узнать и оцѣнить ихъ по заслугамъ".

Изъ Цюриха Киселевъ ѣздилъ въ Шафгаузенъ, смотрѣть Рейнскій водопадъ, и это посѣщеніе навело его на слѣдующія мысли: Поѣздка гр. Киселева къ Рейнскому водопаду и размышленія его по этому случаю.

„Я прибылъ въ полдень къ Рейнскому водопаду. Онъ производитъ хорошій эффектъ, когда встрѣчается на вашемъ пути, но сдѣлать для него особое путешествіе и пожертвовать цѣлымъ днемъ, чтобы ѣхать смотрѣть на него—это уже слишкомъ. Эта мода введена англійскими туристами, при ихъ перегринаціяхъ по материку, чтобы разсѣявать по возможности ихъ обычный сплинъ; а мы, какъ обезьяны, считаемъ себя обязанными дѣлать тоже, нисколько не заботясь о томъ, что могли бы извлечь пользу изъ цивилизаціи, опередившей нашу и способной дать намъ полезные примѣры для подражанія. Наши отечественные туристы охотно замѣчаютъ внѣшніе, поражающіе ихъ предметы, но занимаются очень мало—или даже и вовсе не занимаются—причинами и способами, послужившими къ ихъ появленію и введшими ихъ въ практическую жизнь народовъ. Это придетъ съ распространеніемъ просвѣщенія, но придетъ медленно и въ ущербъ настоящему поколѣнію. Теперь все движется какъ на парахъ; непозволительно уже откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня. Въ нравственномъ образованіи массъ особливо насъ опередили и опередятъ еще больше, во вредъ намъ, если образованный классъ не придетъ на помощь правительству. Оно не возможетъ одно привести къ цѣли, существенной для Россіи, которой развитіе не должно болѣе стѣсняться, какъ прежде, крѣпостничествомъ".

Посѣтивъ затѣмъ Бернъ, 17-го сентября Киселевъ пріѣхалъ въ Уши, гдѣ онъ нашелъ многихъ Русскихъ и Великую Княгиню Екатерину Михаиловну съ супругомъ. 28-го сентября пріѣхала въ Лозанну Великая Княгиня Елена Павловна. Гр. Киселевъ въ Уши.

23-го сентября Киселева посѣтилъ пріѣхавшій наканунѣ въ Лозанну кн. Горчаковъ. Вотъ что занесено въ дневникѣ Киселева о разговорѣ его съ канцлеромъ:

Разговоръ съ княземъ Горчаковымъ.

„Кн. Горчаковъ, пріѣхавшій наканунѣ, пришелъ ко мнѣ въ садъ съ своими спутниками: двумя Мухановыми, Жеребцовымъ и Шервальдомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ тотчасъ приступилъ къ описанію своего дипломатическаго похода, сдѣланнаго, сказалъ онъ, по точнымъ указаніямъ Государя Императора. Онъ обратилъ мое вниманіе на различные фазисы нашего положенія, внутренняго и внѣшняго, съ которыми долженъ былъ соображать не только духъ своей дипломатической переписки, но также тонъ и стиль, наиболѣе приличествовавшіе Россіи и Европѣ. Нашъ Августѣйшій Монархъ все одобрилъ, сказалъ онъ, и тогда моя задача была уже легка; мнѣ оставалось исполнить ее по возможности лучшимъ образомъ, и если я въ этомъ успѣлъ, то вся заслуга принадлежитъ одному Государю.—Каждому свое, отвѣчалъ я; ваша остается за вами, и я поздравляю васъ съ ней.—За симъ онъ предложилъ поставить меня въ извѣстность о всѣхъ текущихъ вопросахъ и отвѣчать на всѣ тѣ, съ которыми я желалъ бы обратиться къ нему. Я отклонилъ, учтивымъ образомъ, это любезное предложеніе, ссылаясь на физическое и моральное разстройство мое, вслѣдствіе чего онъ говорилъ о необходимости и пользѣ моего возвращенія къ дѣламъ не для постоянной и мелочной работы, но чтобы высказывать въ важныхъ политическихъ вопросахъ мое мнѣніе, которое будетъ имѣть непремѣнный вѣсъ и котораго государство ожидаетъ отъ меня. Въ моемъ отвѣтѣ на это краснорѣчивое заключеніе рѣчи, я выставилъ тѣ же аргументы, чтобы выразить мою непригодность и мою обязанность разорвать связь съ прошлымъ, которое для меня исчезло и не должно болѣе возвращаться. Встрѣчая съ моей стороны тотъ же отказъ, кн. Горчаковъ сталъ говорить мнѣ о моемъ братѣ и выразилъ большое удовольствіе, которое доставила ему возможность объявить брату о Высочайшемъ назначеніи его на постъ, согласный, какъ онъ полагаетъ, съ его желаніями. Такъ какъ Мухановъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ и я отвѣчалъ уже ему, ввернувъ словцо о медленности „разрѣшенія отъ бремени“ этимъ назначеніемъ, то я сказалъ князю,

что очень доволенъ имъ, также какъ и мой братъ, который, сверхъ того, признателенъ за выборъ поста, наиболѣе соотвѣтствующаго его желанію. Когда мой собесѣдникъ заговорилъ снова о необходимости моего возвращенія къ дѣламъ, то я начертилъ ему на пескѣ треугольникъ, объясняя различныя стороны его:

Восходящая линія уже не для меня; нисходящая совершилась; линія покоя еще остается и я хочу воспользоваться ею, пока Провидѣнію угодно будетъ сохранить мои дни. Что касается до обязательнаго предложенія посвятить меня въ подробности текущихъ политическихъ дѣлъ, то, искренно благодаря его за подобную любезность, я почелъ долгомъ отклонить это предложеніе, какъ во избѣжаніе труда ему самому, такъ и по моей неспособности воспользоваться имъ, лично, удовлетворительнымъ образомъ. Надо приготовляться *къ дальнему путешествію* и это поглощаетъ все мое вниманіе".

Гр. Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Уши до отъѣзда Великой Княгини Елены Павловны изъ Лозанны, и на другой день, именно 17-го октября, чрезъ Женеву, гдѣ онъ провелъ три дня (и между прочими въ обществѣ стариннаго его друга князя П. А. Вяземскаго), и Невшатель, возвратился въ Парижъ 22-го октября. Тамъ онъ проводилъ время обыкновеннымъ порядкомъ, занимаясь утромъ веденіемъ своего дневника, пріемомъ посѣтителей, прогулками; обѣдалъ почти всегда дома, съ приглашенными нѣсколькими собесѣдниками. Вечеромъ иногда ѣздилъ въ оперу и постоянно читалъ журналы, а потомъ любимымъ его чтеніемъ были древніе писатели: Светоній и Плутархъ, которыхъ онъ предпочиталъ современной фран-

Возвращеніе гр. Киселева въ Парижъ.

Чтеніе книгъ и замѣтки о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

цузской литературѣ. Онъ прочелъ также въ этомъ году Жизнь Іисуса Христа—соч. Сальвадора; Опроверженіе Ренана—соч. Гратри; Изложеніе православной литургіи; Исторію Крымской войны Кинглека; неизданную переписку Маріи Антуанетты; Записки Дениса Давыдова; Біографію гр. Сперанскаго—соч. барона Корфа. Въ дневникѣ его встрѣчаются иногда замѣтки о впечатлѣніяхъ, оставшихся въ немъ послѣ чтенія; такъ, кончивши чтеніе жизнеописанія Нерона, онъ замѣтилъ (подъ 10 іюня): „ужасы, которые разсказываетъ Светоній, не дали мнѣ спать до 7 часовъ утра". Въ другомъ мѣстѣ (подъ 28 іюня) у него замѣчено: „я окончилъ жизнь обоихъ Гракховъ и жалѣю объ участи защитниковъ народа, который всегда и вездѣ неблагодаренъ и неистовъ". О сочиненіи Гратри онъ замѣчаетъ, что оно недостаточно для убѣжденія невѣрующихъ, которые текстамъ священныхъ книгъ противупоставляютъ свѣтскую исторію. По поводу „Изложенія православной литургіи", прочитаннаго имъ въ Рагацѣ, онъ записалъ (5 сентября): „Православная литургія не выражаетъ въ этомъ краткомъ изложеніи мистическаго ея значенія, а потому и не даетъ прямаго понятія о цѣли и существѣ сего церковнаго служенія".

О письмахъ Маріи Антуанетты, записавъ содержаніе ихъ, онъ говоритъ: „Чтобы понять надлежащимъ образомъ опущенія, встрѣчающіяся въ ея письмахъ, необходимо прочесть соотвѣтствующія этому главы исторіи; но, и въ настоящемъ ихъ состояніи, чтеніе этихъ писемъ очень увлекательно и приводитъ къ заключенію, что и самая умная женщина не всегда бываетъ способна управлять дѣлами государства и что лучше бы ей удержаться отъ этого. Несчастная Марія Антуанетта не могла подчиниться этому, при ничтожности своего мужа".

Замѣчаніе о Запискахъ Д. Давыдова.

Къ Запискамъ Дениса Давыдова и его личности гр. Павелъ Дмитріевичъ относится довольно строго. „Записки Давыдова", говоритъ онъ (подъ 17 марта), „не составляютъ творенія, заслуживающаго большаго вниманія и довѣрія. Тотъ, который составлялъ эти Записки, хотѣлъ издать книгу изъ лоскутковъ и не зная достаточно характера и ума Давыдова. Онъ былъ поклонникъ всего, что могло льстить *нѣкоторымъ*,

и слѣпо подчинялся бѣглымъ впечатлѣніямъ того круга, въ которомъ проводилъ время. Изъ боязни пьянаго Бурцева онъ его восхвалялъ прозою и стихами; Ермолова ставилъ выше всѣхъ, а Барклая унижалъ потому только, что онъ былъ Нѣмецъ. Таковъ былъ у Французовъ Beranger; таковыхъ много повсюду,—но это не историки, и вѣрить имъ должно съ крайнимъ разборомъ. Разговоры Ермолова съ Императоромъ Александромъ 1-мъ суть вымыслы, несоотвѣтствующіе уклончивому характеру Ермолова, который, въ свою очередь, имѣлъ, между нашими генералами, свое особенное достоинство и значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ выше всего отголосокъ крикуновъ безразсудныхъ. Въ военномъ совѣтѣ, при Воробьевыхъ горахъ, онъ провозгласилъ мнѣніе о защитѣ Москвы, зная, что, при разстройствѣ нашей арміи, это было невозможно и могло довершить уничтоженіе конечное этой арміи, послѣдняго оплота, который оставался для Россіи. Барклай удержалъ свое мнѣніе твердо и честно, съ подпорою Кутузова-Смоленскаго, который отступилъ, для дальнѣйшаго продолженія войны и спасенія отечества. Я былъ тогда весьма молодъ; но помню восклицанія, которыя произносились синклитомъ записныхъ поклонниковъ Ермолова. Въ главной квартирѣ польская партія: Станиславъ Потоцкій, Ожаровскій, Влодекъ и другіе выпускали сатирическіе куплеты противъ Барклая, которые перелагались на русскій языкъ и разносились Давыдовымъ и его братьями. Предъ Бородинскимъ сраженіемъ, онъ выпросилъ у Ермолова нѣсколько сотенъ казаковъ и взводъ гусаръ (сколько припомню, Ахтырскаго полка), чтобы дѣйствовать въ тылу непріятельской арміи, и въ семъ случаѣ оказалъ услугу не столько личными подвигами, какъ мыслію, которая породила систему партизановъ и вывела на свѣтъ Сеславина, Фигнера и другихъ, которые, каждый въ своемъ объемѣ, оказывали важныя услуги арміи и заслуживаютъ подражанія въ будущемъ, въ особенности если мы съумѣемъ сохранить драгоцѣнное для русской арміи казачье войско“.

Чтеніе книги барона Корфа дало поводъ гр. Павлу Дмитріевичу высказать свое мнѣніе о Сперанскомъ и разсказать *По поводу біографіи Сперанскаго.*

замѣчательный разговоръ съ Императоромъ Николаемъ. „Баронъ Корфъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе (1861) „Жизнь Сперанскаго“. Прочитавъ 1-й томъ, я долженъ отложить до будущаго удобнаго времени прочтеніе 2-го тома; рожденіе, родство, воспитаніе и юность Сперанскаго можно бы, кажется, сократить, не утомляя читателя подробностями, мало любопытными; но, какъ бы то ни было, біографія замѣчательнаго по уму человѣка, который имѣлъ столь много вліянія на развитіе политическаго состоянія Россіи въ первые одиннадцать лѣтъ текущаго вѣка, имѣетъ неоспоримое право на особенное вниманіе всѣхъ любящихъ отечество; мнѣ особенно было пріятно и любопытно, ознакомиться съ личностію Сперанскаго по сношеніямъ, которыя я съ нимъ имѣлъ при учрежденіи V Отдѣленія Собственной Императорской Канцеляріи... Государь Николай Павловичъ, при первомъ разговорѣ о намѣреніи Его приступить къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ, указавъ мнѣ на Сперанскаго, сказалъ: Я долженъ сознаться, что сношенія Мои съ Сперанскимъ были Мнѣ всегда полезны и потому-то Мнѣ желательно, чтобы ты съ нимъ сблизился. Ты его знаешь? Зналъ, отвѣчалъ я, какъ могъ знать гвардейскій офицеръ сановника, но теперь я поѣду къ нему и съ удовольствіемъ воспользуюсь его опытностію и указаніями. И дѣйствительно, Сперанскій, вслѣдствіе, конечно, предупрежденія Его Величества, принялъ меня радушно, указалъ источники, коими могу воспользоваться при учрежденіи V Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, и предложилъ свое содѣйствіе. Сей первый разговоръ относился исключительно до учрежденія V Отдѣленія Собственной Императорской Канцеляріи, для изготовленія матеріаловъ къ преобразованію государственныхъ имуществъ. Указанія гр. Сперанскаго столь мнѣ были пригодны, что я, вслѣдствіе его предложенія, нерѣдко бывалъ у него и всегда получалъ свѣдѣнія и справки, въ коихъ нуждался и которыя онъ мнѣ сообщалъ подробно и ясно. Все это происходило въ 830-хъ годахъ“ (См. Т. II, стр. 13).

Считая себя, какъ онъ говорилъ, отшельникомъ, гр. Павелъ Дмитріевичъ, однако же, не оставался равнодушнымъ и

къ тому, что дѣлалось въ отечествѣ; онъ интересовался важнѣйшими дѣлами, о которыхъ доходили до него свѣдѣнія. Такимъ образомъ онъ читалъ съ большимъ вниманіемъ сообщенныя ему Н. А. Милютинымъ записки о преобразованіяхъ въ Царствѣ Польскомъ; онъ также читалъ выходившія тогда въ Парижѣ брошюры и статьи по польскому вопросу; а отчетъ военнаго министерства за 1863 годъ, доставленный Д. А. Милютинымъ, не только читалъ, но почти изучалъ, какъ это видно изъ того, что онъ дѣлалъ изъ него извлеченія для своего дневника, и при этомъ замѣтилъ однакоже, что подобная работа дѣлается для него утомительною.

Вниманіе гр. Киселева къ тому что дѣлалось въ отечествѣ.

Прочитавъ появившуюся тогда въ „Revue des deux mondes" статью Воловскаго о финансахъ Россіи и записавши въ своемъ дневникѣ (17 января) сущность ея, онъ замѣчаетъ:

„Россія хорошо дѣлаетъ, что не уединяется. Она сдѣлаетъ еще лучше, приводя въ порядокъ свои финансы, уравновѣшивая доходы съ расходами, поощряя земледѣліе, торговлю и промышленность и увеличивая свои рессурсы не возвышеніемъ налоговъ, а разработываніемъ богатствъ, которыми Богъ надѣлилъ ея вѣрный и православный народъ".

ГЛАВА LIII.

1865 годъ.

Графъ Киселевъ болѣе и болѣе удаляется отъ большаго свѣта.—Разсказъ барона Будберга о его отношеніяхъ къ тюльерійскому двору.—Разсказъ бар. Будберга о положеніи дѣлъ въ Пруссіи; размышленіе по этому поводу гр. Киселева —Разсказъ графа А. ** о крестьянскомъ дѣлѣ.—Мысли о будущемъ образованіи военныхъ силъ Россіи.—Воспоминаніе о своемъ прошедшемъ.—Къ характеристикѣ нѣкоторыхъ лицъ: принцъ Наполеонъ, князь В. ***, Бутковъ и Берье.—Письмо Государю о смерти Наслѣдника и отвѣтъ Его Величества.—Смерть графа Закревскаго, графини Разумовской, доктора Николо, Морни.—Чтеніе Плутарха и брошюръ о польскихъ дѣлахъ.—Замѣчанія о сочиненіяхъ Штрауса и Ренана.—Исторія принадлежавшаго гр. Киселеву денежнаго капитала.

Гр. Киселевъ болѣе и болѣе удаляется отъ большаго свѣта.

Первую половину 1865 г. гр. Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Парижѣ и велъ обыкновенный свой образъ жизни. Изъ Тюльери онъ получалъ приглашенія, но постоянно не принималъ ихъ. Онъ почти вовсе отказался отъ званныхъ обѣдовъ и вечеровъ у его знакомыхъ и избѣгалъ всякихъ сколько-нибудь многолюдныхъ собраній, даже при утреннихъ посѣщеніяхъ. Причиною тому было не столько состояніе его здоровья, сколько сознаніе, что на него не обращаютъ уже вниманія въ той степени, въ которой оказывали ему, когда онъ былъ посломъ.

19-го іюня записалъ онъ: „Посѣщеніе мое доброй герцогини Альбюфера, которое ей угодно было вызвать, доказало мнѣ еще болѣе, что я уже не отъ міра сего и что мнѣ слѣ-

дуетъ отъ него рѣшительно отказаться. Я полагалъ застать ее одну, между тѣмъ очутился въ гостиной, наполненной особами, мнѣ совершенно неизвѣстными и разговоръ которыхъ вертѣлся на *Африканкѣ* и *Гладьяторѣ* [1]), которые мнѣ еще менѣе были извѣстны. Un moucheron vivant, vaut mieux qu'un lion mort. Въ Парижѣ эта поговорка сдѣлалась аксіомою, которую слѣдуетъ всегда помнить. Послѣ удаленія моего, въ теченіе 18 мѣсяцевъ, я былъ похожъ на выходца съ того свѣта, выходца, появленію котораго между живыми были всѣ удивлены. Мнѣ было неловко, и я два раза уже хотѣлъ удалиться, но герцогиня всячески старалась меня удержать, не знаю почему. Наконецъ, новый приливъ гостей далъ мнѣ возможность проститься съ хозяйкою".

1-го августа гр. Киселевъ уѣхалъ въ Швейцарію, именно въ Уши, гдѣ оставался до половины октября: затѣмъ уѣхалъ въ Висбаденъ для посѣщенія находившейся тамъ Великой Княгини Елены Павловны. Здѣсь провелъ онъ цѣлый мѣсяцъ и возвратился въ Парижъ.

Политическія отношенія наши съ Франціею и событія извѣстной важности въ отечествѣ продолжали интересовать гр. Павла Дмитріевича. О первыхъ онъ получалъ свѣдѣнія отъ нашего посла барона А. Ѳ. Будберга.

Въ дневникѣ его подъ 13 марта записано:

Разсказъ бар. Будберга о его отношеніяхъ къ тюльерійскому двору.

„Посолъ баронъ Будбергъ объявилъ мнѣ о своемъ отъѣздѣ въ Ниццу и о предполагаемомъ возвращеніи оттуда къ пасхѣ. Онъ мнѣ говорилъ о смерти Морни съ сожалѣніемъ, въ виду возложенныхъ на него, Будберга, здѣсь дѣлъ. Это былъ, сказалъ онъ, единственный человѣкъ, противодѣйствовавшій принцу Наполеону, который съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе вліятельнымъ и вреднымъ; онъ противникъ Россіи и нашей политики. Ни одинъ изъ французскихъ министровъ, не исключая и Дрюэна-де-Люиса, не смѣетъ ему противорѣчить. Онъ также становится грубымъ въ своемъ обращеніи, я ему не кланяюсь, и въ день новаго года не послалъ ему визитной карточки и совѣтовалъ членамъ посольства сдѣлать тоже самое. Поэтому,

[1]) Извѣстныя оперы.

потеря Морни мнѣ чрезвычайно чувствительна и я не знаю никого, кто бы могъ замѣнить его съ пользою. Я убѣдился въ томъ, что императора нужно прежде всего подготовить чрезъ одного изъ его приближенныхъ, безъ чего разговоры ни къ чему не поведутъ.

„Все это правда, я это знаю по опыту; мнѣ были помощниками въ различныхъ случаяхъ: Тувенель (до его рабской покорности этому самому принцу Наполеону), принцесса Матильда, Баччіоки, Флёри. Морни также предлагалъ мнѣ свои услуги, которыя я принялъ вѣжливо, но которыми я полагалъ воспользоваться лишь въ крайности, такъ я боялся его маніи къ дѣламъ и спекуляціямъ. Его жалѣютъ, какъ человѣка дѣятельнаго, рѣшительнаго и умѣреннаго. Онъ предсѣдательствовалъ въ законодательномъ корпусѣ съ удивительнымъ тактомъ".

Подъ 22-мъ іюля записано:

Разсказъ бар. Будберга о положеніи дѣлъ въ Пруссіи; размышленія по этому поводу гр. Киселева.

„Баронъ Будбергъ, разговаривая со мною о нѣкоторыхъ текущихъ дѣлахъ, сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ причину быть довольнымъ своими отношеніями къ парижскому кабинету, что Французы дѣлали больше для насъ, чѣмъ мы дѣлаемъ для нихъ, что императоръ Наполеонъ былъ чрезвычайно сговорчивъ въ текущихъ дѣлахъ и въ особенности въ такихъ, которыя прямо касались Россіи, что слѣдуетъ дорожить этими отношеніями, чтобы противостоять другимъ; что онъ (Будбергъ) поддерживалъ эту мысль въ Петербургѣ, но гдѣ, какъ ему казалось, не удалось убѣдить *высшія сферы,*—такъ всѣ были предубѣждены противъ интимности съ Франціею, которая, какъ говорили, не представляла прочнаго союза. Когда разговоръ коснулся Германіи, Будбергъ мнѣ сказалъ, что „Бисмаркъ устоялъ противъ второстепенныхъ германскихъ государствъ и даже противъ Австріи, не обращая особеннаго вниманія на оппозицію второй палаты; что правительство можетъ обойтись безъ ея содѣйствія; что со всѣхъ сторонъ предлагали займы на выгодныхъ условіяхъ, и что никогда довѣріе въ прочность правительства не было столь велико, и пресса не будетъ въ состояніи доказать противное; вообще привязанность народа къ королевской фамиліи такъ велика, что никакое краснорѣчіе

адвокатовъ и профессоровъ не въ состояніи поколебать вѣрность Пруссаковъ къ своему государю.

„Все это прекрасно; но борьба безпрерывная, для поддержанія явнаго нарушенія закона, можетъ привести къ грустному исходу. Если конституція имѣетъ недостатки, то слѣдуетъ ее пересмотрѣть, и если законный просмотръ не удастся, то государственный переворотъ слѣдуетъ предпочесть постоянной беззаконности.

„Римляне въ подобныхъ случаяхъ назначали диктатора, который издавалъ законы и часто, сдѣлавъ это, отказывался отъ своего высокаго званія. Цѣль была достигнута безъ нарушенія законности.

„Римскій диктаторъ былъ ни что иное, какъ 14-я статья королевской грамоты; но другія времена и другіе результаты. Французы предпочитаютъ быть революціонерами, что, конечно, легче, чѣмъ дѣйствовать по закону, и завлекательнѣе для интригановъ и вожаковъ".

Разсказъ гр. А. ** о крестьянскомъ дѣлѣ.

Важнѣйшими изъ внутреннихъ нашихъ дѣлъ въ это время были: крестьянское дѣло и земскія учрежденія.

3-го января гр. Киселевъ обѣдалъ у княгини Бутера, гдѣ гр. А. ** разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки въ свои имѣнія. Это дало поводъ Павлу Дмитріевичу записать въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„А. ** не лишенъ природнаго ума и особеннаго жаргона, склоняющагося къ безсвязной и пустой фразеологіи, когда онъ касается политики и своихъ экономическихъ основъ. Онъ желаетъ казаться либеральнымъ, возставая совершенно противъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Онъ желалъ бы устроить его по образцу Англіи, безъ надѣла землею, которая оставалась бы на вѣчныя времена достояніемъ помѣщиковъ съ патримоніальнымъ судомъ, то превозносимымъ, то отвергаемымъ имъ, какъ слишкомъ тяжелое бремя для владѣльца. Онъ забавенъ, когда разсказываетъ о своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ крестьянамъ его помѣстій,—потому что, не зная хорошо русскаго языка, онъ употребляетъ французскія

слова, чтобы быть понятымъ. Онъ утверждаетъ въ тоже время, что крестьяне были всегда согласны съ его мнѣніемъ, и выводитъ заключеніе, что если бы правительство было болѣе предусмотрительно, то оно представило бы помѣщикамъ заботу урегулировать права и взаимныя обязанности помѣщиковъ и крестьянъ; послѣдніе были бы совершенно удовлетворены, ибо, прежде всего, они страшатся приговора общины, которая произноситъ его всегда по желанію богачей и крикуновъ. „И зачѣмъ“, говоритъ онъ, „дѣлать людей счастливыми *противъ ихъ воли*, они были по своему счастливы. Мои крестьяне говорили мнѣ это не разъ“. Графъ Закревскій, сосѣдъ по этому имѣнію, говорилъ мнѣ, что крестьяне были раззорены по безпечности помѣщика и вслѣдствіе ненасытной алчности его управляющихъ“.

Мысли о будущемъ образованіи военныхъ силъ въ Россіи.

Въ ежедневныхъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ [1]), проѣзжая (15-го сентября) чрезъ Лозанну, гр. Павелъ Дмитріевичъ нашелъ все населеніе на улицахъ и по этому поводу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Это былъ день *кантональнаго смотра*, на который обязаны являться всѣ дѣти мужескаго пола съ оружіемъ и аммуниціею. Они составляли взводы и небольшіе отряды по возрастамъ, которыми командовали болѣе способные изъ нихъ. Они выполняли свое дѣло съ невозмутимою серьезностію и съ достаточною точностію. Младшіе изъ дѣтей имѣли отъ 7 до 10 лѣтъ; старшіе взводы были составлены изъ мальчиковъ отъ 13 до 16 лѣтъ. Изъ нихъ были избраны капралы и даже офицеры. Любопытные были большею частью родители и родственники дѣтей и восхищались ихъ военною выправкою, сознавая въ нихъ будущихъ защитниковъ отечества, а до тѣхъ поръ защитниковъ порядка въ странѣ.

„Примѣръ организаціи *милиціи* въ Швейцаріи и *волонтеровъ* въ Сѣверной Америкѣ достоинъ изученія, ибо недалеко то время, *когда великія постоянныя арміи должны исчезнуть* изъ „бюджетовъ защиты“ и быть замѣщены арміею, ме-

---

[1]) Во время пребыванія въ Уши.

нѣе дорогою и столь же дѣйствительною для защиты отечества.

„Послѣдняя американская война служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Если взяться за это во время, то Россія съ своимъ 70 милліоннымъ населеніемъ можетъ сдѣлать тоже въ широкомъ размѣрѣ, къ большей пользѣ для финансовъ и безъ всякой опасности для своей защиты. Главныя издержки (а онѣ были бы значительны) должны имѣть цѣлію снабдить наши арсеналы значительными и хорошими военными снарядами, которыми можно вооружить милліонъ людей для защиты страны.

„Кадры для этой милиціи не потребуютъ болѣе 300 тыс. человѣкъ, которые въ мирное время составляли бы постоянное войско, составленное изъ людей, хорошо приготовленныхъ и *хорошо содержимыхъ*, для того, чтобы образованіе молодыхъ солдатъ было поручаемо людямъ опытнымъ и довольнымъ своимъ состояніемъ, включая въ то число и офицеровъ".

Чтеніе газетъ, встрѣчи и разговоры съ разными лицами наводили гр. Киселева на воспоминанія о своемъ прошломъ. Вотъ что находится въ его дневникѣ за 1865 годъ: Воспоминаніе о своемъ прошедшемъ.

„4-го февраля (суббота). Я былъ произведенъ въ полковники, послѣ сраженій при Бріеннѣ, Баръ-сюръ-Обѣ и Бельвиллѣ, предшествовавшихъ взятію Парижа (1814 г.). Послѣ послѣдняго пушечнаго выстрѣла въ эту славную войну, Императоръ Александръ назначилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ, сказавъ мнѣ лестныя слова съ своею очаровательною улыбкою и прибавилъ: „Не забывай, въ особенности, что ты флигель-адъютантъ по Моему выбору, безъ посторонняго содѣйствія; продолжай служить такъ же, какъ до сихъ поръ ты служилъ при прежнемъ генералѣ, Мнѣ не придется сожалѣть, и тебѣ также". На другой день я вступилъ въ Парижъ въ свитѣ Императора; Онъ казался счастливъ этимъ великимъ политическимъ событіемъ, между тѣмъ и я былъ не менѣе счастливъ своими эполетами и новымъ открывшимся передо мною горизонтомъ".

7-го августа гр. Павелъ Дмитріевичъ встрѣтилъ графиню

Ферзенъ. Встрѣча эта возбудила въ немъ воспоминаніе о встрѣчѣ съ нею въ Гатчинѣ во время Крымской войны....

Къ характеристикѣ нѣкоторыхъ лицъ: принцъ Наполеонъ, князь Д*** Бутковъ и Берье.

Въ дневникѣ за 1865 г. находимъ характеристику нѣкорыхъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ свѣтѣ.

Вотъ что графъ пишетъ о принцѣ Наполеонѣ:

„20-го мая. Рѣчь, сказанная принцемъ Наполеономъ въ Аячіо 15-го мая 1865 г., по случаю воздвигнутаго памятника братьямъ Бонапартъ, на мѣстѣ ихъ родины,—*историческая, династическая* и *политико-демагогическая*. Онъ умѣетъ произносить рѣчи такъ, чтобы сдѣлаться популярнымъ въ партіи красныхъ, въ которой онъ представляется какъ будущій предводитель. Онъ говоритъ талантливо, съ большою смѣлостью, а иногда ему удается произвести впечатлѣніе на своихъ слушателей. Въ данную минуту, прежнее общество Маріана (гильотина) можетъ снова образоваться и тѣмъ представить вожакамъ значительную точку опоры. Непонятно, какъ императоръ, съ своею несомнѣнною прозорлівостью, дозволяетъ ему такъ дѣйствовать. Въ обществѣ думаютъ, что императоръ дозволяетъ это ему для того, чтобы онъ, какъ говорится, износился. У него нѣтъ партіи, но есть личности, которыя составляютъ хвостъ, пока онъ можетъ быть имъ полезенъ. За нимъ зорко наблюдаетъ прекрасная Евгенія, которая его ненавидитъ и боится. Чтобы быть честолюбивымъ агитаторомъ, ему недостаетъ двухъ необходимыхъ качествъ: щедрости и мужества; онъ скряга и трусъ. Рѣчь его не была помѣщена въ Монитёрѣ; это единственное до сихъ поръ неодобреніе со стороны правительства; это состоится, надо надѣяться, впослѣдствіи".

О князѣ Д*** подъ 6 мая записано:

„Мой старый сослуживецъ—честнѣйшій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ имѣетъ привычку видѣть всѣ вещи всегда въ наилучшемъ свѣтѣ, удаляя все, что могло бы огорчить или не понравиться высшимъ. Это умственное расположеніе было вредно во время Крымской войны. Я позволялъ себѣ замѣчать ему это нѣсколько разъ; отвѣтъ былъ постоянно

одинъ и тотъ же: „Къ чему огорчать Государя? У Него такъ много заботъ, что было бы жестоко ихъ увеличивать". Онъ ни въ чемъ не отказываетъ просителямъ, а въ сущности удовлетворяетъ ихъ только ласковыми словами; это возстановляетъ многихъ противъ него; но вообще дѣйствія его имѣютъ свою хорошую сторону, и въ обыкновенное время я считаю его скорѣе полезнымъ, чѣмъ вреднымъ".

Въ Уши 25-го октября гр. Павелъ Дмитріевичъ встрѣтился съ В. П. Бутковымъ и по этому случаю говоритъ:

„Обѣдали у меня г-жа Якунчикова и г-нъ Бутковъ; послѣдній сдѣлался сослуживцемъ моимъ по Государственному Совѣту, пройдя канцелярію комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, гдѣ онъ исполнялъ свои обязанности съ похвальной дѣятельностію и, что̀ еще лучше, съ честностію, которой никто у него не оспариваетъ. Главный его недостатокъ—болтливость.

„Что касается до меня, то я его уважаю за его способности и безкорыстіе въ дѣлахъ, въ которыхъ онъ главная пружина; если я ошибаюсь, то буду сожалѣть, что новое разочарованіе прибавилось ко многимъ другимъ".

О другѣ своемъ Берье графъ Павелъ Дмитріевичъ пишетъ (29 января) слѣдующее:

„Берье, котораго я знаю съ самаго моего пріѣзда въ Парижъ, былъ мнѣ всегда симпатиченъ, и сталъ еще больше съ тѣхъ поръ, какъ я, внѣ всякой оффиціальной дѣятельности, сдѣлался простымъ смертнымъ. Сегодня, возвратившись съ моей обычной прогулки, я засталъ у себя Берье, который зашелъ ко мнѣ, какъ это иногда бывало и прежде. Онъ былъ болѣе обыкновеннаго разговорчивъ; говорилъ мнѣ о причинахъ, рѣшившихъ его карьеру *легитимиста*. Отецъ его былъ всю жизнь адвокатомъ; онъ послѣдовалъ его примѣру, защищая права Бурбоновъ въ теченіе 40 лѣтъ. Онъ не раскаивается въ этомъ, несмотря на тяжелыя минуты, испытанныя имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Абсолютный легитимизмъ не могъ примириться съ принятіемъ короны родственникомъ въ боковой линіи, каковы бы ни были причины, къ тому побудившія.

Берье сдѣлался болѣе или менѣе орлеанистомъ во время царствованія Лудовика-Филиппа, занимаясь дѣлами старшей вѣтви. Онъ продолжаетъ исполнять должность адвоката, служа обѣимъ вѣтвямъ роялистовъ, и несмотря на вознагражденія, получаемыя имъ, онъ постоянно нуждается въ деньгахъ. Полагаютъ, что главная тому причина — женщины. Лекарство состоитъ въ 75 годахъ, которые онъ признаетъ и которые онъ весело переноситъ. Онъ имѣетъ помѣстье, стоющее ему больше, чѣмъ оно ему приноситъ. Онъ ѣздитъ туда для отдыха и для приготовленія своихъ защитительныхъ рѣчей, а также во избѣжаніе посѣтителей, докучающихъ ему въ Парижѣ. Хорошо принятый въ легитимическихъ салонахъ, онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ адвокатурѣ“.

Письмо Государю о кончинѣ Наслѣдника и отвѣтъ Его Величества.

Въ концѣ марта начали доходить до гр. Киселева свѣдѣнія о болѣзни Цесаревича; съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за извѣстіями изъ Ниццы и отмѣчалъ ихъ въ своемъ дневникѣ. Послѣ кончины Наслѣдника, гр. Павелъ Дмитріевичъ послалъ Государю чрезъ князя В. А. Долгорукова, въ Югенгеймъ, слѣдующее письмо:

Sire,

Daignez permettre à un vieux serviteur de joindre ses cuisants regrets à tous ceux qui affligent aujourd'hui la Russie; comme père et comme souverain, l'épreuve que la Providence Vous a départie est au dessus des consolations, que je ne me permettrai point de formuler, et que V. M. trouvera dans l'amour et la reconnaissance des millions de Ses sujets, qui savent apprécier comme ils le doivent l'acte immortel de leur régénération émané de Votre suprême et chrétienne volonté. J'appelle de tous mes voeux le courage et la résignation de notre Auguste et gracieuse Souveraine. Je n'ai eu qu'une fois l'honneur et le bonheur d'approcher Celui que Dieu a rappelé dans son sein, mais cela m'a suffit pour comprendre l'universalité des regrets que ce malheur a provoqué dans toutes les classes de la nation.

Que Dieu bénisse les heureux débuts du régne de V. M.,

et quoique absent, je suivrai jusqu'à mon dernier jour les progrés inaugurés à la gloire et à la prospérité de la patrie.

Je suis de V. M. I.
le très humble serviteur et sujet
C. P. Kisseleff.

На это письмо графъ получилъ отъ Императора слѣдующій отвѣтъ отъ 1-го (13-го) мая:

Mon cher comte,

Je vous remercie bien sincèrement de votre bonne lettre, et de l'expression des sentimens qu'elle contient. Connaissant votre dévouement, je suis convaincu, que vous partagez de coeur l'immense douleur dont il a plû au Seigneur de nous frapper; soumis à Sa Volonté, nous Lui demandons le courage et la force nécessaires pour supporter avec résignation le malheur qu'Il nous a imposé;—Dieu exauce mes prières en soutenant la santé de l'Impératrice dans cette cruelle épreuve. Je fais des voeux, mon cher comte, pour votre santé et suis votre invariablement affectionné.

Alexandre.

Смерть гр. Закревскаго, графини Разумовской, доктора Николо и Морни.

Въ теченіи 1865 года скончались нѣсколько лицъ, изъ близкихъ гр. Павлу Дмитріевичу: графъ Закревскій, графиня Разумовская, докторъ Николо; каждому онъ посвятилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько теплыхъ словъ:

„4-го февраля (суббота). Меня извѣщаютъ о смерти моего стараго друга и товарища Закревскаго, о которомъ я сожалѣю, какъ можно сожалѣть объ исчезновеніи стараго друга и честнаго человѣка, котораго уже нѣсколько лѣтъ потерялъ изъ виду. Смерть Закревскаго, достигнувшаго, какъ я полагаю, 80 лѣтъ, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Съ 1818 г. я имѣлъ прямыя постоянныя служебныя сношенія съ главнымъ штабомъ Императора Александра I, по дѣламъ 2-й арміи, которой я былъ тогда начальникомъ штаба. Во все время этого 10-ти лѣтняго періода, я не могъ нахвалиться содѣйствіемъ Закревскаго въ дѣлахъ многочисленныхъ и иногда

щекотливыхъ по отношенію къ главнокомандующему и его окружающимъ. Я долженъ сказать, что князь Волконскій и даже Меншиковъ (это было до начала дѣла объ обязанныхъ крестьянахъ) мнѣ доказали свое доброжелательство, которое мнѣ такъ помогало исполнять обязанности, возложенныя на меня Государемъ.

„Мнѣ было очень грустно услышать о смерти (25-го августа) графини Разумовской несмотря на ея лѣта; говорили, что ей болѣе 93 лѣтъ. У меня однимъ другомъ меньше и потому мнѣ ее жаль, — тутъ, какъ и во всемъ на этомъ свѣтѣ, есть доля эгоизма.

„16-го марта скончался мой старый, хорошій другъ Пиколо, послѣ кратковременной болѣзни. Онъ былъ со мной въ Валахіи, во все время моего управленія этими провинціями (1829—1834). Я его употреблялъ въ дѣлахъ, требовавшихъ строгой честности, и никогда мнѣ не приходилось раскаяваться; напротивъ: во всѣхъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось прибѣгать къ его личному содѣйствію или къ его совѣтамъ, я находилъ въ немъ человѣка съ умомъ и сердцемъ. Онъ занималъ тогда должность приватнаго цензора (censeur privé), который указывалъ мнѣ на безнравственныя книги (до которыхъ бояры большіе охотники) и просматривалъ журналы, передъ ихъ раздачей. Онъ относился къ своей обязанности добросовѣстно, хотя имѣлъ нѣкоторую слабость къ книгопродавцамъ; я ему замѣчалъ это нѣсколько разъ; но онъ отговаривался всегда духомъ времени и тѣмъ, что надо относиться осторожно къ направленію вѣка. Въ эти 5 лѣтъ, что мы были постоянно вмѣстѣ, я считалъ его не подчиненнымъ, но другомъ, котораго я любилъ и искренно уважалъ. Пиколо умеръ въ Парижѣ въ своемъ домѣ, 16-го марта 1865 г., 73-хъ лѣтъ. Онъ былъ прямо отвезенъ на кладбище Перъ-Лашезъ по его собственному желанію, написанному въ завѣщаніи. Этотъ поступокъ вольнодумца меня огорчилъ; если позволительно думать каждому, какъ онъ хочетъ, то не позволительно выражать передъ всѣми свои противурелигіозныя мнѣнія къ соблазну вѣрующихъ; они къ счастью составляютъ

большинство общества, къ которому мы принадлежимъ. По моему, это дѣйствіе достойно порицанія; и притомъ нужно ли разрушать то, что нельзя ничѣмъ замѣстить?"

По случаю смерти Морни, Киселевъ записалъ:

„10-го марта. Мнѣ сказали, что сегодня утромъ умеръ Морни. Его дѣятельное во многихъ дѣлахъ участіе, не всегда добросовѣстное, пріобрѣло ему много кліентовъ между дѣльцами и спекулянтами и репутацію человѣка необходимаго для настоящаго правленія, въ особенности же полезнаго посредника передъ императоромъ".

Любимымъ чтеніемъ гр. Павла Дмитріевича въ этомъ году былъ Плутархъ.

Подъ 15-е января у него записано: Чтеніе Плутарха и брошюръ о польскихъ дѣлахъ.

„Мое любимое чтеніе Плутарха, въ теченіе 30-ти лѣтъ, служило мнѣ опять развлеченіемъ въ эту ночь. Несмотря на сдѣланныя этимъ великимъ историкомъ сравненія между жизнію знаменитыхъ греческихъ и римскихъ мужей, которыхъ онъ составилъ біографіи, я отдаю предпочтеніе Римлянамъ, которые съ тѣхъ поръ, какъ усѣлись въ Италіи, съ энергіей и необыкновеннымъ постоянствомъ шли къ покоренію извѣстнаго тогда міра. Греки же, напротивъ, воевали между собой за пріобрѣтеніе города, мѣстечка или деревни. Интрига была имъ болѣе свойственна, чѣмъ великая политика или большая война, которая явилась только при Александрѣ Великомъ, имѣвшемъ цѣлью покорить міръ, чтобы просвѣтить его. Онъ умеръ молодымъ, оставивъ свое дѣло неоконченнымъ, неспособнымъ своимъ наслѣдникамъ, которые упустили изъ виду цѣль, предположенную Александромъ.

„Зараженные изнѣженностью и лѣнью своихъ сосѣдей (Персовъ и Мидянъ), они были покорены Римлянами, которые въ свою очередь были покорены высшею цивилизаціею Грековъ. Такъ справедливо сказалъ Монтескьё, что знаніе и впослѣдствіи развитіе, покоряютъ грубую силу и невѣжество".

Кромѣ того, графъ Павелъ Дмитріевичъ читалъ записки Вигеля и вышедшія тогда двѣ брошюры о польскихъ дѣлахъ:

„Брошюра, напечатанная въ Петербургѣ для оправданія

мѣръ къ обузданію католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ, написана хорошо; она была необходима, чтобы умѣрить наглость въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ клерикаловъ, которые забываютъ, что во всѣхъ католическихъ странахъ эти же самыя мѣры были приняты и даже строже. Ошибка русскаго правительства состояла въ томъ, что оно не приняло такихъ мѣръ послѣ возстанія 1831 года".

По поводу книги Моллера: Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865 г., гр. Киселевъ говоритъ [1]): „оправдательныя статьи, которыя авторъ присоединилъ къ своему сочиненію, составляютъ его главное достоинство. Берье и Дюпенъ сказали это мнѣ. Авторъ позаботился раздать даромъ болѣе 200 экземпляровъ; но журналы, говорящіе обо всемъ, объ этой брошюрѣ доселѣ не сказали еще ни слова, это дѣло предвзятое. Всѣ журналы, болѣе или менѣе, обязались предъ противною стороною, и не хотятъ даромъ себя компрометировать. Въ нынѣшнее время все становится спекуляціею, которая оплачивается чистыми деньгами.

„Положительные люди, знакомые съ этимъ родомъ дѣлъ, увѣряли меня, что Journal des Debats получилъ на свою долю отъ польской эмиграціи болѣе 5000 франковъ за пять или за шесть статей, помѣщенныхъ на его столбцахъ. Прочіе большіе журналы дѣлаютъ то же самое, и все оплачивается національною подпискою, собранною для покупки оружія и военныхъ припасовъ. Агенты возстанія получаютъ свою часть, истрачиваемую ими въ кофейныхъ и ресторанахъ Парижа.

„Вотъ въ чемъ заключается ихъ патріотизмъ, и всѣ очень довольны".

О книгѣ Mystères des couvents de Naples графъ Киселевъ говоритъ [2]):

„Сочиненіе это написано очевидно Французомъ новой школы, по запискамъ дамы молодой Италіи, и поэтому книга внушаетъ весьма мало довѣрія, но представляетъ любопытныя данныя, раскрывающія главныя причины паденія Бурбоновъ

---

[1]) Подъ 28-го мая.

[2]) Подъ 15-мъ іюня.

въ Италіи. Тѣже самыя причины будутъ имѣть подобный результатъ въ Испаніи, если, какъ и прежде, будутъ упорствовать въ томъ, чтобы ничему не научиться и ничего не забывать".

Гр. Киселевъ не оставался равнодушнымъ къ вопросамъ религіознымъ.

Замѣчанія о сочиненіяхъ Штрауса и Ренана.

По возвращеніи съ лондонской конференціи (англиканскихъ епископовъ) отца Васильева, гр. Павелъ Дмитріевичъ читалъ его отчетъ, нашелъ его очень хорошо составленнымъ и записалъ въ своемъ дневникѣ, подъ 20-мъ февраля, содержаніе его.

Вотъ что онъ записалъ (7—9 октября), прочтя статью въ Revue Brittanique о книгѣ Штрауса:

„Статья въ Revue Brittanique, за мартъ мѣсяцъ, о книгѣ Штрауса „Жизнь Іисуса Христа", написана очевидно однимъ изъ евреевъ, овладѣвшихъ ежедневной прессою Европы и враждебныхъ не автору книги, но личности Іисуса Христа, который хотѣлъ быть, говоритъ онъ, продолжателемъ Моисея, но былъ только отраженіемъ легенды и миѳовъ его эпохи. Сильная экзальтація Христа довела его къ кресту, котораго онъ желалъ, чтобъ покончить мученикомъ.

„Для раціоналистовъ настоящаго времени все это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо; но полезно ли и необходимо ли уничтожать вѣру, которая подаетъ надежду несчастнымъ въ этомъ мірѣ? Это болѣе чѣмъ ошибочно; это преступленіе, которое нельзя достаточно обнаруживать и преслѣдовать анаѳемой, для пользы человѣчества. Я не хочу *инквизиціи* и *autodafé*, но мнѣ хотѣлось бы исключительно только по этому предмету дѣятельную *цензуру*, которая останавливала бы передъ публикаціей всѣ эти противохристіанскія произведенія. Христіанство трудно замѣнить другимъ ученіемъ, какъ это оказалось во время Директоріи. *Верховное существо* не могло, несмотря на свою философическую мысль, воплотиться даже въ революціонный духъ народа".

Такой же взглядъ гр. Киселевъ высказалъ о сочиненіи Ренана.

„7-го іюня. Ренанъ составилъ книгу о божествѣ Іисуса Христа, котораго онъ причисляетъ къ пророкамъ, чтобъ уничтожить обаяніе, которое производитъ его божество на сотни милліоновъ вѣрующихъ людей, и замѣнить его скептицизмомъ, т.-е. поколебать вѣру и надежду. Если онъ и успѣетъ въ этомъ, чѣмъ онъ замѣнитъ пустоту, не существующую въ законахъ природы? Книга эта, дурная услуга человѣчеству—и странно, что правительства стараются съ одной стороны распространять христіанство и въ тоже время терпятъ разрушителей этой вѣры! Это противорѣчіе окончится, рано или поздно, общимъ переворотомъ, который повліяетъ на весь міръ. Реалисты, которые разсматриваютъ отвлеченныя существа какъ дѣйствительныя и которые теперь въ ходу, кончатъ тѣмъ, что достигнутъ преобладанія. Евреи составляютъ большинство, какъ и въ книгопечатаніи; сюда ихъ привлекаетъ легкость труда и хорошая нажива; главные изъ нихъ пишутъ, а пролетаріи занимаются матеріальною частью. Слѣдуетъ ли удивляться, что невѣріе сдѣлало успѣхи въ населеніи“.

История принадлежавшаго гр. Киселеву денежнаго капитала.

Наконецъ, въ дневникѣ его за тотъ же 1865 годъ онъ объясняетъ какъ составился принадлежавшій ему тогда денежный капиталъ.

„21-го октября. Я говорилъ откровенно съ Великою Княгинею Еленою Павловною о моихъ загробныхъ намѣреніяхъ, и несмотря на то, что состояніе мое незначительно, слѣдуетъ подумать, чтобъ сбереженія эти, послѣ меня и моего брата, оставались въ моей фамиліи. Капиталъ, которымъ я располагаю, образовался: 1) изъ 600,000 піастровъ, которые были пожалованы мнѣ Императоромъ Николаемъ, послѣ представленія отчета въ 1834 году моего управленія въ Придунайскихъ княжествахъ; 2) изъ суммы въ 130,000 р., которая прислана мнѣ отъ *неизвѣстнаго*, о чемъ я доложилъ на другой же день Его Императорскому Величеству; это таинственное приношеніе я принялъ по Высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ чрезъ графа Орлова. Всѣ бумаги объ этомъ дѣлѣ у меня сохраняются, чтобы оправдать принятіе, противъ моего же-

ланія, капитала, который я готовъ возвратить жертвователю, если онъ явится; 3) изъ процентовъ отъ этихъ двухъ суммъ въ теченіе болѣе 30-ти лѣтъ; 4) изъ сбереженій, которыя я откладывалъ ежегодно по принципу и которыя давали мнѣ средства поддерживать себя, не трогая процентовъ съ капитала".

ГЛАВА LIV.

1866 годъ.

Великая Княгиня Марія Николаевна въ Парижѣ.—Гр. Киселевъ отказывается отъ приглашеній императрицы Евгеніи.—Разговоръ гр. Киселева съ Гольцомъ о германской войнѣ.—Отзывъ о Н. И. Тургеневѣ.—Посѣщеніе гр. Киселева Мухановымъ.—О письмѣ кн. Паскевича къ кн. Горчакову.—Генералъ Назимовъ и Муравьевъ.—О книгѣ Лакруа.—Смерть Пеканова.—Болѣзнь Н. А. Милютина.—Извѣстіе о покушеніи на жизнь Государя.—О кредитѣ Россіи.—Враждебность прессы противъ Россіи.—По поводу извѣстій объ американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.—По поводу рѣчи Наполеона въ Оксерѣ.—Циркуляръ Лавалетта.—О будущемъ Европы.—Воспоминаніе о министерствѣ государственныхъ имуществъ.—Недостатокъ воспитанія русскихъ дамъ.

Первые 7 мѣсяцевъ 1865 года гр. Киселевъ провелъ въ Парижѣ, а августъ, сентябрь и октябрь въ Уши, откуда выѣхалъ 25-го октября въ Баденъ, на встрѣчу Великой Княгини Елены Павловны, которую онъ нашелъ въ лучшемъ состояніи здоровья, чѣмъ въ предшедшемъ году. 30 октября онъ уже возвратился въ Парижъ. Въ день новаго 1866 года (по новому стилю) у гр. Павла Дмитріевича было много посѣтителей, и еще болѣе въ новый годъ стараго стиля. Это произвело на него пріятное впечатлѣніе. Въ дневникѣ своемъ онъ записалъ (подъ 4 января): „По случаю новаго года я нашелъ, несмотря на то, что дверь моя на этотъ день была закрыта, около 40 именъ, записанныхъ въ книгѣ моего швейцара. Это много для отшельника, подобнаго мнѣ, который ничѣмъ не вызываетъ обмѣна выраженія вѣжливости и даже не посылаетъ

карточекъ по своей инициативѣ или по принятому обычаю. Я посылаю мои визитныя карточки лишь въ обмѣнъ тѣхъ, которыя мнѣ присылаются и полагаю, что этого достаточно, когда хочешь быть исправнымъ и послѣдовательнымъ *въ принятомъ рѣшеніи* держать себя, какъ частное лицо; къ счастію, я въ этомъ убѣдился на другой же день послѣ моего увольненія".

Великая Княгиня Марія Николаевна въ Парижѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхала въ Парижъ Великая Княгиня Марія Николаевна; о свиданіи съ нею въ дневникѣ Киселева записано 25 мая слѣдующее:

„Сегодня утромъ только что прибывшая сюда Великая Княгиня Марія Николаевна, тотчасъ же сдѣлала визитъ въ Тюльери, отданный ей на другой же день утромъ императорской четой въ Grand-hôtel, гдѣ она остановилась. Послѣ посѣщенія Тюльери, Ея Императорское Высочество была столь добра, что пріѣхала ко мнѣ, чтобъ освѣдомиться, сказала она, о состояніи здоровья стараго своего друга. Въ разговорѣ, она объявила мнѣ свое намѣреніе остаться въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, 10-ть дней и, затѣмъ, прямо отправиться на свою дачу Сергіевское, гдѣ она думала пробыть до сентября. Въ октябрѣ она полагаетъ быть въ Парижѣ и тогда окончательно рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ пути, который во всякомъ случаѣ долженъ ее привести въ Парижъ на всемірную выставку".

Она напоминаетъ своего отца,—человѣка, который, конечно, не могъ пройти незамѣченнымъ въ своей политической и семейной жизни. Если П. Лакруа удастся написать его исторію, какъ я ее понимаю и желаю, то новѣйшіе Плутархи могутъ Императора Николая, по праву, помѣстить въ галлерею знаменитыхъ людей его времени.

„12-го іюня Великая Княгиня еще разъ заѣхала ко мнѣ проститься со мною. Она обращается со мною, какъ со старымъ другомъ, какимъ я считаю себя дѣйствительно отъ всего сердца. Я часто видѣлъ ее съ тѣхъ поръ, какъ возвратился изъ Княжествъ въ 1834 году. Это было прелестное созданіе, полное непринужденности и увлеченія. Ея сходство съ отцемъ,

Императоромъ Николаемъ, было удивительное. Профиль ея былъ отпечаткомъ профиля ея августѣйшаго отца въ уменьшенномъ видѣ. Нѣкоторое сходство было также и въ характерѣ".

Гр. Киселевъ отказывается отъ приглашеній императрицы Евгеніи.

Съ тюльерійскимъ дворомъ гр. Киселевъ прекратилъ сношенія: только одинъ разъ (7 января) онъ получилъ приглашеніе на вечеръ, отъ котораго отказался, равно какъ и отъ многихъ приглашеній императрицы Евгеніи.

Подъ 17 іюня въ дневникѣ записано: „Баронъ Будбергъ пришелъ ко мнѣ, чтобы исполнить порученіе императрицы Евгеніи; онъ мнѣ сказалъ, что пришелъ не какъ посѣтитель, а какъ посланный отъ императрицы Евгеніи для переговоровъ. Освѣдомясь о состояніи вашего здоровья, она жаловалась на ваше упорство, что вы не принимаете ея приглашенія на чашку чаю, какъ было прежде, и что было ей такъ пріятно. Баронъ отвѣчалъ ей, что состояніе моихъ ногъ не дозволяетъ мнѣ пользоваться ея приглашеніями, какъ бы я того ни желалъ, и что я удалился отъ свѣта, чтобы позаботиться о своемъ здоровьѣ, проводя большую часть времени на воздухѣ въ Булонскомъ лѣсу и въ окрестностяхъ Парижа. —Въ такомъ случаѣ мы могли бы назначить мѣстомъ нашего свиданья Булонскій лѣсъ. Скажите это ему и сообщите мнѣ его отвѣтъ.—Вы видите, сказалъ мнѣ посолъ, что я долженъ узнать ваше рѣшеніе, чтобы исполнить данное мнѣ порученіе. Я помню, сказалъ я, что Нессельродъ, когда отвѣтъ казался ему затруднительнымъ, говорилъ, что надо прежде не много выспаться qu'il fallait un peu dormir dessus. Я нахожусь въ такомъ же положеніи и прошу также отсрочки, чтобы отвѣчать на милостивое предложеніе ея величества. Впрочемъ я смотрю на это предложеніе, какъ на благотворительный поступокъ въ отношеніи къ затворнику, который болѣе уже не принадлежитъ этому свѣту и которому было бы неловко вновь показаться на свѣтъ Божій. Впрочемъ я глубоко тронутъ изъявленіемъ благосклонности, для меня драгоцѣнной и которая служитъ мнѣ утѣшеніемъ при закатѣ моихъ дней.

„Въ то же время я думалъ, что подобное свиданіе, какъ бы

оно невинно ни было, могло возбудить щекотливость (susceptibilité) въ моемъ преемникѣ, болѣе или менѣе справедливую, и что лучше избѣгать этого, чтобы остаться въ той роли, которую я себѣ назначилъ и отъ которой мнѣ не слѣдуетъ отклоняться.

„Чрезъ двѣ недѣли, прусскій посланникъ, графъ Гольцъ, котораго я совершенно потерялъ изъ виду въ теченіи четырехъ лѣтъ, зашелъ ко мнѣ сегодня, послѣ обѣда, и, сказавъ мнѣ нѣсколько пустыхъ словъ о томъ, почему онъ со мною такъ долго не видался, тотчасъ приступилъ къ дѣлу, чтобы сказать мнѣ: очаровательная здѣшняя императрица, питающая къ вамъ истинную дружбу, не можетъ понять ваше упрямство отказывать ей въ удовольствіи видѣть васъ. Ея величество просила Будберга вамъ это сказать, и хотя мнѣ не было непосредственно поручено то же, но я зашелъ къ вамъ, чтобы передать вамъ это, такъ какъ императрица питаетъ къ вамъ чувство привязанности, которому могли бы позавидовать ея поклонники и пр.

„Я отвѣтилъ, что глубоко тронутъ добротою императрицы Евгеніи; но, при моемъ болѣзненномъ состояніи, я не могу рѣшиться на свиданіе, несмотря на все мое желаніе; подобное свиданіе могло бы меня компрометировать въ ея глазахъ, чего я опасаюсь, несмотря на мои лѣта, которыя должны были бы меня предохранить отъ болѣе уже неумѣстнаго кокетства. Я скоро отправлюсь въ Швейцарію, чтобы тамъ попробовать леченье, которое, можетъ быть, поставитъ меня на ноги и дастъ мнѣ возможность лично принести дань моей глубокой благодарности ея величеству. До тѣхъ поръ, будьте такъ добры объяснить ей, если вы будете имѣть случай, причину кажущагося упорства, которая есть ни что иное, какъ естественное слѣдствіе отягощающихъ меня лѣтъ.

„Окончивъ этотъ разговоръ, графъ Гольцъ сообщилъ мнѣ подробности объ успѣхахъ Пруссіи въ германской войнѣ. Онъ находилъ удовольствіе въ этомъ побѣдоносномъ разсказѣ, который я слушалъ спокойно; поздравилъ графа и сказалъ ему, что это тѣмъ болѣе счастливо, что честь спасена и можно

Разговоръ гр. Киселева съ гр. Гольцемъ о германской войнѣ.

приступить къ заключенію мира, столь необходимаго для государей и столь желаемаго народами. Мнѣ показалось, что мое мнѣніе не согласовалось съ мыслями моего собесѣдника и что прусская спѣсь направлялась къ другимъ результатамъ".

Отзывъ о Н. И. Тургеневѣ.

Въ Парижѣ давно уже жилъ Н. И. Тургеневъ, съ которымъ гр. Павелъ Дмитріевичъ въ это время особенно сблизился и о которомъ онъ отзывается весьма сочувственно:

„Я поѣхалъ, говоритъ онъ (подъ 13 іюня) въ каретѣ къ Тургеневу, чтобы отдать ему его недавній визитъ въ Вербуа, его мѣстопребываніи, близъ Мальмезона; не заставъ его тамъ, я оставилъ свою карточку и, возвращаясь въ городъ, встрѣтилъ его съ женой и съ дочерью. Онъ остановилъ коляску, чтобы подойти ко мнѣ, и мы разговаривали нѣкоторое время въ открытомъ полѣ; его дамы очень представительны и привѣтствовали меня самымъ любезнымъ образомъ. Почти полвѣка Тургеневъ живетъ въ Парижѣ; онъ имѣетъ свой домъ, и въ зимніе мѣсяцы у него бываютъ назначенные дни для его старыхъ и новыхъ друзей. Ему, изгнаннику, удалось возстановить свое прежнее положеніе, послѣ чего онъ отправился въ Петербургъ, чтобы получить наслѣдство брата своего Александра, стараго товарища моей молодости въ Москвѣ. Онъ сохранилъ ясность ума и не переставалъ заниматься политико-экономической литературой, которую онъ особенно старался приложить къ Россіи. Его считали нѣкогда либераломъ, весьма передовымъ; теперь же онъ видитъ, что новое поколѣніе ушло дальше, и находитъ, что его напрасно раздражаютъ обузданіемъ слишкомъ строгимъ и мало разсудительнымъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ довольно затруднителенъ. Умы возбуждены, и никто не предвидитъ окончательнаго результата; кто переживетъ, тотъ узнаетъ".

Подъ 20 ноября: „Вновь вышедшая брошюра Тургенева припоминаетъ мысли его молодыхъ лѣтъ, за которыя онъ потерпѣлъ въ царствованіе Императора Александра I. Онъ пострадалъ за мнѣніе, имъ неосторожно, можетъ быть, высказанное, а не за дѣйствія, которыя ему всегда были чужды. Н. И. Тургеневъ поселился тогда въ Парижѣ, женился и при-

жилъ троихъ дѣтей. Онъ устроилъ свои дѣла такъ, что безъ пышности, но весьма пристойно живетъ въ кругу заграничныхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, радушно принимаетъ земляковъ и преисполненъ любовью къ родинѣ, которою постоянно и добросердечно занимается. Въ текущемъ году онъ издалъ брошюру „О разноплеменности населенія въ Русскомъ государствѣ"; въ этой брошюрѣ отражаются прежнія его мнѣнія съ примѣсью новыхъ западныхъ, которыя могутъ быть приняты съ пользою для Россіи. Все это составляетъ рядъ похвальныхъ дѣйствій Тургенева и даетъ ему полное право на нашу пріязнь и уваженіе".

Посѣщеніе гр. Киселева Мухановымъ.

Во время пребыванія гр. Киселева въ Уши, его посѣтили, между прочимъ, Мухановъ, бывшій товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, и Назимовъ, бывшій генералъ-губернаторъ сѣверо-западнаго края. По этому случаю въ дневникѣ записано:

„4-го сентября. Николай Александровичъ Мухановъ, форшнейдеръ и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, прибывъ съ братомъ своимъ въ Уши, пожаловали ко мнѣ и были отмѣнно привѣтливы и любезны, особенно старшій, т.-е. форшнейдеръ, препапитанный анекдотами о всѣхъ и обо всемъ, и говорящій красно и отчетливо. Во время моего посольства, мнѣ говорили, что Мухановъ не на счету моихъ доброжелателей. На это, какъ прежде, такъ и нынѣ я не обратилъ и не обращаю никакого вниманія; при свободномъ времени я разскажу это дѣло; а на сей разъ дозволю только упомянуть, что въ человѣческихъ дѣлахъ личный интересъ преобладаетъ надъ всѣми прочими и что единственно считать на прямоту своихъ дѣйствій не слѣдуетъ".

О письмѣ кн. Паскевича къ кн. Горчакову.

„14-го сентября. Н. А. Мухановъ принесъ и прочелъ мнѣ письмо покойнаго фельдмаршала кн. Паскевича, адресованное имъ предъ своею кончиною князю Горчакову, главнокомандовавшему южной арміей, въ отвѣтъ на его записку или реляцію о его дѣйствіяхъ въ Крыму въ 1854 году. Мухановъ предложилъ мнѣ снять съ этого письма копію, что было принято мною съ благодарностію не потому, что я полагалъ несомнѣннымъ участіе въ составленіи сего письма по-

койнаго фельдмаршала, но какъ критическій разборъ дѣйствій князя Горчакова въ эту важную для Россіи эпоху. Сочинитель рецензіи, желая дать характеръ и тонъ давнихъ сношеній начальника съ прежнимъ подчиненнымъ, превзошелъ мѣру и свои замѣчанія выразилъ слогомъ, слишкомъ крутымъ и который, вѣроятно, не могъ быть употребленъ княземъ Паскевичемъ въ своемъ письмѣ къ равному ему главнокомандующему".

Генералъ Назимовъ и Муравьевъ.

19-го сентября генералъ Назимовъ посѣтилъ гр. Павла Дмитріевича, который записалъ въ своемъ дневникѣ: „Мой разговоръ съ генераломъ Назимовымъ касался его администраціи въ Литвѣ и настоящаго положенія этой страны. Говорятъ, что это совершенно честный человѣкъ и, какъ мы всѣ, импровизированный администраторъ обширнаго пространства пяти губерній, о которыхъ онъ не имѣлъ предварительно никакого понятія. Главною его цѣлью было, судя по его разговорамъ, быть популярнымъ въ Вильнѣ и въ Петербургѣ. Какъ кажется, онъ не достигъ ни того, ни другаго; вслѣдствіе чего онъ счелъ долгомъ покинуть эту должность и остаться только членомъ Государственнаго Совѣта съ императорскимъ шифромъ на эполетахъ. У насъ много такого разряда людей, и я считаю это справедливымъ, ибо, что можно сдѣлать съ этой массой честныхъ разслабленныхъ людей, единственный недостатокъ коихъ состоитъ въ томъ, что они пережили себя, и сознаваясь въ этомъ, предоставляютъ другимъ, болѣе способнымъ, замѣщать ихъ съ большею пользою для государства. Я сдѣлалъ это и полагаю, что и Назимовъ могъ это сдѣлать въ тѣхъ же видахъ; съ одной стороны онъ уже не молодъ, съ другой же—политическое положеніе этой страны не дозволяетъ слѣдовать болѣе по избитой колеѣ, что̀ можетъ только увеличить зло.

„Генералъ Муравьевъ понялъ это очень хорошо и, по назначеніи своемъ въ Литву и Бѣлоруссію, сталъ во главѣ радикальнаго преобразованія; но, къ несчастію, приступивъ къ тому съ необдуманнымъ насиліемъ, возбудилъ общее негодованіе, сдѣлавшее трудъ его непопулярнымъ. Онъ повре-

дилъ себѣ, подвергнувъ слишкомъ многихъ замѣшанныхъ уголовнымъ наказаніямъ. Онъ старался выказать свое усердіе и достигъ только ненависти, забывая, что укрощеніе имѣетъ свои границы и что слѣдуетъ наказывать не наиболѣе, а наименѣе—для примѣра, а не изъ мести. Казнь одного Каракозова есть актъ хорошей политики, которую слѣдуетъ принять за правило въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣшано много обвиняемыхъ: гильотина, во время террора, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ, — плясали подъ роковымъ орудіемъ, идя на смерть“.

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу вышедшей въ 1864 году въ Лондонѣ брошюры князя П. Долгорукова *Біографическій очеркъ М. Н. Муравьева*, гр. Павелъ Дмитріевичъ записалъ: „(Октября 14). Я имѣлъ этотъ пасквильный памфлетъ отъ князя Ю...., и прочелъ его съ чувствомъ отвращенія, что достаточно оправдывается направленіемъ и слогомъ этой брошюры. Этотъ Долгорукій, злая собака, лающая на всѣхъ тѣхъ, которые ей не нравятся, особенно на высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ“.

О книгѣ Лакруа.

Въ этомъ году вышли 3 тома исторіи Императора Николая, соч. Лакруа. Гр. Киселевъ не вполнѣ былъ ею доволенъ; онъ думалъ, что изложеніе исторіи, въ видѣ хроники, составитъ только панегирикъ, мало интересный и слишкомъ льстивый для лицъ и ихъ дѣйствій; въ особенности онъ былъ недоволенъ главою 39, въ которой изложены допросы, дѣланные декабристамъ самимъ Императоромъ, и ихъ отвѣты. Обнародованіе этихъ отвѣтовъ Киселевъ считалъ не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для молодыхъ людей, на которыхъ они могутъ производить возбуждающее дѣйствіе.

Смерть Пеканова.

Въ началѣ этого года пріѣхалъ изъ Петербурга къ гр. Киселеву завѣдывавшій его дѣлами, М. П. Пекановъ, который, возвращаясь назадъ, умеръ въ Бромбергѣ отъ апоплексическаго удара. Эта смерть произвела тяжкое впечатлѣніе на гр. Павла Дмитріевича. „1-го апрѣля, въ 8 часовъ утра“, записано у него, „проснувшись, я узналъ злополучное извѣстіе о смерти моего превосходнаго друга Пеканова въ Бромбергѣ;

пораженный этимъ извѣстіемъ, я велѣлъ никого не принимать. По телеграммѣ, онъ умеръ въ вагонѣ близъ Бромберга...

„Скоропостижная смерть моего честнаго и преданнаго Пеканова взволновала меня; чѣмъ болѣе я о ней думаю, тѣмъ болѣе потеря эта мнѣ кажется великою и представляется въ моемъ воображеніи со всѣми грустными и печальными послѣдствіями для меня и моихъ дѣлъ. Я имѣлъ въ немъ друга, испытаннаго 43-хъ-лѣтними интимными отношеніями, и питалъ полное довѣріе къ его честности, которое меня никогда не обманывало. Моя обязанность въ будущемъ позаботиться о его семействѣ".

Болѣзнь Н. А. Милютина.

Другое печальное извѣстіе дошло до гр. Киселева, въ началѣ декабря, о болѣзни его племянника Н. А. Милютина.

„5-го декабря, среда. Николай Милютинъ имѣлъ несчастіе подвергнуться приливу крови, лишившему его движенія руки и языка. Подробности мнѣ до сихъ поръ еще не извѣстны; но изъ того, что мнѣ извѣстно, я считаю это несчастіемъ для него и болѣе чѣмъ чувствительною потерею для государства. Это былъ человѣкъ будущности, съ большими способностями, неутомимый дѣятель и совершенно честный,— при этихъ качествахъ, я искренно сожалѣю его".

Извѣстіе о покушеніи на жизнь Государя.

17 (5) апрѣля пришла въ Парижъ телеграмма о покушеніи на жизнь Государя. На другой день гр. Павелъ Дмитріевичъ послалъ графу Владим. Θедор. Адлербергу слѣдующую депешу:

„Подъ впечатлѣніемъ ужаснаго извѣстія, я благодарю Бога за сохраненіе жизни нашего Государя и прошу васъ, какъ товарища, повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ выраженіе чувства того счастія, которое я испытываю, присоединяясь къ поздравленію и пожеланію Его вѣрныхъ подданныхъ".

„Эта телеграмма", говоритъ гр. Павелъ Дмитріевичъ, „выражаетъ весьма слабо чувства, которыя меня въ эту минуту одушевляли; боясь быть многословнымъ, я считалъ только моимъ правомъ и счастіемъ, по поводу преступленія, не требующаго комментарій, выразить мою благодарность божествен-

ному промыслу—за его благотворное посредство. Отвѣтъ отъ имени Государя я получилъ на другой день по телеграфу".

Появившаяся тогда брошюра „Du systême de credit en Russie" дала поводъ гр. Киселеву высказать свои замѣчанія:

„(2 марта). Брошюра о преобразованіи системы кредита въ Россіи (если цифры въ ней вѣрны) заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Цифры, доказывающія причину недовѣрія (discredit), которое испытываетъ теперь Россія, уже давнишнія. Мы живемъ займами, говорилъ мнѣ въ 1836 г. бывшій директоръ департамента казначейства (Княжевичъ). Почти каждые восемь лѣтъ мы обращаемся къ иностраннымъ банкирамъ за помощію и дѣлаемъ заёмъ въ 100 или 120 милліоновъ рублей, чтобы заплатить недоимку 4-хъ лѣтъ и подготовить источникъ для будущихъ четырехъ лѣтъ. Методъ этотъ былъ введенъ графомъ Канкринымъ, чтобы пополнить недостатокъ казны, которая съ 1817 года не могла покрывать ежегодныя издержки государства; а также, чтобы скрыть дефициты, сдѣлавшіеся хроническими. Кромѣ того, онъ считаетъ справедливымъ отнести на будущее поколѣніе хотя часть издержекъ, тяготѣвшихъ надъ настоящимъ, вслѣдствіе войнъ или военнаго положенія, которое необходимо было поддерживать неопредѣленное время, въ виду политическаго положенія Европы. Подобнымъ средствомъ старый министръ выпутывался кое-какъ изъ затруднительнаго своего положенія. Его преемники, не обладавшіе такимъ умѣніемъ и не имѣвшіе такого вліянія на Государя, довели финансы, а вслѣдствіе того и кредитъ, до плачевнаго состоянія, въ которомъ Россія находится и теперь. Злоупотребленія съ пущенными въ обращеніе ассигнаціями и кредитными бумагами различныхъ наименованій поставили размѣнную кассу въ невозможность дѣйствовать правильно и заставили ее прекратить размѣнъ. Разсказывали, что одинъ англійскій путешественникъ, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Петербургѣ, послалъ въ банкъ оставшіеся у него кредитные билеты для обмѣна, по положенію, на золото и получилъ отказъ; онъ отправилъ ихъ въ пакетѣ оберъ-полиціймейстеру, написавъ ему, что, по всей вѣроятности, билеты эти

О кредитѣ Россіи.

признаны фальшивыми и что онъ считаетъ себя обязаннымъ передать ихъ ему, чтобы получить черезъ его содѣйствіе то, что онъ въ правѣ ожидать, при исполненіи закона. Говорятъ, что этотъ случай достигъ высшей власти, и жаловавшійся былъ удовлетворенъ. Однако, все это не можетъ возстановить кредитъ, сильно пошатнувшійся еще и во время Крымской войны. Пока не достигнутъ равновѣсія въ бюджетѣ прихода съ расходомъ, нельзя и помышлять о возстановленіи *кредита*, также какъ и объ улучшеніи *вексельнаго курса*, пока нашъ вывозъ будетъ меньше ввоза. Новѣйшая экономическая школа старалась не придавать важности этому послѣднему правилу, какъ уже отжившему, въ видахъ торжества свободной торговли. Но здравый смыслъ массъ не вдался въ обманъ, и таможенные тарифы были удержаны, съ нѣкоторыми измѣненіями въ цифрахъ,—что было совершенно справедливо. Этимъ предметомъ должны заняться наши государственные люди".

Читая журналы, онъ внимательно слѣдилъ за направленіемъ ихъ противъ Россіи.

Враждебность прессы противъ Россіи.

Подъ 25 іюня у него записано: „Иностранная литература продолжаетъ быть недоброжелательною къ Россіи, и это понятно. Императрица Екатерина понимала важность и пользу, которую можно было изъ нея извлечь. Она умно ласкала извѣстныхъ писателей и извлекала изъ этого пользу для своей славы и для славы своей страны.

„Однажды, за семейнымъ обѣдомъ у Императора Николая, я поддерживалъ, противъ канцлера графа Нессельрода, необходимость повліять на иностранную печать, составляющую нынѣ силу, съ которою надо бороться, если не хотятъ пріобрѣсти ее, чтобъ управлять ею, или, по крайней мѣрѣ, надо имѣть органъ для опроверженія безобразной лжи, которую она позволяетъ себѣ въ отношеніи насъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Графъ Нессельродъ утверждалъ, что неприлично достоинству великаго государства входить въ борьбу съ прессой. Я отвѣчалъ, что, конечно, это спокойнѣе, но не полезнѣе; что время оправдаетъ меня, а пока мнѣ жаль видѣть, что рутина сильнѣе очевидности".

Лѣтомъ 1866 года прибыло въ С.-Петербургъ американское посольство, съ порученіемъ отъ своего правительства выразить сочувствіе американскаго народа по случаю счастливаго избавленія Государя отъ грозившей ему опасности. Чтеніе отчета, въ русскихъ журналахъ, о гостепріимствѣ, оказанномъ въ Петербургѣ и Москвѣ „заатлантическимъ друзьямъ", навело Павла Дмитріевича на слѣдующія мысли [1]:

По поводу извѣстій объ американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

„Чествованія и празднества, даваемыя Американцамъ, есть справедливый и должный имъ почетъ, взамѣнъ ихъ вѣжливаго посольства; и я одобряю этотъ дружественный пріемъ, въ виду тѣхъ серьезныхъ отношеній, которыя могутъ установиться впослѣдствіи между этими молодыми и великими націями. Какъ это ни желательно, но я долженъ признаться, что на это не могу разсчитывать много—по той простой причинѣ, что мы однородные производители, а потому скорѣе соперники, чѣмъ друзья въ коммерческихъ дѣлахъ; эти дѣла въ настоящее время преобладаютъ надъ всѣми прочими и распространяютъ эгоизмъ съ большой силой во всѣхъ классахъ.

„Я нахожу, однако, что наши журналы слишкомъ хвалятъ, а иногда слишкомъ боязливы, что̀ съ Американцами не годится.

„Прощальный обѣдъ, предложенный англійскимъ клубомъ въ Петербургѣ американскому посольству, не отличался ничѣмъ отъ подобныхъ предыдущихъ овацій; высокопарныя фразы о взаимной симпатіи двухъ великихъ народовъ, несмотря на раздѣляющій ихъ океанъ, о случаѣ, вызвавшемъ это посѣщеніе, и ни слова о неотразимыхъ причинахъ, которыя заставляютъ надѣяться на продолженіе и будущее развитіе этого согласія.

„Это дипломатическое умолчаніе, слишкомъ трусливое, нельзя ничѣмъ оправдать; оно можетъ справедливо затронуть щекотливость новыхъ друзей, пришедшихъ къ намъ съ вѣроятною цѣлью имѣть поддержку на Востокѣ, гдѣ они, какъ говорятъ, хотѣли бы имѣть если не коммерческій портъ, то, по крайней мѣрѣ, портъ для пристанища (port de refuge). Присутствіе Американцевъ въ Средиземномъ морѣ было бы

[1]) Дневникъ 7 и 19 сентября.

для насъ большой выгодой въ виду восточнаго вопроса, который можетъ подняться и дать намъ возможность уничтожить трактатъ 1856 года".

По поводу рѣчи Наполеона въ Оксерѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ императоръ Наполеонъ, при посѣщеніи сѣверо-западныхъ департаментовъ, въ отвѣтъ на привѣтствіе мэра въ Оксерѣ, произнесъ рѣчь, надѣлавшую много шума въ Европѣ. По поводу этой рѣчи гр. Павелъ Дмитріевичъ 8-го мая записалъ:

„Отвѣтъ императора въ Оксерѣ произвелъ большое впечатлѣніе на парижскую публику; въ этомъ отвѣтѣ видятъ гнѣвную вспышку, мало или вовсе не скрываемую,—это объявленіе или предупрежденіе войны.

„Въ отвѣтѣ мэру императоръ сказалъ слѣдующія слова:

„Я наслѣдовалъ чувства главы моего семейства въ пользу этого энергическаго и патріотическаго населенія, которое поддерживало императора какъ при счастливыхъ, такъ и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; кромѣ того, я обязанъ Іонскому департаменту благодарностью: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, подавшій въ 1848 году свой голосъ за меня; онъ зналъ, какъ и большинство французскаго народа, что его интересы были моими, и что я ненавидѣлъ, какъ и онъ, трактаты 1815 г., изъ которыхъ хотятъ нынѣ сдѣлать единственное основаніе нашей внѣшней политики".

„Эта неистовая выходка, брошенная Европѣ, подписавшей трактаты, которые онъ, какъ сознается самъ, *ненавидитъ*, есть вызовъ на войну, которая должна начаться по возвращеніи арміи изъ Мексики. Полагаютъ, что эта выходка противъ трактата 1815 г. не была сказана оксерскому мэру, который, прочитавъ ее въ Монитёрѣ, выразилъ удивленіе. Руеръ, Фульдъ и третій министръ (имя котораго я забылъ) были также удивлены, какъ и мэръ. Оппозиція хочетъ увѣрить, что въ мозгу сфинкса—помѣшательство; ультра-роялисты говорятъ, что это начало конца и пр. Эти люди забываютъ, что, пока масса довольна, пока армія принадлежитъ главѣ государства, мелкія интриги партій безсильны произвести серьезныя смятенія во Франціи.

„Парижская биржа приняла оксерскую рѣчь серьезно: рента понизилась на 1 фр. 80 сант.; прочія биржи послѣдовали за нею, что и вызвало огромныя потери".

Другое событіе, обратившее тоже на себя вниманіе Европы, былъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Лавалетта отъ 11-го сентября; о немъ Киселевъ записалъ:

(18-го сентября). „Циркуляръ, отъ 11-го сентября, Лавалетта есть драгоцѣнная пища для ежедневной печати, неимѣвшей болѣе ничего для наполненія своихъ политическихъ столбцовъ. Журналисты имъ завладѣли; одни видятъ въ немъ заявленіе миролюбивое, другіе, напротивъ, понимаютъ его такъ, что Франція готова къ войнѣ, которую приметъ, если ее къ тому принудятъ. Выкинувъ эту продѣлку, сфинксъ отдохнетъ до тѣхъ поръ, покуда онъ почувствуетъ себя въ силахъ, чтобы потребовать исправленія границъ, которое ему необходимо по многимъ причинамъ, а теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чтобы заставить забыть неудачу въ Мексикѣ". Циркуляръ Лавалетта.

Въ тогдашнемъ политическомъ положеніи Европы гр. Павелъ Дмитріевичъ видѣлъ задатки будущихъ великихъ переворотовъ. О будущемъ Европы.

„Я убѣжденъ", пишетъ онъ, подъ 9 ноября, „что наступятъ большіе перевороты въ свѣтѣ и что соціальное возрожденіе измѣнитъ, въ теченіи XX вѣка, настоящее положеніе дѣлъ. Мудрая, осторожная и либеральная Англія, на свободные принципы которой безпрестанно ссылаются, находится на пути къ соціальной и политической революціи, несмотря на утвержденіе одного изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей (Каннингъ), который говорилъ, *что пока кучеръ королевы сохранитъ на головѣ своей напудренный парикъ, англійская конституція сохранится и будетъ управлять Англіею.* Утвержденіе этого государственнаго человѣка живописно, но не положительно. Надо бы знать, сколько времени парикъ будетъ держаться на головѣ кучера... Во Франціи нѣкоторые журналы поставили своею задачею преобразовать міръ съ помощію того, кто, съ высоты похищеннаго имъ трона, имѣлъ дерзость провозгласить себя выскочкою (parvenu),

чтобы угодить тогдашней всемогущей демагогіи. Но, разъ выкинувъ эту штуку, онъ одумался и сдержалъ страсти, которыми воспользовался для своего возвышенія, чтобъ утвердить наслѣдство своему сыну и сдѣлаться главою новой династіи. Эта мечта, которую лелѣялъ Наполеонъ I, и которая скоро улетучилась; тоже самое будетъ и съ Наполеономъ III".

Воспоминаніе о министерствѣ государственныхъ имуществъ.

Въ своемъ мѣстѣ [1]) было нами упомянуто, что, предъ отъѣздомъ гр. Киселева изъ Москвы въ 1856 году, вызванные тогда, для присутствованія при коронаціи, волостные головы государственныхъ крестьянъ поднесли ему образъ Спасителя. Этотъ образъ онъ взялъ съ собою и 18-го января 1866 г. передалъ его въ нашу парижскую посольскую церковь. Записавъ объ этомъ въ свой дневникъ, онъ вспоминаетъ о благодарности выкупленныхъ въ казну, по его докладу Государю, крестьянъ графини Самойловой въ тверской губерніи:

„Они были столь счастливы сознавать себя свободными, какъ и я, видя эти старыя бороды омоченныя слезами благодарности. Послѣ этого и многихъ другихъ изъявленій благодарности крестьянъ, которыми я управлялъ, *пусть скажутъ мнѣ еще, что рабы предпочитали оставаться въ рабствѣ*, не переходя въ управленіе министерства государственныхъ имуществъ! Это одно изъ тѣхъ безстыдныхъ пустословій, присущихъ нашимъ бывшимъ владѣльцамъ человѣческаго мяса. Оно было побѣдоносно опровергнуто во время освобожденія крестьянъ, когда государственные крестьяне, на вопросъ объ ихъ будущемъ устройствѣ, отвѣчали: *Оставьте насъ въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, мы не просимъ другаго.*

„Этотъ отвѣтъ доказываетъ, что цѣль устройства министерства государственныхъ имуществъ была достигнута".

Наконецъ, приведемъ изъ дневника гр. Павла Дмитріевича слѣдующую замѣтку о нравахъ нашихъ женщинъ большаго свѣта.

Недостатокъ воспитанія русскихъ дамъ.

„7-го февраля графиня А—ъ пріѣхала ко мнѣ просить мѣстечко въ моей ложѣ въ консерваторіи, куда всѣ стремятся и гдѣ потому трудно получить мѣсто. Я поспѣшилъ отдать

[1]) Т. II, стр. 126.

ей предпочтеніе предъ прочими посѣтителями, и узнаю на другой день, что оба мои купона были переданы другимъ, и все-таки она увѣряла меня, что наслаждалась этою восхитительною музыкою и умоляла меня не забыть ее при слѣдующихъ концертахъ; но я не дамъ себя обмануть во второй разъ. Наши дамы-туристки хотятъ, прежде всего, показаться вездѣ не для того, чтобъ пріобрѣсти свѣдѣнія, а чтобъ фигурировать между парижскою знатью и дать объ этомъ отчетъ въ своихъ дружескихъ перепискахъ роднымъ и друзьямъ. Это признакъ неразвитія, о которомъ я всегда соболѣзную; оно, какъ я полагаю, происходитъ отъ пустаго воспитанія, получаемаго у насъ женщинами. Француженки лучше умѣютъ скрывать свое невѣжество подъ видомъ болтовни. Встрѣчаются иногда исключенія, но вообще разговоръ въ дни пріема совершенно ничтожный; я былъ этому близкимъ свидѣтелемъ въ теченіи отправленія моихъ шестилѣтнихъ оффиціальныхъ обязанностей".

ГЛАВА LV.

1867 г.

Причины, по которымъ гр. Павелъ Дмитріевичъ остался въ Парижѣ.—Январскіе декреты Наполеона.—Мнѣнія о рѣчи Наполеона въ законодательномъ собраніи.—Письмо графа Шамбора.—Рѣчь Гладстона.—Рѣчь Тьера.—Всемірная выставка.—Прибытіе въ Парижъ Царской фамиліи.—Великая Княгиня Марія Николаевна.—Привѣтствіе Государя Киселеву.—Посѣщеніе Государемъ Павла Дмитріевича.—Булонское покушеніе на жизнь Государя.—Награда генералу Жомини.—Отъѣздъ Государя.—Посѣщеніе гр. Киселева Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Фельдмаршалъ князь Барятинскій.—Графъ В. Ѳ. Адлербергъ.—Воспоминаніе о Крымской войнѣ.—Воспоминаніе о А. М. Гедеоновѣ.

Въ новый годъ (по старому стилю) русская въ Парижѣ колонія, въ числѣ многихъ своихъ членовъ, явилась къ гр. Киселеву съ обычными поздравленіями, выказавъ тѣмъ прекрасную черту своего характера—чувства уваженія къ своему знаменитому соотечественнику. „Въ этотъ день“, пишетъ гр. Киселевъ, я принялъ 63 личныхъ посѣщеній и 6 визитныхъ карточекъ; эти любезности для меня были пріятны, потому что они безкорыстно относились къ моей личности, къ инвалиду затворнику (invalide reclus). *Уваженіе*, если не привязанность соотечественниковъ составляетъ большую прелесть для тѣхъ, которые считаютъ себя того достойными; я причисляю себя къ такимъ людямъ за мою горячую любовь, которую я доселѣ питаю къ моему отечеству.

„Меня упрекаютъ, какъ говорятъ, за то, что я остался во Франціи послѣ того, какъ я пересталъ быть посломъ, но если разсмотрятъ жизнь, которую я здѣсь веду, то согласятся, конечно, что меня влекутъ сюда не парижскія развлеченія, а единственно чувство самосохраненія, которое побудило меня избрать этотъ городъ для моего будущаго мѣстопребыванія. Въ мои лѣта климатъ и образъ жизни, который онъ позволяетъ вести, необходимы не только для продленія моихъ дней, но также и для уменьшенія, на сколько это возможно, неудобства старости. Впрочемъ, что̀ я нашелъ бы въ Россіи? Въ то время, когда я покинулъ Москву, въ 1806 году, насъ было четверо братьевъ и три сестры. Отецъ и мать мои также, какъ и тетушка, жили еще подъ одной кровлей, и наше семейство состояло изъ десяти лицъ; теперь же остались въ живыхъ только мой братъ и я, всѣ прочіе исчезли. Я тщетно ищу послѣ родныхъ, друзей дома, которые когда-то принадлежали къ семейству нашему и о которыхъ во мнѣ осталось воспоминаніе. Послѣ 60-лѣтняго отсутствія, я не нашелъ бы ни одного изъ нихъ въ живыхъ. Ничего изъ прошедшаго и туманъ въ будущемъ“.

Причины, по которымъ гр. Павелъ Дмитріевичъ остался въ Парижѣ.

Событія начала 1867 года, обращавшія на себя вниманіе гр. Павла Дмитріевича, были: слухи, ходившіе въ то время о предположенномъ отдѣленіи въ Мексикѣ церкви отъ римскаго престола, декреты Наполеона, рѣчь императора Наполеона при открытіи законодательнаго собранія, письмо графа Шамбора и рѣчь Гладстона.

„8-го февраля. Кажется, что религіозное отдѣленіе Мексики отъ папы, возвѣщенное въ одной изъ корреспонденцій „Journal des Debats“, не подтверждается. Я сожалѣю объ этомъ, ибо такое отдѣленіе, подобно поступку Генриха VIII, послужило бы для независимыхъ христіанъ примѣромъ и побудило бы ихъ освободиться отъ фиглярства среднихъ вѣковъ въ пользу римскаго епископа, осмѣлившагося присвоить себѣ титулъ намѣстника Христа и, вслѣдствіе того, считать себя всемірнымъ главою католиковъ и христіанства вообще. Я не смѣю считать себя на столько религіознымъ, на сколько слѣ-

довало бы того желать; но, конечно, я не православный фанатикъ, который желалъ бы преобладанія исповѣданія, въ которомъ я родился, въ ущербъ другому. Но такъ какъ я имѣю преимущество принадлежать къ первобытной церкви, къ такой, какую проповѣдовали апостолы, то держусь за сохраненіе ея, не дозволяя себѣ разсуждать о сравнительной оцѣнкѣ различныхъ исповѣданій“.

Январскіе декреты Наполеона.

„19-го и 20-го января. Декреты, только что вышедшіе по нѣкоторымъ органическимъ преобразованіямъ, различно оцѣниваются парижскою публикою. Одни говорятъ, что это или слишкомъ много, или слишкомъ мало; другіе увѣряютъ, что это парламентская продѣлка, чтобъ увернуться отъ разсужденій; думаютъ, если не говорятъ, что императорское правленіе склоняется къ упадку и ищетъ, подобно акробату, своей трапеціи, которая ускользаетъ у него изъ рукъ. Я не думаю, чтобъ дошло до того; но я полагаю, что упадаетъ обаяніе Наполеона, котораго позволяютъ себѣ обвинять въ шарлатанствѣ“.

Мнѣнія о рѣчи Наполеона въ законодательномъ собраніи.

(14-го февраля) „О рѣчи императора были различныя мнѣнія въ парижскомъ обществѣ: одни считали ее достойною древнихъ, другіе порицали въ ней нѣкоторыя, болѣе или менѣе смѣлыя или неприличныя выраженія. Я не раздѣляю этого способа судить дѣйствія главы государства, который въ своемъ словесномъ посланіи можетъ и долженъ сказать то, что́ ему кажется лучше; и онъ сдѣлалъ это, по моему мнѣнію, въ хорошихъ выраженіяхъ и прилично. Что онъ помѣстилъ нѣсколько словъ *о главѣ своей династіи* и напомнилъ о хорошемъ пріемѣ, сдѣланномъ его сыну во время его путешествія въ Лотарингіи, я также не вижу ничего неприличнаго; это скорѣе долгъ признательности, выказанный народу, единогласно избравшему его и его династію, и онъ былъ въ правѣ и долженъ былъ упомянуть объ этомъ въ своей рѣчи въ законодательномъ собраніи. Французы мало заботятся о Наполеонѣ; они его желали вчера, и не хотятъ его болѣе сегодня. Въ этомъ состоитъ большое затрудненіе управлять этимъ народомъ, столь же живымъ, какъ и подвижнымъ. Но, чтобы ни говорили,

Наполеонъ III царствуетъ и будетъ царствовать въ теченіи своей жизни,—это мое внутреннее убѣжденіе и я этого желаю для блага Французовъ.

„Письмо графа Шамбора есть политическая болеутолительная реклама, съ помощью которой законный наслѣдникъ считаетъ обязанностію напомнить Франціи о себѣ. Эта программа для будущаго царствованія изложена прилично въ отношеніи слога и хорошихъ намѣреній Генриха V, если онъ когда нибудь сдѣлается королемъ, что́ болѣе, чѣмъ сомнительно, вслѣдствіе духа и стремленій новѣйшей Франціи. Она желаетъ прежде всего гарантіи для своего матеріальнаго благосостоянія, а не манифеста въ пользу папы, который въ посланіи претендента помѣщенъ во главѣ его задушевныхъ желаній, что истолковали возвращеніемъ къ управленію духовенства, отвергнутому большинствомъ народа. Это—неловкость, въ которой можно упрекнуть его тайнаго совѣтника (графа Сенъ-При); въ подобнаго рода посланіи прежде всего необходимо не оскорблять стремленія и желанія тѣхъ, къ которымъ обращаешься.

Письмо графа Шамбора.

„Рѣчь Гладстона, произнесенная въ Парижѣ [1]) и напечатанная въ Journal des Débats 2-го февраля, замѣчательна по мысли и чувству, съ которыми говорилъ этотъ государственный человѣкъ о другихъ и о самомъ себѣ, гордясь тѣмъ, что былъ помощникомъ Кобдена и Наполеона, которымъ человѣчество обязано возвышеніемъ уровня своего благосостоянія чрезъ свободу торговли и уничтоженіе исключительныхъ преимуществъ.

Рѣчь Гладстона.

„Я сохранилъ эту рѣчь между замѣчательными статьями этого года.

„Рѣчь Тьера вызываетъ сочувствіе не только въ Парижѣ, но и вездѣ, гдѣ читаются журналы. Онъ имѣетъ даръ быть всегда яснымъ, и если иногда его взгляду на политическія событія не сочувствуетъ часть читателей, то всѣ согласны въ томъ, что онъ блестящій ораторъ, умѣренный въ своихъ

Рѣчь Тьера.

[1]) На банкетѣ, данномъ въ честь его обществомъ экономистовъ, 26-го января 1867 г.

взглядахъ. Говоря объ ошибкахъ, сдѣланныхъ вслѣдствіе последней германской войны, онъ кончилъ, восклицая, что эта война должна быть послѣдняя для Франціи. Руэръ въ своемъ возраженіи поддерживалъ императорское правительство, которое, по его мнѣнію, не сдѣлало никакой ошибки. Двѣ рѣчи въ духѣ лѣвой стороны были произнесены Гарнье-Пажесомъ и Эмилемъ Оливье и вызвали только знаки уваженія".

Всемірная выставка.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ открылась всемірная выставка. Гр. Киселевъ посѣтилъ ее въ началѣ мая и обратилъ вниманіе прежде всего на русскія произведенія.

„Я отправился сегодня утромъ", записано у него, „между 10 и 11-мъ часомъ, на всемірную выставку, о которой я, при первомъ взглядѣ, не могъ еще судить. Я замѣтилъ однако, что наши хлѣбныя растенія, наши кожи, наше желѣзо и другіе наши сырые продукты выставлены въ большомъ изобиліи. Нельзя сказать того же о мануфактурныхъ издѣліяхъ, которыя выказываютъ свою юность, если не сравнительное дѣтство. Знаменитый Сазиковъ ничего замѣчательнаго не помѣстилъ въ своей витринѣ, и несмотря на это, его произведенія легко сбываются. Глыба малахита отъ Демидова привлекаетъ къ себѣ вниманіе; нѣкоторыя историческія картины разсматривалъ съ любопытствомъ, не зная ихъ сюжета, который слѣдовало бы для всемірныхъ посѣтителей, незнающихъ нашей исторіи, объяснить хотя бы въ краткомъ каталогѣ. Это наглядно познакомило бы съ событіями исторіи русскаго народа, весьма мало извѣстными въ Европѣ, и возвысило бы трудъ нашихъ художниковъ, который, конечно, не безъ достоинствъ, но которому слѣдуетъ помогать, какъ это умѣютъ дѣлать Французы въ отношеніи своихъ національныхъ артистовъ.

Прибытіе въ Парижъ Царской фамиліи.

По случаю выставки, въ этомъ году посѣтили Парижъ члены нашей Царской фамиліи: Государь Императоръ, Цесаревичъ, Великіе Князья Владиміръ Александровичъ, Константинъ Николаевичъ, Великая Княгиня Марія Николаевна. Августѣйшія Особы удостоили посѣщеніемъ своимъ гр. Павла Дмитріевича. Объ этихъ посѣщеніяхъ записаны въ дневникѣ его слѣдующія подробности:

„(22-го мая) Великая Княгиня Марія Николаевна заѣхала ко мнѣ, чтобъ поцѣловать меня радушно въ обѣ щеки и объяснить мнѣ причины, помѣшавшія ей сдѣлать это въ самомъ началѣ своего пріѣзда въ Парижъ—„по старой моей привычкѣ и пр.", сказала она. Бесѣда между Ея Императорскимъ Высочествомъ, Берье и мною длилась болѣе часа и была все время вѣжливая и искренняя. Роялистъ не стѣснялся въ выраженіяхъ своей мысли о безпокойномъ моральномъ положеніи (malaise moral) Франціи, на что Великая Княгиня возразила: „что Франція была бы въ большомъ затрудненіи замѣнить того, который управляетъ ею теперь". Я думаю, что она права; надо управлять Французами по ихъ гальскому характеру, любезному и легкомысленному.

Великая Княгиня Марія Николаевна.

(1-го іюня) „Императоръ Александръ прибылъ въ Парижъ около 5-ти часовъ. Онъ вышелъ у Тюльерійскаго дворца, чтобъ сдѣлать визитъ мѣстнымъ величествамъ. Полчаса спустя, Онъ прибылъ въ свое помѣщеніе въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ я Его ожидалъ во фракѣ, украшенный двойнымъ портретомъ и голубою лентой сверхъ жилета. Толпа, видимо, увеличивалась. Его Величество, войдя въ залу въ сопровожденіи императора Наполеона и обоихъ Великихъ Князей, Его старшихъ сыновей (Александра и Владиміра), обратился прямо ко мнѣ, пожалъ мнѣ дружески руку, освѣдомился о моемъ здоровьѣ и былъ, видимо, удивленъ перемѣною, которая произошла въ моемъ лицѣ, послѣ послѣдняго моего свиданія въ Варшавѣ; призвалъ обоихъ молодыхъ Князей и познакомилъ ихъ со мною, поручая ихъ моей дружбѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что путешествіе, хотя и быстрое, утомило Его особенно привѣтствіями, которыя нужно было принимать и возвращать лицамъ, встрѣчавшимъ Его на пути. Его Величество сказалъ мнѣ, что привѣтливый, задушевный пріемъ, встрѣченный имъ въ столицѣ Франціи, былъ Ему чрезвычайно пріятенъ и что Онъ очень желаетъ видѣть Парижъ во всѣхъ его подробностяхъ; но боится, что у него на то не хватитъ времени. Въ эту минуту императоръ Наполеонъ подошелъ ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ пустыхъ фразъ, на которыя

Привѣтствіе Государя Киселеву.

я отвѣтилъ, обратясь къ нему съ вопросомъ о здоровьѣ императрицы. Я исполнилъ первую часть моей программы, стоя, опираясь на мою трость; меня окружили мои русскіе и французскіе пріятели изъ свиты Ихъ Величествъ. Великая Княгиня Марія Николаевна подошла ко мнѣ, чтобъ, по обыкновенію, дать мнѣ двойной поцѣлуй, послѣ чего я удалился довольный приличнымъ исполненіемъ моей обязанности, принятымъ съ такою любезною милостью".

Посѣщеніе Государемъ гр. Павла Дмитріевича.

„(3-го іюня) Императоръ Александръ, на третій день послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Александромъ и Владиміромъ. Оба молодые Великіе Князья красивые молодые люди, въ особенности послѣдній, правильный типъ лица котораго чрезвычайно симпатиченъ.

„Его Величество спросилъ меня, можно ли надѣяться видѣть меня снова въ Петербургѣ; я отвѣтилъ, что я тамъ нахожусь мыслями и сердцемъ, но что касается до моей личности, то я не осмѣлюсь рискнуть на это, безъ особаго повелѣнія Его Величества, потому что я живу въ Парижѣ затворникомъ, никого не посѣщаю и вижу только тѣхъ, которые приходятъ ко мнѣ, и особенно соотечественниковъ; я живу воздухомъ и движеніемъ, которые мнѣ необходимы и безъ которыхъ мое существованіе было бы подвергнуто крайней опасности. Это неожиданное посѣщеніе доставило мнѣ чрезвычайное удовольствіе, я счелъ его за выраженіе благоволенія оказанное честной и продолжительной службѣ.

„Государь говорилъ, что онъ искренно благодаренъ за внимательныя заботы со стороны Франціи, чтобъ сдѣлать путешествіе его пріятнымъ во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Императоръ говорилъ объ одушевленіи публики на Лоншанѣ (2-го іюня) и что, возвращаясь чрезъ Булонскій лѣсъ, онъ слышалъ возгласы: да здравствуетъ Польша!... Я также, сказалъ Онъ, готовъ произнести тотъ же возгласъ, если эти люди проникнутся своею обязанностью и сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ они должны быть: честными и спокойными подданными.

„(6-го іюня). Я только что услышалъ о посягательствѣ въ

Булонскомъ лѣсу; пораженный этимъ извѣстіемъ, я слушалъ безъ большаго вниманія чтеніе журналовъ. Булонское покушеніе на жизнь Государя.

(7-го іюня). „Не смотря на мою слабость, я счелъ долгомъ присутствовать при благодарственномъ молебнѣ въ нашей церкви. Стеченіе публики было огромное.

„Выйдя изъ церкви, я отправился въ Елисейскій дворецъ, гдѣ засталъ высшее общество и всѣхъ съѣхавшихся въ это время въ Парижѣ высочествъ и свѣтлостей. Императоръ, замѣтивъ меня, удостоилъ приблизиться ко мнѣ, чтобъ сообщить мнѣ подробности вчерашняго происшествія съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которыя меня восхитили".

(7-го іюня). „Генералъ Жомини зашелъ ко мнѣ объявить о полученіи имъ голубой ленты за 44-хъ-лѣтнюю службу, которая неоднократно была полезна, но тѣмъ не менѣе вызоветъ порицаніе между его соперниками. Вчера въ Елисейскомъ дворцѣ Государь мнѣ сказалъ, что Онъ далъ эту награду Жомини потому, что мы только двое (Жомини и я) остались въ живыхъ изъ генералъ-адъютантовъ, бывшихъ при взятіи Парижа въ 1814 году". Награда генералу Жомини.

(11-го іюня). „День отбытія изъ Парижа Его Императорскаго Величества. Отъѣздъ Государя.

„Я отправился послѣ 10 часовъ въ Елисейскій дворецъ, гдѣ нашелъ большое общество. Государь прошелъ по заламъ и сказалъ также и мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Послѣ завтрака, Ихъ Величества отправляются въ Фонтенебло и вечеромъ должны возвратиться къ станціи Вилетъ".

(28-го іюля). „Великій Князь Константинъ Николаевичъ соблаговолилъ посѣтить меня на другой день своего пріѣзда въ Парижъ, сказавъ, при входѣ въ комнату: „къ вамъ первый Мой визитъ", и потомъ распросивъ о здоровьѣ, отозвался съ похвалою о ходѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ — чѣмъ Мы обязаны доброму согласію Моихъ товарищей и помощниковъ; я пріѣхалъ въ Парижъ для внимательнаго изученія всѣхъ нововведеній по морскому дѣлу, — не знаю, успѣю-ли ознакомиться со всѣми предметами, но всѣ 10 дней, которые полагаю здѣсь пробыть, посвящу Моему спеціальному занятію. Посѣщеніе гр. Киселева Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

Затѣмъ, передавъ мнѣ доброе привѣтствіе отъ Великой Княгини и принявъ поздравленіе, по случаю бракосочетанія Великой Княжны, Его Высочество изволилъ отправиться къ прусскимъ своимъ родственникамъ".

Фельдмаршалъ князь Барятинскій.

Въ началѣ года гр. Киселевъ посѣтилъ бывшаго тогда въ Парижѣ фельдмаршала, князя Барятинскаго, который въ разговорѣ высказалъ причину, почему онъ не возвращается въ Петербургъ.

„Я засталъ", записано въ дневникѣ подъ 26 января, „фельдмаршала, князя Барятинскаго, во время припадка подагры, въ хорошемъ расположеніи духа, и несмотря на нѣсколькихъ находившихся у него лицъ, онъ мнѣ тотчасъ же сказалъ, что онъ не отправился въ Петербургъ не только по причинѣ припадковъ подагры, но также и изъ разсчета; мнѣ говорятъ, что если я по чину, въ который былъ возведенъ, не могу занять другаго поста въ административной іерархіи, то я могу быть полезенъ какъ интимный совѣтникъ Государя; но на такой постъ нужно быть вызваннымъ, а меня не требовали. Императоръ говоритъ о дѣлахъ только со своими министрами и не любитъ говорить о нихъ съ другими. Я росъ съ нимъ и остался до сихъ поръ, по привычкѣ, его адъютантомъ, но вовсе не его совѣтникомъ. Слѣдовательно, было бы столь же неприлично, какъ и безполезно, добиваться положенія, котораго намъ не довѣряютъ... и т. д. въ томъ же духѣ".

Во время пребыванія въ Уши, гр. Павла Дмитріевича посѣтилъ графъ Вл. Ѳед. Адлербергъ.

Графъ В. Ѳ. Адлербергъ.

„Меня навѣстилъ мой добрый товарищъ (записано подъ 25 августа), графъ Адлербергъ (отецъ), потерявшій, къ несчастію, зрѣніе и переносящій это съ твердостью, дѣлающею ему честь. Что касается до государственныхъ дѣлъ въ Россіи, то онъ старается смягчить ихъ дурную сторону, чтобъ возвысить то, что хорошо и полезно. Онъ находитъ даже, что *дефицитъ* есть зло, которое великое государство обязано сносить и пр.".

Въ Парижѣ и въ Уши гр. Киселевъ заканчивалъ свой день чтеніемъ журналовъ, нѣкоторыхъ книгъ и брошюръ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ чтеніе брошюры г. Герсеванова „Очеркъ Крымской войны“, въ отвѣтъ на книгу о томъ же предметѣ генерала Тотлебена и въ защиту князя Меншикова, навело гр. Киселева на слѣдующія воспоминанія:

Воспоминаніе о Крымской войнѣ.

„Императоръ Николай Павловичъ мнѣ говорилъ, что Меншиковъ отвергаетъ всякое усиленіе его войскъ въ Крыму, утверждая, что, по безводію, непріятель значительнаго десанта сдѣлать не можетъ, и что слѣдуетъ обратить вниманіе на устье Днѣстра, на Одессу и Николаевъ. Весьма можетъ быть, что князь Меншиковъ не признавалъ нужнымъ усиливать его корпусъ до Альминскаго сраженія и что впослѣдствіи онъ убѣдился въ противномъ. (Союзники привозили воду въ бочкахъ на корабляхъ, не допуская экономическихъ разсчетовъ въ подобныхъ случаяхъ). Это предвидѣть было трудно и не можетъ служить къ обвиненію главнокомандующаго, такъ точно, какъ и упреки въ нестойкости 16-й дивизіи, которая вступила въ бой, имѣя старыя ружья, изъ коихъ пули ложились на половинной дистанціи отъ непріятельскаго фронта, тогда какъ непріятельскія пули достигали, помимо стрѣлковъ нашихъ, до резервныхъ колоннъ“.

Воспоминанія о А. М. Гедеоновѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ умеръ въ Парижѣ А. М. Гедеоновъ, бывшій директоръ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ это событіе, гр. Киселевъ говоритъ: „Смерть Александра Михайловича Гедеонова была предвидѣна уже за нѣсколько дней. Мы служили нѣкоторое время вмѣстѣ въ кавалергардахъ, откуда онъ долженъ былъ уйти вслѣдствіе нѣкоторыхъ непріятностей, которыя мнѣ неизвѣстны, и впослѣдствіи поступилъ на службу ко Двору, гдѣ былъ полезенъ своею дѣятельностію и умѣніемъ, и сталъ необходимъ министру Императорскаго Двора князю Волконскому, который сдѣлалъ его управляющимъ театрами и далъ ему возможность достигнуть высшихъ придворныхъ степеней. Послѣ смерти его покровителя, онъ оставилъ службу и уѣхалъ въ Парижъ доживать свои дни. Я часто видѣлъ его и зналъ съ какою разсчетливостью онъ пользовался своими денежными средствами, изъ экономіи-ли или изъ скряжниче-

ства, мнѣ неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ расточителенъ и не заслуживалъ той репутаціи, которую старались распространить его враги; онъ былъ чрезвычайно услужливъ и обязателенъ. Французскіе актеры и актрисы, которые были въ Петербургѣ, по его приглашенію, старались изъявить ему свою признательность во время его болѣзни, а послѣ его смерти присутствовали при его погребеніи. Всѣ его подчиненные остались ему чрезвычайно приверженными, что́ съ одной стороны хорошо, а съ другой — дурно, потому что́ эта приверженность пріобрѣтается обыкновенно угожденіемъ и снисходительностію при нарушеніи закона, и рано или поздно отражается невыгодно на начальникѣ, ихъ допускавшемъ. Я считаю его за человѣка честнаго, заслуживающаго лучшей репутаціи, чѣмъ та, которая о немъ распространена его хулителями; онъ грѣшилъ только чрезмѣрнымъ желаніемъ угодить своимъ начальникамъ и своимъ подчиненнымъ, не наблюдая строгаго контроля, который онъ долженъ былъ ввести въ кругъ своихъ обязанностей и который производился имъ слабо, какъ будто бы дѣло шло объ его собственныхъ деньгахъ.

„Это печальное и неизбѣжное послѣдствіе нашего воспитанія, въ которомъ религіозное образованіе ограничивается преподаваніемъ обрядовой стороны и не касается развитія началъ нравственности, могущихъ руководить человѣка въ жизни, какъ гражданина, супруга, сына и отца семейства. Большинство нашихъ священниковъ, впрочемъ, и не въ состояніи сдѣлать это. Предметъ, котораго я коснулся, весьма важенъ, и я возвращусь къ нему, если жизнь моя продлится“.

ГЛАВА LVI.

1868 годъ.

Пожалованіе Киселеву аренды.—О дуэли бар. Будберга съ бар. Мейендорфомъ.—Свиданіе съ Д. А. Милютинымъ.—Свиданіе съ кн. Горчаковымъ.—Замѣчанія объ испанской революціи.—О книгѣ Самарина „Окраины Россіи".—О княгинѣ Ливенъ.—Гизо льститъ Наполеону.—Смерть Берье.

1868 годъ гр. Павелъ Дмитріевичъ провелъ также, какъ и предыдущіе годы—частью въ Парижѣ, частью въ Виши; образъ жизни велъ тотъ же; здоровье его еще позволяло ему обычныя прогулки; ежедневно принималъ онъ посѣтителей, которые, по прежнему, оказывали къ нему вниманіе, какъ это доказывается, между прочимъ, числомъ поздравлявшихъ его съ новымъ русскимъ годомъ.

Дневникъ его дѣлается уже, однако, менѣе полнымъ. Вотъ интереснѣйшія мѣста изъ него:

Пожалованіе Киселеву аренды.

Въ 1862 году, при увольненіи отъ должности посла въ Парижѣ, Государь пожаловалъ гр. Киселеву аренду въ 10 т. рублей на 12 лѣтъ; часть этой аренды, именно по 4,000 рублей въ годъ, онъ просилъ перевести на брата его Николая, а остальную часть въ 1868 году продалъ. „По этому случаю", говоритъ онъ (2 іюня), „я могу вспомнить съ удовольствіемъ, что, не прося никогда ничего для себя у трехъ Императоровъ, при которыхъ я жилъ и которымъ дѣятельно и честно служилъ, я былъ всегда награждаемъ выше моихъ за-

слугъ; я говорю это искренне, не отъ избытка скромности, но изъ чувства справедливости въ отношеніи Государей, которыхъ я имѣлъ счастіе знать и быть Имъ близкимъ".

О дуэли бар. Будберга съ бар. Мейендорфомъ.

Въ началѣ этого года посолъ нашъ баронъ Будбергъ былъ оскорбленъ барономъ Мейендорфомъ, слѣдствіемъ чего была между ними дуэль и, затѣмъ, оставленіе барономъ Будбергомъ своего поста въ Парижѣ.

Въ дневникѣ гр. Киселева записано: „Прискорбное происшествіе въ Верье было мнѣ разсказано (1-го марта) барономъ Будбергомъ съ подробностями, которыя я прочелъ позже въ журналахъ. Онъ говорилъ объ этомъ съ совершеннымъ спокойствіемъ, безъ злобы; упреки его относились только къ тому, что оставили совершенно на свободѣ, и безъ всякаго надзора безумца, обнаружившаго свое неистовство еще въ прошломъ году такимъ же образомъ съ совѣтникомъ посольства Чичеринымъ, о чемъ Будбергъ узналъ только сегодня. Еслибы онъ зналъ объ этомъ прежде, то принялъ бы предосторожности. Во всемъ этомъ нужно отдать справедливость безукоризненному поведенію барона, понимавшаго серьезность своего положенія и то, что, во вредъ ему, этимъ событіемъ могутъ воспользоваться его личные и политическіе враги. Еслибъ я могъ хотя нѣсколько помочь ему въ этомъ случаѣ, то сдѣлалъ бы это охотно; но, къ сожалѣнію, при моемъ безсиліи, я ничѣмъ не могу быть полезенъ ни другимъ, ни самому себѣ.

„Дуэль барона Будберга съ барономъ Рудольфомъ Мейендорфомъ происходила 14-го апрѣля въ Мюнхенѣ. Посолъ имѣлъ свидѣтелями генерала графа Бетанкура, полковника Новицкаго и князя П. Витгенштейна.

„Они обмѣнялись пулями, не затронувъ другъ друга, что чрезвычайно счастливо для Будберга—отца семейства и безъ средствъ. Русскіе въ Парижѣ полагаютъ, что послу не слѣдуетъ оставаться на своемъ настоящемъ постѣ и что, до времени, надлежало бы назначить его членомъ Государственнаго Совѣта или на одну изъ высшихъ должностей при Императорскомъ Дворѣ, съ приличнымъ содержаніемъ. Я съ своей

стороны не вижу особенно вѣскихъ причинъ, которыя заставляли бы должностное лицо оставить свой постъ послѣ дуэли, выдержанной съ достоинствомъ. Баронъ Будбергъ, возвратясь изъ Мюнхена, передалъ мнѣ подробности своей эпопеи. Онъ исполнилъ свою обязанность какъ джентельменъ, и разсказъ его отличался спокойствіемъ и умѣренностію. Будбергъ отправляется въ Петербургъ, чтобы возобновить просьбу о замѣщеніи его поста въ Парижѣ. Онъ сдѣлаетъ это, повинуясь долгу чести въ отношеніи къ своему Государю, осыпавшему его милостями".

Свиданіе съ Д. А. Милютинымъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, во время пребыванія гр. Киселева въ Уши, его посѣтилъ, между прочимъ, Д. А. Милютинъ. По этому поводу Павелъ Дмитріевичъ записалъ [1]):

„Дмитрій Милютинъ пришелъ проститься со мною, передъ возвращеніемъ въ С.-Петербургъ, и говорилъ откровенно со мною о настоящемъ своемъ положеніи, которое онъ сохранилъ болѣе продолжительное время, чѣмъ полагалъ, поступая въ должность. Онъ очень умно судитъ о матеріальномъ положеніи своего министерства; но онъ разсматриваетъ его также, какъ мы это дѣлали 40 лѣтъ тому назадъ, не принимая въ уваженіе успѣхи Запада и теперешняго изолированнаго положенія въ Европѣ. По моимъ убѣжденіямъ, мы не можемъ болѣе оставаться при нашей системѣ рекрутскаго набора, имѣя передъ собою вооруженіе цѣлыхъ націй. Нужно уравновѣсить средства защиты и, для того, призвать подъ ружье всѣхъ годныхъ для того людей и держать ихъ на службѣ только нѣсколько недѣль подобно тому, какъ это дѣлается въ Швейцаріи, ибо такимъ способомъ достигается цѣль защиты безъ обремененія народа. Въ Швейцаріи каждый кантонъ имѣетъ свой арсеналъ, который можетъ вооружить 1000 человѣкъ въ теченіи 24 часовъ. Я видѣлъ въ Моржѣ 60 пушекъ новаго образца, совершенно приготовленныхъ къ выступленію въ походъ, а также и надлежащее количество оружія для пѣхоты. Въ швейцарской милиціи обращается осо-

[1]) Подъ 30 августа.

бенное вниманіе на стрѣльбу въ цѣль; стрѣльба эта въ большомъ почетѣ въ Швейцаріи".

Свиданіе съ кн. Горчаковымъ.

О свиданіи съ княземъ Горчаковымъ, который пріѣхалъ въ Уши 6-го сентября, въ дневникѣ гр. Киселева записано:

„Князь былъ такъ вѣжливъ, что посѣтилъ меня тотчасъ же по прибытіи своемъ, но не засталъ меня; позже я его встрѣтилъ въ столовой, гдѣ онъ велѣлъ подать себѣ скромный обѣдъ, который онъ раздѣлялъ съ М. Мальцевымъ, его спутникомъ въ путешествіи".

Замѣчанія объ испанской революціи.

Въ концѣ года въ Испаніи послѣдовала революція; объ этомъ событіи гр. Киселевъ записалъ [1]) слѣдующее:

„События, случившіяся въ Испаніи, не удивили меня. Они были подготовлены исподволь сфинксомъ, интересъ котораго заключается въ томъ, чтобъ удалить отъ Франціи сосѣдство Бурбонской вѣтви, озабочивающей его, и не безъ причины. Онъ достигъ этой цѣли съ помощію нѣсколькихъ человѣкъ молодой Испаніи, желавшихъ свергнуть иго фаворитовъ королевы и іезуитскихъ священниковъ, продолжавшихъ свои тайные происки, мало заботясь о прискорбныхъ для страны послѣдствіяхъ. Въ началѣ этого года, проходя чрезъ дворъ дома, гдѣ я живу, я спросилъ швейцара о причинѣ необыкновеннаго оживленія въ № 73, т.-е. въ нашемъ домѣ; онъ отвѣчалъ, что прибытіе маршала Одоннеля привлекаетъ много посѣтителей отъ 9 — 12 часовъ дня. Онъ отправлялся два раза въ Тюльери, сказалъ швейцаръ; совершилъ путешествіе въ Испанію на нѣсколько недѣль.

„Вскорѣ послѣ того маршалъ Одоннель умеръ. Роль его перешла къ маршалу Серано, который, съ помощью генерала Прима, произвелъ революцію, низвергнувъ королеву Изабеллу, которая покинула Испанію и поселилась въ По, гдѣ она находится и теперь.

„Паденіе королевы Изабеллы, сопровождавшееся изгнаніемъ, она заслужила вполнѣ своимъ скандальнымъ поведеніемъ. Ее сопровождаютъ ея духовникъ, іезуитъ Кларе, и лю-

[1]) 2-го октября.

бовникъ Марфори. Если Испанская революція привела бы только къ этому результату, ее слѣдовало бы за то одобрить.

„По поводу революціи въ Испаніи говорятъ, что проектъ Наполеона III клонится не къ чему другому, какъ къ учрежденію латинской федераціи изъ западныхъ государствъ: Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Бельгіи и даже Голландіи, если Англія тому не воспротивится“.

О книгѣ Самарина Окраины Россіи.

Ю. Ѳ. Самаринъ представилъ гр. Павлу Дмитріевичу напечатанный имъ тогда I томъ „Окраинъ Россіи“. Гр. Киселевъ отозвался объ этой книгѣ такъ: [1]) „Окраины“—книга, написанная хорошимъ слогомъ, но съ раздраженіемъ, и потому едва-ли можетъ имѣть тѣ добрыя послѣдствія, которыхъ ожидаетъ авторъ: мы еще не дозрѣли до такого образа дѣйствій, при нашей формѣ государственнаго управленія“.

О княгинѣ Ливенъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ гр. Киселевъ прочелъ вышедшее тогда сочиненіе Гизо: „Mélanges biographiques et littéraires, и въ своемъ дневникѣ записалъ [2]):

„Глава, относящаяся до княгини Ливенъ, написана съ цѣлью выказать достоинства этого политическаго синяго чулка; она принимала въ своемъ салонѣ и была только тогда счастлива, когда его наполняли политическія знаменитости. Гизо былъ польщенъ кошачьими ласками (chatteries), которыя ему оказывала дама большаго свѣта; онъ сообщалъ ей постоянно каждое утро политическія и литературныя новости дня, передавая ихъ съ своею оцѣнкою и предоставляя ей предсѣдательствовать въ остальное время дня въ ея салонѣ. Я наблюдалъ эту комедію съ 1856 г. до 27 января 1857 года, день ея смерти.

„Княгиня Ливенъ была, конечно, умная женщина и исполняла превосходно свою роль посланницы въ Лондонѣ, въ ущербъ своему супругу-послу, который носилъ только титулъ. Она ничего не читала и говорила только по указаніямъ, получаемымъ ею отъ своего внушителя Гизо“.

По поводу другаго сочиненія Гизо: „La Prusse et la France

[1]) 12-го ноября.

[2]) 3-го іюля.

Гизо льститъ Наполеону.

responsables devant l'Europe", гр. Павелъ Дмитріевичъ говоритъ [1]): „Я прочиталъ это произведеніе, хорошо написанное, но исполненное прямыхъ или косвенныхъ любезностей Наполеону III и его правительству, что изъ подъ пера легитимиста показалось мнѣ довольно страннымъ и что мнѣ объясняютъ необходимостью подвинуть впередъ въ служебной карьерѣ сына Гизо. Строгій протестантъ согрѣшилъ, вслѣдствіе отцовской нѣжности. Нужно извинить его въ этомъ случаѣ и припомнить его честность въ политической жизни".

Смерть Берье.

29-го ноября умеръ въ своемъ имѣніи Берье, связанный съ гр. Павломъ Дмитріевичемъ взаимнымъ уваженіемъ и дружбою. Вотъ что записано у него въ дневникѣ:

(7-го апрѣля). „Біографическій портретъ Берье (Le portrait biographique de Berrier) есть не совершенный силуетъ этого политическаго лица теперешней эпохи. Въ теченіи 40 лѣтъ онъ оставался вѣрнымъ своимъ принципамъ умнаго и умѣреннаго роялиста; онъ наслѣдовалъ ихъ отъ отца, всегда былъ имъ вѣренъ и поддерживалъ ихъ своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Это человѣкъ, который останется въ памяти своихъ современниковъ и возвысится еще болѣе въ потомствѣ".

(19-го іюня). „Берье, человѣкъ весьма симпатичный, по своему высокому уму, по своимъ знаніямъ и по своимъ частнымъ влеченіямъ; я чувствую себя лучшимъ послѣ разговора съ нимъ".

(29-го ноября). „Сейчасъ мнѣ сказали о смерти знаменитаго Берье, достигшаго 79 лѣтъ. Однимъ честнымъ человѣкомъ меньше!"

---

[1]) 22-го ноября 1868 г.

ГЛАВА LVII.

1869 годъ.

Неисполнившееся желаніе писать свою біографію.—Посѣщеніе гр. Киселева Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Его супругою.—Замѣчаніе о рѣчи императора Наполеона.—О книгѣ Ланфре.—Недовѣріе гр. Киселева въ прочность положенія Наполеона.—Смерть Жомини. Рамбюто и Николая Киселева.

Неисполнившееся желаніе писать свою біографію.

Во время пребыванія въ Уши, куда гр. Киселевъ въ 1869 году уѣхалъ (12 іюня) ранѣе обыкновеннаго, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ, подъ 28-мъ іюля, что „желалъ бы, чтобъ ему осталось прожить время, достаточное для того, чтобы дополнить его послужной списокъ [1]), личными фактами изъ частной его жизни, которыхъ онъ не имѣетъ причинъ скрывать“.

Желаніе это, однако же, осталось неисполненнымъ; очевидно, что силы стали ему измѣнять; самый дневникъ уже замѣтно сокращается и въ немъ нерѣдко встрѣчаются повторенія, а иногда и неясности; но голова его всегда постоянно работала; мы остановимся на болѣе замѣчательныхъ мѣстахъ дневника.

Бывшій секретарь посольства въ Парижѣ, А. Ѳ. Гротъ, а потомъ служившій при Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, возвращаясь съ Кавказа, въ январѣ 1869 г. посѣтилъ гр. Павла Дмитріевича, который записалъ въ своемъ дневникѣ:

[1]) Очевидно, Павелъ Дмитріевичъ разумѣлъ свою біографію.

„(3-го января) появленіе у меня бывшаго секретаря посольства Грота было мнѣ чрезвычайно пріятно; я уважаю и люблю его не только, какъ ревностнаго и способнаго чиновника, но болѣе еще, какъ надежнаго человѣка безукоризненнаго поведенія. Онъ держитъ себя превосходно и могъ бы быть весьма полезенъ во главѣ отчетности расходовъ Императорскаго Двора".

Въ Уши гр. Киселева посѣтилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и князь Горчаковъ. Объ этихъ посѣщеніяхъ въ дневникѣ записано:

Посѣщеніе гр. Киселева Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Его супругою.

„24-го августа; Великій Князь Константинъ Николаевичъ удостоилъ посѣтить меня. Онъ выказалъ ко мнѣ сердечную любезность; разспрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ и образѣ моей жизни, говорилъ мнѣ о Великой Княгинѣ, Его супругѣ, нервы которой разстроены до такой степени, что онъ долженъ ее поселить на будущую зиму въ Швейцаріи, въ Вевэ или Монтрё. Она поручила мнѣ, сказалъ онъ, спросить васъ, можетъ ли она пріѣзжать къ вамъ, не слишкомъ безпокоя васъ.

„27 августа Великій Князь и Великая Княгиня посѣтили меня; эта минута напомнила мнѣ прошедшее, когда я былъ еще человѣкомъ; теперь же я едва тѣнь его".

Замѣчаніе о рѣчи императора Наполеона.

18-го января послѣдовало открытіе законодательнаго корпуса въ Парижѣ. Прочитавъ тронную рѣчь, гр. Киселевъ замѣтилъ слѣдующее: „Рѣчь Императора Наполеона III въ законодательномъ корпусѣ есть повтореніе его прежнихъ рѣчей, всегда прилично и осторожно редактированныхъ. Онъ говорилъ о многихъ предметахъ въ весьма либеральномъ духѣ, но безъ положительнаго обязательства чего либо съ его стороны. Подвижной умъ Французовъ довольствуется тѣмъ,—и дѣло сдѣлано. Въ Англіи подобная рѣчь была бы недостаточна. Во Франціи ее ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, прочитываютъ съ поспѣшностью и забываютъ на слѣдующій день".

О книгѣ Ланфре.

Начавшее выходить тогда сочиненіе Ланфре „Исторія Наполеона I" внушила гр. Киселеву слѣдующія мысли: [1])

„Исторія Наполеона I" Ланфре есть замѣчательное произве-

[1]) Дневникъ 3-го февраля.

деніе тѣмъ, что можетъ служить поправкою исторіи Тьера. Послѣдній, вмѣсто исторіи, написалъ академическую похвалу, чрезвычайно оцѣненную Бонапартистами и царствующимъ императоромъ, который въ одной изъ своихъ рѣчей назвалъ автора народнымъ историкомъ, что̀ его чрезвычайно польстило, какъ онъ мнѣ это сказалъ въ одномъ изъ великосвѣтскихъ салоновъ, гдѣ я его встрѣтилъ.

„Ланфре не противникъ Наполеона I и его военной славы; но, оцѣнивая его достоинства, онъ не старается скрывать недостатки его характера: повелительнаго, самолюбиваго и, вслѣдствіе того, несправедливаго въ оцѣнкѣ людей, осмѣлившихся поддерживать свое личное достоинство.

„Я видѣлъ царствованія трехъ государей самодержавныхъ въ Россіи; но никогда не видѣлъ ничего подобнаго всемогуществу Наполеона I во Франціи и въ Европѣ, гдѣ онъ царствовалъ и управлялъ въ теченіе почти 20 лѣтъ безграничнымъ властелиномъ.

„Французы, обыкновенно столь щекотливые па счетъ ихъ личной свободы, не смѣли никакимъ образомъ изъявлять свои чувства неодобренія офицеру-выскочкѣ, который управлялъ ими деспотически въ продолженіе 19 лѣтъ и умеръ въ своей постели на скалѣ Св. Елены. Народъ проклиналъ его въ продолженіе его жизни; но послѣ смерти тотъ же народъ перевезъ его смертные останки во Францію, для погребенія со всѣми царскими почестями".

Недовѣріе Киселева въ прочность положенія Наполеона.

Наполеонъ III въ это время находился на вершинѣ своего могущества; Европа его боялась. Графъ Киселевъ, однако же, не совсѣмъ вѣрилъ въ прочность его положенія и особенно его династіи.

„Наполеонъ III", пишетъ гр. Павелъ Дмитріевичъ [1]), „убѣжденъ, что сынъ ему наслѣдуетъ и что нужно его приготовить къ будущему его назначенію. Во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, подобную мечту лелѣютъ родители, безъ всякой увѣренности въ удачѣ. Орлеанская фамилія тому неопровержимое доказательство. Людвигъ-Филиппъ былъ мастеръ своего

[1]) Подъ 3-мъ февраля.

дѣла весьма искусный и, не смотря на то, послѣ 20-ти-лѣтняго царствованія, былъ выпужденъ покинуть Парижъ и Францію".

Подъ 16-мъ іюня онъ записалъ слѣдующее:

„Journal des Débats", отдавая отчетъ о происходившихъ въ послѣдніе дни на улицахъ Парижа безпорядкахъ, не принимаетъ ихъ, какъ кажется, за серьезные, какъ это дѣлаютъ оффиціозные органы, старающіеся особенно возвысить великодушіе императора, который, для изъявленія довѣрія народонаселенію своей столицы, прошелъ пѣшкомъ безъ конвоя по улицамъ, гдѣ возстаніе кипѣло съ большою яростью. Но *неподкупленные свидѣтели* утверждаютъ, что это предполагаемое народное возстаніе было подготовлено и заплачено полиціею, чтобы бунтовщиковъ схватить, посадить въ тюрьму и выпустить большею частью въ продолженіе дня. Большая военная сила была выставлена на сцену для того только, чтобъ придать видъ дѣйствительной опасности, которой подвергались государство и императоръ. Все это говорится и разносится въ добромъ городѣ Парижѣ, принимающемъ все, что ему подносятъ, съ условіемъ, чтобы ему можно было посмѣяться сколько душѣ угодно и безъ всякой опасности для своей личности. Говорятъ—это глава изъ фарса, съиграннаго въ Страсбургѣ и Булони; его разъигрываютъ еще, чтобъ расшевелить общественный духъ, который засыпаетъ отъ скуки и пр. Пусть, впрочемъ, остерегутся: tant va la cruche à l'eau qu'elle finit par remplir et déborder.

„Всѣ закулисныя машины, которыя любятъ примѣнять къ игрѣ, извѣстны и оцѣнены по ихъ достоинству, gare au réveil".

Смерть Жомини, Рамбюто и Николая Киселева.

Въ этомъ году смерть похитила близкихъ гр. Павлу Дмитріевичу людей: генерала бар. Жомини, герцога Рамбюто и Николая Дмитріевича Киселева.

По случаю кончины барона Жомини (23-го марта), гр. Киселевъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „смерть генерала барона Жомини. Онъ, говорятъ, извѣстилъ о своей кончинѣ писанными его рукою записками (безъ числа), что будутъ отпѣвать его въ такой-то церкви въ январѣ 1869 года. Онъ

мнѣ сказалъ, что достигъ 90-го года. Онъ имѣлъ въ это последнее время страсть говорить о политикѣ; но такъ какъ онъ былъ совершенно глухъ, то разговоръ съ нимъ становился чрезвычайно затруднительнымъ. Я избѣгалъ его, потому что, чрезъ четверть часа разговора съ нимъ, у меня кровь приливала къ головѣ и я дѣлался ни къ чему негоднымъ. Онъ давалъ мнѣ почувствовать неоднократно, что замѣтилъ это, но я не обращалъ на то вниманія, и это отозвалось на нашихъ отношеніяхъ. Старѣясь, не надо забывать возрастъ, до котораго достигъ".

24-го апрѣля гр. Павелъ Дмитріевичъ, получивъ извѣстіе о смерти своего стараго друга Рамбюто, скончавшагося 87 лѣтъ отъ роду, записалъ: „смерть моего превосходнаго друга Рамбюто, послѣ кончины Берье, для меня безконечно чувствительна".

Но болѣе всего поразила гр. Павла Дмитріевича смерть его брата Николая (во Флоренціи, 8-го декабря). „Въ 7 часовъ я раскрылъ глаза, чтобъ прочесть роковую ночную телеграмму; я пораженъ. Теперь я одинъ на свѣтѣ; братъ мой умеръ вчера, въ полдень. Послѣ перваго оцѣпенѣнія, я подумалъ, что онъ меня въ первый разъ обошелъ въ моемъ правѣ старшинства и что надлежало перенести на вдову всю нѣжность, которую я оказывалъ ему съ его дѣтства. Прежде всего нужно узнать о его послѣднихъ распоряженіяхъ въ отношеніи его вдовы, исполнить ихъ свято и дополнить ихъ, если это понадобится".

Гр. Киселевъ любилъ брата Николая, какъ сына.

20-го октября онъ оставилъ Уши и на другой день возвратился въ Парижъ.

ГЛАВА LVIII.

1870 — 1872 годъ.

Послѣдніе дни жизни и кончина графа П. Д. Киселева.

Насталъ 1870 годъ. Графъ Павелъ Дмитріевичъ продолжалъ обыкновенный свой образъ жизни. Утро въ рабочемъ его кабинетѣ начиналось краткими замѣтками въ дневникѣ, затѣмъ онъ занимался разборомъ своихъ бумагъ, писалъ отвѣтныя письма и принималъ посѣтителей [1]); около 4-хъ часовъ выѣзжалъ на прогулку, обыкновенно въ Булонскій лѣсъ; завозилъ по пути визитныя карточки и къ 6-ти часамъ возвращался къ себѣ обѣдать; къ обѣду разъ, иногда два, въ недѣлю приглашалось нѣсколько человѣкъ изъ лицъ близкихъ ему, почти всегда русскихъ.

Послѣ обѣда онъ уже никуда не выѣзжалъ; вечеръ проводилъ за чтеніемъ журналовъ и нѣкоторыхъ книгъ; изъ по-

[1]) Обыкновенными посѣтителями его были: постоянные изъ русскихъ жителей Парижа—Н. И. Тургеневъ, Н. В. Ханыковъ, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, В. В. Скрипицынъ, И. С. Тургеневъ и жившій тогда временно въ Парижѣ, уже больной, Н. А. Милютинъ съ своимъ семействомъ. Н. А. бывалъ у него почти каждый день; подъ 30-мъ іюня въ дневникѣ Павла Дмитріевича отмѣчено: „Nicolas Milutine est resté *une* h. à causer agréablement, sa santé se rétablit visiblement. Изъ проѣзжавшихъ чрезъ Парижъ русскихъ Павелъ Дмитріевичъ особенно обрадовался посѣщенію племянника своего Д. А. Милютина и К. В. Чевкина; о послѣднемъ подъ 26-мъ іюня отмѣчено въ дневникѣ: „К. В. Чевкинъ старый мой пріятель, умный, даровитый членъ Г. С., съ которымъ я пріятнѣйшимъ образомъ провелъ болѣе 2 часовъ“.

слѣднихъ зимою онъ читалъ записки А. С. Шишкова, Исторію войны 1812 года Богдановича, Révolution de 1848, par Louis Blanc (объ этой книгѣ подъ 2-мъ апрѣля въ дневникѣ отмѣчено: L'auteur quoique démocrate—libre penseur très avancé, est modéré dans ses appréciations des évènements et des individus), а лѣтомъ—Lanfrey, Histoire de Napoleon I.

Здоровье графа ослабѣвало, онъ постоянно жаловался на безсонницу; нѣсколько разъ повторялись легкіе обмороки; въ особенности онъ сталъ жаловаться на слабость въ колѣняхъ, прогулки пѣшкомъ дѣлались уже для него болѣе и болѣе затруднительными. Въ нѣкоторые дни онъ жаловался на сонливость и на трудность умственныхъ занятій, сколько-нибудь продолжительныхъ.

12-го іюля (н. с.) Павелъ Дмитріевичъ оставилъ Парижъ и отправился въ Швейцарію, переѣзды его утомляли; онъ ночевалъ въ Маконѣ и долженъ былъ остановиться въ Женевѣ на 3 дня для отдыха. 16-го іюля онъ былъ уже въ Уши, гдѣ остановился, и долженъ былъ провести тамъ и зиму, такъ какъ возвращеніе въ Парижъ было невозможно.

Въ Уши онъ велъ уединенный образъ жизни; день его проходилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Парижѣ: утромъ дневникъ, пріемъ посѣтителей, конечно довольно рѣдкихъ, прогулки въ саду, въ экипажѣ или въ лодкѣ, гдѣ, по предписанію врачей, онъ самъ работалъ веслами; вечеромъ чтеніе журналовъ. Онъ слѣдилъ за великими событіями, совершавшимися во Франціи. Въ дневникѣ встрѣчаются слѣдующія отмѣтки:

Подъ 25-мъ августа: „soir—journaux. Jactance et imprévoyence; les Français se payent de mots et les Prussiens d'actes calculés et précis“.

Подъ 3-мъ сентября: „Grande nouvelle! Napoleon III s'est rendu au Roi de Prusse!“

Подъ 5 сентября: „La chute de l'Empire en France prouve une fois de plus que les battus payent l'amende“.

Подъ 8-мъ октября: „Soir—journaux français qui commencent à comprendre le ridicule de leur jactance“.

Подъ 18-мъ октября: „Soir—journaux qui ne peuvent parvenir à atténuer la facheuse situation des affaires militaires françaises“.

Онъ не оставался равнодушнымъ и къ тому, что доходило до него о событіяхъ въ отечествѣ [1]).

Графъ Павелъ Дмитріевичъ оставался въ Уши до конца сентября 1871 года, и возвратился въ Парижъ въ октябрѣ.

Во время пребыванія въ Уши въ здоровьѣ его не произошло перемѣны къ лучшему: онъ не чувствовалъ никакихъ страданій, но по-прежнему, или даже и чаще, его мучила безсонница; къ этому по временамъ онъ сталъ жаловаться, что начинаютъ слабѣть его глаза. Физическія силы его упадали; это видно, между прочимъ, изъ дневника; начиная съ мая мѣсяца 1872 года, рука съ трудомъ повиновалась волѣ или даже и вовсе не повиновалась; въ іюлѣ въ дневникѣ вмѣсто словъ выходили безсвязныя черты; весь августъ въ пробѣлѣ; въ сентябрѣ опять видно усиліе писать, но выходили также безсвязныя чѐрты. Послѣднія слова, записанныя въ дневникѣ, и, что замѣчательно, опять довольно четко, были подъ 20 сентября въ Уши: *préparatif de départ*.

О послѣднихъ дняхъ графа Киселева и объ его кончинѣ вотъ что писалъ намъ Н. В. Ханыковъ:

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1871 года, проѣздомъ въ Италію, я заѣхалъ въ Уши, гдѣ и видѣлся съ гр. Павломъ Дмитріевичемъ. Тутъ я съ горестью замѣтилъ, что отсутствіе памяти, случавшееся съ графомъ и прежде, но не иначе какъ послѣ какихъ-нибудь сильныхъ болѣзненныхъ припадковъ, стало повторяться все чаще и чаще и среди дня, т.-е. въ часы, когда прежде голова его была всегда свѣжа.

„Почти безвыѣздное 14-ти-мѣсячное пребываніе въ Уши сильно утомило графа, и какъ только выяснилось, что въ Парижѣ спокойствіе прочно возстановлено, онъ поспѣшилъ туда вернуться. Это возвращеніе ободрило и разсѣяло графа; оно подѣйствовало благотворно и на его здоровье. Осенью 1871 г.

---

[1]) См. ниже, стр. 437.

онъ неоднократно по цѣлымъ часамъ былъ бодръ и свѣжъ, какъ не бывалъ давно. Къ сожалѣнію, эта вспышка угасавшихъ силъ продолжалась недолго.

„Въ началѣ 1872 года или въ самомъ концѣ 1871 года послѣдовало разочарованіе графа на счетъ его брата. Это открытіе его сильно поразило: онъ какъ-то сдѣлался угрюмъ, сосредоточенъ, пересталъ даже заботиться о туалетѣ, и по цѣлымъ днямъ лежалъ на кушеткѣ въ своей гостиной, съ ногами, положенными на подставленное кресло. По-утру принималъ онъ, по-прежнему, и любилъ, чтобы его навѣщали; но какъ-то разсѣянно слѣдилъ за разговоромъ, очень рѣдко принимая въ немъ участіе.

„Мало-по-малу ноги графа совершенно отказались служить; частая безсонница, исчезавшая только по-утру, ослабляла его память и вносила небывалый дотолѣ безпорядокъ въ дѣятельности цѣлаго дня; тѣмъ не менѣе онъ держался, сколько возможно, въ теченіе зимы съ 1871 на 1872 годъ, своего обычнаго образа жизни.

„Весною 1872 года сдѣлалось ясно, что лѣтомъ гр. Павелъ Дмитріевичъ долженъ остаться въ Парижѣ, такъ какъ слабость его не дозволяла и думать о перемѣщеніи куда-либо. Къ счастію, лѣто этого года было знойное и оно не ухудшило положенія больнаго. Съ наступленіемъ осени, быстрый упадокъ силъ предвѣщалъ скорый конецъ этой борьбы съ лѣтами и всеобщимъ истощеніемъ. Въ октябрѣ нерѣдко цѣлые дни графъ проводилъ полулежа на диванѣ въ гостиной, въ усыпленіи; но все же первыя три недѣли этого мѣсяца онъ постоянно выѣзжалъ на прогулку и каждый день могъ садиться обѣдать въ своей столовой. Въ концѣ октября графъ долженъ былъ отказаться отъ выѣздовъ. Въ ноябрѣ совершенно исчезнувшія силы заставляли опасаться ежедневно кончины его; но онъ не рѣшался ложиться въ постель. 13 (25) ноября онъ, по обычаю, одѣлся и цѣлый день пробылъ въ гостиной, постоянно одержимый болѣзненной дремотой. Въ 10 часовъ вечера его перенесли въ спальню; повидимому, послѣднюю ночь свою онъ провелъ спокойно, по крайней мѣрѣ, когда,

14 ноября въ 7 часовъ поутру, по давно заведенному обычаю, камердинеръ графа Григорій вошелъ къ нему въ спальню, онъ раскрылъ глаза и, на вопросъ Григорія, какъ онъ провелъ ночь и каково его здоровье, отвѣчалъ внятнымъ голосомъ: „ночь спалъ хорошо, а о здоровьѣ не могу сказать". Это были послѣднія слова. Затѣмъ онъ скрестилъ руки на груди, по временамъ открывалъ глаза и молча иногда касался рукой прислуживавшихъ и окружавшихъ его постель. Въ 9 ч. 45 м. онъ оглянулъ присутствовавшихъ, грустно вздохнулъ и отошелъ безъ всякой агоніи... Плачущій камердинеръ закрылъ ему глаза. Въ 11 ч. была отслужена первая панихида, а въ 2 часа тѣло графа набальзамировали, согласно его волѣ, выраженной за 16 лѣтъ предъ тѣмъ въ письмѣ къ А. Ѳ. Гроту".

На отпѣваніе тѣла въ русской церкви въ Парижѣ собралась вся тамошняя русская колонія и много парижскихъ знаменитостей, цѣнившихъ высокія качества покойнаго.

Тѣло графа Павла Дмитріевича, согласно его волѣ, перевезено въ Москву и похоронено 24 декабря 1872 года въ Донскомъ монастырѣ, подлѣ могилъ отца, матери и брата Николая. Воздвигнутый надъ ихъ могилами мраморный памятникъ указываетъ мѣсто вѣчнаго успокоенія графа Павла Дмитріевича Киселева.

ГЛАВА LIX.

ХАРАКТЕРЪ ГРАФА П. Д. КИСЕЛЕВА.

Для полноты настоящей монографіи я считалъ необходимымъ изобразить въ главныхъ чертахъ характеръ графа Павла Дмитріевича какъ человѣка. Съ этою цѣлію прежде всего остановимся на отзывахъ о немъ современниковъ его, оставившихъ потомству свои записки, именно: Басаргина, Левенштерна и Корфа.

Басаргинъ [1]) пишетъ слѣдующее:

„Начальникъ главнаго штаба генералъ Киселевъ былъ личностью весьма замѣчательною. Не имѣя ученаго образованія, онъ былъ весьма уменъ, ловокъ, дѣятеленъ, очень пріятенъ въ обществѣ и владѣлъ даромъ слова. У него была большая способность привязывать къ себѣ людей и особенно подчиненныхъ. По службѣ былъ взыскателенъ, но очень вѣжливъ въ обращеніи и вообще мыслилъ и дѣйствовалъ съ какимъ-то рыцарскимъ благородствомъ. Съ старшими велъ себя скорѣе гордо, нежели униженно, а съ младшими ласково и снисходительно... Не разъ я самъ отъ него слышалъ, какъ трудно ему было сдѣлаться изъ свѣтскаго полотера (какъ онъ выражался) дѣловымъ человѣкомъ, и сколько безсонныхъ ночей

---

[1]) Когда Киселевъ былъ начальникомъ штаба 2-й арміи, Н. И. Басаргинъ былъ при немъ адъютантомъ,—и потомъ, въ числѣ декабристовъ, сосланъ въ Сибирь. Записки его напечатаны въ 1872 году. См. Девятнадцатый вѣкъ. П. Бартенева. Книга 1. Москва 1872, стр. 67.

онъ долженъ былъ проводить, будучи уже флигель-адъютантомъ, чтобы нѣсколько образовать себя и приготовиться быть на что-нибудь годнымъ".

Левенштернъ въ своихъ запискахъ [1]) говоритъ слѣдующее:

„Киселевъ работникъ неутомимый; онъ умѣетъ возбудить дѣятельность своихъ подчиненныхъ... Благо отечества и общее довольство всегда было и будетъ его цѣлію... Онъ хочетъ, чтобы вездѣ инициатива была отъ него и забываетъ великій секретъ государственнаго человѣка, что успѣхъ обезпечивается довѣріемъ... Киселевъ обладаетъ драгоцѣннымъ талантомъ господствовать надъ воображеніемъ своихъ подчиненныхъ... Киселевъ отличается живостію своихъ черныхъ глазъ и авторитетомъ, который онъ пріобрѣтаетъ надъ всѣми; съ прекрасною наружностію онъ соединяетъ свѣтское обхожденіе... Его глубокомысленный, размышляющій взглядъ внушаетъ къ нему уваженіе, а любезность разговора привлекаетъ къ нему; въ его словахъ много твердости, живости и ума... Его рѣчь ясная и точная, иногда пылкая и увлекательная; онъ ею старается скорѣе просвѣтить, чѣмъ ослѣпить, скорѣе убѣдить, чѣмъ покорить... Вопросы администраціи и политики составляютъ предметъ его изученія; умъ его быстро обнимаетъ возникающіе вопросы, которые онъ старается проникнуть въ глубину, чтобы избѣжать ошибокъ, столь свойственныхъ умамъ обыкновеннымъ... Онъ гордъ, честолюбивъ, нетерпѣливъ, живъ и страстенъ... Всегда одушевленный, онъ ищетъ постоянно справедливости, и мнѣнія охотно группируются около него... Онъ прежде всего справедливъ и сердце у него на мѣстѣ... Онъ добръ, обязателенъ, даже услужливъ".

Въ одномъ изъ писемъ къ Киселеву [2]) Левенштернъ говорилъ: „Вы очень живы, часто даже рѣзки,—но этотъ недостатокъ вы замѣняете формами столь увлекательными, талан-

---

[1]) Неизданныя записки генерала Левенштерна (Mémoires et confessions du général baron W. de L. 1829) хранятся въ императорской публичной библіотекѣ. Авторъ находился при Киселевѣ въ Дунайскихъ княжествахъ, а затѣмъ былъ съ нимъ до своей кончины въ близкихъ отношеніяхъ и вращался постоянно въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

[2]) 16 января 1830 года.

тами столь блестящими, достоинствами столь высокими, что нѣтъ средства сопротивляться вамъ".

Графъ М. А. Корфъ въ запискахъ своихъ не разъ касается характера Киселева [1]) уже въ то время, когда онъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ.

Я въ особенности считаю необходимымъ долѣе остановиться на нихъ потому, что записки графа Корфа, какъ человѣка, всю жизнь свою вращавшагося въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, занимавшаго первостепенныя государственныя должности и потому бывшаго въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами высшей администраціи, будутъ считаться важнымъ историческимъ матеріаломъ, когда наступитъ пора ихъ выхода въ свѣтъ.

Графъ Корфъ называетъ Киселева „однимъ изъ самыхъ блестящихъ государственныхъ людей того времени (1845 г.) не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ"... „Въ государственномъ совѣтѣ, въ разныхъ комитетахъ, его рѣчи большею частію не длинны, но его также весело и занимательно было слушать тамъ, какъ и у него въ кабинетѣ или какъ въ салонѣ: всегда есть мысль блестящая или оригинальная... Въ немъ соединяется: блестящій умъ, быстрое соображеніе, мастерство говорить съ каждымъ о томъ, что особенно его интересуетъ, любезность въ формахъ и острыхъ шуткахъ. Не получивъ, къ сожалѣнію, основательнаго воспитанія и зная изъ иностранныхъ языковъ одинъ лишь французскій, онъ однакоже умѣлъ посредствомъ чтенія и еще болѣе посредствомъ усвоенія себѣ всего, что разъ услышитъ, стяжать множество энциклопедическихъ познаній, такъ что очень мало предметовъ, о которыхъ онъ не могъ бы вести бесѣды, всегда живой, остроумной, исполненной блестокъ и новыхъ самонаглядныхъ наблюденій... Онъ баловень дамъ, самый любимый, самый модный гость между всѣми нашими вельможами, и когда онъ въ

[1]) Покойный графъ М. А. Корфъ сообщилъ мнѣ собственноручную изъ его записокъ выписку, заключающую въ себѣ тѣ мѣста, въ которыхъ что-либо говорится о графѣ Киселевѣ; выписки эти относятся къ 12 годамъ, съ 1838 по 1849 включительно.

добромъ расположеніи духа, онъ, безъ сомнѣнія, и самый пріятный“.

На эти свѣтлыя краски въ характерѣ Киселева Корфъ кладетъ весьма темныя пятна.

Онъ говоритъ: „въ тонѣ и пріемахъ Киселева все еще проявляется иногда *прежній легкомысленный* и *вѣтреный* флигель-адъютантъ... Весь умъ, всѣ дарованія, вся заманчивая бесѣда Киселева въ приложеніи на практикѣ болѣе или менѣе блестящій фейерверкъ... Послѣдствія его преобразованій доселѣ (1845) имѣли только тотъ результатъ, что казенные крестьяне хуже, чѣмъ были прежде и всѣ единодушно ропщутъ на его логику... Усилія его къ уничтоженію у насъ крѣпостнаго состоянія, то, что онъ называетъ своею миссіею на землѣ—нисколько не доказываютъ ни филантропическихъ видовъ, ни истиннаго стремленія къ общей пользѣ: это просто блестящая игрушка, которою онъ хочетъ внести свое имя въ исторію, плодъ того-же хвастливаго честолюбія, изъ котораго онъ далъ конституцію Румынскимъ княжествамъ“.

Далѣе, Корфъ видѣлъ въ Киселевѣ человѣка безсердечнаго, неспособнаго никого любить: „сердце его никогда не было согрѣто и отцовскою любовію, потому что у него нѣтъ дѣтей... Друзей, даже людей, которыхъ бы онъ искренно любилъ, Киселевъ не имѣетъ никого, и съ сердцемъ своимъ, на мѣстѣ котораго мозгъ, имѣть не можетъ... Онъ не ознаменуетъ себя истинною пользою и истинными доблестями, потому что руководится только разсчетомъ своихъ выгодъ, ставя выше всего собственное свое *я*... Въ этомъ человѣкѣ вездѣ и во всемъ дѣйствуетъ только умъ, честолюбіе и разсчетъ; сердце холодное, мало знакомое съ высшими чувствами, вообще мало расположенное къ добру“.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ графъ Корфъ не совѣтуетъ имѣть дѣло съ Киселевымъ: „онъ-васъ непремѣнно выдастъ и продастъ“.

Занося въ свой историческій матеріалъ такія тяжкія обвиненія, гр. Корфъ не приводитъ ни одного факта въ ихъ подтвержденіе, за исключеніемъ указанія на процессъ Дубенскаго,

процессъ не вѣрно понятый и не вѣрно изложенный авторомъ записокъ [1]).

Справедливы ли эти порицанія, должны ли они оставаться на памяти Киселева? Посмотримъ.

Корфъ видѣлъ въ характерѣ Киселева легкомысліе и вѣтренность. Но способъ исполненія порученій, которыя Императоръ Александръ Павловичъ возлагалъ на Киселева, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Онъ приблизилъ его къ Себѣ, доказываетъ ясно, что вѣтренность и легкомысліе не были въ характерѣ молодаго флигель-адъютанта; Государь еще 1819 году отзывался [2]), что Онъ признавалъ въ Киселевѣ рѣдкую откровенность, что Онъ цѣнитъ услуги, оказанныя имъ, и уважаетъ его за честность и правдивость. Еще страннѣе, что гр. Корфъ приписываетъ эти самые недостатки, т.-е. легкомысліе и вѣтренность, Киселеву на 58 году (въ 1845 г.) его жизни, послѣ того, какъ онъ управлялъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ 2-ю арміею, блистательно участвовалъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ, заслужилъ европейскую извѣстность организацiею и управленіемъ Дунайскихъ княжествъ, оставилъ тамъ послѣ себя благодарную память, и уже 8 лѣтъ управлялъ въ отечествѣ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Вглядываясь безпристрастно въ дѣятельность Киселева, какъ военнаго человѣка и еще болѣе какъ администратора, должно сказать, что не вѣтренность и легкомысліе, а *осторожность* и *обдуманность* были отличительными свойствами его характера.

Бывши близкимъ свидѣтелемъ дѣятельности Киселева во все время учрежденія и управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, я могу положительно сказать, что ни одной мѣрѣ законодательной или административной онъ не давалъ хода, не обдумавъ ее предварительно, не измѣнивъ иногда нѣсколько разъ ея направленіе въ подробностяхъ.

Приговоръ гр. Корфа о томъ, что всѣ преобразованія въ управленіи государственными крестьянами имѣли результатомъ только ухудшеніе ихъ положенія, не болѣе какъ повто-

---

[1]) См. Т. IV. стр. 153.

[2]) Письмо А. Ѳ. Орлова Киселеву 16-го марта 1819, см. Т. I. стр. 65.

реніе голословныхъ обвиненій, раздававшихся изъ лагеря враговъ и завистниковъ Киселева [1]).

Въ усиліяхъ Киселева къ уничтоженію крѣпостнаго права Корфъ отрицалъ истинное стремленіе къ общей пользѣ и видѣлъ въ нихъ только блестящую игрушку, которою Киселевъ хотѣлъ внести свое имя въ исторію. Насколько подобное порицаніе неосновательно, скажемъ болѣе, ложно, читатели видѣли изъ II-го тома нашего труда. Киселевъ дѣйствительно сознавалъ всегда важность для общественнаго дѣятеля приговора исторіи; но какъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ, онъ очень хорошо понималъ, что игрушками, хотя бы и блестящими, нельзя вписать свое имя въ исторію на почетномъ мѣстѣ.

По словамъ Корфа, Киселевъ далъ *конституцію* Румынскимъ княжествамъ изъ хвастливаго честолюбія. Подъ конституціей, будто бы данной Киселевымъ Румыніи, Корфъ разумѣлъ такъ называемый „органическій регламентъ", составлявшій не политическій, а лишь административный актъ; но инціатива этого регламента, самая программа его были уже въ ходу прежде назначенія Киселева полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ; они шли изъ Петербурга. Странно, что Корфъ не зналъ этого и такъ легкомысленно отнесся къ участію Киселева въ изданіи регламентовъ; если для гр. Корфа не были доступны тогдашнія дипломатическія дѣла, то о происхожденіи регламента онъ могъ знать изъ иностранныхъ газетъ; въ 1836 году въ Journal des Débats, журналѣ, пользовавшемся всегда особымъ вниманіемъ въ Россіи, были помѣщены письма извѣстнаго писателя Сенъ-Маркъ-Жирардена подъ заглавіемъ: Voyage sur le Danube et dans les Principautés. Въ одномъ изъ этихъ писемъ (11-го декабря 1836 г.) авторъ говоритъ, что регламентъ былъ не дѣломъ одного Киселева, а дѣломъ петербургскаго кабинета, что авторъ читалъ инструкціи русскаго правительства генеральному консулу Минчаки, послужившія основаніемъ органическимъ регламентамъ княжествъ.

---

[1]) См. Т. II. Гл. XXXIII.

С. Маркъ-Жирарденъ былъ въ княжествахъ спустя два года послѣ отъѣзда оттуда Киселева, и вотъ какъ онъ характеризуетъ его: Le général Kisseleff n'est point un général d'armée, c'est un administrateur et un organisateur. Actif, infatigable, impérieux, aimant à commander, aimant à faire, ne craignant ni les détails, ni les redites, il trouva dans les principautés de quoi exercer ses talents, car tout était à faire et à organiser; il fit tout et organisa tout.

Корфъ въ Киселевѣ видѣлъ человѣка безсердечнаго, который „*никого искренно не любилъ*, и потому у него не было друзей“.

Сердце человѣческое причудливо. Любить всѣхъ можно только отвлеченно; въ дѣйствительности можно любить лишь немногихъ, и притомъ однихъ можно любить больше, чѣмъ другихъ; есть исключительныя натуры, никого не любящія. Корфъ относитъ Киселева къ послѣднимъ.

Качества сердца человѣка прежде всего высказываются въ его семейныхъ отношеніяхъ. Павелъ Дмитріевичъ былъ любящимъ, нѣжнымъ сыномъ къ отцу и матери; въ особенности онъ любилъ послѣднюю. Когда скончался въ 1820 году отецъ, финансовыя дѣла семейства были въ довольно разстроенномъ положеніи. Все имущество Киселевыхъ состояло по тогдашнему изъ 915 душъ, платившихъ оброка 26 т. руб. асс., и на имѣніи лежало казеннаго и частнаго долга до 270 т. р. Всѣ заботы по хозяйству лежали на братѣ Сергѣѣ, къ которому Павелъ Дмитріевичъ писалъ 3-го іюля 1822 года. „Я съ тобою весьма согласенъ, любезный братъ, что экономія необходима, и что нужно иногда дѣлать пожертвованія, но вспомни лѣта матушки и ты убѣдишься, что достигать оной надлежитъ съ величайшею осторожностію, дабы не оскорбить ее ни въ чемъ“.

А вотъ что онъ писалъ матери:

Въ мартѣ 1823 года, изъ Тульчина: „Дѣла наши (по имѣнію жены) въ большомъ разстройствѣ; совсѣмъ тѣмъ, замѣтивъ въ письмѣ вашемъ нѣсколько словъ о недостаткѣ денегъ, я тороплюсь предложить вамъ малое пособіе [1]), которое

---

[1]) 1,500 р. сер.

съ душевнымъ удовольствіемъ посылаю и прошу васъ, матушка, принять отъ сына и друга то, чѣмъ подѣлиться съ вами можетъ".

Въ 1824 году [1]... „Убѣдительно васъ прошу писать мнѣ откровенно о всемъ, что до васъ касаться можетъ, и быть увѣрены, что никогда считать себя не буду иначе какъ должникомъ вашимъ. Я считаю вашею принадлежностію все то, чѣмъ располагать могу, и всегда буду счастливъ раздѣлить съ вами достояніе, мнѣ принадлежащее".

Въ 1831 году [2]... „Относительно нашихъ разсчетовъ, то мы оставимъ это дѣло впредь до свиданія. Вамъ не безъизвѣстно, что я съ своего имѣнія ничего совершенно для своего прожитка не получаю и умѣренную свою жизнь по мѣсту, мною занимаемому, веду жалованьемъ; доколѣ обстоятельства дозволятъ продолжать теперешнее распоряженіе, я ничего не перемѣню; когда же обстоятельства измѣнятся, тогда будемъ дѣлиться чѣмъ и какъ можемъ, но во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены, что доколѣ буду жить, вы въ недостаткѣ не останетесь".

Мы привели въ своемъ мѣстѣ [3]) письмо, въ которомъ Павелъ Дмитріевичъ прощался съ матерью, отправляясь въ 1828 году на войну; кто можетъ отрицать, что это письмо исполнено сердечной теплоты? Во время войны и пребыванія въ княжествахъ Павелъ Дмитріевичъ не оставлялъ свою мать въ неизвѣстности о себѣ.

Въ январѣ 1841 года мать скончалась, и вотъ что писалъ онъ къ брату Сергѣю:

„1841 г. января 12-го: Всевышній призвалъ къ себѣ душу праведную; да будетъ вознаграждена она въ лучшемъ мірѣ за всѣ ея добродѣтели и утѣшена нашею горестію и сердечнымъ благоговѣніемъ къ ея памяти. Предпослѣднее твое письмо, любезный другъ, не оставляло большой надежды къ продолжительному сохраненію доброй нашей матери; однакоже,

---

[1]) 15-го февраля, изъ Тульчина.

[2]) 10-го августа, изъ Бухареста.

[3]) См. Т. I, стр. 273.

надѣясь ее застать, я испросилъ у Государя дозволеніе отправиться въ Москву, какъ въ то же время получилъ твое печальное увѣдомленіе отъ 8-го. Излишнимъ почитаю говорить тебѣ о душевной скорби моей; нѣтъ твердости, ни умозрѣнія, могущихъ отвратить первыя впечатлѣнія вѣчной разлуки. Она составляла связь, узелъ семейный; въ ней соединялись всѣ воспоминанія давнишней младенческой жизни. Въ послѣднее мое пребываніе въ Москвѣ я ужаснулся отъ найденной перемѣны въ наружномъ и даже нравственномъ ея состояніи; однажды она замѣтила и отгадала мои мысли. — Да, мнѣ дурно, мой другъ Павелъ, мы уже не увидимся, я года этого не переживу.—Предчувствіе сбылось, а я все былъ въ надеждѣ, что съ весною здоровье ея подкрѣпится и что мы сохранимъ хотя нѣсколько долѣе это живое выраженіе теплой и неизмѣнной къ намъ любви и попеченія. Пишу тебѣ въ отраду сердца; говорить о душевной скорби съ посторонними не люблю, а чувствую необходимость заняться воспоминаніемъ объ ней и потому не останавливаюсь къ вамъ отправить безсвязныя эти строки...“

„11-го февраля 1841 года. Воля и намѣреніе покойной матери нашей должны быть выполнены свято, а потому, что̀ и какъ нужно сдѣлать, увѣдомь о послѣдующемъ, а между тѣмъ прекрасныя строки усопшей я отправилъ къ брату Николаю“.

Такихъ писемъ безсердечные люди не пишутъ.

Воспоминаніе о матери на 76 году жизни (см. Т. III, стр. 355) показываютъ сколько сердечной теплоты хранилось въ душѣ Павла Дмитріевича.

Объ отношеніяхъ его къ братьямъ и сестрамъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующія слова изъ письма брата Сергѣя (отъ 8-го марта 1832 года), которому онъ прислалъ деньги на поѣздку въ Карлсбадъ: „Что вы всю жизнь вашу не дорожили золотомъ, это доказано предъ цѣлымъ свѣтомъ, слѣдовательно не 3 тыс. руб. важны, а сохраненіе вашей дружбы и при всякомъ случаѣ ваша попечительность обо всѣхъ насъ; вотъ, что дорого и чего не заплатить ни фразами, ни деньгами“.

Онъ въ особенности любилъ брата Николая, котораго онъ воспиталъ, способствовалъ его служебной карьерѣ и до конца велъ съ нимъ самую дружескую переписку.—Послѣ женитьбы этого брата въ 1863 году, простившись съ нимъ, Павелъ Дмитріевичъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „пусть онъ будетъ счастливъ, какъ онъ того заслуживаетъ и какъ я того желаю. Въ возрастѣ, котораго я достигнулъ, чувства болѣе или менѣе притупляются; но чувства мои къ брату еще болѣе усилились. Это моя послѣдняя любовь; онъ этого не знаетъ, но это такъ“.

Въ своемъ мѣстѣ (Т. I, стр. 254) мы разсказали прощаніе Киселева съ декабристомъ Басаргинымъ и привели письмо къ нему другаго декабриста Аврамова; но еще рельефнѣе выказывается характеръ Павла Дмитріевича въ исторіи его дуэли съ Мордвиновымъ (Т. I, стр. 174 и слѣд.). Во всей этой исторіи видны не только доброта и великодушіе, но и рыцарство, которое рѣдко обнаруживаютъ наши начальники къ своимъ подчиненнымъ. Вмѣсто того, чтобы „донести“, смѣстить или представить по начальству, Киселевъ принимаетъ вызовъ, подвергаетъ свою жизнь опасности и потомъ изъ своихъ ограниченныхъ средствъ обезпечиваетъ участь вдовы.

Корфъ, говоря о безсердечіи Киселева, упоминаетъ еще о томъ, что онъ разсорился съ своею женою *очень скоро послѣ брака.*

Павелъ Дмитріевичъ женился на графинѣ Софьѣ Станиславовнѣ Потоцкой въ 1821 г. — и до половины 1829 года между супругами сохранялись самыя дружескія отношенія; къ нарушенію ихъ въ концѣ того года подало поводъ вѣтренное поведеніе жены, къ которому онъ сначала относился снисходительно, а потомъ сношенія ея, жены русскаго генерала, съ польскими инсургентами. Какъ скорбно разрывъ супружеской жизни отозвался въ сердцѣ Павла Дмитріевича, видно изъ сохранившейся переписки его съ женою. Такъ при началѣ разрыва, именно въ послѣдней половинѣ 1829 года, 5-го (17-го) августа онъ писалъ ей:

..."Твое поведеніе прошедшее и настоящее налагаетъ на меня долгъ быть осторожнымъ и не дать себя обмануть возвышенностію души и принциповъ; они нѣкогда внушали мнѣ довѣріе и привязанность, которыя я оплакиваю доселѣ; съ отягченною душею и уязвленнымъ сердцемъ я не вижу предъ собою ничего, кромѣ скорби и несчастія. Я не имѣю никакихъ плановъ и предположеній на будущее: судьба поставила меня въ полудѣятельность, которая можетъ или продолжиться, или вдругъ перемѣниться. Сильныя впечатлѣнія мнѣ необходимы, и здѣсь въ нихъ недостатка нѣтъ; стрѣльба безъ результатовъ и ужасы чумы — необходимые спутники теперешней моей жизни; для славы мало, но довольно для возбужденія кровеобращенія, которое замедляется отъ горя. На конецъ войны я смотрю какъ на новое для меня несчастіе".

8-го (20-го) ноября 1833 г... "Я чувствую потребность жизни тихой и спокойной; мое одиночество меня убиваетъ; я не созданъ чтобы жить одному и еще менѣе, чтобы въ моей домашней жизни препираться о политическихъ мнѣніяхъ [1]).

27-го іюня 1834 года... "Вспомни наше прощаніе въ Кишиневѣ (1828 г.); я плакалъ тогда о нашей разлукѣ; я оставлялъ тебя съ растерзаннымъ сердцемъ; я предчувствовалъ, что это было прощаніе съ моею внутреннею жизнію, съ жизнію частнаго человѣка, столь для него существенною, и которою я пожертвовалъ обязанностямъ общественнаго дѣятеля".

Корфъ ошибается, говоря что у Киселева не было дѣтей и что "сердце его поэтому не было согрѣто отцовской любовію". У Павла Дмитріевича отъ жены Софьи былъ сынъ Владиміръ, родившійся въ 1822 году и скончавшійся въ началѣ февраля 1824 года. Смерть малютки скорбно отозвалась въ сердцѣ отца, какъ это видно изъ сохранившихся писемъ къ нему князя Сергія Волконскаго.

Корфъ говоритъ, что Киселевъ не имѣетъ друзей; но въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ противорѣчитъ сказанному, говоря, что "Великій князь Михаилъ Павловичъ вездѣ, и гла-

---

[1]) Послѣднія слова относятся къ объясненіямъ графини Киселевой причинъ ея политическаго настроенія тѣмъ, что она полька, и забыть этого не можетъ.

сно, называетъ Киселева своимъ другомъ, какъ-бы находя въ томъ собственное для себя возвышеніе".

Корфъ отрицаетъ даже дружбу между Орловымъ (А. Ѳ.) и Киселевымъ; между тѣмъ эта дружба связывала ихъ съ ранней молодости, чему доказательствомъ служатъ сохранившіяся письма Орлова, и ничѣмъ не была прерываема до смерти послѣдняго.

Такимъ людямъ какъ князь Сергій Волконскій, Денисъ Давыдовъ, Толстой (такъ называемый „американецъ"), Мих. Орловъ—нельзя отказать, несмотря на ихъ ошибки, ни въ умѣ, ни въ теплотѣ сердечной; а эти люди были съ Киселевымъ въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Изъ приведенной въ своемъ мѣстѣ переписки Закревскаго съ Киселевымъ видно, въ какихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ они были. Если въ этой дружбѣ можно подозрѣвать со стороны Киселева разсчетъ, то его никакъ не могло быть со стороны Закревскаго. Люди безсердечные, эгоисты, обыкновенно отворачиваются отъ бывшихъ друзей своихъ, когда счастіе отъ нихъ отворачивается. Не таковъ былъ графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ.—Когда графъ Закревскій оставилъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, вышелъ въ отставку, Киселевъ не отвернулся отъ него и въ 1834 году, по возвращеніи въ Петербургъ, говорилъ за него Государю [1]). Въ концѣ того же года, проѣздомъ чрезъ Москву, Киселевъ останавливался въ ней на нѣсколько дней и большую часть времени проводилъ у бывшаго подъ опалою М. Ѳ. Орлова.

Такъ безсердечные и ловкіе люди не поступаютъ.

Корфъ приводитъ слова графа Клейнмихеля о его короткости и дружбѣ съ Киселевымъ. Клейнмихель могъ это говорить (чего впрочемъ мы не знаемъ), могъ высказывать желаніе видѣть въ Киселевѣ друга; но онъ ошибался на счетъ истинныхъ ихъ отношеній.

Изъ государственныхъ людей, извѣстные своею гуманностію и честностію, князь Васильчиковъ, графъ Нессельродъ, графъ Блудовъ и Дашковъ были друзьями Киселева.

[1]) См. письмо Закревскаго Киселеву 1834 г.

Наконецъ, во время пребыванія Киселева въ Парижѣ, съ нимъ были въ самыхъ искреннихъ дружескихъ отношеніяхъ Берье, Рамбюто, лордъ Коулей.

Корфъ называетъ Киселева „своевольнымъ деспотомъ и „такимъ же какъ и другіе ложнымъ оберегателемъ казеннаго „интереса". Въ чемъ же и когда Киселевъ высказывалъ свой деспотизмъ? на это авторъ записокъ не указываетъ, да и не могъ указать. Люди съ деспотическимъ характеромъ, когда имъ дается власть, выказываютъ его въ крутыхъ мѣрахъ. Киселевъ не любилъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, и ни разу не прибѣгалъ къ нимъ; онъ самъ въ своей автобіографіи говоритъ, что „считалъ за счастіе, что не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастливымъ". И это осталось истиною во все продолженіе его жизни.

Мы указывали въ своемъ мѣстѣ [1]), что Павелъ Дмитріевичъ проникнутъ былъ чувствомъ законности, которую онъ старался водворять вездѣ, гдѣ представлялась ему возможность. Всякій произволъ власти возбуждалъ въ немъ негодованіе даже въ тѣхъ лѣтахъ, когда большею частью люди дѣлаются равнодушными ко всему. Живя въ Уши въ Швейцаріи, въ 1871 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (Павлу Дмитріевичу было тогда 83 года) онъ прочиталъ въ русскихъ журналахъ извѣстіе о безпорядкахъ въ Одессѣ между Греками и Евреями, въ первый день пасхи, и записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія знаменательныя слова: Les journaux russes rendent compte d'un désordre grave survenu entre Juifs et Grecs; répression *brutale* et *illégale*.

Корфъ видѣлъ въ Киселевѣ „ложнаго оберегателя казеннаго интереса". Въ чемъ же состояла эта лживость? Въ томъ ли, что Киселевъ, какъ и другіе, говоря о сбереженіи казенной собственности, на дѣлѣ допускалъ ея расхищеніе? Конечно нѣтъ, — какъ это видно изъ словъ самого Корфа, который съ негодованіемъ упрекаетъ Киселева въ томъ, что онъ первый провозгласилъ, что „казна есть вѣчный малолѣтній". Послѣдняя мысль понятна,

---

[1]) См. Т. II, стр. 175 и 189.

именно, что всегда есть масса людей, готовыхъ расхищать казну; поэтому она требуетъ, подобно малолѣтнему, охраны и защиты. Какъ же такую мысль могъ проводить ложный оберегатель казны? Если бы авторъ записокъ сужденія свои о характерѣ историческаго лица основывалъ на фактахъ, то онъ не могъ бы отрицать, что предъ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ незаконное пользованіе ими не составляло рѣдкаго, единичнаго, явленія, и не сказалъ бы, что возстановлять право казны значило „нарушать частныя права и частную собственность, класть ихъ на Прокустово ложе“.

Графъ Корфъ въ порицаніяхъ своихъ доходитъ до того, что не видитъ въ Киселевѣ ни „добросовѣстности, ни прилежанія къ дѣлу“.

Въ чемъ же состояла недобросовѣстность—Корфъ не говоритъ ни слова. Недобросовѣстность состоитъ въ томъ, когда человѣкъ сознательно высказываетъ или дѣлаетъ неправду. Но можно ли это сказать о Киселевѣ? Онъ могъ ошибаться какъ и всякій человѣкъ, но ошибка не есть еще недобросовѣстность, и приписывать ему этотъ порокъ—значитъ клеветать на него или не знать его и судить о немъ по навѣтамъ враговъ его.

Столь же несправедливъ отзывъ Корфа, что у Киселева не было прилежанія къ дѣламъ. Не такъ судили о Киселевѣ Закревскій, Витгенштейнъ, Дибичъ—цѣнившіе высоко трудолюбіе Киселева (Т. I, стр. 288, 297). А трудолюбіе—развѣ не синонимъ прилежанія? Здѣсь кстати приведемъ одно мѣсто изъ писемъ его къ брату Николаю (въ 1840 году), который жаловался ему на свое служебное положеніе. Видя, что причиною неудовольствія брата—множество работы, Павелъ Дмитріевичъ писалъ: „Я самъ, въ теченіи 12 лѣтъ, боролся съ трудностями, которыхъ нѣтъ въ твоемъ положеніи, и не имѣлъ тѣхъ удовольствій, которыя имѣешь ты, и при всемъ томъ, мое второстепенное положеніе было не дурно, чего не могли сказать мои предшественники, и этимъ я обязанъ *постоян-*

ному труду, который я продолжаю и теперь, будучи министромъ".

По словамъ Корфа, на Киселева нельзя было полагаться. „Его *да* иногда хуже чѣмъ у другаго *нѣтъ*. Притомъ и на самое его *да* положиться не всегда можно, и стихъ о немъ Пушкина, написанный 25 лѣтъ назадъ, все еще остается горькою правдою".

Корфъ указываетъ здѣсь на посланіе Пушкина А. Ѳ. Орлову, въ которомъ поэтъ говоритъ между прочимъ [1]):

„На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ:—
Онъ очень милъ, о томъ ни слова;
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ медленнымъ обѣдомъ,
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ .... придворный; обѣщанья
Ему не стоютъ ничего".

Подъ этимъ стихотвореніемъ выставленъ 1818 годъ, слѣдовательно оно относится къ ранней молодости поэта (ему тогда было не болѣе 19 лѣтъ) и къ тому времени, когда Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ не занималъ еще никакого административнаго поста, а слѣдовательно едва ли можно было ожидать какихъ-либо съ его стороны обѣщаній. А между тѣмъ въ томъ же стихотвореніи Пушкинъ называетъ Киселева „врагомъ коварства". Какъ же врагъ коварства можетъ быть въ то же время обманщикомъ? О какихъ обѣщаніяхъ Киселева говоритъ Пушкинъ, мы не знаемъ; не относятся ли они къ желанію его поступить въ гусары, о чемъ есть явный намекъ въ томъ же стихотвореніи? Вообще приведенные стихи не болѣе какъ острота, сорвавшаяся у Пушкина подъ какимъ-нибудь минутнымъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, что̀ съ нимъ, какъ извѣстно, случалось нерѣдко. Это скорѣе шалость избалованнаго юноши, чѣмъ серьезная мысль [2]). И что

---

[1]) См. Русскій архивъ П. Бартенева, 1876 г. № 10, стр. 231, и Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье подъ редакцій П. А. Ефремова. 1880 г. С.-Пб. Т. I, стр. 203.

[2]) Біографъ Пушкина П. В. Анненковъ, говоря о юности поэта, указываетъ

Пушкинъ въ дѣйствительности не считалъ Киселева за человѣка, на слово котораго нельзя положиться, лучшимъ доказательствомъ тому служитъ письмо поэта къ его брату, писанное позже, именно въ 1822 году изъ Кишинева, въ которомъ онъ совѣтуетъ Льву Сергѣевичу опредѣлиться въ корпусъ Раевскаго: „Скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ перевели бы тебя въ гвардію. *„Раевскій или Киселевъ — оба не откажутъ“*. Здѣсь Киселевъ ставится наравнѣ съ Раевскимъ, котораго Пушкинъ такъ любилъ и уважалъ. Онъ не могъ совѣтовать брату обратиться къ человѣку, которому „обѣщанья не стоятъ ничего“.

Наконецъ, Корфъ не совѣтуетъ никому имѣть дѣло съ Киселевымъ: „онъ васъ выдастъ и продастъ. Не идите тоже и служить къ нему: онъ потребуетъ отъ васъ невозможнаго, не оцѣнитъ нисколько вашего труда, стѣснитъ, задушитъ, выжметъ и потомъ броситъ“ [1]).

Не знаемъ, что дало поводъ графу Корфу сдѣлать столь рѣзкія порицанія характера Киселева? Кого онъ выдалъ и продалъ, кого изъ служащихъ онъ задушилъ или бросилъ? На это ни графъ Корфъ, никто изъ враговъ Киселева не могли бы дать отвѣта. Что касается до совѣта нейдти къ нему служить, — то лучшимъ опроверженіемъ такого совѣта можетъ служить отзывъ Басаргина о способности Киселева привязывать къ себѣ служившихъ у него. — Это качество онъ сохранилъ и впослѣдствіи, управляя княжествами, бывши министромъ и потомъ посломъ въ Парижѣ. Одно можно сказать о Киселевѣ, что онъ былъ чуждъ непотизму [2]), и вообще не былъ щедръ въ наградахъ или, лучше сказать, не разсыпалъ

на „привычку его къ глумленію и ѣдкой насмѣшкѣ“, на проявлявшуюся въ переп искѣ съ друзьями „удаль остроумія“, иногда чрезвычайно метко пятнавшую вы бранныя ею жертвы, которая не покидала его и въ сношеніяхъ съ такими людьми какъ Жуковскій и Карамзинъ. (Вѣстн. Европы. 1873 г. декабрь, стр. 459).

[1]) Это было писано въ 1849 году.

[2]) Можетъ быть въ отрицаніи непотизма гр. Киселевъ заходилъ даже слишкомъ далеко. Однажды, разговаривая со мною о Н. А. Милютинѣ, тогда еще второстепенномъ чиновникѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и отдавая полную справедливость его талантамъ, гр. Павелъ Дмитріевичъ сказалъ: „я давно бы взялъ его къ себѣ въ министерство, если бы онъ не былъ моимъ племянникомъ“.

ихъ, какъ то дѣлали другіе; и тутъ онъ руководствовался государственною мыслію, что награды, какъ средство поощренія, должны раздаваться съ разсчетомъ, дабы не уронить ихъ цѣну.

Къ замѣчаніямъ о томъ, что Киселевъ выжималъ изъ служащихъ, что ему было нужно и потомъ бросалъ ихъ, могло бы дать поводъ то обстоятельство, что гораздо позже, именно въ 1856 году, оставляя министерство государственныхъ имуществъ, онъ не упрочилъ положенія статсъ-секретаря Карнеева, бывшаго при немъ сначала правителемъ канцеляріи въ княжествахъ, а потомъ управляющимъ V Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но причина тому—нравственный характеръ самого Карнеева и личное о немъ мнѣніе Государя.

Чему же приписать столь явно несправедливыя порицанія графомъ Корфомъ характера Киселева? Отвѣтъ на это мы находимъ въ тѣхъ же запискахъ. Авторъ ихъ говоритъ: „Извѣстные его (Киселева) замыслы объ эманципаціи крѣпостныхъ людей уже давно навлекали непріязнь къ нему помѣщичьяго сословія“. Корфъ былъ проникнутъ духомъ этого сословія и потому раздѣлялъ его предубѣжденія, его привязанности и ненависти. Извѣстно, что такъ называемые крѣпостники въ ненависти своей къ эманципаторамъ не останавливались ни передъ какими даже самыми безсмысленными нареканіями и клеветами на нихъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили о бережливости Киселева въ расходахъ государственныхъ (Т. II, стр. 198); это качество онъ сохранялъ и въ частной своей жизни. Здѣсь кстати приведемъ письмо его къ брату Николаю, рисующее характеры обоихъ братьевъ. 6-го января 1839 г. „Сколь ни красно описываешь необходимость чрезвычайныхъ своихъ расходовъ, однако-же, я сознаюсь, что въ этой необходимости я недостаточно убѣжденъ. О квартирѣ не говорю, не зная потребностей, но въ общемъ моемъ понятіи лучше похуже жить чѣмъ наживать долги. *Независимость*—первѣйшее благо—для каждаго заключается въ достаткѣ; не имѣть его значитъ закабалить себя другимъ

и вотъ настоящая бѣда. Я при женитьбѣ, послѣ 15-ти-лѣтней суетной жизни, имѣлъ всего 28 т. руб. асс. долга, а теперь ни гроша; живу умѣренно доходами и жалованьемъ и всегда готовъ умѣрить еще болѣе свои расходы при уменьшеніи способовъ. Подъ старость достатокъ еще болѣе необходимъ. Сказавъ однако же что̀ думаю, ты конечно увѣренъ, что я не проповѣдываю скупость и не нахожу нужнымъ копить деньги, но беречь на черный день—дѣло благоразумное и полезное поколику оно возможно безъ излишнихъ житейскихъ пожертвованій"...

Графъ Павелъ Дмитріевичъ любилъ собственныя свои дѣла держать въ порядкѣ и потому ежемѣсячно самъ сводилъ итоги своихъ расходовъ и расплачивался аккуратно.

Когда въ сентябрѣ 1867 года камердинеръ представилъ ему счетъ расходамъ за августъ мѣсяцъ (4,915 фран.), онъ замѣтилъ, что „это много по его образу жизни"; но, по предшествующимъ примѣрамъ, ничего не исправилъ, лишь бы въ бюджетѣ его не нарушилось равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. „Я всегда", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „избѣгалъ дѣлать долги, считая ихъ добровольнымъ рабствомъ, къ которому я съ молодыхъ лѣтъ питалъ отвращеніе".

При своей бережливости онъ не былъ скупъ: тратилъ деньги не на одного себя, оказывалъ пособіе роднымъ, а часто и постороннимъ лицамъ, обращавшимся къ нему съ просьбами. Вообще же онъ жилъ прилично своему общественному положенію; у него былъ всегда хорошій столъ, къ которому онъ любилъ приглашать нѣсколько человѣкъ гостей.

Занимая дипломатическій постъ при французскомъ дворѣ, гр. Павелъ Дмитріевичъ изъ назначеннаго ему отъ правительства содержанія не оставлялъ себѣ ничего, а все тратилъ на прямое его назначеніе, на поддержаніе достойно представительства великой державы. Домъ русскаго посла въ Парижѣ извѣстенъ былъ своимъ гостепріимствомъ.

Къ слугамъ своимъ онъ относился гуманно и снисходительно. Въ 1861 году, во время пребыванія въ Баденъ-Баденѣ, камердинеръ его представилъ счетъ издержкамъ, при-

знался, что онъ проигралъ въ рулетку 300 фр. и просилъ ссудить ему эту сумму, обѣщая заплатить ее по возвращеніи въ Парижъ изъ своихъ сбереженій. „Сказавши ему, что онъ дурно сдѣлалъ“, записано въ дневникѣ, „я ссудилъ ему 1,000 фр., которые онъ, чрезъ три дня по возвращеніи въ Парижъ, возвратилъ мнѣ, обѣщая никогда не пускаться въ игру; — и ты сдѣлаешь хорошо, сказалъ я, ибо отъ твоего поведенія зависитъ обезпеченіе твоей будущности болѣе прочнымъ способомъ, чѣмъ игрою“.

Въ 1863 году, въ апрѣлѣ, повѣряя мѣсячный счетъ своихъ домашнихъ издержекъ, онъ замѣтилъ, что онѣ ростутъ по многимъ статьямъ; управляющій домомъ объяснялъ ему это переѣздомъ въ новое помѣщеніе изъ посольскаго дома. Гр. Павелъ Дмитріевичъ вспомнилъ при этомъ совѣтъ герцогини Деказъ, которая ему говорила: „Если вы хотите завести новый порядокъ и экономію въ вашемъ домѣ, то начните съ перемѣны всѣхъ служителей, потому что съ старыми у васъ будетъ безпорядокъ и расхищеніе“. „Она говорила правду“, замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ графъ; „я видѣлъ недостатки, но не имѣлъ силы имъ помочь. Отослать изъ моихъ старыхъ служителей нѣкоторыхъ и замѣнить ихъ новыми было бы наказаніемъ первыхъ и не менѣе тяжкое для меня самаго“.

Въ апрѣлѣ 1866 года Киселевъ получилъ извѣстіе о кончинѣ М. И. Пеканова, 43 года завѣдывавшаго его хозяйственными дѣлами [1]).

Въ слѣдующемъ году (18-го іюня) онъ получилъ извѣстіе о смерти жены Пеканова и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Кончина Прасковьи Александровны Пекановой возлагаетъ на меня святую обязанность печься о двухъ сиротахъ послѣ моего вѣрнаго и долголѣтняго служителя“. Сынъ и дочь были помѣщены на счетъ гр. Киселева въ учебныя заведенія съ платою по 700 руб., и сверхъ того Павелъ Дмитріевичъ оставилъ имъ капиталъ въ 14 т. р. с.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ и графъ Корфъ, видѣли въ Киселевѣ высокомѣріе, надменность. Но они ошибались: чув-

---

[1]) См. выше, стр. 389.

ство своего достоинства, стараніе его поддержать не есть высокомѣріе. Киселевъ по своему уму, по своимъ талантамъ, безъ сомнѣнія, стоялъ выше всѣхъ своихъ коллеговъ; онъ сознавалъ свое превосходство и сознаніе это могло выказываться въ его словахъ, въ его обращеніи, и, конечно, не безъ основанія. Надменный человѣкъ приписываетъ самъ себѣ качества, которыхъ не имѣетъ, и отсутствіе которыхъ видятъ другіе. Надменные люди не привязываютъ къ себѣ никого; въ наружныхъ знакахъ почтительности недостатка не бываетъ и у этихъ людей, когда они занимаютъ высокое положеніе и держатъ въ рукахъ власть; но разъ они сходятъ съ этого положенія, разъ ускользаетъ власть изъ ихъ рукъ, ихъ оставляютъ всѣ. Не то было съ Киселевымъ. Когда онъ оставилъ высокій служебный постъ, сошелъ съ политической сцены, сдѣлался частнымъ человѣкомъ, сталъ жить уединенно старымъ инвалидомъ, ему продолжали оказывать знаки уваженія не только его старинные друзья, но и почти вся русская колонія въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ лица болѣе значительныя; и Павелъ Дмитріевичъ глубоко цѣнилъ это вниманіе къ нему какъ частному человѣку. „Когда живешь въ уединеніи то эти знаки“, записалъ онъ въ дневникѣ, „дѣлаются дороги и оживляютъ сердце, которое съ лѣтами дѣлается недовѣрчивымъ. Можетъ быть я преувеличиваю мое ничтожество въ свѣтѣ, но я сознаю его внутренно и оттуда моя робость“.

Въ іюлѣ 1866 года, при отъѣздѣ его изъ Парижа въ Швейцарію, три лица: гр. Муравьевъ-Амурскій, Н. В. Ханыковъ и священникъ Васильевъ пришли на Ліонскую станцію проводить его; онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Этотъ дружескій привѣтъ я умѣю цѣнить, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что онъ совершенно безкорыстный и безъ всякихъ заднихъ мыслей“.

Киселевъ былъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, которыми не поступался даже предъ настояніями дружбы. Свидѣтельство тому приведенная нами переписка его съ княземъ Воронцовымъ по Закавказскимъ дѣламъ [1]).

[1]) См. Т. II, стр. 140 и слѣд.

Въ 1855—1856 году разсматривался въ комитетѣ министровъ представленный бывшимъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Перовскимъ проектъ о преобразованіи управленія Внутренней Киргизской Орды; Киселевъ сильно возражалъ и въ особенности на несвоевременность проекта. Гр. Перовскій этимъ обидѣлся и въ частномъ письмѣ упрекалъ Киселева въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе ни весьма трудныхъ обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ воли Перовскаго, ни причинъ, приводимыхъ въ подкрѣпленіе предлагаемыхъ имъ мѣръ. Киселевъ въ отвѣтѣ своемъ, благодаря Перовскаго за его дружеское письмо, прибавляетъ: „мое правило никогда не смѣшивать моихъ интимныхъ чувствъ съ моими обязанностями служебными, какъ я ихъ понимаю".

Отказъ его отъ предсѣдательства въ Государственномъ Совѣтѣ (Т. III, стр. 202) и объясненіе причинъ тому выказываютъ въ характерѣ Павла Дмитріевича высокую честность и стоическое самообладаніе, доступное не многимъ.

Называя кого-либо человѣкомъ придворнымъ, обыкновенно тѣмъ самымъ присвоиваютъ ему качество льстеца, интригана, мѣняющаго свои убѣжденія, смотря по тому откуда и куда дуетъ вѣтеръ. Въ этомъ смыслѣ Киселева нельзя было назвать человѣкомъ придворнымъ, хотя онъ былъ человѣкомъ весьма близкимъ ко Двору. Онъ не былъ льстецомъ. Въ доказательство здѣсь можно указать для примѣра на дѣло по вопросу о правѣ помѣщиковъ въ западныхъ губерніяхъ отдавать имѣнія въ аренду (см. Т. II, стр. 316 и Т. IV, стр. 242).

Въ запискѣ, изготовленной въ видѣ матеріала для исторіи Императора Николая, и, вѣроятно, переданной Полю Лакруа, находится слѣдующій разсказъ графа Киселева: „Императоръ Николай въ избыткѣ откровенности не всегда былъ воздерженъ на языкъ. Однажды на семейномъ обѣдѣ (насъ было 4, въ томъ числѣ я одинъ былъ посторонній). Е. В. сталъ сильно порицать Людовика-Филиппа. Я позволилъ себѣ замѣтить, что дворецкій (maître d'hôtel), который служилъ за столомъ, былъ французъ.—Ну, чтожъ?—сказалъ Государь.—Но его нескромность... Императоръ не далъ мнѣ докончить и от-

вѣчалъ, что этого рода нескромность лучшее наказаніе за дурныя дѣла, и если за мною шпіонятъ, то на свои деньги... Баронъ П. К. Мейендорфъ, человѣкъ весьма также близкій ко Двору, передавалъ намъ не разъ, что никто изъ окружавшихъ Императора Николая не говорилъ ему такъ смѣло, такъ прямо, какъ Киселевъ. Но при его тонкомъ умѣ онъ зналъ когда и что слѣдовало говорить. Онъ не мѣшался ни въ какія придворныя интриги, не терпѣлъ интригъ и вокругъ себя.

Къ врагамъ своимъ относился или съ великодушіемъ, или съ презрѣніемъ, но никогда мщеніе не было присуще его жизни. Самый неутомимый порицатель его, по управленію министерствомъ государственныхъ имуществъ, былъ М. Н. Муравьевъ. Киселевъ зналъ это, и мстилъ ему только тѣмъ, что въ дружескомъ разговорѣ съ близкими ему людьми Муравьева называлъ Роберъ-Макеромъ. Однажды этотъ Роберъ-Макеръ пріѣхалъ къ Киселеву съ визитомъ и въ самыхъ льстивыхъ словахъ сталъ расточать похвалы управленію министерствомъ. Киселевъ слушалъ его долго, и наконецъ прервалъ его такъ: „Михаилъ Николаевичъ, до меня доходятъ другія ваши слова, именно порицанія, разсѣваемыя вами направо и налѣво, о моихъ дѣйствіяхъ какъ министра; если одна десятая часть справедлива изъ того, что мнѣ передавали, то я удивляюсь только одному: какъ у васъ достаетъ духа говорить то, что вы говорите мнѣ теперь?“ Но М. Н. Муравьевъ и тутъ не сконфузился.

Хотя гр. Павелъ Дмитріевичъ несомнѣнно былъ способенъ говорить хорошо въ общественныхъ собраніяхъ, однако-жъ онъ не считалъ даръ слова настолько въ себѣ развитымъ, настолько обработаннымъ, насколько то требуется отъ оратора въ истинномъ смыслѣ этого слова, и для чего недостаточно владѣть способностію изливать потоки словъ, но необходимо еще тщательное, обдуманное изученіе ораторскаго искусства (см. Т. III, стр. 356).

Если ему представлялось защищать какое-либо сложное дѣло, то онъ не полагался никогда на импровизацію, но на-

брасывалъ на бумагѣ предварительно тѣ мысли, которыя готовился излагать предъ собраніемъ.

Онъ, какъ и большая часть его сверстниковъ, писалъ невсегда грамматически правильно; но самое изложеніе мыслей всегда у него было логическое, ясное и нерѣдко даже изящное. Вообще онъ любилъ слогъ краткій, положительный. Въ дневникѣ 1863 года, подъ 6 іюля, онъ, между прочимъ, записалъ: „Я рѣдко читаю литературные фельетоны и еще рѣже Жюль-Жанена, который употребляетъ *прилагательныя* безъ всякой мѣры для полноты, какъ говорятъ, слога. Онъ злоупотребляетъ ими такъ, что я получилъ отвращеніе къ его еженедѣльнымъ критикамъ театра. Молодые писатели берутъ его слогъ за образецъ и даже стараются превзойти его. Чтобы исправиться пусть читаютъ древнихъ“.

Онъ не любилъ никакой аффектаціи. Прочитавъ брошюру Прудона *Sur les démocrates assermentés et les réfractaires*, онъ замѣчаетъ [1]): „Это новое произведеніе пылкаго публициста, какъ и прежнія, отличается идеями остроумными, оригинальными и перемѣшанными съ безсвязностію (incohérence), которую можно объяснить только страстью французовъ добиться эффекта преувеличиваніями всякаго рода. Живописцы, музыканты, фельетонисты, военные въ ихъ поступи и осанкѣ, всѣ хотятъ превзойти своихъ предшественниковъ и достигаютъ этого увеличеніемъ дурнаго вкуса; онъ легче прививается, чѣмъ хорошее и естественное, которое не дается всякому“.

Съ молодыхъ лѣтъ гр. Павелъ Дмитріевичъ сталъ все свободное время посвящать чтенію, преимущественно историческихъ сочиненій. Любимыми его авторами были древніе: Тацитъ, Светоній, Плутархъ. „Плутархъ въ теченіи 30 лѣтъ,— пишетъ Павелъ Дмитріевичъ, подъ 1865 годомъ, въ своемъ дневникѣ,—составляетъ мое любимое чтеніе“.

Гр. Павелъ Дмитріевичъ въ обыкновенномъ разговорѣ не касался религіозныхъ предметовъ, хотя его высокій умъ не могъ обходить великіе вопросы человѣчества. Въ Евангеліи онъ признавалъ истинное и возвышенное ученіе: „Оно было

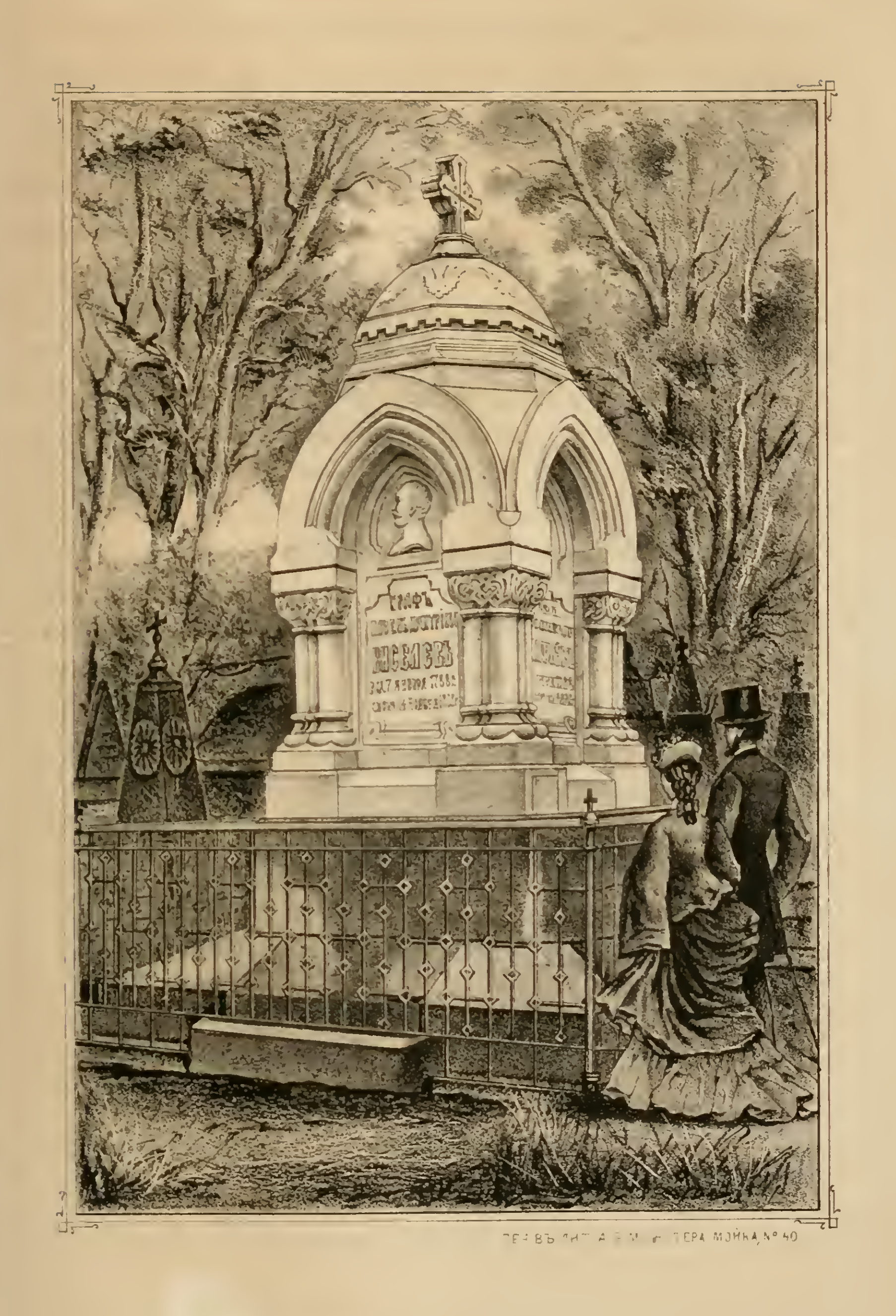
[1]) Въ дневникѣ подъ 25 мая 1863 г.

бы еще возвышеннѣе,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ 1866 года,—еслибы догматическая религія не затемнила его и не сдѣлала болѣе труднымъ къ пониманію людей простыхъ, между которыми и я люблю себя помѣщать. Въ концѣ XX-го вѣка христіанство сброситъ съ себя всѣ эти искусственныя одежды и явится въ первоначальной своей простотѣ". Онъ вѣрилъ въ будущность христіанства. „Буддисты, магометане и другіе, при развитіи сообщеній между народами земнаго шара, рано или поздно поймутъ ученіе Евангелія и послѣдуютъ ему съ измѣненіемъ формъ и обрядовъ, но съ основною мыслію взаимной любви и снисхожденія къ недостаткамъ ближняго".

Онъ исполнялъ обряды церкви, не придавая имъ ничего существеннаго. Онъ каждый годъ говѣлъ не по убѣжденію въ необходимости этого обряда, а чтобы сдержать слово, данное своей матери. Въ дневникѣ 1869 года подъ 3 апрѣля у него записано: „Говѣлъ по данному мною обѣщанію при отъѣздѣ изъ Москвы на службу въ 1806 году доброй и любимой моей матери; я исполнялъ это обѣщаніе всегда, даже заграницею, во время похода 1812, 1813, 1814 и 1815 года. Я не убѣжденъ въ спасеніи души выполненіемъ церковнаго обряда; но здѣсь оно сливается съ воспоминаніемъ для меня драгоцѣннымъ и которое надѣюсь сохранить до послѣдней минуты жизни".

Въ томъ же году, подъ 26 іюня, онъ, по поводу фейерверка въ Уши, записалъ: „блескъ на минуту, потомъ дымъ и затѣмъ *ничто* (néant), неизбѣжный результатъ всего, что имѣетъ начало. Безсмертно только то, что не имѣетъ начала: *Богъ* или *природа*".

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПЕЧ. ВЪ ЛИТ. … МОЙКА, № 40

ПАМЯТНИКЪ НАДЪ МОГИЛОЮ

ГРАФА П. Д. КИСЕЛЕВА

ВЪ МОСКВѢ ВЪ ДОНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЧАСТЬ I-я.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ВЪ ПАРИЖѢ.

ГЛАВА XLV.

1856—1857 годъ.

ГЛАВА XLVI.

1858 годъ.

ГЛАВА XLVII.

1859 годъ.

ГЛАВА XLVIII.

1860 годъ.

СТРАН

ГЛАВА XLIX.

1861 годъ.

СТРАН.

ГЛАВА L.

1862 годъ.

ЧАСТЬ 2-я.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГРАФА П. Д. КИСЕЛЕВА.

ГЛАВА LI.

1863 годъ.

ГЛАВА LII.

1864 годъ.

ГЛАВА LIII.

1865 годъ.

ГЛАВА LIV.

1866 годъ.

ГЛАВА LV.

1867 годъ.

ГЛАВА LVI.

1868 годъ.

ГЛАВА LVII.

1869 годъ.

ГЛАВА LVIII.

1870—1872 годъ.

ГЛАВА LIX.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.